

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Stanford University Libraries

3 6105 028 069 206

064.7
L5662
vol.32

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARY
STACKS
AUG 28 1978

reprinted on
demand by
**University
Microfilms
International**

Ann Arbor • London

TSEKOVNOSLAVIANSKIE ELEMENTY
U SOVREMENNOM LITERATURNOM I
NAPODNOM
Pt. 1
S. Bulich

**This is an authorized facsimile of the original book,
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England**

Ленинград. Университет. Историко-филологический
факультет. Записки

ЗАПИСКИ

Записки

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

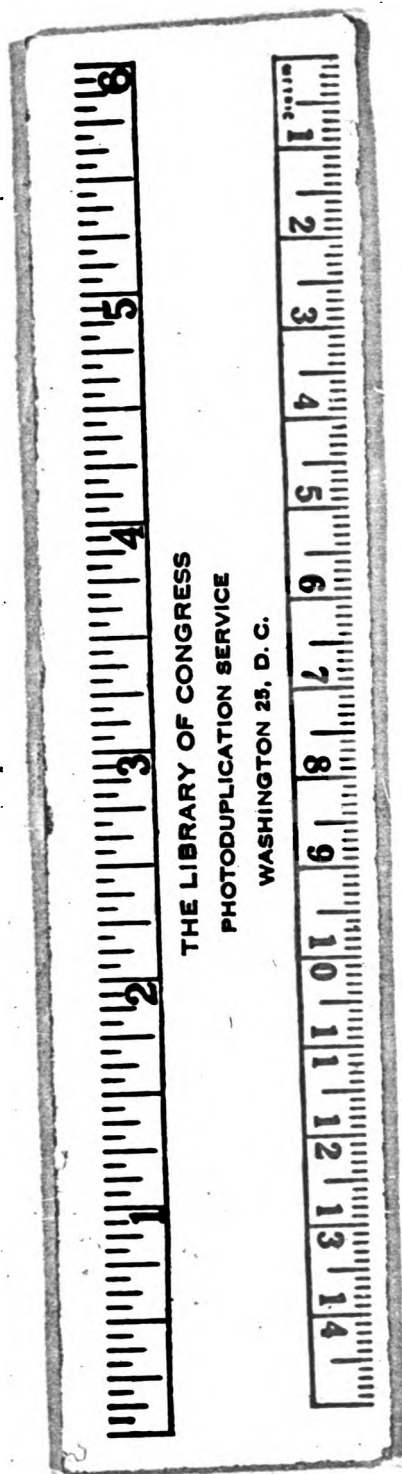
ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1893.

Ленинград

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

vol 32

ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

32

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

AS262
L4223

THE JOURNAL OF THE

ROYAL SOCIETY OF MEDICINE

VOLUME 100 PART 1

JANUARY 1997

?

THE JOURNAL OF THE
ROYAL SOCIETY OF MEDICINE

С. Буличъ.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ

ВЪ

СОВРЕМЕННОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ И НАРОДНОМЪ

РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

ЧАСТЬ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1893.

In Exchange
Univ. of California
JUL 23 1933

61

3

ПАМЯТИ

учителя и друга

Н. В. КРУШЕВСКАГО

авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Работа эта первоначально была задумана въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Авторъ предполагалъ дать, какъ вступительныя главы, общій очеркъ процесса заимствованія, обзоръ литературы вопроса о церковнославянскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ, краткую общую характеристику церковнославянскаго языка поздняго періода (того періода по преимуществу, въ который, благодаря книгопечатанію, вліяніе церковнославянскаго на устный и особенно письменный, литературный языкъ должно было сказываться болѣе сильно), и затѣмъ представить полную картину отношеній, созданныхъ въ русскомъ языкѣ заимствованіемъ церковнославянскихъ элементовъ.

При этомъ авторъ имѣлъ и имѣетъ въ виду изученіе процесса заимствованія вообще, какъ одного изъ весьма важныхъ факторовъ развитія языка, значеніе котораго теперь все болѣе и болѣе признается въ наукѣ о языкѣ. Точка зрѣнія, съ которой предполагалось и предполагается разсматривать церковнославянскія заимствованія въ этой работѣ—общесравнительная, имѣющая цѣлью выяснить не только фактическія отношенія вопроса, но и сдѣлать изъ нихъ извѣстные общіе выводы, важные въ методологическомъ отношеніи. Такъ какъ главный матеріалъ былъ уже ранѣе собранъ, то авторъ разсчитывалъ вскорѣ же приступить собственно къ его разработкѣ. Но, пытаясь установить характеристическія черты церковнославянскаго языка позднѣйшаго періода, авторъ скоро убѣдился въ необходимости самостоятельнаго изслѣдованія въ этой области, въ виду крайней скудости и недостаточности матеріала, имѣвшагося по этой части въ научной нашей литературѣ *).

*) Почти единственная попытка обработки этого матеріала—Грамматика славяно-церковнаго языка новаго періода В. Классовскаго. Спб. М. О. Вольфъ. 2-е измѣненное изданіе 1867, 5-е безъ перемѣнъ 1887.

предполагавшійся сжатый очеркъ церковнославянскаго языка разросся до такихъ размѣровъ, что автору пришлось разбить всю работу на двѣ части, изъ которыхъ первая и повергается теперь на судъ компетентныхъ цѣнителей. Вторая часть уже будетъ разсматривать самыя церковнославянскія заимствованія въ фонетическомъ, морфологическомъ и семаіологическомъ отношеніяхъ. Выступая въ первый разъ съ болѣе обширной работой, авторъ вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность высказать свою живѣйшую признательность лицамъ и учрежденіямъ, такъ или иначе помогавшимъ ему въ настоящей работѣ: прежде всего учителю своему, извѣстному языковѣду-слависту, профессору И. А. Бодуэну де Куртенэ, лекціямъ, научнымъ бесѣдамъ и совѣтамъ котораго авторъ много обязанъ первымъ пробужденіемъ научнаго интереса къ области явленій языка и своимъ дальнѣйшимъ научнымъ развитіемъ; другому учителю своему, бывшему профессору Казанскаго Университета М. П. Петровскому, который самымъ радушнымъ образомъ предоставлялъ автору многія рѣдкія старопечатныя книги своей прекрасной библіотеки; приватъ-доценту С.-Петербургскаго Университета П. А. Сырку, благодаря любезности котораго авторъ могъ пользоваться также нѣкоторыми рѣдкими старопечатными книгами Русскаго Отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, и Императорскому С.-Петербургскому Университету, давшему средства для печатанія этой работы. Авторъ не можетъ здѣсь благодарить еще одного своего учителя (которому онъ, быть можетъ, болѣе всего обязанъ своимъ научнымъ развитіемъ), потому что его уже нѣтъ въ живыхъ. Памяти этого преждевременно и трагически погибшаго для науки талантливаго ученаго посвящается настоящая работа, тема которой указана была автору покойнымъ.

Спб. 14 мая 1893 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Введеніе. О процесѣ заимствованія въ языкѣ	1— 56
Глава I. Обзоръ литературы вопроса	57—129
Глава II. Церковнославянскій языкъ:	
§ 1. Языки старославянскій и церковнославянскій	130—131
§ 2. Фонетическія особенности церковнославянскаго языка.	
1. Вокализмъ. Живое произношеніе	131—145
2. Церковнославянскій консонантизмъ	135—156
§ 3. Морфологическія особенности церковнославянскаго языка. А. Склоненіе. Отличія, обусловленныя из- мѣненіями фонетическими спонтаненческими.....	156—159
Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими ком- бинаторными.....	159—162
§ 4. Общая характеристика церковнославянскаго скло- ненія	162—163
§ 5. Склоненіе бывшихъ основъ на сі- (і-)	163—169
§ 6. Склоненіе бывшихъ м. и ср. р. основъ на соглас- ный п-	169—175
§ 7. Склоненіе первичной основы на п- дѣнь.....	175—176
§ 8. Склоненіе бывшихъ основъ на ег-	176—178
§ 9. Склоненіе бывшихъ основъ на ес-.....	178—182
§ 10. Склоненіе бывшихъ основъ на пѣ-	182—184
§ 11. Склоненіе бывшихъ основъ на ѱ-.....	184—186
§ 12. Склоненіе бывшихъ основъ м. р. на еи- (и-)... ..	186—190
§ 13. Склоненіе бывшихъ основъ на а-, ја-	190—205
§ 14. Склоненіе бывшихъ основъ м. и ср. р. на о- ..	205—227
§ 15. Склоненіе бывшихъ основъ м. и ср. р. на ю- ..	227—246
§ 16. Имена прилагательныя и причастія простыя....	246—251
§ 17. Мѣстоименія.....	251—288
§ 18. Имена прилагательныя и причастія сложныя ...	288—303

	Стр.
§ 19. Степени сравненія	303—305
§ 20. Имена числительныя	305—310
§ 21. Б. Глаголь. Личныя окончанія первичныя.....	310—319
Личныя окончанія вторичныя	319—324
§ 22. Образованіе глагольныхъ формъ.....	324—325
Повелительное наклоненіе	325—334
Причастіе настоящаго времени дѣйств. и страдат.	
залоговъ	334—349
§ 23. Аористъ и имперфектъ	349—373
§ 24. Причастія прошедшаго времени дѣйств. и страд.	
залоговъ	373—385
§ 25. Перифрастическія выраженія	385—396
§ 26. Страдательный залогъ	396—398
§ 27. Неопредѣленное наклоненіе и сущинъ	398—399
Заключеніе.....	399—406

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящая работа посвящена изслѣдованію лексическихъ, фонетическихъ и морфологическихъ элементовъ, вошедшихъ въ русскій литературный и народный (насколько это было возможно прослѣдить) языкъ изъ церковно-славянскаго въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ ихъ очень близкой совмѣстной жизни.

Прежде чѣмъ перейти къ непосредственной задачѣ настоящаго изслѣдованія, намъ кажется не лишнимъ рассмотретьъ явленіе языковаго заимствованія вообще и выяснитъ понятіе о немъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ факторовъ развитія языка.

Какъ мы увидимъ ниже, заимствованіе увеличиваетъ лексическое богатство языка, служитъ источникомъ новыхъ корней, суффиксовъ и префиксовъ, даже грамматическихъ формъ, имѣетъ весьма важное значеніе для семасіологическаго развитія и является вполне неизбѣжнымъ слѣдствіемъ какъ наличныхъ, такъ и уже не существующихъ историческихъ, культурныхъ и социальныхъ условій, а также и общихъ свойствъ человѣческой природы вообще.

Между тѣмъ, до послѣдняго времени лингвисты очень мало обращали и обращаютъ вниманія на данное явленіе, во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ оно заслуживаетъ по своему значенію въ жизни языка. Въ наиболѣе извѣстныхъ трудахъ, посвященныхъ общимъ вопросамъ методологіи языкознанія и принадлежащихъ Дельбрюку, Витнею, М. Мюллеру ¹⁾, вопросъ о заимствованіи

¹⁾ Delbrück. B. Einleitung in das Sprachstudium. Первое изд. Leipzig 1880, второе 1884.

совершенно или почти совершенно обходится молчаніемъ. Даже въ лучшей, наиболѣе обстоятельной работѣ этого рода, — *Prinzipien der Sprachgeschichte* Пауля, глава, посвященная вопросу о заимствованіи, явилась только во второмъ изданіи (Halle 1886), а въ первомъ (1880), кромѣ весьма немногочисленныхъ и разбросанныхъ, случайныхъ замѣчаній, о заимствованіи не было и рѣчи.

Работы Маденауера, Миклошича, Брюкнера, Вейзе и Шухардта ¹⁾ являются въ современной научной литературѣ почти единственными крупными работами, посвященными изслѣдованію занимающаго насъ явленія въ области индо-европейскихъ языковъ. Да и большинство этихъ работъ имѣетъ характеръ главнымъ образомъ словарный (работа Маденауера, большинство работъ Миклошича) и воздерживается отъ какихъ-либо выводовъ и обобщеній. Только въ работахъ Вейзе и Шухардта встрѣчаемъ стремленіе проникнуть въ самую сущность даннаго явленія, изучить и представить его характерныя черты.

Whitney. W. D. *Die Sprachwissenschaft*. Нѣмецкая обработка Jolly. München 1874.

M. Müller. *Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache*. 1-я и 2-я серия въ обработкѣ Böttger'a (Leipzig 1875, 1870).

¹⁾ Matzenauer Ant. *Cizí slova ve slovanských řečech*. V Brně 1870.

Miklosich. F. *Die slavischen Elemente im Neugriechischen*. Wien. 1870.

„ „ „ „ „ *Magyarischen* „ 1872.

„ „ „ „ „ *in den Mundarten der Zigeuner* 1872.

„ „ „ „ „ *im Rumunischen*. Wien. 1862.

„ „ „ „ „ *Albanischen* „ 1870.

„ *Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen*. Wien. 1867.

„ *türkischen Elemente in den südost-und osteuropäischen Sprachen*. Wien. 1885.

„ *romanischen Elemente im Albanischen* 1871.

„ *christliche Terminologie der slavischen Sprachen*. Wien

1875.

Brückner. A. *Litu-slavische Studien*. I. Theil. *Die slavischen Fremdwörter im Litauischen*. Weimar. 1887.

Weise. Fr. O. Dr. *Die griechischen Wörter im Latein*. Leipzig. 8°. VIII. 544. 1882.

Schuchardt. H. *Slavo-deutsches und slavo-italienisches*. Graz. 1835. 4o. 140.

Веске. *Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка*. Казань. 1890.

Краткій очеркъ относящейся сюда литературы см. у О. Шрадера въ его *Sprachvergleichung und Urgeschichte*. 2 изд. 1890, стр. 102—110.

Нѣкоторые прежніе ученые, какъ, напримѣръ, Гейзе ¹⁾, были даже склонны смотрѣть на заимствованіе, какъ на факторъ разрушительнаго свойства, влекущій за собой паденіе языка и полное его преобразование, какъ на порчу языка. Такъ, примѣсью чуждыхъ элементовъ Гейзе объясняетъ переходъ языковъ изъ синтетическаго состоянія въ аналитическое, образование такъ называемыхъ „производныхъ“ языковъ (*abgeleitete Sprachen*) изъ „основныхъ“ (*Stammsprachen*) и т. д. ²⁾

Въ настоящее время этотъ взглядъ не раздѣляется ни однимъ серьезнымъ ученымъ ³⁾, тѣмъ болѣе, что и во взглядахъ на то, что считалось прежде паденіемъ языка, произошелъ коренной переворотъ.

Тѣмъ не менѣе, въ образованныхъ слояхъ общества, у многихъ литераторовъ и даже филологовъ подобные взгляды на заимствованіе не рѣдкость. Обыкновенно такіе взгляды находятся въ связи съ преувеличеннымъ и ложно понимаемымъ патріотиз-

¹⁾ *System der Sprachwissenschaft*. Berlin. 1856. § 84 и слѣд.

²⁾ § 81. Основные языки—языки первичной формаціи. Въ нихъ запасъ словъ не перемѣшанъ съ преобладающими чужими элементами, и грамматическая система развита по «собственному» принципу образованія. Ихъ развитію не мѣшала никакая «чуждая сила», и они «даже въ своихъ послѣднихъ стадіяхъ постоянно способны къ образованію и развитію изъ собственной физической силы».

Производные языки — языки вторичной формаціи, образовавшіеся изъ основныхъ «черезъ совершенное разложеніе стараго языковаго матеріала или преобладающее вліяніе новаго, чуждаго элемента и переобразование по новому принципу, слѣдовательно основанные на окончательномъ разрушеніи и переобразованіи природнаго организма основнаго языка».

Какъ примѣръ Гейзе приводитъ романскіе языки.

§ 88. Древне-греческій языкъ умеръ медленной смертью, послѣ того какъ онъ совершенно выродился вмѣстѣ съ паденіемъ древне-греческаго народнаго духа. Греческая имперія была часто опустошаема походами чуждыхъ племенъ, и наконецъ греки были тяжело угнетены владычествомъ турокъ. Такимъ образомъ организмъ ихъ языка при падающей силѣ народнаго духа и проникновеніи въ него многочисленныхъ чуждыхъ элементовъ долженъ былъ окончательно разрушиться. Ср. также §§ 86, 87, 93, 94.

³⁾ Асколи, правда, въ своихъ «Глоттологическихъ письмахъ» (Нѣм. изданіе п. в. *Sprachwissenschaftliche Briefe*. Leipzig. 1887. Первое письмо) проводитъ похожій взглядъ на образованіе французскихъ фонетическихъ особенностей подъ вліяніемъ кельтскаго произношенія, но взглядъ этотъ пока еще почти никѣмъ изъ романистовъ не раздѣляется.

можъ съ одной стороны и смутнымъ представленіемъ о жизни языка съ другой.

Въ этомъ отношеніи весьма характерно современное движеніе противъ заимствованныхъ словъ въ Германіи, исходящее часто изъ административныхъ и оффиціозныхъ сферъ (одинъ изъ главныхъ дѣятелей—директоръ почтъ Стефанъ, введшій въ употребленіе массу нѣмецкихъ неологизмовъ въ своемъ вѣдомствѣ. Железнодорожные термины иностраннаго происхожденія, также мало-по-малу замѣняются новыми нѣмецкими, причемъ замѣна эта происходитъ оффиціальнымъ путемъ, а не предоставлена жизни и времени) и нерѣдко приводящее къ комичнымъ эпизодамъ ¹⁾.

Причиной подобныхъ отрицательныхъ взглядовъ на языковое заимствование является непониманіе или незнаніе того, что дѣйствительный прогрессъ языка въ семасіологическомъ отношеніи заключается въ приближеніи къ возможно полному и совершенному соотвѣтствію понятій и ихъ звуковыхъ символовъ—словъ.

Состояніе языка, при которомъ достигается болѣе точное выраженіе понятій словами, безспорно, есть состояніе болѣе совершенное. Между тѣмъ, какъ мы увидимъ ниже, въ ряду прочихъ факторовъ, доставляющихъ языку средства для этого болѣе точнаго выраженія идеи словомъ, заимствование занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто.

Если Гейзе утверждалъ, что языковое смѣшеніе губительно и влечетъ за собой полное паденіе языка, то Максъ Мюллеръ, наоборотъ, отрицаетъ существованіе смѣшанныхъ языковъ (*Mischsprachen*) ²⁾, противъ чего въ послѣднее время возстаетъ Шу-

¹⁾ Въ родѣ, на примѣръ, торжества шовинистской нѣмецкой печати по поводу замѣны въ заголовкѣ канцелярскихъ бланковъ дворцоваго правленія (новой императрицы Викторіи Августы) слова *Cabinet* (французскаго происхожденія) словомъ *Dienst* (природнымъ нѣмецкимъ).

Торжествовавшіе упустили при этомъ совѣтъ изъ виду, что и въ новой редакціи: «*Dienst Ihrer Majestät Kaiserin und Königin...*» все-таки остаются еще два чужеземца: *Majestät* вполне недавняго происхожденія (и опять-таки латинско-французскаго—*Majesté*) и *Kaiserin* болѣе давняго (греческаго).

²⁾ «Кельтъ можетъ стать англичаниномъ, кельтская и саксонская кровь могутъ смѣшаться..., но языки не смѣшиваются никогда». *Vorlesungen über die Wissenschaft d. Sprache* bearbeitet von Böttger. I. Serie. Dritte Auflage. Leipzig. 1875, стр. 90.

хардтъ ¹⁾), утверждающій съ неизмѣримо бѣльшимъ на то основаніемъ, что нѣтъ ни одного языка, который не былъ бы „смѣшаннымъ“. Хотя М. Мюллеръ имѣлъ въ виду только невозможность смѣшенія въ морфологическомъ отношеніи, невозможность скрещенія двухъ различныхъ типовъ языковаго строенія, но и въ этомъ отношеніи его отрицаніе слишкомъ рѣзко и опровергается несомнѣннымъ свидѣтельствомъ фактовъ, приводимыхъ, между прочимъ, и Шухардтомъ.

Явленіе языковаго заимствованія представляетъ особый интересъ для изученія и въ томъ отношеніи, что, быть можетъ, ни въ одномъ изъ прочихъ явленій жизни языка не проявляется такъ рѣзко соціальная основа и природа послѣдняго. Ни одно изъ другихъ языковыхъ явленій не имѣетъ такихъ тѣсныхъ и многочисленныхъ связей съ разными факторами общественной жизни, и поэтому также ни одно изъ языковыхъ явленій не представляетъ (взятое во всемъ своемъ объемѣ) такой сложности и разнообразія, смѣющихся надъ попыткой изслѣдователя уложить относящіеся сюда факты въ какую-нибудь простую и ясную систему.

Разъ признавъ вмѣстѣ съ Паулемъ ²⁾ соціальную природу языка и его явленій, мы тѣмъ самымъ должны будемъ признать за человѣческимъ обществомъ и право сознательнаго воздѣйствія на эту сторону общественной жизни, какъ и на любую другую, т. е. право сознательнаго вмѣшательства въ жизнь языка, какое въ дѣйствительности всегда имѣло мѣсто ³⁾), хотя и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Поэтому съ объективной, научной точки зрѣнія, стремленія нѣмецкихъ и иныхъ пуристовъ языка, направленные къ замѣнѣ иностранныхъ лексическихъ элементовъ собственными, природными, не представляютъ ничего нелѣпаго, разъ эти стремленія не переступаютъ извѣстныхъ границъ и осуществляются болѣе или менѣе рачіонально, т. е. согласно съ требованіями здраваго смысла и характерными особенностями даннаго языка.

¹⁾ Slawo-deutsches und slawo-italienisches. Стр. 5.

²⁾ Principien der Sprachgeschichte. Zweite Aufl. Halle. 1886. Einleitung, стр. 1 и слѣд.

³⁾ Особенно въ языкѣ литературномъ и поэтическомъ.

Во всякомъ случаѣ коррективомъ подобныхъ сознательныхъ стремленій (какъ и въ другихъ соціальныхъ явленіяхъ) является прочая инертная масса общества, которой и принадлежит здѣсь рѣшающая роль.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ разсмотрѣнію разныхъ категорій заимствованія.

Уже въ основаніи всей нашей языковой дѣятельности лежитъ процессъ заимствованія, такъ какъ, начиная говорить (хотя бы и на родномъ языкѣ) и говоря, мы не создаемъ сами почти ничего новаго, а только заимствуемъ готовый языковой матеріалъ отъ окружающихъ насъ ¹⁾ или воспроизводимъ его по наличнымъ, готовымъ образцамъ, созданнымъ опять-таки не нами самими.

Языкъ каждаго отдѣльнаго индивидуума, принадлежащаго къ извѣстному народу, можетъ быть разсматриваемъ какъ отдѣльный языкъ, до извѣстной степени отличный отъ языка каждаго другаго индивидуума, принадлежащаго къ тому же народу. Каждый такой индивидуальный языкъ представляетъ извѣстныя особенности не только въ звуковомъ, фізіологическомъ отношеніи, но и въ лексическомъ, морфологическомъ и синтактическомъ.

Единственной силой, которая удерживаетъ эти индивидуальныя языки въ границахъ наибольшаго взаимнаго сходства, указывающаго на ихъ принадлежность къ одной языковой единицѣ, является постоянный процессъ заимствованія, имѣющій мѣсто всякій разъ, какъ только встрѣчаются хотя бы два индивидуума.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не согласиться съ Шухардтомъ, признающимъ вопросъ о заимствованіи самымъ важнымъ вопросомъ въ наукѣ о языкѣ ²⁾.

Но разницы между языками отдѣльныхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же народу, настолько незначительны, взаимное заимствованіе и коррегированіе языка въ звуковомъ и прочихъ отношеніяхъ происходитъ такъ постоянно, что различеніе заимствованныхъ и природныхъ элементовъ въ этихъ

¹⁾ Cp. Schuchardt. Slawo-deutsches etc. стр. 6 и Paul. Principien d. Sprachg. 2-е изд. стр. 37, 89.

²⁾ Slawo-deutsches und slawo-italienisches. Стр. 3.

индивидуальныхъ языкахъ не только не представляется необходимымъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ просто невозможно. Съ другой стороны подобное заимствование вполнѣ неизбежно и неразрывно связано съ самой природой, сущностью языка, подразумѣвается вездѣ и всегда само собой.

Потому этотъ родъ заимствования, который можно назвать „однопочвеннымъ“ (въ этнографическомъ и хронологическомъ смыслѣ) или „одноязычнымъ“, можетъ быть смѣло оставленъ въ сторонѣ безъ ущерба для научнаго изслѣдованія.

Другіе результаты получаются, когда въ соприкосновеніе приходятъ не такіе схожіе между собою языки, какъ индивидуальные языки двухъ представителей одного и того же народа, а языки, разнящіеся другъ отъ друга въ большей или меньшей степени. Это соприкосновеніе не такъ неизбежно, какъ соприкосновеніе индивидуальныхъ говоровъ, принадлежащихъ одной языковой единицѣ; оно можетъ быть и не быть и находится въ зависимости отъ извѣстныхъ условій.

Заимствование, какъ слѣдствіе такого соприкосновенія, также не неизбежно, и необходимы опять извѣстныя условія для того, чтобы оно могло произойти.

Этотъ родъ заимствования, который, въ противоположность рассмотрѣнному выше, можно было бы назвать „разнопочвеннымъ“ или „иноязычнымъ“, имѣетъ своимъ результатомъ большее или меньшее усвоеніе чуждаго языковаго матеріала, представляющаго извѣстныя отличія отъ природнаго. Усвоеніе это можетъ заходить такъ далеко, что въ концѣ-концовъ чуждый языковой матеріалъ вытѣсняетъ совершенно природный и заступаетъ его мѣсто. Въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ ассимиляціей въ языковомъ отношеніи одного народа другому, за которой мало-по-малу слѣдуетъ полная ассимиляція и въ другихъ отношеніяхъ.

Остатки прежняго, природнаго языка могутъ сохраниться въ видѣ областныхъ словъ или провинціализмовъ и въ новомъ добровольно принятомъ или силою навязанномъ языкѣ, но они ничѣмъ не будутъ разниться отъ обыкновенныхъ иноязычныхъ за-

имствованій и будутъ находиться къ новому языку именно въ отношеніи этихъ послѣднихъ.

Таковы, напримѣръ, областныя слова финскаго и тюркскаго происхожденія въ русскихъ мѣстностяхъ, нѣкогда заселенныхъ инородческими финскими или тюркскими племенами, таковы славянскіе провинціализмы въ восточныхъ прусскихъ (силезскихъ) говорахъ и т. д.

При соприкосновеніи разнящихся другъ отъ друга языковъ могутъ быть слѣдующіе случаи ¹⁾:

- а) языки совсѣмъ не родственны другъ другу;
- б) языки родственны другъ другу, т. е. представляютъ собой: 1) языки, происшедшіе отъ одного общаго уже совсѣмъ исчезнушаго или мертваго проязыка, каковы языки индо-европейскіе, славянскіе, германскіе, романскіе и т. д., 2) нарѣчія или говоры одного живаго языка;

с) въ соприкосновеніе приходятъ не два разныхъ языка, а двѣ разныхъ стадіи развитія одного и того же языка. Заимствование происходитъ здѣсь въ предѣлахъ одной и той же языковой единицы, но заимствуемые элементы принадлежатъ болѣе древнему состоянію даннаго языка и потому представляютъ извѣстныя отличія. Само собою разумѣется, что подобное заимствование можетъ имѣть мѣсто только въ языкахъ, уже обладающихъ письменностью, и происходитъ при посредствѣ этой послѣдней, т. е. носитъ характеръ исключительно книжный.

Заимствование иноязычное отсюда можетъ быть двоякое: изустное, какъ слѣдствіе непосредственнаго соприкосновенія двухъ народовъ, говорящихъ разными языками, и книжное, совершающееся при помощи письменности.

Заимствование изустное восходитъ къ самымъ отдаленнымъ историческимъ (и безъ сомнѣнія и доисторическимъ) временамъ и является слѣдствіемъ извѣстныхъ культурныхъ и соціальныхъ условий: географическаго сосѣдства, торговыхъ сношеній, путешествій, переселеній и колонизацій, завоеваній и т. д. Условия эти имѣютъ большую или меньшую силу сообразно различнымъ историче-

¹⁾ Ср. Paul. Principien d. Sprachgeschichte. 2 изд., стр. 337.

скимъ эпохамъ. Такъ, для образованія смѣшанныхъ языковъ (въ родѣ англійскаго), основанныхъ на заимствованіи, завоеваніе уже не играетъ такой важной роли въ настоящее время, какъ, напримѣръ, въ эпоху завоеванія Англіи норманнами или Галліи, Испаніи и Дакіи римлянами. Въ свою очередь, торговля сношенія и путешествія имѣютъ въ наше время неизмѣримо большее значеніе для заимствованія, чѣмъ нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, что находится въ связи съ широкимъ развитіемъ средствъ сношенія, благодаря которому явилась возможность непосредственнаго заимствованія изъ самыхъ отдаленныхъ (въ географическомъ смыслѣ) языковъ (ср., напримѣръ, англійское tea, заимствованное изъ китайскаго, фр. и англ. tapüca—южно-американскаго происхожденія, р. араруть=англ. arrow-root и т. д.).

Заимствованіе книжное, совершающееся при посредствѣ письменности, можетъ имѣть мѣсто только при извѣстной степени культурнаго и умственнаго развитія даннаго народа, слѣдовательно въ эпохи уже болѣе къ намъ близкія. Кромѣ того, оно является прежде всего въ языкѣ книжномъ, письменномъ, и живое употребленіе (въ устной рѣчи) заимствованные элементы получаютъ только у общественныхъ классовъ, стоящихъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ письменности, т. е. въ классахъ грамотномъ, образованномъ и ученомъ, говорящихъ языкомъ книжнымъ или очень близкимъ къ книжному.

Отъ этихъ классовъ заимствованные элементы уже переходятъ къ другимъ, вовсе не имѣющимъ отношенія къ письменности или имѣющимъ его въ гораздо меньшей степени, и часто тогда, когда образованные классы давно уже утратили ихъ (ср. р. оказія, для близиру и т. д.).

Какъ изустное, такъ и книжное заимствованіе могутъ происходить непосредственно изъ одного языка въ другой или при посредствѣ какого-либо другаго и даже нѣсколькихъ другихъ языковъ. Прихѣромъ такого посредственнаго заимствованія (книжнаго) въ русскомъ языкѣ могутъ служить, напримѣръ, многіе церковные термины греческаго происхожденія, попавшіе въ русскій при посредствѣ церковно-славянскаго и т. п.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ заимствование чужихъ словъ обусловливается заимствованиемъ новыхъ понятій, т. е. имѣетъ ближайшей причиной культурное заимствование. Т. о. заимствование здѣсь является слѣдствіемъ развитія или роста культуры даннаго народа и вытекаетъ изъ необходимости давать обозначеніе понятіямъ, дотолѣ неизвѣстнымъ.

Образчикомъ подобныхъ заимствованій съ культурнымъ заимствованиемъ въ основѣ могутъ служить:

астрономическая терминологія индусовъ, заимствованная вмѣстѣ съ астрономическими понятіями у грековъ и имѣющая поэтому греческое происхожденіе:

anaphā = ἀναφή	jūka = ζυγόν
ākoera = αἰχόκερος	tāvuri = τᾱυρος
apoklima = ἀπόκλιμα	tauksika = τοξότης
āra = Ἄρης	panapharā = ἐπαναφορά
kendra = κέντρον	pāthēna = παρθένος
trikona = τρίγωνος	liptā = λεπτή
kaurpia = σχορπίος	sunaphā = συναφή
jāmitra = διάμετρος	heli = ἥλιος, horā = ὥρα и т. д. ¹⁾

французская морская терминологія, заимствованная частью у норманновъ, частью у голландцевъ и имѣющая потому германское происхожденіе:

affréter — фрахтовать (ствн. frèht, голл. vracht)
agrès = снасти (голл. gereide, gerei)
bābord = бакбортъ (лѣвая сторона судна, голл. bakboord)
bitte = битенгъ (стойка, вѣм. Bätingsholz, англ. bit)
bomerie = бодмерея (голл. bodemerij)
bosseman = боцманъ (голл. bootsman)
bouline, стфранц. boline = булинь (голл. boe-lijne, англ. bowline)
cahute = каюта (стфр. cahute и cahutte = голл. kajuit)
cape, стфр. canot = челнокъ (голл. kaan, новон. Kahn)

¹⁾ Ср. Weber. A. Indische Beiträge zur Geschichte der Aussprache des Griechischen. Monatsberichte d. Königl. Akademie d. Wissensch. zu Berlin. 1871. 7 Dec., и его же Indische Studien, т. II, стр. 254, 261.

chalo^uppe=шлюпка (г. sloep, англ. sloop, шв. slup)

èbe=отливъ (голл. ebbe)

стфр. esturman=штурманъ (голл. stuurman, арг. steórman, а. steersman)

стфр. estiere=руль (арг. steóre)

étai=штагъ (голл. staede, staye, англ. stag)

пикард. étrain=берегъ (голл., нѣм. strand)

falaise, стфр. falise=скала (ствнм. felisâ)

flibot=англ. fly-boat (родъ судна)

haubans, стфр. hobenes=ванты (голл. hobant вм. hoofdbant)

havre, стфр. havene=гавань (арг. hâffen, дрсканд. höfn)

hune=марсъ (дрсакс. hûn, ср.голл. hûne) и т. д.

Сюда же принадлежатъ и названія четырехъ странъ свѣта: nord, sud, est, ouest и т. д.

Французская военная терминологія заимствована у сосѣднихъ германскихъ племенъ (франковъ, аллемановъ и т. д.), поставившихъ главный контингентъ старо-французской арміи:

bivac (biwacht), boulevard (bolwerk), guerre (ствн. werra), halt (halt), hampe — рукоятка (handhaba), havre-sac (habersack) и т. д. ¹⁾.

Такими же примѣрами могутъ служить: общеевропейская музыкальная терминологія, пмѣющая итальянское происхожденіе и объясняющаяся преобладающимъ одно время вліяніемъ итальянцевъ на исторію музыки (XVI, XVII и половина XVIII-го вѣка), русская морская терминологія, цѣлкомъ заимствованная вмѣстѣ съ мореплаваніемъ и кораблестроеніемъ у голландцевъ и частью англичанъ, многіе нѣмецкіе коммерческіе термины итальянскаго происхожденія ²⁾, русская (и вообще славянская) и готская христіанская терминологія ³⁾, заимствованныя вмѣстѣ съ христіан-

¹⁾ См. Diez. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Морскіе романскіе термины также у O. Schrader'a. Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde. Erster Theil. Jena, 1886. стр. 51—52.

²⁾ Agio, bankerott, bilanz, börse (ит. borsa, въ концѣ концовъ сводящееся къ греческ. βόρσα), brutto, conto, corrent, disconto, dito, franco, loco, per (предлогъ: per August и т. д.), porto, risico и т. д.

³⁾ Русская: акаѳистъ, айвонъ, аналой, анаѳема, ангелъ, антиминсъ, ан-

ствомъ у грековъ, русская модная терминологія французскаго происхожденія ¹⁾ и т. д.

По такимъ болѣе или менѣе прочнымъ и многочисленнымъ слѣдамъ, которые оставляютъ въ языкахъ сношенія народовъ между собою и ихъ вліяніе другъ на друга, можно возстановить до известной степени исторію ихъ умственного и культурнаго развитія. Такой рядъ заимствованныхъ словъ ²⁾, какъ ирѣйск. *тѣг*, дрвн. *тѣга*, *тѣгі*, словинск. *тіг*, малор. *муръ*, польск. *тиг*, р. *муровать*, лит. *тѣгас*, алб. *тиг*, берущій свое начало изъ лат. *tingus*, показываетъ, откуда получили данные народы каменностроительное искусство.

О культурномъ заимствованіи свидѣлствуютъ также: лат. *тіпа* = греч. *μῦα* = еврейск., ассир. *тапех*, *тапа*, откуда египетское *тп* и ведійское *тапā*, сводящіяся всѣ вмѣстѣ къ аккад.

тифонъ, антихристъ, апокалипсисъ, апостолъ, артосъ, архангелъ, архидіаконъ, архимандритъ, архи-пастырь, архіепископъ, архіерей, далматика, демественный, дискосъ, діаконъ, евангелистъ, евангеліе, евхаристія, еkkлeсiаcтb, еkkлeсiapxъ, ексархъ, ектенія, елеи, епархія, епархъ, епископъ, епитимія, епитрахиль, ересь, еретикъ, еоиомоны, игумень, игуменья, идолъ, икона, ирмологій, ирмосъ, іерархія, іерархъ, іерей, іеродіаконъ, іеромонахъ, кадило, канонъ, катавасія, катехизисъ, каедрa, каеисма, каеолическій, кивоть, кимвалъ, кинновія, клирикъ, клиросъ, кондакъ и т. д.

Готская: *aikklesjo*, *aipiskaupei*, *aipiskaupus*, *aipistaule*, *aggilus*, *aivaggeli*, *aivaggelista*, *aivaggeljo*, *aivxaristia*, *alev*, *anaṛaima*, *apaustaulei*, *apanstaulus*, *arkaggilus*, *daimonareis*, *diabaulus*, *diakonus*, *hairaisis*, *hyssopo*, *nardus*, *paintekuste*, *parakletus*, *paraskaive*, *paupura*, *praizbytairi*, *praufetes*, *psalma*, *synagoge* и т. д.

¹⁾ Абажуръ, антука, аграмантъ, (*les agréments*), бандо, бильеду, біе, бланжевый (*blanche*), блонды, блуза, бордюръ, бортъ, ботфорты, бра, браслетъ, брошь, будуаръ, букля, букетъ, вальсъ, визитъ, волянъ, вуаль, газъ, гардеробъ, гарнитюръ (гарнитуръ уже черезъ посредство нѣмецкаго), грезетъ (*grisette*), гроденапль, гродетуръ, декольте, драдедамъ, жабо, жилетъ, жирандоль, кабинетъ, кабріолетъ, кадрили, камзолъ, камлотъ, канапе, канва, кандезябрь, канитель, капишонъ, капоть, кенкетъ, коленкоръ, колье, корсажъ, корсетъ, костюмъ, кринолинъ, куафёръ, куафюра, кушетка, ландо, лансе, левантинъ, люстра, люстринь, мантилья, манто, медальонъ, модистка, моаре, неглиже, палевый цвѣтъ (*jaune paille*), пальто, панталоны, панье, папильотки, плиссе, портмоне, портфель, портшезъ, пудра, рандеву, ридикюль, рояль, салонъ, сервизъ, сертукъ (или сюртукъ), солитеръ, софa (французское удареніе), тафтa (*taffetas*), трипъ, тротуаръ, трюмo, туалетъ, тупей, фалбала, фарсъ, фасадъ, фасонъ, фазтонъ (изъ греч.), фаянсъ и т. д.

²⁾ O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte 1883, стр. 204, 2 изд. 1890. 206.

тапа ¹⁾); санскр. *dināga*, заимствованное изъ греч. *δυναρίον*, откуда происходят и стел. динарь, серб. динар, слов. *denar*, ит. *denago* или *danago*, рум. *denagiū* ²⁾); скр. *drāmā*, сводящееся къ греч. *δραχμή*, откуда гот. *drashta*, стел. драхма, серб. драм, рум. *drahmū*, тур. *dirhém*, *dirém*, болг. диремли (уже изъ турецкаго источника), алб. *derhem* (тоже изъ турецкаго), курд. *dirhem* ³⁾). Лат. *pondus* является источникомъ для гот. и др. сканд. *pund*, англо-сакс. *pund*, англ. *round*, дрсакс. *pund*, дрвн. *pfunt* и т. д.; русское *фунтъ* = нѣм. *pfund*, а *пудъ* представляетъ болѣе древнюю форму заимствования или изъ латинскаго, или изъ германскаго еще до передвиженія согласныхъ; къ этой же семьѣ принадлежатъ польск. *pudek* и серб. фунта ⁴⁾). Интересными образчиками такого рода культурныхъ заимствованій являются имена для большихъ чиселъ въ языкахъ аборигеновъ Тихаго океана, заимствованныя изъ европейскихъ языковъ (гл. образомъ англійскаго) вмѣстѣ съ чуждыми до тѣхъ поръ представленіями. Такъ на Сандвичевыхъ и Маркизскихъ островахъ 1000 = *mila*, на Таити и Гавайскихъ 100 = *haneri* (*hundred*) и *tausani* (*thousand*) и т. д. ⁵⁾.

Мы могли бы привести цѣлыя страницы подобныхъ примѣровъ, но и приведеннаго уже достаточно, чтобы показать значеніе заимствованныхъ словъ какъ для лингвиста, такъ и для историка культуры.

Но культурное заимствование не всегда лежитъ въ основѣ языковаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (правда, несравненно болѣе рѣдкихъ) мы встрѣчаемъ языковое заимствование, за которымъ не скрывается никакого культурнаго. Такъ, напримѣръ, въ англійскомъ языкѣ встрѣчаемъ параллельныя „классическія“ (романскаго происхожденія, заимствованныя) и „тевтонскія“ (природныя, гер-

¹⁾ O. Schrader. *Linguistisch-historische Forschungen*, стр. 126. H. Zimmer. *Altindisches Leben*. 1879, стр. 51.

²⁾ O. Schrader. *Linguist. histor. Forsch.*, стр. 136, а также Weber. A. *Indische Beiträge zur Aussprache d. Griechischen*.

³⁾ O. Schrader. *Linguist. hist. Forsch.*, стр. 136.

⁴⁾ Ср. тамъ же стр. 158.

⁵⁾ L. Geiger. *Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft*. Stuttgart. 1868. 1 Bd., стр. 286.

манскаго корня) слова, обозначающія первично одно и то же вполне обыкновенное и известное понятіе ¹⁾).

Примѣрами могутъ служить:

ox || beef (boeuf), calf || veal (veau), swine || pork, sheep || mutton, holy || sacred, heavenly || celestial, deed || act, action, dale || vale, to heal || to cure, freedom || liberty и т. д.

Здѣсь разница значеній уже вторична и развилась очевидно вполнѣ въ послѣдствіи уже на англійской почвѣ, приноровленная къ лексическому параллелизму, которымъ языкъ воспользовался для семасіологической дифференціаціи.

Часто заимствуются названія безнравственныхъ людей или учреждений, хотя это обыкновенно совсѣмъ не значитъ, чтобы заимствующему народу были неизвѣстны соотвѣтствующія понятія. Такъ финикійское pillegesh заимствуется въ греческій въ видѣ *παλλαξίς* (откуда лат. *pelex*), хотя рядомъ и имѣлось природное греческое слово *πορνικός*, перешедшее въ свою очередь въ армянскій въ видѣ *pornik*.

Изъ лат. *meretrix* происходитъ ирійск. *mertrech* (сюда же относится и русская Мелектриса Кирбитьевна, обязанная своимъ происхожденіемъ итальянскому *meretrice*, которое переводчикъ старинной повѣсти принялъ за собственное имя). У финновъ имѣются даже три заимствованныхъ названія для даннаго понятія: *huoga* = шв. *hoga*, *portto* (дресканд. *portkona*) и *kurva* (заимствованное изъ русскаго) ²⁾.

Извѣстно также, что, при сношеніяхъ различныхъ народовъ между собою, скорѣе и легче всего усваиваются ругательныя и неприличныя слова, хотя не найдется народа, который не имѣлъ бы въ своемъ словарѣ большаго или меньшаго ихъ запаса. Для объясненія этого явленія слѣдуетъ имѣть въ виду сравнительную частоту употребленія извѣстныхъ словъ въ низшихъ общественныхъ классахъ, а также болшую, сравнительно съ прочими словами, энергію, съ которой они произносятся.

¹⁾ Ср. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Первое изд. стр. 203 — 204. 2 изд. 1890, стр. 207.

²⁾ Ibidem стр. 204. 2 изд. 1890, стр. 207.

Въ языкахъ литературныхъ заимствованіе чуждыхъ языковыхъ элементовъ часто является необходимымъ для приданія описанію или разсказу большей точности или живости, смотря по тому, какая цѣль имѣется въ данномъ случаѣ: научная или художественная (такъ называемый „мѣстный колоритъ“) ¹⁾.

Кромѣ необходимости, въ заимствованіи играетъ также роль извѣстная аффектація, мода, манерность ²⁾. Этимъ объясняется смѣшеніе природной рѣчи съ отдѣльными словами и цѣлыми предложеніями чужаго языка, каковое имѣеть, напримѣръ, мѣсто въ языкѣ европейской аристократіи относительно французскаго языка.

Но культурное вліяніе и здѣсь, такъ или иначе, всегда является сопутствующимъ факторомъ.

Въ подобныхъ случаяхъ чужая культура, а отсюда и чужой языкъ, имѣють болшую цѣну и привлекательность, чѣмъ свои собственные ³⁾.

Заимствованія этого рода имѣють обыкновенно очень эфемерный характеръ, будучи часто вызываемы прихотью минуты, случаемъ, но извѣстная часть ихъ все-таки сохраняется и держится иногда еще въ языкѣ низшихъ классовъ общества, въ то время, какъ классы, первично заимствовавшіе, давно уже ихъ утратили.

Такъ, народный русскій языкъ сохранилъ выраженіе „для близиру“ (для виду, на показъ, = фр. *plaisir*, съ народнымъ словопроизводствомъ отъ „близъ, близкій“), совсѣмъ уже не встрѣчающееся въ языкѣ образованныхъ классовъ. Такой же случай имѣется въ народн. *оказія* (фр. *occasion*). Въ народной пѣснѣ до сихъ поръ поется объ „аломъ гризетѣ“, давно уже позабытомъ въ высшихъ слояхъ. Извѣстно, что разговорный языкъ русскаго образованнаго общества прошлаго столѣтія изобиловалъ массой преимущественно французскихъ словъ, изъ которыхъ въ употребленіи уцѣлѣла сравнительно незначительная часть.

Нѣкоторыя слова сохранились только въ простонародномъ языкѣ, какъ вышеприведенные примѣры. Въ нѣмецкихъ народныхъ гово-

¹⁾ Ср. Paul. Principien d. Sprachgeschichte, 2 Aufl., стр. 340.

²⁾ Ср. Schuchardt. Slawo-deutsches und slawo-italienisches., стр. 81.

³⁾ Ср. Paul. Principien, стр. 339—340.

рахъ до сихъ поръ употребительно *adrett* (изящный, ловкій) = франц. *adroit*, исчезнувшему уже изъ языка высшихъ классовъ и т. д.

Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ заимствованіе является слѣдствіемъ культурнаго общенія народовъ между собою, то отсюда само собой вытекаетъ предположеніе, что съ развитіемъ международныхъ сношеній должно увеличиваться и количество заимствованныхъ словъ въ соответственныхъ языкахъ. Дѣйствительно, въ новѣйшихъ культурныхъ языкахъ мы встрѣчаемъ несравненно болѣе заимствованныхъ словъ, чѣмъ въ древнихъ, а также и современныхъ некультурныхъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы заимствованіе не имѣло мѣста въ древнихъ языкахъ или было въ размѣрахъ, едва заслуживающихъ вниманія, какъ склонны были думать ученые старой школы въ родѣ Гейзе.

Прежде всего необходимо замѣтить, что наши свѣдѣнія о заимствованіяхъ, сдѣланныхъ индо-европейскими языками, весьма недостаточны. Мы можемъ опредѣлить только заимствованія, сдѣланныя уже въ эпоху историческую, послѣ раздѣленія индо-европейскаго праязыка на отдѣльные языки; заимствованія же, сдѣланныя этимъ праязыкомъ въ эпоху доисторическую, до раздѣленія и переселенія племенъ, наука пока не въ состояніи выдѣлить изъ общаго лексическаго состава индо-европейскихъ языковъ и, вѣроятно, никогда не будетъ въ силахъ сдѣлать это.

Весьма вѣроятно такимъ образомъ, что многія или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ словъ, считаемыхъ общегерманскими, природными словами, были заимствованы въ праязыкъ отъ сосѣднихъ народовъ ¹⁾. Многія заимствованія, сдѣланныя уже въ отдѣль-

¹⁾ Ср. O. Schrader. *Sprachvergleichung und Urgeschichte*. 1-е изд., стр. 161: «уже а priori вѣроятно, что во всѣхъ индогерманскихъ языкахъ имѣется подъ индогерманской одеждой извѣстный запасъ словъ, который никогда нельзя будетъ свести къ общему индогерманскому доисторическому періоду, по той простой причинѣ, что онъ происходитъ отъ языковъ доиндогерманскихъ и не индогерманскихъ. Выдѣлить подобныя слова въ какомъ-либо объемѣ, при почти совершенномъ отсутствіи свѣдѣній относительно этихъ доиндогерманскихъ языковъ, будетъ, конечно, всегда невозможно».

K. Brugmann. «Zur Frage nach den Verwandtschaftsverhältnissen der indog.

ныхъ языкахъ въ доисторическую и даже въ историческую эпоху, нельзя выдѣлить по немѣнѣю для этого средствъ, о которыхъ мы еще будемъ говорить ниже.

Кромѣ чисто апіористическихъ соображеній о возможности заимствованій въ доисторическія эпохи, мы имѣемъ и цѣлый рядъ положительныхъ фактовъ, подтверждающихъ вѣроятность этихъ соображеній по аналогіи.

Такъ, напримѣръ, въ греческомъ языкѣ имѣется извѣстное количество словъ, заимствованныхъ изъ семитическихъ языковъ (еврейскаго, финикійскаго, арамейскаго и т. д.).

Проф. А. Мюллеръ ¹⁾ насчитываетъ въ старомъ греческомъ немного болѣе сотни словъ, которыя обыкновенно принято считать за имѣющія семитическое происхожденіе. Изъ этого количества онъ выдѣляетъ около тридцати, несомнѣнно семитическихъ. Въ позднѣйшемъ греческомъ имѣется также извѣстное количество словъ, заимствованныхъ изъ латинскаго.

Особенно сильно вліяніе греческаго языка на латинскій, въ которомъ имѣется большое количество словъ, перешедшихъ изъ греческаго. Число этихъ заимствованій въ *Index graecorum vo-*

Sprachen» (Techmer. Internationale Zeitschrift für die allgem. Sprachwissenschaft. Bd. I. Н. I. стр. 250), говоритъ по этому поводу: «...мы вовсе не знаемъ, какъ часто въ доисторическія времена одни языки заимствованы отъ сосѣднихъ языковъ. Если принять во вниманіе, какъ часто имѣли мѣсто заимствованія словъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ въ историческія времена, то очень мало вѣроятно, чтобы въ доисторическія времена имѣлись только такія немногочисленные перенесенія словъ, какія можно было до сихъ поръ выдѣлить при помощи звуковыхъ законовъ или какъ-нибудь иначе». Далѣе: «поэтому, вѣроятно, что въ собраніяхъ словъ, долженствующихъ доказывать ближайшую связь двухъ сосѣднихъ языковъ, попадаетъ не одно сопоставленіе, которое слѣдовало бы оставить, такъ какъ данное слово на одной сторонѣ является заимствованнымъ».

Ср. также L. Geiger. Urspr. d. Sprache u. d. Vernunft т. I, стр. 298: «заимствованія имѣли мѣсто въ чудовищныхъ (ungeheuer) размѣрахъ; и именно слова переходили изъ одного языка въ другой частью пѣликомъ со своими звуками, частью только со своимъ понятіемъ въ переведенномъ видѣ...» Ниже: «эти явленія не ограничиваются одними новыми языками и не касаются однихъ только единичныхъ матеріальныхъ понятій: они появляются уже въ первобытныя времена и въ примѣненіи къ понятіямъ, которыя мы должны считать за основныя...»

¹⁾ Semitische Lehnworte im älteren Griechisch (Bezenb. Beitr. z. K. d. idg. Spr. 1877. Bd. I).

cabulorum in linguam latinam translatorum Saalfeld'a (Berlini MDCCCLXIV) доходить приблизительно до 1.800; въ изслѣдованіи же Вейзе ¹⁾ перечень ихъ занимаетъ 218 страницъ въ большую восьмую, что, по среднему разсчету по тридцать три слова на страницу, составляетъ болѣе 7.000 словъ (7.200). Сверхъ того въ греческомъ имѣется также небольшое количество заимствованій изъ санскрита, которыхъ А. Веберъ насчитываетъ девятнадцать, хотя изъ этого числа кое-что придется исключить, какъ не вполне достовѣрное ²⁾.

О санскритскихъ заимствованіяхъ изъ греческаго языка мы говорили уже выше. Кромѣ того въ санскритѣ съ большой вѣроятностью предполагаютъ извѣстное количество словъ, взятыхъ изъ дравидическихъ языковъ, а въ новыхъ индійскихъ языкахъ эти заимствованія и очень замѣтны. Если мы вспомнимъ еще, что каждый изъ такъ-называемыхъ „первичныхъ“ языковъ представляетъ массу словъ, встрѣчающихся только въ немъ одномъ и не подтверждаемыхъ другими родственными языками, такъ что корни ихъ не могутъ быть опредѣлены, что имѣется значительное количество специально индійскихъ, специально греческихъ, специально латинскихъ, германскихъ, славянскихъ и т. д. словъ, если вспомнимъ, кромѣ того, сколько совершенно неизвѣстныхъ и темныхъ въ исторіи народовъ псчезло, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, то намъ сдѣлается яснымъ, что заимствование въ такъ-называемыхъ „первичныхъ“ языкахъ могло быть въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это принято было думать.

Заимствование изъ другаго языка можетъ быть двухъ родовъ: предметомъ заимствования могутъ быть цѣлыя слова или части словъ (суффиксы, префиксы, въ ограниченныхъ размѣрахъ даже флективные окончанія), причеъ до извѣстной (правда, весьма ограниченной) степени возможно даже усвоение чужихъ звуковъ, т. е. предметомъ заимствования является чужой, языковой мате-

¹⁾ Weise. Die griechischen Wörter im Latein. Gekrönte Preisschrift. Leipzig. Hirzel. 1882, gr. 8o VIII + 546 стр. Также п. з. Preisschriften der fürstlich Jablonowski'schen Gesellschaft zu Leipzig. Bd. XXIII.

²⁾ A. Weber. Indische Beiträge zur Geschichte der Aussprache d. Griechischen. Monatsberichte d. Berliner Akademie. December 1871.

ріаль, заимствуется внѣшняя форма слова. Затѣмъ можетъ быть другой случай, когда слово по своему матеріалу, по звукамъ, корню и прочимъ морфологическимъ частямъ (суффиксамъ, префиксамъ и т. д.) является вполне природнымъ и ничѣмъ не отличается своего иностраннаго происхожденія, которое обнаруживается только при сравненіи его внутренняго строенія (или принципа его строенія) со строеніемъ соответствующаго иностраннаго слова.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ чужой внутренней формы слова (того, что Гумбольдтъ и Штейнталь называютъ *innere Sprachform*), съ заимствованіемъ духовнаго, не матеріальнаго характера. Къ подобнаго рода заимствованіямъ относятся такъ называемые германизмы, галлицизмы, полонизмы и т. д. т. е. буквальные переводы или перенесенія чужихъ оборотовъ рѣчи члѣнхъ фразъ или ходячихъ формулъ.

Приѣбрами подобнаго заимствованія могутъ служить;

р. выглядѣть=нѣм. *aussehen*, откуда также ведутъ свое начало чешское *vyhlížeti*, польск. *wyglądać* и серб. изгледати.

р. вліяніе, п. *wpływ*, ч. *vplyv*, также сводящіяся къ нѣмецкому *Einfluss*, которое, въ свою очередь, восходитъ къ лат. *influentia* (фр. *influence*, англ. *influence*, ит. *influenza*) и т. д.

р. предметъ (слово, сдѣланное въ прошломъ вѣкѣ), которое какъ и польск. *przedmiot* (вѣроятно служившее образцомъ для русскаго), обязано своимъ происхожденіемъ не совсѣмъ точному переводу нѣм. *Objekt* (лат. *objectus*, къ которому сводится и нѣм. *Gegenstand*).

р. обстоятельство=нѣм. *Umstand*, =лат. *circumstantia* (фр. *circonstance* и т. д.).

нѣм. *barmherzig* (р. милосердный)=лат. *misericors* и т. д. ит. *prelezione* (студенческій терминъ у австрійскихъ итальянцевъ)=*Vorlesung* ¹⁾.

Польско-русское *podobny na słońce* (похожій на солнце) вм. р. *do słońca*.

¹⁾ Schuchardt. *Slawo-deutsches...*, стр. 25.

австрійско-нѣмецкое: sich spielen (подъ вліяніемъ словинскаго igrati se, польск. bawić się),

„ sich weiben, sich mannen (Gottscheever Mundart: слов. ženiti se, možiti se) ¹⁾).

словинно-нѣмецкое: sich lernen (učiti se) ²⁾).

Польско-нѣмецкое: sich beleidigen (obrazić się: Schuchardt, Slawo-deutsches. 110).

Словинское: mi gre dobro (es geht mir gut. Ibidem 96).

Словинское: in den Städten sind alle Häuser gebaut, такъ какъ zidati значить и *bauen*, и *mauern* (ibidem).

Въ Силезіи и сѣверной Богеміи, также въ венгерскихъ горахъ: bleibt in Gottes Namen=ч. zůstávejte s Pánem Bohem=и. zostańcie z Panem Bogiem (ibidem).

Польско-нѣмецкое: die Klage austragen (wynieść skargę. Ibidem).

Пріяѣры подобныхъ перенесеній при предлогахъ:

польск. chogować на зѣбу вызываетъ польско-нѣмецкое auf den Zähnen krank sein (ibidem, 115).

„ na drugi dzień — ankommen auf den andern Tag (ibidem).

Словинское: auf den Hof des Königs gehen (подъ вліяніемъ — na kraljev dvor. Ibidem).

Чешскс-нѣмецкое: auf die Messe (na mši); auf Bier gehen (na pivo); auf Kaffee geladen (na kafe).

Польско-нѣмецкое: er ist mit ihr geschieden (z nią rozłączony. Ibidem стр. 116), zum Widersehen — do widzenia (стр. 117) и т. д.

Подобныхъ перенесеній внутренней формы слова мы найдемъ много и въ болѣе отдаленныя времена:

стел. аггело-галсынъ (ἀγγελόφωνος)	аггело-вндынь	} (ἀγγελολογίτης)
аггело-лѣпнынъ (ἀγγελολοπρεπής)	„ зрлунъ	
	„ образынъ	

¹⁾ Ibidem, стр. 109.

²⁾ Ibidem.

БЛГРОНОСЫНЪ (πορφυροφόρος)
БЛГРѢНО - ПОСТАЛНЪ (πορφυρό-
στρωτος)

„ **-РОДЫНЪ** (πορφυρογέννη-
τος, -φυτος)

БЛГЪВАНОТВОРИЕННІЕ (ἀγαλματο-
ποίη)

БЛСНО-ДЪКНИІЕ (μυθοποιΐα)

„ **СЛОВЕНТИ** (μυθολογεῖν)

„ **СЛОВНІЕ** (μυθολογία)

БЕЗАКОННІЕ (ἀνομία)

БЕЗАКОННЫНЪ (ἀνομος)

БЕЗАКОНЬНОВАТИ (ἀνομεῖν)

БЕЗБОГЪ, -БОЖЫНЪ (ἄθεος)

БЕЗБОЖЬСТВО, -БОЖНІЕ (ἀθεΐα)

БЕЗБОЖУННІЕ (ἀφοβία)

БЕЗБѢДЫНЪ (ἀκίνδυνος)

БЕЗВНННЫНЪ (ἀναίτιος)

БЕЗВОДНІЕ (ἀνυδρία)

БЕЗГЛАСНІЕ (ἀφωνία)

БЕЗГОДНІЕ (ἄωρία)

БЕЗДОУШНІЕ (ἀψυχία)

БЕЗДѢТНІЕ (ἀτεχνία) и т. д.

БЛАГОВЕНДЫНЪ (εὐειδής)

„ **ВОННІЕ** (εὐωδία)

БЛАГО-ВѢСТВЕНІЕ } (εὐαγγέλιον)

„ **-ВѢСТЬ**

„ **-ГЛАГОЛЫНЪ** (εὐλαλος)

„ **-ГЛАСНІЕ** (εὐφωνία)

„ **-ДАВЫЦЪ** (ἀγαθοδότης)

„ **-ДѢТЕЛЬ** (εὐεργέτης) и т. д.

„ **-ПЛАВАТИ** (εὐπλοεῖν)

„ **-РОДЫНЪ** (εὐγενής)

„ **-СЛОВЕНТИ** (εὐλογεῖν)

БОГАТО-ЛЮБНЕВЪ (φιλοπλούσιος)

БОГО-БЛАЖЕНЪ (θεομακάριος)

„ **-БОРЫНЪ** (θεομάχος)

„ **-ЛѢПЪ** (θεοπρεπής)

„ **-СЛОВНІЕ** (θεολογία)

БРАКО-КРДЫЦА (γαμοκλόπος)

БРАТО-ЛЮБЬСТВЕНІЕ (φιλαδελφία)

БРѢМЕННО-НОСЫЦЪ (ἄχθοφόρος)

БОУІЕ-СЛОВНІЕ (μωρολογία) и т. д.

ПРѢ-БОЛЬСТВО (ὑπερβολή)

ПРѢ-ДАННІЕ (προδοσία)

ПРѢ-ДАТЕЛЬ (προδότης)

ПРѢДН-ТЕУА (πρόδρομος)

ПРѢДЪ-ВЕСТИ (προάγειν)

„ **-ГРАДНІЕ** (προάστειον)

„ **-МЫСЛНІЕ** (προθυμία)

„ **-НАПИСАННІЕ** (praescriptio)

ПРѢДЪ-ОБРАЖЕННІЕ (πρόσχημα)

ПРѢДЪ-СѢДАТЕЛЬ (praeses)

„ **-СѢДАТИ** (praesidere)

САМОВАЛСТЫЦЪ (αὐτοκράτωρ)

САМОТВОРЕЦЪ (αὐτοποιός)

СЪВОЙННІКЪ }

СЪВОИННЪ }

(συστρατιώτης)

СЪВѢСТЬ, СЪВѢДЪ (συνείδησις,
conscientia)

СЪГЛАСНІЕ (συμφωνία, concentus)

СЖПРЖГЪ (σύνυγος, conjux) и т. д.

Къ этой же категоріи заимствованій принадлежатъ такіе гал-
лицизмы и германизмы, какъ: разъ я беру съ сдѣлать то и то—
я сдѣлаю=une fois, que je m'en charge..., дѣлать кого-либо
несчастливымъ (faire quelqu'un malheureux), считаться съ чѣмъ-

побудь (tenir compte de quelque chose или sich rechnen mit), рассчитывать на кого или что (compter sur), имѣть жестокость, проходить молчаніемъ, хранить молчаніе (silentium servare), предпослать что чему, имѣть что побудь противъ, быть слишкомъ добрымъ или умнымъ, чтобы..., имѣть что сказать или возразить, раздѣлять чьи либо чувства или мысли, трогательный (touchant), немислимый (undenkbar), сосредоточить (concentrer), начитанный (belesen), начитанность (Belesenheit), развитіе (développement или Entwicklung), утонченный (raffiné), осмотрительный (umsichtig), предусмотрительный (vorsichtig) и т. д.

Въ началѣ своего употребленія заимствованное слово принадлежитъ языку только немногихъ индивидуумовъ и отъ нихъ передается путемъ заимствованія „одноязычнаго“ или „однопочвеннаго“ (см. выше стр. 7) все большому и большому кругу говорящихъ тѣмъ же языкомъ ¹⁾). Въ этомъ отношеніи исторія такого слова та же, что и всякаго новаго слова. Распространеніе извѣстнаго заимствованія находится также въ зависимости отъ того, какому кругу идей оно принадлежитъ: извѣстныя слова остаются надолго и часто навсегда въ тѣсномъ кругу тѣхъ или другихъ специалистовъ, не выходя за его предѣлы, причемъ и въ этомъ тѣсномъ кругу онѣ распространяются постепенно, другія сейчасъ же или скоро по своемъ заимствованіи становятся достояніемъ болѣе широкихъ слоевъ общества или и всего народа.

Заимствуясь въ извѣстный языкъ, чужое слово подвергается дѣйствию звуковыхъ и морфологическихъ законовъ, имѣющихъ силу въ языкѣ въ данное время, и принимаетъ вслѣдствіе этого извѣстныя фонетическія и морфологическія особенности, характерныя для заимствующаго языка. Такъ какъ между звуками любыхъ двухъ языковъ всегда имѣется болѣе или менѣе значительная разница, дающая себя чувствовать въ произношеніи даже вполне бѣгло владѣющихъ чужимъ языкомъ, и такъ какъ вполне точное воспроизведеніе чужихъ звуковъ требуетъ specialнаго упражненія въ этомъ, то при заимствованіи всегда происходитъ

¹⁾ Ср. Paul. Principien 2. стр. 340.

подстановка природныхъ, привычныхъ звуковъ на мѣсто чужихъ ¹⁾. Вслѣдствіе этого постояннаго условія заимствование отдѣльных чужихъ звуковъ является невозможнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое заимствование, повидимому, имѣетъ мѣсто, какъ, напримѣръ, въ русскихъ словахъ

благодать (bl'gŭdát'),
съ Богомъ (zbógŭm),

заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго, или

графъ, филенка (Füllung), фонетика, идущихъ изъ нѣмецкаго и греческаго (звуки *γ* и *f* въ независимомъ положеніи первично чужды русскому языку), заимствованные звуки уже имѣются въ звуковой системѣ даннаго языка.

Такъ заднеязычный звонкій сплантъ *γ* имѣется и въ природныхъ русскихъ словахъ:

когда, всегда, иногда (kăŭdă, fs'æŭdă, jŭnăŭdă), гдѣ онъ вполне законенъ фонетически и обязанъ своимъ появленіемъ (изъ звонкаго заднеязычнаго взрывнаго *ɣ*) фонетической диссимиляціи. Звукъ *φ* (*f*) также имѣется въ природныхъ русскихъ словахъ и является результатомъ комбинаторнаго измѣненія зубно-губнаго сплантъ *ɸ* (*v*) въ глухой въ концѣ словъ или передъ слѣдующимъ глухимъ согласнымъ:

головъ (gâlóf), Петровъ (p'ætróf), готовъ (gâtóf) и т. д.

всѣ (fs'æ), готовься (gâtóf's'ă), въ свой... (fsvój), мутовка (mutófkâ) и т. д.

Заимствование звуковъ, совершенно чуждыхъ звуковой системѣ заимствующаго языка, никогда не имѣетъ мѣста. Такъ фр. *gobe gonde* переходитъ въ русскій въ видѣ *роброндъ*, гдѣ носовой гласный уже замѣненъ сочетаніемъ гласнаго съ подходящимъ носовымъ согласнымъ, т. е. *н*. Такой же случай представляетъ *вензель* = польск. *węzieł*.

Но, получая такимъ образомъ извѣстную, если можно такъ выразиться, окраску, присущую тому или другому языку въ моментъ заимствования въ него даннаго слова и соединяющую его въ одну общую семью съ другими, природными словами, заим-

¹⁾ Ср. Paul. Principien. 2. стр. 340—341.

ствованное слово все же остается чуждо принявшему его языку по своему звуковому составу и строению или по исторіи своихъ составныхъ частей, хотя бы это и трудно было замѣтить съ перваго взгляда.

Возьмемъ, напримѣръ, русское слово „телефонъ“, заимствованное изъ „международнаго“ греческаго языка (о такихъ международныхъ языкахъ см. ниже), употребляемаго для различныхъ научныхъ и техническихъ терминовъ. Это слово произносится русскими:

t'yl'afón,

тогда какъ нѣмецъ, заимствовавшій также это слово, произноситъ его иначе—

tael'afón (Telefon),

причемъ, разумѣется, всѣ гласные и согласные звуки будутъ въ большей или меньшей степени отличаться отъ соотвѣствующихъ русскихъ. Итальянецъ заимствуетъ это слово въ видѣ:

telefonio

опять съ извѣстной разницей въ звукахъ отъ нѣмецкой и русской формъ. Кроме того и въ морфологическомъ отношеніи это слово принимаетъ въ его языкѣ другой видъ. Французъ опять иначе заимствуетъ это слово, а именно какъ *téléphon*, и т. д.

Въ языкахъ съ опредѣленной, неподвижной системой ударенія заимствованное слово принимаетъ и новое удареніе:

ит.	fenéstra	переходитъ въ нѣмецкомъ въ	Fenster.
лат.	feniculum	„ „ „ „	Fenchel
„	flagellum	„ „ „ „	Flegel
„	forestum	„ „ „ „	Forst
„	cerefolium	„ „ „ „	Kerbel
„	catena	„ „ „ „	Kette
„	cerasum	„ „ „ „	Kirsche
„	magister	„ „ „ „	Meister
„	monacus	„ „ „ „	Mönch
„	monasterium	„ „ „ „	Münster
„	moneta	„ „ „ „	Münze
греч.	πενταχόστη	„ „ „ „	Pfingsten

лат. predicare	"	"	"	" predigen
" signare	"	"	"	" segnen
" tractarius	"	"	"	" Trichter
" vocatus	"	"	"	" Vogt и т. д.

Въ польскомъ языкѣ, напримѣръ, заимствованныя слова имѣютъ удареніе на второмъ слогѣ: *kościół* (*castellum*), *bassarunek* (*Besserung*), *ladunek* (*Ladung*) и т. д.

Во французскомъ удареніе будетъ на послѣднемъ слогѣ и т. д.

Въ старомъ англійскомъ въ собственныхъ именахъ:

A'bimeleh, *A'chaia*, *A'ndreas*, *A'pollinus*, и т. д.

Въ неизмѣненныхъ заимствованіяхъ: *básilisca*, *cristallus*, *istoria*, *kálandas* и т. д.

Въ другихъ случаяхъ: *seren* = *carenum*, *cysene* = *coquina*, *cumen* = *cumīnum*, *mynet* = *monēta*, *mynster* = *monasterium* и т. д. *brēflan* = *breviare*, *offrian* = *offerre*, *pinsian* = *pensare*, *prōflan* = *probare* и т. д. ¹⁾

Если чужое слово и принимаетъ окраску заимствующаго языка, чуждое его происхожденіе не можетъ быть окончательно замаскировано. Такъ, въ вышеприведенномъ русскомъ словѣ

t'yl'æfón

звукъ *f* въ подобномъ положеніи (въ серединѣ слова и въ началѣ слога) чуждъ русскому языку, самые корни, давшіе это сложеніе, отсутствуютъ въ русскомъ языкѣ и, наоборотъ, природны въ греческомъ. Если звукъ *f* и природенъ нѣмецкому языку, за то корни *tele* и *phon* такъ же, какъ и въ русскомъ, не имѣютъ нѣмецкихъ родичей, не связаны никакими ассоціаціями съ природными нѣмецкими словами и потому не могутъ быть понятны тому, кто не знаетъ по гречески. То же должно сказать, *mutatis mutandis*, и объ итальянской или французской формѣ даннаго слова.

Такимъ образомъ, критерія, по которому мы заключаемъ о непринадлежности извѣстнаго слова данному языку и о его иноязычномъ происхожденіи, мы должны искать въ его фонетиче-

¹⁾ Ср. *Pogatscher*, Alois. *Zur Lautlehre der griechischen, lateinischen und romanischen Lehnworte im Altenglischen*. Strassburg. 1888, стр. 17, 18, 19.

скихъ, морфологическихъ и даже семасіологическихъ особенностяхъ. Мы узнаемъ заимствованныя слова по ихъ строенію или виду, чуждому для того языка, въ который они попали, т. е. противорѣчащему его звуковымъ и прочимъ законамъ ¹⁾).

Въ такихъ случаяхъ, напримѣръ, какъ заимствованныя въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго

градъ, страна, гладъ, хладъ и т. д.,

противорѣчить фонетическимъ законамъ русскаго языка сочетаніе *-ра-*, *-ла-*, соотвѣтствующее основно-славянскому *-ог-*, *-ол-*, литовскому *-аг-*, *-ал-*, и вмѣсто котораго мы ожидали бы *-оро-*, *-оло-*, имѣющееся въ природныхъ русскихъ словахъ:

городъ, сторона, голодъ, холодъ и т. д.

Въ словахъ: *среда*, *древесный*, *прибрежный* и т. д. встрѣчаемъ слогъ *-ре-* (ст.сл. и цсл. *-ръ-*), который соотвѣтствуетъ основно-славянскому *-ег-*, дающему *-ере-* въ природныхъ русскихъ формахъ: *серѣда*, *серѣдка*, *дерево*, *берегъ* и т. д.

Изъ этого противорѣчія мы заключаемъ, что данныя слова не природны въ русскомъ языкѣ и попали въ него изъ церковно-славянскаго. Между тѣмъ, еслибы эти же самыя слова были заимствованы изъ церковно-славянскаго въ сербскій или чешскій языки, мы не имѣли бы возможности выдѣлить ихъ изъ природнаго лексическаго состава этихъ языковъ, такъ какъ эти послѣдніе раздѣляютъ данныя фонетическія особенности со старо-славянскимъ и его книжнымъ видоизмѣненіемъ—церковно-славянскимъ языкомъ.

Можетъ быть также случай, что слово заимствуется въ языкъ до наступленія извѣстнаго звуковаго процесса и, подвергаясь его дѣйствію, измѣняется настолько, что отличить его отъ природныхъ словъ бываетъ трудно или просто невозможно. При этомъ, конечно, чѣмъ раньше было заимствовано слово, тѣмъ большому числу звуковыхъ процессовъ оно подвергается. Отсюда и проис-

¹⁾ О. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte 1883. стр. 201: «нашъ единственный вѣрный критерій того, имѣемъ ли мы дѣло съ тождествомъ, основаннымъ на праязыковомъ родствѣ, или съ заимствованіемъ, сводится къ правильности или неправильности звуковыхъ отношеній, отбѣчающихъ другъ другу въ извѣстномъ рядѣ словъ».

ходить упомянутая уже нами трудность выдѣленія заимствованій, сдѣланныхъ языками въ доисторическую пору ¹⁾).

Такъ латинское *tūs, tūris* (өнміамъ), заимствованное изъ греческаго *θύος, θύε(σ)ος* еще до наступленія процесса такъ назыв. ротацизма въ латинскомъ, подверглось этому процессу, какъ любое природное латинское слово. Такимъ образомъ, это слово нельзя было бы отличить отъ природныхъ, если бы въ немъ не замѣчалось еще неправильное соотвѣтствіе лат. *t* греческому *θ*. Въ другихъ случаяхъ въ родѣ лат. *mālum* || гр. *μήλον* и т. п., совсѣмъ нѣтъ указаній на ихъ чуждое происхожденіе ¹⁾).

При отсутствіи всякихъ внѣшнихъ признаковъ иноязычнаго происхожденія критеріемъ можетъ служить (далеко не всегда) значеніе слова. Этотъ семасіологическій критерій, однако, можетъ быть примѣняемъ только съ большою осторожностью въ виду того, что семасіологія до сихъ поръ пока представляетъ собой одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и сложныхъ и въ то же время наименѣе разработанныхъ отдѣловъ науки о языкѣ. Приложение этого критерія допускаютъ болѣе всего слова, заимствованныя изъ близко родственныхъ языковъ и имѣющія въ данномъ языкѣ параллельныя природныя слова. Въ подобныхъ случаяхъ слова заимствованныя часто имѣютъ значеніе болѣе широкое и отвлеченное въ сравненіи съ параллельными природными, имѣющими болѣе узкое и конкретное значеніе. Ср., напримѣръ, французскія параллели:

acheter || *accepter* (*acceptare*)

chef || *cap* (*caput*)

champ || *camp* (*campus*)

chevalier || *cavalier*

¹⁾ Ср. I. Schmidt. Die Verwandschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar 1872, стр. 25: «Отдѣлить слова, которые были заимствованы (такъ какъ входившіе во взаимный обмѣнъ языки стояли тогда еще ближе другъ къ другу, чѣмъ въ историческія времена) до вступленія въ дѣйствіе звуковыхъ законовъ, дающихъ позднѣе критерій заимствованія, или слова, формы которыхъ согласуются съ звуковыми особенностями обонхъ данныхъ языковъ, отъ первично родственныхъ имъ до сихъ поръ еще не въ состояніи». Ср. также V. Hahn. Italien. ³ (1887) стр. 171.

²⁾ Ср. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. 2 изд. 1890, стр. 204.

весьма недавно, но непосредственного источника, изъ котораго оно взято, мы не можемъ указать. Даже въ томъ случаѣ, если бы мы прослѣдили по разнымъ періодическимъ, техническимъ и общимъ изданіямъ исторію распространенія этого слова и нашли бы мѣсто, гдѣ оно употреблено впервые, все же едва ли оказалось бы возможнымъ доискаться, изъ какого собственно современнаго языка слово было взято. По своимъ составнымъ частямъ слово это несомнѣнно греческаго происхожденія, но очевидно не могло быть заимствовано изъ греческаго, тѣмъ болѣе, что въ древно-греческомъ языкѣ оно отсутствуетъ, а въ ново-греческомъ не можетъ быть первичнымъ въ силу условій культурныхъ ¹⁾. Самая форма слова не вполне сохраняетъ характерныя черты греческаго словообразованія, такъ какъ въ греческомъ мы ожидали бы *τηλέφωνος*. Во французскомъ мы имѣемъ *téléphon*, въ англійскомъ *telephon*, въ нѣмецкомъ *Telephon* и т. д. Который изъ этихъ языковъ послужилъ источникомъ для русскаго слова, сказать на основаніи одного фонетическаго критерія невозможно.

Въ сущности открытіе непосредственного источника заимствования въ данномъ и подобныхъ случаяхъ не имѣло бы даже почти никакого значенія въ смыслѣ языковомъ. Такъ, упомянутый только что терминъ возникъ вмѣстѣ съ понятіемъ въ Америкѣ, но былъ чужимъ и заимствованнымъ еще на этой своей родинѣ. Гораздо важнѣе для насъ первичный источникъ даннаго слова, взятаго изъ „международнаго“, какъ мы можемъ назвать его, греческаго языка. Въ наукѣ и Technikѣ мы встрѣчаемъ массу подобныхъ терминовъ греческаго и латинскаго происхожденія, употребляющихся болѣе или менѣе одинаково у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Эта масса съ каждымъ годомъ увеличивается новыми подобными же образованіями.

Въ своей совокупности термины ²⁾ эти образуютъ настоящій всеобщій или международный языкъ, имѣющій также діалектиче-

¹⁾ Слово *téléphonie* во французскомъ встрѣчается задолго до изобрѣтенія телефона у Берлиоза (*Soirées de l'orchestre* 1853. Paris. P. 324).

²⁾ Ср. объ ученыхъ латинскихъ и греческихъ словахъ французскаго языка А. Darmesteter. *De la création actuelle de mots nouveaux dans la langue française et des lois qui la régissent*. Paris 1877. Часть II, главы XI—XVI.

скія различія (ср. фр. *téléphon*, ит. *telefonio*, русск. *t'ylæfon* и т. д.), какъ и любой живой языкъ. Правда, кругъ идей, выражаемыхъ этимъ языкомъ, сравнительно ограниченъ, равно какъ и его употребленіе (преимущественно книжное), но языкъ этотъ постоянно растетъ и развивается, а кругъ его употребленія расширяется вмѣстѣ съ успѣхами науки и цивилизаціи. Польза, приносимая подобнымъ международнымъ языкомъ, очевидна и въ дѣйствительности перевѣшиваетъ далеко пользу, которую могутъ принести различные искусственные суррогаты, въ родѣ волапюка, *pasilingua*, *langue internationale nèo-latine* и т. д.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совершенно своеобразнымъ явленіемъ, свойственнымъ исключительно новѣйшимъ временамъ и не имѣющимъ себѣ предшественниковъ въ древней исторіи человѣчества.

Претерпѣвъ болѣе или менѣе значительное измѣненіе (подстановка природныхъ звуковъ на мѣсто чужихъ) въ самый моментъ заимствованія, чужое слово продолжаетъ подвергаться различнымъ измѣненіямъ и по своему принятіи въ другой языкъ. Чуждое по своему морфологическому составу, не связанное семасіологическими и прочими ассоціаціями съ другими словами и поэтому непонятное, оно измѣняется легко и разнообразно. Измѣненія его являются или слѣдствіемъ недослышки, причемъ слово воспринимается другимъ иначе, чѣмъ было произнесено, или слѣдствіемъ недостаточно твердаго запоминанія говорящимъ, причемъ слово измѣняется опять въ его устахъ.

Такимъ образомъ открывается широкое поле дѣйствія какъ для такъ-называемыхъ „спорадическихъ“ звуковыхъ измѣненій такъ и для народнаго словопроизводства, играющаго при этомъ очень выдающуюся роль. Примѣромъ подобныхъ „спорадическихъ“ измѣненій могутъ служить, напримѣръ:

обще-русское *тминъ* (*t'm'in*) = гр. *χάρμιον*, евр. *kummon*, лат. *сумпунисъ*, стсл. *кюмнинъ*, польское *kmín*. Благодаря полной этимологической обособленности этого слова, не имѣющаго въ русскомъ никакихъ родственныхъ словъ, по которымъ можно было бы исправить его произношеніе, произношеніе народа (говорящаго

въ извѣстныхъ мѣстностяхъ: *тислый*, *диря*, *тинтъ* и т. д., вмѣсто кислый, гиря, кипѣть) перешло и къ образованнымъ классамъ. Образованный русскій никогда не станетъ говорить *тислый*, *тинтъ* и т. д., такъ какъ его поддерживаетъ письменный, книжный языкъ, но говорить и писать *тминъ*; онъ никогда не скажетъ *андель* (ап'd'yl) вмѣсто *анель* (ἄγγελος), потому что въ его языкѣ, находящемся подъ вліяніемъ книжнаго и церковнаго языка, имѣется болѣе „правильная“ форма. у многихъ поддерживаемая еще знаніемъ греческаго или латинскаго слова. Но онъ такъ же, какъ и масса, говоритъ и пишетъ *крендель* (kr'én'd'yl'), такъ какъ происхожденіе этого слова изъ нѣмецкаго Kringel ему въ огромномъ большинствѣ случаевъ или совсѣмъ неизвѣстно, или никогда не приходитъ въ голову. Аналогичное измѣненіе *к* въ *т* находимъ въ давнишнемъ заимствованіи *витязь*, стсл. *витазь*, серб. *витез*, ч. *vitěz*, н. *zwycięzca*, вл. *viśaz*, =сканд. (исл.) *vikingr*, агс. *wicing*. Фамилія *Акатъевъ* = Акакіевъ и народное имя *Авдотья* вмѣсто Евдокія (гр. Εὐδοκία) такъ же пишутся, какъ и произносятся народомъ, произношенію котораго слѣдуетъ въ данныхъ случаяхъ и образованный человѣкъ, если не желаетъ придавать своей рѣчи характеръ неестественной, манерной изысканности.

Образчиками подобныхъ книжныхъ и народныхъ параллельныхъ формъ одного и того же заимствованнаго слова могутъ также служить нѣмецкія:

Corporal || Kaporal, Sergeant || Scharsant, Gensd'armes || Schandarre, renovieren || rennefiren и т. д. ¹⁾.

Въ приведенныхъ русскихъ случаяхъ измѣненіе *к*, *з* въ *т*, *д* произошло въ устахъ народа, гдѣ оно не имѣетъ „спорадическаго“ характера, а охватываетъ всѣ однородные звуки въ опредѣленныхъ условіяхъ; затѣмъ народныя формы этихъ заимствованій были въ другой разъ заимствованы въ языкъ образованныхъ классовъ, гдѣ ихъ соотвѣтствіе *к*—*т*, *з*—*д* уже является „спорадическимъ“, т. е. не имѣетъ никакой фонетической причины и,

¹⁾ См. Gaul. Principien d. Sprachgeschichte 2 стр. 343.

следовательно, совершенно чуждо звуковому составу книжного языка.

Съ другой стороны фонетическія измѣненія въ заимствованныхъ словахъ наступаютъ вообще скорѣе, чѣмъ въ природныхъ, что объясняется опять уже упомянутымъ отсутствіемъ ассоціативныхъ связей съ другими словами языка, лексической ихъ обособленностью. Такъ, напримѣръ, слово *портулакъ* превращается въ устахъ народа въ *протулукъ* (*prɛtulák*, а въ сильно „акающихъ“ говорахъ *prátulák*), *портунѣя* въ *протунея*, хотя природное слово *портомойня* обыкновенно не претерпѣваетъ такого метатезиса въ виду связи съ *порты*, *портки* ¹⁾).

Здѣсь фонетическій процессъ весьма тѣсно соприкасается съ другимъ факторомъ, играющимъ весьма важную роль въ обезличиваніи иностранныхъ словъ и ихъ приурочиваніи къ заимствующему языку, — съ народнымъ словопроизводствомъ (являющимся однимъ изъ видовъ морфологической ассимиляціи или такъ называемой аналогіи). Такъ, форма *протулукъ* имѣетъ уже болѣе „русскій“ видъ, чѣмъ *портулакъ*, такъ какъ здѣсь уже возможно безсознательное этимологическое разложенеіе слова на части *про-* и *-тулакъ*, изъ которыхъ первая совпадаетъ съ природнымъ предлогомъ *про-*, а вторая объединяется въ одну морфологическую группу со словами типа *кулукъ*, *буракъ*, *дуракъ* и т. д. Подобный же „метатезисъ“ имѣетъ въ народной формѣ *протунея* вмѣсто книжной *портунея*, болѣе близкой къ своему французскому источнику (*porte-érée*); здѣсь опять привходитъ элементъ народного словопроизводства, разлагающаго слово какъ бы на *про-* и *-тунея*, гдѣ чувствуется звуковая близость къ основѣ *тун-*, *тупой* и т. д.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ трудно сказать, что собственно является ближайшей причиною измѣненія внѣшней формы слова — фонетическій ли процессъ такъ называемаго метатезиса, или безсознательное стремленіе „осмыслить“ чужое слово, т. е. придать ему болѣе русскій, привычный видъ.

¹⁾ Впрочемъ, въ Дополненіи къ Областному Великорусскому Словарю находимъ и формы: *протомоя*, *протомыска*.

Примѣровъ подобныхъ измѣненій, вызванныхъ вліяніемъ народнаго словопроизводства и морфологической ассимиляціи, мы найдемъ массу во всѣхъ языкахъ.

Такъ, напримѣръ, въ нѣмецкомъ языкѣ: Armbrust (какъ бы Arm и Brust) явилось изъ средне-латинскаго arbalista, arcubalista ¹⁾; въ словѣ Pilgrim (дрвн. pilgrim, взятое изъ средне-лат. peregrinus) окончаніе -grim вм. -grin обязано своимъ *т* морфологической ассимиляціи къ такимъ природнымъ собственнымъ именамъ, какъ Isegrim и т. д. ²⁾; латинское pyrethron (греч. *πύρεθρον*—растеніе жигунецъ) изъ ср.-нѣмецкаго birtron превращается въ Bertram, какъ бы собственное имя ³⁾; латинское betonica (отсюда срвнѣм. batónje) въ Bathengel (также растеніе) ⁴⁾; Karfunkel=лат. carbunculus (срвн. Karbunkel), какъ бы отъ глагола funkeln ⁵⁾; названіе цвѣта bleu mourant превращается въ Blümerant (уподобленіе къ Blume—цвѣтокъ) ⁶⁾; французское новообразование (книжное) similor (похожій на золото) въ устахъ книжно-образованныхъ и знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ принимаетъ форму semilor (полузолото) ⁷⁾. Нѣмецкое Felleisen=срвн. velis, заимствованному изъ фр. valise. Слово осмыслено, какъ бы состояло изъ Fell и Eisen (Kluge. Etym. Wbuch d. d. Spr.). Особенно богатъ такими фактами народный языкъ, гдѣ изъ radikal дѣлается rattekahl, изъ horribel—harübel, изъ famos—fermos и даже vermost, изъ justement—just am End и т. д. ⁸⁾; Stearinlichter превращаются въ Sternlichter, а unguentum Neapolitanum въ umgewendter Napoleon; pneumatische Post (новинка въ Берлинѣ) осмысляется въ neumodische Post (газета Post. 1887. № 120 B. B. Zur Sprachreinigung) и т. д.

¹⁾ См. F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch d. deutsch. Sprache. 4 изд. 1889, стр. 11.

²⁾ См. Andresen. Ueber deutsche Volksetymologie. 3 изд. Heilbronn. 1878, стр. 167.

³⁾ Kluge. Ibidem, стр. 26. Andresen. Ibid., стр. 156.

⁴⁾ Kluge. Ibid. стр. 21. Andresen. Ibid, стр. 158.

⁵⁾ Andresen. Ibidem, стр. 160.

⁶⁾ Ibidem, стр. 190.

⁷⁾ Ibidem, стр. 160.

⁸⁾ Ibidem, стр. 75.

Весьма часты подобныя измѣненія въ географическихъ именахъ: славянскія Branibor и Mezibor, превращаются въ Brandenburg и Merseburg (Andresen. Ueber d. Volksetymologie, стр. 110); ниже-лужицкія Selésna (желѣзная) въ Sellessen ¹⁾, Hussoka (высокая), вѣроятно черезъ болѣе древнюю форму Wysoka въ Weis-sagk ²⁾ подъ вліяніемъ weiss; Luboras въ Lieberose ³⁾; кельтское Vitodurum въ дрвн. Winturdûra, а это въ Winterthur, латинское Claudii forum въ Klagenfurt, Venustus mons въ Finstermûnz и т. д. ⁴⁾.

Въ восточныхъ прусскихъ (силезскихъ) народныхъ говорахъ Kalinkenbeere (заимствованіе изъ польскаго kalinka, русск. калина) превращаются въ Kalkbeere (Kalk известка) и Kaninchenbeere (кроличьи ягоды) ⁵⁾.

Французскими примѣрами могутъ быть:

Beaupré, заимствованное изъ голландскаго Bugsprit (какъ бы beau + pré) ⁶⁾; choucroute, заимствованное изъ нѣмецкаго Sauerkraut или, вѣрнѣе, изъ діалектическаго Sûrkrût и осмысленное, какъ бы состояло изъ chou и croute ⁷⁾, ridicule изъ réticule (лат. reticulum) подъ вліяніемъ прилагательнаго ridicule (лат. ridiculus).

Солдаты ландвера (Landwehr) въ послѣднюю франко-прусскую войну назывались langues vertes ⁸⁾. Sanglier не имѣетъ ничего общаго съ sang и имѣетъ въ основѣ лат. singulus (болѣе позднее, книжное заимствованіе есть singulier), vendredi ничего общаго съ vendre (= Veneris dies) и т. д.

Русскими подобными примѣрами могутъ служить: *расшива* (Reiseschiff) какъ бы отъ *раз-+шить*; *фуленка* (нѣм. Füllung) съ такимъ же суффиксомъ, какъ *дѣвченка*, *коровенка* и т. д.

¹⁾ См. Buttmann. Die deutschen Ortsnamen. Berlin. 1856, стр. 104. Zwahr. I. G. Niederlausitz-wendisch-deutsches Handwörterbuch. Spremberg. 1847, стр. 320.

²⁾ Buttmann, стр. 74. Zwahr, стр. 126.

³⁾ Buttmann, стр. 91. Zwahr, стр. 194.

⁴⁾ Andresen. Ueber deutsche Volksetymologie, стр. 113.

⁵⁾ Schuchardt. Slawo-deutsches und Slawo-italienisches, стр. 65.

⁶⁾ Andresen, стр. 28.

⁷⁾ Ibidem, стр. 27.

⁸⁾ Ibidem, стр. 31.

(морфологическая ассимиляция); *рынду-бей* (морской терминъ — англ. ring the bell); *битенъ* (морской терминъ) въ арханг. говорѣ превращается въ *битвенъ*, *битвенница*; *некрутъ*, народное вмѣсто *рекрутъ*, какъ бы не-+ *крутъ* въ *крутить*, *крутой* и т. д. *карасинъ* вмѣсто *керосинъ* (народное словопроизводство отъ *карась*); *рубль* едва ли имѣетъ что общее съ *рубить* и одинаковымъ образомъ можетъ быть заимствованіемъ съ Востока (*рупія*); діалект. *докоманно*, *докомонно*, *докоманный* (основательно, точно, подлинно), въ основѣ которыхъ очевидно лежитъ иностранное слово „документъ“ и, можетъ быть, „документально“, превращаются въ *доконно*, *доконный* подъ вліяніемъ *доконъ* = до-+ *конъ* (ср. *удоконъ* = договоръ: Каз. губ.); *конвой* превращается въ *конбой*, (какъ бы *конъ* и *бой* ¹⁾); *рубка* (каюта на палубѣ) = англ. *goof*, голл. *goef*, и опять не имѣетъ ничего общаго съ *рубить*; *налой* = греч. ἀναλόγειον чувствуется какъ на-+ *лой*; *выбленка* = нѣмецкому *Webeling* чувствуется какъ бы словомъ, сложеннымъ съ предлогомъ *вы-*; *высокосный* = лат. *bissextilis* разлагается какъ бы на *высокій* и *косный*; *Царское село* есть первоначально *Сарское село* (финское *Saari*); *крылосъ* = гр. κλῆρος или лат. *clegus* и съ *крыломъ* не имѣетъ никакой связи; народное *великѣтный* = деликатный (*délicat*); *куролесить* также является результатомъ народнаго словопроизводства, которая изъ двухъ этимологій этого темнаго слова (*χορίε-ἔλειστον* или *χοραύλης*) и не была бы настоящей ²⁾; *кипарисъ* (*κινάριστος*) измѣняется въ *капарисъ* или *купарисъ* (Духовные Стихи). *Известка* (діалектическое *извяска* какъ бы изъ-+ *вязкій*) не заключаетъ въ себѣ никакого предлога *изъ* и заимствовано изъ греческаго ἀγέστης, ближайшимъ рефлексомъ котораго является форма *известъ*, какъ бы разлагающаяся на *изъ*-+ *вѣсть*.

Островъ Голодай около Петербурга и Гороховая улица въ немъ

¹⁾ Оп. Обл. Слов.

²⁾ Ср. однако Садовниковъ. Загадки русскаго народа. Загадка № 2105. идутъ лѣсомъ, поють куролесомъ, несутъ деревянный пироги съ мясомъ (похороны), или: шли плотники лѣсомъ, пѣли куролесомъ, несли пироги съ мясомъ (№ 24695).

по преданію получили свои названія отъ нѣкогда тамъ обитавшихъ англичанина Holyday и нѣмца Гарраха ¹⁾. Солдаты нередко вѣдываютъ фамилію своего генерала *Бистрома* въ *Быстрова* ²⁾. Изъ иностранныхъ фамилій: Пагенкампфъ, Косъ фонъ Даленъ, Гамильтонъ, Левенштейнъ, получаютъ русскія: Поганковъ ³⁾, Козодавлевъ ⁴⁾, Хомутовъ, Левшинъ ⁵⁾.

Въ духовныхъ стихахъ Волотоманъ превращается въ Володи́ра, Володимера съ одной стороны и Малодумора съ другой.

Солдаты, записывая народное чтеніе о землетрясеніяхъ, превращаетъ Лиссабонъ въ Лисадонъ и т. д. ⁶⁾.

Польское *kościół* есть заимствованіе изъ латинскаго — *castellum*, приуроченное вполѣдствіи къ природному *kość, bawełna* (какъ бы *ba+wełna*, гдѣ сдѣлана понятной хотя бы вторая часть) = нѣм. *Baumwolle*.

Obstalować = нѣм. *bestellen*; *makótra* (малорусск. *макутра*, будто для терки маку) = греч. *μάχτρα*; собственное имя *Στέφανος* заимствуется въ видѣ *Szczepan*, лат. *cortex* превращается въ *korek*; *Liebstöckel* въ *lubistek* (какъ бы отъ *lubić*) и т. д. ⁷⁾.

Измѣненія заимствованныхъ словъ подѣ влияніемъ народнаго словопроизводства имѣли мѣсто и въ древнихъ языкахъ:

Такъ индійскія рѣки являются у греческихъ писателей въ такомъ видѣ:

Iravati = Ἰράωτις; *Vipāṣ* = Ὑφασις, Ὑπανις, Βίπασις, Βιζασις ⁸⁾; *Vitastā* = Ὑδάσπης, *Hiranyabāhu* = Ἐρανοβόας.

Зендское *hupereṭu* превращается въ Εὐφράτης и т. д. У Птолемея (*Geogr.* 7. 1) *Chandravati* обращается въ Σανδράβατις, а у

¹⁾ См. Карновичъ. Родовыя прозванія и титулы въ Россіи. 1886, стр. 86 и 42.

²⁾ *Ibidem*, стр. 41.

³⁾ *Ibidem*, стр. 42.

⁴⁾ *Ibidem*, стр. 236.

⁵⁾ *Ibidem*, стр. 65.

⁶⁾ Ср. также другіе аналогичные примѣры въ статьѣ М. Савинова. Народная этимологія на почвѣ языка русскаго. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1889, т. XXI, стр. 13—58.

⁷⁾ Ср. *Karłowicz. Słoworód ludowy. Kraków. 1878. Passim.*

⁸⁾ *Zimmer. Altindisches Leben. Berlin. 1879, стр. 11*

Діодора Сид. (17. 93) Chandraguptas и Chandramas въ Σανδρά-
κοπτος и Σανδράμης.

Арамейское dikela заимствуется въ греческій въ видѣ δάκτυ-
λος; еврейское shikomah въ видѣ συκάμινος, συκόμορος, συχομωρέα;
санскритское pundarikas въ видѣ πάνθηρ, египетское chenpuh (из-
вѣстная мѣра) превращается въ σχῶνος и т. д. ¹⁾; латинское
saxifraga въ σαρξίφαγος (пожирающій мясо).

Въ заимствованныхъ собственныхъ именахъ встрѣчаемъ то же
явление: Оивы (Θῆβαι) = егип. t. аре, финикійскій городъ на
островѣ Кипрѣ—Chamath превращается въ Ἀμαθοῦς (т. е. пес-
чаный городъ отъ ἄμαθος, ἄμμος—песокъ, пыль); финикійскій же
богъ Мелехъ или Молохъ послужилъ источникомъ для Зевса Με-
λίχιος (сладостный); егип. Наг ре chrat (Гаръ—дѣтя, ребенокъ)
превращается въ Ἀρποκράτης и т. д. ²⁾.

Въ греческихъ собственныхъ именахъ, заимствованныхъ изъ
латинскаго:

Βίβλος вмѣсто Bibulus, Ἀσύλλιος вмѣсто Asellius (какъ бы
отъ σολάω), Νομήτωρ вмѣсто Numitor (какъ бы Νοῦς+μήτωρ,
какъ Φιλομήτωρ и т. п.), Λεύκουλλος, Λεύχιος, Λευκανία=Lu-
cullus, Lucius, Lucania, Δολαβέλλας, откуда Δολοβέλλας (какъ бы
отъ δόλος) вмѣсто Dolabella и т. д.

Латинскій языкъ заимствовалъ греч. γλυκύρριζα въ видѣ liqui-
ritia (ср. lique), μηλόφυλλον въ видѣ millefolium, ὀρείχαλκον
въ видѣ aurichalcum ³⁾, ὀψώνιον въ видѣ obsonium (какъ бы
ob+sono), ἐγγυδήκη въ видѣ incitega ⁴⁾ и т. д.

Въ собственныхъ именахъ: Agrigentum=гр. Ἀκράγας (упо-
добленіе къ ager), Maleventum=гр. μαλόεις и т. д. ⁵⁾.

Подвергаясь подобнымъ измѣненіямъ какъ фонетическаго, такъ
и морфологическаго свойства, заимствованное слово въ концѣ-кон-
цовъ перестаетъ чувствоваться чуждымъ и въ представленіи огром-

¹⁾ См. Weise. O. Wortentlehnung und Wortschöpfung. Steintal. Zeit-
schrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, т. XIII, стр. 244.

²⁾ Ibidem, стр. 243.

³⁾ Weise, O. Die griechischen Wörter im Latein. Leipzig. 1882, стр. 73.

⁴⁾ Ibidem, стр. 69.

⁵⁾ Ibidem, стр. 68.

наго большинства говорящих ничѣмъ не разнится отъ всякаго другаго роднаго, природнаго слова. Въ связи съ этимъ обыкновенно принято различать двѣ категоріи заимствованій: слова усвоенныя или заимствованныя въ тѣсномъ смыслѣ (въ нѣмецкой лингвистической терминологіи *Lehnwörter*) и слова чужія или иностранныя (*Fremdwörter*).

Къ первой категоріи учеными принято относить заимствования, утратившія свой иностранный видъ въ силу фонетическихъ или морфологическихъ причинъ и уже не чувствуемыя иностранными; если мы обратимъ вниманіе на ихъ исторію, то найдемъ въ большинствѣ случаевъ, что они вошли въ языкъ во времена, болѣе или менѣе отдаленныя. Таковы, напримѣръ, русскія слова:

анисъ, буква, бутылка, витязь, жаловать, жалованье, известка, кадка, кадило, казна, князь, компата, корабль, лошадь, наканунѣ, палаты, плита, попъ, поститься, пушка (дрвн. *buhsa* изъ греческаго *πυξίς*), рубль, сапогъ, стекло, суббота, таможня, тминъ, хлѣбъ, царь, церковь, шеола, якорь и т. д.

Нѣмецкія: *Abenteuer* (срвн. *âventiure* = фр. *aventure*), *Abt* (срвн. *abt*, *abbet*, дрвн. *abbat* = среднелат. *abbas*, *abbat*), *Almosen* (дрвн. *alamuosan*, *alamósan* = греч. *ἐλεημοσύνη*), *Anker* (дрвн. *anchar* = лат. *âncora*), *Armbrust* (срвн. *armbrust* = ср. лат. *arballista*, *arcubalista*), *Arzt* (дрвн. *arzat*, срвн. *arzât*, *arzet* = срлат. *archiater* = греч. *ἀρχίατρος*), *Banner* (фр. *bannière*), *Bibel* (гр. лат. *biblia*), *Bischof* (дрвн. *biscof*, срвн. *bischof* = *ἐπίσκοπος*), *Brief* (дрвн. и срвн. *brief* = лат. *brevis*), *Brille* (срвн. *barille*, *berille*, *brille* = лат. гр. *beryllus*), *Butter* (срвн. *buter* = ср. лат. *butyrum* = греч. *βούτυρον*), *Dattel* (срвн. *datel* = итал. *dattilo* = греч. *δάκτυλος*), *dichten* (срвн. *tihten*, дрвн. *tihtôn* = лат. *dictare*), *Drache* (срвн. *trache*, дрвн. *trahho* = лат. *draco*), *Essig* (л. *acētum*), *Estrich* (срлат. *astricus*), *Fenster* (срвн. *venster*, дрвн. *venster* = лат. *fenestra*), *Fieber* (срвн. *vieber*, дрвн. *fiebar* = лат. *febris*), *Flaum* (срвн. *phlûme*, дрвн. *pflûma* = лат. *plûma*), *Forst* (срвн. *vorst*, *forest*, дрвн. *forst* = срлат. *foresta*), *Insel* (срвн. *insel* = лат. *insula*), *Kaiser* (срвн. *keiser*, дрвн. *keisar* = *caesar*), *Kammer* (срвн. *kamer*, дрвн. *chamara* = лат. *camara* = гр. *καμάρα*),

Kelch (срвн. *kēlch*, дрвн. *chēlih*, *kēlih* = лат. *calix*), Kerker (срвн. *karkære*, *kērkære*, дрвн. *karkāri* = лат. *carcer*), Kette (срвн. *kēten* = лат. *catena*), kirche (срвн. *kirche*, дрвн. *chirihha* = греч. *χωριακόν*), Münster (срвн. *münster*, дрвн. *munustiri* = лат. гр. *monastērion*), Münze (срвн. *münze*, дрвн. *munizza* = лат. *monēta*), pfeifen (срвн. *pfifen* = лат. *pipare*), Pferd (срлат. *paraverēdus*, *parifredus*), Pfingsten (срвн. *pfingsten* = гр. *πεντεκοστή*), Pfirsich (срвн. *pfērsich* = лат. *persicum*), Pflanze (срвн. *pflanze*, дрвн. *pflanza* = лат. *planta*), Pflaster (срвн. *pflaster*, дрвн. *pflastar* = греч. *ἐμπλαστρον*), Pflaume (срвн. *pflūme* = лат. *prūnum*), Pforte (срвн. *pforte*, дрвн. *pforta* = лат. *porta*), Pfund (срвн. дрвн. *pfunt* = лат. *pondo*), Pilz (срвн. *būlez*, дрвн. *buliz* = лат. *bōlētus*), Segen (срвн. *sēgen*, дрвн. *sēgan* = лат. *signum*), Siegel (срвн. *sigel* = *sigillum*), Stiefel (срвн. *stivel*, *stivāl* = ит. *stivāle* = срлат. *aestivale*), Vogt (срвн. *vogt*, дрвн. *fógat* = срлат. *vocātus*) и т. д.

Латинскія: *caduceus* = гр. *κηρυκεῖον*, *κηρύκιον*; *canistrum* = *κἀναστρον*; *catapulta* = *καταπέλτης*; *cupressus* = *κοπάρισσος*; *funda* = **σφονδα*, *σφενδόνη*; *obsonium* = *ὀψώνιον*; *obsono* = *ὀψωνεῖω*; *incitega* = *ἐγγυθήκη*; *liquiritiae* = *γλυκύρριζα* и т. д.

Греческія: *βάλσαμον* (евр. *béshém*), *βύσσος* (евр. *buths*), *δέλτος* (евр. *délét*), *μᾶ* (евр. *mánéh*), *νάβλας* и *νάυλας* (евр. *nébél*), *παλλακίς* (*pillegesh*), *συχάμινος* (*shikomáh*) и т. д.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ только ученому лингвисту ясно ихъ чужеземное происхожденіе; для природнаго же русскаго, нѣмца, римлянина, грека они не представляютъ (или не представляли) ничего чуждаго.

Ко второй категоріи относятся слова, чуждое происхожденіе которыхъ чувствуется уже и не лингвистомъ; время ихъ заимствованія въ языкъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не такъ отдаленно, какъ у словъ предшествовавшей категоріи. Благодаря послѣднему обстоятельству, они не успѣли еще сильно измѣниться, такъ что ихъ иностранное происхожденіе ничѣмъ не замаскировано.

Примѣрами подобныхъ заимствованій могутъ служить рус-

скія слова: *аббатъ, аберрація, авансцена, автографъ, адвокатъ, администраторъ, адресъ, адъютантъ, акцентъ, акціонеръ*, и безчисленное множество подобныхъ словъ, доходящее въ (очень плохихъ и вполнѣ ненаучныхъ) словаряхъ иностранныхъ словъ русскаго языка до 40, 75 и болѣе тысячъ. Словарь иностранныхъ словъ нѣмецкаго языка Loof'a насчитываетъ до 90,000 такого рода заимствованій. Другіе языки не менѣе богаты заимствованиями этой категоріи.

Это раздѣленіе заимствованій на двѣ категоріи—словъ усвоенныхъ и чужихъ страдаетъ очень важнымъ недостаткомъ, а именно критеріежъ здѣсь служатъ не какіе-либо внутренніе или внѣшніе признаки рассматриваемаго слова, а субъективное чувство изслѣдователя. Мы напрасно стали бы искать у лингвистовъ, какъ современныхъ, такъ и принадлежащихъ прошедшему времени, иного, болѣе точнаго опредѣленія, чѣмъ даваемое Шлейхеромъ въ его книгѣ „*Deutsche Sprache*“ (1874. 3 изд., стр. 115—116):

„Тупость нашего языковаго чутья доходитъ до такихъ размѣровъ, что мы по большей части совсѣмъ не чувствуемъ чуждыми слова, заимствованныя изъ чужихъ языковъ въ раннія эпохи; эти болѣе древнія составныя части (языка) мы называемъ „усвоенными словами“ (*Lehnworte*) въ противоположность новымъ, еще не акклиматизировавшимся и производящимъ на cadaго чуждое впечатлѣніе „чужимъ словамъ“ (*Fremdworte*).

Пауль въ главѣ своихъ *Principien der Sprachgeschichte*, посвященной заимствованію, совсѣмъ обходитъ молчаніемъ вопросъ о дѣленіи заимствованій на только что упомянутыя категоріи ¹⁾. Профессоръ Тоблеръ въ брошюрѣ „*Die Fremden Wörter in der Deutschen Sprache* (Basel 1872, 56 стр.)“ даетъ опредѣленіе „усвоенныхъ“ словъ, ничѣмъ не разнящееся отъ опредѣленія Шлейхера. По его словамъ они... „уже довольно рано проникли въ языкъ, вслѣдствіе этого уже пустили въ немъ достаточно

¹⁾ Попытка установить болѣе точное понятіе „чужаго“ слова (*Fremdwort*) была сдѣлана нѣкимъ Strackerjan'омъ въ статьѣ *Ueber das Bürgerrecht der Fremdwörter in d. deutschen Sprache* (Viator. Zeitschrift für Orthographie 1880. I Bd. стр. 40 и сл., 67 и сл., 86 и слѣд.), но неудачно.

прочные корни, какъ бы получили права гражданства, натурализировались или национализировались, слѣдовательно большею частью почти потеряли отпечатокъ своего иностраннаго происхожденія, такъ что только историческое языкознаніе, а не общее языковое чутье приносить съ собой сознаніе ихъ происхожденія“ (стр. 12).

Благодаря неопредѣленности критерія, во многихъ случаяхъ неизбѣжно должны возникать колебанія и сомнѣнія относительно принадлежности слова къ той или другой категоріи.

Трудность рѣшенія, возникающая при этомъ, увеличивается тѣмъ, что дѣйствительно имѣется переходный классъ словъ, не принадлежащихъ ни къ той, ни къ другой категоріи ¹⁾.

Такое слово, напримѣръ, какъ *струбцынка* или *струбцынга* (Schraubenzwinge), не можетъ быть причислено ко второй категоріи „чужихъ“ или „иностранныхъ“ словъ, такъ какъ уже далеко отошло отъ своего источника, а къ первой категоріи его трудно отнести въ виду его непонятности и дикости для русскаго уха. Если первая его половина—*струб-* и совпадаетъ съ сложной основой *с+руб-* (народное *струб-*), то вторая—*цынка* не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ русскомъ языкѣ. Поэтому образованному и необразованному русскому, который никогда не видалъ столярнаго инструмента, носящаго приведенное названіе, оно такъ же мало скажетъ, какъ любое слово чуждаго и незнакомаго языка. Также затруднительна классификація такихъ случаевъ, какъ напримѣръ, *алтынъ*, *амбаръ*, *арканъ*, *кафтанъ*, *казакъ*, *курганъ* (тюркскія слова) или *баржа*, *дьяконъ*, *куполъ*, *роза-* (болѣе народная форма—*розанъ*) и т. д. ²⁾, которые представляютъ собой совсѣмъ или почти не измѣненные иностранные слова. Всѣ эти слова народъ, не колеблясь ни мало, признаетъ своими природными, исконными словами. Какъ иллюстрацію къ

¹⁾ Ср. о трудности различенія въ подобныхъ случаяхъ то, что говорятъ одинъ изъ изслѣдователей заимствованныхъ словъ—Эбель въ рецензіи на книгу Köhne. Werthung der Fremdwörter in d. deutschen Sprache (Kuhn's Zeitschrift Bd. II. 1853).

²⁾ Фр. *barge*, лат. греч. *διάκονος*, фр. *coupole* или нѣм. *Kuppel*, лат. *rosa*, фр. *rose*, или нѣм. *Rose*.

этому, мы позволимъ себѣ привести небольшой анекдотъ изъ исторіи нашей Академіи Наукъ, слышанный нами отъ академика О. Н. Бётлинга: одинъ изъ академиковъ, авторъ „Общесравнительной грамматики русскаго языка“, давно уже умершій, бывшій противъ иностраннаго слова „шрифты“, желалъ замѣнить его (на листѣ съ образчиками „шрифтовъ“ академической типографіи) славянскимъ словомъ „письмена“, что, въ свою очередь, казалось фактору типографіи неудобнымъ и совсѣмъ неподходящимъ. Тогда этотъ послѣдній нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, предложивъ замѣнить спорное слово кореннымъ, по его мнѣнію, русскимъ словомъ *литеры*, точнѣе передающимъ понятіе иностраннаго *шрифты* и происходящимъ по его глубокому убѣжденію отъ русскаго глагола *лечь*.

Въ виду ненадежности принятаго субъективнаго критерія для различенія словъ заимствованныхъ отъ словъ чужихъ и отсутствія какихъ-либо опредѣленныхъ и рѣзкихъ границъ между этими двумя категоріями, намъ кажется необходимымъ искать объясненія чуждому характеру извѣстныхъ заимствованныхъ словъ не въ болѣе недавнемъ перенесеніи ихъ въ языкъ ¹⁾, а въ какихъ-либо другихъ условіяхъ. Мы видѣли, что есть слова, заимствованныя давно, совсѣмъ не измѣнившіяся (какъ приведенныя выше тюркскія) и все же не производящія чуждаго впечатлѣнія, тогда какъ рядомъ съ ними есть слова, принятые недавно, уже измѣнившіяся и все же остающіяся непривычными и дикими (какъ *струбцынка*, напримѣръ). Въ то же время отрицать разницу во впечатлѣніи, производимомъ на насъ, положимъ, словами *казна* или *князь* съ одной стороны и словами *параллаксъ* или *дифференціація* съ другой, также не представляется возможнымъ.

Чуждое впечатлѣніе, производимое на насъ „иностранными“ словами, находится въ зависимости отъ трехъ причинъ: непонятности ихъ корней, не имѣющихъ родичей въ принявшемъ ихъ языкѣ, ихъ обособленнаго положенія, находящагося въ связи съ этими, и ихъ болѣе рѣдкаго употребленія. Изъ этихъ трехъ при-

¹⁾ Какъ это дѣлаютъ Шлейхеръ и Тоблеръ въ приведенныхъ выше цтатахъ (стр. 40—41) изъ ихъ сочиненій.

чинъ, несомнѣнно самую главную роль играетъ послѣдняя, а самую незначительную первая (ср. *казакъ*, *курганъ* или *дьяконъ*, *куполъ* и т. д.). Такія слова, какъ *абберрація*, *экваторъ*, *параллаксъ* и т. д. (я нарочно беру рѣдко употребляемые слова), не имѣютъ родичей и не связаны, слѣдовательно, съ другими словами психическими ассоціаціями, которыя у природныхъ словъ или у словъ весьма давно заимствованныхъ въ высшей степени разнообразны и многочисленны. Если мы возьмемъ, на примѣръ, слово *экваторъ*, то въ памяти нашей ему отзовется прежде всего слово *экваторіальный*, затѣмъ, можетъ быть, слово *Эквадоръ*, имя южно-американской республики, уже болѣе отдаленное и связанное съ первыми непосредственной ассоціаціей сходства и болѣе слабымъ представленіемъ, что республика эта находится около экватора (ассоціація смежности). У знающаго же латинскій языкъ семья эта примкнетъ къ *aequus*, *aequalis*, *aquare* и т. п., которыя дадутъ ему основное значеніе для всѣхъ вышеприведенныхъ словъ. Подобныхъ связей у слова *параллаксъ* будетъ гораздо меньше (прежде всего будетъ чувствоваться только связь префикса *пара-* съ другими словами, гдѣ онъ встрѣчается) и т. д. Частота употребленія всѣхъ этихъ словъ очень незначительна и будетъ колебаться сообразно съ родомъ занятій говорящаго: такъ, географъ или астрономъ чаще будетъ встрѣчаться съ подобными терминами и употреблять ихъ, чѣмъ, на примѣръ, средній образованный человѣкъ, музыкантъ и т. д.

Если мы возьмемъ другое, болѣе употребительное иностранное слово, на примѣръ, *сцена*, то сейчасъ же замѣтимъ, что оно производитъ болѣе „русское“, привычное впечатлѣніе, чѣмъ, положимъ, *параллаксъ* или *абберрація*. Причинами этого будутъ: во-первыхъ, случайное звуковое совпаденіе съ нѣкоторыми русскими словами (какъ бы съ — цѣна). Звуковыя сочетанія слова вполне обычны въ русскомъ и могли бы принадлежать коренному русскому слову. Кромѣ того, хотя слово это также не имѣетъ многочисленныхъ родичей (*сцена*, *сценический*), но за то гораздо чаще употребляется и потому привычнѣе, чѣмъ приведенныя выше слова.

Если для сравненія мы обратимся къ какойнибудь природ-

ной семьѣ словъ, какъ, напримѣръ, *свѣтъ*- (свѣт-ать, свѣт-ить, свѣчка, свѣтлый, свѣтелка, свѣтецъ, о-свѣщать, про-свѣщать, освѣтительный, освѣщеніе, просвѣтитель и т. д.) и прослѣдимъ внутри ея всѣ родственныя связи, то увидимъ, какъ онѣ разнообразны и многочисленны въ сравненіи съ подобными же связями какого-нибудь иностраннаго слова. Частота употребленія также будетъ несравненно выше, чѣмъ у самаго употребительнаго иностраннаго слова. Благодаря этимъ многочисленнымъ родственнымъ связямъ, въ основаніи которыхъ лежитъ психическій законъ ассоціаціи идей, и частому употребленію, каждое слово приведенной семьи намъ привычно и не можетъ поражать своимъ страннымъ видомъ, какъ поражаютъ, положимъ, *абберрація* и *параллаксъ*. Между тѣмъ корень *свѣтъ*- въ сущности нисколько не понятнѣе для насъ, чѣмъ корни этихъ иностранныхъ словъ, такъ какъ общее понятіе, имъ означаемое, составляется только изъ всей совокупности видовыхъ, частныхъ понятій, означаемыхъ отдѣльными членами данной этимологической и семасіологической семьи. Уничтожьте всѣ другіе члены этой семьи, оставивъ только слово *свѣтъ*, и оно перестанетъ быть понятнымъ, какъ любое иностранное или русское слово, слышимое впервые и одинокое въ нашей памяти.

Отсюда видна относительность понятій, соединяемыхъ съ терминами *чужое* и *заимствованное* слово. Мы видимъ, что время заимствозанія и измѣненія, претерпѣнныя словомъ въ принявшемъ его языкѣ, не имѣютъ въ данномъ случаѣ рѣшающаго значенія. Семасіологическая обособленность можетъ быть также наблюдаема въ одинаковой степени у природныхъ и чужихъ словъ. Наиболѣе важнымъ факторомъ является т. о. частота употребленія, которая можетъ совершенно замѣнять отсутствіе родственныхъ этимологическихъ и семасіологическихъ связей, вполне парализировать чуждое впечатлѣніе, производимое извѣстнымъ словомъ, хотя бы и сохранившимъ вполне свою иностранную структуру, и придать ему совершенно привычный, знакомый видъ.

Пока не будутъ вполне изучены и сведены къ болѣе или менѣе точнымъ формуламъ ассоціативныя связи между членами

отдѣльных семасіологическихъ и этимологическихъ группъ или гнѣздъ и опредѣлена частота употребленія этихъ членовъ, до тѣхъ поръ дѣленіе заимствованій на двѣ общепринятія категоріи *усвоенныхъ* и *чужихъ* словъ всегда будетъ страдать субъективизмомъ и неизбѣжнымъ отсутствіемъ научной точности.

Безспорно, принадлежность заимствованнаго слова къ той или другой категоріи находится въ извѣстной зависимости отъ времени его заимствованія. Мы имѣемъ несомнѣнныя основанія ожидать, что многія изъ словъ, принадлежащихъ теперь къ категоріи чужихъ или иностранныхъ словъ, благодаря разнымъ фонетическимъ и морфологическимъ измѣненіямъ, утратятъ свой иностранный видъ и перейдутъ въ категорію усвоенныхъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что и слова этой послѣдней категоріи въ началѣ своей жизни въ заимствовавшемъ ихъ языкѣ должны были чувствоваться чуждыми, иностранными словами, пока не подверглись извѣстнымъ измѣненіямъ или не стали общеупотребительными. Но было бы ошибочно придавать и времени слишкомъ большое значеніе: такъ, напримѣръ, слово *солдатъ*, ведущее свое начало изъ XVII столѣтія, не раньше, чувствуется совсѣмъ привычнымъ, своимъ словомъ, а какое-нибудь *архіепископъ* или *епитрахиль*, несравненно старѣйшія, до сихъ поръ не усвоились.

И въ процессѣ усвоенія словъ опять, какъ мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, главная роль принадлежитъ распространенности извѣстнаго понятія и отвѣчающаго ему слова и частотѣ употребленія, которая находится въ прямой зависимости уже отъ условій, лежащихъ внѣ самого языка, и именно отъ условій культурныхъ. *Амбаръ, сцена, генералъ, солдатъ, дьяконъ*—понятія въ силу культурныхъ условій общераспространенныя, тогда какъ понятія *параллаксъ, дифференціація, интегралъ* и т. д. понятія въ силу тѣхъ же условій малораспространенныя. Т. о. при опредѣленіи, къ какой категоріи должно быть отнесено извѣстное заимствованіе, рѣшающее значеніе должны играть не внѣшніе признаки слова, а его внутренніе (значеніе), а также соображенія культурно-историческаго свойства.

Занимствованію подлежатъ не только отдѣльныя слова, но и служебныя части рѣчи—суффиксы и префиксы.

Процессъ занимствованія этихъ послѣднихъ сводится къ занимствованію отдѣльныхъ словъ, въ составѣ основъ которыхъ находятся данныя служебныя части рѣчи. Отъ этихъ отдѣльныхъ словъ суффиксъ или префиксъ переходитъ къ другимъ словамъ при посредствѣ морфологической ассимиляціи (такъ называемой аналогіи).

Такъ, напримѣръ, польскій суффиксъ *-unek* (=нѣмецкому *-ung*) въ словахъ *posacunek*, *podarunek*, *sprawunek* и т. д. обязанъ своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ такимъ, какъ: *bassarunek* (*Besserung*), *gatunek* (*Gattung*), *kiegunek* (*Kehrung*), *ladunek* (*Ladung*), *rachunek* (*Rechnung*), *gatunek* (*Rettung*), *werbunek* (*Werbung*) и т. д., гдѣ онъ былъ взятъ цѣликомъ вмѣстѣ со словами. Отъ этихъ послѣднихъ случаевъ, гдѣ и корни словъ нѣмецкіе, суффиксъ *-unek* перешелъ и къ чисто славянскимъ словамъ.

Аналогичное явленіе представляютъ такія нѣмецкія слова, какъ *Contrahage*, *Renommage*, *Blamage*, имѣющія французскій видъ, но не встрѣчающіяся въ самомъ французскомъ и образованныя по типу другихъ образований съ этимъ суффиксомъ *-age*, которыя дѣйствительно были занимствованы изъ французскаго.

Суффиксъ *-ard* (=нѣм. *-hard* или *-hart*) во французскихъ *bavard* или *bâtard* перешелъ отъ такихъ занимствованныхъ словъ, какъ *hagard* (англ. *haggard*, нѣм. *hagart*), *écard* (дрвн. *scarti*, дрсканд. *skard*), *renard* (*Reinhart*) и т. д.

Такого же (германскаго) происхожденія итальянскій суффиксъ *-ardo* въ *falsardo* (рядомъ съ *falsario*), *leggiardo* и т. д.

Русскій суффиксъ *-тѣй* въ словѣ *грамотѣй* есть видоизмѣненіе греческаго *-τεος* въ *γρᾱματεός*.

По аналогіи къ этой формѣ и такимъ, какъ *злодѣй*, возникаютъ новыя въ родѣ *богатѣй*, *зажитей*.

Занимствованныя слова съ греческимъ суффиксомъ *-инъ* (*-ιους*) въ родѣ *антипириинъ*, *нафталинъ*, *хининъ* и т. д. вызываютъ въ мало образованной средѣ аналогичныя образованія: *мозо-*

линъ, одобринъ, свободинъ, антимолинъ (жидкость противъ моли) и т. д.

Русскій префиксъ *пре-* въ словахъ: *премудрый, прекрасный, преумный, претрудный, предудрацкій, премилый* и т. д., перешелъ къ нимъ отъ словъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго, какъ *преблаий, превратный, превъчный, преблаженный* и т. д.

Греческій префиксъ *архи-* въ русскихъ словахъ: *архиплутъ, архибестія* (архипастырь было уже въ церковно-славянскомъ) перешелъ къ нимъ отъ словъ, заимствованныхъ изъ греческаго, — *архіерей, архидіаконъ, архієпископъ* и т. д. Образованія съ префиксомъ *анти-* въ родѣ *антихристъ* и т. д., вызываютъ формы въ родѣ *анти-воръ*.

Такой же случай перенесенія греческой основы *прото-*, играющей роль префикса, имѣемъ въ словахъ: *протобестія, протоканалія*, гдѣ вторыя части сложений тоже заимствованы (*bestia*—изъ латинскаго, а *canaille*—изъ французскаго), при чемъ образцами служили такія заимствованія изъ греческаго, какъ *протодіаконъ, протопресвитеръ, протопонъ, протоіерей* и т. д.

Въ *распротоканалія* имѣемъ еще сложение основы *прото-* съ русскимъ префиксомъ *рас-* или *раз-*. Изъ этихъ примѣровъ видно съ достаточной ясностью, что чужой суффиксъ или префиксъ чувствуется такой же составной частью рѣчи и также способенъ къ новообразованіямъ, какъ и любой природный.

Префиксъ *наи-* въ русскихъ книжныхъ формахъ превосходной степени также заимствованъ изъ польскаго языка.

На флективные окончанія также распространяется заимствование, хотя это и отрицалось нѣкоторыми учеными, на примѣръ, Максомъ Мюллеромъ ¹⁾. Хотя заимствованія въ этой области языка сравнительно рѣже, чѣмъ въ другихъ, но все же найдется не мало примѣровъ, опровергающихъ взглядъ Макса Мюллера.

Такъ въ индо-португальскомъ смѣшанномъ языкѣ (*Manglore*)

¹⁾ Ср. M. Müller. Ueber deutsche Schattirung romanischer Worte. Kuhn's Zeitschrift т. V.

имѣется такой родительный единственного числа: *hombre's casa* вмѣсто *casa de ombre*, для котораго послужило образчикомъ англійское *the man's house* ¹⁾).

Въ подобныхъ случаяхъ въ языкѣ обыкновенно имѣется уже извѣстная поддержка въ видѣ какой-нибудь похожей на заимствованную морфологической особенности, которая и облегчаетъ распространеніе заимствованной. Такъ, напримѣръ, англійское *-s* множественнаго числа, обыкновенно принято объяснять изъ англосаксонскаго *-as*, но на самомъ дѣлѣ оно обязано своимъ происхожденіемъ французскому *-s*. Нѣмецкія формы такъ называемаго „*schlechten Plurals*“: *Albums, Leutnants, Rouleaus, Neins, Fräuleins, Vergissmeinnichts* и т. д., сводятся къ французскимъ формамъ: *albums, lieutenants* и т. д., но облегчены существованіемъ ниже-нѣмецкаго *-s* ²⁾).

Точно такимъ же образомъ польскія формы именительнаго множественнаго на *-a* у именъ существительныхъ мужескаго рода: *okręta, urzęda, kłopot* и т. д., вызванныя иностранными (главнымъ образомъ латинскими первично *neutra*), какъ *talenta, interesa, pakta, testamenta, dokumenta, akta, examina, projekta* и т. д., съ другой стороны имѣютъ сильную поддержку въ формахъ, какъ *bracia, księża, szlachta* и т. д. Сверхъ того чисто славянское *-a* имѣется и въ именительномъ множественнаго существительныхъ средняго рода, какъ *dzieła, miasta* и т. д.

Въ русскомъ языкѣ мы можемъ указать на формы фамилій Мертваго, Веселаго, Живаго, Бѣлаго и т. д. (рядомъ съ формами: Хитровѣ, Добровѣ, Дурновѣ, Благовѣ), гдѣ *-аго* обязано своимъ происхожденіемъ или церковно-славянскому *-аго*, орфографическому окончанію родительнаго падежа ед. числа, или *-аго* тѣхъ русскихъ говоровъ, которые сохранили еще такое окончаніе ³⁾).

¹⁾ Schuchardt. H. Slawo-deutsches, стр. 8.

²⁾ Schuchardt. Ibidem.

³⁾ Если *-аго* этихъ фамилій церковно-славянскаго происхожденія, то оно обязано своимъ существованіемъ рабскому чтенію написанной по образцу церковно-славянской графики и непонятной формы, которая уже не чувствовалась какъ родит. падежъ. Тогда мы имѣли бы здѣсь одинъ изъ случаевъ вліянія письма, графики на языкъ и заимствование черезъ посредство письменности.

Во всякомъ случаѣ формы и въ родѣ *Мертвѣго*, и въ родѣ *Благого* уже вовсе не чувствуются родительными падежами ед. числа, о чемъ говорятъ и ихъ своеобразная акцентуація, совершенно обособляющая ихъ отъ обыкновенныхъ формъ родительнаго падежа ед. числа (только форма *Живѣго* представляетъ „правильное“ удареніе).

Въ особенно счастливыя условія поставлены языки, имѣющіе возможность заимствованія изъ близко родственныхъ языковъ, какъ, напримѣръ, русскій рядомъ съ церковнославянскимъ, романскіе языки рядомъ съ латинскимъ, новогреческій рядомъ со старогреческимъ и т. д.

Заимствованныя изъ такихъ родственныхъ языковъ слова, благодаря близости родства между языками заимствующимъ и дающимъ, прекрасно укладываются въ систему принявшаго ихъ языка и, не противорѣча сильно его фонетическимъ и морфологическимъ особенностямъ, но въ то же время представляя нѣкоторыя отличія, даютъ языку богатый матеріалъ для семасіологическаго развитія.

При условіи родства между заимствующимъ и дающимъ языками весьма легко возникаютъ параллели словъ съ родственнымъ значеніемъ, ничѣмъ, кромѣ своей исторіи, не отличающіяся отъ параллелей, развившихся на той же языковой почвѣ, но уже другимъ, фонетическимъ путемъ.

Небольшія отличія одного изъ словъ такой пары отъ другаго служатъ признаками, въ которыхъ языкъ пріурочиваетъ семасіологическую разницу.

Такимъ образомъ рядомъ съ варіаціей корней, вызванной фонетическими (а также и морфологическими) процессами, возникаетъ варіація, представляющая собой результатъ заимствованія.

Такъ, рядомъ съ русскими природными словами: *голова*, *го-родить*, *сторона* имѣются заимствованныя изъ церковно-славянскаго *глава*, *о-градить*, *страна*, имѣющія значенія, отличныя отъ природно-русскихъ. Мало того, по образцу такихъ параллелей, могутъ возникать новыя формы, уже не имѣющія ничего общаго съ церковно-славянскимъ.

Такъ отношенія: *юлова* || *лава*, *борода* || *брада*, *ворота* || *врата*, *золото* || *злато* и т. д. вызываютъ къ формѣ *калоша* (слово, заимствованное изъ французскаго или нѣмецкаго *galosche*), которая чувствуется въ силу неопредѣленности неударенныхъ русскихъ гласныхъ (сравни *sâgókâ* сорока и *kâlóšâ* калоша) какъ бы полногласной формой, параллельную шутиливую форму *клáша*, имѣющую болѣе высокопарный и торжественный (въ силу ассоціацій, соединенныхъ съ церковью и ея языкомъ) оттѣнокъ значенія, такой же, какъ и у вторыхъ членовъ вышеприведенныхъ параллелей.

Подобныя же семасіологическія разницы мы имѣемъ также въ парахъ: *горожанинъ* || *гражданинъ*; *городить* || *о-граждать*; *свѣтитъ* || *о-свѣщать*; *рожать* || *рождать* и т. д.

Ниже мы вернемся къ этимъ отношеніямъ въ русскомъ языкѣ и подробно рассмотримъ ихъ. Приведенныхъ же примѣровъ достаточно, чтобы показать значеніе заимствованія какъ фактора, увеличивающаго варіацію корней, столь важную для семасіологическаго развитія языка. По отношенію къ разницѣ значеній, приведенныя параллели совершенно одинаковы съ параллелями, возникшими другимъ путемъ (помощью фонетическаго измѣненія однихъ формъ и морфологическаго возстановленія первичнаго звука въ другихъ при посредствѣ уподобленія къ формамъ, въ силу извѣстныхъ условій не измѣнившимся): *обязать* || *обязать*, *кануть* || *кануть*, *гибнуть* || *гибнуть* и т. д.

Какъ въ примѣрахъ вышеприведенныхъ семасіологическія разницы были приурочены къ разницамъ, вызваннымъ заимствованиемъ, такъ здѣсь оттѣнки значенія связаны съ разницами, являющимися результатами фонетическаго измѣненія.

Такія параллели, основанныя на заимствованіи, имѣются во многихъ языкахъ. Подобныя французскія пары были уже приведены выше (стр. 27—28). Только роль церковно-славянскаго въ нихъ занималъ латинскій.

Одинаковыя параллели могутъ возникать путемъ заимствования одного и того же слова въ различныя эпохи. Такъ, мы имѣемъ въ нѣмецкомъ:

Vogt || Advocat (лат. vocatus и advocatus)
 Brille || Beryll (лат. beryllus)
 Tafel || Tabelle (лат. tabella)
 Meister || Magister (лат. magister)
 predigen || prädicieren (лат. praedicare)
 prüfen || probieren (лат. probare)
 dichten || dictieren (лат. dictare) и т. д. ¹⁾.

Въ русскомъ имѣемъ параллельныя формы *цезарь* || *царь*, *викингъ* || *витязь* и т. д.

Языкѣ поступаетъ и съ этими параллелями такъ же, какъ съ другими, возникшими фонетическимъ путемъ, и пользуется ими для семасіологической дифференціаціи. Въ параллеляхъ: нѣмецкое причастіе *erleuchtet* (морфологическая ассимиляція къ неопредѣленному наклоненію *erleuchten*) || болѣе древняя форма причастія *Erlaucht*; *durchgeleuchtet* (подъ вліяніемъ *durchleuchten*) || *Durchlaucht* разница значеній приурочена къ вариации корня, вызванной фонетическимъ процессомъ съ одной стороны и возстановленіемъ первичнаго вида корня подъ вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ онъ сохранился законнымъ образомъ, съ другой (ср. приведенныя выше русскія параллели: *каннуть* || *кануть*, *гибнуть* || *гинуть* и т. д., стр. 51).

Возможенъ еще одинъ родъ параллелей, когда заимствованное слово не вытѣсняетъ исконнаго однозначащаго, и оба продолжаютъ существовать рядомъ, при чемъ значенія ихъ дифференцируются. Такова нѣмецкая параллель: *Ross* рядомъ съ *Pferd* (первое слово исконное, второе латинскаго происхожденія), совершенно тождественная по семасіологическому отношенію съ русской *конь* || *лошадь* (первое исконное, второе татарское). Здѣсь съ исконными словами соединяется высокопарный оттѣнокъ значенія, а заимствованное, напротивъ, имѣетъ обыденное значеніе.

Перечислить всѣ возможныя проявленія процесса заимствования и приурочить ихъ къ извѣстнымъ систематическимъ ра-

¹⁾ Подробно о нѣмецкихъ параллеляхъ: Andresen. K. G. Wortspaltungen auf dem Gebiete der neuhochdeutschen Schrift-und Verkehrssprache. Zeitschr. f. deutsche Philol. 1890. 265—286.

какъ довольно затруднительно въ виду разнообразія и обширности матеріала. Главныя существенныя категоріи указаны нами выше.

Судьба заимствованныхъ словъ также весьма разнообразна и представляетъ часто значительный интересъ (главнымъ образомъ въ виду ихъ историко-культурнаго значенія). Часто слово идетъ изъ глубокой древности (какъ, напримѣръ, приведенное уже выше *μῆα*, русское мина, сводящееся къ аккадійскому *ma-na*), часто попадаетъ къ отдаленнѣйшимъ народамъ, переходя отъ одного къ другому. Таково, напримѣръ, нѣмецкое слово *Butter*. Въ нѣмецкій оно попало изъ латинскаго (*butyrum*), взявшаго его отъ Грековъ (*βούτυρον*), въ языкѣ которыхъ оно было опять чужимъ, такъ какъ, по свидѣтельству Гиппократа, есть скиѣское слово. Греческая форма обнаруживаетъ несомнѣнное участіе народнаго словопроизводства, какъ бы отъ *βοῦς*—быкъ и *τόρος* (родственное славянское слово *тварогъ*)—сыръ.

Русское *тминъ* (польское *kmin*, старославянское *кюминъ*) сводится къ греческому *κόμινον*, источникомъ котораго является еврейское *kummin*¹⁾.

Арамейское *dikela* переходитъ въ греческій въ видѣ *δάκτυλος*, откуда ведетъ свое начало латинское *dactylus*, развивающееся въ итальянское *dattilo*, а это послѣднее переходитъ въ нѣмецкій въ видѣ *Dattel*.

Русское *хлѣбъ* сводится къ готскому *hlaihs*, изъ котораго оно заимствовано еще въ общеславянскій языкъ, а въ латинскомъ *clibanus* (печь для хлѣбовъ. Ср. также лат. *libum*, родъ пирога, блина), имѣемъ родственное готскому слово, заимствованное изъ греческаго *κλίβανος* (также хлѣбная печь).

Русское *сакъ* заимствовано изъ нѣмецкаго *Sack* или французскаго *sac* (также заимствовано изъ нѣмецкаго), сводящихся къ латинскому *saccus*; въ основѣ же этого послѣдняго лежитъ греческое *σάχος*, взятое въ свою очередь изъ еврейскаго *sāq*.

Обще-европейское *эликсиръ* (какъ бы отъ лат. *elixare*) за-

¹⁾ Въ русскомъ имѣются и діалектическія формы, болѣе близкія къ первоначальному источнику: *киминъ*, *кминъ*.

имствовано изъ арабскаго el-ixir, а это сводится къ греческому ζύριον (сухое лекарство) ¹⁾.

Французское tambour и итальянское tamburino происходят также изъ арабскаго, который въ свою очередь взялъ свое слово изъ греческаго τὸμπάριον ²⁾ и т. д.

Часто слово, заимствованное однимъ языкомъ изъ другого, возвращается черезъ извѣстный промежутокъ времени опять въ свой родной языкъ. Такъ, въ Лайбахѣ (въ Австріи) говорятъ: er sieht kumern aus. Kumern первично есть нѣмецкое kümmerlich, заимствованное въ этомъ видѣ словинцами у нѣмцевъ, которые въ свою очередь взяли свое слово, но уже въ измѣненной формѣ, обратно ³⁾.

Нѣмецкое Banner или Panier заимствовано изъ французскаго bannière, а послѣднее принято объяснять изъ германской основы, заключающейся въ готскомъ bandwa, bandwō=знакъ ⁴⁾. Новонѣмецкое Liste заимствовано изъ французскаго liste, итальянскаго lista, а эти сводятся къ верхненѣмецкому Leiste (срвн. liste) ⁵⁾.

Нѣмецкія Lotto и Lotterie, заимствованныя изъ романскихъ языковъ (итальянскаго и французскаго), въ этихъ послѣднихъ также не первичны и сводятся къ готскому hlauts (жребій); нѣмецкое же galoppiren взято изъ французскаго galoper, а это=дрвн. 'gāhlouf; Busch=итал. bosco, а это заимствовано изъ дрвн. būwisc; нѣмецкое Rang=франц. rangue, а это=дрвн. bring; Tanz взято изъ итальянскаго danza, а это изъ дрвн. dansōn. Fauteuil, Bouquet, Garde взяты обратно въ нѣмецкій изъ французскаго, который въ свою очередь еще раньше взялъ ихъ изъ нѣмецкаго: Faltstuhl, Busch, Warte и т. д.

¹⁾ См. L. Geiger. Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft. 1871. T. I, стр. 287.

²⁾ Ibidem, стр. 288 и слѣд.

³⁾ Schuchardt. H. Slawo-deutsches... стр. 70.

⁴⁾ Kluge. Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 4 изд., 1889, стр. 18.

⁵⁾ Ibidem, стр. 214. Этимологія Гейгера (изъ русскаго листъ) неправдоподобна.

Въ народныхъ восточно-прусскихъ говорахъ (въ Силезіи) встрѣчаемъ слово *komigke*, заимствованное изъ польскаго (*komigka*), которое въ свою очередь является заимствованіемъ изъ нѣмецкаго (*Kammer*), нѣмецкая же форма есть заимствование изъ латинскаго (*camera*), который взялъ это слово изъ греческаго (*καμάρα*).

Подобно каждому другому слову, заимствованныя слова въ концѣ концовъ также выходятъ изъ употребленія, причемъ они замѣняются или новыми заимствованиями, или природными словами ¹⁾. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такимъ же „выживаніемъ“ заимствованныхъ словъ, подобное которому мы встрѣчаемъ и въ исторіи природныхъ словъ.

Иногда причина этого выживанія лежитъ внѣ языка—въ выживаніи культурномъ, когда самыя понятія исчезаютъ, замѣняясь новыми, иногда въ самомъ языкѣ, хотя и не поддается опредѣленію. Примѣрами перваго рода выживанія могутъ служить, на примѣръ, мало употребительныя, а частью и совсѣмъ вышедшія изъ употребленія, заимствованныя слова: бостонъ (карточная игра), галера (гребное судно), гаубица (родъ пушки), гродетуръ (матерія), дилижансъ, монимаска (танецъ), роброндъ (нарядъ) и т. д.

Примѣрами втораго рода—исчезновение такихъ эфемерныхъ заимствованій, какъ, на примѣръ, заимствованія Петровскихъ временъ — викторія, фортеція, конфузія, сатисфакція и т. д. или нѣмецкія — *durchflorigen*, *überparlieren*, *gerueefieren*, *unterordinieren* и т. д., по образцу которыхъ возникали уже: *schimpfieren*, *bildieren*, *schallieren*, *wandellieren* и т. д.

Причины выживанія подобныхъ заимствованій такъ же трудно поддаются опредѣленію, какъ причины выживанія, на примѣръ, латинскаго *caput* или *os* въ романскихъ языкахъ и замѣны ихъ словами *testa* и *bucca*, или нѣмецкаго *Haupt*, вмѣсто котораго говорится теперь *Kopf* и т. д. Исслѣдователь, какъ кажется, можетъ только констатировать данное явленіе и этимъ и удовольствоваться.

¹⁾ Ср. Grünbaum. *Mischsprachen und Sprachmischungen*. Berlin. 1885, стр. 3 и слѣд.

Синтаксисъ также не остается свободнымъ отъ вліянія чужихъ языковъ. Случаи проявленія этого вліянія имѣютъ въ общемъ значительное сходство съ уже разсмотрѣнными случаями перенесенія чужой внутренней формы слова. Но часты случаи, когда переносится уже синтаксическая структура. Примѣромъ могутъ служить такіе обороты, какъ *accusativus* и *nominativus cum infinitivo* въ русскомъ языкѣ, на примѣръ:

„Учинилъ слышнымъ быть повсюду мои рыданія“

(Третьяковскій. Ъзда въ Островъ Любви).

„Тебя душа моя быть чаеъ“ (Державинъ. Ода Богъ).

„... Имъ печатный всякій листъ быть кажется святымъ“

(И. Дмитріевъ. Сатира „Чужой Толкъ“).

или въ церковнославянскомъ:

кого ма глаголютъ ѹсловѣцы быти, Сѣа ѹсловѣѹскаго

(М. XVI. 13).

ѹ же кого ма глаголете быти (Ibidem. 15).

Дательный самостоятельный, перенесенный изъ церковно-славянскаго, у нѣкоторыхъ писателей прошлаго столѣтія, какъ, на примѣръ, „Преставшу Годофреду вѣщати, шумъ плесканій даль знати“ и т. д. (Михаилъ Поповъ. Переводъ „Освобожденнаго Іерусалима“. 1772).

Такіе галлицизмы, какъ Пушкинское: „имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ“ (Выстрѣлъ) и т. д.

Въ этомъ отношеніи замѣчается во всѣхъ новыхъ языкахъ стремленіе къ извѣстному однообразію, сглаживаніе характерныхъ особенностей и появленіе извѣстныхъ международныхъ синтаксическихъ оборотовъ. Это явленіе въ славянскихъ языкахъ имѣетъ въ виду Миклошичъ, когда говоритъ ¹⁾:

„Способъ выраженія, аналогичный таковому европейскихъ языковъ, оттѣсняетъ постоянно на задній планъ своеобразный славянскій, — явленіе, которое можно наблюдать также и въ другихъ языкахъ нашей части свѣта; ибо извѣстный, если можно

¹⁾ Vergleichende Grammatik der Slaw. Sprachen. Bd. IV. Syntax, стр. 740.

такъ выразиться, новоевропеизмъ стремится какъ бы объединить въ одинъ языкъ языки европейскихъ народовъ, принимающихъ участіе въ культурѣ... Кто не обращаетъ вниманія на стремленіе языковъ нашей части свѣта къ извѣстному единообразію, тотъ никогда не будетъ въ состояніи объяснить себѣ постепенное преобразование славянскихъ языковъ. Не все въ языкахъ происходитъ извнутри“.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы вопроса.

Первой по времени грамматикой русскаго языка (точнѣ великорусскаго нарѣчія, и именно московскаго говора) является грамматика Генриха Вильгельма Лудольфа, вышедшая въ Оксфордѣ въ 1696 году подъ заглавіемъ: *Grammatica Russica, quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam* и т. д. (8°. VI+97 стр.).

Раньше появившіяся грамматики Лаврентія Зизанія ¹⁾ и Мелетія Смотрицкаго ²⁾, не говоря уже о еще болѣе раннихъ, Виленской (1586 г.) и Львовской (1591 г.) ³⁾, имѣли въ виду только „славенскій“ или церковнославянскій языкъ. Русскіе элементы, принятые составителями за чисто славянскіе и безсознательно введенные въ установленныя въ этихъ попыткахъ грамматическія системы, обязаны своимъ происхожденіемъ не великорусскому нарѣчію, а малорусскому. Кромѣ того дѣло не обходится здѣсь и безъ обычныхъ полонизмовъ. Яснаго представленія объ особенностяхъ русскаго и церковнославянскаго языка и звуковой разницѣ между ними здѣсь нечего и искать.

¹⁾ Грамматика Словѣнска съставлѣнна Лаврѣнтіемъ Зизаніемъ. Вильно 1596.

²⁾ Первое изданіе 1619 г. въ Эвю (близъ Вильны), въ Москвѣ въ 1648 г. слѣдующее (для Москвы первое).

³⁾ См. о нихъ П. Житецкаго. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія. Часть первая. Кіевъ. 1889. 8°. стр. IV+162+102: стр. 17.

Такъ, Мелетій Смотрицкій (Московское изданіе л. 50) считаетъ формы *внжю* и *молоую* церковнославянскими. На л. 55 встрѣчаемъ также формы *кожю*, *хожю*, приведенныя, какъ церковно-славянскія. Поэтому мы оставимъ эти грамматики въ сторонѣ.

Болѣе точное представленіе объ отличіяхъ русскаго отъ церковно-славянскаго мы находимъ въ „Лексиконѣ Славеноросскомъ“ Памвы Беринды (Кіевъ. 1627. Второе изданіе въ типографіи Бутенискаго монастыря вышло въ 1653) ¹⁾. Но и онъ имѣетъ болѣе значеніе для малорусскаго, чѣмъ для русскаго языка, такъ какъ составитель руководился первымъ, какъ лучше ему извѣстнымъ. Кромѣ того языкъ лексикона кишитъ полонизмами не только въ „росской“, но даже и въ „славенской“ части.

Тѣмъ не менѣе нельзя отказать составителю въ извѣстномъ языковомъ чутьѣ; такъ, онъ ставитъ рядомъ со „славенскими“ неполногласными формами:

браздѣ, брію брѣду, бремя, вашестранъ, влажѹ, влекуся, врагъ врата, возгласъ, главѣ, гласъ, дрѣвянъ, загражденіе, заграждаю, злато, кладязь, крастель, млатобіецъ, мракъ и т. д., „росскія“ полногласныя:

борознѣ, голю бѣроду, бѣремя, звѣшей стороны, отволѣбую, волокѹся, вѣрогъ, воротѣ, оголошеніе, головѣ, гѣлосъ, деревѣный, загорѣенье, загорѣжую, зѣлото, колѣдезь, коростѣль, бѣчій (sic!) нѣлотовъ, морѣкъ и т. д.

Но рядомъ съ этими правильно представленными случаями встрѣчаемъ въ „славенскомъ“ отдѣлѣ формы: *юлошу* = жалобно плачу и *колоколъ* = цимбалъ, дзвонокъ (п. *dzwonek*).

²⁾ Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ, озаглавленнымъ: **ЛЕКСИКОНЪ**, славенорѣсскій. именъ толкованіе, всесѣстны ѿцѣмъ кѹ: Пѣмвою берѣндою Прѣтосѣггелѣ Ѡрѣ: Іерѣалимского, Згро-мѣженный. И Запозволенѣ старшѣ, Первей в кѹнѣ: с: Рѣ: Лѣвры Печѣрскія Кіевскія. И тепѣрѣ зъ Тѣпографіи Ѡбщесѣителнаго Мона-стыря: **КУТѢИНСКАГО**. Тѣцѣніемъ томъже Обѣтели Інокѣ, Тѣпомъ издѣсѣ. Рѣлѣто: ѿ Рѣтѣвѣ Хѣвѣ, аѣхнѣ. Мѣца Септѣ: ѿ днѣ. Лист. тѣдѣ (324).

Правильно также понимает Памва соотвѣтствіе „славенскихъ“ *ш, жд*, „росскимъ“ *ч, ж* въ такихъ сопоставленіяхъ:

вижду = вижу, възмущаю = замучую, загражденіе = загороженіе, заграждаю — загорожую, междѣ = межа, пощеваю (!) = ночую, помощь = помочь и т. д.

Но рядомъ съ этими сопоставленіями встрѣчаемъ въ качествахъ „славенскихъ“ формъ — *жажемъ* = хоть, *приблужаю*, *единорождъ* = единорѣзецъ (*unicornis*) и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ „славенское“ *будущій* передано на „росскомъ“ формами *грядущій* и *прійдущій*, *немоцный* передано уже полонизмомъ *немоцный* и т. д. Такіе же полонизмы передаютъ „славенское“ *власть*: *владза*, *звѣрхность*, *моць* (п. *władza*, *zwie gznosć*, *moc*).

Памва правильно считаетъ форму *предаша* „славенской“, но передаетъ ее полонизмомъ *полцимъ*, гдѣ понято только соотвѣтствіе временъ.

Правильно также различіе „славенскаго“ предлога *разъ* отъ „росскаго“ *роз-*: *разный* = *рѣзный*, *разліяніе* = *розлітыє*, *рѣзумъ* = *рѣзумъ*. Послѣдній примѣръ можетъ быть также и полонизмомъ ¹⁾.

Такимъ образомъ мы должны начать нашъ обзоръ литературы собственно съ помянутой выше грамматики Лудольфа, который является первымъ ученымъ, отличавшимъ великорусскій языкъ отъ церковно-славянскаго и обратившимъ вниманіе на ихъ разницу въ написанной имъ первой грамматикѣ живаго великорусскаго языка. На стр. 2-й мы находимъ у него слѣдующія общія замѣчанія о взаимныхъ отношеніяхъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и ихъ значеніи въ обыденной и общественной жизни московскаго государства.

¹⁾ Ср. также то, что говоритъ Житецкій о словарѣ Памвы: Очеркъ исторіи малорусскаго нарѣчія. Киевъ. 1889. стр. 37—51. Такой же характеръ, какъ Лексиконъ П. Беринды, имѣетъ и «Словарь книжной малорусской рѣчи» (рукопись XVII в.), изданный въ приложеніи къ названному только что труду. Предшественникомъ подобныхъ словарей является «Лексикъ сирѣчь реченія въкратцѣ събранны и изсловенскаго языка, на просты Русскій діалектъ истолкованы», приложенный къ грамматикѣ Лаврентія Зизанія (1596).

Ideo autem Russis cognitio linguae Slavonicae necessaria est, cum apud ipsos non tantum S. Biblia et reliqui libri, quibus sacra peraguntur, Slavonico idiomate solummodo extent, rerum etiam de materiis eruditionem vel scientias spectantibus neque scribere neque disserere liceat, nisi lingua Slavonica in usum advocetur. Quamobrem quo quis doctior cæteris reputari vult, eo plus Slavonici sermonibus et scripturae immiscet, licet nonnulli ridere illos soleant, qui in communi sermone Slavonica nimium affectant. Unicus tantum liber vulgari dialecto impressus est, qui *положеніе* uloschenie vocatur et corpus Juris Russici repræsentat; licet constructiones nonnullae Slavonicam grammaticam potius quam communem modum loquendi sequantur“.

Нижѣ говорится о Симеонѣ Полоцкомѣ, что онѣ въ своихъ переводахъ и сочиненіяхъ „quantum potuit difficilioribus vocabulis Slavonicis abstinuit, quo à pluribus legi et percipi posset, Interim tamen omnia sunt Slavonica et multo vulgo ignota. Sed sicuti nemo erudite scribere vel disserere potest inter Russos sine ope Slavonicae linguae, ita è contrario nemo domestica et familiaria negotia sola lingua Slavonicâ expediet, nomina enim plurimarum rerum communium, quarum in vita quotidiana usus est, non exstant in libris, è quibus lingua Slavonica haurienda est. Adeone apud illos dicitur loquendum est Russice et scribendum est Slavonice. Quanquam autem plerique Russi, qui Idiotæ videri nolunt, vocabula scribere solent, non ut efferuntur, sed sicuti secundum grammaticam Slavonicam scriberi deberent; v. g. scribunt *сегодня* segodnia hodie, cum tamen pronuncient *сеководни* sevodni“.

Нижѣ, на стр. 4—5, находимъ весьма подробныя и точныя для своего времени замѣчанія о различіи русскаго и церковно-славянскаго языковъ: „sequuntur observationes nonnullae circa differentiam Russicae dialectus a lingua Slavonica.

а Slavonicum duas consonantes sequens mutatur in duo о.

Slav.	Russ.
глава	голова
caput	

градъ	urbs	городъ
гладъ	fames	голодъ

є Slavonicum à Russis saepe mutatur in о

Slav.	Russ.

ѣдннъ	unus	одинъ

ѣсень	autumnus	осень

ѣсеръ	lacus	осеръ (sic!)

In declinationibus Slavonicae linguae consonantes nominativi in nonnullis casibus mutantur, sed in Russica dialectu retinentur v. g. **ръка** manus in dativo et ablat. singulari facit **ръцѣ**, in lingua Russica vero **рукѣ**. Sic à **языкъ** lingua est nominativus pluralis **языцы**. Russice vero **языки**. Similiter quoque in declinatione nominum Slavonicorum **г** in **з** et **ж**, **х** in **с** nonnunquam mutatur.

ѡ Slavonicum à Russis frequenter mutatur in у.

Slav.	Russ.

нощъ	nox	ночь

немощъ	morbus	немоуъ

хощеть	vult	хочеть

In adjectivis Slavonicis genitivus singularis masculini et neutri desinit in **о** sed in lingua Russica in **о**.

		Slav.	Russ.
à таѡн	talis	такого	такого
ѣдннъ	unus	ѣдннѡго (sic!)	одинѡго

In verbis Slavonicis praeteritum desinit in **х**, sed in verbis Russicis in **а**:

любнхъ	amavi	любнлъ.

Praepositiones nonnullae aliter construuntur in lingua Russicâ quam in Slavonicâ

Slav.	междъ	ръскнми	людми

Russ.	междъ	ръскнхъ	люден

Inter Russos.

Interdum quoque vocabula prorsus differunt.

Slav.	Russ.
глаголю	loquor
	говорю

рѣкъ	dixit	сказалъ
днѣсь (sic!)	hodie	сегодня
вѣкъ	semper	всегда, всегда (sic!)
истина	veritas	правда
тѣмѣ	gratis	даромъ

На стр. 15. „Denique notandum, quanquam in vulgari dialecto vocativus similis sit Nominativo, nonnunquam tamen Vocativum Slavonicum eos retinere, quod fieri solet in rebus spectantibus ad religionem; quae ipsis Slavonia tradita fuit. ut. **Божѣ поминати miserere Deus**“.

На стр. 16: „Quod autem in lingua Slavonica к ante ь mutatur in ѣ. hoc Russi non observant. Dicunt enim **онъ держи** въ своё **ръкъ** tenet in manu sua, cum Slavonice dicendum esset **ръцѣ**“.

Въ приведенныхъ выдержкахъ заключается довольно разносторонняя характеристика русскаго языка въ отличіе отъ церковнославянскаго, для своего времени замѣчательная. Лудольфъ впервые обращаетъ вниманіе на русское полногласіе, на соотвѣтствіе начальнаго о старославянскому ю; на русское ч на мѣстѣ старославянскаго шт=тj, кт, гт, т. е. на главныя фонетическія отличія русскаго языка. Пропущено только соотвѣтствіе русскаго ж и старославянскаго жд. Въ области морфологіи отъ вниманія Лудольфа не ускользнуло въ русскомъ распространеніе (путемъ морфологической ассимиляціи) основъ безъ „смягченія“ заднеязычныхъ и на падежи, гдѣ это „смягченіе“ имѣется въ старославянскомъ („Russice vero **языки**“ и т. д.). Указано также на различіе окончаній родительнаго падежа мѣстоименнаго склоненія въ русскомъ и старославянскомъ, на отсутствіе въ русскомъ звательнаго падежа, на неизмѣніе аориста и замѣну его новой, вторичной формой.

Лудольфъ обращаетъ вниманіе и на синтаксическія разницы въ управленіи падежей извѣстными предлогами, хотя и ошибочно въ данномъ случаѣ, а также и на нѣкоторыя лексическія особенности. Имъ первымъ отмѣчено присутствіе церковнославянскаго элемента въ русскомъ языкѣ и вліяніе его на русскую орфогра-

фію (разниця между написаніємъ и произношеніємъ слова сегодня) и разграниченъ языки: книжный (церковнославянскій) и устный, разговорный (собственно русскій).

Въ предисловіи Добровскаго къ грамматикѣ русскаго языка Пухмайера (*Lehrgebäude der russischen Sprache* 1820) приводятся нѣкоторые руссизмы, встрѣчающіеся въ грамматикахъ и букваряхъ начала XVIII-го вѣка. Такіе руссизмы имѣются у Бопіевича въ его „Славенороссійской Грамматикѣ“ ¹⁾, въ букварѣ на трехъ языкахъ—славянскомъ, греческомъ и латинскомъ, изданномъ въ Москвѣ въ 1701 г. (4^о), затѣмъ въ „Лексиконѣ Трехъязычномъ“ Ѳедора Поликарпова (Москва 1704. 4^о), но они проскальзываютъ здѣсь случайно, сознательнаго желанія разграничить русскіе элементы отъ старославянскихъ или церковнославянскихъ здѣсь нѣтъ, а потому мы ограничимся только упоминаніемъ.

Слѣдующимъ по времени сочиненіемъ, касающимся того же вопроса, является вторая гимназическая программа ректора одной изъ Берлинскихъ гимназій Іоанна Леонарда Фриша (1666—1743), вышедшая въ Берлинѣ въ 1727-мъ году подъ заглавіемъ: „*Historiam linguae Sclavonicae continuat quatuor capitibus I. De origine Characteris Cyrillici speciatim, II. De cultura Linguae Sclavonicae, beneficio hujus Characteris III. De Typis novis Sclavonico-Moscoviticis. IV. De Dialecto Russica, tanquam filia Linguae Sclavonicae etc...*“

Въ четвертой главѣ этой программы отличается русскій языкъ отъ церковнославянскаго и приводятся его характерныя особенности. Но наблюденія Фриша не представляютъ почти ничего существенно новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что сказано было о данномъ предметѣ Лудольфомъ.

Въ началѣ главы читаемъ: „*Dialectus Russica matri suae, linguae Sclavonicae in paucis dissimilis est. Retinent etiam Russi*“

¹⁾ Руководеніе въ Грамматикѣ (*Manuductio in Grammaticam*), Во Славенороссійскую (*in slavonico Rosseanam*), или Московскую (*seu Moscoviticam*), во употребленію (*in usum*) учащихъ (*discentium*) языка (*linguam*) Московскаго (*Moscoviticom*). Per Eliam Коріjewitz v. d. m. Adorna anno 1706. 8^о. Pag. 80.

Linguam Slavonicam in rebus Theologicis & Ecclesiasticis & quicunque etiam in Politicis purius scribere volunt, amant & imitantur eam*.

Дальше приводятся слѣдующія четыре отличія русскаго языка отъ церковно-славянскаго:

„Differt vero Dialectus Russica à Lingua Slavonica quae apud Russos floret. 1) In verborum quorundam pronunciatione, permutando quasdam vocales et consonantes. Exempli causa pro Slavonico edin dicunt & scribunt odin, pro Segodne, Sewodne; pro togo, towo. &c.

2) Inter Consonantes concurrentes, imprimis quarum posterior est r, interponunt vocalem ut: pro brada dicunt boroda; pro grad, gored; pro strana, storona.

3) Propria sua vocabula habet per omnes partes Orationis, e. c. pro as (ego) dicunt ja; pro glagoliti, goworiti.

4) In declinationibus & conjugationibus, non habent, exempli causa, numerum Dnalem, nam hunc magistri Graecissantes Russicis Scholis obstruserunt (!!). In Conjugationibus e. c. tantum tria tempora habent Praesens, Praeteritum & Futurum, & Futurum circumscribunt verbo auxiliari budu sive stanu & Infinitivo, sicut nos verbo werden, pro quo Slavonice praepositio vos vel alia Praesenti praepositur, ut, pro budu liuwiti (sic!) Slavonice scribitur woslubliu (amabo, ich werde lieben)*.

Въ описаніи фонетическихъ особенностей русскаго языка встрѣчаемъ только нѣкоторые новые примѣры, за то въ смыслѣ полноты и точности, а также обилія примѣровъ Фришъ много уступаетъ своему предшественнику, и его замѣчанія представляются весьма поверхностными. Въ отношеніи морфологическихъ особенностей Фришъ обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя черты, не упомянутыя Лудольфомъ,—на отсутствіе двойственного числа и меньшее количество временъ, а также на имѣющееся въ русскомъ „будущее составное“.

Нѣкоторыя замѣчанія о различіи языковъ церковнославянскаго и русскаго и о литературномъ употребленіи ихъ, сообразно съ содержаніемъ литературныхъ произведеній, находимъ у В. К.

Тредьяковскаго въ предисловіи къ переводу его „Ѣзда въ островъ Любви“ (Спб. 1730): „На меня, прошу васъ покорно, неизволте погнѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную (книгу) неславенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Рускимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собою говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенской, у насъ есть языкъ церковной; а сія книга мирская. Другая: языкъ славенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь темень, и многія его наши читая неразумѣютъ; А сія книга есть СЛАДКІЯ ЛЮБВИ, тогоради всѣмъ должна быть вразумительна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не толко я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но зато у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскимъ особымъ РѢЧЕТОЩЕМЪ хотѣлъ себя показывать“ ¹⁾.

Несмотря на высказанное здѣсь намѣреніе писать „почти самымъ простымъ Рускимъ языкомъ“, мы находимъ въ языкѣ перевода большое количество славянизмовъ. Таковы, напримѣръ, неполногласныя формы: *бремя* (стр. 654), *мась* (ibidem), *странны* (стр. 655), *брегъ* (656), *зракъ* (657), *драгая* (660), *младость* (661), *велемисно* (663), *прахъ* (664), *древеса* (671), *престаютъ* (672), *благосердна* (675), *дражайшимъ* (691), *премънъ* (696), *неизмашать* (702), *престать* (704), *градъ* (709), *премънила* (711), *краткое время* (713) и т. д., хотя рядомъ имѣются: *отъ берегу* (657), *оборотившиися* (666), *перестанъ* (674), *холодность* (703), *города* род. ед. ч. (704), *беззвороту* (713), *вороты* (ibid.), *перестанъ* (674) и т. д.

Также шатко употребленіе Тредьяковскимъ формъ съ *щ*, *жд*. вмѣсто русскихъ *ч*, *ж*: *пещера* (670), *немоушъ* (688), *немоуше* (672), *привлещи* (710), *ноушъ* (724), *вещищен* (725), *ты-*

¹⁾ Александръ Смирдинъ. Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторъ. Сочиненія Тредьяковскаго. Санктпетербургъ. Въ типогр. Имп. Акад. Наукъ. 1819, т. III, стр. 649—650.

сящи (715), *зажещи* (716), *помощи* (неопред. накл. 727), *пощи* (716), *хошу* (701), *возможи* (673) и т. д. рядомъ съ: *хочешъ* (712), *тысячу* (720), *тысячю* (721), *свѣчи* (710) и т. д.

провождаетъ (665), *провождать* (703), *такожде* (653) и т. д. рядомъ съ *нахожу* (653), *такоежъ* (654) и т. д.

Встрѣчаются также морфологическіе славянизмы: род. пад. *любве* (708), род. пад. *превеликія* (725), *юрящія* (710), творит. множественнаго *рѣчьми учтивы* (658), третье лицо ед. ч. *имать* (658) и т. д. лексическія заимствованія въ родѣ *сиче* (685), *понеже* (693), *выну* (696), *вотще* (612), *паки* (709), *зѣло* (714) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Тредьяковскій имѣлъ смутное представленіе о „самомъ простомъ Русскомъ языкѣ“; элементы церковнославянскіе и природно-русскіе, для различенія которыхъ у него не было никакого критерія, мѣшались въ его языковомъ запасѣ и казались ему совершенно равноправными.

Свой взглядъ на отношеніе русскаго и „славенскаго“ языковъ Тредьяковскій выразилъ еще въ „Разговорѣ о правописаніи“, написанномъ въ 1747 г.: „Вся разность, которая находится у нашего съ славенскимъ, касается токмо, такъ сказать, до поверхности языка, а не до внутренности, тѣмъ, что состоитъ она либо въ нововводныхъ словахъ, воспріятыхъ отъ чужихъ языковъ; либо въ отиѣнныхъ весьма немногихъ словахъ, какъ за славенское *ашче*, у насъ *ежели*; либо въ простѣйшемъ выговорѣ отъ народа введенномъ, какъ вмѣсто *глава*, *голова*, вмѣсто *пити*, *пить*, вмѣсто *млеко*, *молоко*. Но такая разность не мѣшаетъ нмало, быть нашему языку однимъ и тѣмъ же съ славенскимъ ¹⁾. При такомъ пониманіи отношеній между русскимъ и церковнославянскимъ неудивительно, если попытка Тредьяковского писать „простымъ Русскимъ языкомъ“ вышла неудачной.

Въ грамматикѣ, приписываемой Ададурову и изданной въ видѣ приложенія къ нѣмецко-латинско-русскому словарю Вейсманна ²⁾ подъ заглавіемъ „Anfangsgründe der Russischen Spra-

¹⁾ Сочиненія. Изд. Смирдина, т. III, стр. 203.

²⁾ Teutsch-Lateinisch-und Russisches Lexicon Samt Denen Anfangs-Grün-

че“, различаются во флексіи формы русскія и славянскія, причѣмъ указывается и на особенности образованія тѣхъ и другихъ.

Вотъ относящіяся сюда мѣста:

Глава II (стр. 11). Объ образованіи русскихъ степеней сравненія: „Die Slavonier zahlen dergleichen Gradus drey, als den Positivum, Comparativum und Superlativum. Jenen den Comparativum formiren sie vom Positivum dadurch, dass sie dessen Endung *ни* oder *и* das *и* vorhersetzen und das *и* in *і* verwandeln, als честныи in Comparativum, честнѣишѣи. Diesen den Superlativum, formiren sie gleichfalls vom Positivum, wenn sie dessen Endigung in *ѣишѣи* verwandeln, als честныи Superlativum честнѣишѣи, worüber eine Slavonische Grammatic weitläufiger handelt. In der Russischen Sprache aber lassen die Adjectiva keine Comparativum Gradum zu, dahingegen haben sie desto mehrere Superlativa“... и ниже: „Es lassen sich aber die Superlativa in der Russischen Sprache auf dreyerley Art formiren. Die erste Art kömmt darinnen mit der Slavonier Superlativum Gradu überein, dass man die Terminationem des Positivi in *ѣишѣи* verändert, als: святыи, heilig, святѣишѣи, heiligst, честныи ehrlich, честнѣишѣи, u. s. w“.

Рядомъ съ очевидными ошибками здѣсь замѣчается все же до извѣстной степени указаніе если не на славянское происхожденіе превосходной степени на *-ѣишѣи*, то на ея отношеніе къ славянской сравнительной степени.

На стр. 13-й говорится объ отсутствіи въ русскомъ языкѣ двойственного числа: Die Slavonier haben auch noch den in der griechischen Sprache gewöhnlichen Dualen, der nur zwo Sachen allein anzeigt, aber in der Russischen Sprache ist dieser nicht gebräuchlich.

На той же 13-й страницѣ, въ III главѣ объ образованіи звательнаго падежа единственного числа: 1) Der Vocativus in

den der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften Zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскіи и русскіи Лексиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при императорской академіи наукъ печатію изданъ. St. Petersburg, Gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey. 1731.

beyden Numeris dem Nominatio gleich sey. Ausgenommen in denjenigen Wörtern, die pur Slavonisch, oder in welchen die Russen die Slavonier nachahmen wollen. Dann alsdenn ist der Vocativus von dem Nominatio jezuweilen unterschieden, als: пастырю an statt пастырь, жено an statt жена, Христе, an statt Христосъ, боже an statt богъ, человеѣче an statt человекъ u. s. w. Звательный на -е признается здѣсь церковнославянскаго происхожденія.

На стр. 23-й находимъ замѣчанія о двоякомъ склоненіи словъ *матерь* и *дочь*: матерью, дочерью || матерію, дочерію; матерями, дочерями || матерьми, дочерьми: „Es kommt aber diese irreguläre Flexion daher, weil beyde Slavonische Wörter sind, und in derselben Sprache den Nominativum auf *матерь* und *дочь* formiren. Согласиться однако съ этими замѣчаніями нельзя, въ виду хотя бы того, что *дочь* не можетъ быть славянской формой, затѣмъ того, что именительные падежи *матерь*, *дочь* чужды старославянскому языку. Въ данныхъ случаяхъ, имѣется просто сохраненіе первичной основы на г-.

На стр. 24-й говорится о переходѣ *i* въ *e* передъ *j* въ рускомъ и о сохраненіи его въ церковнославянскомъ, что позволяетъ считать формы, сохранившія это *i*, за церковнославянскія: „Diejenigen Wörter bey welchen gemeldet ist contractio das *i* vorhersteht, sind Slavonischen Ursprungs, und verwechseln dieses *i* in der Russischen Sprache mit e, als: врабій, Russisch, воробей der Sperling. Сергій, Russisch, Сергей, Sergius u. s. w.“.

На стр. 26-й „окончаніе“ Instr. plur. -іями существительныхъ съ суффиксомъ -іе признается природнымъ русскимъ и наоборотъ окончанія -ѣи и -ѣми заимствованными изъ церковнославянскаго: „Es ist hier (въ книгѣ) sowohl in dem Schemate als in denen Paradigmatibus der Instrumentalis des Pluralis von denen Nahmen so auf *іе* ausgehen auf іями flectiret worden, welches vielleicht Liebhabern der Slavonischen Redens-Arten (писавшему, очевидно, были извѣстны таковыя) möchte anstößig seyn, indem sie gewohnt sind selbigen mit іи oder ѣми zu exprimiren. Allein da nunmehr aller Slavonismus vornehmlich eine

solche Art zu decliniren aus der Russischen Sprache exuliret, und einen gresslichen Laut in denen Ohren derer Heutigen erregt, so wird man auch nicht verdenken können, wenn man solches allhier übergangen und vielmehr dafür der natürlichen Art zu decliniren nachgegangen ist“. Разумѣтся, русскаго въ „окончаниі“ *-іями* только одно *-ами*, заимствованное отъ основъ ж. рода на *-ā*; сохраненіе *i* въ этой формѣ, какъ и въ суффиксѣ *-іе*, есть черта церковнославянская.

На страницѣ 27-й находимъ слѣдующее о склоненіи слова Господь, заимствованнаго изъ церковнославянскаго: „Господь der Herr, ist Slawonisch, und wird irregulair decliniret. Der Singularis davon wird in der Russischen Sprache allzeit für den Heyland Christum genommen, und wird folglich also decliniret: Nom. Господь. Gen. Господа, Dat. Господу, oder Господеви, Acc. Господа, Voc. Господи, Instr. Господемъ. Nar. Господѣ. Der Pluralis Numerus von diesem Worte, ist in der Russischen Sprache, allwo es als ein Nomen Proprium genommen wird, nicht gebräuchlich. Daher wenn es ja in Pluralis vorkommt, solches erstlich Slawonisch ist und denn auch nicht mehr von Bedeutung ist als das teutsche Herr. Es wird aber folgender Maassen von den Slavoniern in Plurali decliniret: Nom. und Voc. господіе, Gen. господей, Dat. господемъ, Acc. господы, Instr. господами und господы, Nar. господѣхъ.

Какъ ни отрывочны и ни поверхностны (подчасъ ошибочны) эти замѣчанія, но они заслуживаютъ быть приведенными въ виду ихъ историческаго значенія, такъ какъ являются первой попыткой (въ грамматикѣ, составленной русскимъ и изданной въ Россіи) различенія въ составѣ русскаго языка чуждыхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго элементовъ. Составитель грамматики однако обращаетъ преимущественное вниманіе на грамматическія формы въ противоположность Лудольфу, у котораго находимъ, главнымъ образомъ, противоположеніе русскихъ формъ церковнославянскимъ въ фонетическомъ отношеніи. Такъ въ грамматикѣ Ададунова говорится объ образованіи сравнительной и превосходной степеней, объ отсутствіи въ русскомъ двойственнаго

числа, звательнаго надежа, о склоненіи *матерь* и *дочерь*, обь-
окончаніи творительнаго надежа множ. числа *-іями* у существи-
тельныхъ съ окончаніемъ *-іе* и о склоненіи слова Господь; фоне-
тического характера только одно замѣчаніе о сохраненіи *і* передъ
ј въ церковнославянскомъ и переходѣ его въ русскомъ въ *е*.

Въ слѣдующей по времени грамматикѣ русскаго языка Грѣ-
нинга (на шведскомъ языкѣ) ¹⁾, представляющей во многомъ за-
мѣтное сходство съ грамматикой, приписываемой Ададуrowу, не
находимъ никакихъ почти прямыхъ указаній относительно присут-
ствія церковнославянскихъ элементовъ въ составѣ русскаго языка.

Болѣе подробныя, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ выше работахъ,
указанія находимъ у М. В. Ломоносова въ его разсужденіи „о
пользѣ книгъ церковныхъ въ російскомъ языкѣ“ (1755) ²⁾ и
особенно въ его „россійской грамматикѣ“ (тоже 1755) ³⁾.

Въ разсужденіи „о пользѣ книгъ церковныхъ“ находимъ впер-
вые въ русской литературѣ указанія на разницу словъ народныхъ
(природныхъ, первично-русскихъ) и заимствованныхъ изъ церков-
нославянскаго въ семасіологическомъ отношеніи. Послѣ нѣсколь-
кихъ вводящихъ замѣчаній о развитіи языка въ связи съ умствен-
нымъ и нравственнымъ развитіемъ народа, о значеніи перевода
Священнаго Писанія съ греческаго на славянскій для обогащенія
последняго, а также о важности употребленія природныхъ язы-
ковъ въ качествѣ языковъ церкви, Ломоносовъ указываетъ на
существованіе трехъ „степеней“ „россійскаго языка“ — высокой,
посредственной и низкой. Эти три степени находятся въ связи съ
употребленіемъ книгъ церковныхъ, а ближайшій ихъ источникъ
„три рода реченій російскаго языка“. Къ первому изъ этихъ
родовъ Ломоносовъ относитъ слова, общія языкамъ церковносла-
вянскому и русскому: „которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у

¹⁾ Thet år Grammatica Russica, Eller Grundelig Handlending Til Ryska
Språket-Utgifwen Af Michael Groening, Koongl. Translator. Stockholm. 1750.

²⁾ Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторъ. Сочиненія Ломоно-
сова. Изданіе Александра Смирдина Спб. 1847, т. I.

³⁾ Ibidem. Т. III. также Ученныя Записки Второго отдѣленія Импера-
торской Академіи Наукъ 1856. Кн. III, стр. 1—150. Мнѣ параграфовъ при-
ведены у насъ по послѣднему изданію.

россіянь общеупотребительны, напимѣрь: *Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю*". При этомъ слова первично-русскія и заимствованныя изъ церковнославянскаго Ломоносовымъ другъ отъ друга не различаются, и въ этотъ его первый классъ попадаютъ и первично-русскія, какъ *рука*, и заимствованныя, какъ *Богъ, почитаю*. Ко второму классу Ломоносовъ относитъ рѣже употребляемыя, но понятныя каждому грамотному русскому: „кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напимѣрь: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю*. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю, рясны, овогда, свѣтъ* и симъ подобныя". Такимъ образомъ изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Ломоносовъ относилъ къ этому, второму, классу тѣ заимствованія изъ церковнославянскаго, которыя вошли въ книжный, литературный языкъ. Наконецъ, къ третьему роду „относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славянскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, напимѣрь: *говорю, ручей, который, пока, лишь*. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ стилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ".

Хотя примѣры „реченій третьяго рода“ Ломоносовымъ были выбраны несовсѣмъ удачно (при тогдашнемъ состояніи науки Ломоносовъ не могъ знать, что говорити встрѣчается въ Супрасльскоѣ рукописи и другихъ, позднѣйшихъ памятникахъ, который въ Остромировомъ Евангеліи, лише тамъ же и въ Сборникѣ 1076 года), но ясно, что онъ относилъ сюда слова природно-русскія, не заимствованныя изъ церковнославянскаго.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ попыткой извѣстнаго разграниченія словъ первично-русскихъ и словъ церковнославянскихъ, классификаціи русскаго лексическаго матеріала сообразно его употребленію и происхожденію. Разграниченіе это далеко не точно; Ломоносовъ основываетъ его не на данныхъ языка, а на чисто случайныхъ условіяхъ (употребленіе или неупотребленіе въ церковныхъ книгахъ).

Цѣль, преслѣдовавшаяся имъ въ данномъ случаѣ, не имѣла ни-

чего общаго съ научными задачами и была чисто практическая — способствовать установленію русской стилистики. Этимъ, конечно, и объясняется случайность основаній классификаціи, такъ какъ для ея цѣли было достаточно и такихъ основаній. На большемъ или меньшемъ употребленіи перечисленныхъ выше трехъ родовъ реченій Ломоносовъ и основываетъ свое извѣстное дѣленіе „штиля“ на три рода: высокій, посредственный и низкій. „Первый составляется изъ реченій славенороссійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славенскихъ, росіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ... Средній штиль состоятъ должны изъ реченій больше въ російскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славенскія, въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость... Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода то есть которыхъ нѣтъ въ славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться по пристойности матерій... Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію“.

Тутъ же указывается значеніе заимствованій изъ церковнославянскаго языка для обогащенія русскаго языка: „польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ“, а также объясняется возвышенный оттѣнокъ въ значеніи словъ, взятыхъ изъ церковнославянскаго языка: „по важности священнаго мѣста церкви Божіей и для древности, чувствуемъ въ себѣ къ славенскому языку нѣкоторое особое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо украсить“.

Относительно присутствія въ русскомъ языкѣ церковнославянскихъ элементовъ находимъ довольно много отдѣльныхъ указаній, касающихся и фонетическихъ, и морфологическихъ особенностей этихъ заимствованій, въ „Россійской грамматикѣ“ Ломоносова.

. Такъ вліяніемъ церковнославянскаго, точнѣе церковнаго произношенія объясняется здѣсь (§ 99) присутствіе звонкаго задне-

язычнаго спиранта *γ* (малорусское *г*) въ формахъ *Бога, богомъ..., юсподъ, мась, благо* и производныхъ отъ нихъ *юсударь, юсударство, разлашаю, блгодать, благословляю* и т. д., въ такихъ говорахъ русскаго языка, которые во всѣхъ первичныхъ, не заимствованныхъ словахъ имѣютъ звонкій заднеязычный взрывной *г*.

Въ § 168-мъ указывается на разницу окончаній р. п. у словъ первично русскихъ и книжныхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго. У первыхъ по Ломоносову гораздо чаще имѣется окончаніе *-у*: *размаху, часу, взгляду, визгу, трузу* рядомъ съ *трепета, возраста, розоваго духу, прошлогодняго дому, птичья юлосу* рядомъ со *Святаго духа, человѣческаго дома, Архангельскаго маса* и т. д. (ср. также § 167).

Въ § 185-мъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что въ „высокомъ штилѣ, гдѣ Россійскій языкъ къ Славенскому клонится“, преобладаетъ окончаніе предложнаго падежа на *-нъ*: *очищенное въ юрнъ злато, жить въ домъ Бога Вышняго, въ потъ лица* и т. д. рядомъ съ: *въ юрну, въ поту* и т. д.

Въ § 210-мъ говорится о невозможности сравнительной и превосходной степеней на *-шій* (какъ *свѣтлѣйшій, пресвѣтлѣйшій, обильнѣйшій, преобильнѣйшій* у заимствованныхъ изъ церковнославянскаго) отъ русскихъ первичныхъ („низкихъ“), какъ *прытчайшій, препрытчайшій* и т. д.

Въ § 338-мъ относительно окончанія причастія настоящаго на *-щій* замѣчается, что оно можетъ встрѣчаться только у такихъ глаголовъ, которые „отъ Словенскихъ какъ въ произношеніи, такъ и въ знаменованіи никакой разности не имѣютъ“. Наоборотъ подобныя причастія „весьма не надлежитъ производить отъ тѣхъ глаголовъ, которые нѣчто подлое значать“.

Еще яснѣе это формулировано въ § 435-мъ, гдѣ говорится, что причастія на *-щій* производятся отъ глаголовъ славянскаго происхожденія — *вѣнчающій, пишушій, питающій* и „весьма не пристойны произведенныя отъ простыхъ Россійскихъ, которые у Славянъ неизвѣстны — *говоряшій, чавкающій*“. Это послѣднее замѣчаніе интересно еще въ томъ отношеніи, что для современ-

наго языковаго чутья послѣднія формы нисколько не странны или дикы. Что здѣсь причиной—чрезмѣрный ли пуризмъ и ригоризмъ Ломоносова или бѣльшее распространеніе даннаго окончанія въ современномъ языкѣ, сказать трудно. Теперь формы причастія на *-щій* возможны у любого глагола.

Въ связи съ этими §§ находится и § 351-й, въ которомъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что „дѣепричастія на *-ючи* пристойнѣе у точныхъ россійскихъ глаголовъ, нежели у тѣхъ, которые отъ Словенскихъ происходятъ; и напротивъ того дѣепричастія на *-я* употребительнѣе у Словенскихъ, нежели у Россійскихъ. Напримѣръ, лучше сказать *толкаячи*, нежели *толкая*; но напротивъ того лучше употребить *дерзая*, нежели *дерзаячи*“. Современное языковое чутье разсудить нѣсколько иначе и склонится и въ первомъ случаѣ къ формѣ „*толкая*“; форма же „*дерзаячи*“ для него совершенно невозможна.

Въ § 437-мъ идетъ рѣчь о причастіяхъ прошедшаго времени на *-вшій* у глаголовъ съ суффиксомъ *-ну-* (*-нж-*), какъ „двигнувшій“ и т. д. Л. замѣчаетъ, что они возможны тоже не у всѣхъ глаголовъ, а только у заимствованныхъ изъ церковнославянскаго, „у Славенскихъ“; русскіе же глаголы это окончаніе „принять не всегда могутъ“, такъ что формы *брякнувшій*, *нырнувшій* и т. д. для уха Л.—а кажутся „весьма противными“, между тѣмъ какъ для современнаго онѣ уже вполне привычны.

Въ § 439-мъ окончаніе причастія настоящаго страдательнаго *-мый* Ломоносовъ также допускаетъ только у „глаголовъ Россійскихъ у Славянъ въ употребленіи бывшихъ“, напр. *вънчаемый*, *пишемый*, *питаемый*, *подаемый*, *видимый*, *носимый*. (Современному языковому чутью, напротивъ, совершенно чужды формы, какъ *пишемый*, *подаемый*). Онъ считаетъ ихъ болѣе умѣстными въ „риторическихъ и стихотворческихъ сочиненіяхъ, нежели въ простомъ стилѣ или въ просторѣчій“. Наоборотъ, „отъ россійскихъ глаголовъ, у Славянъ въ употребленіи не бывшихъ, произведенныя, напр. *трогаемый*, *качаемый*, *мараемый*, весьма дикы и слуху несносны“. Относительно послѣднихъ формъ современный

литературный языкъ гораздо болѣе снисходителенъ, чѣмъ былъ Ломоносовъ.

Въ §§ 441 и 442 разграничиваются два окончанія причастій прошедшихъ страдательныхъ на *-ый* и *-ой*, Первое Ломоносовъ считаетъ (основательно) болѣе подходящимъ у глаголовъ „отъ Славенскихъ происшедшихъ“, а вторые у „простыхъ російскихъ“.

Въ § 443-мъ замѣчается, что „славенскіе глаголы“ не имѣютъ причастій „давнопрошедшихъ страдательныхъ“, встрѣчающихся только у „російскихъ глаголовъ“, какъ напр. *смагриванъ, -а, -о*.

Въ § 445-мъ находимъ замѣчаніе, что причастія отъ „возвратныхъ, взаимныхъ и общихъ“ глаголовъ съ *-ся* болѣе свойственны „глаголамъ Славянамъ извѣстнымъ“.

Въ § 448-мъ указывается, что, если „причастія отъ обыкновенныхъ Російскихъ неупотребительны, можно... взять изъ Славенскаго языка...“ Напримѣръ: „*колдующій, дерущійся*, не принимаются; но вмѣсто ихъ служить могутъ: *волигбствующій, воюющій*“. Современное языковое чутье и въ этихъ формахъ относится совсѣмъ иначе. Ни одна изъ нихъ не оскорбляетъ его.

Такимъ образомъ и замѣчанія Ломоносова имѣютъ главнымъ образомъ морфологическій характеръ; только одно касается фонетической особенности, обязанной своимъ происхожденіемъ церковнославянскому языку (спирантное произношеніе *ъ* въ нѣкоторыхъ словахъ), остальные всѣ касаются морфологіи, причемъ особое вниманіе обращено на образованіе причастій и дѣепричастій (въ десяти параграфахъ), два замѣчанія посвящены окончаніямъ склоненій и одно образованію сравнительной степени. Попытки установить какіе либо отличительные признаки церковнославянскихъ словъ и формулировать различіе русскаго отъ церковнославянскаго въ фонетическомъ отношеніи мы не находимъ.

Въ трудахъ по русской грамматикѣ, вышедшихъ послѣ появленія грамматики Ломоносова, не находимъ никакихъ особенно новыхъ замѣчаній относительно присутствія церковнославянскихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ. Въ большинствѣ случаевъ мы встрѣчаемся съ простымъ повтореніемъ того, что уже было сказано Ломо-

носовымъ. Такъ, грамматика Шлёцера, писавшаяся и частію вышедшая (только первые листы) въ промежутокъ времени между 1762-мъ и 1766 годомъ ¹⁾ и для своего времени въ извѣстныхъ отношеніяхъ примѣчательная, не представляетъ по занимающему насъ вопросу ничего новаго сравнительно съ грамматикой Ломоносова: § 3, п. 2, § 66, п. III и § 67, п. 3, гдѣ говорится о произношеніи *i* въ словѣ *Богъ* и нѣкоторыхъ другихъ словахъ являются пересказомъ соответствующихъ §§ грамматики Ломоносова, причемъ даже взяты тѣ самыя примѣры. Такъ же мало находимъ мы указаній въ другихъ явившихся послѣ выхода въ свѣтъ грамматикъ Ломоносова работахъ этого рода, въ ряду коихъ болѣе другихъ выдаются грамматикъ Барсова и Соколова ²⁾).

Больше находимъ вниманія къ занимающимъ насъ отношеніямъ въ академической грамматикѣ, вышедшей въ 1802 г. ³⁾, хотя и она немного прибавляетъ новаго къ наблюденіямъ Ломоносова. Такъ, въ § 18-мъ находимъ утвержденіе, что „буква *Г* произносится двоякимъ образомъ, т. е. иногда какъ *g*, а иногда какъ *h* латинское, а именно:

1) Въ словахъ, заимствованныхъ изъ Славенскаго языка и высокому слогу свойственныхъ, соответствуетъ по большей части въ произношеніи буквѣ *h*, напримѣръ: *глава*, *попасаю*, *вознищаю*, *исподствую*, *гортанъ*, *гунивый* (въ наше время, по крайней мѣрѣ въ произношеніи большинства, всѣ эти случаи имѣютъ взрывное *i* = лат. *g*): напротивъ того въ общемъ языкѣ употребленіи выговаривается по большей части подобно буквѣ *g*, напр.: *цалка*, *возодъ*, *модать*, *ину*, *грабли*, *грыжа*“.

¹⁾ Напечатана вновь въ Сборникѣ статей, изданныхъ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ. Т. XIII. Спб. 1875.

²⁾ Барсовъ, А. Краткія правила россійской грамматики, собранныя изъ разныхъ Россійскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ Гимназіяхъ Московскаго Университета. Москва. 1771 г. 8°. Слѣд. изд. 1782, 1786, 1797, 1802 гг. Соколовъ П. Начальныя основанія Россійской грамматики въ пользу учащагося въ гимназіи при Императорской Академіи Наукъ юношества. Спб. 1788. 8°, VI+147 стр. Постѣдующія изданія: 1792, 1797, 1806, 1808 годовъ.

³⁾ Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою Академіей. Спб. 1802 г. 8° IV+355 стр. Второе изданіе въ 1809 г. и слѣдующія въ 1819, 1827 годахъ. Мы пользовались вторымъ.

Остальные замѣчанія посвящены только морфологическимъ особенностямъ. Такъ, въ § 79-мъ говорится, что „звательный падежъ обоихъ чиселъ подобенъ именительному, исключая слѣдующія слова: *Богъ, Боже; Господь, Господи; Христосъ, Христе; Иисусъ, Иисусе; отецъ, отче; владыка, владыко; творецъ, творче; сынъ, сыне; дѣва, дѣво; дщерь, дщи; мать, мати; царь, царю; утѣшитель, утѣшителю*: но таковое окончаніе падежей звательныхъ приличествуетъ слогу Славенскому и можетъ иногда по приличію быть употребляемо въ слогѣ важномъ“.

Въ § 177-мъ (примѣчаніе) идетъ рѣчь о заимствованныхъ изъ „славенскаго“ именахъ числительныхъ: „Въ важныхъ предметахъ, такъ же въ слогѣ высокомъ и близко къ Славенскому подходящемъ употребляются лучше имена числительныя, по Славенскому правописанію пишемыя, какъ то: *единый, первый, надесять, второй, надесять, третій, надесять, двадесать, двадесатый, тридесять, тридесатый* и проч. поелику приличнѣе сказать и писать: *Карлъ второй на десять*, нежели *дѣвѣнадцатый*; *Людвикъ пятый на десять*, нежели *пятнадцатый* и проч.“. Замѣчаніе это въ настоящее время утратило значеніе.

Въ § 240-мъ находимъ замѣчаніе относительно употребленія вмѣсто повелительнаго наклоненія „настоящаго или будущаго времени наклоненія изъявительнаго съ частицею *да*, напримѣръ: *да иду, да идешь, да идетъ, да идемъ, да будетъ, да станетъ* и проч. Но поелику таковое повелительнаго наклоненія выраженіе свойственно языку Славенскому; то оно употребляется въ высокомъ только стилѣ“.

Въ § 245-мъ (примѣчаніе III) говорится почти то же о русскихъ дѣепричастіяхъ, что у Ломоносова въ § 351-мъ (см. выше стр. 74-я): „...замѣтить должно, что дѣепричастія глаголовъ собственно Россійскому языку принадлежащихъ, пристойнѣе оканчивать на *чи*, напротивъ того глаголы, изъ Славенскаго языка заимствованные, въ дѣепричастіи настоящаго времени лучше употребляются на *а* или *я*, напримѣръ: лучше сказать *толкаячи*, нежели *толкая*; но напротивъ того лучше сказать *держая*, нежели *держаючи*; *держа*, нежели *держючи* и проч. ¹⁾).

¹⁾ О перемѣнѣ, совершившейся въ языковомъ чутьѣ нашего времени, ср. сказанное выше на стр. 74-й о таковомъ же мнѣніи Ломоносова.

Въ § 249-мъ, Примѣч. II. Относительно времени настоящаго страдательнаго залога, какъ *есмы любимъ, бываю любимъ* и пр. говорится: „Вообще же замѣтить надлежитъ, что таковое страдательнаго залога настоящее время развѣ въ высокомъ и близко къ Славенскому подходящемъ слогѣ бываетъ употребительно. Въ другихъ же случаяхъ вмѣсто онаго употребляется или глаголѣ возвратный съ приличнымъ страдательному залогу падежемъ, или глаголѣ дѣйствительный; наприм.: вмѣсто *я есмь, ты еси именуемъ, зовомъ, или мы есмы, вы есте именуемы, зовомы*, говорится: *именуюся, именуешься или меня, тебя именуютъ, зовутъ; именуемся, именуетесь, или насъ, васъ именуютъ*; такъ же вмѣсто *море есть волнуемо вѣтромъ*, говорится *море волнуется вѣтромъ*.

Въ § 259-мъ (примѣчаніе) говорится почти то же о причастіяхъ, что замѣчаетъ Ломоносовъ въ §§ 338-мъ и 435-мъ (см. выше стр. 73): „Вообще замѣтить должно, 1) что причастія, а наипаче настоящаго времени, по большей части употребляются въ высокомъ слогѣ, слѣдовательно отъ простыхъ глаголовъ, каковы суть, *вѣю, топчу, барышничая* и проч. причастія не употребляются, а вмѣсто оныхъ глаголы употребляются въ изъявительномъ наклоненіи съ мѣстоименіемъ *который* или *кой*.

Наконецъ въ § 265-мъ (примѣчаніе 3-е) находимъ замѣчаніе о дѣепричастіяхъ прошедшаго времени, которыя: „сугубое имѣющія окончаніе т. е. на *ши* и сокращено на *ъ* съ предъидущею согласною буквою, имѣютъ неодинаковое употребленіе. Первое можетъ быть употребляемо въ слогѣ важномъ и въ просторѣчій, напротивъ того другое, какъ напримѣръ: *возставъ, воздѣвъ, убоявся, прошедъ* и проч. болѣе приличествуетъ слогу высокому“.

Академическій словарь, вышедшій въ 1789—1794 гг. подъ заглавіемъ „Словарь Академіи Россійской“ (шесть частей in 4°) въ своемъ отношеніи къ лексическому матеріалу церковнославянскаго происхожденія слѣдовалъ по стопамъ Ломоносова. Предисловіе къ словарю, говоря о значеніи „славенскаго“ языка для русскаго, почти буквально повторяетъ цѣлыя мѣста изъ знаменитаго разсужденія Ломоносова „о пользѣ книгъ церковныхъ въ Россіи“.

скомъ языкѣ“. Составители словаря ¹⁾ такъ же, какъ и Ломоносовъ, не особенно строго отличали русскіе элементы отъ старославянскихъ.

По общераспространенному взгляду XVIII и начала XIX вв., языки „славенскій“ и русскій считаются почти одинаковыми. Поэтому русскій языкъ часто называется „славенороссійскимъ“ — терминъ неясный и употреблявшійся въ разныхъ значеніяхъ: „славенороссійскій языкъ большею частью состоитъ изъ славенскаго, или, яснѣе сказать, основу свою на немъ имѣетъ, хотя, впрочемъ, великое множество содержитъ словъ собственно русскихъ, по свойству коихъ, нѣкоторыя изъ Славенскаго языка почерпнутыя, иное окончаніе, иное образованія, а другія и новый смыслъ получили (Словарь Акад. Росс. 1789, ч. I, стр. VI)“. Въ то же время „языкъ Россійскій, имѣя незыблемымъ основаніемъ языкъ славенскій, посредствомъ книгъ священныхъ и церковныхъ, сохранилъ“ свою цѣлость, такъ что „народъ Россійскій, не взирая на дальнее разстояніе мѣстъ, имъ обитаемыхъ, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ (тамъ же, стр. VII)“. Несмотря на это, составители словаря признаютъ „неоспоримую истину“, что „языкъ Россійскій болѣе измѣнился и измѣняется предъ языкомъ славенскимъ, что не можетъ показаться удивительнымъ тому, кто представитъ себѣ великое пространство Россійскаго обладанія, сосѣдственныхъ и въ нутри обитающихъ разноплеменныхъ народовъ“... „Таковое состояніе языка славенороссійскаго заставило академію, при составленіи словаря своего, вникать въ тотъ и другой языкъ съ возможною точностью (тамъ же, стр. VIII)“. Т. о. здѣсь какъ бы различаются эти два языка. Въ началѣ же предисловія говорится только о „Славенороссійскомъ“ языкѣ: „Академія поставила себѣ долгомъ сочиненіе Словаря или изъясненія словъ, реченій, рѣчей и разнаго рода вѣщаній въ языкѣ Славенороссійскомъ употребительныхъ (стр. V)“. Нѣсколько ниже: „разсѣянное обиліе языка Славенороссійскаго во множествѣ разныхъ книгъ какъ древ-

¹⁾ См. исторію его у Сухомлинова «Исторія Россійской Академіи», вып. VIII и послѣдній 1887 г., стр. 1-я и слѣд.

нихъ, такъ и новѣйшихъ писателей было главною доселѣ причиною трудности въ прямомъ нашего языка употребленіи... но сіе самое обиліе, въ единой составъ приведенное, облегчить каждаго трудъ въ познаніи точнаго смысла и употребленія языка Славенороссійскаго (стр. VI)". И только затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе „Славенороссійскаго“ языка, приведенное выше. Тѣмъ не менѣе, въ самомъ словарѣ церковнославянскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ, въ большинствѣ случаевъ выдѣлены вполне удачно. Признаки, которыми руководствовались при этомъ составители словаря, состояли въ слѣдующемъ: 1) критерій лексико-семасіологическій: а) внѣшнее различіе словъ въ томъ и другомъ языкѣ, означающихъ тождественныя понятія (синонимія); б) различіе значеній при внѣшнемъ тождествѣ славянскаго и русскаго слова (гомонимія); 2) критерій морфологическій: особенности морфологическаго строенія—употребленіе тѣхъ или другихъ суффиксовъ и т. п. словообразовательныхъ элементовъ; 3) критерій фонетическій: различіе звуковыхъ законовъ въ томъ и другомъ языкѣ (полногласіе и отсутствіе его, русское о || стсл. ѹ, начальное русск. о || стсл. ѹ, русское ч, ж || стсл. шт, жд).

1) а. Примѣры отличенія славянскихъ и русскихъ синонимовъ: „якорь, пославенски *кѡтва* (ч. VI, стр. 1044)“; „ротъ—пославенски Уста (?! ч. V, стр. 168)“.

б. Примѣры различенія славяно-русскихъ гомонимовъ: „квасъ—въ славенскомъ значитъ то же, что *закваска*, умал. *закваска*: „малъ *квасъ* все смѣшеніе квасить“ (Гал. V, 9). Въ обыенов. росс. язык. *квасъ* значитъ: Напитокъ кислый... (ч. III, стр. 495).

2) Примѣры примѣненія морфологическаго критерія. Различіе суффиксальное: Скороходъ — Пославенски же Скороходець (ч. III, 221); Пѣтухъ — Пославенски Пѣтель (IV. 1256); Осель—Послав. *осля* (IV. 646) и т. д.

3) Примѣненіе фонетическаго критерія. А) Полногласіе: „Лакоть—славенск.; просто же локоть (III. 1135); Власть—Слав. въ общемъ же языка употр. Волось (I. 760); Класъ—Слав. просто же Колось (III. 591); Бразда—Слав. въ общемъ же языка

употребл.—Борозда (I. 312); Стражъ — Слав.; просто же: Сто-рожь (V. 866)^а и т. д.

Б) Русское о || стел. ы: „ныю—Слав.; просто же Ною (IV. 573); мою—Послав.: мыю (IV. 282)^а и т. д.

В) Сохраненіе въ славянскомъ і = ѣ и исчезновеніе его въ русскомъ: „Бію—Послав.; въ обынов. же разговорѣ сокращенно... Бью (I. 172); Копіе—славенск.; просто же копье (III. 801)^а и т. д.

Г) Славяпское жд, шт || русск. ж, ч: „Невѣжда—Славянск.; просто же Невѣжа (I. 974); вижду—Слав.; просто же: Вижу (I. 675); ночь—Пославенски: Нощь (IV. 555); Мошь—Слав.; просто же Мочь (IV. 206); хочу—Славенск.; просто же Хочу (VI. 577)^а и т. д.

Такимъ образомъ составители словаря знали главныя фонети-ческія отличія русскаго языка отъ старославянскаго, хотя и не всегда примѣняли это знаніе, какъ это видно будетъ изъ нижепри-веденныхъ примѣровъ. То же слѣдуетъ сказать и о ихъ примѣне-ніи лексическаго и морфологическаго критеріевъ. Такъ находимъ:

1) Ротъ—Послав.: Уста (?) т. V. 168; Трактиръ—Пославен-ски: Гостинница „Приведе его въ гостинницу“ (Лук. X. 34).

2) Сиротскій—Пославенски: Сиротній (V. 458).

3) Предпріемлю — Слав. просто же: Предпринимаю (II. 99); обра-щаю, -ши, -тихъ, -ащати—Славенск.; просто же: Обращаю, -ешь, -иль, -ать (I. 895). Благовременно—Въ слав. же языкѣ: Благовременнѣ (I. 926); Издалече и Издалеча—Славенск. (?); просто же Изда-лека (II. 460); Высоко—Слав.; просто же Высоко (I. 950) и т. д.

Большое количество примѣровъ см. у Сухомлинова (Исторія Россійской Академіи. Вып. VIII. 1887, стр. 76—86).

Относительно ударенія приводимыхъ въ словарѣ формъ нахо-димъ опредѣленное указаніе въ Предисловіи (I, стр. XIII): „раз-личное произношеніе и удареніе словъ по разности областей Акаде-міи тщилася соображать по выговору въ столицахъ употребляемому, наблюдая удареніе въ книгахъ Славенскихъ принятое, доколѣ не будутъ открыты точныя и на сіе правила“. Какъ видно, впрочемъ, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, составители не могли иногда разобрать въ томъ, какая акцентуація должна быть признана

русской и кабая славянской, тѣмъ болѣе, что и акцентуація славянскихъ книгъ въ концѣ концовъ почти вся русская.

Второе изданіе „Словаря“ (Спб. 1806—1822 въ шести же частяхъ), уже безъ предисловія, не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ перваго, и все сказанное выше имѣетъ силу и въ отношеніи его.

Грамматики, выходившія въ послѣдующіе года, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ практическія, школьныя цѣли, мало самостоятельны, какъ въ отношеніи матеріала, такъ и его обработки и могутъ быть пройдены молчаніемъ. Направленіе „обще-грамматическое“, нашедшее себѣ на Западѣ выраженіе въ работахъ De Brossez'a, Court de Gébelin'a, ученыхъ des Port Royal, Beauzée, Silvestre'a de Sasy, Malmesbury, Ногне Тооке'a, Августа Фридриха Бернгарди и др., и проникавшее мало по малу и къ намъ, было также мало благопріятно для разысканій фактическаго характера, такъ что изслѣдованіе занимающаго насъ вопроса не сдѣлало никакихъ успѣховъ въ трудахъ этого рода, представителями котораго у насъ являлись грамматикн Орнатовскаго и Тимковскаго ¹⁾).

Первый даже слабо различаетъ русскій языкъ отъ старославянскаго. Такъ на стр. 23 онъ заявляетъ, что будетъ „до нѣкотораго времени разсматривать исторію его (Славяно-россійскаго языка) вмѣстѣ, не раздѣляя на нарѣчія: Славянское и Русское“. Сверхъ этого находимъ у него слѣдующія замѣчанія по данному предмету: на стр. 30-й утверждается, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ „коренной Славянскій языкъ совершенно вышелъ изъ разговорнаго употребленія (!!); и знаніе его начало почитаться удѣломъ однихъ ученыхъ; а Уложеніе царя Алексія Михайловича было написано на общенародномъ Россійскомъ языкѣ, исключая немногія Славянскія выраженія“. На стр. 90-й говорится, что *мать* и *дочь* въ косвенныхъ падежахъ склоняются по образцу Славянскихъ *матерь* и *дщерь*, (что однако не должно значить, что эти формы заимствованы изъ

¹⁾ Новѣйшее начертаніе правилъ Россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ, сочиненное Иваномъ Орнатовскимъ. Харьковъ. 1810. 8° (311 стр.).

Опытный способъ къ философическому познанію Россійскаго языка. Соч. Ильи Тимковскаго. Харьковъ. 1811 г. 8° (310 стр.).

церковнославянскаго). На стр. 91-й находимъ замѣчаніе, что звательный падежъ на -е „приличествуетъ собственно слогу Славено-Россійскому“, затѣмъ на стр. 103-й утверждается, что „въ важныхъ предметахъ, также въ слоги высокомъ и близкомъ къ Славенскому употребляются лучше числительныя Славенскія“. На стр. 182-й замѣчается, что глаголы „собственно Славенскіе давнопршедшаго (т. е. многократнаго вида) не имѣютъ“. Какъ видно, замѣчанія эти не представляютъ ничего новаго, сравнительно съ грамматиками Ломоносова и Россійской Академіи; напротивъ, проходятъ молчаніемъ многое въ нихъ встрѣчающееся. Находимъ у Орнатовскаго и неудачныя „правила“, какъ напр. на стр. 189, гдѣ глаголы въ родѣ *блуждаю* признаются русскими: „кончающіеся на *жу*, кои въ Славенскомъ кончатся на *жду*, *у* переимѣняются на *даю*. Напримѣръ *блуж-у блуж-даю* (отъ слав. *блужду*), *нуж-у при-нуждаю*, *суж-у разсуж-даю*“. Всѣ эти замѣчанія касаются морфологій; только на стр. 245-й находимъ замѣтку синтаксическаго свойства: „глаголь *воскреснуть* принимаетъ родительный съ предлогомъ *изъ*..... Иногда же по свойству языка Славенскаго вмѣсто предлога *изъ* употребляется съ предлогомъ *отъ*, напр. *воскреснуть отъ гроба*“.

Тимковскій также не дѣлаетъ большого различія между церковнославянскимъ и русскимъ, устанавливая существованіе „Славенороссійскаго“ языка. При этомъ однако, хотя онъ и утверждаетъ, что „Россійскій удержалъ силу Славенскаго въ существѣ и высшемъ употребленіи своемъ (стр. 50)“, но находитъ между ними и нѣкоторыя „разности“, заключающіяся:

„а) въ выговорѣ буквъ, а паче гласныхъ и въ удареніи словъ;

б) въ прибавкѣ или выпущеніи буквъ и слоговъ и въ грамматическихъ переимѣнахъ словъ; въ немъ также двойственное число и многія вспоможенія глагола существительнаго въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ времени оставлены. На прим.: *градъ городъ; древа, древеся, дерева, деревья; ноцію, ночью; князи, князя; врази, враги; чту, читаю; предъль, предъловъ; предълы, предълами; на чадъхъ, на чадахъ; мя, меня; ся, себя; идоста, идоша,*

*

шли; ходиломъ, мы ходили; явитимися, явиться мнѣ; краснѣе, краше; позднѣе, позже.

в) Въ произведеніи, сложеніи и значеніи словъ. Многія слова прежнія оставлены, новыя отъ Славенскихъ корней произведены, новыя окончанія въ словопроизведеніи приняты; иныхъ словъ значеніе пережѣнилось.

г) Въ словосопряженіи и управленіи, напр. *солнце сіяетъ свѣтъ свой; радоватися о Господь* и т. д.

д) Въ слогѣ. Рѣчь возвышенная, а найпаче писменный высокій слогъ придерживаются болѣе словъ, словопроизведенія, словосопряженія и выговора Славенскаго, не удаляясь впрочемъ къ обветшалоу употребленію“.

Несмотря на свою голословность, не подкрѣпленную достаточнымъ количествомъ примѣровъ, эти замѣчанія являются довольно самостоятельной и опредѣленной попыткой формулировать „разности“, имѣющіяся между русскимъ и церковнославянскимъ языками. Но отсутствіе примѣровъ (только пункты б) и г) снабжены ими), а также несовсѣмъ удачный ихъ выборъ (форма *враги* тоже славянская; *чту* и *читаю* могутъ одинаково хорошо принадлежать обоимъ языкамъ; формы *краснѣе* и *позднѣе* совершенно возможны и въ русскомъ) лишаютъ эту попытку почти всякаго положительнаго значенія.

Изъ грамматикъ, появившихся за это время на иностранныхъ языкахъ и принадлежащихъ иноземнымъ ученымъ, можно остановиться на трудахъ Фатера ¹⁾ и Пухмайера ²⁾.

У перваго находимъ довольно обстоятельное замѣчаніе о разныхъ произношеніяхъ русскаго языка, сообразно содержанію и матеріалу рѣчи: „Was die Aussprache betrifft: so muss man die ge-

¹⁾ Vater (Joh. Sever.). Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Uebungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik und Berichtigung der Heymischen Sprachlehre. Leipzig 1808. 8° (XL+160 стр.). 2-te vermehrte und umgearbeitete Auflage. Ibidem. 1814. 8° (XII венум. +276).

²⁾ Puchmayer (Ant. Jar.) Lehrgebäude der russischen Sprache. Nach dem Lehrgebäude der böhmischen Sprache des H. Abbé Dobrowsky. Prag. 1820. 8° (XLI+28 стр.).

wöhnliche Aussprache des Russischen von der feyerlicheren bey dem Vortrage öffentlicher Reden auch selbst der Rollen hoher Personen auf dem Theater oder bey dem Slawonischen, welches die Kirchensprache ist, wohl unterscheiden. Diese feyerlichere Rede weiss von der Aussprache des *r* durch *w*, und den mancherley nachher anzugebenden Veränderungen des *e* in *jo*, des *o* in ein *oa* u. s. w. nichts, sondern spricht *a*, *e*, *o* wie wir (стр. 4).

На слѣдующей (пятой) страницѣ замѣчается о произношеніи *ѣ*, которое „... in vielen, besonders Slawonischen und gottesdienstlichen Wörtern ganz in *h* übergeht, z. B. благословляю blahoslowl'aju (ich segne), und so auch in den Wörtern господъ hospod (Herr), государъ hosudar (Herr), in den Casibus von Богъ (Gott) z. B. Bora boha (Gottes).

На стр. 15—16 говорится о выговорѣ „дифтонга“ *-ей*: „Doch muss man auch den Laut dieser Diphthongen ja aus dem Munde der Nationalen auffassen, und dabey wiederum den Unterschied der Slawonischen und der beym Umgange Gebildeter gewöhnlichen Aussprache wahrnehmen; Slawonisch verhält z. B. bey *іѣ* das *ѣ* ganz in *і*, sie flissen zusammen und der Laut hört fast auf Diphthong zu seyn, aber dasselbe *іѣ* lautet in der gewöhnlichen Russischen Aussprache, wenn es unbetont ist nach *в*, *н*, *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, wie *e*^j z. B. срѣдній sredne^j dageden wenn es hinter andern Buchstaben unbetont ist z. B. высокій wie *a*^j und wenn es betont ist, wie bey какій wie *o*^j.

Мы не можемъ уже судить, насколько доступно было Фатеру изученіе русскаго произношенія. Судя по нѣкоторымъ промахамъ (господъ=hospod, государъ=hosudar) въ транскрипціи русскихъ словъ, можно думать, что русское произношеніе не было имъ твердо усвоено. Тѣмъ не менѣе, разница выговора обыкновеннаго, разговорнаго и церковнаго, книжнаго обратила на себя его вниманіе; какъ на особенности послѣдняго онъ указываетъ на спирантное произношеніе *ѣ*, на сохраненіе удареннаго *ѣ* (въ русскомъ=„ѣ“) и ясное произношеніе неударенныхъ гласныхъ. Какъ понимать замѣчаніе Фатера, приведенное у насъ въ концѣ, сказать трудно. Неясно, хочеть ли онъ сказать, что въ церковномъ выговорѣ произносилось

не *ий*, а *и* (какъ въ малорусскомъ *солодки*), что въ наше время уже не имѣетъ мѣста, или только обратить вниманіе на то, что церковному *ий* (-j въ -ij и такъ будетъ слышенъ весьма слабо) соотвѣтствуютъ въ народномъ языкѣ *-ей* въ неударенномъ слогѣ и *-ой* подъ удареніемъ. Этими замѣчаніями ограничивается все, что Фатеръ считалъ необходимымъ указать по данному предмету. Случаевъ, гдѣ онъ долженъ былъ бы отличать церковнославянскіе элементы отъ русскихъ, но не сдѣлалъ этого, очень много, но мы оставимъ ихъ въ сторонѣ и перейдемъ къ слѣдующему по времени иностранному изслѣдователю русскаго языка—Пухмайеру. Предисловіе къ грамматикѣ послѣдняго, написанное Іосифомъ Добровскимъ, заключаетъ въ себѣ обзоръ русскихъ грамматикъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ грамматикъ Лудольфа. (*Vorrede. Literatur der russischen Sprachlehren*).

Добровскій начинаетъ съ указанія руссизмовъ въ памятникахъ древней русской письменности (считая съ XIII-го вѣка, въ лѣтописяхъ Нестора и другихъ хронистовъ, въ Русской Правдѣ, Словѣ о Полку Игоревѣ), которыя въ общемъ все-таки по его мнѣнію написаны славянскимъ языкомъ. Примеры, приводимые имъ, распадаются на слѣдующія категоріи: полногласныя русскія формы, рядомъ съ неполногласными, предлогъ *вы* вмѣсто *изъ*, начальное *о* вмѣсто *е*. Затѣмъ слѣдуетъ попытка прослѣдить постепенное проникновеніе русскаго природнаго элемента въ письменность и грамматики, пока онъ не вытѣсняетъ окончательно церковнославянскій и въ той, и другой области. При этомъ онъ пользуется приведенными у насъ выше свидѣтельствами Лудольфа и Фриша объ употребленіи двухъ языковъ въ Московскомъ государствѣ, перечисляетъ нѣсколько старопечатныхъ изданій (библія Фр. Скорины, Несвижскій Катехизисъ 1562 года, грамматика Мелетія Смотрицкаго и т. д.), гдѣ болѣе или менѣе даетъ себя чувствовать русскій разговорный языкъ, и разбираетъ въ отношеніи языка отрывокъ изъ „поученія избранныя“, написанныхъ „wenigstens 100 Jahre vor Peter dem ersten“, на обычномъ южнорусскомъ, сильно полонизированномъ, книжномъ языкѣ. Въ точное изслѣдованіе и классификацію матеріала Добровскій не пускается и ограничивается общими замѣчаніями

историко-литературного и библиографическаго характера. Въ части, принадлежащей Пухмайеру и заключающей въ себѣ собственно грамматику, находимъ въ большинствѣ случаевъ обычные замѣчанія, извѣстныя намъ изъ предшествующихъ работъ. Такъ на стр. 6-й говорится, что произносится „in der feyerlihen Rede und der feinen Aussprache“ какъ *h*: бѳга, Gottes, Boha; госудърь, Monarch, hosudâr'“. На стр. 8-й указывается, что „простыя“ *д* и *т* нерѣдко переходятъ въ *жд* и *щ* („besonders in hohem Style“). Какъ примѣры приведены формы: *суждѹ, суждѣнъ, разсуждѹю, умерщвлѹю, умерщвлѣнъ, умерщвлѹю, прещѹ, рѳщѹ*. Это замѣчаніе о *жд* и *щ* вообще встрѣчается рѣдко у предшественниковъ Пухмайера, такъ что оно можетъ быть отмѣчено. На стр. 123-й замѣчается о славянскихъ числительныхъ типа „вторьнадесять“ и т. д., что они употребляются „bloss im hohen Style bey den Namen der Regenten, und bey den Monatstagen“. На стр. 178-й признаются „славянскими“ дѣепричастія на -я: „Я ist mehr slawenische, ючи mehr russische Form“. На стр. 207-й говорится объ основахъ на -es (при этомъ не вѣрно утверждается, что въ славянскомъ всѣ имена средняго рода способны имѣть этотъ „аугментъ“ *es*) и прибавляется, что „im hohen Style und bey Dichtern hat dieses Augment noch seinen Werth“. Относительно остатковъ, въ которыхъ эта основа сохранилась, необходимо замѣтить, что изъ трехъ такихъ остатковъ, приводимыхъ Пухмайеромъ: *небесѹ, чудесѹ, тѣлесѹ*, современный живой и разговорный языкъ сохранилъ только двѣ первыя; формы же *очесѹ* и *тѣлесѹ*, приводимыя также, совсѣмъ не встрѣчаются. На той же 207-й страницѣ говорится, что звательный, какъ самостоятельный падежъ, свойственъ только библіи и церковнымъ книгамъ и „ist bey einigen Wörtern ins Russische übergegangen“. Пухмайеръ приводитъ слѣдующіе примѣры: Бѳже, Гбс-поди, Хрѳсте (sic!), Исѹсе, ѳтче, владѣко, учителю, челоѳѣче, жѣно¹⁾. На стр. 208-й признается -ію въ мудростію окончаніемъ „славянскимъ“, которому въ русскомъ соотвѣтствуетъ -ью. На стр. 211-й говорится, что окончаніе род. пад. ед. ч. у именъ существитель-

¹⁾ Ср. также стр. 259, § 47.

нихъ мужск. рода -а свойственно „mehr dem hohen Style, das y aber dem gemeinen Leben eigen“. Въ поясненіе приводятся примѣры: „Духъ hat дѹха, wenn es Geist, дѹху, wenn es Geruch bedeutet. So auch долгъ, Gen. долга der Pflicht, долгу der Schuld. На стр. 222-й формы *уль, омь* признаются славянскими, русскія же формы будутъ *юль, оюнь*. Объясненіе русскихъ формъ тѣмъ, что „der Russe verbindet nie zwey Consonanten zu eine Sylbe, ohne einen Vocal dazwischen zu setzen“, должно быть, конечно, въ наше время оставлено. На стр. 125-й утверждается, что „der weibliche Genetiv я, Ich gehört dem hohen Style zu“. На стр. 235-й находимъ указаніе, что нѣкоторые глаголы принимаютъ „den slawenischen Ausgang in вентъ: крѹю—закровѣнъ (sic!) мѹю—измовѣнъ (sic!)“. На стр. 236-й говорится, что глаголы на -дуть (-дуть?) принимаютъ въ первомъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени *жду* вм. *жу* „besonders im hohen Style“: судить-суждѹ, суждѣнъ, суждѣніе“.

Мало успѣха замѣтно и въ грамматикѣ Греча ¹⁾, который вовсе не былъ ученымъ филологомъ. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній свидѣлствуютъ о не совсѣмъ точномъ представленіи, которое онъ имѣлъ объ отношеніяхъ церковнославянскаго къ русскому, другія не новы.

Въ § 51-мъ читаемъ: „Введеніе въ Россію Христіанской Вѣры Греческаго исповѣданія имѣло важное вліяніе на тогдашній Русскій языкъ. Вѣроятно, что многія выраженія и обороты Ц. Славянскаго нарѣчія, заимствованныя непосредственно изъ языка Греческаго, были чужды и дики Россіянамъ того времени. Мало по малу, слыша безпрестанно языкъ сей при отправленіи службы Божіей, они привыкли къ его особеннымъ свойствамъ, и наконецъ стали почитать сіе пріобрѣтеніе всегдашнимъ своимъ достоинствомъ. Нѣкоторые писатели того времени употребляли въ своихъ сочиненіяхъ, какъ выше сказано, языкъ Церковный; другіе писали на Русскомъ, но всегда болѣе или менѣе сбивались на первый, такъ что весьма трудно опредѣлить тогдашнія границы ихъ нарѣчій“. Выраженный въ этихъ словахъ взглядъ долженъ быть

¹⁾ Пространная Русская грамматика, изданная Н. Гречемъ. Спб. Ч. I. 1827 г. 8°. XVI+386 стр. Второе изд. исправленное. Спб. 1830. 8°. XVI+408.

признанъ въ общемъ вѣрнымъ. Тѣмъ страннѣе читать у Греча замѣчанія въ родѣ нижеслѣдующихъ:

„Въ концѣ XVII столѣтія собственно Русскій языкъ началъ освобождаться отъ оковъ Польскихъ (!) и, очищаясь отъ чуждой примѣси, заимствовалъ сильныя и краснорѣчивыя выраженія изъ языка богослужебнаго“ (§ 53. въ концѣ).

„Вообще Русскій языкъ заключаетъ въ себѣ слова слѣдующаго происхожденія: 1) Славянскія, свойственныя ему вмѣстѣ съ Церковнымъ: онія составляютъ большее число. Нѣкоторыя изъ нихъ при переходѣ въ Русскій языкъ (!) поизмѣнились, напр. глава, голова; мравій, муравей; яко, какъ; азъ, язь, нынѣ я и т. д.“.

Другія замѣчанія болѣе вѣрны, но мало новы; такъ въ § 131. 5 находимъ слѣдующее: „Т превращается (!) въ измѣненія словъ, непосредственно и безъ перемѣны заимствованныхъ изъ Церковно-славянскаго языка, и въ щ; напримѣръ: обратить, обращу“.

Въ § 239. 2. „Зват. падежъ въ обоихъ числахъ сходенъ съ именительнымъ. Изъ сего исключаются имена, заимствованныя непосредственно изъ Ц. Слав. языка: они имѣютъ въ семъ падежѣ особенное окончаніе, напримѣръ: Господи, Боже, мати, Владыко, Христе, Сыне, отче и проч.“.

Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ Гречь совсѣмъ не различаетъ слова заимствованныя отъ русскихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ у него совсѣмъ невѣрные выводы и утвержденія. Такъ въ § 244. 3. говорится, что „имена *мать* и *дочь* принимаютъ въ косвенныхъ падежахъ единственнаго и во всѣхъ падежахъ множественнаго окончаніе Церковно-Славянское (матерь, дщерь) матери, дочери, матерью, дочерью“. Между тѣмъ въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ просто сохраненіе первичной основы. Въ томъ же §, 4-е. утверждается, что слово *дитя* въ единственномъ числѣ склоняется какъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ: Род. Дат. Предл. дитяти, Тв. дитятемъ (!). Множ. числа И. дѣти, Р. дѣтей и т. д.“.

Въ § 290, примѣч. 98 находимъ невѣрное утвержденіе, что „окончаніе *-ыя* или *-ія*, въ род. пад. ед. числа ж. рода, встрѣ-

чается только въ слогѣ высокоу, принимающемъ формы Слав. языка (напримѣръ: *добродѣтели Великія Государыни*)“ между тѣмъ, какъ это окончаніе вполне обыкновенно въ былинномъ и пѣсенномъ языкѣ, гдѣ его нельзя объяснить церковнославянскимъ вліяніемъ.

Въ § 374-мъ читаемъ: „окончаніе -тъ.... превращается (!) въ чь (влечь), а при непосредственномъ заимствованіи глагола изъ Ц. Слав. въ -щъ (влещь)“.

Въ § 419-мъ перечисляются недостаточные глаголы, заимствованные изъ церковнославянскаго, въ числѣ которыхъ однако находятся нѣкоторые, едва ли могущіе считаться заимствованіями: *блзуть, влечь, лобзать, гонзать; дерзать, единить, жаждасть, здравить, зиждитъ, зіять, звѣцать, зръть, карать, колебать, мичить, коснить, лобзать, мерцать, мнить, нещевашъ, крестить, реши, ристать, рѣять (?), стнить, стнितъ, творить (затворить?), тязать, ухатъ, хранить, царить, цѣлить, чаять (?)*. Ниже за то приводится много глаголовъ также „недостаточныхъ“, но безъ обозначенія ихъ заимствованія, какъ напримѣръ: *алчничать, бѣдствовать, блистать, владѣть, вредить, касаться, расти, тицаться* и т. д.

Замѣчанія, заключающія въ „Чтеніяхъ о Русскомъ языкѣ“¹⁾ Греча же, слишкомъ ничтожны, чтобы стоило ихъ приводить.

Ближайшими по времени трудами являются братья и полная грамматика Востокова²⁾. Однако, несмотря на выдающіяся дарованія и знанія автора, несмотря на то, что Востоковъ первый далъ въ свое время научную характеристику старославянскаго языка въ своемъ знаменитомъ „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ“³⁾, мы

¹⁾ Часть 1—2-я. Спб. 1840 г., 8° (VI. 336+404 стр.).

²⁾ Сокращенная Русская грамматика для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, составленная А. Востоковымъ. Спб. 8°. 207 стр. Последующія изданія: 1833, 1835, 1837 (этимъ мы пользовались), 1839 и т. д.

Русская грамматика Александра Востокова по начертанію его же сокращенной грамматике полнѣе изложенная. Спб. 1831. 8° XXIV+408. Последующія изданія: 1835 (мы пользовались этимъ), 1838, 1839, 1842 и т. д.

³⁾ Труды Московскаго Общества Любителей Словесности 1820, т. XIX, а также Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова. Издавъ по порученію 2-го отдѣленія Академіи Наукъ И. Срезневскій. Спб 1865. 8°. LXXXIII + 216+114: стр. 1—27.

встрѣчаемъ въ этихъ грамматикахъ слишкомъ мало по интересующему насъ предмету въ сравненіи съ тѣмъ, чего слѣдовало бы ожидать. Происходило ли это дѣйствительно отъ той осторожности, о которой говорятъ Срезневскій въ своемъ предисловіи къ изданію Филологическихъ Наблюденій (стр. XLIX: „Осторожность заставила его въ Русской грамматикѣ дать маловидное мѣсто языку престонародному и языку древне-Славенскому“ и т. д.), или отъ низкой оцѣнки Востоковыми церковнославянскихъ элементовъ относительно ихъ значенія въ общемъ составѣ языка, а можетъ быть и отъ какихъ либо другихъ причинъ, мы не будемъ разбирать, такъ какъ рѣшеніе этого вопроса представляется намъ едва ли возможнымъ въ наше отдаленное больше, чѣмъ на полвѣка, время.

Въ „Сокращенной Грамматикѣ“ находимъ слѣдующія замѣчанія:

Стр. 34. 5. „Притяжательныя *божій, вражій*, во всѣхъ падежахъ и въ окончаніяхъ женскаго и средняго рода имѣютъ *і* вмѣсто *ь*: *божія, вражія, божиихъ* и пр. Такъ и числительное *третій*, въ важной рѣчи можетъ склоняться *третіяго*, вмѣсто *третьяго* и проч.“.

На стр. 66-й читаемъ, что предъ окончаніями изъявительнаго наклоненія „въ глаголахъ изъ церковнаго языка заимствованныхъ... (измѣняется)... также и *д* на *жд*, а *т* на *щ*: *страдать, -жду, клеветать, -щу*“.

На стр. 68-й находимъ аналогичное замѣчаніе, что въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ съ основами на *з* и *к*, „заимствованныхъ изъ Церковнославянскаго языка, *ч* замѣняется буквою *щ*, а *ь* буквою *и*; напр. *реши, реку; пеишисъ, пекусь*“.

На стр. 78-й говорится, что многобратнаго вида „не имѣютъ заимствованные изъ церковныхъ книгъ и въ важной рѣчи употребляемые глаголы, первообразные и производные. Таковы суть: *вѣщаю, дерзаю, желаю, караю, касаюсь, лишаю, глаголю, жажду, стражду, клевету, ропщу, вопію, творю, томлю* и многіе другіе“.

Въ „Полной Грамматикѣ“ немногимъ больше замѣчаній относительно вліянія церковнославянскаго на русскій. На стр. 7. 4.

говорится, что слова „съ суффиксами *йца, дца* заимствованы изъ Церковнословенскаго языка“. На стр. 22. 3. указывается, что звательные падежи: *Боже! Господи! Иисусе Христе! Владыко! Отче!* также заимствованы „изъ церковнаго Словенскаго языка“.

На стр. 39-й II а) замѣчается, что „заимствованныя изъ старинныхъ книгъ имена народовъ *Варягъ, Срацинъ*, сохраняютъ въ родительномъ множ. числа сіе же окончаніе, напр. *родомъ изъ Варягъ, изъ Срацинъ*“.

На стр. 114-й. VII. г. указывается на измѣненіе *г, ж* въ неопредѣленномъ наклоненіи въ *ч*, которое „въ глаголахъ, заимствованныхъ изъ Церковнославенскаго языка, замѣняется буквою *щ*, напр. *реши, реку: нещись, пекусь* (то же замѣчаніе, что на стр. 68-й краткой редакціи).

На стр. 144. 1. говорится, что „предлогъ *воз* (вз) въ языкѣ важномъ и въ Церковнословенскомъ имѣетъ ту же силу, какую имѣетъ *за* въ обыкновенномъ языкѣ и въ просторѣчьи... напр. *воспылатъ, вострепетать...*“

На стр. 352-й находимъ замѣчаніе о согласномъ *г*, который „по двоякому произношенію своему (*g* и *h*) принадлежитъ также къ буквамъ, выражающимъ по два звука. Второй изъ сихъ звуковъ имѣетъ буква *г* не только... въ иностранныхъ словахъ; напр. *Гамбургъ, Богарне*: но въ нѣкоторыхъ Русскихъ словахъ, особенно важной рѣчи принадлежащихъ; напр. *Гласъ Господа Бога*, выражено бы было Латинскими буквами: *Nlas Nospoda Boga*, а не *Glas Gospoda Boga*“. Относительно сказаннаго здѣсь необходимо замѣтить, что нѣкоторые изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ произносятся и съ взрывнымъ *г* (лат. *g*). Такъ *Богарне* многіе (даже знающіе французскій языкъ) выговариваютъ не со спирантнымъ *г*, а съ взрывнымъ *г*, тоже должно сказать и о примѣрѣ *Гласъ*, гдѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, передъ слѣдующимъ за *г* согласнымъ, спирантное произношеніе не имѣетъ мѣста.

На стр. 360-й находимъ еще одно замѣчаніе о существительныхъ *вѣдѣніе, свѣдѣніе, мнѣніе, прѣніе*, которыя Востоковъ признаетъ „произведенными отъ глаголовъ Церковнаго Словенскаго языка: *свѣдѣти, свѣдѣти* и т. д.“.

Изъ приведенныхъ замѣчаній нетрудно убѣдиться, что Востоковъ, хотя и понималъ хорошо взаимныя отношенія русскаго и церковнославянскаго языковъ, однако отвелъ церковнославянскому вліянію очень немного мѣста въ своихъ грамматикахъ, во многихъ другихъ отношеніяхъ и теперь оесма цѣнныхъ.

Мало обращаетъ вниманія на это вліяніе и Калайдовичъ въ своей грамматикѣ ¹⁾, вышедшей три года спустя послѣ появленія въ свѣтъ грамматики Востокова. И у него находимъ въ общемъ все тѣ же замѣчанія, что въ грамматикахъ его предшественниковъ. Такъ на стр. 8-й и названо „твердымъ дыханіемъ“ („въ словѣ *Господь*, а въ Малороссійскомъ всегда“); на стр. 30-й читаемъ, что „въ нѣкоторыхъ страдательныхъ причастіяхъ, пзъ Славянскаго языка взятыхъ, удерживается двойное *и* вездѣ, кромѣ муж. рода, напр. *вдохновенный, вдохновень, вдохновенна, вдохновенно, вдохновенны* (замѣчаніе новое и принадлежащее Калайдовичу).

На стр. 32-й замѣчается, что звательный падежъ „окончаніемъ своимъ одинаковъ съ именительнымъ, но слова *Господь, Богъ, Исусъ, Христосъ* почти всегда удерживаютъ Славянскія окончанія: *Господи! Боже! Исусе! Христе!* На стр. 39. 3. „окончаніе *-я*“ вмѣсто *-ія* признается „разговорнымъ“: „Имена на *-ія* оканчиваются въ дат. и предложномъ падежахъ единств. числа на *-и*, напр. *молнія, молни, о молни, судія, суди, о суди*. Но если окончаніе *ія* замѣняется разговорнымъ *я*, то слѣдуетъ общему правилу, напр. *судья, судь, о судь*“. На стр. 40. 3 находимъ примыкающее къ этому замѣчаніе, что „творительный единственнаго *-ію*, можетъ сократиться въ *-ю*“, причемъ однако не сказано, что первая форма имѣетъ книжный оттѣнокъ и поддерживается церковнославянскимъ. Также ничего не говоритъ объ этомъ Калайдовичъ и на стр. 41. 3, гдѣ идетъ рѣчь объ именительномъ падежѣ на *-іе, -ье* и предложномъ на *-и, -ьи, -ьт*, равно какъ на стр. 42. 5, гдѣ замѣчается, что „имена

¹⁾ Грамматика языка русскаго. Часть I, познаніе словъ. Сочиненіе Калайдовича (Ивана Θεодоровича). Москва. 1834. 8°. 102 + X + 2 пунумерованныхъ.

на *-іе*, переминяются на *-ій*“ въ род. пад. множ. числа: *оружіе*, *оружій* и т. д.

На стр. 43. 4. род. п. ед. ч. женскихъ прилагательныхъ на *-ія*, *-ія* признается Славянскимъ. На стр. 65. 5. указывается, что „прошедшее страдательное причастіе на *тмй*, въ высокомъ слогѣ имѣть и другое окончаніе, Славянское на *овѣнный* (спрягаемое *овѣнз*), напр. *отрѣну*, *отрѣнутый* и *отриновѣнный*. На стр. 68. 5 признаются Славянскими обороты въ родѣ: „да *начу*сь творить угодное Тебѣ“. На стр. 87-й указывается, что „усиливательное нарѣчіе *пре* можно найти только въ Славянскихъ гласныхъ, напр. *превосхожу*, *пребуду*; а въ другихъ, *пре* есть предлогъ, одного значенія съ предлогомъ *пере*“. Наконецъ на стр. 102. 6. говорится о глаголахъ, измѣняющихъ „окончаніе перваго лица наст. вр. ед. ч. *-щу*“ на *-тишь* во второмъ лицѣ и присовокупляется, что „почти всѣ сін глаголы Славянскаго окончанія *щу*, въ Русскомъ имѣютъ соотвѣтственное окончаніе *чу*“.

Нѣкоторые замѣчанія о церковнославянскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ встрѣчаемъ затѣмъ въ работахъ кievскаго профессора Максимовича. Въ его „Критико-историческомъ изслѣдованіи о русскомъ языкѣ“¹⁾ элементы церковнославянскій и природный разграничиваются другъ отъ друга въ общемъ очень ясно и вѣрно. Указывается на русскую первичность полногласія въ противоположность распространенному тогда мнѣнію о первичности старославянскихъ *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ*; въ связи съ этимъ обращается вниманіе на параллелизмъ формъ предлога *разъ* и *розъ*, и приведены примѣры, хотя все формулировано нѣсколько неясно и сбивчиво. Ниже находимъ указаніе на книжное происхожденіе русскихъ формъ, въ составъ которыхъ входятъ предлогъ *изъ* (*избрать*, *исходъ*, *изнать* рядомъ съ *выборъ*, *выбрать*, *выходъ*, *вынать* стр. 14). На стр. 22-й указывается, что, хотя „въ великорусскомъ языкѣ и господствуютъ вообще примѣты Югозападныхъ, но иногда (?) сіе зависятъ отъ позднѣйшаго вліянія Церковнославянскаго языка“.

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1838, т. XVII. № 3. Стр. 531—562. Отд. оттискъ. Спб. 1838. 8°. Стр. 33. См. также Собраніе Сочиненій, т. III. 1890. Кіевъ (Цифры страницъ, цитируемыя въ текстѣ, относятся именно къ послѣднему изданію).

Въ вышедшей въ слѣдующемъ году „Исторіи древней русской словесности“ ¹⁾ находимъ также частныя замѣчанія по интересующему насъ предмету. Въ VI-й главѣ, трактующей о русскомъ языкѣ въ отношеніи къ западнославянскимъ, въ отдѣлѣ „о полногласіи Русскаго языка“ (стр. 419 — 425) указываются различныя заимствованія изъ церковно-славянскаго (стр. 422, примѣчаніе 1). Церковнославянскому языку и его вліянію на русскій посвящена вся VIII глава (стр. 440—449), озаглавленная: „О письменномъ употребленіи церковнословенскаго языка въ древней Руси и о вліяніи сего языка на народъ русскій“. Здѣсь (въ примѣчаніи первомъ на стр. 441) приводятся примѣры природно-русскихъ формъ въ памятникахъ древней русской письменности. Критеріемъ для ихъ отличенія служатъ Максимовичу слѣдующія звуковыя соотвѣтствія: р. *оро, ере, оло* || стсл. *ра, рѣ, ла, лѣ*; р. *ж* и *ч* || стсл. *жд, шт*. Второй отдѣлъ этой главы „Вліяніе Церковно-словенскаго языка на народный русскій“ указываетъ на условія, способствовавшія смѣшенію этихъ двухъ языковъ и на значеніе заимствованныхъ элементовъ для лексическаго и семасіологическаго богатства русскаго языка. Несмотря на отсутствіе матеріальныхъ данныхъ (примѣровъ) и вполнѣ общій характеръ изложенія, этотъ отдѣлъ представляетъ очень полную общую картину даннаго вопроса и заслуживаетъ быть приведеннымъ въ подлинникѣ: „Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ Церковно-Словенскій въ древнее время входилъ у насъ и въ изустное или разговорное употребленіе, не только у духовенства, которое привыкло къ нему съ молода, но и у грамотныхъ мірянъ. Тутъ еще удобнѣе было Ц. Словенскому языку смѣшиваться съ народной Русской рѣчью и измѣняться посредствомъ живаго употребленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ и народной Русской рѣчи удобно было, изъ такого средняго или смѣшаннаго состоянія, переходить въ письменный языкъ, а въ себя принимать мало по малу стихіи Церковно-Словенскаго языка. Разговорный языкъ грамотнаго сословія, какъ замѣчено выше, составляетъ ту средину между книжнымъ и просто-народнымъ языкомъ, гдѣ наиболѣе происходятъ различныя измѣ-

¹⁾ Кіевъ, 1839. 8°. 226, а также Собр. Сочин. Т. III. стр. 346—472.

ненія народнаго языка, и откуда сіи измѣненія переходятъ въ употребленіе простонародное. Потому и понятно, что языкъ Церковно-Словенскій, непрестанно слышанный нашимъ народомъ въ Богослуженіи и въ разговорѣ людей церковныхъ и грамотныхъ, отзывался и въ народной Русской рѣчи многими словами и выраженіями Библейскими, которые приживались къ языку Русскаго народа, какъ благопріобрѣтенное его достояніе и богатство.

„Итакъ Церковно-Словенскій языкъ не только далъ образованіе письменному языку Русскому, въ словосочиненіи и правописаніи; но болѣе всѣхъ другихъ языковъ имѣлъ участіе въ дальнѣйшемъ образованіи нашего народнаго языка. Сіе участіе мало простиралось на устроеніе цѣлой рѣчи или словосочиненіе: ибо устроеніе народной рѣчи образуется собственнымъ развитіемъ народной жизни и трудно принимаетъ образы чужой рѣчи, хотя бы и соплеменной. Живою силою своею она воспринятымъ стихіямъ даетъ собственный образъ, передѣляетъ ихъ на свой ладъ.

„Вліяніе Церковно-Словенскаго языка преимущественно простиралось на стихійный составъ языка или части рѣчи, состоящія въ словахъ и звукахъ. И въ семъ отношеніи участіе его было велико. Онъ сообщилъ языку Русскому многія для него новыя слова, служащія выраженіемъ разныхъ понятій и предметовъ, которые были чужды Русскому народу до принятія имъ Христіанства; напримѣръ о предметахъ и понятіяхъ, относящихся къ Церкви, къ наукамъ. Сообщилъ слова, хотя и не новыя по своему значенію, но образованныя изъ иныхъ корней, чѣмъ прежде бывшія у насъ ихъ синонимами. Сообщилъ свои, въ то время новыя для насъ формы такихъ словъ, которыя уже прежде были въ нашемъ языкѣ. Таковы преимущественно слова сокращенной формы — *злато*, *мракъ*, *празъ*, *маско* и проч.

„По мѣрѣ того, какъ усвоались намъ всѣ сіи слова и формы, наши прежнія народныя слова и формы часто принимали уже другое положеніе въ языкѣ: одни получали новую окраску или значительность выраженія; другія ограничивались въ кругъ своего значенія; инныя получили другой смыслъ; нѣкоторыя же совсѣмъ были вытѣсняемы изъ нашего языка словами Церковно-Словенскими.

„Нерѣдко и сами Русскіе, какъ бы примѣняясь къ Церковно-Словенскому языку (?) измѣняли по его образцу свои прежнія, и даже отъ него занятыя слова. Такъ напримѣръ (?!), слово *крестить*, — по древнему правописанію *кръститъ*, — въ Великорусскомъ простонародіи говорится—*кститъ* (Причемъ тутъ „примѣненіе“ къ церковнославянскому языку и какимъ образомъ могъ онъ служить въ данномъ случаѣ, непонятно).

„Такимъ то образомъ и въ разговорномъ языкѣ Русскомъ,—не только общепринятомъ или употребляемомъ сословіями образованными, но и въ простонародномъ, — произошла та же двоякость, какая замѣчена выше въ нашемъ языкѣ письменномъ,—то же смѣшеніе нашей природной стихіи и усвоенной нами стихіи Церковно-Словенской. Одно и то же слово употребляется въ двухъ видахъ: въ чисто Русскомъ и въ Церковно-Словенскомъ; производныя слова того же корня, одни образованы по чисто Русской формѣ, другія по формѣ Церковно-Словенской.

„При такой двоякости формъ одного и того же слова, Церковно-Словенская форма имѣетъ обыкновенно болѣе возвышенный тонъ, болѣе мысленное и обширное значеніе, какъ форма нашего священно-книжнаго языка. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ такъ глубоко усвоился намъ, что иногда принятое отъ него слово мы употребляемъ уже какъ наше народное, обыкновенное; а своенародная, но старинная форма того же слова имѣетъ уже значительность Словенской формы; напримѣръ *шлемъ* и *шеломъ*“.

Такой полной картины занимающаго насъ явленія мы не встрѣчаемъ ни у одного предшественника Максимовича. За исключеніемъ одного абзаца (о глаголѣ *крестить*—*кститъ*), весь отрывокъ является результатомъ яснаго научнаго мышленія, основаннаго на извѣстномъ знаніи предмета, тонкой наблюдательности и свѣтломъ умѣ.

Больше всѣхъ другихъ своихъ предшественниковъ, Максимовичъ обращаетъ вниманіе на семасіологическую сторону вопроса, указываетъ категорически на существованіе славяно-русскихъ и лексико-сематическихъ параллелей и опредѣляетъ оттѣнокъ значенія, принадлежащій членамъ этихъ параллелей. Замѣчаніе о формахъ *шлемъ* и *шеломъ* свидѣтельствуетъ уже о такой тонкости наблюденія,

которую мы тщетно искали бы раньше. Въ другихъ, позднѣйшихъ своихъ трудахъ Максимовичъ еще не разъ затрогиваетъ данный вопросъ, хотя новаго послѣ вышеприведенныхъ примѣровъ въ нихъ найдется мало. Чтобы не разбивать вниманія читателя, мы приведемъ выдержки изъ нихъ здѣсь же, хотя они и принадлежатъ гораздо болѣе позднему времени.

Въ „Начаткахъ русской филологіи“ (1845 г. „Русская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою“, Кіевъ) объясняется (Собр. Сочин., т. III, стр. 67) уменьшеніе случаевъ „первороднаго полногласія“ (Максимовичъ, какъ извѣстно, считалъ полногласныя русскія формы болѣе древними и первичными, чѣмъ формы другихъ славянскихъ языковъ) „вліяніемъ церковнаго языка на языкъ Руси въ христіанскую пору ея жизни“.

„Въ главѣ „объ отношеніи церковнославянскаго ¹⁾ языка къ русскому“, Максимовичъ совершенно основательно полемизируетъ съ Шишковымъ, Калайдовичемъ, Давыдовымъ и Павскимъ, доказывавшими тожество старославянскаго и старорусскаго языка. Взглядъ Максимовича на взаимное отношеніе этихъ языковъ является вообще во многихъ отношеніяхъ вполне здравымъ и основательнымъ, составляя этимъ выдающееся исключеніе среди современной ему русской научной литературы. Рядомъ съ вѣрнымъ мы находимъ, разумѣется, также не мало произвольныхъ, ничѣмъ не обоснованныхъ и недоказуемыхъ допущеній и предположеній, что впрочемъ является вполне естественнымъ при тогдашнемъ состояніи науки не только у насъ, но и на Западѣ. О вліяніи церковнославянскаго на русскій говорится въ общихъ чертахъ въ § 45 (стр. 78 — 79) и между прочимъ такъ: „въ продолженіе вѣковъ древняя народная рѣчь Московской Руси и языкъ церковный сроднились между собою и сочетались недѣлимо въ одинъ живой, цѣльный составъ, какой представляетъ собою нынѣшній русскій языкъ. Въ немъ къ прежнимъ, своенароднымъ словамъ и оборотамъ, вполне прижились не только многія слова, но и нѣкоторыя формы и обороты церковно-

¹⁾ Максимовичъ понимаетъ подъ этимъ терминомъ старославянскій языкъ. Въ настоящей же работѣ понятія старославянскаго и церковнославянскаго строго различаются (см. ниже, гл. II, § 1).

славянскіе, которыхъ прежде не было на Руси. Многія своенародныя формы словъ или исключены изъ него, какъ обветшалыя; или не успѣли еще войти въ него. Иныя слова утвердились въ немъ и по старой, народной формѣ, и по новой, церковной, съ разными ограниченіями. Ссообразно съ значеніемъ церковнаго языка у Руси, и его слова въ русскомъ языкѣ имѣютъ обыкновенно болѣе мысленное и обширное значеніе, болѣе сановитости, чѣмъ тѣ же слова народной формы. Языкъ русскій не утратилъ отъ того своенароднаго свойства и склада; ибо основа его звуковъ, словъ и оборотовъ осталась своя прежняя. Но онъ, принявши въ себя такъ много изъ языка церковнаго, приобрѣлъ то двойственное богатство, при которомъ онъ въ состояніи уже отвѣчать вѣрными отголосками русской душѣ, для выраженія ея мыслей и чувствъ, и для изображенія внѣшняго міра, въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ“. Объясненія „двойственности полногласныхъ и сокращенныхъ формъ“ въ рускомъ языкѣ церковнославянскимъ вліяніемъ находимъ на стр. 81 — 82, 97 (Собр. Сочин. т. III), гдѣ признаются церковнославянскими формы *сладкій, преставился, хранить, храмъ, предъ, шлемъ* и на стр. 102; на стр. 120 и 121 указывается на церковнославянское происхожденіе предлоговъ *разъ* (разумъ) и *изъ*. Позже, въ 1856-мъ году въ Филологическихъ Письмахъ къ Погодину ¹⁾ Максимовичъ опять возвращается къ вопросу о языкѣ нашей древней письменности, высказываясь опять въ одномъ мѣстѣ (Сочин. Т. III, стр. 188) противъ мнѣнія Срезневскаго (о которомъ см. ниже), о тождествѣ старославянскаго и старорусскаго и выдѣляя русскіе природные элементы изъ памятниковъ X—XIII вѣка (письмо IV, стр. 199 и слѣд.). Критеріемъ при этомъ выдѣленіи Максимовичу служатъ; полногласіе, начальное *о-* (*осень, одинъ...*) *ж* и *ч* вмѣсто *жд* и *шт* (*по нужи, межи вами, утвержаю... хочу, ночь...*). На стр. 228, 229, 234 и др. (Сочин. Т. III) замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ (напр. *разно* || *розно* и т. д.). Въ отвѣтныхъ письмахъ Погодину ²⁾, равно какъ въ Новыхъ

¹⁾ Русская Бесѣда 1856, № 3, стр. 78 — 139 или Сочиненія, Т. III, стр. 183—243.

²⁾ Русская Бесѣда 1857, № 2, стр. 80—104 или Сочиненія, Т. III; стр. 244—272.

Письмахъ къ Погодину о старобытности Малорусскаго нарѣчія ¹⁾ встрѣчаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній мимоходомъ, не представляющихъ ничего новаго въ сравненіи съ приведенными выше образчиками.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ наша филологическая научная литература начинаетъ нѣсколько оживляться. Мѣсто обыкновенныхъ школьныхъ грамматикъ, какими были цитированныя выше работы Ломоносова, Академіи, Орнатовскаго, Тимковскаго, Греча, Востокова, Калайдовича и т. д., начинаютъ занимать монографіи по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ исторіи рускаго языка. Сюда принадлежатъ уже указанныя выше работы Максимовича, Буслаева ²⁾, Аксакова и другихъ, къ разсмотрѣнію которыхъ въ интересующемъ насъ отношеніи мы теперь и переходимъ. Буслаевъ касается вопроса о присутствіи церковнославянскихъ элементовъ въ русскомъ народномъ и литературномъ языкѣ лишь слегка, мимоходомъ. На стр. 168-й читаемъ: „.... съ распространеніемъ Христіанства вкрались къ намъ грецизмы и болгаризмы. Церковнославянскій языкъ былъ у насъ въ старину тѣмъ же, чѣмъ въ западной Европѣ латинскій, съ тою только разницею, что ближе къ нашему нарѣчію, нежели латинскій не только къ нѣмецкому, но и къ романскому. Отсюда начинается и доселѣ продолжается смѣсь нарѣчія церковнославянскаго съ народнымъ. Мы привыкли считать церковнославянскія формы только архаизмами, а не варваризмами: пусть такъ и останется“.

Далѣе, на стр. 220-й находимъ слѣдующее о смѣшеніи двухъ стихій—церковнославянской и русской: „вообще надлежитъ замѣтить, что въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы народный языкъ постоянно смѣшивается съ церковнославянскимъ, такъ что любая страница лѣтописи предложитъ нѣсколько примѣровъ руссизмовъ. Отдѣливъ цс. языкъ отъ русскаго, Ломоносовъ обратилъ вниманіе на народныя реченія (дальше слѣдуютъ цитаты изъ

¹⁾ Газета „День“ 1863, №№ 8, 10, 15, 16. Отдѣльно 16°, стр. 70 и Сочин. Т. III, стр. 273—311.

²⁾ О преподаваніи отечественнаго языка. Сочиненіе Федора Буслаева и т. д. Москва 1844. Часть I и II-я. 8°. VI+335, III+375.

„Россійской Грамматики“ Ломоносова, приведенныя у насъ выше)“. Затѣмъ Буслаевъ разсматриваетъ архаизмы, сначала дѣйствительныя, потомъ церковнославянскіе, которые слѣдовало бы отнести къ варваризмамъ, но, какъ мы уже видѣли выше, Буслаевъ дѣлаетъ уступку обычаю и привычкѣ и продолжаетъ считать славянизмы архаизмами. Ихъ исторіи посвящено шесть страницъ въ книгѣ почтеннаго ученаго (стр. 303—309). Мы не встрѣчаемъ здѣсь попытки дать хоть какой нибудь критерій для отличенія славянскихъ заимствованій отъ русскаго природнаго матеріала. Буслаевъ указываетъ только, что „какъ въ старинныхъ памятникахъ церковнославянскихъ, въ лѣтописяхъ, посланіяхъ, постоянно попадаются русскія рѣченія между церковнославянскими: такъ и въ народной рѣчи, какъ архаизмы, разсѣяны славянизмы“, и затѣмъ начинается перечень ихъ по различнымъ памятникамъ русской словесности. Перечень этотъ начинается съ „Древнихъ Русскихъ Стихотвореній“. Указаны здѣсь славянизмы въ области фонетики: „звуки: е вм. о: *единъ*, я вм. ѣ: *ясти*, щ вм. ч: *хощетъ*, и пр.“ (стр. 303), въ области морфологій: „Склоненія: ед. им. мати (373). ед. род. женск. со тья горы со высокія (210); только ты дай мнѣ загонъ земли, „непаханныя и неоранныя“ (5). Цс. зват. вм. имен., и Цс. винительн.“ и т. д. (стр. 303). „Спряженія: неокончат. наклоненіе, весьма часто на -и: стали пити, ясти, прохладжати 154. сужено поняти, „подъ златъ вѣнецъ стати, „законъ Божій пріяти, „дѣтей сводити 397. прошедш. описат. еще имали были свои добрые кони 404. а поѣхали были на своихъ добрыхъ коняхъ *ibid*. Цс. безличн.: не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить 163“ и т. д.; въ области лексическаго заимствованія: „Архаизмы въ частицахъ: и паче мнѣ брата родимаго 75. Князю дары полюбилися, „а Княгинѣ наипаче того 5 почто увезъ ты Настасью Дмитріевну? 142. почто онъ платье снимаетъ? 43. вельми онъ Иванъ закручинился 137. а Иванушки пономаря здѣ же нѣтъ 384. ради корысти своея 109. и буде же я васъ побью 78 и т. д.“.

Какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь выдержекъ изъ книги Буслаева, его уступка привычкѣ считать славянизмы только архаизмами сказалась смѣшеніемъ воедино разнороднаго матеріала.

Рядомъ съ дѣйствительными славянизмами приводятся и формы, могущія одинаково хорошо принадлежать старому русскому языку, какъ родит. падежи *со тья горы, со высокія*, неопредѣл. наклоненіе на *-ти*, прошедшее описательное *попѣтали были* или частицы въ родѣ *почто, буде* и т. д.

Далѣе находимъ у Буслаева примѣры славянизмовъ, подобранные изъ разныхъ писателей: Ломоносова, Жуковского, Мерзлякова, Пушкина, Карамзина (Исторія Государства Россійскаго), причемъ опять (особенно у послѣдняго) настоящіе славянизмы приводятся рядомъ съ особенностями старорусскими и просто народными, какъ эпитеты—*сабли свѣтлыя*, тавтологін—*возить навозъ или судить и радить землю*, обычныя выраженія—*отъ мала до велика* и т. д., какъ народное слово приведено даже *прохлада* (стр. 307). Точное разграниченіе и классификація матеріала просто и не входили въ задачи Буслаева, желавшаго только показать, какъ можно утилизировать имѣвшійся уже тогда матеріалъ при обученіи отечественному языку. Глава „Исторія архаизмовъ“ заключается слѣдующимъ общимъ выводомъ относительно ихъ роли въ литературномъ языкѣ въ разныя времена: „если мы сличимъ архаизмы у Ломоносова, у Карамзина и у Пушкина: увидимъ естественную послѣдовательность, съ какою вкоренялись они въ письменный языкъ. Старинныя формы въ одахъ Ломоносова и въ ИГР. иногда останавливаютъ читателя, ибо не вездѣ связываются органически съ предыдущимъ и послѣдующимъ: Пушкинъ внутреннюю, живую связью связалъ славянизмы съ народной рѣчью“.

Несмотря на свою поверхностность и недодѣланность, указанныя замѣчанія Буслаева являются интересными, какъ первая попытка прослѣдить исторически судьбу и значеніе славянизмовъ въ русскомъ народномъ и особенно литературномъ языкѣ.

Хотя, со времени появленія въ свѣтъ книги Буслаева, прошло уже 47 лѣтъ, мы до сихъ поръ еще не имѣемъ ни одного труда, который разработалъ бы лишь отчасти набросанный имъ здѣсь планъ.

Въ появившемся спустя два года послѣ выхода въ свѣтъ книги Буслаева, извѣстномъ изслѣдованіи Аксакова „Ломоносовъ въ

исторіи русской литературы и русского языка“ ¹⁾ идетъ весьма часто рѣчь о церковнославянскомъ языкѣ и его отношеніи къ русскому. Правда, разсужденія Аксакова страдаютъ извѣстной абстрактностью, оторванностью отъ реальныхъ фактовъ языка, но до него никто еще не посвящалъ такъ много вниманія данному вопросу въ смыслѣ его общаго, національнаго, литературнаго и психическаго значенія. Цѣль Аксакова была показать постепенное образованіе современнаго русскаго главнымъ образомъ литературнаго, языка путемъ проникновенія народныхъ элементовъ въ книжный церковнославянскій языкъ; всю исторію русскаго литературнаго языка, которой посвящена большая часть книги, онъ разсматриваетъ какъ извѣстный подготовительный періодъ; дѣятельность Ломоносова завершаетъ этотъ періодъ и придаетъ русскому языку ту окончательную форму и отдѣлку, которая даетъ ему право считаться самостоятельнымъ, самобытнымъ цѣлымъ. Но научныя убѣжденія Аксакова были слишкомъ неопредѣленны, ему недоставало строгой филологической выправки и систематическихъ знаній. Поэтому мы наталкиваемся у него на необъяснимыя противорѣчія. Самая цѣль Аксакова была совершенно противоположна нашей цѣли — показать значеніе славянизмовъ въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Указать руководящія взгляды Аксакова на отношенія русскаго и церковнославянскаго языковъ не совсѣмъ легко; такъ разбросано ихъ изложеніе, избыточное, какъ мы уже сказали, слишкомъ оторванными отъ реальной основы разсужденіями. На стр. 40-й Аксаковъ указываетъ, что „церковныя книги, богослуженіе, однимъ словомъ вся христіанская письменность была перенесена къ намъ на языкъ церковно-Славянскомъ (въ примѣчаніи Аксаковъ отказывается входить въ изслѣдованіе, „къ какому собственно нарѣчію Славянскому должно отнести языкъ, на который переведены церковныя наши книги“; онъ утверждаетъ только, „что этотъ языкъ никогда не былъ языкъ Русской, отдѣлялся отъ него по-крайней-мѣрѣ такъ, какъ особое нарѣчіе“, и надѣется доказать это отчасти въ послѣд-

¹⁾ Москва. 1846. 8°. 517 стр. + IV ненумерованныхъ

ствіи), языкъ не нашѣмъ, который сталъ такимъ образомъ сокровищницей святыни религіи, хранителемъ ея среди толпы народной, понятный, но недоступный для нея, гремѣвшій для нея въ храмахъ, гдѣ съ благоговѣніемъ внимала она его звукамъ. Церковно-Славянскій языкъ, перенесенный къ народу, имъ неговорившему и посвященный на служеніе вѣчному, проникнутый вѣчнымъ, божественнымъ содержаніемъ, былъ оторванъ тѣмъ отъ случайности, оторванъ отъ измѣненій, налагаемыхъ преходящимъ, увлекающимъ съ собою все, что не отдѣлилось отъ него, — и остался неизмѣненъ и вѣченъ въ своей первобытной формѣ¹⁾; всякое слово тамъ освятилось, всякое выраженіе, свободное отъ обыденнаго употребленія, приняло важный, торжественный характеръ; все случайное (?) языка отброшено было въ сторону отъ языка церковно-Славянскаго; на немъ нельзя было разговаривать, употреблять его выраженіемъ своихъ страстей и минутныхъ мимолетныхъ движеній, и даже болѣе важныхъ житейскихъ дѣлъ. Чудное зрѣлище въ самомъ дѣлѣ представляетъ этотъ языкъ, весь освятившійся вѣчнымъ содержаніемъ, всего его проникнувшимъ, языкъ, понятный для народа, но никогда не сходящій въ міръ его нужды и заботъ, никогда не могущій сдѣлаться орудіемъ его заботъ и намѣреній (слѣдуетъ сравненіе съ прекрасными, но недоступными небесами)⁴ и т. д. Немного дальше: „По этому когда мы входимъ только въ самый языкъ церковно-Славянскій, оторванный, т. е. какъ небо отъ земли, отъ всего случайнаго, мы чувствуемъ уже себя перенесенными въ другой міръ, гдѣ все вѣчно, гдѣ все, какъ въ храмѣ, въ которомъ онъ раздается, освящено присутствіемъ безконечнаго божества и т. д.“ Мы нарочно дѣлаемъ эту длинную цитату, могущую служить образчикомъ разсужденій Аксакова. Дальше, на стр. 43-й находимъ нѣсколько болѣе определенное замѣчаніе о смѣшеніи элементовъ природнаго и церковнославянскаго: „Мы не можемъ отрицать того, что въ рѣчи людей, знакомыхъ съ духовной письменностью, встрѣчались часто, такъ что рѣчь

¹⁾ Аксаковъ упускаетъ здѣсь совсѣмъ изъ виду тѣ глубокія измѣненія, которыми съ теченіемъ времени подвергся старославянскій языкъ подъ вліяніемъ народныхъ языковъ — новоболгарскаго, сербскаго, русскаго.

пестрѣла, выраженія церковнаго языка; но эти выраженія встрѣчались, какъ цитаты, которыя не проникаютъ самую рѣчь и остаются ей чуждыми, какъ бы цитаты изъ Латинскаго и другихъ иностранныхъ, положимъ хоть и соплеменныхъ, языковъ. Или же это были слова, слѣдствіе привычки, притязанія, а иногда и особеннаго пристрастія: точно такъ, какъ мы и теперь вмѣшиваемъ слова иностранныхъ языковъ въ нашъ разговоръ“. Едва ли однако это замѣчаніе можно признать основательнымъ во всемъ его значеніи; несомнѣнно, что извѣстные славянизмы укоренились и приобрѣли права гражданства въ разговорномъ языкѣ еще очень давно, такъ что никакъ не могли считаться и чувствоваться „какъ бы цитатами“. Взглядъ Аксакова, выраженный въ приведенной выше выдержкѣ о родственности, понятности, но недоступности церковнославянскаго языка, повторяется въ его книгѣ весьма часто. То же, только въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, читаемъ на стр. 75, 247—248, 393 и т. д. На стр. 76-й и слѣд. находимъ разсмотрѣніе случаевъ, въ которыхъ употреблялись языки церковный и природный, имѣющее значеніе главнымъ образомъ историко-литературное. Указывается, что „на языкѣ церковномъ выразилась вся религіозная письменность“, все религіозное содержаніе, все, что входило въ область церкви: Евангеліе и другія священныя книги, писанія святыхъотцовъ, благочестивыя поученія и размышленія, а также и лѣтописи, ибо и онѣ входили „въ міръ религіознаго созерцанія“ и были „проникнуты духомъ церкви“. Только „иногда, когда приводится чья нибудь рѣчь (въ лѣтописи), языкъ на которомъ была произнесена она, прорывается отдѣльно, болѣе или менѣе удаляя и потрясая формы языка церковно-Славянскаго, на которомъ пишется повѣствованіе“... „Надо прибавить, что кромѣ того церковно-Славянскія выраженія встрѣчаются и въ простой, народной рѣчи; но объ этомъ говорили мы выше (см. цитату изъ стр. 43-й) и, надемся, объяснили это“ (стр. 77). На стр. 79-й находимъ опять приведенное уже выше мнѣніе о различіи русскаго и старославянскаго языковъ: „языкъ церковно-Славянскій и языкъ Русской, въ которыхъ выразилось это раздѣленіе слога (на церковный и народный), были два разные языка или два разныхъ нарѣчія, если называть

такъ языкъ одной вѣтви“. Аксаковъ опять уклоняется далѣе отъ рѣшенія вопроса, какому именно славянскому народу принадлежалъ языкъ церкви (едва ли онъ и имѣлъ тогда какое нибудь определенное мнѣніе по этому предмету), и переходитъ къ доказательству различія старославянскаго отъ русскаго, насколько это кажется ему нужнымъ. Это доказательство, однако, очень неопредѣленно и голо-словно. Аксаковъ утверждаетъ только: „языкъ Славянскій и языкъ Русской различны между собою, это видно съ перваго взгляда и при поверхностномъ вниманіи“ (стр. 79—80). Представленіе отличительныхъ признаковъ дѣйствительно весьма „поверхностно“: „разницу между церковно-Славянскимъ и Русскимъ языкомъ прежде всего встрѣчаемъ мы въ словахъ самихъ. Часто слова эти переплетаются по двумъ языкамъ словопроизводными связями, но между прочимъ двойственность многихъ словъ очевидна и ясно указываетъ на различіе этихъ двухъ языковъ“. Примѣрами служитъ Аксакову: *плечо, ramo; очи, глаза*. Такая „двойственность“, по мнѣнію Аксакова, „говоритъ прямо противъ неправильнаго предположенія, что, можетъ быть, Русскіе говорили въ старину по-церковно-Славянски“. Приведенныя выдержки характеризуютъ научные приемы Аксакова. „Прежде всего“ онъ беретъ за самый ненадежный и несущественный признакъ—лексическое различіе, по его убѣжденію говорящее „прямо“ въ пользу различія и народовъ, и языковъ. Напротивъ, единственный надежный критерій—фонетическій, оставляется имъ безъ вниманія: „Мы не вдаемся въ подробное разсматриваніе лексикографическаго (!) различія двухъ языковъ, разности произношенія, какъ *глава* и *голова*, *брада* и *борода*—разницы самостоятельной то-же; это въ такомъ значеніи до нашего предмета не относится (!); достаточно просто одного очевиднаго признанія этого различія“ (стр. 80—81). Больше вниманія посвящаетъ Аксаковъ различіямъ морфологическимъ, опять критерію не вполне надежному, что онъ признаетъ и самъ, находя отношенія „болѣе измѣняемыми, болѣе неопредѣленными и потому болѣе подверженными сомнѣнію“ (стр. 81). Но и здѣсь приемы Аксакова страдаютъ недостаткомъ настоящей научной строгости. Онъ сравниваетъ формы старославянскія съ формами новорусскими и приходитъ на этомъ

основаніи къ убѣжденію объ исконномъ различіи русскаго отъ старославянскаго, забывая, что между тѣми и другими формами лежитъ по меньшей мѣрѣ тысяча лѣтъ. „Настоящій Русскій языкъ“ Аксаковъ ищетъ только въ пѣсняхъ и въ сказкахъ; попытки поиска его въ памятникахъ нашей древней письменности у него не находимъ, да онъ и не былъ въ состояніи разобраться въ матеріалѣ, даваемомъ ими. Такимъ образомъ, если его выводъ о различіи русскаго и старославянскаго языковъ и вѣренъ, то это совершенно случайно, и результатъ этотъ полученъ помимо приводимыхъ доводовъ. Какъ однако ни поверхностно представленіе о различіяхъ между этими двумя языками, находимое нами у Аксакова, но все-таки оно у него было. Поэтому въ высшей степени неожиданнымъ является встрѣчаемое нами на стр. 119-й утвержденіе, что Остромирово Евангеліе представляетъ собой самый чистый старославянскій языкъ: „чуждаго элемента, нарушающаго единство языка, мы не встрѣчаемъ, и, списанное для посадника Остромира, Русскаго, оно не имѣетъ руссизмовъ. Евангеліе Остромирово представляетъ намъ церковно-Славянскій языкъ во всей его чистотѣ; всѣ особенности его, о которыхъ хотя не вполнѣ мы говорили, всѣ хранятся тамъ“. Но сейчасъ же, однако, Аксаковъ замѣчаетъ, что „и Евангеліе Остромирово представляетъ иногда исключенія изъ правилъ языка, въ немъ являющіяся,—ошибки, если смѣть такъ сказать (!!); это были можетъ быть вѣдизмѣненія. можетъ быть, вслѣдствіе особыхъ правилъ и основаній“. Единственный „руссизмъ“ находитъ Аксаковъ только въ припискѣ къ Остромирову Евангелію: „здѣсь вдругъ встрѣчается намъ употребленіе, несвойственное духу языка Остромирова Евангелія, употребленіе, принадлежащее Русской рѣчи, ворвавшейся въ языкъ церковно Славянской, явившей, что подъ нимъ современно была самобытная живая рѣчь, и оставившей такимъ образомъ первый, хотя блѣдный, свой памятникъ: это предложный падежъ безъ предлога, который почти не встрѣчается въ Евангеліи Остромировомъ, именно при собственныхъ именахъ, гдѣ предложный падежъ употребляется почти всегда съ предлогомъ, употребленіе, носящее на себѣ признакъ юности, неразвитости языка, что и былъ нашъ языкъ въ отношеніи къ церковно-Славянскому“ (стр. 120). Но указанная особенность

никакъ не можетъ считаться исключительно русской, такъ что въ данномъ случаѣ А—въ опять сдѣлалъ ошибку. Также ошибочно утвержденіе (стр. 126), что „форма именительнаго падежа въ впительномъ, явленіе не церковно-Славянскаго языка, явленіе языка Русскаго, которое часто и долго будетъ намъ встрѣчаться (въ разсматриваемыхъ А—внхъ памятникахъ)“. А—въ былъ введенъ въ заблужденіе такими случаями, какъ былинное „голова рубить“ и т. д., и распространилъ понятіе и на основы мужскаго рода (стр. 124). Такихъ ошибокъ можно указать у А—ва массу, но уже приведеннаго достаточно, чтобы показать, какъ мало было у него строгой школы и основательнаго знанія предмета. Аксаковъ только намѣтилъ себѣ планъ широкаго историческаго изученія отношеній между обоими языками—письменнымъ—старо-или церковнославянскимъ и народнымъ—русскимъ. Для выполненія этого плана ему не хватило научныхъ средствъ. Оттого положительная часть разсужденія Аксакова имѣетъ только значеніе и цѣнность конспекта, черноваго наброска, сдѣланнаго изслѣдователемъ для собственнаго употребленія, но такъ и не приведеннаго въ исполненіе. Задуманъ этотъ планъ широко и смѣло, но онъ превышалъ силы исполнителя и въ силу условій времени, и въ силу недостаточности и безпорядочности его познаній. Планъ, начертанный Буслаевымъ въ его книгѣ „Объ обученіи отечественному языку“, (см. выше стр. 102) слѣдовательно такъ и остался не выполненнымъ, хотя задачи Аксакова были очень близки къ задачамъ этого плана.

Годомъ раньше книги Аксакова вышло другое разсужденіе „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“ М. Н. Каткова¹⁾. Работа эта, представляющая для своего времени не мало дѣльных замѣчаній и мыслей, по занимающему насъ вопросу даетъ скудный матеріалъ. Нѣкоторые утвержденія представляютъ положительный шагъ назадъ не только относительно Востокова или Буслаева, но даже сравнительно со взглядами грамматикъ прошлаго вѣка. Такъ на стр. 111-й читаемъ: „Въ общепринятой нынѣ Русской рѣчи дружно бытуютъ обѣ формы (полногласная и неполногласная), изъ которыхъ одна называется обыкновенно Славянскою и принимается

¹⁾ Москва. 1845. 8°. 257 стр.+11.

за одинъ изъ слѣдовъ, оставленныхъ нарѣчіемъ Церковнымъ; другая же почитается за исконную коренную форму Русскую"; тѣмъ не менѣе Каткову „кажется, что обѣ формы испоконъ вѣка бытовали въ Русскомъ и равно ему принадлежать“. На стр. 216-й читаемъ также: „у насъ еще доселѣ (не надо забывать, что это писано 25 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ Востоковскаго „Разсужденія о древнеславянскомъ языкѣ“, дававшего вполне достовѣрныя средства для отличенія формъ славянскихъ отъ русскихъ) не найдено мѣрила для различія собственно Русскаго нарѣчія отъ Церковнаго (были у Каткова предшественники, лучше, чѣмъ онъ, различавшіе однимъ языковымъ чутьемъ). Последнее такъ сопротивилось съ первымъ, что во многихъ случаяхъ крайне трудно между Русскимъ и Церковнымъ провести ясную черту“. Ниже мы читаемъ: „почему древнія формы языка, какими наполнены напр. лѣтописи... непременно должны быть исключаемы изъ исторіи Русскаго языка? Почему напротивъ не полагать по архаическому, преданіемъ завѣщанному типу, весьма близкому къ формамъ Кирилловскимъ, по Русскому же“.

Впослѣдствіи, черезъ 40 лѣтъ, при совсѣмъ иномъ уже положеніи славянской филологіи вообще и русской въ частности, это неясное представленіе о границахъ и отличіяхъ русскаго и старославянскаго (или „Церковнаго“ по Каткову) языковъ сказалось въ передовой статьѣ Московскихъ Вѣдомостей (1885 г., № 93) по поводу юбилея Славянскихъ Первоучителей, гдѣ поддерживалось самымъ категорическимъ образомъ мнѣніе, едва ли могущее найти себѣ представителя между современными учеными, что языкъ перваго славянскаго перевода Священнаго Писанія былъ не что иное, какъ древнерусскій языкъ ¹⁾. Подобный взглядъ является тѣмъ болѣе страннымъ, что въ 1856 году въ статьѣ о Пушкинѣ (Рус-

¹⁾ «Мы не сомнѣваемся, что языкъ этотъ (языкъ Перевода Св. книгъ) былъ первоначальный славянскій, еще не раздѣлившійся на діалекты, хотя заключавшій въ себѣ всѣ сѣмена ихъ, какъ языкъ гомерическій слитно заключалъ въ себѣ элементы еще не обособившихся діалектовъ греческихъ (!)». И ниже: «славянскій языкъ есть также русскій, только въ его древнѣйшемъ состояніи. Всѣ древніе памятники нашей письменности писаны на этомъ языкѣ; славянскій языкъ есть славянорусскій и т. д.

скій Вѣстникъ 1856, № 2) Катковъ вполне основательно и въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣній, разграничивалъ церковно-славянскій языкъ, языкъ древней русской письменности, отъ народнаго и говорилъ, что по его „убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства“ (стр. 320) ¹⁾.

Замѣчаній, которыя можно признать вѣрными, у Каткова немного. Такъ на стр. 48-й находимъ замѣчаніе о принадлежности разнымъ языкамъ окончаній прилагательныхъ *-ий* и *-ей*: „извѣстно въ нашемъ языкѣ колебаніе голоса (!) между *e* и *i*. Оба эти элемента сходятся въ посредствующемъ *ѣ* -ѣ. Мѣстоименіе *сѣ*, опредѣляясь, становится въ Церковно-Славянскомъ *сій*, въ Русскомъ—*сей*. Ср. Церковно-Славянскія и нынѣ употребляемыя формы — *Василій*, *бывшій* и пр. со Старо-Русскими *Василей*, *бывшей* и пр.“.

На стр. 97—98 читаемъ: „*жд* не только удержалось въ Церковномъ нарѣчій, но и перешло отчасти въ общепринятое Русское“. Ниже: „общепринятое Русское нарѣчіе допустило (!) звукъ (!) *щ* въ большей части (?) случаевъ, гдѣ его оказываетъ Церковное“. Общій очеркъ исторіи образованія народнаго и книжнаго русскаго языка въ связи съ исторіей видоизмѣненія старославянскаго въ новый церковнославянскій (языкъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ) находимъ у И. И. Срезневскаго въ его „Мысляхъ объ исторіи русскаго языка“ ²⁾. Указаній на факты языка здѣсь немного (два, три лексическихъ заимствованія—*понеже*, *поелику*, *щ* и *жд* смѣ-

¹⁾ «То, что теперь называемъ мы русскимъ языкомъ, есть плодъ продолжительнаго и труднаго развитія. Какъ всѣмъ извѣстно, въ древнее время письменнымъ языкомъ въ Россіи было нарѣчіе церковнославянское. Не менѣе извѣстно, что это нарѣчіе существенно разнилось отъ народнаго... едва ли кто видитъ теперь въ церковномъ языкѣ древнѣйшее состояніе того же языка, который мы слышимъ въ народѣ; однако многіе еще полагаютъ, что въ семействѣ славянскихъ нарѣчій церковное принадлежитъ къ одному порядку съ народнымъ русскимъ; по нашему же убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства». Ниже на стр. 323: «русскій языкъ не состоитъ ни въ простонародной, ни въ церковнославянской рѣчи, а есть нѣчто новое, среднее, нѣчто происшедшее отъ ихъ соединенія, при многихъ другихъ историческихъ вліяніяхъ».

²⁾ Гл. VI, стр. 92—102 отдѣльнаго изданія (Спб. 1850. 8°, стр. 210); гл. VI, стр. 152—162 перваго изданія (Актъ въ Императорскомъ С.-Петербург. Университетѣ 1849 г. 8°).

сто ч и ж и ре, ле вмѣсто ере, оло). Между прочимъ Срезневскій исходитъ изъ едва ли вѣрнаго и во всякомъ случаѣ трудно доказуемаго положенія, что древній русскій языкъ былъ гораздо ближе къ старославянскому, чѣмъ все остальные славянскія нарѣчія „и по составу, и по строю“. Между тѣмъ достаточно указать хотя бы на такія коренныя отличія, какъ разница между старославянскими и русскими соотвѣтствіями первичныхъ сочетаній Vocalis+cons. liquida (разница, отсутствующая въ чешскомъ, болгарскомъ, сербскомъ и словинскомъ) или первичныхъ tj, dj (отсутствующая въ болгарскомъ), чтобы поколебать это положеніе. Въ связи съ этой мыслью Срезневскій утверждаетъ, что „отъ этого, сколько ни мѣшались одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ письменности, элементы Старославянскій и чисто Русскій, языкъ этихъ произведеній сохранялъ свою правильную стройность всегда, когда... не проникалъ въ него... элементъ Греческій“. Едва ли также кто согласится съ Срезневскимъ, что первой причиной удаленія языка письменнаго отъ народнаго были нѣкоторыя „уклоненія отъ правилъ общеславянской стройности языка, обязанныя своимъ происхожденіемъ греческому вліянію и касавшіяся сначала только слога, а потомъ и нѣкоторыхъ правилъ словосочетанія“. Ниже однако встрѣчаемъ оговорку, хотя и неясную по смыслу, благодаря отсутствію примѣровъ: „впрочемъ до тѣхъ поръ, пока въ языкѣ народномъ сохранялись еще древнія формы, языкъ книжный поддерживался съ нимъ въ равновѣсіи, составлялъ съ нимъ одно цѣлое“.

Болѣе всего матеріала встрѣчаемъ у Буслаева въ его Исторической грамматикѣ русскаго языка ¹⁾, хотя освѣщеніе его далеко не всегда правильно. Такъ, въ § 10 (стр. 14) находимъ замѣчаніе о формахъ *прежній* и *преждній*: „по закону смягченія д въ жд и въ жс, *преждній* (отъ слова *предъ*) есть форма церковнославянская, въ отличіе отъ русской—*прежній* (NB): а *преже* (NB) и *перезе* формы русскія вмѣсто церковнославянской *прежде*, усвоенной современнымъ употребленіемъ, по вліянію языка книжнаго

¹⁾ Первое изданіе: Москва 1858. 8°; второе, съ вполне передѣланной первой частью, Москва 1863. 8°, 259+374, третье М. 1868, четвертое М. 1875 и т. д. Мы пользовались вторымъ изданіемъ.

(§ 36)“. Въ приведенной выдержкѣ невѣрно опредѣленіе формъ *прежній* и *преже* какъ русскихъ формъ. Форма *прежній* легко можетъ быть дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ формы *преждній* въ силу исчезновенія *д* между согласными (ср. *поздній*, *праздній*, которыя произносятся *роз'п'ѣ*, *ргáзп'ѣ*), такъ что *ж* въ этомъ словѣ не есть еще непременно русское соотвѣтствіе первичнаго *дж* и одинаково можетъ быть результатомъ вторичнаго фонетическаго процесса (исчезновеніе одного изъ членовъ согласной группы). Кроме того мы находимъ въ этомъ словѣ, вмѣсто ожидаемой русской вокализации *пере-*, старославянскую форму плавнаго сочетанія *пре* (*прѣ*), имѣющуюся и въ *преже*. Последняя форма представляетъ какъ бы компромиссъ между славянской и русской формами: *жд* замѣнено здѣсь *ж*, а *пре-* осталось.

Въ слѣдующемъ § 11-мъ (стр. 15) встрѣчаемъ аналогичное замѣчаніе о параллелизмѣ формъ *между* и *межъ*, изъ которыхъ первая признается Буслаевымъ за церковнославянскую. Общія замѣчанія объ отличіи русскаго языка отъ церковнославянскаго и отношеніи нашихъ писателей: Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Жуковского и Крылова къ славянизмамъ находимъ въ § 17 (п. 4, стр. 23).

Параллелизмъ предлоговъ *раз-* и *роз-*, имѣющійся только въ литературномъ или книжномъ русскомъ языкѣ, не понятъ Буслаевымъ (§ 24. 2, стр. 29). Вмѣсто того, чтобы искать ему объясненія въ заимствованіи первой формы изъ церковнославянскаго, онъ даетъ фонетическое объясненіе, выводя о формы *роз-* изъ *а* формы *раз-* и признаетъ первую за вторичную, что совершенно невѣрно. Въ примѣчаніи 4-мъ къ этому же § (стр. 29) также невѣрно объясненіе формъ *ровный* и *розный* рядомъ съ формами *равный* и *разный*. Хотя еще Максимовичъ (см. выше, стр. 94) объяснялъ подобныя формы совершенно правильно, Буслаевъ видитъ здѣсь опять фонетическое явленіе и выводитъ о русскихъ формъ изъ *а* славянскихъ: „а переходитъ въ о въ словахъ...“ Кроме того здѣсь находимъ также смѣшеніе разнороднаго матеріала; такъ формы *дубрава* и *дуброва* принадлежатъ совсѣмъ къ другой категоріи, чѣмъ формы *равный* и *ровный* или *разъ* и *розъ*.

Въ § 29. 4 (стр. 51), посвященномъ явленію такъ наз. русскаго полногласія, встрѣчаемъ довольно полное, хотя нѣсколько сбивчиво и неясно сформулированное представленіе взаимныхъ отношеній между церковнославянскими заимствованными, неполногласными и природными русскими, полногласными формами. Буслаевъ различаетъ въ книжномъ и литературномъ русскомъ языкѣ три категоріи: 1) церковнославянскія формы, употребляемыя вмѣсто русскіхъ: *владѣть*, *прежде* и т. д., 2) русскія формы, употребляемыя вмѣсто церковнославянскихъ (!): *корова*, *ворона* и т. д., 3) параллельныя полногласныя и неполногласныя формы („и тѣ и другія“): *пламя* и *полая*, *младшій* и *моложе*. Въ этомъ дѣленіи удивляетъ своей ненужностью и нелогичностью вторая категорія; выраженіе „вмѣсто церковнославянскихъ“ заставляетъ предполагать, что Буслаевъ считаетъ русскія формы *корова*, *ворона* вторичными и ожидалъ бы видѣть на ихъ мѣстѣ церковнославянскія. Между тѣмъ онѣ искони были въ русскомъ языкѣ и совсѣмъ не появлялись „вмѣсто“ какихъ либо формъ. Очевидно, категорія эта придумана только для симметріи.

Ниже находимъ попытки установить критерій для отличенія русскихъ формъ отъ славянскихъ. Главный наиболѣе надежный и положительный критерій—сравнительно-фонетическій оставленъ совсѣмъ безъ вниманія. Буслаевъ принимаетъ только два признака: 1) значеніе, напр. *норовъ* и *нравъ*, *порожній* и *праздный*... и 2) употребленіе „въ рѣчи книжной и витіеватой: *берегъ*, *лава*“... и въ „разговорной: *берегъ*, *юлова*“. Указывается также на значеніе этихъ заимствованій въ семасіологическомъ отношеніи: „слова нравственнаго значенія, напр. *бремя*, *владѣть* и проч., приняли форму церковнославянскую; а слова, имѣющія значеніе вещественное и употребляемыя въ ежедневной рѣчи, напр. *воробей*, *юрохъ*, *корова* и проч., удержали форму русскую. Въ привѣтствіяхъ: „*здравствуйте*“, „*здравія желаю*“ и „*здорово живешь*“, употребляется и та и другая форма, для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи“.

Въ слѣдующемъ, пятомъ пунктѣ (стр. 51—52) указывается на постепенное исчезновеніе неполногласныхъ славянскихъ формъ

изъ русскаго литературнаго языка: „въ нашемъ литературномъ и особенно въ стихотворномъ языкѣ долго господствовали формы церковнославянскія, каковы *брегъ, лава, младъ* и проч., но со времени Пушкина стали свободнѣе употребляться полногласныя чисто русскія“.

Въ шестомъ пунктѣ (стр. 52) указывается на присутствіе неполногласныхъ формъ въ народномъ языкѣ, которыя однако Буслаевымъ принимаются за „остатки старины“ (а не заимствованія?): „.... нѣкоторыя краткія формы, какъ остатки старины, допускаетъ и просторѣчіе. Напр., въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: „злато-серебро“, „младъ ясенъ соколъ“, „я млада-младенька“ — „молодой-младой Солодовниковъ“. Рыбн. I. 86“.

На стр. 61-й въ § 32 признаются остатками церковнаго языка, болѣе употребительными въ книжной рѣчи, формы *одѣяніе, даяніе*. Признакомъ ихъ чуждаго происхожденія для Буслаева служитъ „вставное для благозвучія“ *ј*, которое онъ считаетъ явленіемъ только церковнославянскимъ, тогда какъ въ русскомъ должно бы ожидать вмѣсто *ј*—*в*. Но съ этимъ трудно согласиться въ виду природныхъ русскихъ формъ со „вставнымъ“ *ј*, какъ *въятъ, съятъ, таятъ* и т. д. Тѣмъ не менѣе формы *одѣяніе* и *даяніе* должны быть признаны церковнославянскими, но на основаніи суффикса *-ніе*, вмѣсто котораго въ русскомъ языкѣ должно бы быть *-нье*.

Не совсѣмъ вѣрно также противопоставленіе формы *вострый*, какъ исключительно народной, будто бы книжной формѣ *острый*, а также утвержденіе, что *вострый* „преимущественно имѣетъ значеніе вещественное (а *воструха, вострушка?*), а *острый*—нравственное“ (тамъ-же § 32. 2. стр. 61).

Церковнославянскія формы съ *жд* и *шт*, вмѣсто русскихъ *ж* и *ч*, разсматриваются въ § 36 (стр. 67 и слѣд.). Указывается въ началѣ § на необходимость „при изученіи русскаго языка.... выищать въ отличіе смягченныхъ формъ русскихъ отъ церковнославянскихъ, въ отличіе, проникающее весь составъ того и другаго языка; такъ напр. въ образованіи прилагательныхъ: *надежн-ый, нуж-ный, преж-ній* (а не *надеж-дный, нуж-дный, прежд-ній*) отъ русскихъ формъ: *надежа, нужда, прежде* (ср. относительно

последней формы сказанное выше на стр. 112); въ образованіи дѣепричастій: русское окончаніе дѣепричастій настоящаго времени, на *-чи*, соотвѣтствуетъ цсл. причастію наст. времени женскаго рода, на *-щи*; напр. *творящи, дѣлаючи* и проч.“.

Далѣе довольно подробно разсматриваются формы церковно-славянскія и русскія, сообразно ихъ распредѣленію по различнымъ эпохамъ и памятникамъ русской письменности, а также разнымъ нарѣчіямъ и говорамъ: въ пунктахъ 1-мъ и 2-мъ приводятся примѣры русскихъ *ж* и *ч* въ Остромировомъ Евангеліи и другихъ памятникахъ русской рецензіи. При этомъ обращается вниманіе на присутствіе въ этихъ памятникахъ такихъ формъ, которыя въ настоящее время въ книжномъ или литературномъ языкѣ вытѣснены совсѣмъ церковнославянскими, какъ напримѣръ *вожъ* вм. *вождь*, *перерже* вм. *прежде*, *межю* и *межу* вм. *между*, *нужа* вм. *нужда*, *жажа* вм. *жажда*, *въчати*, *объчати*, вм. *въщати*, *объщати* и проч.

Въ пунктѣ 3-мъ (стр. 69) указывается на тотъ фактъ, что „областное просторѣчіе, въ отношеніи къ смятченію зубныхъ въ шипящія, стоитъ ближе къ языку древнерусскихъ памятниковъ, нежели къ современному книжному; напр. *межу* или *межи*, *перерже* или *перѣжъ*, *нужа*, *собча*, вм. *между*, *прежде*, *нужда*, *сообща*“.

Въ пунктѣ 4-мъ (стр. 69) указывается на присутствіе и въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ языкѣ формъ съ русскими рефлексамъ *дж*. Форма *чуждый*, представляющая собой компромиссъ между русской формой *чужой* и старославянской *штоѹждъ*, даетъ поводъ Буслаеву находить, что „какъ церковнославянскій, такъ и русскій законъ смятченія иногда оказываются даже въ одномъ и томъ же словѣ“ (!) и что *ѹ* здѣсь „смягчилось въ *ж*“, по церковнославянскому закону, а *т* въ *ч* по русскому“. Въ дѣйствительности же, какъ форма *чуждый*, такъ и приводимая Буслаевымъ форма изъ Остромирова Евангелія *щоѹжнн* обязаны своимъ происхожденіемъ недоведенной до конца передѣлкѣ старославянской формы *штоѹжнн* на русскій ладъ. Такія неполныя передѣлки не рѣдкость

въ нашихъ древнихъ памятникахъ (малжайшини вм. *молочайшій* или малжайшини).

Въ пятомъ пунктѣ (стр. 69—70) обращается вниманіе на присутствіе въ составѣ современнаго литературнаго языка параллельныхъ формъ съ церковнославянскими и съ русскими соотвѣтствіями первичнымъ *dj, tj*.

Буслаевъ дѣлитъ относящійся сюда матеріалъ на такія же три категоріи, какія мы видѣли выше, когда дѣло шло о формахъ полногласныхъ и неполногласныхъ. Къ первой категоріи онъ относитъ церковнославянскія формы, употребляемыя вмѣсто русскихъ; напр. *прежде* вм. *преже* (должно бы быть *переже*), *между* вм. *межу*, *вѣжди* вм. *вѣжи*, *нужда* вм. *нужа*, *вѣщати* вм. *вѣчати*, *смущеніе* вм. *смущеніе*; *общій*, *община* вм. народныхъ *обчій*, *община*. Замѣчая при этомъ, что „впрочемъ въ просторѣчій, напр., въ пск. твер. говорится и *обча* и *обща*, *общуха*, купленное что либо сообща, арханг. *общитися*—соединяться, сообщаться“, Буслаевъ, однако, ни слова не говоритъ о томъ, какими онъ считаетъ эти формы—природными или заимствованными изъ церковнославянскаго. Вторая категорія Буслаева—русскія соотвѣтствія вмѣсто церковнославянскихъ (напр. *вижу* вм. *вижду*, *клажа* вм. *клажда*, *кража* вм. *кражда*, *хочу* вм. *хощу*, *отвѣчати* вм. *отвѣщать* и проч.) такъ же излишняя, какъ и разсмотрѣнная выше (стр. 113) категорія полногласныхъ формъ вмѣсто неполногласныхъ, и создана только для симметріи, а не изъ научной необходимости. Къ третьей категоріи Буслаевъ относитъ параллели формъ церковнославянскихъ и русскихъ, напр. *между* и *межъ*, *тождество* и *тожество*, *невѣжда* и *невѣжа*, *чуждый* („форма полурусская“, замѣчаетъ Буслаевъ) и *чужой*, *со-кращати* и *у-корачивати*, *помощь* и *помочь* и пр.

Такъ же, какъ выше при разсмотрѣніи полногласныхъ и неполногласныхъ формъ, Буслаевъ устанавливаетъ отличительные признаки заимствованныхъ изъ церковнославянскаго формъ: „смягченныя формы церковнославянскія большею частью отличаются, въ образованномъ языкѣ, отъ русскихъ, какъ 1) по значенію; напр. *гражданинъ* и *горожанинъ*, *невѣжда* и *невѣжа*; такъ и 2) по употребленію: принадлежа языку книжному, онъ болѣе

приличны рѣчи искусственной; напр. *въщать, улаждать, чуждый, поглощать* (при русской формѣ: *проглоту*) и проч. Впрочемъ многія формы стали достояніемъ языка образованнаго вообще; каковы напр. *жажда, нужда, между*; причастія на *-щій*; напр. *дѣлающій, говорящій* и др.“.

Выборъ признаковъ, а также и распредѣленіе матеріала сообразно имъ, страдаютъ здѣсь тѣмъ же недостаткомъ, который мы нашли выше въ формулировкѣ Буслаева различій между природными полногласными и заимствованными неполногласными формами (стр. 112),—неточностью и сбивчивостью. Такъ оставленъ совершенно безъ вниманія критерій фонетическій; формы *въщать, улаждать, чуждый* и т. д. отличаются не однимъ употребленіемъ отъ соотвѣствующихъ природныхъ формъ, а также и значеніемъ.

Въ примѣчаніи четвертомъ (стр. 70) неправильно приведено слово *дождь*, въ которомъ будто бы „*д* смягчается въ *ж* и *ч*“ (!).

Въ примѣчаніи шестомъ (стр. 70—71) утверждается, что смягченіе *д* въ *жд*, свойственное церковнославянскому языку, уцѣлѣло въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ русскаго“. Приводимые примѣры однако всѣ объясняются, хотя и не непосредственнымъ заимствованіемъ, но все же уподобляющимъ вліяніемъ заимствованныхъ изъ церковнославянскаго формъ; *жд* въ арханг. *урождай*, псковск. тверск. пенз. *забиждать*, тверск. *поваждать*, сибирск. *прихождане, неурождай*, рязанскомъ *обижда, обиждать* вовсе не фонетическаго происхожденія и является результатомъ морфологической ассимиляціи (аналогіи). Ничего общаго съ церковнославянскимъ не имѣетъ „особенно любопытный остатокъ ранняго церковнославянскаго смягченія *жд* вм. *жж* въ олон. *прѣждялъ, прѣждялъ* и т. д. Рыбниковъ. II. 253. 255“, такъ какъ написанія Рыбникова представляютъ собой только несовершенную попытку передать средствами обыкновеннаго русскаго алфавита усиленное палатальное произношеніе сочетанія согласныхъ *ж'* и *ж'* (*ж'д'ж'*).

Въ § 37. В (стр. 71) находимъ невѣрное утвержденіе, что „на второй ступени смягченія, *т* переходитъ въ *ц*; напр. *запрещать*“, такъ какъ форма эта заимствована изъ церковнославянскаго. Перечисленными замѣчаніями исчерпывается матеріалъ, находимый нами

въ первой главѣ грамматики г. Буслаева, трактующей о „звукахъ и соответствующихъ имъ буквахъ“. Вторая глава, посвященная „образованію словъ“, даетъ также не мало матеріала, не всегда однако правильно освѣщеннаго. Такъ слишкомъ категорично признаніе церковнославянскими звуковъ *-ес-* въ основахъ косвенныхъ падежей отъ *тѣло*, *слово* (§ 44. 1. 2. стр. 89), потому что присутствіе основъ на *ес-* въ русскомъ языкѣ несомнѣнно въ виду формъ въ родѣ *колѣса*, *колѣсный* и т. д., если и вѣрно, что основы *тѣло*, *слово*, *чудо*, *небо*, въ ихъ полномъ видѣ чужды русскому языку, такъ какъ очень рано совпали съ основами ср. рода на *о-*.

Въ § 55. 1. (стр. 104—105), трактующемъ о причастіяхъ, указывается на церковнославянское происхожденіе ихъ суффикса *-ицій*, которому въ русскомъ народномъ языкѣ должно отвѣчать *-чий*. Но въ примѣчаніи 1-мъ къ этому § (стр. 105) утверждается (совершенно невѣрно), что, рядомъ съ прилагательными на *-чий*, „народный языкъ сохранилъ значительное число со звукомъ *щ* вм. *ч*, напр. *завидуицій*, *загребуицій*, *распадуицій*, *некладуицій*, *трепуицій*, *умируицій*, *бѣжуицій*, *бѣжуицій*, *бодуицій*, *забыдицій*, *забудуицій* и т. д.“.

Во второмъ отдѣлѣ этого §, пунктъ 1 (стр. 106) находимъ замѣчаніе о формахъ причастія прошедшаго *падшій* и *павшій*, изъ которыхъ первая признается церковнославянской.

Церковнославянское происхожденіе признаетъ Буслаевъ и за причастіями настоящаго времени страдательнаго залога (стр. 108. Примѣч. 5): „причастія наст. страд. залога собственно принадлежать церковнославянскому языку, и только по вліянію его употребляются въ нашемъ образованномъ и книжномъ. Просторѣіе даетъ имъ видъ прилагательныхъ“.

Въ § 60-мъ (стр. 126) находимъ различеніе окончаній *-ье* и *-іе*; первое Буслаевъ признаетъ природнымъ русскимъ, а второе церковнославянскимъ, усвоеннымъ въ книжной рѣчи.

Въ примѣчаніи 4-мъ къ этому § (въ концѣ, стр. 127) рекомендуется отличать отъ народныхъ формъ въ родѣ *замужье*, *набѣдьѣ*, *полусотье* и т. д., неорганическія, позднѣйшія, составленныя въ духовныхъ стихахъ съ видимою цѣлью поддѣлаться подъ

книжный ладъ; напр. *словіе, желчіе*, вм, слово, желчь. Кал. I. 72. V. 203“.

Въ § 62 п. 4 (стр. 130) признаются церковнославянскими прилагательныя *древесный, словесный, тѣлесный*: „образовавшись отъ церковнослав. формъ, эти прилагательныя отличаются въ нашемъ языкѣ оттѣнкомъ книжной рѣчи“. Далѣе Буслаевъ указываетъ на невозможность произведенія такихъ прилагательныхъ отъ русскихъ формъ, напр. *древесный*, и приводятся соотвѣтствующія, чисто-русскія, природныя прилагательныя: *деревянный, словный* (откуда *словно*), *небный, чудный*.

Въ § 63-мъ (пунктъ 5, стр. 133—134) указывается на ограниченіе числа „уменьшительныхъ“, „ласкательныхъ“, „увеличительныхъ“ и „унизительныхъ“ именъ въ книжной рѣчи въ силу ея приближенія „въ складу церковнославянскаго языка“.

„Приставка“ *пре-*, употребляемая, между прочимъ, для образованія превосходной степени: *пре-умный, пре-добрый* и т. д., о которой идетъ рѣчь въ § 69. В. (стр. 143)—церковнославянскаго происхожденія, но Буслаевъ объ этомъ не говоритъ ничего.

Въ § 69, III. (стр. 147) признаются „остаткомъ“ (что не точно) церковнославянскаго языка и свойственными рѣчи книжной и образованной такія формы превосходной степени, какъ *умнѣйшій, дражайшій, кратчайшій, младшій*.

Въ § 72, II. (стр. 154) не выдѣлено изъ другихъ нарѣчій, „замѣчательныхъ потому, что или сохранили въ своемъ составѣ древнѣйшія формы, или же, отъ давняго употребленія, такъ псказались, что въ нынѣшней ихъ формѣ едва замѣтны слѣды настоящаго, первоначальнаго ихъ состава“—нарѣчіе *вкратцѣ*, хотя и замѣчено, что оно имѣетъ церковнославянское смягченіе *к* въ *ц*. Немного ниже (стр. 155) встрѣчаемъ также въ числѣ другихъ русскихъ нарѣчій *впередъ* безъ оговорки, что оно церковнославянскаго происхожденія. То же должно сказать относительно „внезапу“ (стр. 155) или *предъ, прежде* (§ 73 стр. 157), *едва, развѣ* (стр. 158), *единожды, дважды, трижды* (§ 74, 159).

Въ § 76 (стр. 161) отдѣляются формы предлоговъ *пре-, предъ, чрезъ*, какъ церковнославянскія, отъ русскихъ: *пере-, передъ, че-*

резь. Во второмъ пунктѣ а) этого § (162 стр.) указывается на церковнославянское происхожденіе префикса *из-* въ значеніи *р. вы-*: „церковнославянскія формы, вошедшія въ нашу книжную рѣчь, отличаются своимъ церковнославянскимъ оттѣнкомъ отъ чисто русскихъ формъ; напр. *избранный* и *выбранный*, *изложить* и *выложить*, *излить* и *вылить* и проч.“. Указано также на разницу въ значеніи природнаго *изъ*, напр. въ формахъ *износить*, *известить*. Въ пунктѣ б) находимъ также правильное представленіе взаимнаго отношенія между предлогами *розъ* и *разъ*, изъ которыхъ послѣдній признается церковнославянскимъ. Но рядомъ съ этимъ не объяснено правописаніе *раз-* въ формахъ: *разбѣгать*, *раздѣлывать*, *разливать*, *разумѣть*, которыя Буслаевъ признаетъ „равно принадлежащими какъ русскому, такъ и церковнославянскому языку“ (что не совсѣмъ вѣрно).

Въ пунктѣ 3-мъ этого § (стр. 163) указано на книжное происхожденіе предлога *со-* и на принадлежность народному языку параллельной формы *су-*, но невѣрно мнѣніе, что въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ *сугубый*, *сукотый*, *супоросый* и т. д., книжная рѣчь удержала церковнославянскую форму *сж-*, *су-*. Церковнославянскимъ *су-* можетъ быть признано только въ немногихъ формахъ въ родѣ *супругъ*, *сумракъ*, въ другихъ же случаяхъ оно обыкновенно природно (какъ напр. народныя *сусѣды*, *сусѣкъ*, *суполокъ* и т. д.).

Въ § 77. Примѣч. 5 (стр. 166) перечисляются союзы, употребляющіеся въ книжной рѣчи: *бо*, *да* (въ повелительномъ значеніи), *заче*, *ибо*, *поелику*, *понеже* и т. д.

Въ § 81, 6 (стр. 174) находимъ замѣчаніе, что „въ современномъ книжномъ языкѣ болѣе употребляются церковнославянскія сложныя реченія, переведенныя съ греческаго и реченія, составленныя по образцу ихъ въ позднѣйшія времена“. Выше въ примѣчаніи 7-мъ (стр. 173) приводятся примѣры такихъ сложений новѣйшаго происхожденія, созданныхъ по образцу церковнославянскихъ Жуковскимъ въ переводѣ Одиссея.

Какъ видно, не всѣ замѣчанія, отмѣченныя нами во второй главѣ Буслаева, посвящены словообразованію въ тѣсномъ смыслѣ;

нѣкоторыя (о предлогахъ *изъ* и *вы-*, *розъ* и *разъ*) затрагиваютъ область семасіологіи, или фонетики (о предлогахъ *пре-*, *предъ*, *чрезъ* и т. д.).

Въ третьей главѣ книги г. Буслаева, заключающей въ себѣ ученіе объ измѣненіи словъ, находимъ гораздо менѣ матеріала, чѣмъ въ предшествующихъ двухъ. Формы церковнославянскія здѣсь далеко не всегда отличаются отъ русскихъ, и новаго, сравнительно со своими предшественниками, Буслаевъ даетъ немного.

Въ § 96 с) (стр. 227) указывается, что „въ витіеватой рѣчи наши писатели позволяютъ себѣ употребленіе нѣкоторыхъ церк.-сл. окончаній. Напр. склоненіе съ суффиксомъ *-ес-*: *слова* в.м. *слова*: у Пушкина: „и полныя святыни слова“ IX. 172; двойств. число *крыль* (в.м. *крылья*) неоднократно у Жуковского“.

Въ § 97-мъ (стр. 229) говорится о двоякомъ склоненіи слова *кольно*, но не указано, что склоненіе *кольна*, *кольнъ* книжнаго происхожденія.

Въ § 101-мъ (стр. 246) находимъ замѣчаніе объ употребленіи краткой формы именъ прилагательныхъ и причастій: „нашъ книжный языкъ пользуется краткими формами, какъ церковнослав. языка, такъ и древнерусскаго и областнаго. Старинные писатели весьма богаты этими формами (слѣдуютъ примѣры изъ Оды на взятіе Хотина Ломоносова: „*Молдавски горы*“, „*чужи поля*“, „*перо злато*“ и т. д.); ниже: „писатели позднѣйшіе употребляютъ эти формы, или въ рѣчи витіеватой; напр. Пушкинъ въ Борисъ Годуновъ: „къ его одру, Царю едино зримый, явился мужъ необычайно *свѣтелъ*“ (I. 278) или же въ рѣчи разговорной, пользуясь нѣкоторыми народными выраженіями; напр. „до *бѣла* дня“.

Въ § 102, п. 3 (стр. 247) указывается на церковнославянское происхожденіе окончанія рѣд. пад. ед. числа прилагательныхъ женск. рода *-ья*, *-ія*, которое „встрѣчается и у позднѣйшихъ писателей въ книжномъ, тяжеломъ слогѣ, и даже иногда рядомъ съ окончаніемъ собственно русскимъ; напр. у Жуковского „блещетъ куполъ *соборныя*, *величественныя* церкви“; „онъ *слабыя*, земной руки созданье“ 2, 196, 213.

Въ § 103-мъ (стр. 248) встрѣчаемъ указаніе на „сокращеніе“

окончания прилагательныхъ -ий въ русскомъ разговорномъ языкѣ и сохраненіе его въ цѣлости въ языкѣ книжномъ: „сокращеніемъ звука и на ъ отличается собственно русское склоненіе отъ церковнославянскаго: потому реченія, употребляющіяся въ разговорномъ языкѣ, имѣютъ ъ вм. и. Напр. *рыбій рыба рыбае, рыбаю, рыбаей, рыбы* и проч. (вм. *рыбіа, рыбіе, рыбіаю, и проч.*)“.

Приведенными замѣчаніями ограничивается все, что можно найти у Буслаева относительно морфологическихъ элементовъ церковнославянскаго происхожденія, перешедшихъ въ русскій книжный и разговорный языкъ. Въ ряду этихъ заимствованій Буслаевымъ пропущено очень много, даже сравнительно съ грамматикой Ломоносова.

Замѣчаній относительно вліянія церковнославянскаго языка на синтаксическій строй современнаго русскаго языка, какъ и слѣдовало ожидать по сущности самаго предмета, находимъ еще меньше.

Въ § 136 п. 2. (часть II, стр. 40) указывается на сохраненіе глагола вспомогательнаго подъ вліяніемъ строя церковнославянской рѣчи: „въ книжной рѣчи, равно какъ и въ церковномъ языкѣ, удерживается *есть* и *суть*: напр. „Грамматика есть наука“, „Грамматика и Арифметика суть науки“ (§ 202 [стр. 161]: „въ книжной рѣчи хотя и допускаются всѣ формы настоящаго времени: *есмь, еси* и проч.; но въ разговорной употребляется только *есть* напр., *есть легче, есть городъ*, въ которомъ...“).

Въ § 146-мъ (стр. 51—52 второй части) находимъ очеркъ взаимныхъ отношеній между синонимами разнаго (русскаго природнаго и церковнославянскаго) происхожденія: „Отъ собственныхъ синонимовъ должно отличать такіа слова, которыя употребляются у насъ въ одномъ и томъ же значеніи, но различаются по своему происхожденію, а именно:

„1) Слова русскія и церковнославянскія, или русскія общеупотребительныя, книжныя—и народныя, областныя,—напр. *лобъ* и *чело*, *глаза* и *очи*, *щеки* и *ланины*, *шея* и *выя*, *недѣля* и *седьмица*, *отдохнуть* и *опочить* и мн. друг. (въ примѣчаніи 1-мъ приводятся примѣры изъ древнерусскихъ памятниковъ).

„2) Различныя формы одного и того же слова, или русскія,

напр. *берегъ, вѣтеръ, золото, серебро, одежда* (sic! Должно бы быть *одежа*) и друг., или соотвѣтствующія имъ церковнославянскія: *брегъ: вѣтръ, злато, сребро, одежда* и друг.

„Такой разнообразный запасъ словъ въ нашемъ языкѣ служитъ для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи; какъ-то:

„а) Въ рѣчи книжной, вѣтѣватой, употребляются слова и формы церковнославянскія, каковы: *брегъ, чело, много, усопшій* и проч., въ отличіе отъ рѣчи разговорной, которой свойственны слова чисто русскія, каковы: *берегъ, лобъ, слово, умершій* и проч.

„Примѣчаніе 2. Впрочемъ, въ народной рѣчи употребляются и слова общія съ церковнославянскимъ, напр. *очи, уста* и друг.“.

Въ § 156-мъ (стр. 76—77) указывается на общій законъ семасіологическаго развитія языковъ — переходъ отъ конкретнаго значенія къ абстрактному, на появленіе абстрактнаго представленія въ церковнославянскомъ языкѣ, откуда оно перешло и въ современный литературный языкъ: „Въ исторіи языка періодъ изобразительнаго представленія предшествуетъ періоду отвлеченныхъ понятій. Этотъ древнѣйшій періодъ сохранился до нашихъ временъ, частію и въ письменныхъ произведеніяхъ древнерусской литературы, но преимущественно въ языкѣ народномъ современномъ, по его мѣстнымъ нарѣчіямъ.

„Господство отвлеченнаго понятія надъ изобразительностію первоначальнаго впечатлѣнія и надъ свѣжестью живой разговорной рѣчи, оказалось уже въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнославянской письменности, отъ которыхъ ведетъ свое начало нашъ книжный языкъ.

„Возведеніе слова отъ нагляднаго представленія до общаго, отвлеченнаго понятія, обыкновенно совершающееся въ языкѣ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, у Славянъ получило свое начало отъ перевода Священнаго Писанія.

„Отвлеченность церковнославянскаго языка зависитъ: 1) частію отъ умственныхъ и нравственныхъ понятій христіанства, которыя нужно было передать по-славянски во всей ихъ чистотѣ; напр. *вѣра, надежда, терпѣніе, смиреніе, уповать* и пр.; 2) частію отъ реченій и оборотовъ чужеземныхъ, взятыхъ изъ греческаго

языка; напр. *іерей*, *діаконъ*, *литургія*, *ангелъ* (но вѣдь эти понятія конкретны?!) и др.; и наконецъ 3) большею частію отъ новыхъ, чисто книжныхъ реченій, составленныхъ переводчиками по образцу греческаго текста; *благодѣіе* (εὐσεβεία), *благородіе* (εὐγένεια), *благодарше* (εὐφροσύνη) и проч.

„Направленіе, данное нашему языку церковнославянскими книгами, болѣе или менѣе господствуетъ во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ русской литературы; потому что грамотные люди учились читать и писать по церковнымъ книгамъ. Отсюда понятно, почему языкъ древнерусскихъ памятниковъ содержитъ въ себѣ значительное количество словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, и уступаетъ нынѣшнему областному просторѣчію въ изобразительности.

„Нынѣшній книжный языкъ и составившаяся подъ его вліяніемъ рѣчь образованнаго общества, какъ плодъ умственного развитія, получившаго начало со времени перевода Св. Писанія, и воспитаннаго церковнославянскою литературою въ древнемъ періодѣ, и вліяніемъ образованности другихъ народовъ въ новѣйшее время, отличается отъ народнаго языка господствомъ отвлеченной мысли въ словѣ надъ изобразительнымъ представленіемъ“.

Въ слѣдующемъ, 157-мъ § (стр. 77—78) между прочимъ: „господство отвлеченнаго мышленія надъ этимологическою формою и надъ живымъ представленіемъ, выражаемымъ въ словѣ, оказало свое дѣйствіе на словосочиненіе преимущественно въ томъ, что подвело подъ одинаковыя общія правила множество частныхъ случаевъ, которыя нѣкогда, по богатству стариннаго языка, представляли значительное разнообразіе. Такъ, напр., разнообразное значеніе и употребленіе залоговъ древнѣйшаго глагола подведены теперь подъ болѣе общія правила, по которымъ глаголъ не такъ уже свободно можетъ переходить изъ одного залога въ другой, какъ это было въ старину (§ 176). Вмѣстѣ съ этимъ самое управленіе глаголовъ, нѣкогда весьма разнообразное, подведено теперь къ большому единству (§ 256). Равномѣрно и согласованіе словъ, нынѣ принимаемое въ рѣчи книжной, гораздо однообразнѣе и стѣснительнѣе для свободы языка, нежели согласованіе древняго и народнаго синтаксиса“. (Далѣе указывается еще на иностранное вліяніе: „русская

рѣчь слагалась по французскому синтаксису и изучалась по руководствам нѣмецкой грамматики“)... „Впрочемъ единообразіе и отвлеченность, возникшія въ языкѣ позднѣйшемъ, и преимущественно въ книжномъ, постоянно встрѣчаются въ нашей рѣчи съ формами древнѣйшими, живыми и разнообразными, доселѣ господствующими въ устахъ народа“.

Въ § 199-мъ, примѣч. 3 (стр. 151) находимъ замѣчаніе объ употребленіи причастій и дѣепричастій многократнаго вида въ литературномъ языкѣ: „причастія и дѣепричастія многократнаго, въ образованной, книжной рѣчи, мало употребительны; но въ народной—*пиваючи, пѣдаючи* и нѣкоторыя другія дѣепричастія употребляются“.

Въ § 204-мъ (стр. 167) указывается, что „мѣстоименіе *оный* употребляется только въ книжномъ языкѣ“.

Въ § 213, прим. 3 (стр. 181): „*многий, многая, многое*, было весьма обыкновенно въ церковносл., откуда заимствовано и въ нашу книжную рѣчь. Напр. *многая правда, многое благо* и т. п. Въ разговорномъ же языкѣ оно употребляется въ единственномъ числѣ, только въ именит. и винит. пад. средняго рода, и притомъ съ усѣченнымъ окончаніемъ. Что же касается до множ. числа *многіе, многихъ* и т. д., то хотя эти формы въ рѣчи употребительнѣе косвенныхъ падежей ед. числа, но принадлежатъ болѣе языку образованному, нежели просторѣчію. *Многий, многая* и пр., нынѣ могутъ быть употреблены только въ рѣчи витіеватой; напр. у Пушкина „присмотрѣна имъ *многая* неправда“ 5. 18“.

Въ § 243 г.) (стр. 245): „эпитетъ, выраженный только однимъ существительнымъ въ родительномъ падежѣ, безъ опредѣленія, принадлежитъ рѣчи книжной и слогу витіеватому. Напр. *мужъ совѣта, народы Сѣвера*“.

Въ § 244. 5 находимъ замѣчаніе о дательномъ самостоятельномъ, который считается Буслаевымъ принадлежащимъ только церковному. Попытки нѣкоторыхъ писателей (Буслаевъ приводитъ примѣры изъ Ломоносова и Жуковского) ввести этотъ оборотъ въ книжную рѣчь признаются тщетными.

Въ § 254-мъ (стр. 288—289) между прочимъ идетъ рѣчь о

двоякомъ управленіи „глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами *до-, из-, от-, с-* и съ нѣкоторыми другими“. Буслаевъ отмѣчаетъ при нихъ древнѣйшее и позднѣйшее управленія. „По древнѣйшему они требуютъ родительнаго безъ предлога, но позднѣйшему—съ предлогами *до, изъ, отъ, съ...* Это древнѣйшее словосочиненіе сохранилось какъ въ языкѣ разговорномъ, такъ и у писателей, отъ Кантемира и Ломоносова до нашихъ временъ; но при немъ постоянно встрѣчается уже и позднѣйшее; напр. *отрещись чего и отъ чего, достигнуть чего и до чего* и т. п.“.

Въ § 256. п. 3 (стр. 295 и слѣд.), гдѣ разсматриваются управленія различныхъ глаголовъ, встрѣчаемъ между прочимъ замѣчанія относительно слѣдующихъ глаголовъ: *внимать* съ дат. лица и винит. вещи, *клеветать*—кого, *насладиться*—чѣмъ въ разговорномъ языкѣ—и *чего* въ книжномъ, *презирать, пренебрегать, принадлежать, удовлетворить, удостоить*.

Въ § 258. II (стр. 304) находимъ замѣчаніе, имѣющее связь съ приведеннымъ выше изъ § 243 г.): „иногда, вмѣсто глагольнаго управленія, писатели употребляютъ именное: напр. *любовь славы* (вм. *къ славы*), *воспоминаніе прошлыхъ дней* (вм. *о прошлыхъ дняхъ*)... Это нововведеніе чуждо народной рѣчи“.

Далеко не всѣ приведенныя здѣсь замѣчанія Буслаева относятся къ области синтаксиса въ собственномъ смыслѣ. §§ 146, 156 и 157 имѣютъ своимъ предметомъ семасіологическія отношенія, возникшія подъ вліяніемъ церковнославянскаго языка, §§ 199, 204 и 213 указываютъ на лексическія или морфологическія заимствованія. Вліянію церковнославянскаго языка на синтаксисъ русскаго языка въ собственномъ смыслѣ посвящены только немногочисленныя и небольшія по объему замѣчанія въ §§ 136, 243, 244, 254, 256 и 258.

Какъ бы то ни было, грамматика Буслаева представляетъ наиболѣе полную разработку занимающаго насъ вопроса въ русской филологической литературѣ до начала 70-хъ годовъ. Да и послѣ вплоть до настоящаго времени мы не встрѣчаемъ, за однимъ исключеніемъ, ничего, что бы могло остановить на себѣ вниманіе. Направление, господствовавшее въ нашей отечественной филологіи въ

теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ, носило главнымъ образомъ характеръ палеографическій. Наши филологи посвящали свои силы главнымъ образомъ изданію и описанію памятниковъ древней русской и славянской письменности; изслѣдованій собственно грамматическихъ за этотъ періодъ мы находимъ сравнительно немного, и они частью касались слишкомъ спеціальныхъ и мелкихъ вопросовъ, частью разрабатывали такіе отдѣлы науки, которые лежали совсѣмъ въ сторонѣ отъ занимающаго насъ вопроса.

Въ литературѣ русской научной грамматики съ начала 70-хъ годовъ мы встрѣчаемъ только одну, весьма сжатую, но отличающуюся точностью и полнотой, обработку изслѣдуемыхъ нами отношеній, принадлежащую извѣстному слависту И. А. Бодуэну де Куртенэ. Уступая Буслаеву въ количествѣ матеріала (что является вполне естественнымъ въ виду цѣли труда, въ которомъ мы находимъ эту обработку), характеристика проф. Бодуэна де Куртенэ стоитъ гораздо выше въ отношеніи научныхъ строгости и точности. Мы позволимъ себѣ привести эту характеристику цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что при всей ея содержательности, она очень невелика по объему.

И. А. Бодуэнъ де Куртенэ. Подробная программа лекцій въ 1876—1877 учебномъ году. „Глава 8¹⁾“. Вліяніе старословянской (церковнословянской) письменности на фонетическую сторону русскаго языка. Старословянскій элементъ в русской фонетикѣ:

Вліяніе на произношеніе.

γ (звонкое *х*) рядомъ съ *ι* (звонкое *к*). Вліяніе кіевское и вообще малорусское.

ѣ (ѣ') (=стсл. *є*, *ѣ*) вм. *о*.

іј, *іј* (*ѣј*) вм. *ѣј* (ѣ'ј) *еј* (ѣ'ј) и т. д.

Вліяніе на звуковой составъ. Замѣна русскихъ развѣтвленій звуковъ и сочетаній звуковъ старословянскими.

шч (*щ*): *ш*, *жд*: *д* (*шч*, *жд* вм. *ч*, *ж*); *жд*: *жж* (*жд* вм. *жж* или *ждж*).

Слоги *ра*, *ла*, *ре* (*р'е*, *р'ѣ*), *ле* (*л'е*, *л'ѣ*) вм. русскаго полногласія (*оро*, *оло*, *ере*, *оло* или *еле*).

¹⁾ Казань. В университетской типографіи 1878. 8°. 92 стр. Стр. 62—63.

Различіе значенія тѣх же словъ в русской и старословянской формѣ.

Форма, выѣшній видъ извѣстнаго слова, усвоенный из старословянскаго, в противоположность настоящей русской формѣ. Между прочимъ, это доказывается удареніемъ формъ (не говоря в нѣкоторых случаяхъ о значеніи): *ѡрѡб-ѡрѡба* вм. *ѡрѡба* и т. п. (ср. *виноград* и т. п.).

Суффиксы и окончанія, усвоенные из старословянскаго, рядомъ с тѣми же суффиксами и окончаніями в чисто русскомъ видѣ (или с разнымъ значеніемъ, или же с тѣм же значеніемъ).

Суффиксъ *-ѡ-ѡ* (*-іе*) р. съ его русскою формою *-ѡ* (*-ѡ*).

Суффиксъ причастій и прилагательныхъ отрицательныхъ: *-ѡщ-*, *-ѡщ-* р. с *-ѡщ-*, *-ѡщ-*.

Старословянское вліяніе только на *письменность*, хотя отчасти тоже и на произношеніе (ср. главу 2-ю).

Ном. s. m. adj. проп. *-ѡщ*, *-ѡщ*.

Gen. s. m. n. adj. проп. *-ѡщ*, *-ѡщ*, *-ѡщ*, *-ѡщ*.

Ном. pl. f. n. adj. *-ѡщ*, *-ѡщ*.

Gen. s. f. ея (произнос. *ѡщѡ*)“.

Какъ видно уже изъ самаго заглавія главы, главное вниманіе здѣсь обращено на сторону фонетическую, затронуты также элементы словообразовательные и морфологическіе, указаны слѣды вліянія церковнославянскаго правописанія на русское, а также послѣдствія принятія въ русскій языкъ старославянскихъ элементовъ въ отношеніи семасіологическомъ.

Оставлена совсѣмъ безъ вниманія только одна синтактическая сторона нашего вопроса.

Послѣдней характеристикой мы заканчиваемъ обзоръ литературы вопроса.

Подводя итогъ всему вышерассмотрѣнному, приходится признать отсутствіе сколько нибудь дѣйствительной полной разработки нашего вопроса. Мы имѣли дѣло или съ отрывочными, отдѣльными замѣчаніями, разсѣянными по болѣе или менѣе научнымъ грамматикамъ русскаго языка, или съ конспектообразными набросками (какъ послѣдняя характеристика), а также съ полнымъ отсутствіемъ работъ, посвященныхъ нашему предмету исключительно;

все, что можно было найти въ нашей и иностранной филологической литературѣ, почти не уменьшаетъ работы изслѣдователю даннаго вопроса, не облегчая ему даже собираніе относящагося сюда матеріала.

Строго говоря, почти все, указанное нами въ этомъ обзорѣ, могло даже остаться безъ вниманія. Читателя поэтому не должно удивлять отсутствіе ссылокъ на литературу вопроса въ послѣдующихъ главахъ нашего изслѣдованія. Настоящая глава избавляетъ насъ отъ этой необходимости, свидѣтельствуя о нашемъ добромъ желаніи воспользоваться всѣмъ наличнымъ литературнымъ матеріаломъ.

ГЛАВА II.

Церковнославянскій языкъ.

§ 1. Языки старославянскій и церковнославянскій. Въ продолженіи всего послѣдующаго изслѣдованія понятія церковнославянскаго и старославянскаго строго отличены другъ отъ друга. Подъ первымъ здѣсь разумѣется языкъ русскихъ богослужебныхъ печатныхъ книгъ, представляющій позднѣйшее, подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ, видоизмѣненіе такъ называемаго старославянскаго языка. Въ основѣ этого, главнымъ образомъ, книжнаго языка лежатъ языки старославянскихъ памятниковъ, такъ называемой „русской“ рецензіи, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ проникшія сильно новыми, русскими элементами, принявшій многія фонетическія и морфологическія русскія особенности и утратившій многія старославянскія.

Что нужно подразумѣвать подъ старославянскимъ языкомъ, вопросъ для цѣли даннаго изслѣдованія достаточно второстепенный. Но во избѣжаніе недоразумѣній необходимо пояснить, что подъ этимъ терминомъ здѣсь разумѣется языкъ перваго славянскаго перевода Св. Писанія, ближайшимъ родичемъ или потомкомъ котораго, какъ свидѣлствуютъ неоспоримыя языковыя данныя, можетъ быть признанъ только современный болгарскій языкъ, каковы бы ни были измѣненія, постигшія его въ теченіе вѣковой его исторіи.

Едва ли разрѣшимый вопросъ о томъ, какой собственно народъ говорилъ этимъ языкомъ, въ сущности не имѣетъ большаго значенія для лингвиста, въ виду общезвѣстнаго факта, что понятія языка

и народа (т. е. понятія лингвистическое и этнографическое) не совпадаютъ одно съ другимъ. Достаточно напомнить только, что напр. значительныя части русскаго населенія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ въ антропологическомъ отношеніи принадлежатъ финскому или другимъ племенамъ, хотя языкъ ихъ уже довольно давно русскій, т. е. индоевропейскій. Не имѣетъ также особаго значенія для лингвиста и вопросъ о томъ, гдѣ жилъ народъ, говорившій „старославянскимъ“ языкомъ—въ Панноніи, Болгаріи, Македоніи или гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Его дѣло только констатировать совпаденіе извѣстныхъ „старославянскихъ“ языковыхъ особенностей (прежде всего фонетическихъ) съ таковыми же новоболгарскими и отсутствіе такого совпаденія въ языкахъ „старославянскомъ“ и „новословенскомъ“ (Altslovenisch и Neuslovenisch Миклошича). Отыскивать родину даннаго языка—дѣло историка, но отнюдь не лингвиста, который со своей стороны даетъ первому извѣстныя неоспоримыя лингвистическія данныя. Мы полагаемъ, что эти замѣчанія достаточно опредѣляютъ наше отношеніе къ вопросу о родинѣ или происхожденіи „старославянскаго“ языка, и переходимъ къ ближайшему предмету нашего изслѣдованія.

§ 2. Фонетическія особенности церковнославянскаго языка.

1. *Вокализмъ. Живое произношеніе.* Какъ языкъ до извѣстной степени живой, т. е. произносимый, церковнославянскій языкъ встрѣчается главнымъ образомъ и прежде всего въ православной церкви во время богослуженія; внѣ церкви несравненно рѣже, но во всякомъ случаѣ всегда въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ церковью, богослуженіемъ или религіей вообще.

Сообразно съ мѣстомъ употребленія, мы можемъ установить три вида современнаго церковнославянскаго произношенія: два „церковныхъ“ или „богослужебныхъ“—1) чтеніе священника или дьякона (евангеліе, ектенія и т. д.) 2) чтеніе дьячка (апостолъ, часы и т. д.) и одинъ, если можно такъ выразиться, „мірской“, внѣцерковный (произношеніе текстовъ св. Писанія и различныхъ церковнославянскихъ отрывковъ внѣ церкви).

Первые два вида въ высшей степени искусственны и съ обыч-

*

нымъ способомъ русскаго произношенія не имѣютъ ничего общаго. Послѣдній, „мірской“, обыкновенно не отличается ничѣмъ особымъ отъ обычнаго живаго русскаго произношенія, и потому въ разсмотрѣніе его мы не будемъ входить.

Первые два вида представляютъ между собой рѣзкія противоположности. Одинъ видъ (чтеніе священника и дьякона)—протяжнаго и торжественнаго характера, является потенцированной рѣчью, переходною ступенью отъ обычнаго говора къ пѣнью и болѣе близокъ ко второму, чѣмъ къ первому, такъ что можетъ быть нотированъ совершенно опредѣленными музыкальными нотами (обычная рѣчь не всегда поддается точной музыкальной нотациі въ силу извѣстной неопредѣленности, фальшивости представляемыхъ ей музыкальных интерваловъ); второй — есть преувеличенная скороговорка, при которой неударенные гласные и даже пѣлые слоги почти совершенно проглатываются, такъ что произносимыя слова принимаютъ почти неузнаваемый видъ.

Такъ извѣстное предложеніе „Господи, помилуй!“, повторенное нѣсколько разъ сряду, принимаетъ въ этомъ произношеніи видъ, который можетъ быть выраженъ фонетической транскрипціей приблизительно такимъ образомъ:

γóspɾd'ɛpm'łóspɾm'łóspɾm'łós..... ɾɐm'ílūj или даже
γóspɾmłóspɾmłóspɾmłós..... ɾm'ílūj

Этотъ второй видъ церковнаго или богослужебнаго чтенія или произношенія церковнославянскаго языка (чтеніе дьячка) мы можемъ оставить въ сторонѣ, такъ какъ онъ представляетъ собой, такъ сказать, утрировку обычныхъ отношеній великорусскаго вокализма, въ которой слова такъ быстро скользятъ мимо ушей слушателя, что допустить возможность перехода церковнославянскихъ элементовъ, какъ фонетическихъ, такъ и лексическихъ, въ живой русскій языкъ именно этимъ путемъ, едва ли позволительно.

Поэтому мы представимъ общую картину церковнославянскаго произношенія, основываясь только на первомъ видѣ богослужебнаго чтенія (дьякона или священника). Какъ было уже замѣчено

выше, этотъ способъ произношенія есть родъ потенцированной декламации, псалмодіи, которая можетъ быть нотирована музыкально и имѣть извѣстное число неизмѣнныхъ музыкальных формулъ или напѣвовъ.

Принятые въ нашемъ богослуженіи традиціонные способы чтенія передаются изустно отъ одного поколѣнія къ другому, и есть основаніе полагать, что они ведутъ свое начало, если и не отъ первыхъ временъ христіанства на Руси, то во всякомъ случаѣ изъ сѣдой старины. Какой нибудь нотации этихъ способовъ, насколько намъ извѣстно, не существуетъ, и изученіе ихъ происходитъ исключительно путемъ практическаго перениманія. Подробное изслѣдованіе особенностей нашего богослужебнаго чтенія на распѣвъ въ музыкальномъ отношеніи завело бы насъ слишкомъ далеко и лежитъ за предѣлами цѣли настоящаго изслѣдованія. Для этой цѣли, однако, указаніе на этотъ особый способъ чтенія является необходимымъ, такъ какъ отъ него зависятъ характерныя особенности церковнославянскаго вокализма, отличнаго въ своемъ принципѣ отъ русскаго, какимъ этотъ послѣдній является въ обыкновенномъ, непринужденномъ говорѣ. Всего вѣроятнѣе, что церковнославянскіе (особенно фонетическіе) элементы переходили (при устномъ, не книжномъ, заимствованіи) въ русскій языкъ именно при помощи этого протяжнаго чтенія на распѣвъ, которое особенно запечатлѣвало въ памяти слушателей извѣстныя формы или фонетическія особенности языка. Съ этимъ способомъ чтенія связаны извѣстныя характерныя черты церковнославянской звуковой системы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся.

Какъ необходимое слѣдствіе музыкальной декламации, чтенія на распѣвъ, мы должны отмѣтить вполне опредѣленное, ясное произношеніе всѣхъ гласныхъ, при которыхъ отсутствуетъ рѣзкая разница между гласными ударенными и неударенными, свойственная обычному русскому произношенію ¹⁾). Другимъ факторомъ,

¹⁾ Представленіе этихъ отношеній можно найти въ работахъ: В. Богородицкаго. Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Казань 1884. 8°. стр. 144 и Бодуэна де Куртенэ. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологій русскаго языка. Воронежъ 1882. 8°. стр. 88+VI.

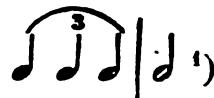
способствующимъ этому отчетливому произношенію, является, конечно, и то обстоятельство, что церковнославянскій есть языкъ книжный, мертвый, вдобавокъ богослужебный, требующій уваженія къ своей „буквѣ“.

Въ связи опять съ чтеніемъ на распѣвъ является иной, отличный отъ общерусскаго, способъ слоогобразованія, при которомъ гласные всѣхъ неударенныхъ слоговъ болѣе или менѣе равнозначащи въ метрическомъ отношеніи, и удареніе не имѣетъ той энергіи, какъ въ русскомъ слоогобразованіи. Разница станетъ для насъ очевидна, если мы возьмемъ одно и то же слово, напр. *благословенъ*, произнесенное „по русски“ и „по церковнославянски“: *blǫgъslāv'æn || blagoslov'æn*.

Какъ видно изъ приведеннаго примѣра, гласные ударенные даже обладаютъ въ церковнославянскомъ произношеніи качествомъ, отсутствующимъ у таковыхъ же русскихъ — долготой, обусловленной, разумѣется, музыкальными причинами.

Кромѣ разницы въ слоогобразованіи имѣется разница въ темпѣ и ритмѣ произношенія. Первый, „русскій“ примѣръ произносится быстрѣе, второй, „церковнославянскій“ — медленнѣе. Нагляднѣе всего передать графически эту разницу можно было бы въ музыкальныхъ знакахъ такимъ образомъ:

русскій примѣръ: $\frac{2}{4}$ z y

церковнославянскій: $\frac{2}{4}$ 1).

1) Вполнѣ точно передать затронутыя нами отношенія въ графическихъ знакахъ очень трудно. Показать на практикѣ, какъ извѣстное слово или звукъ произносится, легко, но нотировать вполнѣ точно и притомъ наглядно, чтобы читатель безъ посторонней помощи могъ самостоятельно и точно воспроизвести извѣстное произношеніе, почти невозможно при наличныхъ средствахъ. Поэтому приведенныя попытки графическаго обозначенія имѣютъ только приблизительное значеніе. Не надо забывать, что и въ музыкальной нотаци, гдѣ дѣло идетъ объ изображеніи болѣе точныхъ отношеній, не обозначается и не можетъ быть обозначено и половины того, что имѣется въ дѣйствительно живомъ и музыкальномъ исполненіи. Отсюда деревянный и бездушный характеръ исполненія начинающихъ, пока, путемъ практическаго переиманія, они не научатся передавать не обозначаемое никакими нотами и другими музыкальными знаками.

Благодаря особому принципу слоогообразованія, обусловленному музыкальнымъ характеромъ чтенія, церковнославянскій вокализмъ не представляетъ такихъ чередованій гласныхъ въ зависимости отъ ихъ мѣста въ словѣ относительно удареннаго слога, какія мы имѣемъ въ обычной русской рѣчи.

Гласные ударенные отъ неударенныхъ отличаются только болѣе энергійей произношенія (а также часто и долготой), но и въ этомъ отношеніи разница между ними не такъ сильна, какъ между русскими гласными.

Качественно церковнославянскіе гласные не отличаются существенно отъ общерусскихъ гласныхъ, такъ что церковнославянскіе *а* (а, ѡ, ѡа), *е* (ѣ, є), *о*, *и* (ѹ, оу, ю), *у* (ы), *і* (и, і) ничѣмъ не разнятся въ отношеніи фізіологической артикуляціи отъ соотвѣствующихъ русскихъ, что вполне естественно, такъ какъ церковнославянскій и въ церкви произносимъ русскими же, которые могутъ подставлять только свои звуки, привычные имъ съ дѣтства.

Въ свою очередь церковное чтеніе на распѣвъ съ яснымъ отчетливымъ произношеніемъ гласныхъ производитъ вліяніе на обычное произношеніе лицъ, читающихъ такимъ образомъ, такъ что у весьма многихъ лицъ духовнаго званія или происходящихъ изъ духовнаго званія, можно встрѣтить произношеніе гласныхъ, отличное отъ общепринятаго (москѡвскаго) и пазываемое въ просторѣчій говорѣ на „о“. Въ числѣ прочихъ отличительныхъ признаковъ типа „семинариста“, извѣстнаго изъ жизни и литературы, непременно присутствуетъ и это произношеніе.

Въ извѣстныхъ случаяхъ подобное „оканье“ можетъ объясняться также принадлежностью говорящаго къ такъ называемымъ „окающимъ“ говорамъ, но съ другой стороны нельзя отрицать и существованія извѣстной, такъ сказать, „семинарской“ манеры произношенія, по которой въ обществѣ узнаютъ „семинариста“. Манера эта въ сущности и заключается въ болѣе равномерномъ слоогообразованіи и связанномъ съ нимъ ясномъ произношеніи неударенныхъ гласныхъ.

Едва ли можно сводить ясное произношеніе неударенныхъ гласныхъ, характеризующее церковнославянскій вокализмъ, къ особен-

ностямъ произношенія малорусскаго, подобно тому, какъ это дѣлается относительно спирантнаго *γ* (г), вмѣсто общерусскаго *g*. Во всякомъ случаѣ, если и допустить малорусское происхождение яснаго произношенія гласныхъ, необходимо будетъ признать, что музыкальный характеръ церковнаго чтенія главнымъ образомъ способствовалъ сохраненію этой особенности, и она, вѣроятно, исчезла бы безслѣдно при отсутствіи такого сохраняющаго фактора.

Можно указать только одинъ случай, свидѣтельствующій о неясномъ произношеніи неударенныхъ гласныхъ: ѡскоменѣтсѧ (Іер. XXXI. 30. Остр. библ. ѡскоминѣтсѧ, Первопеч. ѡскоминѣтсѧ) рядомъ съ ѡскѡминишасѧ (ibidem 29. Остр. ѡскѡминишасѧ, Первоп. ѡскѡминишасѧ), хотя, вѣроятно, и онъ объясняется опечаткой.

Обращаясь къ историческимъ отношеніямъ церковнославянскаго вокализма, мы находимъ, что онѣ сильно видоизмѣнены русскимъ вліяніемъ.

Носовые гласные исчезли, какъ и въ русскомъ: *ж* измѣнилось въ *и*; *а*—въ *я* (которому предшествуютъ согласные палатальные или происшедшіе путемъ палатализаціи). Такимъ образомъ гласный *ж*, какъ и въ русскомъ, совпалъ съ гласнымъ *оу*, и для обозначенія обоихъ этихъ, первично различныхъ, гласныхъ церковнославянская графика имѣетъ только знаки *Ѹ* или *оу* (слогъ *ѡж*—*j*+*а* измѣнился въ *ју*, обозначаемое посредствомъ *ю*).

Изъ нихъ *Ѹ* употребляется въ современной церковнославянской графикѣ въ серединѣ и концѣ слова, а *оу* въ началѣ: *пѸть* (М. III. 3), *рѣзѸ* (М. III. 4), но *оуча* (Лук. V. 17)—пріемъ чисто внѣшній. Въ Острожской библіи *оу* употреблялось и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ: *іоудѣиска* (1 Макк. XIV. л. 14; Нов. Іоудѣиска), *саоулз* (1 Царств. XXXI. л. 139 об. Нов. Саулз) и т. д. Первопечатная Московская библія въ этомъ отношеніи согласуется съ Новой.

Примѣры. Въ корнѣ: *пѸть* (М. III. 3), *вѸди* (М. II. 13), *свѸдетсѧ* (М. II. 15. XXI. 4), *зѸвъз* (М. V. 38), *лѸкавагѡ* (М. VI. 13), *мѸжз* (М. I. 91), *смѸтѣсѧ* (М. II. 3) и т. д.

Въ окончаніи: *Асс. s. f. ишенѣцѸ* (М. III. 12), *въ хрѧминѸ*

(М. II. 11), смѣрнѣ (М. II. 11), рѣзѣ (М. III. 4), въ зѣмлю (М. II. 20) и т. д.

Jnstr. s. f. водою (М. III. 11), радостію (М. II. 10), вѣлією (М. II. 10), Мѣією (ibid.) нощію (М. II. 14) и т. д.

Въ окончаніи 3 л. множ. ч.: сѣть (М. II. 18), ѣмѣтъ (М. XXVI. 4), вѣзмѣтъ (М. IV. 6), вѣдѣтъ (М. IV. 3), ѣждѣтъ (М. V. 11) и т. д.

Въ окончаніи 1 л. ед. ч.: послѣ (М. XXIII. 34), глѣ (М. III. 9), крѣщаю (М. III. 11) и т. д.

Въ окончаніи 3 л. imperfecti.: слѣжахѣ (М. IV. 11), крѣсяхѣ (М. III. 6) и т. д.

Въ суффиксѣ -нж-: воздвѣгнѣти (М. III. 9), и т. д.

Такъ же точно исчезъ гласный ѡ, перешедшій, какъ въ русскомъ, въ гласный а, передъ которымъ обыкновенно (за исключеніемъ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаевъ) имѣется палатальный согласный.

Но если церковнославянская графика утратила знакъ ѡ, то знакъ ѡ она сохранила, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ предшествуютъ ж, ш, ч, ц: всѡко (М. III. 10), свѡѡ (М. III. 6), ѡскреннѡго (М. V. 43), наречѣтѡ (М. II. 23), сѣдѡщѡи (М. IV. 16), проповѣдѡа (М. IV. 23), ѡсѣлѡа (ibidem); но: жѡтва (М. XXIV. 32), чѡда (М. X. 21), зачѡло (М. I. 1), зачѡтъ (Л. I. 24), ѡдѡша (М. XXVII. 28), ѡзомрѡша (М. II. 20), ѡдѡша (М. II. 9), рѣкѡша (М. II. 5), вѣдѡша (Мр. II. 9), ѡтрѡчѡ (М. II. 9), ѡтрѡчѡти (М. II. 8), ѡучѡ (Лук. V. 17) и т. д.

Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ встрѣчается еще часто ѡ на концѣ словъ послѣ ш, хотя и рядомъ съ а: прѣидѡша но рѣкѡша, ѡдѡша, но ѡтрѡчѡ (М. II) и т. д.

Изрѣдка и въ Новой встрѣчаются написанія въ родѣ ѡужѡ (Ис. XXXIII. 23).

Что знакъ ѡ не обозначалъ никакого другаго звука, кромѣ а (въ извѣстныхъ случаяхъ и цѣлаго слога ја, напр. проповѣдѡа М. IV. 23), свидѣтельствуютъ, напримѣръ, такія написанія, какъ: g. s. кораблѡ (М. V. 2. старослав. корабля), цѣѡ (М. II. 1. стсл. царь), гдѣ ѡ обозначаетъ несомнѣнное а съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ.

Ореографическое употребленіе ѡ и ѡа, выработавшееся въ церковнославянской графикѣ, не имѣетъ никакого основанія въ дѣйствительныхъ фонетическихъ особенностяхъ языка и является табымъ образомъ приѣмомъ вполне искусственнымъ, служащимъ для различенія гомонимовъ на письмѣ, почему мы и оставимъ его безъ вниманія.

Такъ же, какъ и въ русскомъ, исчезли на концѣ словъ и слоговъ гласные ѣ и ѣ.

Первый исчезъ безслѣдно: зѣвъ М. V. 38. (zur), заповѣдѣхъ Л. I. 6 (záróv'ed'æx), вшѣдшѣ Л. I. 9 (стсл. въшѣдшоу), вшѣдъ Л. I. 28 (стсл. въшѣдъ), дщѣицѣ Л. I. 63 (стсл. дъшѣицѣ), дщѣрей Л. I. 5. стсл. дъшѣрей) вѣдѣвши Л. I. 29 (стсл. вѣдѣхши), свѣдѣтъ М. I. 22 (стсл. свѣдѣтъся), пославъ М. II. 8, послѣ М. XXIII. 34 (стсл. послѣхъ), ѣзнемѣтъ Л. I. 37, кѣ М. III. 7 (стсл. кѣто), и т. д. На концѣ словъ онѣ является только знакомъ непалатальности предшествующаго согласнаго.

Встрѣчаются даже написанія: кѣмѣ М. V. 13, ѣхѣ М. VI. 8. Результатомъ исчезновенія ѣ являются формы и написанія, совершенно невозможныя въ стслав., какъ ѣзхѣша (Ис. LI. 12 Остр. и Первоп. посѣхѣша), ѣзхѣтъ (Езек. XXI. 7 Остр. ѣзхѣтъ, Первоп. какъ въ Новой).

Второй исчезъ, въ извѣстныхъ случаяхъ сообщивъ палатальность предшествующему согласному: въ этихъ случаяхъ ѣ имѣется и есть только знакъ помянутой палатальности: пѣтъ М. III. 3, ѣтъ М. XXVII. 43, дѣбрь Л. III. 5, ѣтъ М. XXVI. 66, кадѣльнѣкъ Л. I. 11, М. XXVIII. 12, гѣрькъ М. XXVI. 75, Написанія: прѣселѣнѣкъ Быт. XXIII. 4, сѣлѣи ѣб. 19, вѣлѣлѣнѣкъ М. IX. 3, до-вѣлѣи Л. III. 14, до-вѣлѣи М. XXVIII. 12, весьма часты и объясняются, вѣроятно, такъ же, какъ и современные неграмотныя написанія этого рода: палатальность л' казалась такой ничтожной звуковой разницей, что обозначеніе ея представлялось излишнимъ.

Тамъ, гдѣ извѣстный палатальный согласный находился передъ гомоорганнымъ согласнымъ, палатальность его исчезла (какъ и въ русскомъ), и знакъ ѣ въ такихъ случаяхъ опускается: тѣснѣ М. VII. 14, ѣзвѣстнѣ М. II. 8, прѣвѣднѣхъ Л. I. 17, днѣ

Л. I. 23, сокращённымъ, пѣнѣннымъ Л. IV. 18, невѣрными М. XXIV. 51 и т. д. (стсл. тѣснѣ, извѣстнѣ, дѣннѣ и т. д.).

Послѣ ч передъ слѣдующимъ согласнымъ ѣ также опускается¹⁾: зачѣннѣ Л. I. 31.

Всѣ эти написанія встрѣчаемъ уже въ Острожской библии.

Послѣ губныхъ внутри слова передъ согласными и въ концѣ слова ѣ также не пишется, или замѣняется знакомъ з, что совпадаетъ съ исчезновеніемъ палатализаціи въ этихъ случаяхъ и въ русскомъ языкѣ (русскіе губные вообще мало склонны къ палатализаціи).

пшеницѣ М. III. 12 (Остр. и Первоп. такъ же), всѣ М. I. 22 (Остр. всѣ, Первоп. какъ въ Новой), собравъ М. II. 4 (Остр. събравъ, Первоп. какъ въ Новой). мзда М. V. 12 (Остр. мзда, Первоп. какъ въ Новой), слѣпца М. XV. 14 (Остр. слѣпца, Первоп. какъ въ Нов.), гѣмнѣ М. III. 12 (Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. (стсл. пышенница, все, събравъ, мзда и т. д.).

Гласный з измѣняется въ о, какъ въ русскомъ, въ закрытомъ слогѣ:

а) внутри слова между согласными: на сонмищахъ М. IV. 23, кровъ М. XXVI. 28, дождъ М. VII. 25, солъ М. V. 11 и т. д. (стсл. сѣмннште, дѣждъ, сѣлѣ); такъ уже и въ Острожской библии.

б) въ префиксахъ взз- и сз, сложныхъ съ различными словами: возвѣстѣте М. II. 8, на востѣцѣ М. II. 2, воззвѣхъ М. II. 15, воззвѣгнѣти М. III. 9, вѣзмѣтъ М. IV. 6 и т. д. (стсл. вѣзвѣстѣте; на вѣстоцѣ и т. д.); въ Острожской библии. вззвѣстѣте, вѣстоцѣ, вззвѣ, вѣзвѣгнѣти, но вѣзмѣтъ. Первопечатная согласуется съ Новой.

в) въ предлогахъ въ, къ передъ словами, начинающимися съ нѣсколькихъ согласныхъ:

во странѣ (М. II. 12), во дни (М. II. 1), во чрѣвѣ (М. I. 23) во всѣхъ (М. II. 16), во тмѣ (Матѣ. VIII. 12). Но рядомъ въ

¹⁾ Согласный ѣ (ч) въ русскомъ всегда палаталенъ, и потому обозначеніе его палатальности посредствомъ ѣ представлялось излишнимъ. Непалатального параллельнаго согласнаго не имѣется, и различіе, имѣющее мѣсто въ другихъ случаяхъ, здѣсь не имѣло практическаго значенія.

хра́минѸ (М. II. 11), въ слѣдѣ (М. VIII. 1). Остр. въ странѸ, въ аннѣ, въ чревѣ, въ всѣхѣ, въ тмѸ, Первop. какъ въ Новой. Встрѣчаются и вторичные случаи о=ъ передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова: ѡзо оуѣтъ (М. IV. 4. Остр. ѡзѣ оуѣтъ, Первop. ѡзоуѣтъ) и т. д.

Написанія съ о на мѣстѣ старославянскаго ѣ принадлежать сравнительно новѣйшему времени. Въ богослужебныхъ и вообще церковнославянскихъ книгахъ XVI-го вѣка еще находимъ написанія съ ѣ въ такихъ случаяхъ, которые имѣютъ въ современномъ русскомъ и церковнославянскомъ уже о или отсутствіе всякаго гласнаго. Табѣ въ заглавіи грамматики Лаврентія Зизанія (1596) находимъ написаніе съѣставленна. Въ Острожской библии 1581 г. часты написанія съ ѣ: съѣдѣны, съвершеніе, възвѣстѣти, съгласно (стр. 1-я Предисловія Константина, воеводы Острожскаго), съврзшеніе. съвыше въздавайте (стр. 2), но свѣрою; сътвори, съверѣтсѣ, събрасѣ (Бытія I), но соствѣвы (ibid.) и т. д.

Но въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ уже книги съ правописаніемъ, въ этомъ отношеніи ничѣмъ не разнящимся отъ правописанія современныхъ богослужебныхъ книгъ. Таковы напр. Грамматика Мелетія Смотрицкаго (Московское изданіе 1648 г.) или московская перепечатка Острожской библии (1663 г.), гдѣ имѣемъ уже свѣдѣній, совершеніе, вознѣстѣти, соглѣснѣ, въздавайте, сотвори, собе-рѣтсѣ, собрасѣ и т. д.

Своего фонетическаго значенія, конечно, ѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно и писалось, уже не имѣло.

Поэтому нельзя придавать точнаго значенія свидѣтельству Смотрицкаго, у котораго читаемъ: „ѣ, егда в' средѣ полагается, тогда слога краткій составляетъ; яко, съ человекѣ. егда же на концѣ, тогда не составляетъ слога, но гласъ дебело вѣщати творить; яко, человекѣ, законѣ“ (М. Смотрицкій. Грамматика. Московское изданіе 1648-го года, л. 54). Тѣ случаи, въ которыхъ ѣ писалось, представляютъ собой просто удержаніе традиціонныхъ написаній, встрѣчаемыхъ въ болѣе древнихъ памятникахъ.

Тѣ же отношенія, что и въ русскомъ, представляетъ исто-

рія гласнаго ь, измѣняющагося въ закрытомъ слогѣ въ є: внутри словъ между согласными:

а) въ корнѣхъ: вѣсь М. II. 3, шѣдз, шѣдше М. II. 8, дѣбрь Л. III. 5, стезѣ Л. III. 4, дѣнми М. XXVII. 40 и т. д.; Остр. иѣше, шѣ, дѣбрь, стезѣ, дѣнми; Первop. шѣдз, шѣдше, дѣбрь, стезѣ, дѣнми.

б) въ суффиксѣхъ: вѣнѣцъ М. XXVII. 29, младѣнецъ Л. I. 41, пѣтѣмъ М. II. 12, двѣремъ Мр. I. 33, о҃гнѣмъ М. III. 11, прѣздѣнъ М. XII. 44, протѣвенъ М. XIV. 24 и т. д. Такъ уже въ Острожской библии.

Въ концѣ словъ ь является, какъ и въ русскомъ, только показателемъ палатальности предшествующаго согласнаго: „ь же, выну на концѣ полагается, и тонкимъ гласомъ вѣщается. яко, конь, кость (Мелетій Смотрицкій. Грамматика. Л. 54)“.

Вокализация плавныхъ сочетаній рѣ, лѣ, рѣ, лѣ представляетъ тѣ же особенности, какія находимъ въ русскомъ языкѣ.

Сочетаніе рѣ=ор: гóрличница Л. II. 24 (Остр. такъ же), на тóржищахъ М. XI. 16 (Остр. такъ же). XXIII. 7 (Остр. трѣжищицѣ, Первop. какъ въ Новой) и т. д.

Сочетаніе лѣ=ол: вóлны Мр. IV. 37, должникóмъ М. VI. 12, дóлги ibidem, и́спóлнити М. V. 17, вóлцы М. VII. 15, волкóвъ М. X. 16, молчáхъ Мр. III. 4, надóлзѣ Мр. XII. 40, молвá М. XXVI. 5 и т. д. Остр. влзны, (Первop. вóлны) до́лгы, до́лжникомъ, испóлнити, вл́цы (Первop. какъ въ Новой), вл́ковъ (Первop. волкóвъ) млзчáхъ (Первop. какъ въ Новой), мóлзва (Первop. какъ въ Новой).

Сочетаніе рѣ=ер: ѿвѣрзше М. II. 11, сѣриъ Мр. IV. 29, пѣрвенца М. I. 25, совершѣнъ М. V. 48, сопѣрникомъ М. V. 25, чѣрна М. V. 36, оумѣртвѣ М. II. 15, черта М. V. 18 и т. д.

Остр. ѿврзше, срѣпъ, первенца, свѣршѣнъ, сопѣрникомъ, черзна, оумѣртѣ, чрѣта; Первop. такъ же, какъ въ Новой: ер на мѣстѣ старосл. рѣ.

Но если старославянскія сочетанія плавныхъ съ з, ь были замѣнены въ церковнославянскомъ русскими соотвѣтствіями, то сочетанія рл, лл, рѣ, лѣ остались нетронутыми. Хотя полногласныя

рускія формы встрѣчаются довольно часто на мѣстѣ старославянскихъ неполногласныхъ уже въ наиболѣе древнихъ старославянскихъ памятникахъ русской рецензіи, но съ теченіемъ времени онѣ исчезаютъ почти совершенно, что представляетъ своеобразное явленіе въ виду правильной подстановки русскихъ соотвѣтствій на мѣсто сочетаній рѣ, рь, лѣ, лъ.

Приводить церковнославянскіе примѣры сочетаній рл, лл является излишнимъ въ виду ихъ обыкновенности.

Формы полногласныя, заимствованныя изъ русскаго, встрѣчаются, но крайне рѣдко. Такъ на весь Новый Завѣтъ мы имѣемъ только два случая:

конь вѣронъ Апокал. VI. 5 (Остр. и Первop. такъ же)

молотѣща Тимов. V. 18 (Остр. и Первop. вѣрхѣща)

молотьбѣ (3 Ездры IV. 32 Остр. и Первop. другой текстъ: пожатіе), но млаченіе (ibid. 30), 3. s. Аог. ѣзмлати (Руѣ II. 17), почерѣднѣ (1 Паралип. IX. 33 Остр. и Первop. другой текстъ).

Что касается сочетаній рѣ, лѣ, то необходимо отмѣтить извѣстную особенность ихъ передачи въ церковнославянской графикѣ, находящуюся въ зависимости отъ особенностей русской фонетики.

Какъ извѣстно, русскія соотвѣтствія основославянскихъ $\bar{e}$ и e совпали въ современномъ языкѣ совершенно. Такъ какъ это совпаденіе произошло уже довольно рано ¹⁾, то и въ церковнославянскомъ произношеніи разниа между $\bar{e}$ и e уже не могла быть соблюдаема, хотя иногда въ Остр. библіи и встрѣчаемъ написанія какъ пѣсѣ (Ис. XLVIII. 19 Нов. и Первop. пѣсѣкѣ), пѣсѣѣ (М. VII. 26. Нов. и Первop. пѣсѣѣ). Слѣдствіемъ этого безразличнаго произношенія являются написанія: мрѣжи М. IV. 18, прѣданъ М. IV. 12, стрѣжѣхъ М. XXVII. 36, прѣткнѣши М. IV. 6, врѣгъ М. VIII. 32, врѣмѣ М. XI. 30, прѣшѣлъ М. VIII. 34, прѣжде М. I. 18, прѣселѣніѣ М. I. 17, ѡблѣчѣсѣ М. VI. 29,

¹⁾ Приблизительно въ концѣ XII-го вѣка, къ началу XIII в. (Ср. А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб. 1891 г. Изд. 2-е, стр. 68—69.

дрѣво М. III. 10, чреслѣхъ М. III. 4 и т. д. Подобныя написанія находимъ уже въ Острожской библии 1581 г.: дрѣво (Бытія II), прѣпоасаніа (ibid.), посредаѣ (ibid.), вредіи (Исходъ гл. VI), потребіишиа (Исходъ гл. IX) и т. д. рядомъ съ оумрѣти (Перем. XXXVIII. 26. Нов. оумрѣти, Первоп. оумрети) и пожрѣти (I. Цств. I. 3. 21. Нов. жрѣти, пожрѣти, Первоп. пожрѣти).

Но: грѣхѡвъ М. XXVI. 28, срѣтеніе М. XXV. 1, крѣпка М. XIV. 30, ѡбрѣтаѣтъ М. VII. 8 и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, е послѣдовательно пишется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ порядокъ Liquida + Vocalis вториченъ, и въ русскомъ имѣется „полногласіе“, отвѣчающее праязыковому Vocalis + Liquida. Въ случаяхъ же, гдѣ сочетанія рѣ, лѣ сохранили праязыковой порядокъ звуковъ — Liquida + Vocalis, мы встрѣчаемъ въ церковнославянскомъ послѣдовательно ѣ.

Эта особенность церковнославянской графики перешла и въ русское правописание.

Исключеній изъ этой послѣдовательности немного, и мы коснемся ихъ впослѣдствіи при разсмотрѣніи церковнославянскихъ элементовъ въ русской графикѣ.

Послѣдовательное проведеніе написаній съ е во всѣхъ случаяхъ съ первичнымъ порядкомъ Vocalis + Liquida объясняется, конечно, только тѣмъ, что писавшіе имѣли надежное руководство въ русскихъ полногласныхъ формахъ.

Какого нибудь фонетическаго значенія такія написанія, разумѣется, не имѣли. Какъ аналогичный фактъ можно привести, напримѣръ, извѣстное явленіе, что поляку легче научиться употреблять въ русскомъ письмѣ букву ѣ, чѣмъ русскому, такъ какъ онъ во многихъ случаяхъ имѣетъ возможность сообразоваться съ формами своего языка, въ которомъ первичныя *ē* и *e* имѣютъ различныя соотвѣтствія -*a* (-*ia*) и *e*.

Какъ другую характерную черту церковнославянскаго вокализма мы должны еще отмѣтить сохраненіе *é* передъ слѣдующимъ непалатальнымъ (твердымъ) согласнымъ, тогда какъ въ русскомъ это *é* измѣнилось въ *ò*. Напримѣръ:

цслав. тѣплъ || русск. тѣплый (t'æpl || t'óplɣj)

цслав. слѣзы || русск. слѣзы и т. д. (slæ'zy || sl'ózy).

Эта особенность съ извѣстной вѣроятностью можетъ быть отнесена на счетъ малорусскаго произношенія, хотя одинаково возможно, что она вытекаетъ изъ вполне въ данномъ случаѣ естественнаго стремленія сохранить въ точности „букву“. Единственный примѣръ $\acute{o}=\acute{e}$: щогла (Ис. XXXIII. 23. Остр. и Первоп. другой текстъ).

Различеніе въ новой печатной церковнославянской орѳографіи между ϵ и ϵ , встрѣчающееся уже въ Первопечатной библіи (въ Острожской одно ϵ), такой же внѣшній пріемъ, какъ и рассмотрѣнное выше употребленіе Ѹ, оу, ѡ и ѡа, и фонетическаго значенія не имѣетъ.

Характерная особенность старо-славянскаго вокализма — сохраненіе i (= ψ) передъ слѣдующимъ j — въ церковнославянскомъ удерживается только въ нѣкоторыхъ случаяхъ и часто вытѣснена вліяніемъ русскаго языка. Такъ мы имѣемъ формы:

днѣй... и нѣцѣй... М. IV. 1, мнѣй М. V. 19, двѣрѣй М. XXVIII. 2, сѣлѣй Мр. IV. 32, днѣй Л. II. 21, согрѣшенѣй М. VI. 15, свинѣй М. VIII. 30, пов. пѣй Быт. XXIV. 18.

Но рядомъ: г. рл. дѣтѣй М. XV. 38, мѣжѣй М. XV. 38, XIV. 21, господѣй М. XV. 27, заповѣдѣй М. V. 19, пѣтѣй М. XXII. 9, дщѣрѣй Л. I. 5, людѣй Л. II. 31, свинѣй Л. VIII. 32, пѣстырѣй Л. II. 18, ѿ днѣй сѣдѣй (4 Цств. XXIII. 22), вѣсерѣй М. XIII. 45. Кромѣ того въ причастіи рождѣйсѣ М. II. 2, прилагательномъ оутрѣй М. VI. 34, и въ мѣстоименіи сѣй Л. II. 34, Мр. XII. 7, 10. но сѣй Мр. XII. 16 и т. д.

Въ Острожской библіи въ большинствѣ случаевъ находимъ i : дѣтѣи мѣжѣи (bis), господѣи, заповѣдѣи, пѣтѣи, дщѣрѣи, людѣи, свинѣи, пѣстырѣи, ѿднѣи сѣдѣи, рождѣйсѣ, оутрѣи (какъ въ Острог. Еванг.), сѣи и т. д. Первопечатная занимаетъ среднее мѣсто: дѣтѣй, мѣжѣй, (bis), заповѣдѣй, рождѣйсѣ, сѣй, но господѣй, пѣтѣй, дщѣрѣй, людѣй, свинѣй, пѣстырѣй, оутрѣй.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда i передъ слѣдующимъ j въ русскомъ исчезаетъ, въ церковнославянскомъ оно сохраняется: оубѣѣши М. V. 21 || русск. убьешь (ub'jós), чѣѣ Быт. XXIV. 23 || русск. чѣѣ и т. д.

Какъ въ русскомъ, зѣ послѣ заднеязычныхъ г к х замѣнилось и въ церковнославянскомъ посредствомъ и (Прим. см. ниже на стр. 145—46, 160).

Перечисленными особенностями исчерпываются характерныя черты церковнославянскаго вокализма сравнительно съ русскимъ и старославянскимъ.

2. *Церковнославянскій консонантизмъ* въ своихъ современныхъ особенностяхъ представляетъ нѣкоторыя характерныя черты русскаго.

Прежде всего необходимо отмѣтить такую же точно палатализацию согласныхъ передъ палатальными гласными, какъ и въ русскомъ.

Передъ гласными е (обознач. є и ѣ) и і (и, ѣ) почти всѣ согласные (за исключеніемъ ж, ш, ц) произносятся палатально, какъ въ русскомъ. Кромѣ этого рода палатальности, находящейся въ зависимости отъ наличныхъ, дѣйствующихъ и теперь причинъ (вліяніе палатальнаго гласнаго), имѣются и случаи палатальности унаслѣдованной, являющейся результатомъ условій, теперь уже не существующихъ.

Такъ въ извѣстныхъ случаяхъ палатальность согласныхъ передъ гласнымъ а (обозначаемымъ посредствомъ ѡ, ѡа, ѡ) объясняется, какъ и въ русскомъ, исторически — вліяніемъ нѣкогда существовавшаго на его мѣстѣ палатальнаго носоваго гласнаго е (ѡ).

Палатальность согласныхъ, имѣющаяся въ извѣстныхъ случаяхъ передъ и (ю), объясняется вліяніемъ ј, въ настоящее время уже исчезнувшаго.

Такимъ образомъ отношенія церковнославянской палатализации согласныхъ въ общемъ одинаковы съ отношеніями русской.

Какъ въ русскомъ, область палатализации расширяется привлеченіемъ заднеязычныхъ согласныхъ к г х передъ зѣ, которое переходитъ въ и:

Асс. рл. проро́ки М. II. 23 (Остр. еще прѣроки, Первоп. прѣроки), сапогѣи М. III. 11 (Остр. и Первоп. такъ же), дрѣги М. V. 47 (Остр. дрѣгы, Первоп., какъ въ Новой), ма́жки М. XI. 8 (Остр. ма́кки, Первоп. ма́кки), мѣхѣи вѣтхѣи (Остр. мѣхѣи вѣтхѣи, Первоп.

какъ въ Новой), Мр. II. 22, пекійсѣ М. IV. 27 (Остр. пекійсѣ, Первop., какъ въ Новой) и т. д.

Какъ въ большинствѣ русскихъ говоровъ согласные ж, ш, ц, непалатальны и вообще къ палатализациѣ неспособны, что вызываетъ такія написанія: ѿшѣдшымъ (М. II. 13. Остр. ѿшѣшимъ, Первop. какъ въ Новой), влѣзшымъ (М. XIV. 32. Остр. и Первop. двойств. число), вѣшъ (Мр. XII. 29. Остр. вѣшъ, Первop. какъ въ Новой), нѣшъ (М. VI. 9. Остр. и Первop. такъ же), бѣвшымъ (М. XI. 21. 23. Остр. бѣвшѣмъ, Первop. какъ въ Новой), вѣшымъ М. XI. 29. Остр. вѣшимъ, Первop. какъ въ Новой), нѣшымъ (М. VI. 12. Остр. нѣшѣмъ, Первop. какъ въ Новой), бѣшымъ Мр. XVI. 10. Остр. бѣшимъ, Первop. какъ въ Новой), ѿспрошъ (Л. I. 63. Остр. ѿспрошъ, Первop. какъ въ Новой), оужы (Instr. pl. Мр. V. 4. Остр. южи, Первop. оужи), оуѣцы (М. V. 30. Остр. оуѣци, Первop. какъ въ Новой), въ сѣдцы (М. XII. 40. Остр. сѣдци, Первop. сѣдцы, Л. II. 19. Остр. и Первop. сѣцы, тамъ же 51: Остр. сѣци, Первop. сѣцы), правѣдницы (М. XXV. 46. Остр. правѣници, Первop. какъ въ Новой), пецѣтесѣ (М. VI. 25. Остр. пецѣтесѣ, Первop. какъ въ Новой) и т. д.

Рядомъ имѣются и написанія, сохранившія старославянское и: мѣншихъ (М. XXV. 40, 45. Остр. мѣншихъ, Первop. какъ въ Новой), N. s. f. оуѣждаши (Мр. VI. 22. Остр. оуѣжѣши, Первop. какъ въ Новой), N. pl. лѣчши (М. VI. 26. Остр. и Первop. такъ же), N. s. f. бѣлши (М. VI. 25. Остр. бѣлши. Первop. какъ въ Новой), оуѣшю (Л. IV. 21. Остр. оуѣшю, Первop. какъ въ Новой), слѣшите (М. X. 27. Остр. и Первop. такъ же), мѣрежи (М. IV. 18, 20, 21. Остр. очевидная опечатка мѣржю, мѣрежѣ, мѣрежю, Первop. Асс. pl. мѣжи и мѣжы (Суд. VIII. 16. мѣрежю, мѣрежа, мѣрежю), 17. Остр. мѣжа, Первop. мѣжа, мѣжы), N. pl. мѣтежи (Мр. XIII. 8. Остр. и Первop. такъ же), оужики (Л. I. 58. N. pl. Остр. оужикы, Первop. какъ въ Новой), бѣжихъ (М. IV. 4. Остр. и Первop. такъ же), бѣжи (М. II. 13. Остр. бѣжи, Первop. какъ въ Новой), возлѣжь (Л. IV. 40. Остр. възлѣжь, Первop. какъ въ Новой) и т. д.

Случаевъ написанія ю послѣ ж, ш въ Новой Библии не встрѣчается, хотя они не рѣдки въ Острожской и Первопечатной: мрѣжю (М. 18, 21. Остр. и Первop.), сѣжю (Перм. XL. 10. Первop., въ Остр.—8), но сѣжѸ (Апок. XVIII. 7.), вѣжѸ (Іоа. XX. 24.). Ср. также написанія въ родѣ: взпросиша (Остр. М. XII. 10. Нов. и Первop.—а), ѡдѡша (Остр. М. XII. 15 Первop. и Нов.—а), рядомъ однако съ сѣтвориша и. т. д. *ibid.* 14).

Такія написанія, какъ влѣзшымы, бѣвшымы в т. д. (см. выше), вызвали въ свою очередь написанія: нѣщымы (М. XXVI. 9. Остр. нѣщимы, Первop. какъ въ Новой), сплѣщымы (М. XXVIII. 13. Остр. сплѣщемы, Первop. сплѣщѣм), сѣдлщымы, возглашлщымы (М. XI. 16. Остр. сѣдлщимъ, возглашлщимы, Первop. какъ въ Новой), пллчщымы, рыдлщымы (Мр. XVI. 10. Остр. и Первop. пллчщимы, рыдлщимы), боллщымы (Л. IV. 40. Остр. боллщѣа, Первop. боллщѣа) и т. д. Кромѣ стремленія провести однообразіе въ правописаніи ы послѣ „шипящихъ“, здѣсь очевидно имѣлось и уподобляющее вліяніе такихъ, вполне законныхъ фонетически, написаній, какъ, напримѣръ, дѡбрымы, дѡбрымы и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, ы послѣ щ является лишь въ Новой библии, въ Острожской мы имѣемъ б. ч. и. Первопечатная занимаетъ среднее положеніе между обѣими.

Едва ли можно думать, чтобы подобныя написанія были вызваны произношеніемъ (въ современномъ церковномъ произношеніи, какъ и въ русскомъ ч палатально(=щ'), и щ=щ'), Въ другихъ формахъ мы встрѣчаемъ правильное и: Асс. du. нѡщи М. XII. 40, N. s. f. ѡмѣщи М. I. 18, G. pl. нѡщій М. IV. 1. и т. д.

Съ другой стороны послѣ ч мы чрезвычайно рѣдко встрѣчаемъ ы, что навѣрное случалось бы чаще, если бы ч означало собой согласный непалатальный. С палатальности ч свидѣтельствуютъ также частные случаи ю послѣ ч, вмѣсто Ѹ, имѣющіеся въ Острожской и Первопечатной библияхъ: чѡжи (Ефес. II. 12), чѡжимы (Дѣян. XVII. 18) и т. д. Въ Новой послѣдовательно проведено Ѹ. Случаи такого ы послѣ ч объясняются ассимиляціей на письмѣ къ другимъ формамъ, гдѣ ы было законно, напр. N. pl. f. прѡчымы (М. XXV. 11. Остр. прѡчаа, Первop. прѡчымы) подъ вліяніемъ мѡдрымы и т. п.

формъ (такъ же), D. pl. про́чимъ (Mr. XVI. 13. Остр. и Первоп. про́чимъ) подѣ влияніемъ такихъ, какъ мѣдрымъ; мѣчы (Ass. pl. Ис. XLII. 2. Остр. мѣча, Первоп. мѣчи) подѣ влияніемъ такихъ какъ рабы и т. д. Такъ какъ въ сочетаніи ц (š'č') ѣ очевидно ничѣмъ не отличалось отъ ѣ независимаго, то есть основаніе думать, что написанія съ ы послѣ ц въ родѣ вышеприведенныхъ (нищымъ и т. д.), суть только слѣдствія морфологической ассимиляціи (аналогіи), попытка провести на письмѣ вездѣ одинъ орфографическій приѣмъ, причемъ уподобляющими типами были формы, подобныя мѣдрымъ, вѣзшымъ и т. д.

Историческія же отношенія церковнославянской палатализаціи сохраняютъ характерныя старославянскія черты. Такъ сохранилось такъ называемое „переходное смягченіе“ заднеязычныхъ г к х въ з ц с, имѣющее мѣсто въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ старославянскомъ: бѣзи (Исходъ XX. 3), проро́цы (Луки XVI. 16) и т. д.

Старославянскія соотвѣтствія первичныхъ *tj, dj (kt, gt, χt)* сохранились также, хотя и съ измѣненнымъ произношеніемъ.

Случаевъ замѣны церковнославянскихъ ц и ж русскими соотвѣтствіями ч и ж немного. Примѣрами могутъ служить: сѣжѣ (Перем. XI. 10. Остр. сѣжѣ, Первоп. сѣжю), прѣжніи (Тов. VI. 15. Остр. и Первоп. друг. текстъ), нѣжнаго (Прем. Солом. XVI. 3. Остр. и Первоп. такъ же), оутвержаѣи (Амосъ IV. 13. Остр. и Первоп. оутвержаѣтъ), юницѣ рыжѣ Числ. XIX. 2. (Остр. и Первоп. такъ же), благонадеженъ (Притчи XIX. 18. Остр. и Первоп. друг. текстъ), говѣжа (Лев. VII. 23. Остр. и Первоп. такъ же), оутвержѣ (Лев. XVII. 10. Остр. и Первоп. друг. текстъ), стѣжею (Второзак. XXVIII. 22. Остр. и Первоп. друг. текстъ), сѣжѣ (Апок. XVIII. 7. Остр. и Первоп. такъ же), вѣжѣ (I. XX. 25. Остр. и Первоп. такъ же), процѣженое (Амосъ VI. 6. Остр. цѣженое, Первоп. цѣженое), конъ рыжѣ (Апок. VI. 4. Остр. и Первоп. такъ же), возвѣжѣ (I. XI. 11. Остр. и Первоп. возвѣжаѣ), вѣженіе (1 Коринѣ. V. 1. Остр. и Первоп. такъ же), вѣженіа (Римл. I. 29. Остр. вѣженіа, Первоп. какъ въ Новой), пощажѣ (Иова VI. 10. Остр. неспотыжѣса, Первоп. не по-

стыжѹсѧ), постыжѹсѧ (2 Коринѳ. X. 8. Остр. постыжѹсѧ. Первop. какъ въ Новой), такоже (Галат. IV. 3. Остр. такоже, Первop. какъ въ Новой), ѡбнадеживаетъ (4 Цств. XVIII. 30. Остр. и Первop. другой текстъ), невѣжство (Ефес. IV. 18. Остр. невѣжство, Первop. какъ въ Новой), нѣжнѣйше (Филип. I. 24. Остр. и Первop. такъ же), невѣжствѹющимъ (Евр. V. 2. Остр. невѣжствѹющихъ, Первop. невѣжствѹющихъ), невѣжествинѹхъ (Евр. IX. 7. Остр. и Первop. другой текстъ) и наоборотъ въ Новой библии вхождахъ (Евр. IX. 6. Остр. вхожахъ, Первop. вхождахъ), стыждаѹсѧ (2 Тимоѳ. I. 12. Остр. и Первop. постыжѹсѧ), тожде (М. V. 46. Остр. тоже, Первop. какъ въ Новой), такожде (М. V. 47. Остр. такоже, Первop. какъ въ Новой) и т. д. жд=зж также не всегда сохраняется. Часто находимъ формы съ восстановленнымъ зж: ѡженѹтъ (Л. XI. 49. Остр. ѡженѹтъ, Первop. какъ въ Новой), возжелѹхъ (Л. XXII. 15. Остр. възжелѹхъ, Первop. вожелѹхъ), ѡженѹ (Л. VI. 37. Остр. ѡженѹ, Первop. какъ въ Новой), возжелѹющихъ (2. Коринѳ. IX. 14. Остр. възжелѹющимъ, Первop. вожелѹющимъ), разжизаюсѧ (ibid. XI. 29. Остр. разжизаюсѧ, Первop. разжизаюсѧ), ѡженіи (Галат. IV. 30. Остр. и Первopеч. такъ же) и т. д., но принжидивѣши (Л. X. 35. Остр. такъ же, Первop. прѣжидивѣши), ѡженѣтъ (Л. X. 4. Остр. такъ же; Первop. ѡженѣтъ), ѡживи (Дѣянїя Ап. XXI. 24. Остр. и Первop. такъ же), раждеженіи (Апок. XVIII. 18. Остр. раженіи, Первop. какъ въ Новой), разжегосте (Ис. L. 11. Остр. ражегосте, Первop. разжегосте), хотя рядомъ раждизаете (тамъ же. Остр. и Первop. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, Острожская библия нѣсколько лучше сохраняетъ первичныя старославянскія отношенїя, тогда какъ Первopечатная въ этомъ отношенїи приближается къ Новой, исправленной. Смѣшанную форму ѡжденіи находимъ I. Сир. VII. 28. (Остр. ѡжденіи, Первop. какъ въ Новой). Случаи замѣны цслав. щ посредствомъ русскаго ч рѣже; большая часть ихъ приходится на различныя формы прилагательнаго чуждый: чуждѹхъ (Дѣянїя XVII. 18. Остр. чужїмї, Первop. чужїмъ), чуждему (Римл. XIV. 4. Остр. чуждему, Первop. чуж-

дѣмѣ), чѣжди (Ефес. II. 12. Остр. и Первоп. чюжи), чѣжымъ (Быт. XXXI. 15. Остр. и Первоп. чѣжди), чѣжнхъ (М. XVII. 26. Остр. чѣжнхъ, Первоп. чѣжднхъ), млаченіе (Лев. XXVI. 5. Остр. млаченіе. Первоп. какъ въ Новой), плечѣ (1 Цств. IX. 24. Остр. и Первоп. другой тебсть), изверчѣ (1 Цств. XI. 2. Остр. и Первоп. такъ же), оукрочаѣши (Псал. 88. 10. Остр. оукротиши, Первоп. какъ въ Новой), измлаченны (Іерем. LI. 33. Остр. млаченіа, Первоп. млаченіа), млачаше (Суд. VI. 11. Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.

Что касается произношенія согласныхъ сочетаній жд и щ, то оно разнится отъ новоболгарскаго и, вѣроятно, и старославянскаго. Въ то время какъ въ новоболгарскомъ щ=št и жд=žd, церковнославянское щ въ общераспространенномъ произношеніи =š'с' во всѣхъ случаяхъ, а жд только передъ непалатальными гласными имѣетъ то же звуковое значеніе, что въ новоболгарскомъ (žd); передъ палатальными же оно является звонкой параллелью щ и произносится какъ ж'з' (въ произношеніи тѣхъ лицъ, которыя и въ русскомъ имѣютъ š'с', не (š))=ждж. На чемъ основано такое произношеніе? Тредьяковскій въ своемъ „Разговорѣ о правописаніи“¹⁾, указывая на различіе нашего выговора отъ южнославянскаго (*iliricheskikhъ славянъ*), говоритъ о произношеніи щ: „я не знаю, отъ кого мы сперва научились произносить ея за (шч), развѣ токмо отъ малороссіанъ“.

Какъ ни вѣроятно вообще вліяніе малорусскаго выговора на традиціонный церковнославянскій, но въ данномъ случаѣ ссылка на малорусскій намъ ничего не объясняетъ. И въ малорусскомъ, какъ и въ великорусскомъ, будетъ на мѣстѣ первичнаго tj—ч, а щ(=шч) вѣсто этого сочетанія только и можетъ быть церковнославянскаго происхожденія.

Намъ кажется, что для объясненія церковнославянскаго произношенія щ (стсл. шт) = шч должно исходить отъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ старославянское шт является корреспонден-

¹⁾ Александръ Смирдинъ. Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторъ. Сочиненія Тредьяковскаго. Санктпетербургъ. Въ Типогр. Имп. Акад. Наукъ. 1849, т. III, стр. 136.

томъ первичнаго сочетанія *skj*, напр. *крѣтнште*, *калгалнште*, *жнлнште* и т. д. и которыя, въ виду русскихъ *городнще*, *моговнще*, *топорнще* и т. д. легко могли принять произношеніе *щ=шч*. Также должны были, навѣрное, имѣть значеніе въ этомъ случаѣ русскія формы: *пушу*, *прошу* и т. д., гдѣ сочетаніе *шч* объясняется изъ **пустју=** *пущу=** *пушчу* и т. д., а также *ищу*, *трещу* и т. д., гдѣ *шч=* опять *skj*. (Въ старославянскомъ во всѣхъ этихъ случаяхъ будетъ *шт*). Въ виду соответствія старославянскаго и церковнославянскаго знаковъ *щ* (*шт*) русскимъ сочетаніямъ звуковъ *шч* въ вышеприведенныхъ случаяхъ, знакъ *щ* легко могъ получить звуковое значеніе сочетанія *шч* и въ такихъ случаяхъ, какъ *сѣща*, *пѣща*, *вращати* и т. д., *нощъ*, *мощъ*, *рещи* и т. д., гдѣ русскій языкъ представляетъ уже совсѣмъ другой рефлексъ первичныхъ *tj*, *kt*, *gt*, а именно *ч*.

Въ пользу вторичности произношенія *щ* передъ непалатальными гласными какъ *шч* (не *шт*) говорить и то обстоятельство, что *жд* сохранило передъ ними свое первичное звуковое значеніе. Не безъ вліянія на звуковое значеніе этихъ графическихъ знаковъ осталось, конечно, и то, что въ церковнославянской графикѣ сочетаніе *шт* давно уже вывелось изъ употребленія и уступило мѣсто лигатурѣ *щ*, составныя части которой замаскированы и не бросаются въ глаза, тогда какъ сочетаніе *жд* своей ясностью не давало никакого повода къ недоразумѣнію.

Если и допустить, что знакъ *щ* первично обозначалъ сочетаніе звуковъ *št* и передъ непалатальными, и передъ палатальными гласными, и только впоследствии *št* передъ палатальными измѣнилось въ *š'č'* (ср. колебанія въ русскихъ говорахъ между формами *шти* и *щи*), все же придется признать, что распространеніе произношенія *š'č'* и на *щ* передъ непалатальными гласными есть явленіе вторичное и обязанное своимъ происхожденіемъ, во-первыхъ, сбивчивости самой лигатуры *щ*, во-вторыхъ, безсознательной подстановкѣ имѣвшагося въ языкѣ сочетанія *š'č'*, которое въ извѣстныхъ случаяхъ совпадало со старославянскимъ *шт*, во всѣ случаи, гдѣ писалось въ церковнославянскомъ *щ*.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ вліянія графики на

фонетическую сторону языка, которое въ свою очередь опиралось на извѣстныя звуковыя особенности.

Въ то время какъ *щ* во всѣхъ случаяхъ имѣетъ звуковое значеніе *š'č'*, *жд* выражаетъ собой три сочетанія согласныхъ: *ž'd* передъ гласными непалатальными и *ž'ž'* или *žd'* передъ гласными палатальными. Первое и послѣднее произношеніе *жд* (*žd* и *žd'*) являются результатами строгаго соблюденія „буквы“, точнаго чтенія написаннаго. Такъ какъ графическое обозначеніе было совершенно опредѣленно, то первичное звуковое значеніе *жд* (если руководиться новоболгарскимъ) сохранилось въ церковнославянскомъ произношеніи и изъ него перешло и въ русскій языкъ. Для того, чтобы найти исходный пунктъ для произношенія *жд* = *ž'ž'* (передъ палатальными гласными), должно, мнѣ кажется, обратиться къ случаямъ русскаго *ž'ž'*, возникшаго на русской почвѣ изъ сочетаній *zdj* и *zg'* - (*i*), *zgj*, каковы, напримѣръ: *дождь* (*dós'č'*, *dāž'ž'á*), *нѣжеть* (*jěž'ž'á't'*), *можжить* (*māž'ž'ít'*) и т. д. и которыми въ старославянскомъ (и церковнославянскомъ) должны отвѣчать формы съ *жд*. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что случаи эти довольно рѣдки, и подходящихъ церковнославянскихъ формъ съ *жд* сохранилось еще меньше, такъ что вѣроятность такого объясненія не особенно велика. Возможно еще предположеніе, что *ž'ž'* въ заимствованныхъ изъ цсл. словахъ развилось уже на русской почвѣ изъ *žd'* такъ, какъ развилось *щи* изъ *шти* (*š'č'i* || *št'i*). Въ самомъ дѣлѣ въ говорѣ нѣкоторыхъ можно слышать *подожди* какъ *рѣdāž'ž'í*, или *ждешь*, какъ *ž'ž'óš*. Но съ другой стороны необходимо замѣтить, что произношеніе *жд* передъ палатальными гласными въ церковнославянскихъ словахъ какъ *ž'ž'* (напр. *гъž'ž'æstvó* = рождество) встрѣчается въ говорѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя произносятъ *жд* въ *подожди* и тому подобныхъ формахъ какъ *žd'*. Мы имѣемъ слишкомъ мало положительныхъ данныхъ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ окончательно, особенно въ виду почти полнаго отсутствія дѣйствительно научной разработки русскихъ говоровъ въ фонетическомъ отношеніи, которая могла бы пролить свѣтъ на нѣкоторые побочные вопросы. Произношеніе *щ* = *š'č'* и *жд* (передъ палатальными гласны-

ми) = ž'z' въ заимствованныхъ изъ церковнославянскаго словахъ, разумѣется, имѣеть мѣсто только въ тѣхъ русскихъ говорахъ, которымъ свойственны эти сочетанія согласныхъ. Въ говорахъ, гдѣ, вмѣсто *шч* (š'č') и *ждж* (ž'z') встрѣчаемъ *шш* (š) *жж* (ž), имѣется безразлично *p'īšā* (*пишша* = слав. пища) и *gōšā* (*рошша* = русск. роша), *pr'ǣžǣ* (*прежже* = слав. прѣжде, стел. прѣжде) и *vōžy* (русск. вожжи). Возможно, что произношеніе жд какъ ž'z' (*ждж*) отразилось въ такихъ написаніяхъ древнерусскихъ памятниковъ, какъ *вжжчельша* (Евангеліе Моск. Типогр. Библ. № 6. XII — XIII в. Соболевскій. Очерки изъ исторіи русск. языка. Ч. I. Кіевъ 1884. Стр. 16), *ижчѣну*, *дожчѣ*, *вжжчизаетъ* (Галицкое Евангеліе Имп. Публ. Библиот. 1266—1301 г. Тамъ же. Стр. 25) и т. д.

Въ этомъ жч надо видѣть попытку изобразить налицными средствами графики сочетаніе ž'z' (*ждж*, польск. *żdż*). Особенно часто встрѣчаются такіа написанія въ южно-русскихъ памятникахъ (Ср. цитированное сочиненіе, стр. 110 и Владимірова, Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. Кіевъ. 1890. Passim). Кромѣ южно-русскихъ памятниковъ, подобныа написанія имѣются и въ нѣкоторыхъ новгородскихъ рукописяхъ, а именно въ Псалтыри 1296 г. *дѣжжчѣнымъ* и въ Прологѣ XIII в. — *привожжено* (Archiv für Slav. Philologie. VII. 70). Встрѣчающіяся въ сѣверно-русскихъ памятникахъ написанія съ жч, въ родѣ *дожжѣ*, *приважжѣ* и т. д. (Соболевскій. Очерки и т. д. стр. 126) представляются загадочными (ср. цитир. сочиненіе, стр. 153).

Изрѣдка находимъ написанія съ ю послѣ жд, свидѣтельствующія о палатальномъ его произношеніи въ извѣстныхъ случаяхъ: *надождю* (I. s. Праг. Ам. IV. 7. Нов. и Первопеч.; Остр. *надожда*), *ѡдождю* (Исх. XVI. 4. Остр. *ѡдожда*, Первоп. *ѡдождю*; Іезек. XXXVIII. 22. Остр. *ѡдожда*, Первоп. какъ въ Новой), хотя рядомъ встрѣчаемъ *ѡсѣжда* (Іезек. XXXVIII. 22) и т. д. Вліяло здѣсь очевидно русское произношеніе: *сужѣ* = *sužy*, — *дождю* = *dāžz'ū*. Такъ какъ въ первой формѣ ж непалатально въ русскомъ, то и въ церковнославянскомъ находимъ — ж, тогда какъ

формы *дождь, дожда, дождю* представляют сочетаніе палатальных согласныхъ *žž'*. Палатальность эта передана въ церковносл. написаніи съ—ю.

Другой особенностью церковнославянскаго консонантизма, отличающей его отъ русскаго, а также, вѣроятно, и старославянскаго, является и произношеніе *г* какъ заднеязычнаго спиранта (*ɣ*), а не какъ эксплозива (*g*, какъ въ русскомъ). Съ которыхъ поръ произносится такимъ образомъ *г*, сказать трудно, за неимѣніемъ какихъ-либо данныхъ. Мелетій Смотрицкій въ своей грамматикѣ помѣщаетъ *г* не въ разрядъ *полгласныхъ*, которыя „болѣе гласѣтъ“ (*ж, з, з', л, л', н, р, с, ц, ч, ш, щ, љ, ѡ*), а въ разрядъ *безгласныхъ* (*Mutae*?). Но его классификація звуковъ не можетъ дать никакихъ указаній въ виду того, что въ томъ же разрядѣ „безгласныхъ“ мы находимъ и несомнѣнные спиранты, какъ *ѣ, х*, в и т. д.: „БЕЗГЛАСНА СΟΥТЬ Б В Г Д К П Т *ѣ х ѡ*“ (л. ѿ). Въ другомъ мѣстѣ онъ причисляетъ *г* вмѣстѣ съ *з ѣ ѡ ѡ* къ буквамъ „страннымъ“, которыя „ѡ грѣшвъ привзѣта“, не упоминая однако о многихъ другихъ знакахъ также греческаго происхожденія.

Такимъ образомъ никакихъ полезныхъ указаній въ этомъ отношеніи Смотрицкій не можетъ дать; зато у Лавр. Зизанія въ глоссаріи, приложенномъ къ грамматикѣ, находимъ глоссу: *ѣгда—кгда*, которая указываетъ на противоположеніе имъ церковнославянскаго *г=ɣ* (звонкій заднеязычный спирантъ) польскому *g* (звонкій заднеязычный взрывной), заимствованному въ данной частицѣ и въ югозападный русскій языкъ. Отсюда можно заключать, что въ концѣ XVI в. (разумеется и раньше) церковнославянское *г*, по крайней мѣрѣ въ югозападной Руси, означало собой звонкій заднеязычный спирантъ, имѣющійся и донныѣ въ традиціонной церковнославянской звуковой системѣ. Спирантное произношеніе *г*, перешедшее, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ и въ русскій языкъ, отражается и въ языкѣ многихъ лицъ духовнаго званія или происходящихъ изъ духовенства. Такое произношеніе встрѣчается довольно часто у означенныхъ лицъ, хотя бы по мѣсту своего рожденія они и принадлежали къ такимъ великорусскимъ говорамъ, въ которыхъ этотъ спирантъ въ независимомъ положеніи

вовсе не встрѣчается. Есть основаніе думать, что эта особенность малорусскаго происхожденія, какъ это было уже предполагемо и другими учеными ¹⁾. Хотя профессор Ягичъ въ своемъ разборѣ русской грамматики г. Богородицкаго (Jagic. Archiv f. sl. Philologie Bd. XI. 1888, стр. 458) и отрицаетъ возможность малорусскаго вліянія на церковнославянское произношеніе, но мы позволимъ себѣ не согласиться съ нимъ, въ виду весьма правдоподобныхъ соображеній историческаго характера. Главнымъ аргументомъ противъ возможности такого вліянія проф. Ягичъ выставляетъ сильное нежеланіе малорусскихъ грамматиковъ признавать какое-либо соприкосновеніе малорусскаго и церковнославянскаго: „dass die neuere Kirchenslavische Sprache unter grossem Einflusse gerade der Kleinrussischen sich herausgebildet habe, das wird man nicht nachweisen können. Perhorresciren ja doch selbst in neuester Zeit manche Kleinrussische Grammatiker jeden Contact mit dem kirchenslavischen. Das würden sie kaum thun, wenn sie in der üblichen kirchenslavischen Sprache viele kleinrussische Anklänge finden zu können hofften“. Между тѣмъ, если мы взвѣсимъ тѣ общепзвѣстные факты, что все относящееся до обрядности, до богослуженія и т. д. сохраняется съ большимъ постоянствомъ и точностью (преданностью традиціонной буквѣ), что русская церковь имѣла свою колыбель въ Кіевѣ и оттуда распространилась по всей Руси, что въ XVII вѣкѣ мы опять встрѣчаемся въ исторіи русскаго просвѣщенія съ сильнымъ приливомъ въ Москву югозападныхъ, кіевскихъ ученыхъ (которые, между прочимъ, имѣли немало дѣла и съ богослужебными книгами, а также учили въ школахъ для духовенства), то предположеніе о возможности малорусскаго вліянія на традиціонное церковнославянское произношеніе пріобрѣтаетъ вполне правдоподобный характеръ. Объяснить иначе, какъ изъ малорусскаго, спирантное произношеніе цсл. г (=γ) не представляется возможнымъ. Какъ другой остатокъ малорусскаго вліянія можно разсматривать (съ меньшей вѣроятностью) упомянутое выше (стр. 143) сохраненіе удареннаго *ě* передъ слѣдующимъ непалатальнымъ согласнымъ.

¹⁾ Ср. Бодуэнъ де-Куртенэ. Подробная Программа Лекцій. 1878 г. Стр. 62.

Изъ другихъ особенностей церковнославянскаго консонантизма можно указать на возникновеніе (въ силу исчезновенія ѣ и ѣ въ открытыхъ слогахъ) невозможныхъ для старославянскаго сочетаній согласныхъ, которыя еще поддерживаются (точнѣе возстановляются) чутьемъ этимологическаго состава слова. Таковы случаи: зсх — ѡсхѡша (Іерем. XXIII. 10. Остр. ѡсхѡша бѣ, Первоп. ѡсхѡша бѣсть), зжг — возжгѣ (Іерем. XXI. 14. Остр. възжгѣ, Первоп. возжгѣ, *ibid.* L. 32. Остр. възжгѣ, Первоп. возжгѣ), зжж (zz'z'?) — разжжѣный (Іезек. XX. 47. Остр. и Первоп. ражжѣный). Точно такъ же возстановляется сочетаніе зш: возшѣмѣша (Іерем. XXXI. 36. Остр. възшѣмѣша, Первоп. възшѣмѣша) и т. д. Слѣдствіе діалектическаго вліянія на фонетику церковнославянскаго языка немного: образчиками могутъ служить случаи ч вмѣсто ц, встрѣчающіеся изрѣдка, напр. чепѣй (Суд. VIII. 26. Остр. и Первоп. грѣпенз) чѣпи, чѣпѣчки (Исх. XXVIII. 24. 25 Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. Особенности эти внесены уже въ текстъ Новой Библіи, какъ видно изъ примѣровъ.

Морфологическія особенности церковнославянскаго языка.

А. Склоненіе.

§ 3. Характерныя особенности церковнославянскаго склоненія, отличающія его отъ старославянскаго и часто совпадающія съ особенностями русскаго, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: а) особенности, являющіяся слѣдствіемъ различныхъ фонетическихъ измѣненій спонтанеическихъ и комбинаторныхъ, свойственныхъ русскому языку и перенесенныхъ въ церковнославянский; б) особенности, обусловленныя чисто морфологическими процессами (морфологической ассимиляціей или аналогіей).

Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими спонтанеическими.

Въ ряду особенностей первой категоріи отмѣтимъ измѣненія старославянскихъ формъ вслѣдствіе измѣненія краткихъ гласныхъ ѣ и ѣ, одинаковаго съ русскимъ:

Творит. ед. числа на о-мъ вмѣсто стел. ѣ-мъ у основъ на и -: дѣмомъ Мат. XXIV. 45. сыномъ (Мелет. Смотрицкій л. 113) и т. д.; съ другой стороны формы эти однако совпа-

даютъ съ соотвѣтствующими формами основъ на о-, гдѣ о первоначально, и могли быть вызваны вліяніемъ этихъ послѣднихъ. Творит. ед. числа на е-мъ вмѣсто стел. ѡ-мъ у основъ на і- или на согласный: Ѡгнѣмъ (М. III. 11), пѹтѣмъ (М. VIII. 28), ѡмѣнемъ (М. VII. 22), небесѣмъ М. XXIII. 22 и т. д. Дат. и твор. двойств. ч.: ѡмѣнема (М. Смотр. л. 115), ѡтрочѣтема (ibid. л. 114). Дательный и предложный множ. у тѣхъ же основъ: болѣзнемъ М. XXIV. 8, двѣремъ Мр. I. 33. пѹтѣмъ (Ис. LV. 3), словесѣмъ (Л. I. 20) и т. д. двѣрехъ (М. XXIV. 33), ѡслехъ (Л. II. 7. 12), пѹтѣхъ (Ис. XLII. 24), ѡменехъ (Дѣянія XVIII. 15) и т. д.¹⁾.

Измѣненіе краткаго гласнаго ѡ, видоизмѣняющее обликъ старославянскихъ формъ, имѣетъ мѣсто еще въ родительномъ множ. основъ на -і муж. и женскаго рода: лактѣй Быт. VI. 15. свѣрѣй іб. 19. пѹтѣй (М. XXII. 9), заповѣдей (М. V. 19) русск. *путѣй, костѣй*, стел. пѣтѣй, пѣтѣй; костѣй, костѣй.

Также въ родит. множ. основъ на ѡ -: церкѣй II. Коринѣ. VIII. 19. Апок. I. 20. (р. церкѣй, стел. крѣкѣй, крѣкѣй), основъ на г -: дщѣрей Л. I. 5, которыя идутъ въ церковнославянскомъ по типу основъ на і- (русск. *дочерей*, стел. дѣштерѣ).

Случаи съ сохраненіемъ старославянскаго и=ѡ имѣются рядомъ съ приведенными формами: днѣй (Л. XIII. 14) и днѣй (М. XI. 12). См. другіе примѣры выше: стр. 144).

Въ образованіи нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ могла играть роль и морфологическая ассимиляція къ соотвѣтствующимъ формамъ другихъ основъ. Кромѣ основъ на о-, которыя, какъ было сказано, могли повліять на склоненіе основъ на и-, на формы въ родѣ тв. Ѡгнѣмъ, дат. мн. пѹтѣмъ, могли вліять формы основъ на јо-, гдѣ -ѡ-мъ и -ѡ-мъ являлись вполне законными въ смыслѣ фонетическомъ.

Измѣненіе носовыхъ гласныхъ ж, ѡ въ простое и, ѡ (съ

¹⁾ Написанія съ -ѣхъ, встрѣчающіяся также у этихъ основъ, объясняются морфологической ассимиляціей на письмѣ къ соотвѣтствующимъ формамъ основъ на о- (См. ниже § 12-й въ концѣ).

предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ) отразилось также въ церковнославянскомъ склоненіи на различныхъ окончаніяхъ, въ составѣ которыхъ имѣлся тотъ или другой изъ этихъ гласныхъ.

Въ винительномъ падежѣ ед. ч. бывшихъ основъ муж. и женск. рода на *ā-* и *jā-*, вмѣсто старославянскаго *ж*, находимъ *-и*, какъ въ русскомъ (*Ѹ, ю*): странѸ М. II. 11, зѣмлю М. II. 20, юношѸ Дѣянія Ап. XXIII, 17, 18, сѣдѸ Д. Ап. VII. 27 и т. д.

Въ творительномъ падежѣ ед. ч. тѣхъ же основъ, а также основъ ж. р. на *ū-*, *i-* и на *г-*: водою М. III. 11. крѡвію Римл. V. 9 мѣрю М. II. 11 и т. д. вмѣсто старославянскаго *ж* имѣется *-ју (ю)*.

Въ именительномъ и винительномъ падежѣ ср. р. на *п-* (*еп-, мен-*), *пѣ-*, вмѣсто старослав. *а*, имѣется, какъ въ русскомъ *-а* или *-ѣ* (съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ), обозначаемое посредствомъ *ѡ* и *а*: ѡмѡ М. I. 21, 25, врѣмѡ М. II. 7, ѡтрочѡ М. II. 9, 11 и т. д.

Въ отглагольныхъ именахъ прилагательныхъ (причастіяхъ) вмѣсто старосл. *-а*, *-ѡ* такъ же, какъ въ русскомъ, имѣется *а*, *-ѣ* (съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ) или *-ја*, обозначаемыя посредствомъ *ѡ* или *а*: просѡй, ниѡй М. VII. 8. гл҃гола М. I. 19, исцѣлѡ М. IV. 23, оучѡ Л. V. 17, лежа I. XI. 41, скачѡ Д. Ап. III. 8.

Въ мѣстоименномъ склоненіи; у основъ на *о-*: въ родит. падежѣ ед. ч. ж. р. мѣстоименія указательнаго *тѣ, та, то*: тоѡ (стсл. тоѡ) Л. VI. 49. тѡѡ кнѣги Евр. IX. 19; въ винит. падежѣ ед. числа того же рода: тѣю Іерем. XXV. 12. Быт. III. 17. (Московская библія 1663 — тѣ, стсл. тѣ); въ творит. падежѣ ед. числа тою (стсл. тоѣ).

Во множественномъ числѣ: винит. ж. р. тѡѡ (стсл. тѣ) I. X. 16, тотъ же падежъ м. р. тѡѡ (стсл. тѣ) Апок. IX. 6.

Въ винит. падежѣ ед. ч. мѣстоименія личнаго: мѡ, тѡ (стсл. мѡ, тѡ) Іоа. II. 48; въ творительномъ ед. ч. мною Іоа. VIII. 29 (стсл. мноѡ), тобою (стсл. тоѡѡ) Іоа. IV. 27.

У основъ на *јо-*: въ род. падежѣ ед. ч. ж. р. указатель-

наго мѣстоименія стсл. н, ѡ, ю: ѣм (стсл. юм) М. I. 19, притяжательныхъ мѣстоименій: моѡм (стсл. моюм) I. VIII. 43, твоѡм М. I. 20, своѡм М. X. 10. вашѡм Д. Ап. III. 22.

Въ винит. падежѣ ед. ч. ж. рода: ю (стсл. юж) М. IX. 22. I. 19, мою (мож) I. VI. 54, твою I. IV. 42, свою М. I. 24.

Въ творительномъ падежѣ ед. ч. ѣю (стсл. юж) I. XVII. 26, нѣю I. XI. 51, свсѣю Д. Ап. III. 12 и т. д.

Во множественномъ числѣ: въ именительномъ и винительномъ ж. р. ѡ (стсл. ѡ) Апок. XII. 4. нѡм I. X. 24. моѡм (стсл. моюм) I. X. 27, своѡм I. XIII. 12. Д. Ап. V. 18, твоѡм М. V. 33. и т. д., въ винительномъ множ. муж. рода указат. мѣстоименія стсл. н, ѡ, ю: ѡ (стсл. ѡ) Апок. XIII. 7. мѣстоименій притяжательныхъ: вѡм М. V. 44, своѡм М. I. 21, моѡм М. II. 6. и т. д.

Въ склоненіи мѣстоименій стсл. вѡсь и сѡ, первично основъ на i-: въ родит., винит. и творит. ед. ч. ж. рода: всеѡ Апок. XVI. 14, сѡм ibid. XVII. 7 (стсл. вѡсемъ, сѡм), всю (стсл. вѡсж) Д. II. 1. сію (стсл. снж) Іоа. II. 19, всею (стсл. вѡсемж) Мр. XII. 33, сѣю (стсл. сѡж). Во множественномъ числѣ: въ именит. и винит. ж. рода и винит. м. рода: всѡ (стсл. вѡса) Д. Апост. II. 47, сѡм (стсл. снм) Д. Апост. III. 24.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ полной формы съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ: въ род. п. ед. ч. ж. р. смѣртнѡм (стсл. смѣртнѡмж) Д. Ап. II. 24; въ винит. пад. ед. ч. ж. р. дѣснѣю (стсл. дѣснѡж) Д. Ап. III. 7; въ тв. п. ед. ч. ж. р. чнѣстою (стсл. чнѡстѡж) М. XXVII. 59; въ имен. и винит. падежахъ мн. ч. ж. р. и винит. мн. муж. р.: дѡбрыѡм, слѡм (стсл. добрыѡм) М. XIII. 48.

Въ винит. пад. ед. ч. ж. р. основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: кромѣшнѡю (стсл. кромѣшнѡжж) М. VIII. 12; въ творит. п. ед. ч. ж. р. домѡшнѡю (стсл. домѡшнѡжж) I. Коринѡ. XVI. 19, въ именит. и винит. мн. ч. ж. р. и винит. муж. нѣщѡм (стсл. вѣшнѡмж) М. XXVI. 11.

Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими комбинаторными. Свойственное русскому языку

измѣненіе *ы* послѣ заднеязычныхъ согласныхъ *г, к, х* въ *и* отразилось также и на окончаніяхъ церковнославянскихъ. Такъ въ вин. множ. бывшихъ основъ муж. р. на *о-* имѣютъ: *мѣхѣи вѣхѣи* (стсл. *мѣхы вѣхы*) М. IX. 17, *мрѣхѣи* (стсл. *грѣхы*) М. IX. 6, *прѣроки* (старослав. *пророки*) М. V. 12, *кнѣжники* (стсл. *кнѣжники*) М. II. 4 и т. д. То же имѣется въ творительномъ падежѣ данныхъ основъ, во множ. числѣ: *оброуки* Л. III. 14, *грѣшники* М. IX. 11. оученики М. IX. 10; *пастухѣи* Быт. XII. 7; въ родительномъ падежѣ ед. ч. и именит., винит., звательномъ множественнаго у бывшихъ основъ муж. и ж. рода на *а-*: асс. рл. *владыки* М. X. 18, *g. s. рѣки* Апок. VIII. 4 (стсл. *владыки, рѣки*), *рѣки* N. рл. Быт. XVI. 12.

Въ N. A. рл. прилагательныхъ краткой формы ж. р.: *мѣлкіи* М. XI. 8; въ опредѣленномъ склоненіи: N. s. m. *великій* Апок. VI. 4., Instr. s. *великимъ* Апок. XIV. 7., G. f. *великіѡ* Апок. XVII. 1, Dat. рл. *зѣмскимъ* Апок. XVII. 5 и т. д.

Неспособность согласныхъ *ц* и *ш* палатализироваться, свойственная русскому языку, вызываетъ измѣненіе слѣдующаго за ними и въ *ы*: N. рл. *воуцы хіицины* М. VII. 5 (Остр. *вѣуцы хіицины*, Первоп. какъ въ Новой), оученицы, оучицы М. IX. 14 (Остр. оученицы, оученицы, Первоп. оучицы), Асс. рл. *соуцы* М. IX. 23 (Остр. *соуца*, Первоп. *соуца*), *чѣвѣцы* М. XVI. 13 (Остр. и Первоп. *чѣуцы*), A. рл. *ѡуцы* М. X. 16 (Остр. *ѡуца*, Первоп. *ѡуцы*), *птицы* М. X. 29 (Остр. *птицы*, Первоп. какъ въ Новой), *дѣшы* (Прех. Сол. III. 1. XVII. 14. Остр. *дѣа*, Первоп. *дѣы*), *юношы* (Дѣян. V. 10. Остр. *юноша*, Первоп. *-ы*) и т. д.

Этой же неспособностью *ц, ш, ж* къ палатализаціи объясняются написанія: Асс. s. N. sing. *Ѡуцъ* М. XI. 27 (Остр. *ѡуцъ*, Первоп. *ѡуцъ*), род. множ. *конѣцъ* М. XII. 42 (Остр. и Первоп. *конѣцъ*), *старѣцъ* М. XV. 2 (Остр. *старѣцъ*, Первоп. какъ въ Новой), N. s. *слѣпѣцъ* М. XV. 14 (Остр. *слѣпѣцъ*, Первоп. какъ въ Новой), G. рл. *рыбницъ* М. XV. 34 (Остр. *рыбницъ*, Первоп. какъ въ Новой), *дѣшъ* (Прех. Сол. III. 13, Быт. XLVI. 22. 25, Остр. и Первоп. такъ же), *кожъ* (Исх. XXVI. 14. Остр.

и Первон. творит. падежъ), ѣношз (1 Парал. XIX. 10, Остр. друг. текстъ) и т. д.

Въ появленіи приведенныхъ написаній играло также навѣрное извѣстную роль уподобленіе на письмѣ къ однороднымъ формамъ, гдѣ ы или з были вполне законны.

Въ ряду прочихъ фонетическихъ измѣненій, замѣчаемыхъ въ области окончаній церковнославянскаго склоненія, укажемъ на замѣну въ церковнославянскомъ старославянскаго окончанія твор. и пред. п. ед. ч. -мь (именнаго и мѣстоименнаго склоненія) окончаніемъ -мз, т. е. просто -т, вмѣсто ожидаемаго -т' (какъ въ русскомъ). Эта утрата палатальности объясняется тѣмъ, что русскіе губные согласные вообще мало склонны къ палатализации и въ нѣкоторыхъ говорахъ ее совершенно утратили на концѣ словъ (въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ кгоѣ вм. кгоѣ = кровь, остѣѣ вм. остѣѣ = оставъ и т. д.).

Уже въ Острожской библии имѣется окончаніе -мз, если не во всѣхъ случаяхъ, то въ огромномъ большинствѣ: нилмз, глѣмз бѣмз твоѣмз, насѣлѣмз, твоѣмз, нанѣмже и т. д. Второзаконіе, гл. XXIV. дѣомз, срѣцемз, поспѣдомз, нѣнемз, ѡлтарѣм, сопѣрникомз своѣмз и т. д. Матѣ. гл. V.

Въ первопечатной Московской библии замѣчается то же самое явленіе. Что касается грамматики Мелетія Смотрицкаго, то у него въ парадигмахъ вездѣ почти находимъ еще окончаніе -мь: клеврѣтомь (л. 105), воѣномь (л. 106), ѣрѣдомь (107), дрѣвомь (108), дрѣгомь (109), прорѣкомь (л. 109 на обор.), грѣхомь (110), чвѣнцемь (л. 111 на об.), сыномь (113), отрѣчѣтемь (114 на обор.), ѣменемь (115), словесемь (116), рѣмѣнниномь (117), брѣтомь (118 на об.), пѣстыремь (123), мѣтежемь (124), свидѣтелемь (124 на обор.), ходѣтемь (125 на обор.), ѣрѣемь (126), мрѣвѣемь (ibid. на оборотѣ), знѣемь (127 на обор.), крагоуемь (128), любѣдемь (128 на обор.), дрѣводѣлемь (129) и т. д., но ѣрѣмомь (106), ѣтѣемь (111), срѣцемь (112 на об.), домомь (118), дрѣгомь (120) и т. д.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ: м. и ср. тѣмь стѣмь (133, 134 на обор.), м. и ср. блѣгѣмь блѣгомь (135, 136),

м. р. ницимъ (137), м. р. снѣвнимъ (140) и т. д., но ср. р. тѣмъ снѣвнимъ (141 на обор.), м. и ср. р. тѣмъ бѣжимъ (142, 143) и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, правила относительно употребленія М. Смотрицкимъ окончаній -мъ и -мь (т. е. -т и -т') установить нельзя.

Окончаніе -мъ (-т) однако встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ -мь (-т') и чаще у именъ прилагательныхъ ср. рода, чѣмъ у таковыхъ же мужескаго.

Едва ли, впрочемъ, можно видѣть въ этомъ употребленіи -мъ и -мь попытку (хотя бы и не проведенную послѣдовательно), дифференцировать на письмѣ схожія формы разныхъ родовъ.

Въ мѣстоименномъ склоненіи наоборотъ гораздо чаще имѣется -мъ: м. р. всѣмъ (152), но ср. р. всѣмъ (на обор.), м. и ср. р. предлож. только всѣмъ (ibid.), м. и ср. р. ѡбoимъ, ѡбoемъ (152 на обор. и ѡбoимъ, ѡбoемъ 153), м. и ср. творит. ѣдинѣмъ (154, 155), но предл. ѣдиноmъ или ѣдинѣmъ въ обоихъ родахъ и т. д.

Въ текстѣ, напротивъ, находимъ почти исключительно -мъ: желаніемъ (2), оученіемъ (3), витѣйствомъ (4), ѡгнѣмъ (ibid.), небесѣмъ (5 на оборотѣ), оумомъ (6), ѡбразомъ (7), прехожденіемъ, показаніемъ (7 на оборотѣ), трудоmъ (9), молчаніемъ (9 на обор.), естествоmъ (10), родомъ (ibid.) и т. д., но лицемъ (11), простымъ обычаемъ и короткимъ гласомъ (тамъ же на обор.), четцемъ (тамъ же), тонкимъ гласомъ (листъ 54) и т. д.

Во всякомъ случаѣ эти написанія свидѣтельствуютъ скорѣе о томъ, что въ живомъ произношеніи писавшаго имѣлось только окончаніе -т (-мъ), написанія же съ -мь фонетическаго значенія очевидно вовсе не имѣли и должны быть сведены просто къ остаткамъ старославянской графики, если не къ типографскимъ погрѣшностямъ (въ извѣстныхъ случаяхъ).

§ 4. Въ исторіи церковнославянскаго склоненія играла важную роль морфологическая ассимиляція (аналогія), проявленія которой часто совершенно одинаковы съ проявленіями ея въ русскоmъ склоненіи. Какъ и русское склоненіе, церковнославянское утратило различеніе многихъ первичныхъ основъ, еще имѣвшееся

въ старославянскомъ. Образованія, первично чужды извѣстнымъ основамъ и вызванныя морфологической ассимиляціей въ другимъ типамъ, встрѣчаются и въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, такъ что многія изъ новообразованій церковнославянскаго склоненія ведутъ свое начало издалека, только они болѣе распространились и упрочились въ языкѣ церковныхъ печатныхъ книгъ.

Лучше всего сохранилось склоненіе болѣе многочисленныхъ основъ муж. и ср. рода, соотвѣствующихъ первичнымъ на о-, јо-, ж. р. на а-, ја-, еі- (і-). Прочія основы болѣе или менѣе тѣсно применили къ тѣмъ или другимъ изъ только-что названныхъ, послужившимъ уподобляющими типами.

§ 5. Такъ почти совсѣмъ исчезло самостоятельное склоненіе бывшихъ основъ м. р. на еі- (і-), которыя применили къ основамъ того же рода на јо-.

У Смотрицкаго первичныя основы на еі- (і-): поўть, ѡгнь, оўгль, дреколь, гортань приводятся вмѣстѣ съ несомнѣнными основами на јо-: какъ воплъ, клічь и т. д. и склоняются по образцу матѣжь—основы на јо- (л. 124 на обор.). Въ еванг. Матѣ. XXIII. 33 находимъ родит. падежь ед. ч. ѡгнѣ, лѣктѣ (3 Цств. VII. 35. Такъ уже въ Остр.) и т. д. дат. ед. ѡгню (Иезек. XXI. 32. Остр. ѡгню, Первоп. ѡгню). Склоненіе слова Господь, приведенное у Смотрицкаго (л. 132), сохранило въ единств. числѣ только одну несомнѣнную форму основъ на і-, звательный падежь—Гди (См. также М. XVІІІ. 26 и т. д.). Творительный ед. гдѣмъ (Л. II. 22 Гдѣмъ, Остр. гдѣ, Первоп. какъ въ Новой) одинаково можетъ принадлежать и основамъ на јо- (съ ѣ, равнымъ -јо-), и основамъ на еі- (со вторичнымъ ѣ, развившимся изъ ѣ). Сверхъ того вполне возможна форма творит. единственнаго Господѣ по типу основъ на о-, свойственная и современному русскому языку.

Родительный, дательный и предложный падежи единств. числа идутъ по типу основъ на о-: гдѣ (Исаи ІІ. 12. Остр. гѣ, Первоп. какъ въ Новой), гдѣ (ibid. XIX. 20. Остр. гѣи, Первоп. гѣви), гдѣ (Псал. XXXI. 11). Дательный встрѣчается и съ весьма

распространеннымъ окончаніемъ -єви, получившимся изъ окончанія -оки, заимствованнаго отъ основъ на еи- (и-): гѣви, гѣєви (Л. I. 17, II. 23, М. XXII. 44. Остр. гѣи. Первop. гѣви), Ѡгнѣви (Лезек. XV. 6. Остр. Ѡгнѣви, Первop. Ѡгнѣви) и т. д. Вмѣсто винит. падежа, какъ у всѣхъ именъ существительныхъ, означающихъ одушевленныхъ существъ, находимъ форму родит. падежа по типу основъ на о-: гѣа (Псал. CII. 1. Остр. гѣ, Первop. какъ въ Новой).

Что касается двойственного числа, то, въ виду его неупотребительности, мы ограничимся приведеніемъ формъ изъ грамматики Смотрицкаго. Хотя онѣ и не могутъ считаться достовѣрными, все же извѣстное значеніе у нихъ есть, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ онѣ свидѣлствуютъ объ отношеніи къ нимъ хотя бы и искусственнаго языковаго чутья. Мы находимъ первичную форму только для твор. и дат. двойств.: гѣєма или гѣьма. Первая—тѣьма гѣєма стоитъ у Смотрицкаго для дат. пад., вторая тѣьма гѣьма для творительнаго. Эта дифференціація, разумѣется, ни на чемъ реальномъ не основана и принадлежитъ къ числу вообще очень частныхъ у Смотрицкаго педантичныхъ и произвольныхъ измышленій. Такая дифференціація твор. и дат. дв. ч., приуроченная къ параллелизму окончаній—ьма и -єма, проведена у Смотрицкаго во всѣхъ основахъ муж. и женск. рода на і- и јо- (съ -ь въ именит. единственнаго). Для И. В. З. и Р. и Пр. двойственного Смотрицкій беретъ формы отъ основъ на о-: гѣспода, гѣѠ. Ср. также: двѣ лѣкта (Числ. XI, 31. Остр. и Первop. еще правильно лѣкти).

Множественное число сохранило лучше первичное склоненіе основъ на і-, хотя рядомъ съ правильными формами и здѣсь встрѣчается не мало новообразованій. Именительный падежъ идетъ правильно: гѣспѣдіє (Ефес. гл. VI. 9 какъ зват. падежъ, Дѣян. Апост. IV. 34. Остр. и Первop. такъ же). Винительный падежъ въ Новой библіи = род. множ. гѣспѣдїй (1 Тимѣ. VI. 1). Въ Острожской и Первopечатной находимъ форму, образованную по типу бывшихъ основъ на о-: гѣсподї въ Остр и гѣсподы въ Первopечатной. Родительный, дательный и предложный множе-

ственного разнятся отъ ожидаемыхъ старославянскихъ формъ только переходомъ ѣ въ є, свойственнымъ русскому и церковнославянскому. Въ родительномъ однако встрѣчается и старинная форма: господѣй (Псал. СХХІІ. 2, Остр. господѣи, Первоп., гдѣй. 1 Тимоѣ. VI. 1. Остр. винит. пад.), рядомъ съ господѣй (Псал. СХХХV. 3. Остр. дат. мн. господѣмъ, Первоп. господѣй. Второзак. X. 17. Остр. дат. гмѣ. Первоп. господѣмъ), дат. множ. имѣеть также двѣ формы — „правильную“ господѣмъ (Ам. IV. 1. Остр. господѣмъ, Первоп. господѣмъ. Посл. въ Титу II, 9. Остр. какъ въ Новой), рядомъ съ господѣмъ (Тов. II. 12, 13, 14. Остр. и Первопеч. другой текстъ), которая представляетъ собой образованіе отъ основы именит. пад. множ. ч. господѣе (чувствовавшася какъ собирательная форма) съ морфологической ассимиляціей къ основамъ женск. рода на ѣ-. Предложный падежъ, приведенный у Смотрицкаго (л. 132 на обор.), — гóсподѣхъ отвѣчаетъ стсл. формѣ *господѣхъ. Относительно дательнаго падежа надо еще замѣтить, что его форма совпадаетъ также съ дат. множ. основъ на јо-, гдѣ—емъ (стсл. -ѣмъ) имѣеть другое происхождение (є=јо). Для творительнаго множественнаго имѣется нѣсколько формъ: правильная гóсподѣми (Смотр. л. 132 на обор.), гóсподы (ibidem) по типу основъ на о- и господѣми (Маккав. кн. I, гл. IX. 25 ¹), образованная такъ же, какъ и вышеприведенная форма дат. множ. господѣмъ, подъ двойнымъ вліяніемъ формы именит. множ. и основъ на ѣ-.

Склоненіе основъ гортѣнъ и пѣтъ сохранилось безъ особыхъ измѣненій. У Смотрицкаго находимъ замѣчаніе (л. 131 на оборотѣ), что поѣтъ въ родит. ед. и винит. множ. имѣеть пѣти, каковая форма, „чистѣе, нежели пѣтѣ“.

Лучше всего сохранилось ед. число, не представляющее уклоненій отъ старославянской нормы. Род. пад. гортѣни (Іова XX.

¹) Въ Острожской библии вмѣсто этой формы находимъ творит. множ. господѣи, превращенный въ Первопечатной въ господѣй (р. множ.). Эта форма есть образованіе по типу основъ на јо-, съ суффиксомъ -іе, какъ стсл. змаменни. По аналогіи съ людьми (Лука VIII. 48) можно было бы также ожидать и формы *господѣи.

13), дат. ед. также (Псал. XXI. 16, Иезек. III. 26), пѣти (Матѣ. XXII. 16), вин. горѣань (Притчи V. 3), предл. горѣани (Пѣснь Пѣсней II. 3. Пс. CXLIX. 6), пѣти (Матѣ. XXI. 19), тв. горѣанѣмъ (Пс. CXIII. 15. Остр. и Первop. такъ же), пѣтѣмъ (съ $\epsilon = \text{ь}$, но совпадающимъ и съ $\epsilon = \text{jo}$ основъ на jo-) Матѣ. XXI. 32 (Остр. пѣтѣмъ, Первop. какъ въ Новой). Множ. число, кромѣ общихъ фонетическихъ измѣненій, также не представляетъ особыхъ отклоненій отъ старославянскаго. Именит. множ. имѣетъ правильную форму отъ основъ на i-: пѣтиѣ (Ис. XXXIII. 8, LV. 8, Остр. пѣтиѣ, Первop. пѣтиѣ). Родит. имѣетъ пѣтѣй (Матѣ. XXII. 9, Ис. LV. 9, Остр. пѣтин, Первop. пѣтій и пѣтѣй). Дат. пѣтѣмъ (Исаия LV. 3, Остр. пѣтѣмъ, Первop. пѣтѣмъ), гдѣ $\epsilon = \text{ь}$, но совпадаетъ также съ ϵ основъ на jo- ($= \text{jo}$). Винит. пѣти (Ис. LV. 7, 11, Остр. и Первop. такъ же), твор. пѣтми (Ис. LVII. 10. Остр. и Первop. такъ же), людьми (Второз. X. 11, Суд. I. 16. Остр. люми, Первop. какъ въ Новой), пѣтми (Второз. XXVIII. 7, Остр. пѣтин, Первop. пѣтин, какъ выше твор. мн. господи), предложный пѣтѣхъ (Ис. XLII. 24. Второзак. VIII. 6, Остр. и Первop. вин. множ.). Изрѣдка встрѣчаются образованія по типу другихъ основъ, напр. р. мн. тѣстѣвъ (Тов. XIV. 13. Остр. др. текстъ) по типу основъ на eu- и т. д.

Основы женскаго рода на i- (ei-) въ единственномъ числѣ не представляютъ почти никакихъ уклоненій отъ старославянскаго склоненія, если не принимать въ расчетъ фонетическихъ измѣненій, характеризующихъ церковнославянскій (исчезновеніе -ь, переходъ ж въ ѣ и т. д.). Въ именительномъ единственнаго встрѣчаемъ написанія въ родѣ лѣжъ ¹⁾ (Іоан. VIII. 44, Остр. лѣ, Первop. какъ въ Новой), невозможныя въ старославянскомъ и свидѣтельствующія о томъ, что согласные ж и ш, какъ во многихъ современныхъ русскихъ говорахъ, произносились непалатально. Въ формахъ д. ед. ѣсѣири (Есѣ. V. 6. VIII. 1. Остр. ѣсѣири, Первop. какъ въ Новой), рѣѣи (Руѣ. I. 15. Остр. рѣѣ, Первop.

¹⁾ Встрѣчается и форма лѣжъ (Іов. XVI. 8. Остр. и Первop. такъ же. I. Сир. XX. 24. Остр. лѣжъ, Первop. лѣжъ, образованная по типу основъ на ѣ-.

какъ въ Новой) имѣемъ примѣръ морфологической ассимиляціи къ основамъ на *ā*-. Рядомъ однако *Ėсѣири* (*Эсѣ. II. 12. Остр. и Первоя. такъ же*). Встрѣчается и родительный по типу основъ на *ā*:- *Рѣфы* (*Р. IV. 5. Остр. рѣѣѣ, Первоя. рѣѣѣ — винит. ед.*). Въ винит. падежѣ ед. ч. отъ этой же основы имѣемъ форму, образованную по типу основъ на *ā*:- *лжѣ* (*ibidem. Остр. лжѣ, Первоя. какъ въ Новой*). Такія образования, однако очень рѣдки. Единственное общее уклоненіе отъ старосл. имѣется въ звательн. падежѣ единств. числа, гдѣ вмѣсто формы, схожей съ родит., дат., предложн. (напр. стсл. *кости*) имѣемъ образование по типу основъ ж. р. на *jā*:- *Ėсѣири* (*Эсѣ. V. 1. 2. Остр. Ėсѣириѣ, Первоя. какъ въ Новой*), *радостѣ* (*Филипп. IV. 1, Остр. и Первоя. радость*), *помощѣ* (*Великое Повечеріе. Молитва Богородицы*), *крѣпостѣ* (*Псал. XVII. 2. Остр. крѣпости, Первоя. какъ въ Новой*). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что зват. на *-ѣ* принадлежитъ уже позднѣйшему языку; въ Острожской библ. находимъ или старинный звательный, или форму именит. падежа. Первопечатная, какъ всегда, занимаетъ среднее мѣсто. Въ творительномъ имѣется только позднѣйшая форма съ долгимъ *ī* (-ію), вмѣсто старославянскаго *-ъ* (-ѣж) и русскаго *о* (нуль гласнаго) — *'ju* (-ю): *тростію* (*Мр. XV. 19. Остр. тростью, Первоя. какъ въ Новой*) и т. д.

Двойственное число не представляетъ уклоненій. *И. В. 3. части* (*Іерем. XXXIV. 18 на двѣ...*), *скрижали* (*Второз. IX. 10. 15*), *Р. Пр. заповѣдію* (*М. XXII. 40*). Дат. и Твор. должны бы имѣть *-ѣма*, гдѣ *ѣ = ѣ* (стсл. *костыма*): у *М. Смотрицкаго* имѣемъ произвольную дифференціацію окончаній *-ѣма* и *-ѣма* (въ сущности *-ѣма* и *'-ѣма*): дат. *заповѣѣма* и твор. *заповѣѣма* (*л. ѣк на обор.*). У *Зизанія* *нощѣма*, *костѣма* (*л. 28 на об.*).

Множественное число. *И. В.* правильно: *болѣзни* (*М. VIII. 17*). У основъ съ послѣднимъ согласнымъ „шипящимъ“ въ написаніи встрѣчается уподобленіе къ основамъ на твердый согласный: *вѣшы* (*3. Ездры IV. 21; винит. мн. Остр. вѣши, Первоя. вѣши*). Род. также правильно, но съ *ѣ = стсл. ѣ*: *нощѣй* (*Быт. VII. 12. 17, Остр. нощѣи, Первоя. нощѣи и нощѣи*), *заповѣѣй* (*М.*

V. 19), двѣрѣй (Неем. VI. 1); въ Острожской бібліи еще заповѣдѣи, двѣрѣи, въ Первопечатной уже заповѣдѣи, двѣрѣи. Тѣмъ не менѣе и въ современныхъ церковныхъ книгахъ формы съ *і* не исчезли: двѣрѣи (М. XXVIII. 2), заповѣдѣи (Мр. XII. У Зизанія нѣщій, кѣстѣи, рядомъ съ нѣщѣи, кѣстѣи (л. 28 на об.). Дат. правильно, но съ ϵ = стсл. ѣ: двѣрѣмъ (Мр. I. 35, Остр. и Первоп. такъ же), болѣзнемъ (Матѹ. XXIV. 8, Остр. болѣзнемъ, Первоп. болѣзнѣмъ), бѣснемъ (1. Тим. I. 4, Остр. такъ же, Первоп. бѣснѣмъ). Изрѣдка встрѣчаются образованія по типу другихъ основъ ж. р., напр. вѣтвѣмъ (Исх. XXV. 35, Остр. вѣтвѣмъ, Первоп. вѣтвѣмъ), лжѣмъ (Притчи XXIV. 2, Остр. и Первоп. такъ же). Творительный представляетъ два написанія съ ѣ (-ѣми) и безъ него (-ми): въ нѣкоторыхъ изданіяхъ ¹⁾ печѣльми (Л. XXI. 34, Остр. печѣльми, Первоп. печѣльми), страстьми (М. IV. 24, Остр. страстьми, Первоп. страстьми), въ другихъ ²⁾ печѣлми, страстми, вѣтвѣми (Исх. XXV. 35, Остр. и Первоп. двойств. ч. вѣтвѣма), болѣзми (3. Ездры VIII. 30, Остр. и Первоп. другой текстъ), и т. д., но частъми (Лев. IV. 11, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. Зависѣло ли это отъ того или другого произношенія, сказать, конечно, трудно. Вѣроятно же всего здѣсь просто опущеніе знака ѣ, который представлялся излишнимъ для обозначенія палатальнаго оттѣнка *л'*, *м'*, *в'*, и безъ того неизбѣжнаго. Образованіе по типу бывшихъ основъ на *а*-нѣмъ въ формѣ: мѣшами (1 Цств. VI. 1, Остр. мѣшами).

Предложный множественнаго представляетъ два написанія: правильное -*сѣхъ*, гдѣ ϵ = стсл. ѣ и -*ѣхъ*, обязанное своимъ происхожденіемъ уподобляющему вліянію соответствующаго падежа основъ м. р. на о-: пѣрсѣхъ (Апок. XV. 6, Остр. персѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), юдѣлѣхъ (1 Паралип. XII. 15, Остр. ѣ долѣ, Первоп. вѣ долѣхъ), вѣсѣхъ (Мр. VI. 36, Остр. вѣсѣхъ, Первоп. вѣсѣхъ), рядомъ съ іаслѣхъ (Л. II. 7. 12. 16, Остр.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ Евангеліи, изданномъ въ Москвѣ, въ 1838, 1-го Января.

²⁾ Такъ въ изданіи Библии. Москва 1879 г. Ноябрь. Мал. 8, которымъ мы пользовались для новаго періода.

аслѣхъ, Первop. аслѣхъ и іаслѣхъ), скóрвєхъ (2. Солун. I. 4, Остр. такъ же, Первop. скóрвєхъ), сластѣхъ (Посл., Іак. IV. 3, Остр. слáстєхъ, Первop. сластѣхъ), зáповѣдєхъ (Л. I. 6, Остр. такъ же, Первop. -ѣхъ), вѣтвєхъ (М. XIII. 32, Остр. вѣтвѣхъ, Первop. вѣтвѣхъ), двѣрєхъ (М. XXIV. 33, Остр. такъ же, Первop. двѣрєхъ), вѣщєхъ (Л. I. 1, Остр. такъ же, Первop. вѣщєхъ), напáстєхъ (1 Петр. I. 6, Остр. напáстѣ, Первop. напáстєхъ) и т. д. У Зизанія находимъ только формы съ -єхъ: нѡщєхъ, кѡстєхъ (л. 28 на обор.). Фонетическаго значенія (въ печатномъ церковнославянскомъ) такая двойственность написаній, разумѣется, не имѣла. Въ Острожской Библии чаще формы на -єхъ, въ Первопечатной на -ѣхъ. Новая Библия ближе къ Острожской.

Изрѣдка попадаются и формы, вызванныя вліяніемъ бывшихъ основъ ж. р. на ā: лжáхъ (Притчи С. IX. 12, Остр. и Первop. такъ же), двѣрáхъ (3 Царствъ VI. 34, Остр. и Первop. друг. текстъ), благостáхъ (Осія III. 5, Остр. и Первop. бл́гостáхъ), въ Остр. б. вѣщá (3 Ездры IV. Первop. вѣщєхъ: Нов. другой текстъ) и т. д.

§ 6. Болѣе измѣненій претерпѣло склоненіе бывшихъ основъ на согласный. Какъ и у основъ на і- (ei-) уподобляющими типами здѣсь являются основы на јо-.

У бывшихъ первичныхъ основъ ж. р. на п- исчезъ почти совершенно древній именительный п. ед. ч. (какъ стсл. кмѣ), вмѣсто котораго находимъ новѣйшее образованіе отъ основы косвенныхъ падежей (съ -еп-) по типу основъ на јо- или на і- (ка́мень). Остатокъ древняго именит. падежа—плáмы (Іова XLI. 12, II. пѣсней VIII. 6, Остр. и Первop. плáмы), но плáмень (2 Макк. I. 32. Такъ уже въ Остр. и Первop.), ка́мень (Ис. V. 28, Остр. и Первop. такъ же).

Смотрицкій причисляетъ эти основы къ своему четвертому склоненію (съ именит. ед. на -ь), главный контингентъ котораго составляютъ первичныя основы на јо- (л. 123 на обор.). Но на л. 131 (на обор.) онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что „вся (?) на ь кончающаяся склоненія сего имена чистѣе родительными единственными сходити творять на є, нежели на ѡ. яко, кóрень, ко-

рєнє. стєпєнь, стєпєнє. кáмєнь, нє. дєнь, днє. пламєнь, плáмєнє. и прочая“.

Образчики стараго род. ед. на -є: кóрєнє (М. XIII. 21), плáмєнє (З Ездры XIII. 10), кáмєнє (Мр. XV. 46, Исх. XVII. 6), гáчлєнє (Аггея II. 17) и т. д.

Имѣющіяся рядомъ формы кáмєніа (Быт. XXVIII. 11, Апок. XVIII. 12, Остр. каменіа, Первоп. какъ въ Новой), корєніа (М. XIII. 6, Остр. корєніа, Первоп. корєніа), крємєніа (Иова VIII. 17, Остр. кáмєніа, Первоп. кáмєніа) и т. д. вызваны такими собирательными, какъ лїстїє и т. д. (первичныя основы на jo-). Имѣются и формы р. п., образованныя по общему типу основъ на jo-: гáчмєніа (Быт. XXVI. 12, Остр. гáчмєню, Первоп. гáчмєню дат., Иезек. XIII. 19. Остр. гáчлєнны), кáмєна (З. Ездры I. 20, Остр. друг. текстъ), плáмєна (Остр. б., Первоп. плáмєнє, Новая Сгнѣ. II. пѣсн. VIII. 6). Эти послѣднія формы внесены уже въ Новый текстъ, а въ текстъ Остр. библии не встрѣчаются.

Въ дательномъ единственнаго числа правильная форма кáмєни въ Библии встрѣчается только два раза (Ис. Сир. XXII. 1, Иерем. II. 27). Въмѣсто нея болѣе употребительны формы: кáмєню (Суд. XX. 45, 47, Остр. камыкѣ, Первоп. камыкѣ, Прем. Сол. VII. 9, Остр. кáмєни, Первоп. какъ въ Новой), образованная по типу основъ на jo-, и кáмєнєви (Луки IV. 3, такъ уже въ Остр.), по типу основъ на eu- (и-). У Смотрицкаго, кромѣ этихъ трехъ формъ, встрѣчаемъ еще четвертую форму кáмєнію (также Апок. VI. 16, Остр. и Первоп. такъ же. Аввак. II. 19, Остр. и Первоп. камыкѣ), по типу собирательныхъ.

Винит. падежъ кáмєнь (М. XXVII. 60, Исх. XVII. 6, Остр. такъ же).

Звательный падежъ, образованный по типу основъ на jo-, кáмєню находимъ во 2-й книгѣ Царствъ XXII. 2 (Остр. и Первоп. кáмєнь). Предложный падежъ совершенно утратилъ древнюю форму (стсл. камєнє) и представляетъ образованія по типу основъ на i- (частныя и въ старославянскомъ): кáмєни (М. XXVII. 60; XXI. 44; XXII. 2), кóрєни (М. III. 10). Имѣется и случай обра-

зованія по типу бывшихъ основъ на о-: ꙗчмѣнѣ (Поилъ I. 11, Остр. ꙗчмѣни, Первоп. уже какъ въ Новой). Творительный имѣется чаще по типу собирательныхъ: кáмєніємъ (Ис. Сир. XLVI. 6, М. XXIII. 37, Мр. V. 5. Такъ уже въ Острожской б.).

Рядомъ имѣется и форма кáмєнемъ, отвѣчающая старосл. кáмєнемъ (Ис. Сир. XXIX. 13, Плачъ Іерем. III, 16, Остр. и Первоп. такъ же). И. В. Зв. двойств. ч. идетъ по типу основъ на јо-: кáмєнѣ (Исх. XXVIII. 9. 12, Остр. и Первоп. кáмєни, кáмєнѣ).

Именительный множественнаго представляетъ двѣ формы: по типу основъ на јо-: плáмєни (Прем. Солом. XVIII. 5, Остр. и Первоп. родит. ед.) и по типу основъ на і-: кáмєніє сотрѡшасѣ (Науъ I. 6. Остр. кáмєніє сѣтресѣ, Первоп. кáмєніє сотрѣсѣ).

Старинный именительный множественнаго на -є, который и въ дѣйствительно старославянскихъ памятникахъ уже отсутствуетъ, не встрѣчается и въ церковнославянскомъ.

Родительный множественнаго представляетъ двѣ формы; обѣ по типу основъ на і-: кáмєней (Юдиѣ I. 2, Остр. кáмєнѣи, Первоп. кáмєнѣи, Второзак. XXIV. 6, Остр. друг. текстъ, 3-я кн. Царствъ VII. 9, Остр. друг. текстъ) и кáмєнѣи (Исх. XXIV. 4. 1 кн. Цств. XVII. 40) съ обычной мѣной старослав. и и русско-церковнославянскаго -є=і (ѣ); корѣнѣи (Премудр. Солом. VII. 20, Остр. корѣнѣи, Первоп. корѣнѣи и т. д.).

Дат. кáмєнемъ (Іезек. VI. 3, Остр. и Первоп. друг. текстъ) одинаково можетъ отвѣчать дат. мн. первичныхъ основъ на јо- (какъ конѣмъ), первичныхъ на і- (какъ пѣтѣмъ) и первичныхъ на и- (какъ камєнемъ). У Смотрицкаго есть еще форма кáмєніємъ (листъ 132, на обор.), образованная по типу такихъ основъ ср. р. на јо-, какъ стел. знаменіє.

Винительный множественнаго представляетъ преимущественно одну форму, отвѣчающую первичной старославянской, но тоже-ственную и съ винительнымъ множ. основъ на і-: кáмєни: (Исх. XXXV. 27; Іерем. XLIII. 9). Въ книжномъ, церковнославянскомъ языкѣ эта форма совпадала и съ именит. винит. падежомъ основъ муж. рода на јо- (какъ напр. царѣ: Прем. I. с. Сирах. XLVIII.

6, 8, Остр. и Первоп. цѣ), представляющимъ въ свою очередь продуктъ морфологической ассимиляціи къ винительному множ. основъ и. р. на о- (какъ рабы и т. д.). Рядомъ имѣются и собирательныя формы: корѣніа (Ис. Сир. X. 18, Остр. вин. ед. корень), кáменіа или кáменіа (Ис. LIV. 12, Остр. вин. ед. камы́кз).

Творительный падежъ имѣетъ собирательную форму (первичныя основы на јо- ср. р.): кáменіи (Ис. Сир. XLV. 13. Остр. и Первоп. такъ же; старосл. камеными). У Смотрицкаго есть и форма кáменьми (л. 132 на обор.). Форма предложнаго множ. ч. кáменехъ (2-е Корин. III. 7, Остр. предл. единств., Второзак. XXVII. 3, Остр. камыцехъ, Первоп. -ѣхъ, Иерем. XVIII. 3 и т. д., Остр. другой текстъ), подобно дат. множ., одинаково можетъ отвѣчать первичной стсл. формѣ каменыхъ или представлять собой образованіе по типу основъ на і-.

Форма кáменіахъ (Исх. VII. 19, Остр. друг. текстъ, Иерем. XIV. 6, Остр. скалѣ, Второз. XXVII. 8, 1; Остр. камыцѣ; 1. Цств. XIII. 6 и т. д., Остр. такъ же, Первоп. кáменіахъ), развившаяся очевидно изъ кáменіихъ (отъ собирательной основы ср. р. на јо-), представляетъ собой продуктъ морфологической ассимиляціи къ основажъ на а-, ја-. У Смотрицкаго есть и третья форма: кáменіехъ (л. 132 на обор.), являющаяся плодомъ смѣшенія основъ собирательныхъ на јо- съ церковнославянскими основами, отвѣчающими первичнымъ на і- (пѣтѣхъ=стсл. пѣтьхъ).

Основы среднего рода на п-, какъ нма, сохранили свое склоненіе лучше въ единственномъ числѣ. Встрѣчается правильный родительный падежъ: ѿмене (Матѣ. XXIV. 9, Первоп. такъ же, Остр. ѿмени, XIX. 29, Остр. и Первоп. ѿмени), рамене (Ис. X. 27, Остр. и Первоп. такъ же), врѣмене (М. XXVI. 16, Остр. врѣмене, Первоп. такъ же, Луки IV. 13, Неем. II. 6, Остр. врѣмени, Первоп. какъ въ Новой), писмене (Римл. VII. 6, Остр. и Первоп. писмени), сѣмене (М. XXII. 25, Остр. сѣмене, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Рядомъ имѣется болѣе рѣдкая форма по типу основъ на і-: врѣмени (Апок. XII. 14, Остр. врѣмени, Первоп. какъ въ Новой), какъ въ современномъ

рускомъ, ѣмени (ѣмени Остр. библ. М. XXIV. 9; въ Первопечатной и современныхъ книгахъ имене). Въ Остр. и Первоп. эта форма, какъ видно изъ цитатъ, чаще встрѣчается, чѣмъ въ Новой, гдѣ она замѣнена болѣе древнею, вѣроятно, вполне сознательно.

Дательный правильно: ѣмени (1 Парал. XXII. 8, Остр. и Первоп. такъ же), плѣмени (Апок. XIV. 6, Остр. племени, Первоп. плѣмени) и т. д.; по типу основъ ср. р. на о-: ра́мѣ (Числ. XVIII, 18, Остр. другой текстъ: ра́мо и. ед.). У Зизанія вре́мени по типу основъ на јо- и вре́мени (л. 30). Какъ и въ родит. ед., Остр. и Первопеч. библія представляютъ чаще вторичную форму (по типу основъ на јо-), въ Новой замѣненную болѣе древней.

Творительный можетъ отвѣчать и первичной формѣ на -ѣмь, и формѣ основъ на јо- (-ѣмь): ѣменемъ = стсл. именьмь (М. XXVII. 57. Остр. и Первоп. такъ же, Л. I. 59, Остр. ѣменемъ), сѣменемъ (Апок. XII. 17, Остр. сѣменемъ, Первоп. какъ въ Новой). У Смотрицкаго ѣменемъ (л. 115).

Предложный по типу основъ на јо- или основъ на і-: ѣмени (I. X. 25, Остр. ѣмени), вре́мени (М. XXV. 19, Остр. вре́мени).

Въ двойственномъ числѣ: И. В. 3. ра́мѣ (Л. XV. 5, Быт. IX. 23, Остр. ра́мѣ, Первоп. какъ въ Нов.) по типу основъ ср. р. на о- или ж. р. на а-. Встрѣчаются и образованія по типу основъ м. р. на о-: ѡба ра́мена (Исх. XXVIII. 12, Остр. и Первоп. ѡбѣ ра́мѣ), двѣ пле́мена (I. Н. XIV. 4). Остр. пле́мени. Въмѣсто формы двойств. числа, встрѣчается и форма винит. пад. множ. ч. по типу основъ муж. р. на о-: ра́мы (Быт. XLIX. 15, Остр. ра́мѣ, Первоп. ра́мѣ). Другія формы дв. числа также часто замѣняются формами множ., напр. предложный: двѣ ра́менахъ (Исх. XXVIII. 12, 21; Остр. и Первоп. ра́мѣ; винит. на ра́мѣ по типу основъ на о-).

Дательный: двѣ пле́менѣмъ (I. Нав. XIV. 3. Остр. двѣма пле́менѣ, Первоп. двѣма пле́менѣмъ). У Зизанія И. В. 3. вре́мена = имен. множ., Р. П. вре́менѣ, Д. Тв. вре́менема и вре́менѣма (по типу основъ на і- (л. 30)).

Во множественномъ числѣ именит. и винительный падежи правильно: бремена (М. XXIII. 4, Остр. бремена), рамена (Суд. XVI. 3, Остр. двойств.: рама). Винит. множественного есть и по типу основъ муж. р. на о-: рамы (Исх. XII. 34, Остр. такъ же).

Родительный множ. правильно: именъ (Апок. XVII. 3, Остр. такъ же), племенъ (Апок. V. 9, Остр. племенъ), бременъ (ibid. XVIII. 12, Остр. бременъ), также и съ другими удареніемъ съменъ (М. XIII. 32, Остр. съменъ, Первоп. съменъ), раменъ (1 Цств. X. 23, Остр. друг. текстъ, Ис. X. 27, Остр. друг. текстъ).

Дательный множественного представляетъ нѣсколько формъ: „правильную“ племенемъ (Ис. XIX. 13, Остр. племенемъ, Первоп. племенемъ), которая отвѣчаетъ стил. племенѣмъ и совпадаетъ также съ формой д. мн. ч. отъ основъ ср. и м. р. на jo-; встрѣчается и другая акцентуація — племенѣмъ (1 Царствъ X. 19, Остр. племенемъ, Первоп. бабъ въ Новой), подобная акцентуаціи русскихъ формъ. Рядомъ имѣются формы, образованныя по типу основъ на о-: именѣмъ (Быт. XXV. 13, Остр. имени, Первоп. имени — ед. число), племенѣмъ (1 Парал. XXVII. 23, Остр. друг. текстъ), временѣмъ (М. XVI. 3, Остр. временемъ, Первоп. временемъ), которыя свойственны Новой библіи, а также и формы по типу основъ на а-: племенамъ (1 Цств. X. 21, Остр. друг. текстъ, Второз. XVI. 18, Остр. племенемъ, Первоп. племенемъ), именамъ (Быт. XXVI. 18, Остр. другой текстъ; Исх. XXVIII. 21, Остр. именѣ, Первоп. именемъ). У Зизанія только временѣмъ (л. 30 на об.).

Творительный множ. числа: „правильная“ форма — времени (1 Тимое. II. 6, Остр. времени, Первоп. какъ въ Новой), племены (Второз. XXXIII. 5, Остр. им. множ.); рядомъ съ ними по типу основъ на а-: бременами (3 Цств. XI. 28, Остр. другой текстъ), знаменами (1 Маккав. VII. 45, Остр. твор. мн. знаменіи). У Зизанія времени по типу основъ на о- и времѣни (л. 30 на об.), по типу основъ на і- или на и-.

Предложный мн. представляетъ въ сущности два окончанія:

-’ѡх, которое передается въ цсл. графикѣ какъ -ѡхъ и -ѡхъ (первое „правильно“, или явилось по типу основъ на i-, гдѣ ѡ измѣнилось въ ѡ, второе по типу основъ на o- мн. и ср. р.) и -ахъ (-ахъ), отъ основъ на ā-: племѣнѣхъ (Второзак. I, 13, Остр. племѣнѣхъ, Первop. племѣнѣхъ), ѡмѣнѣхъ (Дѣянiя. XVIII. 15, Остр. ѡмѣнѣ, Первop. ѡмѣнѣхъ), рѡмѣнѣхъ (Езек. XII. 6, Остр. вин. дв. рѡмѣ) и вpемѣнѣхъ (1. Солун. V. 1, Остр. вpемѣнѣхъ, Первop. какъ въ Новой), племѣнѣхъ (Апок. X. 11, Остр. племѣнѣхъ, Первop. племѣнѣхъ, Суд. XX. 10, Остр. племѣнѣхъ, Первop. какъ въ Новой), рѡмѣнахъ (Исх. XXVIII. 21, на двѣ...: 2. Парал. XXXV. 3, Остр. двойств. ч.), вpемѣнахъ (Ис. Спр. XXXIX. 38, Остр. вин. ед.). У Зизанiя вpемѣнахъ (л. 30 на об.).

§ 7. Склоненiе первичной основы на согласный п-, дѣнь (стсл. дѣнь). Родительный единств. ч.: двѣ формы — правильная днѣ (стсл. дѣне): М. XI. 23, XXVI. 29, XXV. 13, XXIV. 38 и т. д. и по типу основъ на jo-: днѣ (Эвкл. VII. 2, Остр. днѣ, Первop. какъ въ Новой).

Дательный правильно—днѣ (стсл. дѣни): Пс. XVIII. 3 (Остр. днѣ); по типу основъ на jo-: днѣ (Дѣянiя II. 20, Иерем. XXXIII. 20, Такъ уже въ Остр. Библии: днѣ), полѣднѣ (2 Парал. XXXII. 30, Такъ уже въ Остр.); по типу основъ на u-: днѣви (М. VI. 34, Остр. такъ же: днѣви, Первop. какъ въ Новой).

Винительный: дѣнь (стсл. дѣнь): М. XI. 24, XXVI. 17, XXIV. 50 (Остр. днѣ, Первop. какъ въ Новой).

Творительный: днѣмъ (Иерем. XXXIII. 25, Остр. днѣмъ, Первop. какъ въ Новой, стсл. дѣньмъ), совпадаетъ и съ творит. падежомъ основъ на jo- и на i-.

Предложный падежъ, рядомъ съ болѣе частой формой по типу основъ на i- —днѣ (М. XXIV. 36, Мрк. XIII. 32, Остр. днѣ, Первop. какъ въ Новой), представляетъ и болѣе древнюю форму днѣ (стсл. дѣне): вѣднѣ (Остр. библ. Иоа. XI. 9, также въ Первop. вѣднѣ. Въ новыхъ изданiяхъ уже днѣ), въ полѣднѣ (Суд. V. 10, Остр. друг. текстъ, Пѣснь Пѣсн. I. 6, Остр. полѣднѣ, Первop. какъ въ Новой, Ис. Спр. XXXIV. 16, Остр. полѣднѣ, Первop.

какъ въ Новой), но полѣдни (Софон. II. 4, Остр. друг. текстъ: месамѣрю).

Двойственное число. И. В. Зв. правильно: дни (на два дни, Исх. XVI. 29, Остр. дни, стсл. дъни). Р. Пр. двою дню (М. XXVI. 2, Иоа. IV. 43, Остр. дню, Первоп. какъ въ Новой) по типу основъ на jo- и дню (Мр. XIV. 1, Остр. дню, Первоп. какъ въ Новой), по типу основъ на i-: стсл. дьноу. Другіе падежи не встрѣчаются.

Множественное число. Въ именит. п. только позднѣйшая форма по типу основъ на i-: дніе (стсл. дьне): М. XXIV. 22, Л. II. 6, Остр. дніе, Первоп. дніе.

Родительный п. по типу основъ на i-: дній (М. IV. 2, XXIV. 29, Остр. дній, Первоп. днѣй, Мр. XIII. 20, Остр. дній, Первоп. дній, Л. XIII. 14 и т. д. Остр. дній, Первоп. днѣй), съ сохраненіемъ (или восстановленіемъ) старославянскаго i=ъ и днѣй (Дѣян. XXI. 26, Остр. дат. мн. Быт. VII. 12, 17, XXIV. 55, Остр. дній, Первоп. дній) съ русскимъ е (стсл. дьнъ).

Дательный мн. отвѣчаетъ стсл. дьнымъ:—днѣмъ (Зах. VIII. 11, Осія II. 15, Остр. днѣмъ, Первоп. днѣмъ).

Винительный: дни (стсл. дьни): М. XXIV. 19, II. 1 (Остр. дни, Первоп. какъ въ Новой).

Творительный: дѣнми (стсл. дьнымъ); Иоа XV. 10 (Остр. и Первоп. дѣнми), М. XXVI. 61 (Остр. дѣнми, Первоп. дѣнымъ).

Предложный: днѣхъ (стсл. дьныхъ): М. XXVII. 63 (Остр. днѣхъ, Первоп. днѣхъ), XVII. 1, (Остр. днѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), Мр. I. 9 (Остр. днѣхъ, Первоп. днѣхъ), Л. II. 36 (Остр. днѣхъ, Первоп. днѣхъ).

§ 8. Въ склоненіи основъ на г- лучше сохранилось единственное число. Именительный ед. мѣти, какъ въ старославянскомъ (Л. XII. 53, Мр. III. 31—35, Остр. мѣти) и мѣть (М. Смотрицкій л. 121 на обор.), днѣрь (Тов. VII. 8, Остр. днѣй, Первоп. днѣй)—образованія отъ основы косвенныхъ падежей, но днѣй (М. IX. 18, Остр. днѣй, Л. II. 36, Остр. днѣй). У Зизанія мѣти (л. 38), но днѣръ (л. 39) подъ вліяніемъ западно-русскаго произношенія, не знающаго r'.

Родительный, какъ въ старославянскомъ: мѣтере (М. XV. 6, Остр. такъ же, Первоп. мѣрь вин. ед. Быт. XXIV. 67, Остр. и Первоп. мѣри по типу основъ на i-), дѣере (Суд. XI. 34, Мр. VII. 26, Остр. и Первоп. такъ же): стсл. матерє.

Дательный также „правильно“: мѣтери (2 Парал. XXV. 1, М. I. 18, Остр. мѣри), дѣери (М. XXI. 5, Остр. такъ же): стсл. матерн.

Винительный только мѣтерь (М. XIX. 29, Остр. и Первоп. мѣтере, II. 13, 14, 21, Остр. и Первоп. мѣре М. X. 35. 37, Остр. мѣре, Первоп. мѣрь), дѣерь (М. X. 35. 37, Остр. и Первоп. дѣере): стсл. матерь. Въ Остр. имѣются еще стсл. формы в. ед. мѣтере, дѣере (Л. XII. 53). Въ Первоп. уже мѣтерь, дѣерь, какъ въ Новой). У Зизанія мѣтеръ вмѣсто матерь подъ вліяніемъ западнорусскаго произношенія.

Творительный: мѣтерію (М. II. 11, Остр. такъ же), дѣерію (Пезек. XLIV. 25, Остр. вин. ед. дѣере): стсл. матернж.

Предложный: мѣтери (М. Смотр. л. 121 на обор.) и по типу основъ на ā-: дѣерѣ (Зах. II. 7, Остр. дѣере. Первоп. уже дѣерѣ): стсл. матерн.

Звательный: мѣти (М. Смотр. л. 121 на обор.), дѣи (Суд. XI. 35, Остр. такъ же), какъ въ старославянскомъ — мати.

Формы двойственного числа, приводимыя Смотрицкимъ (л. 121 на обор.), построены очевидно имъ самимъ по разнымъ типамъ: И. В. З. мѣтерѣ (стсл. *матерн), по типу основъ на ā-; Р. II. мѣтерію (стсл. *матероу), дѣерію (1 Цств. XIV. 49, Остр. и Первоп. дѣерію), вмѣсто предполагаемой стсл. формы *матероу, по типу основъ на i-; Д. мѣтерема и Тв. мѣтерьма съ обычной у Смотрицкаго дифференціаціей одного окончанія на два; въ основѣ второй могла лежать старосл. предполагаемая форма *матерьма, совпадающая и съ соответствующей формой бывшихъ основъ на i- У Зизанія И. В. Зв. мѣтерѣ, Р. мѣтерію, Д. Т. мѣтерема (л. 38); дѣерѣ, дѣерію, дѣерема (л. 39).

Множественное число. И. В. Зв. мѣтери (Смотрицкій л. 121 на обор.), дѣери (Быт. XXVII. 8, Остр. дѣери; Суд. III. 6.

Іезек. XIV. 16, Остр. дцѣри): стсл. матерн. У Зизанія мѣтери (л. 38), но дцѣрѣ (л. 39).

Родительный падежъ только по типу основъ на і-: мѣтерей (Плачъ Іер. II. 12. Остр. и Первоп. родит. ед. мѣре), матерей и мѣтерій (Смотрицкій; л. 121 на обор.), дцѣрей (Л. I. 5, Суд. I. 27, Іезек. XIV. 18): стсл. матеръ. (Въ Острожской библии еще дцѣръ—Іезек. XIV. 18, но дцѣрин Л. I. 5. Въ Первопеч. дцѣрій Л. I. 5 и дцѣрей Іезек. XIV. 18). У Зизанія мѣтерѣ (sic) и мѣтерій (л. 38), но дцѣрей (л. 39).

Дательный мѣтеремъ (Плачъ Іерем. II. 12, Остр. мѣремъ, Первоп. мѣремъ, у Смотрицкаго матеремъ съ акцентуаціей, подобной русской: л. 121, на обор.), дцѣремъ (Исх. II. 20, Остр. и Первоп. такъ же) отвѣчаетъ старосл. формъ матерымъ. У Зизанія мѣремъ (л. 38), но дцѣрѣ по типу бывшихъ основъ на а- и дцѣрѣ (л. 39).

Творительный мѣтерями (Смотрицкій л. 122) также отвѣчаетъ стслав. формъ. У Зизанія мѣтерми (л. 38), но дцѣрми рядомъ съ дцѣрми (л. 39): стсл. матерми.

Предложный мѣтерехъ (Смотрицкій л. 122), дцѣрехъ (1. Цств. XXX. 6, Остр. и Первоп. другой текстъ) также восходитъ къ стсл. формъ (матерхъ). У Зизанія мѣтерѣхъ по типу основъ на а- (л. 38), дцѣрѣхъ (л. 39).

§ 9. Склоненіе основъ на es-сохранило въ большинствѣ падежей свой старославянскій видъ. Рядомъ довольно часты различныя образованія вторичнаго происхожденія, объясняющіяся морфологической ассимиляціей, прежде всего къ первичнымъ основамъ ср. р. на о-, а также и къ нервичнымъ основамъ на а-.

Единственное число. Именит. падежъ; правильныя формы: тѣло (I. XX. 12), коло (Пс. LXXXII. 14, Остр. коло, Іезек. X. 9. 10, Остр. кóло). Рядомъ встрѣчаются образованія отъ основы косвенныхъ падежей: колесò (Экклес. XI. 6. Въ Острожской и Первопечатной библияхъ еще кóло). У Смотрицкаго (л. 116 на обор.) приводятся также формы нечесò, чюдесò, тѣлесò, оудесò, òчесò, оушесò, дресесò и т. д., построенныя имъ чисто теоре-

тически, но съ оговоркой, что въ И. В. З. вмѣсто нихъ употребляются формы: нѣбо, чюдо и т. д.: стсл. небо.

Родительный п.; правильныя формы: тѣлесѣ (М. XXVII. 58. Остр. тѣлесе), небесѣ (М. XXIV. 29, XXI. 25, Остр. нѣсе). словесѣ (М. XXII. 46. V. 32, Остр. такъ-же), Ѡчесѣ (М. VII. 4. 5, Остр. Ѡчесе), оушесѣ (Исх. XXIX. 20, Остр. оушесн). колесѣ (Ис. XXIX. 5. Остр. винит. множ. по типу основъ муж. р. на о- или на и- колы). Рядомъ образованія по типу основъ ср. рода на о-: тѣла (Иоа. II. 21. Такъ уже въ Острожской и Первопечатной библіяхъ), оуѣа (Іерем. XXXIV. 14. Такъ въ Остр. и Первоп.). У Л. Зизанія рядомъ нѣба и небесе (л. 29 на обор.): стсл. небесе.

Дательный п. правильно: словесн (Пс. CV. 12, 24, Остр. словеси, словесн), небесн (Дѣян. III. 21, Остр. нѣсн). У Л. Зизанія нѣбѣ, по типу бывшихъ основъ на о-(л. 29 на обор.), а рядомъ нѣси и нѣѣ (предл. вм. дат.): стсл. небеси.

Винительный п.: тѣло (М. XXVII. 58).

Творительный „правильно“: небесѣмъ (М. XXIII. 22, стсл. небесѣмь); рядомъ по типу бывшихъ основъ на о-: слѣвомъ (М. XXII. 15. Такъ уже въ Остр. и Первоп. библіяхъ), Ѡкомъ (М. XVIII. 9. Остр. и Первоп. Ѡкомъ), нѣбомъ (М. V. 34, Остр. нѣбомъ, (Іак. V. 12, Остр. нѣомъ), дрѣвомъ (3 Цств. VI. 10, Остр. и Первоп. уже такъ-же), у Л. Зизанія нѣбомъ и небесѣмъ (л. 29 на обор.). Какъ видно изъ цитатъ, образованія по типу основъ на о- встрѣчаются уже въ Остр. б. тамъ же, гдѣ и въ Новой.

Предложный идетъ большею частію по типу основъ па i- вмѣсто стсл. на -е (небесе); тѣлесн (2 Петра I. 13, Остр. такъ-же), колесн (Пс. LXXVI. 19. Остр. иколеси, Первоп. какъ въ Новой, Іезек. X, Остр. иколеси, Первоп. какъ въ новой), небесн (М. XXVIII. 18, Остр. нѣси), Ѡчесн (Луки VI. 41, 42, Остр. Ѡчесн, Ѡчесн, Первоп. Ѡчесн); по типу бывшихъ основъ ср. р. на о-: во Ѡцѣ (Матѣ. III 3, 4, Остр. также Ѡцѣ, Ѡцѣ).

Двойственное число представляетъ очень скудное количество примѣровъ. И. В. З. образованы по типу основъ ж. р. на а-: двѣ Ѡцѣ

(винит. п. М. XVIII. 9, Остр. и Первоп. ѡцѣ), по типу основъ на і-: Ѡчи (вин. п. Ис. I. 15, Остр. и Первоп. также ѡчи). У Смотрицкаго имѣется имъ построенная форма словеса (л. 116), тождественная съ им. множ. числа.

Соотвѣтствій старославянскимъ формамъ, какъ тѣлесѣ, не встрѣчается. Формы, попадающіяся въ Остр. и Первоп., какъ ѡбѣ ѡстѣсѣ (Исх. XXIX. 13, Лев. IX. 10. ѡстѣси) въ Новой библіи замѣнены другими: Ѡбѣ почки. У Л. Зизанія вм. И. В. Зв. дв. ч. находимъ только форму им. множ. нѣсѣ (л. 29 на об.).

Родительный и предложный: во оушію (1 Цств. XV. 14, Остр. въ оушію, Первоп. воушію) по типу основъ на і-, Ѡчію (р. п. Тов. X. 5, Остр. и Первоп. очію). Только у Смотрицкаго (л. 116) находимъ форму, отвѣчающую старославянской: словесоѡ.

Дательный и творительный: Ѡчіма (твор. I. Цств. I. 18). оушіма (твор. М. XIII. 15) какъ въ старославянскомъ по типу основъ на і-. У Смотрицкаго находимъ дифференціацію (разумѣется, чисто теоретическую и произвольную): для дат. словесѣма, что можетъ отвѣчать старосл. словесѣма или также стсл. полѣма, для твор. же форму, образованную по типу основъ на ā—и въ библейскомъ текстѣ не встрѣчающуюся: словесѣма (л. 116). У Зизанія по типу основъ на о-: нѣсѣма (л. 29 на об.).

Множественное число; именительный и винительный п.; правильныя формы: дрѣвесѣ (Иезек. XXXI. 9, 14, Остр. такъ же, но дрѣва ibid. 15, Нов. дрѣвесѣ), тѣлесѣ (М. XXVII. 52), колѣса (Пез. X. 9, 12, 16, 19; Остр. колѣса, колесѣ, колеса, Первоп. колесѣ, колѣса), словеса (М. XXVI. 1), чѡдеса (М. XXIV. 24), оушеса (1 Цар. III. 17), Ѡчесѣ (Мр. XIV. 40): стсл. тѣлеса. Рядомъ формы, образованныя по типу основъ ср. р. на о- и встрѣчающіяся уже въ Остр. библіи, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой: дрѣвѣ (Исх. IX. 25, Остр. и Первоп. ед. число дрѣво, Ис. XIV. 8, Остр. друг. текстъ, Суд. IX. 8; Остр. дрѣва, Первоп. какъ въ Новой). У Зизанія нѣа и нѣсѣ (л. 30); по типу основъ муж. р. на о-: оушы (1 Цств. XI. 4), гдѣ морфологическая ассимиляція сказывается только въ написаніи съ ы- (въ Острожской и Первопечатной библіяхъ находимъ здѣсь обычное написаніе оуши, по

типу И. В. Зв. дв. ч. основъ на i-). Встрѣчаются и собира-
тельные формы: дрѣніе (Мр. VІІІ. 24. Такъ уже въ Остр. 6.).

Родительный падежъ правильно: словѣсѣ (М. X. 14), колѣсѣ
(Іез. X. 2, 6, 9, 12, Остр. колесѣ, кóлесѣ, колѣсѣ, Первоп. ко-
лѣсѣ), небѣсѣ (М. XXIV. 31), тѣлѣсѣ (Апок. XVІІІ. 13), дрѣвѣсѣ
(Апок. VII. 3), оушѣсѣ (Исх. XXIX. 20). У Зизанія по типу
основъ на о-: нѣѣ и правильно нѣсѣ (л. 30): стсл. тѣлѣсѣ.

Въ дательномъ падежѣ преобладаютъ формы правильныя: сло-
весѣмѣ (1 Тимоѣ. VI. 3, Остр. словесемѣ, Первоп. какъ въ Но-
вой, стсл. словесымѣ), ѡчесѣмѣ (1 Цств. II. 33, Остр. друг.
текстѣ), чѣдесѣмѣ (Дѣян. IV. 30, Остр. другой текстѣ). Ря-
домъ встрѣчаются формы, образованныя по типу основъ на ā-: ко-
лѣсамѣ (Іезек. X. 12, Остр. имен. мн.), а также и по типу
вторичныхъ формъ дат. множ. основъ ср. р. на о-, которыя въ
свою очередь обязаны своимъ происхожденіемъ морфологической
ассимиляціи къ основамъ на ā-,—древѣамѣ (Суд. IX. 15. Такъ
уже въ Острожской и Первопечатной библіяхъ). У Зизанія по
типу основъ на о- и на ā-: нѣсѣмѣ и нѣсамѣ (л. 30).

Творительный представляетъ старинную форму: словесѣ (Римл.
XVI. 18, Остр. такъ же). Рядомъ формы съ полной основой косвенныхъ
падежей, но съ окончаніемъ по типу основъ ж. р. на ā-: дрѣве-
самѣ (Іезек. XXXI. 18, Остр. р. мн. дрѣвесѣ), словесамѣ (Притчи
VI. 2. Въ Остр. и Первоп. оуствѣамѣ). Имѣются и образованія
по типу основъ ср. р. на о-: дрѣвы (3 Цств. IX. 11, Остр. такъ
же), кóлы (Острожская и Первопечатная библіи Ис. XXIX. 5,
въ Новой р. ед. колесѣ); а также образованія по типу основъ на
ā- отъ основы им. ед.: дрѣвѣамѣ (Суд. IX. 9, 11. Такъ уже въ
Остр. и Первоп., Іезек. XLI. 26, Остр. друг. текстѣ). У Зиза-
нія нѣсѣмѣ и нѣсамѣ (л. 30): стсл. тѣлѣсѣ.

Предложный падежъ; „правильное“ написаніе окончанія этого
падежа -сѣхъ, отвѣчающее старославянскому -хѣхъ (тѣлѣсѣхѣ), встрѣ-
чается только въ Острожской библіи: словесѣхъ (1. Макбав. IX.
37, л. IV. 22), но словесѣхъ Мр. X. 24, дрѣвесѣхъ Іез. XXXI.
18; въ Первопечатной и современныхъ находимъ графическую
ассимиляцію къ основамъ м. и ср. р. на о-: словесѣхъ (л. IV.

22), дрѣвѣсѣхъ (І. Нав. гл. X. 26), оушесѣхъ (Быт. XXXV. 4), чюдѣсѣхъ (Остр. чюдѣсѣхъ. 2 Коринѣ. XII. 12). У Смотрицкаго также словесѣхъ (л. 117 на обор.). Звуковое значеніе окончаній -ѣхъ и -хъ, конечно, совершенно уже одинаково въ печатномъ церковнославянскомъ. Рядомъ съ этими формами находимъ образованія по типу основъ ж. р. на а- отъ основы косвенныхъ падежей: оушесѣхъ (2. Цств. XVIII. 12. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ... во оуши...); сверхъ того имѣются образованія отъ основы им. пад. ед. ч. по типу основъ ср. р. на о-: дрѣвѣхъ (Суд. VI. 26. Такъ уже въ Остр. и Первоп., Іезек. XV. 6, Остр. дрѣвѣсѣхъ, Первоп. дрѣвѣсѣхъ), а также по типу основъ ж. р. на а-: дрѣвахъ (3 Цств. V. 8, Остр. другой текстъ) и дрѣвахъ (І. Нав. X. 26, Остр. другой текстъ). У Зизанія (вмѣсто дат.): нѣсѣхъ и нѣсѣхъ (л. 30).

§ 10. Приблизительно подобныя отношенія представляетъ склоненіе основъ на nt-, сохранившее многія старинныя формы.

Единственное число. Именит. и винит. п. Ѡтроча (М. II. 9. 11. XVIII. 4), съ а=стсл. а (такъ уже въ Острожской б.), Ѡсла, жребѣ (М. XXI. 2, Остр. Ѡсла, жребѣ, Первоп. Ѡсла, жребѣ), Ѡвча (М. XII. 11, Остр. Ѡвча, Первоп. Ѡвча): стсл. отроуа.

Родительный падежъ правильно: Ѡтрочате (М. II. 13, 20, Остр. Ѡтрочате), Ѡвчате (М. XII. 12, Остр. Ѡвчате), козлате (Л. XV. 29, Остр. козлате): стсл. отроуате.

Дательный падежъ правильно: Ѡтрочати (2 Цств. XII. 21): стсл. отроуати. У Зизанія также Ѡтрочатию, по типу бывшихъ основъ на jo-, (л. 29 на об.), рядомъ съ правильной формой.

Творительный также отвѣчаетъ старосл. формѣ: Ѡтрочатемъ (Быт. XXI. 20), съ а=стсл. а. Такое правописаніе уже въ Остр. б.: Ѡтрочатемъ. У Смотрицкаго Ѡтрочатемъ (л. 114 на обор.)=стсл. отроуатемъ. Окончаніе -емъ совпадаетъ и со стсл. окончаніемъ основъ на jo-: -емъ.

Предложный: Ѡтрочати (М. II. 8, Л. II. 17, Остр. Ѡтрочати) по типу основъ на i-: стсл. отроуате.

Двойственное число можетъ быть представлено только въ фор-

махъ, приведенныхъ у Смотрицкаго. И. В. Зв. у него образованъ по типу основъ м. р. на о-: ѿтрочѣта (л. 114 на обор.): стсл. отроуаты. Р. П. правильно: ѿтрочѣтъ: стсл. отроуатоу.

Дательный и творительный съ обычной у Смотрицкаго дифференціаціей; для перваго правильная форма ѿтрочѣтема (стсл. отроуатыма), которая въ церковнославянскомъ совпадаетъ также съ Д. Т. отъ основъ на јо- (какъ стсл. помѣма), а для втораго форма ѿтрочѣтама, образованная по типу основъ на ѧ-. Такія же формы находимъ у Зизанія (л. 29 на об.), за исключеніемъ дат. и творит. ѿтрочѣтома по типу основъ на о-.

Множественное число. Им. В. Зв. правильно: Ѿслѣта (1 Цств. IX. 5, Остр. ѡслѣта), у Смотрицкаго ѿтрочѣта (стсл. отроуата). Существительное дѣти идетъ по типу основъ на і-, какъ въ русскомъ: Им. дѣти (М. XVIII. 3), Вин. дѣти (Мр. X. 13); такъ уже въ Острожской библии (дѣти).

Родительный правильно: Ѿтрочѣтъ (Мр. IX. 37), телѣтъ (1 Цств. VI. 7): стсл. отроуаты. По типу основъ на і-: дѣтѣй (вмѣсто винит. п. Мр. X. 14, Остр. дѣтін; Первопеч. уже дѣтѣй).

Дательный правильно у Смотрицкаго (л. 114 на обор.): ѿтрочѣтемъ (стсл. отроуатымъ), каковая форма совпадаетъ также съ дат. мн. отъ основъ м. и ср. р. на јо-. Кромѣ того имѣются формы, образованныя по типу основъ ср. р. на о-: Ѿслѣтомъ (Суд. XIX. 19, 21. Такъ уже въ Остр. библии) и по типу основъ на і- или на јо-, какъ: дѣтемъ (Быт. XLV. 19. Такъ уже въ Остр. б.—дѣтемъ). У Зизанія ѿтрочѣтъ и ѿтрочѣта по типу основъ на о- и на ѧ- (л. 30).

Творительный п. у Смотрицкаго правильно: ѿтрочѣты (л. 114, стсл. отроуаты). У Зизанія ѿтрочѣты и ѿтрочѣтами по типу основъ на ѧ- (листъ 30).

Предложный падежъ представляетъ два окончанія: правильное —'ѡх, передаваемое въ цсл. графикѣ то -сѣхъ (стсл. -ѣхъ), то -ѣхъ (графическое уподобленіе къ основамъ на о-) и -ѧхъ (-аѣхъ), представляющее собой продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ѧ-: Ѿслѣтсѣхъ (1 Цств. X. 2), рядомъ съ Ѿслѣтѣхъ (1 Цств. IX. 20. Въ Острожской ѡслѣтсѣхъ, въ Первопечатной

уже ѿсла́тъхъ). У Смотрицаго: ѿтрочѣтъхъ (стсл. отроуа́тъхъ). Рядомъ по типу основъ на ѧ-: ѿсла́тахъ (Суд. V. 10. Такъ уже въ Остр. и Первопечатн. библияхъ). У Зизанія ѿтрочѣтахъ и ѿтрочѣтъхъ (л. 30).

§ 11. Основы на ѧ- сохранили только въ нѣкоторыхъ формахъ свое первичное склоненіе. Въ другихъ же замѣчается вліяніе основъ на і-.

Единственное число. Именительный п. въ большинствѣ случаевъ утратилъ первичную форму съ -ы (стсл. -ы) и представляетъ собой обыкновенно тождественное съ винит. ед. образование отъ основы косвенныхъ падежей по типу основъ на і-: ѣтровъ (Руѡ I. 15. Въ Остр. и Первоп. ѣтърь, — образование по типу основъ на і-), свекрѡвъ (Руѡ II. 18. Въ Остр. свѣкры, въ Первоп. свекры), крѡвъ (М. XXIII. 35. XXVII. 25. Такъ уже въ Остр. б.), любѡвъ (Экл. IX. 6. Такъ уже въ Остр.), смѡкъвъ (Пѣснь Пѣсн. II. 13; въ Остр. смѣшанная форма смѡкъвы=смѡкъвъ + смѡкы). Старинный именительный сохранился въ слѣдующихъ случаяхъ: любы (1 Кор. XIII. 4, М. XXIV. 12, Остр. такъ же), свекры (Л. XII. 53, Остр. такъ же въ противоположность вин. ед. свекрѡвъ—тамъ же), исплѡды (Л. I. 7, Остр. такъ же).

Родительный падежъ правильно: крѡве (стсл. крьве М. XXIII. 35), любѡве (стсл. любѣке Л. XI. 42. Острожск. и Первопечатн. б. Въ Новой б. любѡвъ вин. пад.), ѣтровѡе (Руѡ I. 15, Остр. такъ же), црѣкѡе (М. XXIV. 1, стсл. црькѣе). Въ Острожской и Первопечатной библияхъ встрѣчается также форма именит. ед. вмѣсто родит.: Остр. възслѣдъ свѣкры (Первоп. свекры) своѡ (Руѡ I. 14. Въ Новой друг. текстъ). Форма эта свидѣтельствуе́тъ о томъ, что именит. п. уже пересталъ чувствоваться таковымъ, такъ какъ въ языкѣ писавшаго былъ уже вытѣсненъ новообразованіемъ. Въ Острожской б. еще встрѣчается р. п. по типу основъ на і-: крѡви (3 Цств. XVIII. 28). Въ Первоп. и Новой уже исправлено крѡве.

Дательный правильно: црѣкви (1 Кор. I. 2, стсл. црькѣи), свекрѡви (Руѡ II. 18).

Винительный п.; правильныя формы: црѣковь (М. XXI. 23,

Остр. такъ же), кро́вь (М. XXVII. 4, Остр. кровъ, Первop. какъ въ Новой), свекро́вь (Л. XII. 53, Остр. такъ же), любóвь (2 Петр. I. 7. 1, Иоа. III. 1, Остр. такъ же), неплóдовъ (Ис. CXII. 9, Остр. р. ед. неплóдове, Первop. какъ въ Новой): стсл. црькъвъ, крьвъ и т. д. Форма именит. п. вмѣсто винит.: любви творити (Апок. II. 14, Остр. любви), что встрѣчается уже въ древнѣйшихъ стсл. памятникахъ.

Творительный п. правильно: цѣрковію (М. XXIII. 16), кро́вію (Римл. V. 9), свекро́вію (Руѣѣ II. 11), любóвію (1 Кор. XVI. 14): стсл. црькъвѣнж, крьвѣнж и т. д.

Предложный п. утратилъ древнюю форму (стсл. црькъвѣ) и пошелъ по типу основъ на i-: любви (1 Иоа. IV. 16. 18. Такъ уже въ Остр. б.), цѣркви (М. XXVI. 55. XXI. 14), въ кро́ви (М. XXIII. 30, Остр. крови, Первop. кро́ви, Иезек. XVI. 6, Остр. крови, Первop. кро́ви), рядомъ въ кро́ви (Иезек. XVI. 6, Остр. крови, Первop. кро́ви).

Множественное ч. Именительный п. правильно: смѡ́кви (Иер. XXIV. 3, 5, Иовъ II. 22, Остр. смѡ́кви, смокви, Первop. какъ въ Новой), цѣркви (Римл. XVI. 4, Остр. цѣрки): стсл. црькъвѣн.

Родительный п., по типу основъ на i-: смѡ́кви (Иер. XXIV. 1, Остр. смоквин, Первop. смѡ́кеин, Ис. XXXVIII. 21, Остр. смѡ́кин, Первop. какъ въ Новой), рядомъ: смѡ́квей (ibid. 2, Остр. винит. мн. смѡ́кви), кровѣй (2 Цств. XVI. 7, 8, Остр. ед. ч. кро́ви), цѣрквѣй (2 Кор. VIII. 19, Остр. р. ед. цѣрки). Чередованіе i и e объясняется вліяніемъ русскаго языка: стсл. црькъвъ.

Дательный п., какъ въ старославянскомъ, по типу основъ на a-: смѡ́квамъ (Иер. XXIV. 2, Остр. смѡ́квѣмъ по типу основъ на i-, Первop. какъ въ Новой), хорѣ́гвамъ (1 Цств. X. 19, Остр. хорѣ́гва); цѣрквамъ (2 Кор. VIII. 18, Остр. цѣква, Первop. цѣквам): стсл. црькъвамъ.

Винительный по типу основъ на a-: смѡ́квы (Осія II. 12, Остр. смоквиниѣ), смѡ́квы (Иер. XXIX. 17. Такъ уже въ Остр.: смѡ́квы, Первop. такъ же): стсл. црькъвѣн.

Творительный по типу основъ на i-: кровнѣ (Апок. XVII. 6, Остр. и Первop. кро́ви, Осія IV. 2, Остр. кро́ми, Первop.

крѡвѣми), кровѣми (Пс. CV. 38, Остр. крѡвѣми, Первоп. какъ въ Новой), бровѣми (Ис. Сир. XXVI. 11, Остр. дв. ч. бровѣма, Первоп. брѡвѣма); стсл. црѣкѣвѣми.

Предложный, какъ въ старославянскомъ, по типу основъ на а-: любѣахъ (Посл. Іуд. I. 12, Остр. любѣа), цѣрквахъ (Пс. XXV. 12, Остр. и Первоп. цѣрквахъ): стсл. црѣкѣвахъ.

§ 12. Основы муж. р. на и- въ большинствѣ падежей пошли по типу болѣе многочисленныхъ основъ на о-. Въ свою очередь, нѣкоторыя ихъ падежныя формы въ силу своего звуковаго богатства и характерности послужили источникомъ новообразований. Окончанія дат. ед. -ови, им. множ. -оѣ и род. -оѣ (во всѣхъ этихъ случаяхъ -оѣ принадлежитъ основѣ и отъ нея абсорбировано окончаніями, такъ что уже не чувствуется частью основы) перешли къ различнымъ другимъ основамъ, которымъ первично никогда не были свойственны.

Единственное число. Именительный п.: Снъ (Л. I. 32 и т. д.) совпадаетъ съ имен. п. ед. ч. основъ на о-: стсл. сынъ.

Родительный п. по типу бывшихъ основъ на о-: сына (М. XXI. 37, XXIV. 30, Остр. сѣа, М. Смотрицкій, л. 113. Въмѣсто винит. ед. ч. М. XXI. 5, Остр. сѣа, XXIV. 30 и т. д.), дѡма (I. XI. 20, Остр. такъ же), что встрѣчается, какъ видно изъ цитатъ, уже въ Остр. библии. Рядомъ имѣются и старыя, правильныя формы: дѡмъ (М. XXIV. 43, Мр. XIII. 35, Евр. XI. 7, Остр. такъ же. М. Смотрицкій л. 118 только дѡмъ), полъ (Л. II. 23, Остр. такъ же), дѣхъ (2 Кор. III. 6, Остр. такъ же), верхъ (Л. IV. 29, Остр. врѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), но верха (Іоа. II. 7, Остр. такъ же): стсл. сыноу, домоу.

Дательный падежъ по типу основъ на о-: сынъ (М. XXI. 15, Остр. сѣу, Ис. Сир. XXX. 7, Остр. испорч. текстъ), дѡмъ (Л. XIX. 9, Остр. такъ же, Цств. II. 28, Остр. домоу); старая форма: сѡви (I. V. 22, Остр. такъ же), дѡмови (М. Смотри. л. 118, гдѣ имѣется также и дѡмъ): стсл. сынови.

Винительный, какъ у бывшихъ основъ на о-, у именъ одушевленныхъ замѣняется формой родительнаго падежа (явленіе синтаксическое): сына (М. XXIV. 30, XVI. 28, XXI. 5, Остр. сѣа. Быт. XIX.

37. 38, Остр. сѣз, Первоп. сѣа, I. Сир. XXI. 1, Остр. сѣа, 2. сѣз, Первоп. сѣа, 3. О. сѣз, Перв. сѣа, 13. О. сѣз, Перв. сѣа. М. Смотрицкій 113, только эта одна форма), волà (Дан. V. 21, Остр. такъ же), но у неодушевленныхъ: дѡмъ (Л. X. 38, Остр. домъ. М. Смотрицкій, л. 118). Последняя форма одинаково можетъ быть винит. п. отъ основъ на и- и отъ основъ на о-: стел. сынъ.

Какъ видно изъ цитатъ, старинный винит. п. ед. ч., тождественный съ имен., лучше сохраняется въ Остр. библіи, хотя и тамъ уже встрѣчается форма род. п. Въ Первопечатной на мѣстѣ старинныхъ формъ вин. п., находимъ уже родит. ед. ч.

Звательный по типу основъ м. р. на о-: сынѣ (М. XX. 30. 31, Остр. сѣе. М. Смотрицкій, л. 113), дѡмѣ (Дѣянія VII. 42, Остр. такъ же. М. Смотрицкій, л. 118); стел. сыноу и т. д.

Творительный п. одинаково можетъ отвѣчать исконной формѣ или представлять собой образованіе по типу основъ на о-: сынѡмъ (2 Цств. XVI. 19, М. Смотрицкій, л. 113, стел. сынѡмъ), дѡмомъ (М. XXIV. 45. М. Смотрицкій, л. 118), дѡмѡмъ (М. III. 11).

Предложный п. по типу основъ на о-: сынѣ (Евр. I. 2, Остр. сѣѣ, М. Смотрицкій, л. 113), дѡмѣ (1 Цств. III. 13. Такъ же въ Остр. б.), на версѣ (1 Цств. XXVI. 13, Остр. такъ же), но правильно—домѣ (М. XXVI. 6, XXIV. 17, Остр. домѣ, IX. 10, Остр. домѣ, М. Смотрицкій, л. 118), верхѣ (нарѣчіе М. II. 9, Остр. врзхѣ), воздѣхѣ (Притчи XXX. 19, Остр. воздѣхѣ), чинѣ (1 Кор. XV. 23, Остр. чинѣ): стел. сыноу, домоу.

Двойственное число. И. В. З. Большая часть случаевъ по типу основъ на о-: два сына (М. XXI. 28. 1, Макк. XIII. 16, Остр. два сѣа), ѡба сына (М. XX. 21, Остр. сѣа), два вола (3 Цств. XVIII. 23, Остр. ѡнца), у М. Смотрицкаго только дѡма (л. 118), сѣа (л. 113). Рядомъ встрѣчаются изрѣдка старыя формы: в. п. два сыны (Быт. XLVIII. 1. 13, Остр. ѡба сѣа, 1 Макк. XVI. 2, Остр. множ. ч. двѣ сѣовъ), два дѡмы (3 Цств. IX. 10, Остр. двѣ домѣ, Первоп. двѣ домѣ); ѡба полы (Езек. XLVII. 12, Остр. ѡба полы). Въ данныхъ случаяхъ эти винит. надежи могутъ быть просто формами вин. множ., употребленными вмѣсто вин. двойств. ч.: стел. сыны, домѣ.

Р. П., судя по формамъ, приведеннымъ у Смотрицкаго (л. 113, 118): сынѣ, дѣла (стел. сыновою) пошелъ по типу основъ м. р. на о-. Въ исправленной, Новой библии, вмѣсто р. дв., встрѣчаемъ форму р. ии.: ѡбѡиъ сынѡвъ (Руѡ I. 5) — въ Острожской б. по ѡбѡу сѣѣ.

Дательный и творительный идутъ по типу основъ м. р. на о-: дѣла сынѡма (Руѡ I. 2, такъ же и въ Остр. б.), рядомъ сынѡма (М. XX. 20, Остр. такъ же) съ удареніемъ на окончаніи: стел. сынѡма. Старинный Д. Тв. дв. сохранился въ нарѣчій поамѣ (Дан. XIII. 59, Остр. поамѣ, Первоп. поамѣ, стел. поамѣ). У Смотрицкаго обычная педантичная дифференціація: дат. сынѡма (л. 113), дѡмома (л. 118) и твор. по типу основъ на а-: сынѡма, дѡмама (ibid.).

Множественное число. Именит. п. представляетъ разнообразіе формъ: правильныя формы—сынѡве (М. V. 9, XVII. 26, Остр. сѡве), дѡмѡве (2 Цств. II. 3, Остр. домѡве), волѡве (Быт. XXX. 43, Остр. вѡлѡве): стел. сынѡве, домѡве. У Смотрицкаго находимъ форму дѡми (л. 118 на обор.), образованную по типу ии. ии. основъ и. р. на о- (см. также Числ. XXIV. 5, Остр. еще дѡмѡве, Первоп. дѡмѡве). Встрѣчается также и винит. п. вмѣсто именит.: дѡмы (Перем. VI. 12, Остр. домѣ, Первоп. дѡмѣ), сыны (М. Смотр., л. 113 на обор.).

Родительный правильно: сынѡвъ (М. XVII. 25, XXVII. 9), волѡвъ (3 Цств. XIX. 19. 21), домѡвъ (Мр. X. 30). У Смотрицкаго приводятся формы, образованныя по типу основъ на о-: сынѣ (л. 113 на обор.), дѡмѣ (л. 118 на обор.), въ новомъ библейскомъ текстѣ однако не встрѣчающіяся: стел. сынѡвъ.

Дательный падежъ какъ у основъ на о-: сынѡмѣ (Суд. III. 6, Мр. III. 28, Остр. сѡмѣ, М. Смотр. л. 113 на обор.), дѡмѡмѣ (Дѣянія II. 46, Остр. предлож. домохѣ, Первоп. домѡхѣ, XX. 20, Остр. домѡ, Первоп. домѡмѣ, М. Смотр. л. 118 на обор.): стел. сынѡмѣ вмѣсто ожидаемаго *сынѡмѣ. Рядомъ съ этими формами идутъ образованныя отъ сильной основы косвенныхъ падежей: сынѡмѡмѣ (2 Парал. XIII. 5, Пс. LXXXII. 9. Такъ и въ Остр. б. сѡмѡмѣ, М. Смотр. л. 113 на об. Евр.

ХП. 7, Остр. сѣо), дѣховѣмъ (Л. IV. 36, Остр. дѣховѣмъ, Первоп. какъ въ Новой, Мр. I. 27, Остр. дѣховѣмъ, Первоп. какъ въ Новой, 1 Кор. XII. 10, Остр. дѣховѣмъ, Первоп. дѣховѣмъ), домѣмъ (Дѣянїя IV. 34, Остр. домоуѣмъ, Первоп. какъ въ Новой. М. Смотр. только домѣмъ).

Винительный п. правильно: сыны (Перем. XXIX. 6, Быт. V. 4. 3 Ездры I. 28, Ис. XLIX. 22, Остр. сѣны, М. Смотр. л. 113 на об.), дѣмы (Ис. Сир. XLIX. 15, Остр. другой текстъ, 1 Тимоѣ. III. 12, Остр. такъ же, М. Смотрица. л. 118 на об.). Формы эти совпадаютъ съ винит. падежемъ основъ м. р. на о-, что увеличиваетъ сходство склоненїя этихъ двухъ основъ. М. Смотрицкїй приводитъ еще не встрѣчающуюся въ библіи (исправленной) форму: сыновы, но только отъ одной этой основы. Въ основѣ ея лежитъ сильная форма темъ; окончанїе -ы одинаково можетъ принадлежать основамъ на о- и основамъ на и-: стсл. сыны.

Творительный представляетъ обилїе формъ. Формы, отвѣчающїя первичному старославянскому твор. мн., рѣдки: сынми (стсл. сынѣми): Ис. Нав. III. 7, Быт. XXXVII. 2, Дѣянїя IX. 15 (стсл. сынѣми), въ Остр. библіи сѣми и сѣми. Рядомъ имѣются формы по типу основъ м. р. на о-: сыны (I. Нав. V. 1. Такъ въ Остр. и Первопеч. б.; М. Смотр. л. 113 на об.); по типу основъ на а-: сынѣми (2 Цств. XII. 3. Въ Остр. и Первоп. сѣмѣ, сѣмѣ — ед. ч. 3 Цств. VIII. 9. Въ Остр. и Первоп. древняя форма сѣми. М. Смотр. л. 113 на об.), домѣми (М. Смотр. л. 118 на обор.).

Предложный падежъ представляетъ собой образованїе по типу основъ на о-: верѣхъ (Осіа. IV. 13, Остр. другой текстъ), сынѣхъ (Ефес. II. 2, Остр. сынохъ, Первоп. сынѣхъ = стсл. сынѣхъ; 1 Цств. IX. 2, XIV. 47, Остр. сѣхъ, Пс. LXXXVIII. 7, Остр. сѣхъ, Первоп. уже сѣхъ). У М. Смотрицкаго сѣхъ, т.е. сынѣхъ съ другимъ ударенїемъ. Также: домѣхъ (М. XI. 8. Въ Остр. еще домохъ = стсл. домѣхъ. Ис. XIII. 22, Остр. домѣхъ, Первоп. домѣхъ. Быт. XXXIV. 29. Дѣянїя V. 42; въ Остр. и Первопеч. также домѣхъ и домѣхъ); у М. Смотр. другое ударенїе — домѣхъ (л. 118 на обр.). Образованїя по типу основъ на

о- въ Острожской б., какъ видно изъ примѣровъ, рѣже, чѣмъ въ Первопечатной и въ Новой. Эта послѣдняя въ свою очередь совсѣмъ не имѣетъ старинныхъ формъ на -оуъ=стел. -ъхъ. У Смотрицкаго приводится также не встрѣчающаяся въ исправлен. библии форма сыновѣхъ, въ основѣ которой лежитъ сильная тема (л. 113 на обор.).

§ 13. Основы на ā- и jā-. Лучше сохранили свое склоненіе бывшія основы на ā-, если не считать обычныхъ фонетическихъ измѣненій (ж=ѣ, ѣж=ю, ы послѣ заднеязычныхъ=и) и нѣкоторыхъ единичныхъ продуктовъ морфологической ассимиляціи. Им., род., вин., зват. и твор. единств. числа ничѣмъ не разнятся отъ старославянскихъ формъ въ морфологическомъ отношеніи. Уклоненія, вызванныя морфологической ассимиляціей въ основѣ перечисленныхъ падежей, сказываются у основъ съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ въ дательномъ и предложномъ единственного числа возстановленіемъ этого согласнаго. Въ этомъ отношеніи церковнославянское склоненіе бывшихъ основъ на ā- совпадаетъ съ русскимъ, что объясняется вліяніемъ русскаго языка. Отношенія ударенія часто своеобразны въ сравненіи съ русскимъ.

Единств. число. Именительный п.: слáva (Л. II. 9), ногà (Пс. XXV. 12), рѣкà (Пс. XXXI. 4. М. Смотр. л. 97), влáга (М. Смотр. л. 96 на обор.).

Родительный: жéрты (Пс. XXXIX. 7.), главы́ (ibid. 13), рѣкѣ́ (Пс. XXXVIII. 11.), рѣкѣ́ (Дан. XII. 5), влáги (М. Смотрицкѣй, л. 96 на об.) и т. д. У Зизанія дѣвы и рѣкѣ́ (л. 31, 32): стел. главы, рѣкы, влaгы.

Дательный: женѣ́ (Руѣв. IV. 11), рѣцѣ́ (М. Смотр. л. 97), влáзѣ́ (ibid. л. 96 на об.) по снохѣ́ (Руѣв. II. 22. Такъ уже въ Остр. и Первопеч. б.): стел. снѣсъ.

Винительный: сѣлѣ́ (Юдиѣв. II. 22), нóгѣ́ (Эккл. IV. 17), рѣкѣ́ (Пс. LXXIII. 11. М. Смотр. л. 97: роу́кѣ́), влáгѣ́ (М. Смотр. л. 96 на об.): стел. снaж и т. д.

Звательный: жéно (М. XV. 28. Л. XXII. 57), рѣкò (М. Смотр. л. 97). Рядомъ встрѣчаются формы именит. п., какъ въ русскомъ: сатанà (Л. IV. 8. Такъ уже въ Острожской б.); стел. жено и т. д.

Творительный: женою (Эккл. IX. 9), влагою (М. См. л. 96 на об.), рѣкою (ibid. л. 97): стсл. ржкож, женож и т. д.

Предложный: злѣѣ (Эккл. VII. 16), рѣѣ (ibid. V. 13. 14. М. Смотр. 1. с.), влѣѣ (М. См. 1. с.) и рядомъ во влѣѣ (Перем. XVII. 8. Въ Остр. и Первop. мокротѣ), на дскѣ (Ис. XXX. 8. Въ Остр. и Первop. вѣдскѣ, во дскѣ. Авваб. II. 2. Въ Остр. и Первop. во дскѣ): стсл. ржѣѣ.

Двойственное число. И. В. Зв. рѣѣ (Эккл. II. 11. М. Смотр. 1. с. роуѣѣ), ланѣѣ мой (Ис. L. 6), сестрѣ (Иоан. XI. 3), нѣѣ краснѣ (!) (Ис. Сир. XXVI. 23, Остр. такъ же): стсл. ржѣѣ.

Рядомъ встрѣчаются и формы и. множ.: ѣѣ снохѣ (Руѣ. I. 6. 7. Такъ уже въ Остр. б.), ѣѣ странѣ (Лезек. XXXV. 10: ѣѣ ѣзыка ѣ ѣѣ странѣ мой вѣдѣѣ. Въ Остр. ѣѣ странѣ ѣ ѣѣ землѣ мой вѣдѣѣ, Первop. странѣ, землѣ); винит. дв. нѣѣ (Пс. CIV. 18, Остр. нѣѣ, Первop. какъ въ Новой, Иерем. XIV. 10, Остр. нѣѣ, Первop. нѣѣ) и рядомъ совершенно невозможная форма им. мн. нѣѣ твоѣ текѣѣ (Перем. XII. 5. Въ Остр. и Первopеч. б. это мѣсто имѣетъ совсѣмъ другой текстъ), въ основѣ которой лежитъ очевидно форма И. В. З. двойств., видоизмѣненная по тину имен. множ. цслав. основѣ, соответствующихъ первичнымъ на jā- (землѣ—въ свою очередь продуктъ морфологической ассимиляціи), на i- и б. м. основѣ м. р. на o-. У Зизанѣя находимъ невозможную форму на -а: лѣѣ, дѣѣ, тожественную съ им. ед. бывшихъ основѣ на ā- и вызванную, вѣроятно, влѣѣнемъ им. дв. основѣ на o-.

Родит. и предл. п. правильно: рѣѣ (Пс. XXX. 16, М. Смотр. роуѣѣ, 1. с.), нѣѣ (Пс. XCVIII. 5): стсл. ржкоѣ.

Дат. и твор. правильно: дѣѣмѣ стѣѣмѣ (Иерем. LII. 7, Ис. XXII. 11. твор.), рѣѣмѣ (М. XV. 20. твор.), нѣѣмѣ (Ис. XXIII. 3), снохѣмѣ (Руѣ. I. 8. дат.). У Смотрицкаго рѣѣмѣ (л. 97).

Рядомъ въ новой библіи встрѣчается форма твор., образованная по типу бывшихъ основѣ на o-: вѣѣдома, (Притчи VI. 4. Въ Остр. и Первop. вѣѣкома). Ниже твор. множ. вѣѣдами (ibid. 25. Въ Остр. ѣѣ вѣѣ), ланѣѣтома (Иоа. XIX. 3, Остр. ланѣѣтома; I.

Сир. XXXV. 15. Остр. ланітама, Первоп. какъ въ Новой): стсл. рѣкма, стѣнма.

Множественное число. Именительный правильно съ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго: воды (Іерем. LI. 16. Въ Остр. и Первоп. вѣды, вѣды), жены (Іерем. XVIII. 21. Въ Остр. б. жѣны; въ Первоп. жѣны; Іерем. VI. 12, Остр. жѣны, въ Первоп. жѣны), вдовы (Плачь Іерем. гл. V. 3. Такъ и въ Первопеч., Остр. безъ ударенія), но воды, горы (Пс XLV. 4). Послѣ заднеязычныхъ -и вмѣсто -ы: рѣки (Ис. I. 15, Остр. такъ же), роуки (М. Смотр. л. 97), снохи (Руѣ I. 6. 7, Остр. снѣхи, снѣѣ, Первоп. снѣхи), слѣги (Іоа.. XVIII. 18, Остр. и Первоп. еще слѣги): стсл. рѣкы. У Зизанія вмѣсто им. мн. находимъ форму И. В. Зв. дв.—рѣѣѣ (л. 32).

Родительный не представляетъ никакихъ особенностей: рѣкы (Эвкл. V. 5. М. Смотр. роуки л. 97); стсл. рѣкы.

Дательный правильно: женѣмъ (Ис. Сир. XLVII. 22. Такъ и въ Остр. и въ Первоп.), ногѣмъ (Пс. XXXVII. 17), горѣмъ (Ис. XXII. 5) и т. д. М. Смотр. роукама (л. 97), дѣвама (л. 94 на об.): стсл. женѣмъ и т. д.

Винительный: главы (Посл. Іерем. 8), рѣны (Ис. Сир. XXI. 1), страны (Ис. X. 9. Такъ и въ Остр.); послѣ заднеязычныхъ -и вмѣсто -ы: рѣки (Пс. XL. 3. Остр. рѣкы, Первоп. какъ въ Новой, Осія VII. 5, Остр. такъ же), нѣги (Дан. VIII. 18, Остр. и Первоп. предл. дв. ч. нѣги): стсл. главы, рѣкы и т. д.

Творительный, безъ всякихъ отличій: ногѣми (Дан. VII. 7. Въ Остр. и Первоп. ногѣма); М. Смотр.: дѣвами (л. 94 на обор.), рѣкама (л. 97 на обор.): стсл. рѣкма.

Предложный, рядомъ съ правильными формами, какъ: рѣкама (Пс. XXX. 9), влагама (М. Смотр. л. 96 на обор.) и т. д., представляетъ изрѣдка и образованія по типу основъ м. р. на о-: слѣѣма (Іезек. VI. 9. Въ Остр. и Первоп. ед. ч. слѣѣ), ланіѣма (Плачь Іер. I. 2. Остр. и Первоп. дв. ч. ланіѣ), пѣргѣма (гр. πύργος: Іезек. XXVII. 11. Остр. всѣма; Первоп. въ текстѣ всѣма, на полѣ вѣпѣргѣ; 1. Макк. V. 5. Остр. въ пѣргѣма, Первоп. въ пѣргѣма; 2. Макк. X. 20. Остр. въ столѣма, Первопеч. въ

столпѣхъ. Въ Остр. и Перв. б. пѣргъ мужеск. рода: двѣ пѣрги, въ новой двѣ пѣрги: 2 Макк. X. 18). Уподобленіе здѣсь основывается скорѣе на недоразумѣніяхъ, иногда, можетъ быть, и случайнаго характера, какъ наприѣръ злѣбѣхъ, у формы пѣргѣхъ оно только кажущееся, такъ какъ первично основа эта муж. рода. Форма Острожской б. пѣргѣхъ представляетъ графическое уподобленіе къ основамъ на і-. Форма пѣргѣхъ вмѣсто ожидаемой *пѣрѣхъ замѣчательна еще возстановленіемъ первичнаго г подѣ влияніемъ основъ такихъ падежей, гдѣ г оставалось въ силу фонетическихъ условій (морфологическая ассимиляція).

Основы на ја- сохранились хуже и въ извѣстныхъ падежахъ подверглись уподобляющему влиянію основъ на а-, а также и основъ на і-.

Тѣ изъ основъ, послѣдній согласный которыхъ утратилъ палатальность, особенно легко подпали влиянію основъ на а- и почти совпали съ ними.

Единственное число. Именительный не представляетъ никакихъ особенностей: зѣмла (Варуха II. 15), тысаща (1 Макк. XIV. 24), аѣша (М. XXVI. 38), двѣща (Мр. VI. 28), ѡаѣжда (Дан. VII. 9).

Родительный, вмѣсто того, чтобы оканчиваться на -'а (-ja) = стсл. а (ѣ), имѣетъ своимъ окончаніемъ послѣ палатальныхъ согласныхъ -і (и), послѣ утратившихъ палатальность согласныхъ (ц, главнымъ образомъ) -у (ы), что объясняется уподобленіемъ къ основамъ на а-, у которыхъ р. п. ед. ч. оканчивался на -ы: зѣмли (4. Цств. XV. 5. Въ Остр. еще зѣмла, но зѣмли: Іов. XII. 17. 19, въ Первопеч. уже зѣмли), тысащи (Іов. IX. 3, Остр. другой текстъ), пищи (Прем. Сол. XIX. 20. Остр. пища, Первоп. -и), кѣщи (Суд. IV. 20. Остр. -а, Первоп. -и), аѣши (Іов. X. 1. XXI. 25. Остр. дѣа), кѣжи (Іов. XL. 26), мышцы (Пс. LXXVIII. 11. Остр. еще мышца, Первопеч. мышцы), лѣжницы (Юд. XIII. 3. Въ Остр. стихъ 1: лѣжница, Первопеч. лѣжницы), царѣцы (Эсѣ. VII. 6. Въ Остр. въ ст. 8. цѣцы), пшѣницы (Іов. XXXI. 40. Въ Остр. также пшеницы, но Пс. IV. 8 пшеница). У М. Смотр. мѣжи (л. 98), овци (л. 98 на об.), пѣнницы (л. 99 на обор.). У Зизанія, рядомъ со стар. формой пѣнница, имѣется и родит. на -ѣ (л. 32 на об.), но

только сѣдѣ (л. 33), юноши (Дѣянїя VII. 58. Въ Остр. еще юноша, Первop. юноши, М. Смотр. л. 99).

Какъ видно, Острожская библія еще представляетъ болѣе древнее окончаніе, которое уже въ Первопечатной замѣняется вторичнымъ, позднѣйшимъ.

Послѣ жд, которое въ церковнославянскомъ произношеніи утратило палатальность, встрѣчаемъ то -и, то -ы. Первое написаніе объясняется остатками старославянской орфографіи, требовавшей небнаго гласнаго послѣ жд, второе, встрѣчающееся уже въ Острожской б., вліяніемъ живаго произношенія: нѣжды (3 Ездры IV. 42 Евр. VII. 27. Въ Остр. и Первop. это мѣсто пропущено. Тов. IV. 9. Въ Остр. и Первop. другой текстъ), жады (Юд. VII. 22, Остр. и Первop. жадн), вражды (Притчи VI. 35, Остр. вражды, Перв. вражды), надѣжды (Ис. XXVIII. 4. Остр. надежа, Первop. надежди), но жадн (Ис. V. 13. XLII. 17, таѣ и въ Остр. и Перв.), надѣжди (Іов. II. 9. Въ Остр. и Первop. другой текстъ): стсл. зѣмла, дошн и т. д.

Дательный, рядомъ съ правильнымъ окончаніемъ -і (-и), встрѣчающимся старосл. -и, у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, имѣетъ и окончаніе -ѣ (-ѣ) = стсл. -ѣ, которое обязано своимъ происхожденіемъ уподобляющему вліянію основъ на ѣ-: вдовѣцѣ (Л. IV. 26. Остр. еще вдовици, но Юд. XIII. ѣтроковѣци, Первопеч. уже вдовѣцѣ), дѣснѣцѣ (Ис. XVI. 7. Остр. дѣсници, Первop. дѣснѣцѣ), дѣвѣцѣ (М. XIV. 11, Остр. дѣвици, Первop. дѣвѣцѣ), госпожѣ (2 Іоа. I. 1, Остр. и Первop. господѣни), ржѣ (Ис. LXXVII. 46. Такъ и въ Остр. и Первop.), но дѣшн (Ис. III. 3, XXXIV. 7. Такъ и въ Остр. и Первop.), стрѣжи (Юд. XIV. 2. Остр. и Первop. иной текстъ), надѣжди (Ис. XXVIII. 10, 13), у М. Смотр. ѣвѣцѣ (л. 98 на об.), пѣвѣцѣ (л. 100), но мрѣжн (л. 98), юноши (99), сѣдѣн (102 на об.) и т. д.: стсл. змин, зѣмлѣ, дошнѣ. У Зизанїя: пѣвѣци (л. 32 на об.), сѣдѣн (л. 33). У именъ собственныхъ съ основами на ѣ- встрѣчается изрѣдка д. п. по типу основъ на и-: ѣзекіевн (2 Пар. XXXII. 27. Остр. ѣзекіевн), Хелкіевн (ibid. XXXIV. 20. Остр. хелкіевн).

Винительный падежъ не представляетъ особенностей. Обобщеніемъ является -и или -и (-ѣ, -ю) съ предшествующимъ согласнымъ палатальнымъ или утратившимъ палатальность: зѣмлю (4 Цств. VІІІ. 6), змію (ibid. XVІІІ. 4), лжѣ (Іоа. VІІІ. 44), жажѣ (Пс. LХVІІІ. 22), дѣшѣ (Тов. XIV. 11): стел. дошѣж, землѣж, змнѣж. У М. Смотр. мрѣжю (л. 98), но ѡношѣ (л. 99), ѡвѣ (л. 98 на обор.) и т. д.

Звательный падежъ чаще имѣетъ правильное окончаніе -ѣ (-е) = стел. -е: царѣце (Эсѣ. V. 6), дѣше (3 Ездры. VІІІ. 4), ѡноше (Л. VІІ. 14), ѡстроковѣце (Л. VІІІ. 54), землѣ (М. II. 6) и т. д.: стел. землѣ, дошѣ, но надѣждо по типу основъ на а- (Акаѣ. Іисусу, икосѣ 5).

Творительный б. ч. отвѣчаетъ старославянскимъ формамъ: дѣшѣю (Тов. XIII. 6), вѣлѣю (Пс. LІІІ. 8). Даже въ основахъ съ сочетаніемъ жд-, которыя въ нѣкоторыхъ падежахъ подпали вліянію основъ на а-, имѣется также -ею, не -ѣю: ѡдѣждѣю (Суд. IV. 18. Такъ и въ Остр.), нѣждѣю (Дѣян. V. 26, Ис. XVII. 13. Въ Остр. русская форма нѣждѣю, въ Первоп. уже нѣждѣю), жажѣю (Суд. XV. 18. Такъ и въ Остр., и въ Первоп., Прем. Сол. XI. 9. 15. Остр. друг. текстъ), надѣждѣю (Суд. XVІІІ. 27, Ис. XXXII. 9, Остр. надѣждѣю, Іез. XXVІІІ. 26, Остр. надѣждѣю); изрѣдка встрѣчаются формы по типу основъ на а-: жаждаю (Юд. VII. 25. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ), ѡдѣждаю (Числ. IV. 13, Остр. ѡдѣждѣю, Первоп. ѡдѣждѣю, Пс. CVІІІ. 29, Остр. ѡдѣждѣю, Первоп. ѡдѣждѣю, Прем. I. Сир. XLV. 8. Остр. ѡдѣждѣю, Первоп. ѡдѣждѣю): стел. дошѣж, волѣж. У нѣкоторыхъ именъ собственныхъ, принадлежащихъ къ основамъ муж. р. на ја-, встрѣчается форма твор. ед., образованная по типу основъ м. р. на јо- (или на і-): Ісаѣемъ прѣрокомъ (М. III. 3. Въ Остр. также ісаѣемъ), Іереміемъ прорѣкомъ (М. II. 17. Остр. ѡереміемъ). Ассоціаціи, вызвавшія это уподобленіе, поддерживались и сосѣдними по контексту формами твор. падежа основъ м. р. на о-.

Предложный падежъ представляетъ два окончанія: одно правильное -і (-и) = стел. -и, другое, перешедшее, какъ и въ русскомъ, отъ основъ на а-, -ѣ (-ѣ) = стел. ѣ. Примѣры перваго: въ дѣшѣ

(Пс. XII. 3), на зємлѣ (Пс. XXVI. 13), въ вѣлѣ (Пс. XXIX. 6), во мрѣжи (2 Парал. IV. 13), стражи (Юд. XII. 5) и т. д.

Второе окончаніе имѣется главнымъ образомъ послѣ согласнаго ц: въ темниѣ (М. XXV. 39, 43. Остр. темници, Первоп. одинъ разъ темниѣ, другой ѣ темницы), въ кошницѣ (Дѣян. IX. 25, Остр. въ кошницы, Первоп. -ѣ), по оутрениѣ (Дѣян. V. 21, Остр. оутреници, Первоп. -ы), въ мышиѣ (Юд. IX. 7, Ис. Сир. XXI. 24. Въ Остр. и Первоп. другой переводъ), на ашиѣ (Юв. XIX. 24. Другой текстъ въ Остр. и Первоп.), въ лѣжницѣ (Юд. XIII. 4. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ), на мытницѣ (М. IX. 9, Остр. мытници, Первоп. -ѣ), въ скѣдѣлницѣ (Мр. XIV. 13. Остр. ѡскѣдѣлницѣ, Первоп. также -ѣ) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуется, что окончаніе -ѣ послѣ ц въ Острожской библіи встрѣчается очень рѣдко, преобладаетъ -и, рядомъ съ которымъ, также рѣдко, встрѣчается -ы. Разницы между -и и -ы послѣ ц въ произношеніи по всей вѣроятности не было, и -и объясняется традиціями старославянской орфографіи. Написанія съ -ы принадлежать къ одной категоріи съ написаніями въ родѣ предл. ед. ч. сєрдцы, лицѣ, им. мн. оученицы и т. д., обычными въ новой церковнославянской орфографіи. Окончаніе -ѣ, весьма рѣдкое въ Острожской б., въ Первопечатной уже вытѣсняется -ы (-и), а въ новой, исправленной библіи господствуетъ исключительно. У М. Смотр. встрѣчаемъ также -ѣ послѣ ц: ѡвиѣ (л. 98 на об.), піѣниѣ (л. 100), во мрѣжи (л. 98), ѡноши (л. 99 на об.) и т. д.

Послѣ жд въ новой, исправленной библіи встрѣчаемъ и -и, и -ѣ. Первое, „правильное“ окончаніе чаще, второе, заимствованное отъ основъ на ѣ-, рѣже: въ жѣжди (Пс. LXI. 5, 2 Кор. XI. 27. Такъ въ Остр. и Первоп.), въ нѣжди (Посл. Іерем. 36), во ѡдѣжди (Дѣян. I. 10, Л. VII. 25. Такъ въ Остр. и Первоп.), но: жѣждѣ (Ам. VIII. 13, Остр. друг. текстъ), надѣждѣ (Юв. VII. 6. Въ Остр. русская форма имен. надежа, Первоп. также им. надѣжда—церковнославянская), нѣждѣ (3 Макк. I. 14. Остр. и Первоп. нѣжди, 1. Цств. XXII. 2, Остр. и Первоп. другой текстъ), въ жѣждѣ (Плачъ Іер. IV. 4, Остр. другой текстъ, но

Юд. VII. 25, въ жѣждѣ). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что окончаніе -ѣ въ Острожской и Первопечатной почти не встрѣчается и свойственно главнымъ образомъ новому исправленному тексту.

Двойственное число насчитываетъ не много формъ въ текстѣ Библии. И. В. Зв. у М. Смотрицкаго идетъ по типу основъ на а-: мрѣжѣ (л. 98), ѡвцѣ (л. 99), пѣнницѣ (л. 100) у основъ ж. рода, но юноша (л. 99 на об.), сѣдѣ (л. 102), пѣнница (л. 100), по типу основъ на о-; рядомъ имѣются правильныя формы: лодіи (л. 102), сѣди (л. 102 на об.). Формы, могущія быть И. В. Зв. дв. и встрѣчаемыя въ текстѣ Библии, представляютъ собой правильныя продолженія старославянскихъ: вѣжди... ѡпытаетъ (Псал. X. 4. Такъ въ Остр. и Первоп.), двѣ дѣши (вин. дв. 3 Ездры VI. 49. Такъ и въ Остр.); иногда замѣчается графическое уподобленіе къ именит. вин. падежу множ. ч. основъ на а-: двѣ тыщцы (вин. дв. 1 Макк. XV. 26, 4. Цств. XVIII. 23, Первоп. тыщцы), но три тыщцы (им. дв. Дѣян. II. 42): стсл. землѣ доуши. Въ Острожской и Первопечатной б. встрѣчаются у основъ съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ и образованія по типу основъ на а-: двѣцѣ (Эсѣ. V. 1), ѡтроковницѣ (Первоп. Дан. XIII. 19, Остр. и Нов. -ы), въ Новой: двѣ ѡвцѣ (Ис. VII. 21). У Зизанія находимъ формы пѣница, сѣдѣ, тождественныя съ им. множ. пѣницѣ, сѣдѣ (л. 33).

Родит. и предложный въ парадигмахъ Смотрицкаго отвѣчаютъ старославянскимъ формамъ: мрѣжю (л. 98), ѡвцѣ (л. 99), юношѣ (л. 99 на об.), пѣницѣ (л. 100), лодію (л. 102), сѣдѣ (л. 102 на об.), хотя, разумѣется, формы эти построены составителемъ главнымъ образомъ теоретически: стслав. землю, доушоу.

То же надо сказать и о формахъ дательнаго и творительнаго: мрѣжамъ (л. 98 на об.), ѡвцѣмъ (л. 99), юношамъ (л. 99 на об.), пѣницѣмъ (л. 100), лодіѣмъ (л. 102.), сѣдѣмъ (л. 102 на об.) и т. д.: стсл. землямъ, доушамъ.

Въ Новой библии формы двойств. числа обыкновенно замѣняются уже формами множ.: съ двѣмѣ ѡтроковницами (Дан. XIII. 15, Остр. и Первоп. -ма), дат. ѡтроковницамъ (ibid. 17, Остр. и Первоп.

-ма); форма мрѣжема (З Цств. VII. 42. Такъ уже въ Остр.) образована по типу основъ на i- (стсл. костьм). По типу основъ на o-: твор. вѣждама (Притчи VI. 4. XXX. 13, Остр. вѣкома, Первоп. вѣкома). У Зизанія по типу основъ на i- или на jo-: пѣнищема, сѣдіема (л. 33).

Множественное число: именительный падежъ, какъ въ русскомъ, подпалъ уподобляющему вліянію основъ на ā-. Въмѣсто окончанія -'а (а съ предшествующимъ палатальнымъ или нѣкогда палатальнымъ согласнымъ), отвѣчающаго старосл. а въ зѣмля, доуша, является окончаніе -і (-и), отвѣчающее стсл. -ы формъ рыбы, жены и т. д., которое послѣ палат. согласнаго должно дать -и. Болѣе отдаленнымъ типомъ, имѣвшимъ также уподобляющее вліяніе, должны были служить и основы ж. р. на i-, именит. множ. которыхъ оканчивается на -и: кѣсти, чѣсти и т. д.

Послѣ согласныхъ, утратившихъ свою палатальность, вмѣсто и, мы находимъ -ы: дѣвицы (Эсѣ. II. 8. Въ Остр. форма вин. мн. дѣца. Въ Первоп. также вин. дѣвицы), птѣицы (Іезек. XXXI. 13, Остр. птѣица, Первоп. -ы), колесницы 4. Цств. X. 2, Остр. колесница, Первоп. -ы), мышцы (Пс. XXXVI. 17. Остр. мышца, Первоп. -ы), юношы (Дѣян. V. 10. Остр. юноша, Первоп. -ы), дѣшы (Прем. Сол. III. 1. XVII. 14, Остр. дѣша, Первоп. дѣшы), но юноши (Іов. XXIX. 8, Остр. юноша, Первоп. -и), мрѣжи (4. Цств. XXV. 17, Остр. мрѣжа, Первоп. -и), вселмѣжи (Апок. VI. 15, Остр. и Первоп. также -и) и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что -ы, вмѣсто -и, встрѣчается постоянно только послѣ ц; послѣ же другихъ согласныхъ, утратившихъ палатальность, — ж, ш, чаще встрѣчается -и. Едва ли однако изъ этого можно сдѣлать выводъ, что во время установленія такой орфографіи согласные ж, ш обладали болѣею степенью палатальности, чѣмъ ц, тѣмъ болѣе, что въ винит. множ., какъ мы увидимъ ниже, и послѣ ж, ш встрѣчается какъ правило -ы. Для установленія точнаго вывода необходимо всестороннее и полное изслѣдованіе всѣхъ относящихся сюда церковнославянскихъ написаній, которое завлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ непосредственной задачи этого изслѣдованія.

Трудность въ данномъ случаѣ увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что при образованіи подобныхъ написаній играли роль не только извѣстныя звуковыя свойства данныхъ согласныхъ, но и стремленіе провести одинаковость написанія въ цѣлой категоріи однородныхъ морфологическихъ формъ (графическая ассимиляція или морфологическая ассимиляція въ написаніи). У М. Смотрицкаго находимъ вездѣ -и: мрѣжи (л. 98, на об.), ѡвци (л. 99), юноши (ib. на об.), пѣнници (л. 100), лодіи (л. 102), сѣдїи (л. 102 на об.); у Зизанія „правильныя“ формы имен. зват, пѣнницѣ, сѣдїѣ (л. 33), рядомъ съ формой пѣнницѣ (ibid.).

У основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ имѣется -и, вмѣсто ожидаемаго -а, какъ это уже сказано выше: пѣтлѣ (Исх. XXXVII. Въ Остр. другой текстъ), стѣзи (Притчи Сол. II. 15, Остр. пѣти. III. 17, Остр. стѣзѣ. Первop. -и), прѣтчи (Пр. Солом. I. 1, Остр. прѣтча) и т. д. Въ Острожской б. еще встрѣчается болѣе древнее -а.

Послѣ ш, произносимаго какъ *šš*, находимъ однако часто -ы, въ чемъ, вѣроятно, нужно видѣть вліяніе такихъ написаній, какъ дѣшы, юношы, (им. множ. см. выше): кѣшы (Быт. XIII. 5. Остр. другой текстъ, Числ. XXIV. 5. 6, Остр. и Первop. -а), свѣшы (Быт. XV. 17, Остр. свѣщѣ, Первop. -и), но свѣши (Дѣян. XX. 8, Остр. -а, Первop. -и), тыщѣ (Числ. XXVI. 47. Въ Остр. цифрами, Первop. -и), но тыщи (Апок. VII. 4. Такъ и въ Остр.) и т. д. Остатки правильнаго именит. мн. съ -'а = стѣл. -ѣ, -ѣ, имѣются въ очень ограниченномъ числѣ случаевъ: бронѣ (Апок. IX. 9, Остр. такъ же), змѣѣ (Зв. п. М. XXIII. 33, Остр. змѣѣ, Первop. змѣѣ) и змѣѣ (имен. мн. Матѣ. X. 16, Остр. змѣѣ, Первop. какъ въ Новой).

Родительный падежъ отвѣчаетъ старославянскому въ большинствѣ формъ.

На мѣстѣ старославянскаго -ѣ встрѣчаемъ, какъ и въ русскомъ, нуль гласнаго.

Послѣдній согласный основы или остается палатальнымъ, что обозначается посредствомъ -ѣ, или утрачиваетъ палатальность, въ каковомъ случаѣ въ церковнославянской графикѣ находимъ -ѣ.

Послѣдній знакъ имѣется однако и въ нѣкоторыхъ тапихъ случаяхъ, гдѣ мы ожидали бы -ь, такъ какъ послѣдній согласный основы сохраняетъ свою палатальность. Случаи съ послѣднимъ согласнымъ основы палатальнымъ (написанія въ -ь): стѣзь (Притчи I. 15, Пс. XVII. 46), земѣль (Иезек. XXXVI. 24. Въ Остр. другой текстъ, стел. земля), капель (Пѣснь П. V. 2. Въ Остр. другой текстъ), ты́сащъ (М. XIV. 21, Остр. тысѣщъ, Первop. ты́сащъ. Дѣян. IV. 4, Остр. и Первop. ты́сащъ, Апок. VII ubique, Остр. и Первop. ты́сащъ) и т. д.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ (написанія съ -з): ѿвѣцъ (Иов. I. 3. Такъ и въ Остр., и у М. Смотрицаго: л. 99), дѣвицъ (Эсѣ. II. 9, Остр. дѣицъ, немного ниже дѣицъ, Первop. -з), колѣсницъ (Числ. VII. 3. Такъ и въ Остр. и Первop.), дѣицъ (ibid. VII. 35, Остр. и Первop. другой текстъ) и т. д. дѣицъ (Прем. Сол. III. 13. Быт. XLVI. 22. 25. Такъ въ Остр. и Первop.), ко́жъ (Исх. XXVI. 14, Остр. и Первop. творит. надежъ), юношъ (1 Парал. XIX. 10, Остр. другой текстъ) и т. д. нѣждъ (Пс. XXX. 8, Остр. вѣдъ, Первop. нѣждъ), ѿдѣждъ (4 Цств. X. 22, Остр. и Первop. другой текстъ; ibid. VII. 15, Остр. также -з, Первop. -ь, Исх. XXI. 10, Остр. друг. текстъ, Плачъ Иерем. IV. 14, Остр. др. текстъ) и т. д.

Рядомъ съ этими формами, отвѣчающими старославянской псеонной формѣ р. мн., имѣется известное количество формъ, вызванныхъ уподобляющимъ вліяніемъ основъ на і-: кѣицей (Пѣснь П. I. 7. Такъ и въ Остр. 1 Ездры III. 4, Остр. и Первop. другой текстъ), пи́ицей (Притчи С. XXIII. 6, Остр. и Первop. пи́шамъ, Лев. XXV. 37, Второз. XXIII. 19, Остр. и Первop. другой текстъ), ты́саицей (2 Парал. XIV. 9, Юд. II. 15, Остр. и Первop. другой текстъ), пѣтлѣи (Исх. XXVI. 10. Такъ и въ Остр.), нозарѣи (Иов. XLI. 11, Остр. нѣзарѣи, Первop. нозарѣи) и нѣзарѣи (Числ. XI. 20. Такъ и въ Остр. и Первop.), мѣицей (2 Пар. IX. 18. Такъ въ Остр. и Первop., Быт. XLIX. 24, Остр. р. ед. мѣица, Перв. -ы, Второзак. XXXIII. 27, Остр. и Первop. р. ед.) и т. д. Какъ видно изъ приведенныхъ

примѣровъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ основа имѣеть передъ окончаніемъ не одинъ, а два согласныхъ.

Посредствующимъ звеномъ между основами на *jā-* и основами на *i-* въ данномъ случаѣ служили такія формы р. мн., какъ *сѹдѣй* (Суд. II. 17, 18 и т. д. Такъ и въ Остр.), которая отвѣчаетъ старосл. *сѹдѣи*; *свинѣй* (Л. VIII. 32, Остр. *свинѣи*, Первоп. *свинѣи*). У *Зизанія сѹдѣи*, *ѣй* (л. 33 на об.). По типу этихъ и вышеприведенныхъ формъ, вѣроятно, уже послѣ образовались формы какъ *мрѣжей* (Иезек. XXVI. 5, Остр. и Первоп. другой текстъ), *продажей* (4 Цств. XII. 7. Въ Остр. и Первоп. р. ед.), гдѣ былъ только одинъ согласный.

Дательный множественнаго не представляетъ морфологическихъ особенностей сравнительно со старославянскимъ: *землѣмъ* (4 Цств. XIX. 11. Такое удареніе и въ Остр. б.) = стсл. *землѣмъ*, *птицамъ* (Быт. II. 20), *лѣсамъ* (Притчи С. XXIV. 2) и т. д.

Винительный множ. ч. въ общемъ представляетъ тѣ же особенности, что имен. множ. Въмѣсто окончанія *-а* (стсл. *-а*, *-а*) встрѣчается *-и* или *-ы*, представляющееся результатомъ морфологической ассимиляціи въ вин. мн. основъ на *ā-*; первое окончаніе имѣется обыкновенно послѣ согласныхъ палатальныхъ, второе послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность.

Случай съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ (написанія съ *-и*): *дѣи* (Числ. XI. 5. Такъ уже въ Остр.), *бѣи* (Юд. VII. 32, Остр. другой текстъ), *нѣи* (Іов. XI. 19, 21. Такъ уже въ Остр. б.), *стѣи* (Притчи С. II. 20, Остр. *стѣи*, Первоп. *-и*), *сѹдѣи* (Суд. II. 16, 2 Цств. VII. 11, Остр. *сѹдѣи*, Первоп. *-и*), *верѣи* (Пс. CVI. 16, Остр. *верѣи*, Первоп. *-и*), *зѣмѣи* (4 Цств. XVIII. 35, Остр. *зѣмѣи*) и т. д. стсл. *земля*.

Случай съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ (написанія съ *-ы*): *птицы* (Быт. II. 19. Такъ уже въ Остр. б.), *овцы* (Пс. XLIII. 12, Остр. *овцы*, Первоп. *-ы*) и т. д., *дѣшы* (Іов. XXXVIII. 39, Остр. гл. XXXIX. *дѣш*, Первоп. *-ы*; Юд. IV. 9, Остр. другой текстъ; Пс. XCVI. 10, Остр. *дѣш*, Первоп. *-ы*), *чѣшы* (Исх. XXV. 29, Остр. *чѣш*, Первоп. *-ы*. Притчи С. XXIII. 31, Остр. вин. ед. ч.), *юношы* (Юд. II. 27, Остр. другой текстъ),

но юнѣши (2 Макк. V. 24. Такъ и въ Остр.), лжѣ (Притчи С. VI. 19, Остр. лжа, Первоп. лжѣ), велмѣжы (4 Цств. X. 11, Остр. велмѣжа, Первоп. велмѣжи), мрѣжы (Пѣснь П. II. 9, Остр. в. ед.), но мрѣжи (Л. V. 2. 4, Остр. мрѣжѣ, мрѣжѣ, Первоп. мрѣжи), кѣжы (Исх. XXV. 5, Остр. и Первоп. кожа. Сохраненіе -а въ Первоп., вездѣ уже имѣющей -и, -ы, объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ форма могла быть принята за им. ед.), но кѣжи (Мих. III. 2. 3, Остр. кѣжа, Первоп. -и), ѡдѣжды (1 Цств. XVIII. 4, Остр. ѡдѣжи, Первоп. ѡдѣжди; 4 Цств. X. 22, Остр. и Первоп. ед. ч., 2 Макк. V. 2, Остр. и Первоп. другой текстъ, 4 Цств. VII. 8, Остр. ѡдѣжа, Первоп. ѡдѣжди, Дѣян. IX. 39, Остр. ѡдѣжа, Первоп. ѡдѣжы) и т. д.

Сравнительное преобладаніе формъ съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ и вліяніе винит. множ. основъ на ѧ- вызываетъ написанія съ -ы послѣ щ=š'č', гдѣ мы ожидали бы -и, согласно произношенію.

Въ данномъ случаѣ мы опять имѣемъ дѣло съ уподобленіемъ одного написанія другимъ, болѣе частымъ. Фонетическаго значенія подобныя написанія не должны были имѣть, тѣмъ болѣе, что происхожденія они сравнительно новѣйшаго, и въ Острожской и Первопеч. преобладаютъ написанія съ а- и -и: ты́сѣцы (1 Парал. XVI. 15, Остр. и Первоп. ты́сѣца), пі́цы (1 Макк. XIII. 33, Остр. пі́ца, Первоп. пі́ци), пра́цы (2 Парал. XXVI. 14, Остр. и Первоп. пра́ци, 1 Макк. VI. 51, Остр. и Первоп. другой текстъ), кѣ́цы (Прем. Сол. XI. 2, Остр. кѣ́ца, Первоп. кѣ́ца. Числ. XVI. 30, Остр. кѣ́ца, Первоп. кѣ́ци), свѣ́цы (Суд. VII. 16, Остр. свѣ́ца, Первоп. свѣ́цы, 20: Остр. и Первоп. свѣ́ци, XV. 4. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. У М. Смотрицкаго вездѣ въ винит. мн. послѣ согласныхъ непалатальныхъ -ы: мрѣ́жы (л. 98), ѡвцы (л. 9), юношы (л. 99 на обор.), пі́нницы (л. 100); послѣ же согласныхъ палатальныхъ -и: лѡ́ди (л. 102), сѣ́ди (л. 103), но ѡбѣ́рѣцы (л. 101).

Остатки правильной формы винит. мн. съ окончаніемъ -а (=стел. -а, -ѧ) встрѣчаются изрѣдка и въ новой, исправленной Библии (въ Острожской это окончаніе преобладаетъ, въ Первопечат-

ной уже вытѣснено, за немногими исключеніями, новымъ, представляющимъ собой результатъ морфологической ассимиляціи): *выѡ* (Пс. CXXVIII. 4, Остр. и Первоп. *выѡ*), *бронѡ* (Апок. IX. 9. Также въ Остр. и Первоп., Іер. XLVI. 4, Остр. и Первоп. *брѡна* съ другимъ удареніемъ, Прем. Сол. V. 18, Остр. *брѡна*, Первоп. *бронѡ*). *мрѣжа* (Мр. I. 19, Остр. и Первоп. *мрѣжа*), *свиниѡ* (Л. VIII. 33).

Творительный не представляетъ значительныхъ уклоненій. Преобладаютъ формы правильныя, изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на *i-*. Правильныя формы: *пѣтлаѡми* (Исх. XXVI. 11), *всѡѡми* (Ам. VI. 6), *кѡжаѡми* (1 Пар. XVII. 1), *цѣрѣѡми* (Суд. XVI. 3), *тысѡщиѡми* (2 Макк. XII. 34. Также въ Остр. и Первоп.), но *тысѡщиѡми* (2 Макк. V. 24, 3 Ездры XIII. 3. Такъ и въ Остр. и Первоп.; 1 Макк. VII. 40. Такъ же въ Остр. и Первоп.). Последняя форма дополняетъ собой приведенныя выше формы *р. мн.*, какъ *тысѡщиѡй*, возникшія также подъ вліяніемъ основъ на *i-*. Такъ какъ почти всѣ другіе падежи совпадали съ формами склоненія основъ на *i-*, то такимъ образомъ получалось почти полное уподобленіе всей системы.

Предложный падежъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ законное соотвѣтствіе старославянской формъ: *стѣзѡѡхъ* (Пс. XVI. 5), *землѡѡхъ* (Пс. LXVIII. 12), *каплѡѡхъ* (Пс. LXIV. 11); *тысѡщиѡхъ* (Млх. V. 2), *книѡцаѡхъ* (Пс. LXVII. 31), *дѡшѡѡхъ* (Числ. XVI. 37. Съ такимъ удареніемъ и въ Остр.) и т. д. Рядомъ изрѣдка встрѣчаются формы съ окончаніемъ *-ѡѡх*, которое въ цслав. графикѣ обозначается написаніемъ *-ѡѡхъ*: *жаѡдаѡѡхъ* (Притчи С. IX. 12, Остр. и Первоп. *жаѡдаѡѡхъ*), *ноздрѡѡхъ* (Іов. XL. 20, Остр. и Первоп. *ноздрѡѡхъ*), *колѣсницѡѡхъ* (Пѣснь П. I. 8, Остр. и Первоп. предл. ед. *колѣсницѡѡ*). Въ этихъ формахъ надо видѣть продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на *i-*, имѣющимъ въ предл. мн. *-ѡѡхъ* = стел. *-ѡѡхъ* и графической ассимиляціи написаній съ *-ѡѡхъ* къ написаніямъ основъ муж. р. на *o-*, гдѣ *-ѡѡхъ* отвѣчаетъ стел. *-ѡѡхъ*. Формъ съ такимъ окончаніемъ немного, но онѣ встрѣчаются уже въ Острожской библии, хотя все таки рѣже, чѣмъ въ Новой, исправленной.

Съ основами на *jā-* совершенно совпали и первичныя основы съ *-ī* въ именительномъ единственнаго (т. н. основы на *-ī-*); совѣтъ исчезъ им. ед. на *-и*: *гордыня* (Прем. Сол. V. 8. Такъ уже въ Остр.), *рабыня* (Юд. XI. 5), *милостыня* (Ис. Спр. XVII. 18, Остр. еще *мѣтыни*, Первоп. *милостыня*), *Гамарыныня* (I. IV. 9, Остр. еще *-и*, Первоп. *-а*) и т. д.; у М. Смотрицкаго *самарыныня* (л. 103), *стыня* (л. 103 на об.), *гордыня*, *рабыня*, *милостыня* (л. 104). Остаткомъ первичнаго склоненія можно считать форму зват. п. ед. ч. *стыни* (М. Смотр. л. 104); обычное же окончаніе зв. ед. у М. Смотрицкаго такое же, какъ и у основъ на *jā-*, т. е. *-е*: *самарыныне*, *стыне*. Иногда встрѣчается и форма им. п. *пстыня* (Ис. XXXV. 1, Остр. *-и*, Первоп. *-а*). Какъ видно, Острожская библ. сохраняетъ еще болѣе древнюю форму им. и зв. ед. на *-и*, тогда какъ уже Первопечатная представляетъ то же окончаніе, какое встрѣчаемъ въ современномъ русскомъ, т. е. *-а*.

Родительный ед. *пстыни* (Юд. II. 23. Такъ уже въ Остр.), *гордыни* (Ис. XXXV. 12, Остр. *-а*, Первоп. *-и*), *рабыни* (Эс. V. 1, Остр. другой текстъ, Іов. XXXI. 13, Остр. другой текстъ, Ис. Спр. XII. 26, Остр. другой текстъ, Исх. XXI. 26. Такъ же въ Остр. и Первоп. Въ Остр. однако чаще окончаніе *-а*: *рабыня*: Исх. во главѣ XI, 6, и т. д.), *Гамарыныни* (Іоа. IV. 9, Остр. *-и*): стел. *рабыня*.

Дательный по типу основъ на *ā-*: *рабынь* (Юд. X. 5, Остр. другой текстъ, XIII. 9, Остр. и Первоп. *-и*. Ам. II. 7, Остр. и Первоп. *рабѣ*), у М. Смотрицкаго *самарынынь* (л. 103), но *стыни* (такъ же на обор.): стел. *рабыни*.

Винительный правильно: *пстыню* (Ис. XXVIII. 8), *рабыню* (Юд. VIII. 10, X. 2), *стыню* (М. Смотр. л. 103 на обор.), *самарыныню* (М. См. л. 103): стел. *рабынеж*.

Творительный также отвѣчаетъ старославянской формѣ: *рабынею* (Юд. VIII. 33), *самарынынею* (М. Смотрицк. л. 103), *стынею* (ibid. л. 104): стел. *рабынеж*.

Предложный также правильно: *пстыни* (Ис. LXVII. 8, Быт. XII. 9, Дѣян. XIII. 18. Такъ и въ Остр.), *самарыныни* (М.

Смотр. л. 103), сѣѣни (ibid. л. 104) или по типу основъ на а-: сѣѣнѣ (М. Смотр. тамъ же): стел. рлѣѣни.

Двойственное число. И. В. Зв. правильно: двѣ рлѣѣни (вн. дв. Эсв. V. 1, Остр. двѣ по типу основъ на а-, Первop. также двѣѣнѣ). Формы, приводимыя въ парадигмахъ М. Смотрицкаго, построены по типу основъ на а-: самарѣѣнѣ (л. 103), сѣѣнѣ (л. 104): стел. рлѣѣни.

Остальные падежи не представляютъ особенностей: р. и пр. самарѣѣнию (М. Смотр. л. 103), сѣѣнию (ibid. л. 104), д. и тв. самарѣѣнѣ (л. 103 на об.), сѣѣнѣ (л. 104).

Множественное число, какъ и слѣдовало ожидать, тождественно по формамъ съ вышерассмотрѣннымъ склоненіемъ основъ на ја-. Им. падежъ: рлѣѣни (Быт. XXIV. 61, Остр. рлѣѣнѣ, Первop. -и, ibid. XXXII. 5, Остр. -ѣ, Первop. -и, Іов. XXXI. 31, Остр. -ѣ, Первop. -и), мѣѣни (Притчи С. III. 3, Остр. и Первop. -ѣ), самарѣѣни (М. Смотр. л. 103 на обор.), сѣѣни (ibid. л. 104), кнѣѣни (2 Парал. XXXV. 25, Остр. кнѣѣни, Первopеч. кнѣѣни) и т. д. Острожская библія представляетъ еще болѣе древнее окончаніе -а (=стел. ѣ), хотя и не во всѣхъ случаяхъ; Первopечатная уже чаще имѣетъ -и, тогда какъ въ Новой находимъ только -и.

Родительный правильно: рлѣѣнѣ (Эсв. II. 9), самарѣѣнѣ (М. См. л. 103 на об.), сѣѣнѣ (ibid. л. 104).

Дательный также: самарѣѣнѣ (М. См. л. 103 на об.), сѣѣнѣ (ibid. л. 104).

Винительный, какъ вообще у основъ на ја-, представляетъ морфологическую ассимиляцію къ основамъ на а-: пѣѣни (Ис. Сир. XLIII. 23, Остр. -ѣ, Первop. -и), самарѣѣни (М. См. л. 103 на об.), сѣѣни (ibid. л. 104): стел. рлѣѣнѣ.

Творительный правильно: самарѣѣнѣ (М. Смотр. л. 103 на об.), сѣѣнѣ (ibid. л. 104), а также и предложный: самарѣѣнѣхъ, сѣѣнѣхъ (I. с.).

§ 14. Основы мужескаго и ср. рода на о-. Въ общемъ склоненіе этихъ многочисленныхъ основъ сохранилось довольно прочно и даже послужило уподобляющимъ типомъ для разныхъ другихъ

меньше многочисленныхъ и рѣже встрѣчающихся основъ муж. и ср. рода. Въ свою очередь оно также подпадало въ нѣкоторыхъ падежахъ вліянію главнымъ образомъ основъ на *ā*- (какъ въ русскомъ языкѣ) и основъ на *u*-. Въ написаніяхъ изрѣдка замѣчаются слѣды вліянія и основъ на *i*-, которое, конечно, имѣетъ только графическій характеръ.

Основы муж. рода. Падежи именительный и родительный представляютъ собой правильныя продолженія старославянскихъ формъ: *рѣкъ* (Иов. VII. 2, стел. *рѣкъ*), *нѣмникъ* (*ibid.* стел. *нѣмникъ*), *ска̀* (Исх. XX. 17, стел. *рѣкъ*), *скотѣ* (*ibid.*) и т. д.

Дательный падежъ или правильно: *Богѣ* (I. XIII. 3, Варуха II. 5. 6, IV. 4. 21 и т. д.), или по типу основъ на *u*- съ окончаніемъ *-ov'i* (-ови), гдѣ *-ov-*, принадлежащее основѣ, абсорбировано окончаніемъ. Окончаніе это, какъ и другія окончанія (мы увидимъ это ниже), заимствованныя отъ основъ на *u*-, имѣется прежде всего у основъ односложныхъ: *Бгови* (М. XXII. 21, Л. XXI. 4. Такъ и въ Остр.), *мірови* (Иоа. III. 17, Остр. *мірови*, Первоп. *мірови*), *кітови* (Иона II. 11, Остр. *кітови*), *дрѣгови* (Исх. Сир. XX. 23, Остр. *дрѣгови*), *Петрови* (Мр. XIV. 37, 66, Остр. *пѣтрови*, 70, Остр. *пѣтрови*, Матѣ. XVI. 23, XXVI. 40, Остр. *пѣтрови*) и т. д. Появленіе окончанія *-ови* у этихъ основъ объясняется тѣмъ, что первичныя основы на *u*- въ именительномъ ед. ч. случайнымъ образомъ также всѣ односложны (въ старославянскомъ двухсложны: *сынъ*, *домъ*, *медъ* и т. д.): *syn*, *dom* || *mir*, *druk* и т. д.

Отъ этихъ односложныхъ основъ окончаніе стало распространяться и на другія, главнымъ образомъ заимствованныя, иностранныя слова, къ которымъ надо отнести и имена собственные: *Архитриклинѣ* (Иоа. II. 9, Остр. *архитриклинѣ*), *архисинагѣ* (Мр. V. 36, Остр. *архисинагѣ*), *сардинѣ*, *смаргандѣ* (Апок. IV. 3, Такъ и въ Остр.), *Фараѣ* (Римл. IX. 17, Остр. *фараѣ*), но *Фараѣ* (Исх. III. 10. 11. 18, IV. 22, V. 1. 15. 23, VI. 1. 11, VII. 1. 2. 7. 15 и т. д.), *іаспѣ* (Апок. IV. 3), *нѣмѣ* (М. XXVII. 2) и т. д.; въ именахъ собственныхъ: *Іованнѣ* (М. XI. 4, Остр. *іованнѣ*), *Ефреѣ* (Исх. VII.

9, Остр. ѓфрѣмови, Ос. V. 12. 14, Остр. ѓфрѣмови), Їршдовн (М. XIV. 6, Остр. йршдовн), Ваа́лови (Ос. XIII. 1, Остр, ваа́лови), Ї́уцифовн (М. I. 18, Мр. XV. 45, Остр. ѓуцифовн), Ва́рхуовн (Перем. XXXII. 12, Остр. вархуовн), но Ва́рхх' (ibid. 13), Гі́лмшновн (Л. V. 10, Остр. сімоновн, рядомъ къ Гі́лмшн'), ко Ї́исовн (М. XIV. 29. XV. 1, XXVI. 49, Мр. V. 15, Остр. ісовн) и рядомъ ко Ї́ис' (М. XVIII. 1), преш́едн' Ї́ис' (Мр. V. 21), ко Ї́ршд' (М. II. 12), Гомор'шн' (Ис. VII. 9) и т. д.

Какъ на характерную черту формъ на -овн можно указать на известный типъ акцентуаціи: удареніе въ именит. ед. на послѣднемъ слогѣ и въ родительномъ на третьемъ, какъ и въ первичныхъ основахъ на и- (дóмх—дóмовн, смарáгдах—смарáгдовн, но і́асписх—і́аспис').

Впрочемъ послѣдовательно эта черта не проведена. Въ соединеніи съ предлогомъ къ также чаще правильныя формы дат. ед. отъ основъ на о-, формы съ -овн, напротивъ, чаще въ независимомъ употребленіи.

И та, и другая черта однако находятся только въ зачаточномъ состояніи, до полной послѣдовательности онѣ не доведены; это легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что цслав. языкъ былъ языкъ главнымъ образомъ писанный, такъ что ассоціаціи между различными его формами не могли имѣть такой силы и яркости, какъ ассоціаціи языка живаго, „говорямаго“.

Формы винит. падежа въ синтактическомъ употребленіи, какъ и въ русскомъ, сохранились только у именъ неодушевленныхъ и именъ собственныхъ неодушевленныхъ (географическіе термины):

во гра́дх (М. VIII. 33), во Іеру́сали́мх (М. II. 1), сотвори́те пло́дх (М. III. 8), на Іорда́нх (М. III. 13), Пазаре́тх (М. IV. 13), свѣ́тх (М. IV. 16), неа́сгх (ib. IV. 23), глаго́лх (ib. V. 11), да́рх (ib. V. 23) и т. д.

Имена же собственные одушевленныхъ существъ и имена одушевленныхъ, какъ въ русскомъ, утратили собственно винит. п. ед. числа, вмѣсто котораго употребляется форма р. ед. (явленіе синтактическое): Іо́анна (М. XIV. 10). врага́ твоего́ (М. V. 43. Такъ уже въ Остр.), О́треса (Л. I. 54), чело́вѣка (М. X. 35,

XV. 11, 18), Авраама (М. III. 9), на брата (М. V. 22), Бга (М. IX. 8), пророка (ib. X. 41), бѣса (ib. XI. 18) и т. д.

Эта особенность, замѣчающаяся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка, проведена въ языкѣ печатныхъ книгъ уже съ полной послѣдовательностью, такъ что исключеній не встрѣчается.

Звательный падежъ отвѣчаетъ старославянской формѣ: Сіѡне (Ис. LII. 1), рабе (ib. XLI. 8), Бже (Пс. CIII. 1) и т. д. Случаевъ замѣны формы зват. падежа формой именительнаго не имѣется.

Творительный падежъ также является продолжателемъ старославянской формы. Единственная особенность—замѣна суффикса -мь, которому въ цслав. должна была бы соответствовать форма -м' (цсл. -мь),—суффиксомъ -м (цсл. -мз), о чемъ уже сказано выше (стр. 161): котломъ (Ис. Сир. XIII. 3), разумомъ (ib. XLIV. 3), Богомъ (Іоа. VI. 45) и т. д.: стел. богомъ.

Предложный падежъ также отвѣчаетъ старославянской формѣ. У основъ съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ изрѣдка встрѣчаются образованія, обязанныя своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ основамъ тѣхъ падежей, гдѣ заднеязычный согласный сохранялся: въ смѣхѣ (Ис. Сир. XXI. 23, Остр. и Первоп. смѣхъ), при Антиохѣ (3 Макк. I. 1, Остр. и Перв. ѿ А—ха), въ прѣхѣ (Плачъ Іер. III. 29, Остр. и Первоп. въ прѣхъ), но на прѣсѣ (Ам. II. 7. Такъ и въ Остр.), ѿ грѣсѣ (Пл. Іер. III. 39, такъ же и въ Остр.), въ Дхѣ (II Кор. VI. 6. Остр. и Первоп. дсѣ), ѿ всадникѣ (Юд. IX. 7, Остр. и Первоп. другой текстъ), во Острогѣ (Іезек. XVII. 17, Остр. и Первоп. острогомъ), въ ѡмѣлѣмникѣ (Числ. VII. 86, Остр. ѡмѣлѣмникъ, Первоп. ѡумѣлѣмникъ): стел. грѣсъ, боже и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, подобныя формы съ возстановленіемъ заднеязычнаго согласнаго передъ слѣдующимъ -ѣ составляютъ особенность новѣйшаго цслав. языка. Въ Острожской библии онѣ не встрѣчаются, а вмѣсто нихъ находимъ образованія по типу основъ на -и-, которыхъ напротивъ почти нѣтъ въ новой библии (единственный примѣръ на... бокъ Іезек. IV. 4,

Остр. рѣбрѣхъ, Иервон. рѣбрѣхъ). Психодной точкой морфологической ассимиляции служила и здѣсь односложность основъ смѣх-, прах-, бок- и основъ сын-, дом- и т. д.

Двойственное число не представляетъ отличій отъ старославянскаго, но часто замѣняется множественнымъ. И. В. Зв. двѣ брата (М. IV. 18. 21), двѣ оучикѣ (М. XXI. 1), но двѣ вельбѣды (Тов. IX. 2, Остр. и Первон. вельбѣода) и т. д. Р. и Пр. во двою дворѣ (4 Цств. XXIII. 12. Такъ и въ Остр.), двою оуглѣ (Иск. XXX. 4), но на двѣ дворѣхъ (ib. XXI. 5, Остр. на двѣ дворѣ, Первон. дворѣхъ), двѣ ѣвнѣхъвѣ (род. ви. ви. Эсв. I. Остр. ниже: двѣхъ ради ѣвнѣхъовѣ), двоихъ вертепѣхъ (3 Цств. XVIII. 4, Остр. двою вертепѣ, Первон. двою вертепѣ), двоихъ человекѣхъ (Иоа. VIII. 17, Остр. двою члѣхъ, Первон. двою человекѣхъ) и т. д. Дат. и твор. двѣма ѣшибома (Суд. XV. 4. Такъ въ Остр. и Первон.), но двѣма талѣнты (3 Цств. XVI. 24, Остр. и Первон. талѣнтома), двѣма ѣвнѣхъи (Эсв. I. Остр. ѣвнѣхома, Первон. ѣвнѣхома), ѣбѣма братома (Быт. IX. 22), двѣма вѣннома (Дѣян. XII. 6, тв.); по типу основъ на а-: рогама (Быт. XXII. 13, Остр. другой текстъ).

У М. Смотрицкаго находимъ дифференціацію окончаній дат. твор. -ома для дат. и -ама по типу основъ на а- для твор.: дат. клѣврѣтома, тв. клѣврѣтама (л. 105 на об.), ѣрмома—ѣрмама (л. 106), вѣннома—вѣннама и т. д. (л. 107). Дифференціація эта однако не подтверждается дѣйствительными фактами языка и должна быть отнесена на счетъ собственныхъ мудрованій составителя. У Лавр. Зизанія находимъ только правильное окончаніе -ома (см. листы 26, 27).

Множественное число представляетъ большое разнообразіе формъ, изъ которыхъ только небольшое количество исконныхъ, тогда какъ остальные представляютъ собой результатъ разнообразныхъ вліяній другихъ основъ.

Именительный надежъ, форма котораго въ русскомъ языкѣ уже вытѣснена формой вѣнит. множественнаго числа, еще сохраняется въ извѣстномъ количествѣ случаевъ: скѣти (Перем. XII. 4), народѣ (М. IV. 25), грѣбѣ (М. XXVII. 52), вѣнни (М. XXVII.

27), испо́лни (Быт. VI. 4), врази́ (Ис. Сир. XLVI. 6. М. X. 36), грѣсѣ́ (М. IX. 5), мѣси́ (М. IX. 17), дѣси́ (Дѣян. VIII. 7) и т. д.

Послѣ ц, утратившаго палатальность, находимъ въ написаніяхъ -ы: прѣстѣ́пницы (Сѣб. Посл. Іак. II. 9. Такъ уже въ Остр.), сѣпрѣ́сноцы (Мр. XIV. 1. Такъ и въ Остр.), лжепроро́цы (Мр. XIII. 22. Такъ и въ Остр.), оу́чицы (М. XVIII. 1. Такъ и въ Остр.), ꙗзы́цы (Римл. II. 14, Остр. ꙗзы́ци, Первон. -ы), проро́цы (Л. XVI. 16, Остр. также -ы), споспѣ́шницы (1 Кор. III. 9, Остр. и Первон. винит. мн. поспѣ́шники), наслѣ́дницы (Римл. VIII. 17. Такъ же и въ Остр.) и т. д. У М. Смотрицкаго еще -и: проро́ци (л. 110).

Рядомъ съ этими формами уже часто находимъ формы винит. множ.: зѣ́бы (Пс. LVI. 5, Остр. также зо́убы, Дан. VII. 7. Остр. такъ же), гра́ды (Суд. X. 4, Остр. и Первон. -и), га́ды (Быт. VIII. 19, Остр. и Первон. другой текстъ), Ѡслы́ (Быт. XXXII. 5. Такъ и въ Остр.), послы́ (ib. 6, Ис. XXI. 2. Такъ и въ Остр.), ѣ гро́ми ѣ гла́сы (Апок. IV. 5, Остр. громи ѣ гла́сы), по гла́си (ib. VIII. 5), хлѣ́бы ѣ фѣ́ники (2 Цств. XVI. 2. Остр. хлѣ́би, Первон. -ы), пѣ́рсты (ib. XXI. 20, Остр. прѣ́сты, Первон. пѣ́рсты, Дан. V. 5. Остр. прѣ́сты, Первон. пѣ́рсты), ра́бы (Дан. XIII. 27, Остр. и Первон. -ѣ), сосѣ́ды (Апок. II. 27, Остр. съсѣ́ды, Первон. сосѣ́ды), завѣ́ры (Іерем. LI. 30, Остр. заво́ры, Первон. заѣ́ры), кѣ́ліры (Ос. X. 2, Остр. вин. мн. Ис. XXI. 9, Іерем. L. 2. Такъ и въ Остр.), испо́лны (1 Парал. XX. 8, Остр. и Первон. гигѣ́нты), но -и (Быт. VI. 4. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что Остр. и Первон. библіи немного чаще представляютъ окончаніе настоящаго именит. множ. -и, чѣмъ Новая, причѣмъ Первон. нѣсколько ближе къ послѣдней. Но окончаніе винит. множ. также уже встрѣчается въ Острожской и Первонпечатной и довольно часто.

Послѣ заднеязычныхъ согласныхъ, согласно условіямъ русской и церковнославянской фонетики, -ѣ винит. падежа должно дать -ѣ́ (-и): ро́ги (Дан. VIII. 3, Остр. и Первон. двойств. рога́, Исх.

XXVII. 2. Такъ и въ Остр.), ты́сящники, со́тники, но рядомъ нача́линицы (1 Парал. XXVII. 1. Такъ же въ Остр. и Первон.), трѣ чинѣвники (Дан. VI. 2. Такъ же и въ Остр. и Первон.), помѣщники (3 Цств. XX. 16, Остр. и Первон. двойств. число), ѣви́хъи (Эсе. IV. 4. Такъ и въ Остр. и Первон.), шипкѣи (4 Цств. XXV. 17, Остр. и Первон. шипки), нача́тки (Иезек. XLVIII. 18, Остр. и Первон. другой текстъ) колкѣи (Исх. XXXVII. Остр. и Первон. конецъ XXXVI. такъ же), полкѣи (Быт. XXXII. 2, Остр. по́лки, Первон. полки), крючкѣи, верхѣи (Исх. XXVII. 10. Въ Остр. и Первон. такъ же), прича́стники (Римл. XV. 27, Остр. -ы, Первон. -и), и т. д. У Лавр. Зизанія обѣ формы рядомъ: снѣгѣи и снѣзѣи (л. 27 на об.), но бѣзѣи (л. 26 на об.).

Рядомъ имѣется довольно значительное число образований по типу основъ на ц-: льво́ве (Ис. V. 29. Такъ и въ Остр.), стрѣ́пове (Ам. VIII. 3, Остр. и Первон. во́плеве), ке́дрове (Псѣмъ II. V. 15. Такъ и въ Остр.), гре́знове (ibid. VII. 8, Остр. гре́знѣве, Первон. гре́зні́ве), вѣ́сове (Пс. XCV. 5. Такъ и въ Остр.), со́тове (Притчи С. XVI. 24. Такъ и въ Остр.), да́рове (Исх. Сир. XX. 29. Такъ и въ Остр. Евр. IX. 9), сѣ́дове (Притчи С. XXIII. 29, Остр. сѣ́ди, Первон. сѣ́ди, Римл. XI. 33, Остр. и Первон. также сѣ́дове), пи́рове (Притчи XXIII. 30, Остр. такъ же), пло́дове (Притчи X. 16, Остр. и Первон. од. число), гро́мове (Исх. IX. 33. Такъ и въ Остр.), но гро́мѣи (ibid. 28, 29, 34), вра́нове (3 Цств. XVII. 6. Въ Острожск. такъ же), ро́дове (М. I. 17. Въ Остр. также), жи́дове (Иоа. I. 19. Въ Остр. такъ же), оу́дове (1 Кор. VI. 15. Въ Остр. такъ же) и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, образованіе это имѣетъ мѣсто только у основъ односложныхъ, которыя въ имен. од. числа совершенно совпадали также съ односложными основами на ц-. У основъ двусложныхъ и многосложныхъ окончаніе -ове не имѣетъ мѣста. Изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на і-, которыя могутъ быть также разсматриваемы, какъ имена собирательныя: са́діе (Числ. XXIV. 6, Острожск. и Первон. са́ди), плѣ́веліе (М. XIII. 26, Остр. плѣ́веліе, Первон.

пѣсѣлѣ), но пѣсѣлы (внн. вн. нм. М. XIII. 38. Остр. пѣсѣли, Первоп. пѣсѣли).

Промежуточнымъ звеномъ должны были служить въ этой ассимиляции основы на јо-, какъ мѣжѣ и т. д. (см. ниже).

Родительный падежъ также представляетъ нѣсколько образований: правильное, отвѣчающее старославянской формѣ: сапѡгъ (Мр. I. 7, Остр. сапѡгъ, Первоп. сапѡгъ), грѣхъ (М. I. 21, Апок. I. 5. Остр. грѣхъ), грѡвъ (М. XXVII. 53. Въ Остр. грѡвъ), вѡинъ (М. XXVII. 27, Остр. вѡинъ, Первоп. вѡинъ), сребреннѣкъ (М. XXVII. 9. Остр. сребреннѣкъ. М. XXVI. 15), талѡнтъ (М. XXV. 20, 28, Остр. талѡнтъ), вѣтръ (М. XXIV. 31, Остр. вѣтръ), книжнѣкъ (М. XVI. 21, Остр. книжнѣкъ), ѡзыкъ (М. IV. 15, Остр. ѡзыкъ), градъ (ibid. 25, Острожск. градъ), пладъ (М. VII. 16, Остр. плодъ, плодъ), предѣлъ (М. VIII. 34), прорѡкъ (М. XXIII. 30) и т. д.; по типу основъ на и-, первично, вѣроятно, у односложныхъ, отъ которыхъ окончаніе -овъ (-швъ) перешло и къ многосложнымъ: козлѡвъ, ѡвнѡвъ (Ис. XXXIV. 6, Остр. иной текстъ, Быт. XXXII. 14. Остр. кѡзловъ, но ѡвенъ, Первоп. козлѡвъ, ѡвенъ), ѡслѡвъ (ibid. 15, Остр. иной текстъ), жидѡвъ (I. IX. 22, Остр. жидовъ, Первоп. уже жидѡвъ), тѣкѡвъ (Быт. IV. 4, Остр. также тѣковъ), рогѡвъ (Апок. V. 6, Остр. роговъ, Первоп. рогѡвъ), свѣтѡвъ (Посл. Іак. I. 17, Остр. и Первоп. дат. мн.), сѡнмовъ (Суд. V. 10, Остр. другой текстъ), свѣкрѡвъ (Тов. X. 12, вн. винит. мн., Остр. другой текстъ), оуглѡвъ (Тов. XI. 12, Остр. другой текстъ), сварѡвъ (Посл. къ Титу III. 9, Остр. свары), львѡвъ (Дан. VI. 22, Остр. 20, львѡвъ, Апок. IX. 8), градѡвъ (М. XIV. 13, Остр. градовъ, Первоп. градѡвъ, 2 Парал. XV. 8, Остр. гра, Первоп. градъ, Іезек. XVI. 7, Остр. гра, Первоп. градъ), дрѡгѡвъ (Ис. Сир. VI. 13, Остр. дрѡгъ, Первоп. дрѡгъ, Притчи С. XVII. 1, Остр. ед. ч. Іерем. XX. 4, Остр. другой текстъ, Л. XIV. 12, Остр. дрѡгъ, Первоп. дрѡгъ), врагѡвъ (Ис. Сир. VI. 13, Остр. и Первоп. врагъ, ibid. XLV. 2, Остр. врагъ, Первоп. врагъ), волхѡвъ (Ис. XLVII. 9, Остр. волхъ, Первоп. уже волхѡвъ, Дан. I. 20. Остр. другой текстъ), рабѡвъ (М. XXII.

6, ви. винит. Остр. рабы, Первон. рабы, Ис. XLIX. 7, Остр. другой текст), садѡвз (Иезек. XXXI. 4, Остр. садовз, Перв. садѡвз), холмѡвз (Ис. IX. 18, Остр. холмз, Первон. хѡлмз), кѣтѡвз (Ис. Сир. XLIII. 27, Остр. кѣтовѣ), снопѡвз (Рувь II. 15, 16, Остр. уже сноповз, Первон. снопѡвз), сырѡвз (1 Цств. XVII. 18, Остр. сырѡ, Первон. какъ въ Новой), прѣгѡвз (Иезек. XLIII. 8, Остр. и Первон. прѣгз), волкѡвз (М. X. 16, Остр. влѣковз, Первон. волкѡвѣ), громѡвз (Апок. X. 3. 4, Остр. грѡмовз, Первон. громѡвз), гробѡвз (Мр. V. 2, Остр. гробз, Первон. грѡвз), родѡвз (Ис. Сир. XXXIX. 12, Остр. вин. ед. М. I. 17, Остр. родѡвз, Первон. родѡвз), дворѡвз (Иезек. XXXIII. 30, Остр. другой текст; Иерем. XXXV. 2, Остр. двѡровз, Первон. дворѡвз), хлѣбовз (Иерем. XLIV. 17, Остр. хлѣбз, Первон. хлѣбовз, Мр. VIII. 5. 6, Остр. и Первон. вин. мн.), гласѡвз (Апок. VIII. 13. Остр. гласз, Первон. гласѡвз), вѣтрѡвз (Иезек. XXXVII. 9. Остр. вѣтрз, Первон. вѣтрз, Посл. Іак. III. 4, Остр. вѣтровз, Перв. вѣтрѡвз), снѡвз (Прем. Сол. IV. 6, Остр. сѡнін), лѣкѡвз (Ис. XXI. 15. 17, Остр. и Первон. другой текст), дарѡвз (Ис. Сир. VII. 9, Остр. дѣрѡ, Первон. дарѡвз), плодѡвз (Притчи XVIII. 20, Остр. и Первон. р. ед. плодѣ и плодѣ; Посл. Іак. III. 17, Остр. плодѡвз, Первон. плодѡвз, М. XXI. 34, Остр. дат. мн., Филипп. I. 11, Остр. плодовз, Первон. плодѡвз), скѣптрѡвз (Прем. Сол. VII. 8, Остр. скѣптрѣ, Первон. скѣптри), трѣдѡвз (Прем. Сол. III. 15, Остр. трѣдовз, Первон. трѣдѡвз), столѡвз (2 Парал. IV. 8, Остр. столѡвз, Первон. столѡвз), цѣнтѡвз (2 Парал. IX. 15, Остр. цѣнтовз, Первон. цѣнтѡвз), шѣпкѡвз (ibid. III. 16, Остр. и Первон. шѣпокз), зѣбѡвз (ibid. IX. 17, Остр. зѣбовз, Первон. зѣбѡвз), грѣхѡвз (М. XXVI. 28. Остр. грѣховз, Первон. грѣхѡвз), богѡвз (Ис. XIX. 3, 2 Парал. XXV. 14, ви. винит. мн. Остр. богѡвз, Первон. богѡвз), бѣсѡвз (Мр. XVI. 9. Остр. бѣсовз, Первон. бѣсѡвз), лѣкѡвз (2 Цств. VI. 13, Остр. полѣз) и т. д., и т. д.

Отъ подобныхъ односложныхъ основъ окончаніе -ѡвз распространилось и на основы двухсложныя и многосложныя. Переходнымъ звеномъ могли служить сложныя основы, второй членъ ко-

торныхъ былъ односложень: покрѣвѣзъ (Ис. LIV. 2, Остр. другой текстъ), ѿсхѣдѣзъ (Плачь Іер. II. 19, Остр. ѿсхѣ, Первop. ѿсхѣдз), восхѣдѣзъ (Іезек. XL. 26. 32. 34, 37, Остр. възхо, Первop. възхѣдз и възхѣдовз), престо́лѣзъ (Прем. Сол. VII. 8, Остр. престо́лз, Первop. прѣто́лз), за́ко́нѣзъ (Прем. Сол. IX. 5, Остр. и Первop. за́ко́нз), ѡ́блакѣзъ (ibid. V. 21, Остр. и Перв. другой текстъ), о́стровѣзъ (Іезек. XXVII. 6. 7, Остр. ѡ́стровз, Первop. ѡ́стрѣзъ, Ис. XI. 11, Остр. и Первop. другой текстъ), востѣ́кѣзъ (Ис. XI. 11, Остр. възто́кз, Первop. востѣ́кз, Іезек. XLVIII. 26, Остр. иной текстъ), но востѣ́кз (Ис. XI. 14, Іезек. XLVIII. 16), поварѣ́зъ (Іезек. XLVI. 24, Остр. сѣкальчнѣи), чело́вѣкѣзъ (Осіа XIII. 2, вм. винит. Остр. чѣ́кы, Первop. чело́вѣки), недѣ́гѣзъ (1 Тимое. V. 23, Остр. недѣ́гз, Первop. недѣ́гз), рѣ́зѣмѣзъ (1 Цств. II. 3, Остр. дат. мн. рѣ́зѣмовѣмз, Первop. какъ въ Новой), по́мыслѣзъ (Іезек. XLIV. 10, Остр. и Первop. по́мыслз), сосѣ́дѣзъ (Дан. I. 2, Остр. сосѣ́дз, Перв. сосѣ́дз), ѡ́трокѣ́зъ (Дан. I. 15, Остр. ѡ́трокз, Перв. ѡ́трѣкз) и т. д.

Отъ этихъ уже основъ окончаніе -ов (-ѣзъ) распространилось и на другія двухсложныя основы: кѣ́мѣ́рѣзъ (Іезек. XXXVI. 25, Остр. кѣ́мѣ́рз, Первop. кѣ́мѣ́рз, Ис. XIX. 3, вм. вин. множ. Остр. кѣ́мѣ́рз, Первop. кѣ́мѣ́рз), грѣ́шникѣ́зъ (1 Макк. I. 34, вм. винит. мн. Остр. и Первop. грѣ́шницы, именит. ви. винит.), во́нѣ́зъ (Апок. IX. 16, Остр. во́ннѣ́зъ, Перв. во́нннѣ́зъ), щѣ́тнѣ́зъ (2 Парал. XIV. 8, Остр. щѣ́тнѣ́ковз, Первop. щѣ́тнѣ́ковз), ѣ́долѣ́зъ (Ос. XIII. 2, Остр. другой текстъ), ѣ́зыкѣ́зъ (Ис. XLIIX. 8, Остр. и Первop. другой текстъ), прѣ́зникѣ́зъ (Малах. II. 3, Остр. прѣ́зникз, Первop. прѣ́зникз), пастѣ́хѣ́зъ (Ис. XXXII. 14, Остр. и Первop. другой текстъ), ѡ́ргѣ́нѣ́зъ (Амосъ V. 23, Остр. пи́щѣ́лѣи), ѣ́равѣ́зъ (2 Парал. XXVI. 7, Остр. и Первop. дат. мн. съ предл. протѣ́вѣ—управленіе старославянское; въ новой Библии уже русское, съ род. п.), вѣ́блѣ́дѣзъ (Суд. VIII. 21, Остр. и Первop. дат. мн.), ѣ́ллинѣ́зъ (Дѣян. VI. 1, Остр. дат. мн.), ѣ́сѣ́рѣ́зъ (Апок. XXI. 21, Остр. двойств. число), ѣ́внѣ́хѣ́зъ (Дан. I. 3, 7, 8, 9, Остр. и Перв. 3, кѣ́женикз, 7, 8, 9 прилаг. кѣ́женичъ) и т. д. Основы многосложныя: хѣ́дѣ́жнѣ́кѣ́зъ (Осіа XIII. 2, Остр. и

Перв. друг. текстъ), йсполнѣвшъ (Быт. XIV. 5, ви. ви. мн. Остр. и Первоп. гиганты), свѣтѣлиникѣшъ (Апок. I. 13, Остр. и Первоп. свѣтѣлиникъ), но свѣтѣлиникъ (ibid. I. 12. Въ Остр. и Первоп. такъ же), похотникѣшъ (Ос. II. 5, Остр. хотѣ), слѣжѣникѣшъ (2 Парал. IX. 4, Остр. и Первоп. дат. мн.), свѣщенникѣшъ (ibid. XIII. 9, Остр. свѣщенникѣшъ, Первоп. свѣщенникѣшъ, Дѣян. VI. 7, Остр. и Первоп. свѣщенникъ), сошѣшникѣшъ (Филипп. I. 7. Остр. другой текстъ), йноплеменникѣшъ (2 Парал. XXVI. 6, съ предлогомъ противъ, Остр. и Первоп. съ дат. мн., Амось I. 8, Остр. йноплеменникъ, Первоп. йноплеменникъ), чревоушѣникѣшъ (Ис. XLIV. 25, Остр. и Первоп. другой текстъ), начѣтѣшъ (Иезек. XLVIII. 18)

Рядомъ съ этими формами иѣются и правильныя: златникъ (2 Парал. IX. 15), кѣшникъ (ibid. 25) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что распространеніе окончанія -шъ въ языкѣ печатныхъ книгъ есть явленіе новѣйшаго времени и вызвано, очевидно, вліяніемъ русскаго языка, въ которомъ окончаніе -of (-ov) получило очень широкое распространеніе. Въ Острожской библіи, вѣсто многихъ изъ приведенныхъ случаевъ окончанія -шъ новой библіи, иѣется еще старинный родительный падежъ отъ основъ на о-; особенно послѣдовательно сохраняется эта старинная форма у основъ двухсложныхъ и многосложныхъ. Въ Первопечатной библіи случаевъ съ -шъ больше, чѣмъ въ Острожской, но всетаки меньше, чѣмъ въ Новой. Относительно мѣста ударенія необходимо замѣтить, что свойственное русскому языку передвиженіе ударенія на самое окончаніе также рѣже въ Острожской библіи (см. выше: кѣшъ, жѣшъ, вѣшъ, грѣшъ, двѣшъ, дѣшъ, шѣшъ, зѣшъ), тогда какъ оно наблюдается уже въ Первопечатной въ большихъ размѣрахъ. Быть можетъ, въ этой разницѣ сказалось и вліяніе мѣстныхъ діалектическихъ особенностей—западнорусскихъ и великорусскихъ.

Р. мн. бѣсерѣй (М. XIII. 45, ви. ви. мн.; Остр. и Первоп. бѣсерѣй) является очень рѣдкимъ, если не единственнымъ образчикомъ образованія по типу основъ на і-.

Дѣтѣльный множественнаго представляетъ три образованія: исконное, свойственное первичнымъ основамъ на о-: зѣшѣшъ

(3 Ездры V. 29, Остр. р. мн. завѣтъ, Первон. завѣтъ), члѣкъмъ (Матѣ. VI. 14, Остр. члѣкъ, Первон. члѣкъмъ), должникѣмъ (ibid. 12, Остр. должникѣмъ, Первон. какъ въ новой б.), родѣмъ (Ис. Сир. XLIV. 15, Остр. родѣмъ, Первон. родѣмъ), врагѣмъ (ibid. XLVI. 2, Остр. и Первон. винит. мн.), богѣмъ (Перем. I. 16, Остр. богѣмъ, Первон. богѣмъ, ibid. XI. 12, Остр. и Первон. нѣмъ), ѡтрокѣмъ (1 Цств. XXI. 14, Остр. ѡтрокѣмъ, Первон. ѡтрокѣмъ), градѣмъ (2 Цств. XII. 31, Остр. градѣмъ, Первон. градѣмъ), зѣмѣмъ (М. VIII. 12, Остр. зѣмѣмъ, Первон. зѣмѣ, М. XIII. 50, Остр. зѣмѣмъ), М. Смотрицкій: клѣрѣтъмъ (л. 105 на об.), ѣрѣмъ (л. 106 на об.), вѣнѣмъ (л. 107), ѣрѣмъ (ibid. на об.), дрѣмъ (л. 109 на об.), грѣмъ (л. 110 на обор.). Относительно ударенія этихъ формъ необходимо замѣтить, *mutatis mutandis*, то же, что было сказано выше о формахъ родит. мн. на -шъ. Въ Острожской библии удареніе на окончаніи (если оно вообще обозначается) встрѣчается весьма рѣдко, тогда какъ въ Первопечатной и Новой оно уже, какъ въ русскомъ, передвинуто у извѣстныхъ основъ на окончаніе.

Рядомъ встрѣчаются изрѣдка формы, образованныя по типу основъ на а-: спѣборникѣмъ (1 Макк. VIII. 24. Въ Остр. и Первон. текстъ), но рядомъ Рѣмѣмъ (тамъ же), ѡстанѣмъ (Зах. VIII. 12. Въ Остр. и Первон. дат. ед.), нѣхѣмъ (Иезек. XLIV. 5, Остр. нѣмъ), ѡгѣмъ (Иезек. XLVI. 21, Остр. вин. мн. наѡгѣ), полѣмъ (2 Макк. V. 2. XII. 20, Остр. другой текстъ), ѡѣмъ (2 Макк. VII. 7, Остр. ѡѣ) и т. д.

Какъ видно изъ примѣровъ, образованія эти, вызванныя вліяніемъ русскаго языка, встрѣчаются только въ новой б. и весьма рѣдко; въ Острожской же и даже Первопечатной ихъ еще нѣтъ.

Третье образованіе дат. мн. вызвано вліяніемъ основъ на и-; въ основѣ его лежитъ сильная форма основы, имѣющаяся въ дат. ед., имен. и родит. множ. съ сочетаніемъ -ов-, собственно надежное окончаніе есть общее -омъ (-шмъ), гдѣ -о- представляетъ собой послѣдній гласный основы на о-, отошедшій путемъ морфологической абсорпціи къ окончанію. Образованіе это имѣетъ мѣсто только у основъ односложныхъ: градѣмъ (Ис. I. 26, Остр. градѣмъ,

Первоп. градовѣмъ, М. XI. 20, Остр. градовомъ, Л. IV. 43, Остр. градовомъ), лѣсовѣмъ (Пс. LXII. 11, Остр. лѣсовомъ. Первоп. лѣсѣмъ), вѣсовѣмъ (Пс. CV. 37, Остр. вѣсовѣ, Первоп. вѣсовѣмъ). Въ Острожской библии встрѣчается форма рѣзѣмовѣ. (1 Цств. II. 3, Первоп. рѣзѣмъ р. множ.), образованная отъ двухъсложной основы, состоящей изъ двухъ односложныхъ.

Винительный множественнаго сохранился лучше винительнаго единственнаго.

Синтактическая замѣна винительнаго родительнымъ имѣетъ мѣсто преимущественно въ единственномъ числѣ. Въ то время, какъ въ единственномъ числѣ эта замѣна у извѣстныхъ именъ существительныхъ проведена безъ исключенія, послѣдовательно, во множественномъ числѣ самые случаи замѣны являются спорадически, въ видѣ исключеній: ѣмше равѣмъ (М. XXI. 35, Остр. рабы, Первоп. рабѣ, *ibid.* XXII. 6, Остр. рабы, Первоп. рабѣ), но послѣ рабѣ (М. XXI. 36), хотя послѣ сѣна (*ib.* 37, Остр. такъ же), имѣи воины (М. VIII. 9), народы (М. V. 1), изгнаша прѣрѣки (М. V. 12), собравъ первошчѣнниви и книжники (М. II. 4) и т. д. Случаи замѣны винительнаго родительнымъ приведены также выше, при перечисленіи формъ родит. мн. на -ѣмъ: свѣкрѣмъ (Тов. X. 12, Остр. другой текстъ), человѣкѣмъ (Ос. XIII. 2, Остр. винит. члѣмъ), кѣмѣмъ (Ис. XIX. 3, Остр. кѣмѣмъ), грѣшникѣмъ (1 Макк. I. 34, Остр. именит. вѣмъ винит. грѣшницы), исполнѣмъ (Быт. XIV. 5, Остр. гиганты), но тутъ же ѣзыки, покры всѣдники (Исх. XIV. 28), ѣстрасѣ ѣгѣпѣтѣмъ (*ib.* 27), но видѣмъ ѣгѣпѣтѣмъ (*ib.* 30, Остр. видѣмъ... ѣгѣпѣтѣмъ) и т. д. Употребленіе родительнаго множ. вмѣсто винительнаго есть также явленіе новѣйшаго времени, которое въ Остр. библии почти не встрѣчается.

Уклоненіе отъ старославянскаго представляютъ также основнѣ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ, послѣ котораго въ старославянскомъ имѣется -ѣ, а въ церковнославянскомъ, какъ въ русскомъ -и: грѣхѣ (М. IX. 6. Такъ и въ Остр.), мѣхѣ (*ib.* 17, Остр. еще мѣхѣ, Первоп. уже мѣхѣ), брѣки (М. XXII. 2, Остр. браки, Первоп. браки), всѣдники (Исх. XIV. 28, Остр. всѣдники, но выше ст. 26, всѣдники, Первоп. всѣдники) и т. д.

Такимъ образомъ въ правописаніи Острожской бібліи еще по традиціи держалось и послѣ заднеязычныхъ, хотя фонетическаго значенія этотъ фактъ не можетъ имѣть въ виду многихъ случаевъ, въ которыхъ имѣется -и, сдѣлавшееся въ Первопечатной б. уже общимъ. Смѣшеніемъ съ подобными формами вин. множественнаго, которыя имѣли -и послѣ заднеязычныхъ согласныхъ, надо, по всей вѣроятности, объяснять немногочисленные случаи вин. мн. съ -и отъ основъ съ другими послѣдними согласными основы: по-стѣви... хѣли (Ис. XL. 12. Такъ уже въ Остр., XLII. 15, ѡпѣстошѣ... хѣли, Остр. такъ же), имѣахѣ ѡшибы подобни (Апок. IX. 10, Остр. ѡшиби подобни), Первоп. также ѡшиби подобни. Стсл. ошнѣхъ ж. р. въ Новой б. уже чувствуется какъ ѡшибѣхъ ж. р. сравн. предл. мн. ѡшибахѣ ibidem). Кромѣ этого смѣшенія несомнѣнно должно было имѣть значеніе и уже установившееся въ довольно многочисленныхъ случаяхъ тождество именительнаго и винительнаго множественнаго числа, которое являлось слѣдствіемъ перенесенія формы винит. множеств. въ именит. того же числа.

Творительный множественнаго представляетъ нѣсколько образований. Исконныя формы первичныхъ основъ на о- сохранились въ преобладающемъ количествѣ случаевъ. Уклоненіе отъ старославянской нормы представляютъ только основы съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ, у которыхъ имѣется, согласно общерусскому фонетическому закону, -и вм. стсл. -ы: со ѡггы (М. XVI. 27), рѣды (Ис. XXIV. 22), глѣсы (Ис. Сир. L. 20) и т. д. послѣ заднеязычныхъ: чѣки (М. V. 13), ѡбрѣки (Л. III. 14). ѡзѣки (М. XXIV. 9), слѣхи (Евр. V. 11) и т. д. Рядомъ имѣются образования по типу основъ на и-, которыя первично имѣлись у основъ односложныхъ и отъ нихъ распространились и на остальные: грѣхми (Ис. L. 1, Остр. грѣхн, Первоп. грѣхн), дарми (Притчи С. VI. 35, Остр. дарми, Первоп. дѣрми), вѣсерми (1 Тимоѡ. II. 9, Остр. и Первоп. твор. ед.), кѣмірми (Іезек. XXXVI. 17, 18, Остр. кѣмірми, Первоп. кѣмірми), сапогми (Дан. III. 21, Первоп. настѣгивали).

Эти немногочисленные образования свойственны болѣе тексту Новой бібліи, а въ Острожской и Первопечатной встрѣчаются еще рѣже.

Болѣе многочисленныя образованія по типу основъ на *а*-, которыя также, повидимому, болѣе часты у основъ односложныхъ: *цн-та́ми* (Перем. XLVI. 9, Остр.- и Перв. другой текстъ; Неем. IV. 16, Остр. и Перв. другой текстъ), *бога́ми* (Посл. Іерем. 44), *лѣ́ками* (Неем. IV. 13, Остр. и Перв. лѣ́ки), *сєрпа́ми* (Ис. XVIII. 5, Остр. и Перв. твор. ед.), *ша́рами* (Іезек. XXIII. 14, Остр. твор. ед. *ша́ромъ*), *полка́ми* (Юд. XIV. 11, Остр. и Перв. друг. текстъ), *цвѣ́тами* (3 Макк. VII. 14, Остр. род. мн. Юд. XV. 12, Остр. и Перв. другой текстъ), *бѣ́сами* (Вар. IV. 35, Остр. и Перв. бѣ́сы), *плота́ми* (2 Парал. II. 16, Остр. *тѣмъ* *плоты*, Перв. *тѣмъ* *плоты*—вин. мн.), *грѣ́хами* (Ис. XIV. 21, Остр. и Перв. *грѣ́хи*), *хлѣ́бами* (Лев. XXIII. 18, 19, 20, Остр. и Перв. *хлѣ́бы*, 2 Царствъ III. 29, Остр. р. ед. Перв. р. мн.), *вра́гами* (Юд. VIII. 19, Остр. и Перв. другой текстъ), *рога́ми* (Іезек. XXXII. 2, Остр. *ро́ги*, Перв. *ро́ги*, *ibid.* XXXIV. 21, Остр. *ро́ги*, Перв. *ро́ги*), *рода́ми* (2 Парал. XVI. 14, Остр. *ро́ды*, Перв. *ро́ды*), *дрѣ́вами* (1 Макк. VIII. 20, Остр. и Перв. винит. мн.), *посла́ми* (Ис. XXXVII. 24. *Та́къ* *уже́* *въ* *Остр.* *и* *Перв.*), *оугла́ми* (2 Парал. XXVI. 9, Остр. и Перв. другой текстъ), *скота́ми* (Быт. I. 26, Остр. *скоты́*, Перв. *скоты́*), но тутъ же рядомъ *га́ды*, *замка́ми* (Посл. Іер. 17) *бока́ми* (3 Цств. VI. 15, Остр. другой текстъ), *верха́ми* (Юд. VII. 10, Остр. другой текстъ), *зѣ́бами* (Іов. XIII. 14, Остр. *зѣ́бы*, Перв. *зѣ́бы*), *млата́ми* (Іерем. X. 4, Остр. *молоты́*, Перв. *молоты́*), *моста́ми* (2 Макк. XII. 13, Остр. друг. текстъ), *полка́ми* (та́къ же XII. 20, Остр. друг. текстъ), *посла́ми* (та́къ же XIII. 12, Остр. ед. ч. *постомъ*), *слонáми* (та́къ же XIV. 12, Остр. друг. текстъ) и т. д., у двухсложныхъ и многосложныхъ—*зако́нами* (Эсф. III. 13, Остр. д. ед.), *заво́рами* (Посл. Іер. 17; 1 Макк. IX. 50, Остр. и Перв. вин. мн.), *сосѣ́дами* (Ис. Сир. XLV. 9, Остр. и Перв. *сосѣ́ды*), *престо́лами* (Прем. Сол. VI. 21, Остр. *прѣ́толы*, Перв. *прѣ́стѣ́лы*), *восхо́дами* (Іезек. XL. 22, Остр. р. мн. *сєдмѣ́ю...*), *вса́дника́ми* (Юд. II. 5, Остр. и Перв. другой текстъ), *блудника́ми* (Ос. IV. 14, Остр. другой текстъ), *похотника́ми* (*ibid.* II. 10, Остр. *хотѣ́ми*), *аршма́тами* (2 Парал.

XVI. 14, Остр. *араматы*, Первоп. *аршматы*), споборниками (1 Макк. VIII. 20, Остр. споборницы им. ин. ви. винит.), скорпионами (3 Цств. XII. 11, Остр. друг. текстъ), Ёлинами (2 Макк. IV. 36, Остр. друг. текстъ) и т. д.

У М. Смотрицкаго находимъ вездѣ двѣ формы для твор. множ., одну по типу основъ на *а-*, другую исконную: *клеврѣтами*, *клеврѣты* (л. 105 на об.), *гарматами*, *гарматы* (л. 106 на об.), *воинами*, *воины* (л. 107), *юродами*, *юроды* (*ibid.* на об.), *дрогатами*, *дрогуги* (л. 109 на об.), *пророками*, *пророки* (л. 110) и т. д.

Такимъ образомъ, окончаніе *-ами*, заимствованное отъ основъ на *а-*, должно быть отнесено на счетъ вліянія русскаго языка и распространилось сравнительно въ новѣйшее время. Въ языкѣ Остр. и Первоп. библій это окончаніе весьма рѣдко.

Предложный множественнаго также представляетъ нѣсколько образований.

Преобладаютъ формы исконныя: *трѣдѣхъ* (1 Парал. X. 3, Остр. другой текстъ: *въ скорѣѣ*), *градѣхъ* (Іерем. XXXII. 44, Остр. *градѣ* и *градѣхъ*, Первоп. *градѣхъ*, Захар. VIII. 20, 21, Остр. *градѣхъ*, Первоп. *градѣхъ*, Іезек. XXXIX. 9, Остр. *градѣхъ*, Первоп. *градѣхъ*), *розѣхъ* (Дан. VII. 20, Остр. *розѣхъ*, Первоп. *розѣхъ*), *облацѣхъ* (М. XXVI. 64, М. XXIV. 30, Остр. *облацѣхъ*), *во гробѣхъ* (Мр. V. 3, Остр. *въ гробѣхъ*, Первоп. *гробѣхъ*), *помѣхъ* (М. X. 9, Остр. безъ ударенія, Первоп. *помѣхъ*), *дѣхъ* (М. X. 1, Остр. *дѣхъ*, Первоп. *дѣхъ*), *холмѣхъ* (Ос. V. 8, Остр. *холмѣхъ*, Первоп. *холмѣхъ*) и *холмѣхъ* (*ibid.* IV. 13, Остр. и Первоп. другой текстъ), *вельюдѣхъ* (Ис. XXX. 6, Остр. *вельюдехъ*, Перв. *вельюдѣхъ*) и т. д.

Рядомъ довольно часто встрѣчаются формы съ окончаніемъ *-ах* (цсл. *-ахъ*), заимствованныхъ отъ основъ на *а-*: *вѣсѣахъ* (Іерем. XXXII. 10, Остр. другой текстъ: *прѣвѣснахъ*), *крѣвахъ* (*ibid.* 29, Остр. *храминахъ*), *лѣкахъ* (1 Парал. X. 3, Остр. другой текстъ), *ослѣахъ* (Ис. XXX. 6, Суд. XII. 14, Остр. др. текстъ), *прагахъ* (Исх. XII. 7. Въ Остр. и Первоп. такъ же), *вѣсахъ* (Лев. XIX. 35, Остр. *прѣвѣсѣ*, Первоп. *прѣвѣсѣхъ*), *въ цвѣтахъ* (3 Ездры IX. 26, Остр. *оуцвѣтъ*), *рогахъ* (Исх. XXIX. 12, Остр.

другой текстъ), рѣахъ (1 Цств. XIII. 6, Остр. др. текстъ), цитахъ (1 Парал. XII. 34, Остр. другой текстъ, но вѣннахъ въ этой же главѣ), слѣахъ (Иов. XXXVIII. 16, Остр. друг. текстъ), горшкахъ (Числ. XI. 8. Такъ и въ Остр. и Первоп.), жѣрновахъ (Числ. XI. 8, Остр. жѣрновѣ, Первоп. жѣрновахъ, М. XXIV, 41, Остр. жѣрновѣ, Первоп. жѣрновахъ), затвѣрахъ (3 Ездри IV. 35, Остр. другой текстъ), предѣлахъ (1 Парал. VI. 54, Остр. и Первоп. предѣлахъ), всѣдникахъ (1 Макк. I, 17, Остр. ии. ии.), ѿбрѣахъ (3 Макк. II. 22, Остр. друг. текстъ), праздниахъ (Иезек. XXXVI. 38, Остр. ван. ед.), вертепахъ (Ис. VII. 19, Остр. друг. текстъ), исполнахъ (Прем. I. Сир. XVI. 8, Остр. друг. текстъ), всѣдникахъ (1 Макк. I, 17, Остр. всѣдники), ѿбрѣахъ (3 Макк. II, 22, Остр. друг. текстъ) и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, формы на -ахъ встрѣчаются главнымъ образомъ въ новѣйшемъ, исправленномъ и частью вновь переведенномъ текстѣ Библии; въ Острожской и Первопечатной онѣ гораздо рѣже.

Изрѣдка встрѣчаются и формы исконнаго предложнаго падежа ии. ч., уподобленныя въ своемъ написаніи формамъ того же падежа основъ на і-, у которыхъ стел. -ѣхъ должно было дать -ѣхъ. Разница здѣсь только на бумагѣ, такъ какъ е и ѣ въ русскомъ, а слѣдовательно и церковнославянскомъ, уже не различались другъ отъ друга въ произношеніи XVI-го вѣка. Въ Новой Библии такихъ написаній очень немного; примѣромъ можетъ служить предѣлахъ (Второзак. XXVIII. 40, Остр. предѣлахъ, Первоп. предѣлахъ, ср. также 1 Парал. VI. 54; цвѣтахъ, Остр. Пѣснь II. IV. 5) и т. д.

У М. Смотрицаго находимъ также написанія: клеверѣтахъ (л. 105 на об.), юродѣхъ (л. 107 на об.), ароуѣ (л. 109 на об.), пророцѣхъ (л. 110), рядомъ съ правильными на -ѣхъ; основы іарѣмъ (л. 106), вѣнизъ (л. 107), грѣхъ (л. 110), имѣють у него только правильныя написанія. Въ Остр. и Первоп. В. такія написанія нерѣдки.

Относительно ударенія необходимо замѣтить, что древнѣйшее его мѣсто у основъ односложныхъ на первомъ слогѣ, т. е. на томъ слогѣ, на которомъ оно было въ именит. ед.; въ Остр. В. грѣ-

дѣхъ, рѣхъ, Первон. грѣхъ, дѣхъ; — въ Новой: гсѣхъ, рѣхъ, грѣхъ, дѣхъ. Это перенесеніе ударенія очевидно вызвано вліяніемъ русскихъ формъ: *городѣхъ, роиѣхъ, трѣбѣхъ* и т. д.

Основы среднего рода на о- въ общемъ представляютъ тѣ же особенности и новообразования, что и основы муж. рода. Единственное число ихъ не уклоняется отъ старослав. склоненія, за исключеніемъ творит. п., имѣющаго суффиксомъ -ш (цсл. -мъ), вмѣсто ожидаемаго -ш' (-мъ=стсл. мь).

Такимъ образомъ склоненіе церковнославянскихъ основъ на о- въ единственномъ числѣ совершенно тождественно съ русскимъ склоненіемъ тѣхъ же основъ.

Им. мѣко (Пѣснь Пѣсн. IV. 11, Остр. мѣко, Первон. мѣко), чрѣво (ibid. V. 14), вино (Ис. Сир. XXXI. 29. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Родит. злата (ibid. I. 10), сребра (ibid. I. 10. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Дат.: зернѣ (Л. XIII. 19, Остр. зернѣ).

Винят.: злато, сребро (Ис. Сир. XLVII. 21); зват.: чѣдо (ibid. XXXVIII. 9, 16).

Творительный: виномъ (I. Сир. XXXI. 32. Такъ и въ Остр.), мѣкомъ (Пѣснь П. V. 1, Остр. мѣкомъ, Первон. мѣкомъ), и т. д. Своеобразная заміна творит. ед. формой твор. двойств. имѣется въ столѣ ѡгнцы (Быт. XXXIII. 19, Остр. столъ, Первон. стѣмъ), вызванномъ двѣма стѣма (Мр. VI. 37, Остр. двѣма стома, Іоан. VI. 7, Остр. стѣма) и т. п.

Предложный: чрѣнѣ (I. Сир. XL. 32), винѣ (ibid. XXXI. 29), мѣцѣ (Пѣснь П. V. 12, Остр. мѣцѣ, Первон. мѣцѣ) и т. д.

Двойственное число уклоняется въ им. вин. зв. отъ старославянской нормѣ.

Вмѣсто ожидаемаго -ѣ (стсл. лѣтъ и т. д.), мы встрѣчаемъ здѣсь -а, какъ у основъ м. р. на о-, вліяніемъ которыхъ эта форма и объясняется. Сверхъ этого такой им. вин. зв. дв. числа на -а совпадаетъ совершенно съ им. вин. зв. мн. числа, что, конечно, еще болѣе способствовало утратѣ церковнославянскихъ формъ дв. числа: двѣ лѣта (Дѣян. XXVIII. 30, Остр. двѣ лѣтъ, Первон.

У Зизанія И. В. З. оустѣ, оустнѣ, р. п. оустнѣ, дат. оустѣма (л. 40).

Множественное число, рядомъ съ исконными, въ общемъ хорошо сохранившимися формами, представляетъ нѣкоторыя новообразования, обязанныя своимъ возникновеніемъ морфологической ассимиляціи.

Именит., винит. и зват. не представляетъ отклоненій отъ старославянской нормы: вратѣ (Пезек. XLVIII. 31—34, Остр. врата, Первоп. вратѣ), стада (Быт. XXIX. 2, 3, Остр. стада, Первоп. стада, Ис. XXV, 11, 10, Остр. др. текстъ), чада (М. III. 9), дрова (Лев. I. 7, 8, Остр. такъ же), дѣла (3 Цств. V. 16, Остр. вин. ед.) и т. д.

Удареніе Новой бібліи, вызванное у нѣкоторыхъ основъ вліяніемъ русскаго языка, отличается отъ ударенія Острожской, какъ это мы уже не разъ видѣли.

Родительный множественнаго или правильно: чѣдъ (М. XXII. 24, Быт. XLIX. 3), вратъ (Пезек. XL. 3, 14, 15 и т. д.) и т. д., или по типу основъ на и-: чѣда, чѣдшвъ (Требникъ, вѣнчальный обрядъ), гѣблокшвъ (3 Цств. VII. 42, Остр. VI гл. другой текстъ: шѣпковъ), но гѣлашкъ (ibid. 18), мѣршвъ (2 Парал. XVI. 14. Остр. род. е.), забрѣлашвъ (Пл. Іерем. II. 7, Остр. вин. мн.).

Послѣднія формы новѣйшаго происхожденія и очень рѣдки. Въ Остр. и Первопеч. онѣ отсутствуютъ. Такъ же рѣдки формы съ развитіемъ вторичнаго гласнаго, какъ въ русскомъ: ѡконъ (3 Цств. VII. 4, Остр. ѡкѡ, Первоп. ѡкшнъ),

Дательный множественнаго представляетъ двѣ формы: исконную, какъ дѣлашмъ (Іерем. I. 16, Остр. дѣломъ, Первоп. дѣлашмъ), чѣдшмъ (2 Кор. VI. 13), вратшмъ (3 Цств. VI. 33, Остр. вратомъ, Первоп. вратшмъ) и т. д. или образованную по типу основъ на а-: крѣлашмъ (Ис. XVIII. 1, Остр. друг. текстъ: крѣла), рѣбрашмъ (Ис. XI. 5, Остр. др. текстъ: рѣбра), сѣлашмъ (1 Парал. VI. 54, Остр. другой текстъ), по забрѣлашмъ (Іерем. XLIX. 3, Остр. по забрѣлашъ), нсѣлашмъ (Исх. XXXVIII, Остр. такъ же), мѣсташмъ (3 Ездры XVI. 71, Остр. дат. е.), лѣкаштвашмъ (1 Макк. XIII. 46, Остр. лѣкашествошмъ, Первоп. -шмъ), дѣлашмъ (2 Макк. XI. 1,

Остр. друг. текстъ), царствамъ (3 Ездры XII. 13, Остр. црѣѡ, Первон. црѣѡмъ) и т. д. Последнія формы, какъ это видно изъ примѣровъ, внесены въ исправленный текстъ, и въ Острожской библии еще рѣдки.

Творительный мн. представляетъ нѣсколько образованій. Встрѣчаются исконныя формы: чѡды (Галат. IV. 25), дѣлы (2 Петр. II. 8), сты (1 Цств. XXX. 10, Остр. такъ же) и т. д. Рядомъ съ ними изрѣдка формы по типу основъ ср. р. на ес-: дѣлеси (Іерем. XXXII. 19, Остр. дѣлеси, Перв. дѣлеси; 4. Цств. XXII. 17, Остр. дѣлеси). Въ Новой библии довольно часты образованія по типу основъ на а-, которыя произошли, быть можетъ, и не безъ вліянія имен. множ. на -а: ѡкнами (Іерем. XXII. 14, Остр. вин. мн.), рѣбрами (Іезек. XXXIV. 21, Остр. рѣбры, Первон. рѣбры), копытами (Іезек. XXVI. 11, Остр. слѣдѡ), вратами (2 Парал. VIII. 5, Остр. вин. мн. врата), крѣлами (3 Ездры XI. 5, Остр. др. текстъ), дѣлами (3 Цств. V. 16, Остр. тв. ед. 3 Ездры, IX. 7, Остр. по дѣломъ, 2. Парал. II. 18, Остр. д. мн. дѣломъ), оустами (Второз. XXIII. 23, Остр. и Первон. оустіами), стѣлами (2 Цств. XVIII. 4, Остр. и Первон., сторицами), носілами (2 Пар. V. 8. Такъ же въ Остр. и Первон.) мѣстами (1 Макк. XV. 29, Остр. мѣста вин. мн.), дѣлами (2 Макк. III. 7, Остр. богѣствы), бѣдствами (тамъ же, VI. 16, Остр. друг. текстъ), стадами (тамъ же, XIV. 14, Остр. друг. текстъ) и т. д. Последнія формы, вызванныя вліяніемъ русскаго языка, языку Остр. и Первон. библии почти совсѣмъ чужды и встрѣчаются главнымъ образомъ въ исправленной библии.

Предложный множ. представляетъ такія же образованія, какъ соотвѣтствующій падежъ бывшихъ основъ м. р. на о-. Рядомъ съ исконными формами, какъ чреслѣхъ (М. III. 4, Остр. чреслѣхъ, Первон. чреслѣхъ), но чреслѣхъ (Іер. XIII. I, Остр. чреслѣхъ, Первон. такъ же), оустѣхъ (М. XVIII. 16, Остр. оустѣ, Первон. -ѣхъ), челѣхъ (Апок. XIV. 1, Остр. челохъ, Первон. челахъ), чѡдѣхъ (М. XXVII. 25, Остр. и Первон. чѡдѣхъ), мѣстѣхъ (Іер. VIII. 3, Острожск. мѣстѣхъ, Первон. мѣстѣхъ), вратѣхъ (2 Цств. XVIII. 4, Острожск. прѣвраты,

Первоп. пре́двраты), крилѣхъ (Мал. IV. 2, Остр. др. текстъ) стѣхъ (3. Ездры VII. 28, Остр. цифры) и т. д., встрѣчаются довольно часто формы, образованныя по типу основъ на а-: челахъ (Апок. VIII. 16, Остр. челохъ, Первоп. челахъ), селахъ (Перм. XIII. 27, Остр. селѣ, Первоп. селахъ), стѣгнахъ (Лев. III. 10, Остр. стѣгна, Первоп. стѣгна), мѣстахъ (Тов. V. 5, Остр. и Первоп. другой текстъ), нѣдрахъ (Ездры XV. 55. Остр. вѣдрахъ (sic!), Первоп. вѣдрахъ), царствахъ (Второз. XXVIII. 25, Остр. цѣтѣ, Первоп. цѣтвахъ; 3 Цств. IV. 21, Остр. и Первоп. другой текстъ), дровахъ (Лев. IV. 12, Остр. тв. ин. дрѣвы), брашнахъ (Евр. IX. 10, Остр. и Первоп. на брашна), плѣнствахъ (Юд. XIII. 15, Остр. и Первоп. другой текстъ: плѣнъ), колѣнахъ (2 Цств. XIX. 9, Остр. колѣна, Первоп. колѣнахъ; Быт. XXX. 3, Остр. и Первоп. на лонѣ; Второз. XXVIII. 35, Остр. колѣнохъ, Первоп. колѣнахъ), каділахъ (1 Цств. III. 14, Остр. и Первоп. такъ же), ѣзерахъ (Лев. XI. 9, 10, Остр. ѣзѣрахъ, Первоп. ѣзерахъ), мѣрилахъ (Дан. V. 27, Остр. и Первоп. мѣрахъ), оубійствахъ (Иезек. XLIII. 7, Остр. и Первоп. другой текстъ). Относительно ударенія въ склоненіи основъ ср. р. на о-можно замѣтить въ общихъ чертахъ то же, что было уже указано при разсмотрѣніи основъ м. р. Первопечатная и Новая б. представляютъ почти такое же удареніе, какое мы находимъ въ современномъ русскомъ: млѣко (молоко), млѣкомъ (молокомъ), млѣцѣ (молоко), стада (стада), дѣломъ (дѣломъ), вратами (воротами), мѣстахъ и т. д. Острожская же имѣетъ удареніе на второмъ съ конца слогѣ: млѣко, млѣкомъ, млѣцѣ, стада, дѣломъ, враты и т. д. Есть ли это діалектическая особенность, свойственная въ то время западно-русскому (что, однако, мы лишены возможности провѣрить), или только черта печатнаго церковнославянскаго языка, сложившаяся даже, быть можетъ, совсѣмъ искусственно, судить трудно. Мы можемъ только констатировать это различіе удареній, которымъ объясняется нерѣдко особая акцентуація словъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго въ русскій. Какое бы происхожденіе эта акцентуація ни имѣла, но она, очевидно, соблюдалась при чтеніи во время богослуженія и въ из-

вѣстныхъ случаяхъ усваивалась вмѣстѣ съ заимствованными изъ церковнославянскаго словани.

§ 15. Бывшія основы мужскаго и средняго рода на *jo-*. Основы эти въ своемъ склоненіи, рядомъ съ формами исконными, насчитываютъ не мало новообразованій, вызванныхъ морфологической ассимиляціей. Уподобляющими типами служили основы на *o-*, съ которыми основы на *jo-* тѣсно связаны параллелизмомъ извѣстныхъ формъ, основы на *i-*, благодаря совпаденію нѣкоторыхъ падежей, и основы на *a-*, имѣвшія вообще широкое вліяніе рельефностью своихъ окончаній, а также и основы на *u-*.

Основы муж. рода. Единственное число. Именительный не представляетъ особнхъ уклоненій отъ старославянскаго; конечное *-ь* исчезаетъ, оставляя послѣ себя палатальность послѣдняго согласнаго основы: *царь* (М. II. 3), *вѣждь* (ibid. 6), *крѣтитель* (ibid. III. 1) и т. д. Такъ какъ нѣкоторые согласные (*ш, ж, ц*) утратили эту палатальность въ живой рѣчи большинства русскихъ говоровъ, то въ церковнославянской графикѣ, рядомъ съ *-ь*, обозначающимъ палатальность послѣдняго согласнаго основы, мы встрѣчаемъ и *-ъ*, обозначающее только отсутствіе палатальности: *но́жъ* (М. XXVI. 51, 52. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), *мѣ́жъ* (М. I. 19. Такъ уже въ Остр. и Первоп.) и т. д., *ко́кошъ* (М. XXIII. 37, въ Остр. и Первоп. такъ же), *о́цъ* (М. XXIV. 36, Остр. *ѡ́цъ*, XV. 35, Остр. *ѡ́цъ*, но Первоп. *ѡ́цъ*, X. 21, Остр. *ѡ́цъ*), *сѣ́пѣцъ* (М. XV. 14, Остр. *сѣ́пѣцъ*, но Первоп. *сѣ́пѣцъ*), *писѣ́цъ* (Неом. VIII. 4, Такъ и въ Остр.), *вѣ́нѣцъ* (I. Сир. XXV. 8, Остр. *вѣ́нѣцъ*, Первоп. *вѣ́нѣцъ*) и т. д.

Вліяніемъ западно-русскаго произношенія объясняются такіа написанія, какъ *царъ* у Зизанія (л. 35), и отнесеніе основы *сѣверъ* у него же въ одному склоненію съ *ко́нь* (л. 34).

Такъ какъ *ѣ* въ большинствѣ русскихъ говоровъ (если не во всѣхъ) палатально, то церковнослав. графика сохраняетъ *ь* послѣ *ч*: *мѣ́чь* (1 Цетв. XXI. 8, 9, Остр. другой текстъ), *плѣ́чь* (М. XXV. 30, Остр. *плачъ*, Первоп. *плѣ́чь*, VIII. 12, Остр. и Первоп. *плѣ́чь*) и т. д. Встрѣчающеса иногда послѣ *ч-ъ* объяснано своимъ происхожденіемъ графической ассимиляціи. У М. Смир.

отецъ (л. 111), чванецъ (ib. на обор.), жрецъ (л. 113 на об.), но матѣжь (л. 124), стражь, моужь (л. 123 на обор.). Послѣ ч также вездѣ ъ: врачь (л. 131), мѣчь, кличь (ib. на обор.).

Родительный не представляетъ уклоненій отъ старославянскаго: царѣ (М. II. 9), крѣтителѣ (Мр. VI. 25), мѣжа (Л. I. 34). первенца (ibid. вм. винит. II. 7) и т. д.

Дательный падежь или правильно съ окончаніемъ -и (-ѣ послѣ непалатальныхъ согласныхъ, -ю послѣ палатальныхъ): црѣю (М. XXII. 2), пѣназю (М. XX. 2. 9. 10), кораблю (Дѣян. XXVII. 15), ѡцѣ (Л. I. 73), жерцѣ (Числ. XIX. 3) и т. д., или по типу основъ на и- съ окончаніемъ -евѣ (цсл. -евѣ): мѣжеви (Л. Сир. VII. 27, Л. I. 27, 1 Цств. XXI. 8, 9, Остр. мѣжеви, Первоп. мѣжеви), змѣеви (Ам. IX. 3, Остр. змѣеви, Первоп. змѣеви), царѣви (Эсѣ. VI. 4, Остр. црѣви, Первоп. црѣви), но мѣжѣ (ibid. 6. Такъ и въ Остр.), царю (ibid. 7. Въ Остр. такъ же), врачѣви (М. Смотр. л. 131, но рядомъ врачю)— все у именъ односложныхъ, означающихъ одушевленные существа; это окончаніе имѣется еще у немногихъ основъ двухсложныхъ и многосложныхъ, какъ: винарѣви (Л. XIII. 7. Такъ и въ Остр.), іерѣеви (Мр. I. 44, Остр. іерѣови, Первоп. іерѣови), Кесарѣви (М. XXII. 17. 21, Остр. кесарѣви, Первоп. такъ же кесарѣви), также именъ одушевленныхъ существъ; единственное имя неодушевленное—ѡлтарѣви (1 Кор. X. 18. Въ Остр. и Первоп. такъ же), но въ ѡлтарю (М. V. 23); кромѣ того имена собственныя, какъ и у основъ на о-, также имѣютъ это окончаніе: Мѡвѣсѣви (Мр. IX. 5, Остр. моѡсѣови, Первоп. мѡвѣсѣови), Іилѣви (Іоа. I. 31, Остр. їилѣви, Первоп. їилѣви), Мардохѣеви (Эсѣ. VIII. 2, Остр. и Первоп. такъ же), но Мардохѣю (ibid. VII. 9. 10. Такъ и въ Остр.); Нѡеви (Быт. VIII. 15 Остр. нѡеви), но Нѡю (ibid. VII. 9, 15, 16, Остр. нѡеви, Первоп. нѡеви) и т. д. Рядомъ имѣется и окончаніе -ови, какъ у основъ на о-: іерѣови (М. VIII. 4. Такъ и въ Остр.), Мѡвѣсѣови (М. XVII. 4. Такъ и въ Остр.), архіерѣови (М. XXVI. 57) и т. д. У М. Смотрицкаго: ѡтцѣ (л. 111), чванцѣ (л. 111 на об.), жерцоу (л. 113 на об.), послѣ ц вездѣ ѣ; послѣ ж однако ю: матѣжю (л. 124);

у основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: пастырю (л. 123), свидѣтелю (л. 124 на об.), ходатаю (л. 125), іерѣю (л. 126), мравію (ib. на об.), знѡю (л. 127 на об.), крагоую (л. 128) и т. д. Прииѣръ дат. на -єви только одинъ: вѣрачи, рядомъ съ врачю (л. 131). У Зизанія коню, рядомъ съ конєви (л. 34), ною, іерѣю, рядомъ съ нѡєви, іерѣєви (л. 41). Ассимиляція къ основамъ на ц-, конечно, происходила при посредствѣ основъ на о-, которыя имѣли больше точекъ соприкосновенія съ основами на ц- и потому носятъ на себѣ болѣе многочисленныя слѣды ихъ вліянія.

У основъ же на јо- это вліяніе, какъ видно изъ примѣровъ, не было особенно значительно, что естественно въ виду бѣльшаго различія, имѣвшагося между данными основами.

Винительный падежъ сохранился въ употребленіи только у именъ, означающихъ неодушевленные предметы. Синтаксическая заѣна его формой родительнаго падежа проведена въ языкѣ печатныхъ книгъ почти такъ же послѣдовательно, какъ у основъ на о-. Случай сохраненія первичнаго винит. у именъ одушевленныхъ: привѣдше телецъ оупитанный (Л. XV. 23), но заклѣ... тельца (ibid. 27, 30, Остр. еще заклѣ... телецъ, Первон. такъ же телецъ), ѡбращаете младѣнца повѣта (Л. II. 12, Остр. ...младѣнецъ, Первон. младѣнецъ), ѡбрѣтоша... младѣнца лежѣща (ibid. 16, Остр. ...младѣнецъ, Первон. младѣнецъ), роди сѣна своего первенца (ibid. 7, Остр. и Первон. такъ же первенца). Но такихъ случаевъ весьма мало; въ Остр. и Первон. они были чаще, но во всякомъ случаѣ заѣна винит. ед. формой родит. того же числа и въ ихъ текстѣ проведена весьма послѣдовательно. Что касается окончанія винит. падежа, то онъ совершенно тождественъ въ этомъ отношеніи съ уже разсмотрѣннымъ именит. ед.

Звательный сохранился у большинства основъ: црю (М. XXVII. 29), оучителю (М. XIX. 16), врачъ (Л. IV. 23, Остр. и Первон. врачю), но мечю (Зах. XIII. 7, Остр. др. текстъ), мѣжъ (1. Кор. VII. 16, Остр. мѣжъ, Первон. мѣжъ), царю небесный оутѣшителю (изв. молитва) и т. д. Формы зательнаго на -є, какъ у основъ на о-, имѣвшіяся, наприиѣръ, у стел. отъѣе, кѣмаже, цѣлав. Оѣе (Л. X. 21, XI. 2 и т. д.) вызвали и такіе зват.

надежи, какъ крагоуе (М. См. л. 128), хотя во всѣхъ остальныхъ основахъ съ послѣднимъ -j у него имѣется -и (-ю): ходоатау (л. 125), іерію (л. 126), мравію (ibid. на об.), знюю (л. 127 на об.), любодію (л. 128 на об.) и т. д. Этотъ звательный надежъ имѣется также у именъ собственныхъ съ суффиксомъ -ij (-ий): Аѳанасіе, Касіаліе, Антѡніе и т. д. Въ послѣднихъ случаяхъ имъ ожидали бы также -ю (-ju), вмѣсто котораго однако является -е (мравій—мравію=Касіалій—Касіалію).

Причина, вызвавшая здѣсь морфологическую ассимиляцію, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что само по себѣ отдаленное и рѣдкое Оче, послужившее прототипомъ, обыкновенно стояло рядомъ: Оче Касіаліе и т. д.

Такимъ образомъ здѣсь играла роль ассоціація по смежности, ассоціація рядовая, подобная замѣчаемой у именъ числительныхъ: У Зизанія находимъ коню (л. 34).

Творительный уклоняется отъ старославянскаго: вмѣсто ожидаемаго окончанія -ст' (=стсл. -іемь), мы имѣемъ -ѡш (цсл. -емъ) съ утратой согласнымъ -ш палатальности.

Гласный -ѡ- этого окончанія одинаково можетъ отвѣчать и стсл. -е- (-іе) основъ на jo-, и стсл. -ь- основъ на i-, съ которыми цслав. основы на jo- совпали въ извѣстныхъ отношеніяхъ: ножѣмъ (М. XXVI. 52, Остр. ножѣ, Первон. какъ въ Новой), Оцѣмъ (М. XVIII. 14, Остр. ѡцѣмъ, Первон. ѡцѣмъ), Ѡлтарѣмъ (М. XXIII. 18, Остр. ѡлтарѣ, Первон. ѡлтарѣмъ) и т. д. Такъ же у Зизанія: конѣмъ (л. 34). Въ нѣкоторыхъ, немногочисленныхъ случаяхъ имѣется и окончаніе -омъ отъ основъ на o-: Назворѣомъ (М. XXVI. 71, Остр. назворѣомъ, Первон. назворѣомъ). Сохраненіе -о- указываетъ на отсутствіе согласнаго j.

Предложный надежъ рядомъ съ исконными формами, какъ въ раи (Л. XXIII. 43); краи (Исх. XIV. 30), во Ііан (Второз. XXV. 9, 10, 1. Макк. I. 25); мѣжи (1 Цств. IV. 21, Остр. друг. текстъ); Ѡлтарі (1. Макк. VI. 7) и т. д. имѣются формы новѣйшаго происхожденія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ основамъ на o-: црѣ (Исх. XXXVII. 21, Остр. црѣ, Первон. также црѣ), Ѡлтарѣ (1. Макк. I. 54, Остр. на ѡлтарѣ,

Первоп. ѿлѣтъ), мѣѣ (ibid. 58. Такъ и въ Остр. и Первоп.), чвѣнцѣ (3. Цств. XVII. 12. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), пѣрвенцѣ (Зах. XII. 10. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), клѣдѣзѣ (Быт. XXVI. 32, Остр. и Первоп. клѣдѣзи), кораблѣцѣ (Прем. Сол. XIV. 6, Остр. корабльци. Первоп. корабльци) и т. д. Такимъ образомъ изъ при- мѣровъ видно, что окончаніе -ѣ, отъ основъ на о-, является глав- нымъ образомъ въ Новой Б., въ Остр. и Первоп. мы находимъ его только послѣ утратившаго палатальность ц, и то не всегда, въ дру- гихъ же случаяхъ имѣется исконное -и. Появленіе такихъ формъ съ -ѣ объясняется русскимъ вліяніемъ, берущимъ все болѣе и болѣе верхъ надъ традиціоннымъ церковнославянскимъ матеріаломъ. Окон- чаніе -ѣ должно было явиться прежде всего у основъ съ послед- нимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, напр. у основъ съ суффиксомъ -ѣцъ (-ѣс = стсл. -ѣцъ), что мы и видимъ дѣйстви- тельно. У М. Смотрицкаго преобладаютъ исконныя формы на -и: пѣстыри (л. 123), мѣтѣжи (л. 124, NB. удареніе), свидѣтели (ib. на об.), ходѣтан (л. 125 на об.), іерѣи (л. 126), мѣрѣи (ibid. на об.), знѣи (л. 127 на об.), крагоуи (л. 128), врачѣи (л. 131), и т. д., но ѿцѣи (л. 111), чвѣнцѣи (ib. на об.), которыя и отнесены къ одному, склоненію съ грѣхъ и т. д., т. е. къ основѣ на о-.

Двойственное число отвѣчаетъ старославянскому им. вин. зв.: ры- барѣ, (М. IV. 18. И. дв.), кораблѣ (Л. V. 2, 7, вин.), двѣ горѣ (Апок. IX. 12. Ии.), двѣ мѣжи (1. Цств. X. 2. вин.), двѣ конца (Исх. XXXV. винит.), двѣ сосѣа (Пѣснь П. IV. 5. Имен. Остр. двѣ сѣсца, Первоп. двѣ сосѣа), двѣ мѣаа близницѣ (sic! ibid. имен. Остр. двѣ мѣаа близницѣ, Первоп. двѣ мѣаа близницѣ: Опечатка или ошибка Первопеч. Б. сохранена и въ Новой) и т. д. У Зизанія конѣ (л. 34), іерѣи (л. 41). Родит. и предлож- ный также не представляютъ особенностей: кораблю (Л. V. 3, родит. п. Остр. кораблю, Первоп. -ю).

Дат. и твор. являются правильными продолжателями старо- славянскаго: пѣназема (Твор. дв. Л. XII. 6, Остр. и Первоп. такъ же). У М. Смотрицкаго обычная дифференціация этихъ двухъ падежей: для дательнаго исконная форма, какъ пѣстырема (л. 123), мѣтѣжема (л. 124), свидѣтелема (л. 125), іерѣема (л. 126) и т. д., для

творительнаго форма, образованная по типу основъ на і-: пастырьма, матѣжьма, свидѣтельма, іерейма и т. д. Основаній для такой дифференціаціи въ языкѣ библіи и въ этомъ случаѣ не имѣется, такъ что она должна быть признана произвольной и чисто теоретической, тѣмъ болѣе, что вообще формы двойственнаго ч. весьма рѣдко встрѣчаются. У Зизанія по типу основъ на о-: іерёома (л. 41), но конёма (л. 34).

Множественное число. Именительный представляет нѣсколько новообразованій рядомъ съ исконной формой. Примѣромъ послѣдней могутъ служить: князи (М. XX. 25), царі (Дан. XI. 2, Остр. цри), мытарі (М. XXI. 32, Остр. мытарє, Первоп. мытари), пастыри (Іезек. XXXIV. 8, Остр. пастыри, Первоп. пастыри), свидѣтели (Прем. Сол. IV. 6, Остр. еще свѣдѣтели, Первоп. свѣдѣтели), и т. д. Послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, имѣется -ы: юнцы (М. XXII. 4, Остр. юнцы, Первоп. юнцы), концы (Пс. LXVI. 8, Остр. концы, Первоп. концы), младѣнцы (Осія. XIV. 1, Остр. и Первоп. такъ же), кѣпцы (Іезек. XXVII. 15, 17, 18, 20 и т. д., Остр. кѣпцы, Первоп. кѣпцы), и т. д.

Послѣ ж встрѣчается и -и: матѣжи (Мр. XIII. 8, Остр. и Первоп. такъ же), но мѣжи (Числ. XVI. 2, Остр. мѣжи, Первоп. мѣжи; Быт. XXIV. 54, Остр. и Первоп. мѣжи) и т. д. У М. Смотрицкаго встрѣчаемъ -и и послѣ ц: ѡтци (л. 111), чванци (л. 112), но едва ли такіа написанія указываютъ на палатальность предшествующаго согласнаго.

Рядомъ съ этими формами, сохранившими исконное образованіе, имѣются многочисленныя новообразованія по типу основъ на і-: рыбаріє (Л. V. 2, Остр. рыбаріє, Первоп. какъ въ Новой б.), пастыріє (Іезек. XXXIV. 8. Рядомъ въ томъ же стихѣ пастыри, Остр. въ обоихъ случаяхъ пастыри, Первоп. пастыри, Л. II. 15, 20, Остр. и Первоп. такъ же пастыріє), цріє (М. XVII. 25, Остр. и Первоп. такъ же), мѣжіє (Л. V. 18. Такъ и въ Остр. и Первоп.), законоучителіє (ibid. 17, Остр. законо оучителіє, Первоп. какъ въ Новой), слышателіє (Римл. II. 13, Остр.

и Первон. такъ же), дѣлателѣ (зват. мн. Л. XIII. 27, Остр. дѣлателѣ, Первон. какъ въ Новой) и т. д.

Формы эти не представляютъ собой исключительнаго достоинства новаго церковнославянскаго языка печатныхъ книгъ (на это указываютъ и согласіе всѣхъ трехъ текстовъ) и имѣлись уже въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка, хотя въ гораздо меньшемъ количествѣ. Такъ же часты и формы, образованныя по типу основъ на согласный и встрѣчающіяся въ большомъ количествѣ и въ старославянскихъ памятникахъ: предѣтелѣ (2 Тимов. III. 4, Остр. и Первон. такъ же), прелагѣтелѣ (ibid. 3, Остр. и Первон. прелагѣтелѣ), жесвидѣтелѣ (1. Коринт. XV. 15, Остр. жѣ свидѣтелѣ, Первон. жѣ свидѣтелѣ), рѣгѣтелѣ (2. Петра III. 3. Въ Остр. -е, Первон. -е), но рѣгѣтели (Гудн I. 18, Остр. рѣгѣтелѣ, Первон. -е), свидѣтели (1 Сол. II. 10, Остр. свидѣтелѣ, Первон. свидѣтелѣ), мравіе (Притчи XXX. 25, Остр. мравин, Первон. мравин), фарисее (М. XIX. 3, Остр. фарисее, Первон. какъ въ Новой), иудее (I. X. 31, Остр. иудее, Первон. какъ въ Новой), архіерее (М. XXVI. 59, Остр. архіерее, Первон. архіерее) и т. д. М. Смотрицкій пользуется существованіемъ этихъ параллельныхъ формъ для попытки дифференцировать по формѣ именительный и звательный множ. ч. Такъ находимъ у него им. мн. любодѣ, рядомъ съ зват. любодѣи (л. 129) и наоборотъ им. мн. ходѣтан, но зв. ходѣтелѣ (л. 125 на об.), Им. мн. древодѣле, -и и зват. только древодѣле (л. 129 на об.). Въ другихъ же случаяхъ эта дифференція не проведена, и мы встрѣчаемъ им. и зв. пастыре, пастыри (л. 123 на об.); матѣжіе, матѣже (л. 124); свидѣтелѣ, -ле (л. 125); іерѣи (л. 126), мравіе (л. 127), знѣи. Такимъ образомъ попытка дифференцировать данные надежды является у М. Смотрицкаго исполнѣн случайной и непослѣдовательной.

Рядомъ съ вышеприведенными формами, имѣется значительное число образований по типу основъ на и-. Посредствующимъ звеномъ въ этой морфологической ассимиляціи служили очевидно основы на е-, подвергшіяся ей непосредственно. И у основъ на ю- играетъ важную роль односложность основы, которая сближала ихъ съ основами на и- и односложными на о-.

Собственно именительный множественнаго на -евъ (цел. -еве = *-jove) рѣже, чѣмъ родительный множ. по типу основъ на и-; примѣрами могутъ служить: ѣжеве (Софон. II. 14, Остр. ѣжи, Первop. ѣжи, Ис. XIII. 22, Остр. ѣжеве, Первop. ѣжеве), сиплесе (Ионь. I. 4. Такъ и въ Остр. и Первop.), вѣчеве (Ис. XXVI. 14. Такъ въ Остр. и Первop., Иов. XIII. 4, Остр. и Первop. такъ же), дождеве (Притчи XXV. 14, Остр. дождеве, Первop. дождеве), у М. Смотри вѣчеве (л. 131 им. и зв.), жерцеве (и жерци, л. 114); у двухсложныхъ основъ: вѣбеве (Притчи XXVI. 2, Остр. и Первop. такъ же) и т. д. У Зизанія рядомъ съ „правильной“ формой кѣни имѣемъ и вторичную кѣнѣ, объясняющуюся, вѣроятно, вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія (л. 34 на об.).

Родительный множественнаго представляетъ три формы: исконную основъ на jo-, образованіе по типу основъ на i- и образованіе по типу основъ на и-. Примѣрами первой формы могутъ служить: пѣназь (М. XVІІІ. 28, Остр. пѣназь, Первop. пѣназь), лѣчъ (Прем. Сол. II. 4, Остр. лѣчъ, Первop. лѣчъ), фари́сей (М. V. 20, Остр. фари́сен, Первop. какъ въ Новой), а́рхирей (М. XVI. 21, Остр. а́рхирен, Первop. какъ въ Новой), младе́нецъ (М. XXI. 16, Остр. младе́нецъ, Первop. младе́нецъ), ста́рецъ (М. XVI. 21, Остр. старецъ, Первop. какъ въ Новой), коне́цъ (М. XXIV. 31, Остр. конецъ, Первop. какъ въ Новой) и т. д. Написанія съ -з послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ свидѣтельствуютъ объ утратѣ палатальности этиими послѣдними.

Образованія по типу основъ на i- у основъ односложныхъ: царей (Ис. Сир. XLV. 3, Остр. другой текстъ, Апок. XVII. 12, Остр. еще цѣрь, Первop. цѣрей), мѣжей (Мр. VI. 44, Остр. мѣжин, Первop. мѣжій), коней (Второз. XVII. 16, Остр. и Первop. конѣ; 1 Ездры. II. 66, Остр. кони, Первop. коній; Апок. IX. 19, Остр. другой текстъ), князей (1 Ездры. II. 68, Остр. князи, Первop. князей) и т. д.; у основъ двухъ- и многосложныхъ: коней (Ис. LXIV. 6, Остр. и Первop. дат. мн.), пастырей (Л. II. 18, Остр. пастырин, Первop. пастырій), мѣсцевъ (мѣей, Апок. IX. 5, Остр. мѣъ, Первop. мѣъ), но мѣъ (ib. 10, Остр. мѣъ, Первop. мѣъ), кораблей (Апок. VIII. 9, Остр. кораблей, Первop. кораблей), свидѣтелей (М. XXVI.

65, Остр. свидѣтелн, Первоп. свидѣтелей) и т. д. У Зизанія кѣнь рядомъ съ кѣній (л. 34 на об.). Первично такія образованія очевидно имѣлись у основъ односложныхъ (большая часть основъ на и въ церковнославянскомъ также стала односложной) и отъ нихъ распространились на основы двухъ - и многосложныя. У М. Смотрицкаго находимъ обыкновенно двѣ формы рядомъ — исконную и вторичную: пастырей и пастырь (л. 124 на об.), матѣжей и матѣжь (л. 124), свидѣтелей и -тель (л. 125), дрекодѣлей и -дѣль (л. 129 на об.), или одну исконную: ходатай (л. 125 на об.), іерей (л. 126), мравн (л. 127), знѣй (ib. на об.), крагоуѣй (л. 128 на об.), любодѣй (л. 129).

Образованія по типу основъ на и-, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣчаются чаще всего у основъ односложныхъ и двухсложныхъ или у сложеній, второй членъ которыхъ составляетъ основа одно- или двухсложная: краєвъ (1 Макк. I. 3, Остр. другой текстъ, Ис. XLIII. 6, Остр. краин, Первоп. врай) и краєвъ (Быт. XLVII. 21, Остр. ед. ч.), врачєвъ (Мр. V. 26, Остр. врачѣ. Первоп. какъ въ Новой), вѣєвъ (2 Парал. XVI. 4, Остр. д. мн. вѣемъ), змѣєвъ (Прем. Сол. XVI. 10, Остр. другой текстъ), жерцєвъ (М. Смотриц. л. 114) и жерцѣвъ (2 Парал. V. 12, Остр. жерцѣвъ, Первоп. какъ въ Новой; Лев. XIII. 2, Остр. другой текстъ) и т. д. Основы двухсложныя: стрѣльцєвъ (2 Пар. XIV. 8, Остр. стрѣльцєвъ, Первоп. какъ въ Новой), птенцєвъ (Лев. XIV. 30, Остр. другой текстъ), пешцєвъ (Ис. Сир. XVI. 11, Остр. пѣшєцъ, Первоп. пѣшєцъ), кѣпцєвъ (Ис. Сир. XLII. 5, Остр. другой текстъ) и кѣпѣвъ (2 Пар. IX. 14, Остр. кѣпѣвъ, Первоп. какъ въ Новой), вѣнцєвъ (2 Пар. IV. 13, Остр. другой текстъ), но звонцѣвъ (ib. Остр. звѣнцѣвъ), ѿцѣвъ (Зах. I. 6, родит. в. винит. Остр. винит. ѿца, Первоп. ѿцы, Быт. XLVI. 3, Остр. щцъ, Первоп. ѿцъ), но юнцѣвъ, агнцѣвъ (Ис. I. 11, Остр. другой текстъ), мѣсцѣвъ (Ам. IV. 7, Остр. тв. мн.) и т. д. Сложныя: прѣлюбодѣєвъ (Ис. LVII. 3, Остр. р. ед.), пришеѣцѣвъ (2 Парал. XV. 9, род. в. вин. Остр. винит. мн.) и пришеѣцѣвъ (Лев. XX. 2, Остр. пришеѣцъ, Первоп. пришеѣцъ), ѿбѣчєвъ (Дѣян. XXVI. 3, Остр. д. мн.), злѣдѣвъ (р. в. вин.

1. Петра П. 12, Остр. д. мн.), кровопійцевъ и оутробомѣщивъ, но чадоубійцъ (род. вн. вин. Прем. Сол. XII. 5, Остр. кровопійцевъ, оутробомѣщивъ, чадоубійцъ, Первон. такъ же, какъ въ Новой, кромѣ чадоубійцъ) и т. д. У Зизанія по типу основъ на и-: іерѣшъ (л. 41).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ Остр. и Первопечатной библіяхъ окончаніе -евъ (-овъ или -шъ послѣ непалатального ц) встрѣчается рѣже, чѣмъ въ Новой. Послѣ ц, утраченного палатальность, имѣется въ Новой нерѣдко о (ш), которое, однако, нельзя разсматривать, какъ происшедшее изъ е (ср. русск. воду, вѣтъ) въ виду случаевъ въ родѣ пришѣльщивъ и т. д., гдѣ нѣтъ ударенія на е. Появленіе о послѣ ц, замѣчаемое уже въ Остр. б., объясняется морфологически: полнымъ совпаденіемъ такихъ основъ на јо-, послѣдній согласный которыхъ утратилъ палатальность, съ основами на о-.

Дательный множественнаго въ большинствѣ случаевъ сохраняетъ исконную форму; окончаніемъ служить -ѣмъ (цсл. -емъ = стсл. -емъ, -имъ): тажѣтелѣмъ (Мр. XII. 1), мѣчителѣмъ (М. XVІІІ. 34), мѣжемъ (Перен. XI. 2, Остр. мѣжемъ, Первон. какъ въ Новой), старѣемъ (М. XXVІІ. 3), іерѣемъ (М. XII. 4), архіерѣемъ (М. XXVІІ. 3) и т. д. Рядомъ у основъ иностранныхъ съ послѣднимъ согласнымъ ј- встрѣчается и окончаніе -омъ (цсл. -омъ) отъ основъ на о-: іудѣомъ (І. XVІІІ. 36, Остр. іудѣомъ, Первон. іудѣомъ), фарісеомъ (М. XXII. 41, Остр. фарісеѡ, Первон. какъ въ Новой), архіерѣомъ (Мр. X. 33, Остр. архіерѣомъ, Первон. какъ въ Новой) и т. д.

Изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на а-: книгоучѣмъ (І. Нав. I. 10, Остр. книгоучѣмъ, Первон. книгоучѣмъ), сосѣмъ (2 Макк. VI. 10, Остр. сосѣмъ, Первон. какъ въ Новой) и т. д.

У М. Смотрицкаго преобладаетъ правильная форма: отѣемъ (л. 111 на об.), чванѣемъ (л. 112), пастыремъ (л. 123 на об.), матѣемъ (л. 124), свидѣтелѣмъ (л. 125), ходѣтелѣмъ (л. 125 на об.), іерѣемъ (л. 126 на об.) и т. д. Рядомъ съ правильнымъ д. мн. жерѣемъ встрѣчаемъ у него своеобразную форму жерѣ-

цѣвѣмъ (л. 114), представляющую собой результатъ контаминаціи правильной формы съ вторичной формой дат. мн. основъ на и-, какъ сыновѣмъ (см. выше стр. 188—189).

У Зизанія кѣнемъ, сѣверемъ (sic!): л. 34 на об.; іеревѣ (л. 41) по типу основъ на о-.

Винительный множ. Правильная форма съ а=стел. а сохранилась только въ рѣдкихъ остаткахъ: вѣмъ своимъ (М. XXII. 7, 2 Макк. XII. 20, 38, Остр. вѣмъ своимъ), кѣмъ (М. XIV. 20, Остр. такъ же), жрѣбѣмъ (Іоан. XIX. 24. Л. XXIII. 34, М. XXVII. 35, Остр. жрѣбѣмъ), у М. Смотр. мрѣбѣмъ (л. 127) и т. д.

Изрѣдка встрѣчается синтаксическая замѣна винит. мн. формой родит. мн.: змѣвѣмъ (Числ. XXI. 6, Остр. змѣа, Первон. змѣа), но змѣи (ib. 7, Остр. и Первон. змѣа), пастырей (Іер. XXII. 22, Остр. им. мн.), выше были уже приведены случаи ѡцѣвѣмъ (Зах. I. 6). пришѣльцѣмъ (2 Парал. XV. 9, Остр. пришѣцы, Первон. пришѣлцы), вѣвѣмъ (Іерем. LI. 28). Какъ и въ единственномъ, замѣна эта имѣетъ мѣсто у именъ одушевленныхъ, но проведена далеко не такъ послѣдовательно. Въ большинствѣ случаевъ мы находимъ винит. мн., образованный по типу винит. мн. основъ муж. р. на о-; при этомъ -ы остается только послѣ согласныхъ, утратившихъ свою палатальность, во всѣхъ же прочихъ случаяхъ измѣняется въ -и подъ вліяніемъ предыдущаго палатальнаго согласнаго. Такимъ образомъ винительный въ этихъ случаяхъ становится вполне тождественнымъ съ именительнымъ множественнаго. Основы съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: кѣзи (Эсф. I. 16. Остр. кѣзѣмъ, Первон. кѣзи), кѣни (Іерем. L. 37, Остр. кѣнѣмъ, Первон. кѣни, LI. 27, Остр. кѣнѣмъ, но рядомъ вѣи, Остр. вѣи, кѣни), царѣи (Іс. Сир. XLVIII. 6, 8, Остр. и Первон. цѣмъ, что можетъ быть и род. ед.). саадѣкѣмъ (М. XXII. 34, Остр. сѣдѣкѣмъ, Первон. саадѣкѣмъ), родитѣли (Прем. Сол. IV. 6, Остр. родитѣли), ѡлтарѣи (2 Парал. XXXII. 12, Остр. ѡлтарѣи, Первон. ѡлтарѣи), клѣдѣзи (Быт. XXVI. 18, Остр. клѣдѣзѣмъ, Первон. какъ въ Новой) и т. д. Основы съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность: мѣжи (Быт. XIV. 21, Остр. мѣжа, Первон. мѣжи, Іерем. XXIX. 6, Остр. мѣжа, Первон.

какъ въ Новой), мѣсцы (М. XVII. 15, Остр. мѣа, Первоп. мѣы, Л. I. 56, Остр. мѣа, Первоп. мѣсцы *) и т. д. У Зиванія винит. множ. = именит. мн.: кѡни и кѡнѣ (л. 34 на обор).

Какъ видно изъ послѣднихъ примѣровъ, правильная форма винит. мн. на -а (-а) преобладала въ Остр. библии; въ Первопечатной также встрѣчалась значительно чаще, чѣмъ въ Новой, гдѣ вліяніе русской рѣчи вытѣснило старинную форму.

Въ творительномъ множ. ч. встрѣчаемъ нѣсколько образованій. Исконная форма имѣется въ большемъ количествѣ случаевъ: царѣ (Мр. XIII. 9), мытарѣ (М. IX. 11), свидѣтели (2 Тимоѡ. II. 2), фарисѣи (М. XXVII. 41) и т. д. Послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, находимъ -ы: старцы (М. XXVII. 41), Отцы (3 Цств. XIV. 31); у М. Смотр. отцы (но именит. отци; л. 111), чванцы (л. 112, но им. и зв. чванци подъ вліяніемъ другихъ формъ имен. множ., гдѣ -и стояло послѣ палатальныхъ согласныхъ), жерцы (именит. и зв. опять жерци л. 114); послѣ ж встрѣчаемъ однако -и: матѣжи (л. 124 на об.).

Рядомъ имѣются образованія по типу основъ на i- прежде всего у основъ односложныхъ: конми (Ос. I. 7, Остр. конми, Первоп. такъ же), царми (3 Цств. IV. 24, Остр. другой текстъ Дѣян. IX. 15, Остр. царми, Первоп. цѣми), бичми (3 Цств. XVIII. 28, Остр. бичми, Первоп. бичми), мѣжми (Притчи XXII. 29, Остр. и Первоп. твор. ед. 2 Цств. XIX. 16, Остр. мѣжми, Первоп. какъ въ Новой), мечми (Эсѡ. III. 13, Остр. еще мечи, Первоп. мечи) и т. д. У основъ двусложныхъ: жителми (Перем. I. 34, Остр. и Первоп. жители), жателми (1 Цств. VIII. 12, Остр. и Первоп. такъ же), пастырми (Пер. III. 1, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. У М. Смотрицаго пастырми (л. 123 на об.), матѣжми (л. 124 на об.), свидѣтельми (л. 125), ходатайми (л. 125 на об.), іерейми (л. 126 на обор.), мравѣми (л. 127), знѡйми (л. 128), крагѣми (л. 128 на обор.), любодѣми (л. 129), древодѣльми (ib. на об.), врачми (л. 131 на обор.), рядомъ

*) Характерное написаніе, свидѣтельствующее о вліяніи русскаго произношенія неударенныхъ гласныхъ.

съ исконными формами пастыри, матежи, врачи и т. д. У Визанія кѣи, сѣверми (л. 34 на обор.), іерѣми (л. 41). Подобныя формы встрѣчаются, какъ видно изъ цитатъ, уже въ Остр. Библии, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой. Уподобляющіеся типомъ, кромѣ односложныхъ основъ на і-, служили несомнѣнно и основъ на и-, также односложныя, у которыхъ твор. множ., вслѣдствіе исчезновенія ѣ, являлся почти вполне сходнымъ съ твор. множ. основъ на і-, гдѣ также исчезло ѣ-, въ извѣстныхъ случаяхъ оставившее послѣ себя палатальность предшествующаго согласнаго.

Кромѣ того имѣется (уже и въ Острожской) извѣстное количество образованій по типу основъ на а- (вліяніе русское): ножами (3 Цств. XVIII. 28, Остр. ножи, Первоп. ножи), волами (3 Цств. XVI. 16. Такъ и въ Остр. и Первоп.), птенцами (Притчи XXIV. 22, Остр. дат. мн. птѣнца), ключами (1 Парал. IX. 27, Остр. другой текстъ), волчцами (Суд. VIII. 7, Остр. другой текстъ), дождями (Прем. Сл. XVI. 16, Остр. дожами, Первоп. дождями), бичами (2 Макк. VII. 1, Остр. и Первоп. такъ же), кораблями (1 Макк. VIII. 26, Остр. другой текстъ), шалтирами (2 Парал. XX. 28, Остр. шалтырами, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго: ѡтцами || ѡтцы (л. 111 на об.), чванцами (л. 112), жерцами (л. 114).

Предложный множ. утратилъ совершенно исконную форму, въ силу которой встрѣчаемъ различныя новообразованія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ разнымъ другимъ основамъ. Всего чаще образованія по типу основъ на о-: царѣхъ (Суд. VIII. 26, Остр. еще правильно црихъ, Перв. уже царѣхъ, Апок. X. 11, Остр. црѣхъ, Первоп. црѣхъ, 3 Цств. III. 13, Остр. црѣхъ, Первоп. црѣхъ), конѣхъ (Исх. XIV. 17, 18, Остр. и Первоп. такъ же, по рядомъ вѣсхъ; Іезек. XXIII. 6, Остр. конѣхъ, Первоп. кѣнѣхъ, 4 Цств. V. 9, Остр. конѣхъ, Первоп. кѣнѣхъ), жерцѣхъ (Лев. VI. 29, Остр. жерцѣхъ, Первоп. жерцѣхъ, ib. XVI. 33, Остр. жрецѣхъ, Первоп. жрецѣхъ), мѣхъ (Дан. IV. 26, Остр. другой текстъ), пришельцѣхъ (Исх. XII. 19, Остр. пришельцѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), кокошѣхъ (Притчи XXX. 31, Остр. кокошѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), птенцѣхъ (Второзак. XXII. 6, Остр. птенцѣ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Вслѣдствіе тождества

церковнославянскихъ ѣ и є=ъ (respective є) *), это окончаніе обозначается въ церковнославянской графикѣ и посредствомъ -схъ, въ чемъ можно видѣть графическую ассимиляцію къ основамъ на і- (съ стел. ѣ=є): дождѣхъ (Прем. Сол. XVI. 22, Остр. дождѣхъ, Первоп. дождѣхъ), конѣхъ (Апок. XIX. 14. Такъ и въ Остр. конѣхъ, Ис. XXX. 16, Остр. дат. мн., Эккл. X. 7, Остр. конѣ, Первоп. конѣхъ), краѣхъ (Исх. XXVI. 19, Остр. другой текстъ), мѣхъ (1 Цств. XVII. 12, Остр. и Первоп. такъ же, Римл. I. 27, Остр. мѣхъ, Первоп. мѣхъ, 1 Парал. XIX. 5, Остр. другой текстъ), пѣхъ (Неем. XII. 46, Остр. другой текстъ), свидѣтелехъ (Евр. X. 28, Остр. другой текстъ), кораблѣхъ (Ис. XLIII. 14, Остр. кораблѣ, Первоп. кораблѣхъ, Апок. XVIII. 17, Остр. кораблѣ), жителехъ (Исх. XII. 19, но тутъ же пришельцѣхъ, Остр. другой текстъ), Обычаехъ (Дѣян. XXI. 21; Остр. дат. мн.), ѿдѣехъ (М. XXVIII. 15, Остр. ѿдѣехъ, Первоп. ѿдѣехъ, Іоан. X. 19, Остр. ѿдѣехъ, Первоп. ѿдѣехъ), Галііеихъ (Л. XIII. 1. Остр. галііенхъ, Первоп. галііеихъ) и т. д.

Образованія по типу основъ на ѧ-: концѣхъ (Притчи XVII. 24, Остр. коңѣ, Первоп. уже концѣхъ, Псал. LXIV. 9, Остр. коңѣ, Первоп. концѣхъ), краѣхъ (Второз. XXII. 12, Остр. и Первоп. краѣхъ), мѣхъ (2 Цств. XVII. 12, Остр. другой текстъ), кораблѣхъ (Пс. CVI. 23, Остр. кораблѣ, Первоп. какъ въ Новой, Второз. XXVIII. 68, Остр. предл. ед., 3 Цств. XXII. 19, Остр. другой текстъ, Ис. XI. 14, Остр. кораблѣхъ, Первоп. кораблѣхъ) и т. д.

Послѣднія образованія свойственны главнымъ образомъ языку Новой, исправленной библіи, но появляются уже въ Первопечатной; въ Острожской ихъ еще нѣтъ, а вмѣсто ихъ находимъ или исконныя формы, совсѣмъ исчезнувшія изъ языка Новой, или образованія по типу основъ на і- (о-).

Образованія по типу основъ на о- (съ -ѣхъ) встрѣчаются уже въ Острожской библіи, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой.

*) Такъ обозначаются широкое е (ъ) передъ непалатальными согласными и узкое (є) передъ палатальными.

Уже а priori можно было предположить, что они должны были явиться прежде всего у таких основъ, которыя, въ силу утраты послѣдними ихъ согласными палатальности, стали чувствоваться совершенно тождественными съ основами на о-. Въ самомъ дѣлѣ окончаніе -ѣхъ у основъ на јо- въ Острожской Библии имѣется именно у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность (ц, ж): жерцѣхъ, жрецѣхъ, пришельцѣхъ, птенцѣ, мѣхъ; отъ этихъ основъ окончаніе стало распространяться и на другія основы на јо-, но въ очень рѣдкихъ случаяхъ: конѣхъ (Исх. XIV. 17, 18), дождѣхъ (Прем. Сол. XVI. 22) и т. д.

Въ большинствѣ же случаевъ мы находимъ или правильную форму црихъ, гаалиенхъ, коцѣ, концѣ, кораблѣ (рѣже), или окончаніе -ехъ: црехъ, воехъ, конехъ, кокошехъ, мѣхъ, кораблѣ, ноуаеехъ, краехъ и т. д. (чаще).

У М. Смотрицкаго образованія по типу основъ на о- имѣются въ незначительномъ количествѣ случаевъ: чванѣхъ (л. 112), врачѣхъ (л. 131 на обор.); въ остальныхъ же случаяхъ только -ехъ: ѡтцехъ (л. 111 на об.), жерцехъ (л. 114), пастырехъ (л. 123 на обор.), матежехъ (л. 124 на об.), свидѣтелехъ (л. 125), ходатаехъ (л. 125 на об.), іереехъ (л. 126 на об.), мравіехъ (л. 127), знѡехъ (л. 128), крагѣхъ (ibid. на об.), любодѣхъ (л. 129), арходѣлехъ (ibid. на обор.). Образованій по типу основъ на а- у него не встрѣчаемъ. У Зизанія кѡнехъ и сѣверѣхъ, по типу основъ на а- (л. 34 на об.), но іерееѡ по типу основъ на о-, рядомъ съ іерееѡ (л. 41). Основа вождь идетъ въ большинствѣ своихъ формъ по типу основъ на о-: р. ед. вождѡ (3 Цств. XIV. 7, ви. ви. Остр. вожда, Первон. какъ въ Новой, 1 Парал. V. 2, Остр. друг. текстъ: ви. ед. вождаз, Первон. вождь, Дан. III. 38, Остр. вожда, Первон. какъ въ Новой), д. ед. вождѣ (4 Цств. XX. 5, Остр. и Первон. вождѣ), твор. ед. вождѡмъ (1 Макк. XIV. 41, Остр. ви. ед. вожда=р. ед.), р. множ. вождѡвъ (1 Макк. IX. 53, Остр. вожден, Первон. вождѣй), ви. множ. вождѡ (2 Пар. V. 2, Остр. р. ви.=ви. вождѡвъ, Первон. вождѡвъ) и т. д.

Рядомъ встрѣчаются и правильныя формы: тв. ед. вождѣмъ (2 Парал. VI. 5, Остр. другой текстъ).

Основы среднего рода на *jo-* въ единственномъ числѣ представляютъ незначительныя уклоненія отъ старославянскаго, что замѣчается и въ русскомъ склоненіи этихъ основъ. Уклоненіе отъ старославянскаго нѣбѣтся только въ творительномъ единств., гдѣ, какъ и вездѣ, въ окончаніи находимъ *-m* (*-mъ*), вѣсто *m'*, котораго мы ожидали бы въ виду старослав. *-mъ*: *срѣѣмъ* (М. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же).

Въ предложномъ падежѣ, рядомъ съ исконными формами: *пóли* (Лер. XXXIX. 5), *мóри* (Мр. I. 16), *сѣдѣши* (М. XXVII. 19, Остр. сѣдѣши, Первоп. сѣдѣши), *сѣдѣлиши* (М. XXIII. 2), *лóжи* (Лс. Сир. XL. 5) и т. д., встрѣчаемъ изрѣдка у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, образованія по типу основъ на *o-*: въ *срѣѣ* (М. V. 28, Остр. *срѣи*, Первоп. *срѣи*), *сѣдѣѣ* (Мр. XI. 23, Остр. *срѣи*, Первоп. такъ же), *лицѣ* (2 Цств. XIV. 22, Остр. *лицѣ*, Первоп. такъ же).

У исконныхъ формъ послѣ *ц* встрѣчаемъ *ы*, что свидѣтельствуесть о непалатальности согласнаго: *лицѣ* (Быт. XVII. 3, Остр. и Первоп. такъ же, 1 Цств. XVII. 49, Остр. и Первоп. такъ же), *срѣи* (М. XII. 40, Остр. *срѣи*, Первоп. *срѣи*) и т. д. Написанія Острожской библии съ *-и* объясняются остатками старославянскаго орфографіи, такъ какъ параллельныя написанія съ *-ы* указываютъ уже на непалатальность *ц*. Въ Первопечатной библии уже преобладаетъ *-ы*. Окончаніе *-ѣ* отъ основъ на *o-* свойственно Новой библии, а въ Острожской и Первопечатной находимъ только исконныя формы. У М. Смотрицкаго *сѣдѣи* (л. 112 на об.), единственный примѣръ. У Зизанія *мóри*, *спсѣи* (л. 34 на об.).

Двойственное число им. вин. и зв., какъ у основъ на *o-*, представляетъ форму, тождественную съ им. вин. зв. множественнаго: *двѣ гóри* (Апок. IX. 12, им. дв., Остр. *двѣ гóри*, Первоп. какъ въ Новой), *сѣдѣи* (М. Смотриц. л. 112 на об.), *знáменіи* (л. 130), вѣсто **гóри*, **сѣдѣи* (стсл. *полѣ*). Остальныя формы двойственнаго числа въ текстѣ Библии почти не встрѣчаются; род. и пр. у Смотрицкаго совпадаетъ съ исконной формой—*сѣдѣѣ* (л. 112 на обор.), *знáменію* (л. 130), *плещѣ* (предложный Быт. XLIX. 8); въ дат. и твор. находимъ у него обычную дифференціацію: дат. *пра-*

вильно—сѣрцама, твор. по типу основъ на *ā*:- сѣрцама (л. 112 на об.), дат. знаменіема (л. 130) и твор. по типу основъ на *i*:- знаменьма. Последняя форма возникла очевидно подъ вліяніемъ такого творительнаго множ., какъ творѣнми, благодарѣнми, знаменми и т. д. (см. ниже). Аналогичное образованіе представляетъ плещма (Пс. ХС. 4. Остр. плещма, Первон. какъ въ новой).

Множественное число. Падежи именительный и винительный не уклоняются отъ старославянскаго: полѣ (Ис. XVI. 8), сѣрдцѣ (М. Снотр. л. 112 на об.), знаменіѣ (ibid. л. 130) и т. д.

Родительный или правильно: полѣ (Быт. XLI. 48), мѣрѣ (вм. род. дв. Юд. I. 12, Остр. другой текстъ), или съ нѣкоторыми общими вышеуказанными фонетическими особенностями: сѣрдѣцѣ (М. Сн. л. 112 на об., М. XVIII. 35, Остр. уже сѣрцѣ)—стел. сѣрдыцѣ и т. д. Написанія сокровищѣ (М. VI. 19, Остр. сѣкровищѣ, Первон. какъ въ Новой), кѣзлицѣ (М. XXV. 32, Остр. еще кѣзлицѣ, Первон. кѣзлицѣ) представляютъ собой продукты графической ассимиляціи въ написаніемъ сѣрдѣцѣ и т. д., гдѣ согласный уже утратилъ палатальность. Въ Новой библии написанія съ *z* послѣ *ц* проведены послѣдовательно; въ Острожской встрѣчаются и правильныя съ *-ь*. У Зизанія форма мѣрѣ объясняется вліяніемъ западнорусскаго произношенія; рядомъ нѣбется сѣсеній (л. 35).

Дательный множеств., рядомъ съ немногочисленными правильными формами, какъ, напр. помышленіемъ (Евр. IV. 12, Остр. помышленіемъ, Первон. какъ въ Остр.), представляетъ частныя образованія по типу основъ на *ā*:- лицамъ (Аввак. I. 9, Остр. др. текстъ, Іов. XXXIV. 19, Остр. лицемъ, Первон. лицемъ), лѣжамъ (Юд. XIII. 1, Остр. друг. текстъ), кѣпищамъ (3 Макк. III. 11, Остр. друг. текстъ—жерцемъ, Первон. жерцемъ), селеніемъ (Перем. XXIII. 3, Остр. селеніемъ, Первон. селеніемъ), дѣлнѣмъ, помышленіемъ (Ис. Сир. XXXV. 21, Остр. дат. ед.), періемъ (3 Ездры XI. 7, Остр. періемъ, Первон. періемъ), беззаконіемъ (Иезек. XXXIX. 24), періищамъ (3 Ездры XI. 24, Остр. другой текстъ); у М. Снотрицаго находимъ сѣрдцѣмъ (л. 112), но знаменіемъ (л. 130). Какъ и у прочихъ основъ вторич-

ний дательный множ. по типу основъ на *ā*- составляет принадлежность главнымъ образомъ исправленной библии; въ Острожской и даже Первопечатной на мѣстѣ вторичныхъ формъ Новой находимъ исконныя.

У Зизанія находимъ, рядомъ съ правильной формой *мѡрѣ*, и вторичную по типу основъ на *ā*-: *мѡрамъ*, *спсѣніѧ*, и совсѣмъ небывалую *спсѣніѡ* по типу основъ на *o*- (л. 35).

Винительный тождественъ съ именительнымъ. Исключеніе составляютъ формы винит. множ. плещи (Быт. XXI. 14, Остр. и Первоп. такъ же; Ис. L. 6, Остр. другой текстъ), плещы (1 Цств. X. 9, Остр. другой текстъ; Ис. LI. 23. Остр. плѣщи, Первоп. плещи), образованныя по типу основъ муж. р. на *o*- (или женскаго на *ā*-?).

Творительный представляетъ нѣсколько образованій: 1) формы исконныя: помышлѣніи (Римл. I. 21), знаменіи (Дѣян. II. 22, М. Смотр. л. 130); послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, -ы: сердцы (М. Смотр. л. 112 на об.); 2) по типу основъ на *ā*-: лицами (Прем. Сол. XVII. 4, Остр. друг. текстъ), оужами (Перем. XXXVIII. 6, 13, Остр. южи и оужи, Первоп. оужи), морями (Дан. XI. 45, Остр. твор. дв. морема, Первоп. такъ же), плещами (Иезек. XXXIV. 21, Остр. такъ же), копіями (1 Парал. XII. 34, Остр. другой текстъ), видѣніями (Пов. VII. 14, Остр. твор. ед), соніями (ibid. Остр. такъ же), ѣзваніями (Ис. Сир. XLV. 13, Остр. другой текстъ ѣстѣканіемъ), нечестіями (Осія XI. 12, Остр. другой текстъ), врѣтищами (Перем. XLIX. 3, Остр. твор. ед.), звизданіями (Прем. Сол. XVII. 9, Остр. другой текстъ), помышлѣніями (Иез. XIV. 5, Остр. тв. ед.), страшнѣищами (ibid. 3, Остр. другой текстъ), подградіями (1 Парал. VI. 67, 68, Остр. такъ же), срѣцами (М. Смотр. л. 112 (на об.) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, это новообразование свойственно главнымъ образомъ Новой библии; въ Острожской и Первопечатной оно встрѣчается только изрѣдка; 3) образованія по типу основъ на *i*-: знаменми (Мр. XVI. 20, Остр. и Первоп. такъ же, М. Смотр. л. 130—знаменъми), но знаменіи (Дѣян. II. 22), беззаконми (Быт. XIX. 15, Остр. друг. текстъ), гаданми

(2 Пар. IX. 1, Остр. въ гаданіи́хъ), писаніи (Д. Ап. XVІІІ. 28, Остр. такъ же), твореніи (Римл. I. 20, Остр. твореніи́, Первоп. какъ въ Новой), благодареніи (2 Корин. IX. 12, Остр. благодареніи́, Первоп. б́лгодареніи), киченіи, прелщеніи (Эс. VІІІ. 13, Остр. другой текстъ) и т. д. Послѣднее образованіе имѣетъ мѣсто только у основъ именъ существительныхъ отглагольных съ суффиксомъ -ніе и встрѣчается уже и въ Острожской библии, какъ видно изъ цитатъ. Но рядомъ у этихъ основъ имѣются и другія образованія: видѣніи́ми, ѳзваніи́ми, помышленіи́ми и т. д. (см. выше). У Зизанія мѣрами, но спсѣми и спсѣніи (л. 35).

Предложный падежъ также богатъ различными образованіями. Исконныя формы, въ противоположность основамъ муж. р., совершенно ихъ утратившимъ, встрѣчаются часто: распѣтіи́хъ (М. XII. 19), ѳмовеніи́хъ, ѳправданіи́хъ (Евр. IX. 10, но тутъ же питіа́хъ, Остр. винит. множ. питіа), селеніи́хъ (Быт. IV. 20), знаменіи́хъ (Второз. XXXIV. 11), посланіи́хъ (2 Петра III. 16), пребываніи́хъ, б́лгочестіи́хъ (ibid. 11), видѣніи́хъ (Второз. XXVI. 8), ѳсходни́хъ (Пс. I. 3), гробни́хъ (Іов. XXI. 32), сонми́хъ (I. XVІІІ. 20) и т. д. У М. Смотрицкаго знаменіи́хъ рядомъ съ знаменіа́хъ (л. 130).

Многочисленны образованія по типу основъ на а-: полѣа́хъ (Исх. IX. 3, Остр. полѣа́хъ, Первоп. какъ въ Новой, Ис. XXXII. 19, Остр. полѣи́хъ, Первоп. полѣа́хъ, Юд. V. 1, Остр. другой текстъ, 1. Парал. XXVІІ. 28, Остр. полѣхъ, Первоп. полѣа́хъ), ложа́хъ (Ис. XLII. 22, Остр. ложѣи́хъ, Первоп. ложѣа́хъ), моря́хъ (Лев. XI. 9, 10, Остр. морѣи́хъ и морѣа́хъ, Первоп. какъ въ Новой, Бытія I. 22, Остр. и Первоп. морѣа́хъ), плещѣа́хъ (1 Цств. XVІІ. 6, Остр. предл. дв. плещѣа́хъ, Первоп. плещѣа́хъ, Ис. XLIX. 22, Остр. плещѣа́хъ, Первоп. плещѣа́хъ), сердца́хъ (М. IX. 4, Остр. срѣца́хъ, Первоп. какъ въ Новой, Л. III. 15, Остр. срѣца́хъ, Первоп. срѣца́хъ, М. Смотри. л. 112 на обор. срѣца́хъ), ѳсходни́хъ (2 Цств. I. 20, Остр. ѳсходни́хъ, Первоп. ѳсходни́хъ), жилища́хъ (Ис. Сир. XLIV. 6, Остр. жилища́хъ, Первоп. жилища́хъ, Суд. XVІІІ. 22, Остр. другой текстъ), вретни́хъ (Быт. XLIII. 12, 18, 23, Остр. вретѣ́-

тищи́хъ, Первop. 12, 18 какъ въ Остр., 23 какъ въ Новой), собори́щахъ (М. X. 17, Остр. собори́щъ, Первop. собори́щицъ, Мр. XIII. 9, Остр. събори́щицъ, Первop. собори́щицъ), со́мнищахъ (М. IX. 35, Остр. сомни́щицъ, Первop. сомни́щицъ, М. XXIII. 6, Остр. со́мнищицъ, Перв. уже со́мнищахъ), сокрови́щахъ (М. XXIV. 26, Остр. скрoви́щицъ, Первop. сокрови́щицъ), то́ржищахъ (М. XXIII. 7, Остр. тръжи́щицъ, Первop. то́ржищахъ), пити́ахъ (Евр. IX. 10, Остр. друг. текстъ—вин. мн.), оудóлaхъ (Перем. XLIX. 4, Остр. такъ же, Первop. yдóлaхъ), воскри́лaхъ (Числ. XV. 38, Остр. друг. текстъ), и́счад́aхъ (Второз. XXVIII. 11, Остр. другой текстъ), ѡбн́тaн́aхъ (Числ. XXXI. 10, Остр. предл. ед.), зна́мен́aхъ (М. См. л. 130), оугл́aхъ (Притчи VI. 28, Остр. вин. мн.) и т. д. Образованiя эти являются уже въ Острожской библии, еще чаще въ Первопечатной и особенно часто въ Исправленной. У Зизанiя только мoрѣ и сѣ́нѣ (л. 35).

У основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, встрѣчаются изрѣдка образованiя по типу основъ на o-лицѣхъ (3 Цств. I. 40, Остр. и Первop. такъ же), ѡлицѣхъ (Второз. XXII. 6, Остр. ѡлицѣхъ, Первopеч. ѡлицѣхъ). Отсюда это окончанiе могло распространяться и на основы съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ, какъ напр. мoрѣхъ, въ Остр. и Первop. библияхъ (Быт. I. 22).

Кромѣ того въ извѣстномъ количествѣ случаевъ имѣется окончанiе -ѣхъ, распространившееся отъ бывшихъ основъ на i- и отвѣчающее старослав. -ѣхъ: по́лєхъ (Пезек. XXXV. 8, Остр. такъ же, Первop. пoлєхъ), со́мнищеѣхъ, то́ржищеѣхъ (Л. XI. 43, Остр. со́мнищєхъ, тръжищєхъ, Первop. со́мнищахъ, то́(р)жищахъ). У М. Смотри. се́рдцєхъ (л. 112) на об.). Въ живомъ произношенiи это окончанiе давно уже сдѣлалась тожественно съ окончанiемъ -ѣхъ бывшихъ основъ на o-, и ассимиляцiя къ основамъ на i- имѣетъ только графическiй характеръ.

§ 16. Имена прилагательныя и причастiя простыя (несложныя), какъ и въ старославянскомъ, въ большинствѣ падежей скло-няются какъ соотвѣтствующiя именныя основы на o-, jo- (муж. и ср. роды) и на ā-, jā- (женскаго). Уклоненiе отъ старославянскаго

представляет творит. ед. числа всѣхъ трехъ родовъ, въ которомъ находимъ форму сложныхъ прилагательныхъ. Первичный творительный въ современномъ церковнославянскомъ совершенно утраченъ: дѣбрымъ, бѣгѣмъ (Л. VIII. 15. Твор. ед. ср. р.; Зогр. Ев.: дѣбромъ, бѣгомъ, Остр. дѣбрымъ, по бѣгомъ, что однако можетъ быть и слѣдствіемъ недоразумѣнія, Первоп. дѣбрымъ, бѣгѣмъ), вѣліимъ (ibid. 37. Тв. ед. м. р. Въ Зографскомъ Ев. кельемъ, Остр. еще вѣліѣ, Первоп. какъ въ Новой вѣліимъ), въ Моск. грамматикѣ 1648 г. (М. Смотрицкаго), гдѣ склоненія простыхъ прилагательныхъ и сложныхъ приведены параллельно, въ творит. ед. находимъ только одну сложную форму м. и ср.: стѣмъ (л. 133, 134 на обор.), ж. р. стѣю (л. 134).

Въ звательномъ ед. м. р., какъ уже и въ старославянскомъ, находимъ часто окончаніе -е: гѣде (Перем. I. 31, Остр. такъ же), сѣлне (Пс. XLIV. 6, Остр. сѣлне), равнодѣше (Пс. LIV. 14, Остр. равнодѣше), стѣ (М. Смотри. л. 133 на обор.), бѣже (л. 135), нище (л. 137) и т. д. Въ женскомъ и ср. родѣ въ зват. форма именительнаго: стѣ (л. 134), стѣ (ibid. на обор.), бѣга (л. 136), бѣго (ibid. на обор.). Въ предложномъ въ церковнославянскомъ нѣрѣдко находимъ формы сложныхъ прилагательныхъ на мѣстѣ стел. простыхъ: на дѣбрѣй землѣ (Л. VIII. 15, Зогр. Ев. дѣбрѣ, Остр. и Первоп. дѣбрѣи, дѣбрѣй), но на землѣ бѣзѣ (ibid. VIII. 8, Зогр. Ев. дѣбрѣ, Остр. и Первоп. бѣзѣ).

Двойственное число. Им., вин. и зв. м. и ср. рода совершенно отвѣчаютъ старославянскимъ формамъ: млѣда (Пѣснь Пѣсн. IV. 5), бѣга (ibid. I. 1), стѣ (М. Смотри. л. 124 на об.) и т. д.: ж. рода также космѣтъ (Быт. XXVII. 23), стѣ (М. Смотри. л. 134), бѣзѣ (л. 136) и т. д. Встрѣчается и замѣна формами множ. ч.: Ѡбѣ дѣщери Лѣтовѣ (Быт. XIX. 36, Остр. лѣтовѣ, Первоп. лѣтовѣ). Отъ основы на ја-им. дв. ж. р. по типу основъ на ѣ-: пристѣплшѣ (М. XXVIII. 9, Остр. правильно пристѣплши, Первоп. -шѣ).

Родительный и предложный также не уклоняются отъ старославянскаго: ногѣ Іисовѣ (Л. VIII. 35, 41), стѣ (во всѣхъ родахъ: М. Смотри. л. 133 на об., л. 134, л. 135), бѣгѣ (л. 135 на об., л. 136, л. 136 на обор.), нищѣ (л. 137 на об.) и т. д.

Въ дат. и твор. всѣхъ трехъ родовъ у М. Смотрицкаго находимъ опять заимствованіе отъ сложныхъ прилагательныхъ: сѣ́йма (л. 135 на обор., л. 134, л. 135), блага́ма (л. 135 на об., л. 136, л. 136 на обор.), ни́шима (л. 137 на обор.) и т. д. Первичная простая форма утрачена или не встрѣчается, за исключеніемъ немногихъ случаевъ: колѣ́нома Іисовама (дат. дв. Л. V. 8, Зогр. Ев. по типу основъ на а-: колѣ́нама ісоу́совама, Остр. і́совама, Первop. і́совама), оу́ченико́ма Іѡ́анновома (Л. VII. 24, Остр. і́оанновома, Первop. і́ѡанновома) и т. д., но ко ноѓама Іисовыма (М. XV. 30, Остр. по типу бывшихъ основъ на о-: ісо́вома, Первop. і́совама). У основъ на јо- (причастія): дат. ісходо́щема (М. IX. 32) и т. д.

Множественное число. Въ извѣстныхъ надежахъ замѣчаются уклоненія отъ старославянскихъ нормъ, объясняющіяся или морфологической ассимиляціей, или перенесеніемъ формъ отъ сложныхъ именъ прилагательныхъ. Такъ, въ имен. множ. м. р. нерѣдко встрѣчается уже форма винит. надежа, въ появленіи которой играетъ роль морфологическая ассимиляція къ такимъ надежамъ, гдѣ основа являлась въ болѣе неприкосновенномъ видѣ, чѣмъ въ именительномъ: вы́соки сѣть (Пов. XXXV. 5, Остр. нарѣ́чю вы́соцѣ, Первop. вы́соцѣ), кѡ́ни мно́ги (Апок. IX. 9, Остр. друго́й текстъ—р. мн.), оу́ченицы Іѡ́анновы (Мр. II. 18, Остр. еще і́оаннови, Первop. і́ѡаннови), на́ги (Амос. IV. 3, Остр. вин. мн. на́гы, Первop. также вин. на́ги), ко́ни врани и рядомъ ко́ни вѣ́лы, пѣ́стры, скѡ́ры (Зах. VI. 2, 3, Остр. врани, срѣ́ни, пѣ́зи врони, Первop. врани, срѣ́ни, пѣ́зи, врони), мы́ же Мѡѡ́сеовы ѣ́смы оу́ченицы (І. IX. 28, Остр. моѡ́сеови, Первop. мѡѡ́сеови), у основъ на јо-, послѣдній согласный которыхъ утратилъ и палатальность—ко́ни ры́жи (Зах. VI. 2, Остр. и Первop. ры́жи), но ры́жи, сѣ́ри, пѣ́стри, вѣ́ли (Зах. I. 8), сѣ́и вси гра́ды твѣ́рды ѿ вели́цы (1 Макк. V. 26, Остр. сѣ́и вси гра́ды твѣ́рды ѿ вели́ки, Первop. твѣ́рды ѿ вели́ки), іа́ты бы́ша (Перем. II. 56, Остр. ѿзы́мани сѣть, Первop. ѿзы́мани), прѣ́мты (Дан. III. 39, Остр. и Первop. такъ же) и т. д. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что это перенесеніе формы винит. мн. въ именительный встрѣчается

уже въ Остр. и Первопечатной библіяхъ, но несравненно рѣже, чѣмъ въ новой, исправленной, такъ что мы должны отнести его къ новѣйшему времени. Объясняется оно вліяніемъ русскаго языка, въ которомъ указанное перенесеніе совершилось уже давно.

Иногда замѣчается смѣшеніе родовъ: врата затворѣны быша (І. Нав. II. 7, Остр. другой текстъ), Четырѣдесать тысячъ вооружѣни... прендоша (І. Нав. IV. 13, Остр. также вооружѣни— въ этомъ случаѣ можетъ быть и согласованіе по синслю); нозѣ бо ихъ... текѣтъ, и скорн сѣтъ (Притчи С. I. 16, Остр. нѣгы... скоры, Первоп. нѣгы... скорн...).

Родительный множ., если употребляется, то не уклоняется отъ старославянской пермн. Нерѣдко однако онъ замѣняется соотвѣтствующей формой отъ сложныхъ прилагательныхъ: многѣхъ сердецъ (Л. II. 35, Остр. многъ, Первоп. мнѣгъ), но рѣгъ ѣдинорожь (Пс. XXI. 22, Остр. ѣдинорождъ, Первоп. какъ въ Новой) отъ основы на jo-.

Повидимому, не безъ вліянія въ процессъ этой замѣны была односложность основъ: дѣхъ змѣхъ (Л. VII. 21), дѣхѣхъ змѣхъ (Л. VIII. 2. Въ Зогр. Евангеліи въ обоихъ случаяхъ зѣхъ, Остр. уже змѣхъ, злѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), лѣтъ многѣхъ (Л. VIII. 27, Зогр. Ев. лѣтъ много, Остр. уже многѣхъ, Первоп. мнѣгѣхъ), но дѣшъ члѣвѣческихъ (Л. IX. 56, Зогр. Ев. члѣвѣкъскъ, Остр. уже члѣкъскъ, Первоп. члѣскѣхъ), сосѣдъ богатыхъ (Л. XIV. 12, Зогр. Ев. сѣсѣдъ богатъ, Остр. сѣсѣдъ богатыхъ, Первоп. также богатыхъ), дѣхъ нечѣстныхъ (Л. VI. 18, Зогр. Ев. дохъ нечѣстѣхъ, Остр. и Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Замѣна эта уже достаточно укоренилась въ языкѣ Острожской и Первопечатной библий, хотя здѣсь и не такъ, какъ въ Новой, исправленной.

Дательный множеств. утратилъ исконную форму совершенно. Въмѣсто нея находимъ заимствованную отъ прилагат. сложныхъ: мнѣгѣмъ слѣпѣмъ (Л. VII. 21, Зогр. Ев. многомъ слѣпомъ, Остр. б. уже многѣмъ слѣпѣмъ, Первоп. мнѣгѣмъ слѣпѣмъ) и т. д. У основъ (причастій) на jo-: сѣдѣшѣмъ (Л. VII. 32, Зогр. Ев.

сѣдѣштемъ, Остр. и Первop. сѣдѣшимъ), ѿдѣшымъ (Л. VIII. 23, Зогр. Ев. ѿдѣштемъ, Остр. ѿдѣшимъ, Первop. ѿдѣшымъ) и т. д.

Въ винительномъ множественнаго, рядомъ съ правильными формами, какъ напр. стѣнаты (грѣды, 2 Парал. XI. 5, Остр. и Первop. такъ же) и т. д., встрѣчаемъ изрѣдка формы именит. множ.—результатъ смѣшенія именит. и винит. падежей: ѿведѣтъ... юношы ѿ старцы, наги (м. б. и винит. множ.) ѿ боси, ѿкровѣны (несомнѣнный винит. падежъ. Ис. XX. 4, Остр. наги ѿ босы ѿкровены, Первop. наги ѿ боси ѿкровѣны). Въ послѣднемъ случаѣ, быть можетъ, мы имѣемъ примѣръ того морфологическаго процесса, который носить въ наукѣ названіе „рядовой ассимиляціи“ (Reihenassociation). Форма наги, чувствуемая тождественной съ именит. множ., вызываетъ и аналогичную форму боси, хотя бы и въ видѣ мимолетнаго, не устанавливающагося прочно новообразованія.

Творительный утратилъ совершенно простую форму. Въмѣсто нея находимъ только сложную: стѣми (М. Смotr. во всѣхъ трехъ родахъ: л. 134, *ibid.* на об., л. 135), благи́ми (тамъ же, л. 135 на об., л. 136, л. 137) и т. д. Формы въ родѣ ма́къками ризами (Зогр. Ев. Лук. VII. 25), не имѣютъ совсѣмъ представителей въ языкѣ печатной библии.

То же должно сказать и о предложномъ падежѣ, который въ современномъ церковнославянскомъ имѣетъ только одну сложную форму: стѣхъ (во всѣхъ трехъ родахъ. М. См. л. 134 и на обор., л. 135), благи́хъ (тамъ же, л. 135 на об., л. 136, л. 137) и т. д.

Въ Острожской библии еще можно встрѣтить старинныя простыя формы въ родѣ предл. ж. р. ѿѿдовахъ, но въ Новой библии онѣ замѣнены сложными—ѿѿдовыхъ (М. II. 6). Въ Первopпечатной находимъ также старую форму: ѿѿдовахъ.

Основа прилагательнаго чѣжда (Суд. XIX. 12, вин. ед), Остр. чюжь—русская форма, Первop. чюжда) въ нѣкоторыхъ падежахъ идетъ по типу основъ на jo-, въ другихъ по типу основъ на o-. Примѣромъ послѣднихъ могутъ служить формы: чѣждо (им. ед. ср. р. 1 Макк. I. 38, Остр. дат. ед. чюждаѸ, Первop. чюждаѸ, также по типу основъ на o-), но чѣждае вин. ед. ср.

(Перем. XIX. 4, Остр. и Первоп. чюже), чюжды (винит. мн. м. р. 3 Цств. XIV. 9, Остр. правильно чюжди, Первоп. такъ же). Ср. также склоненіе сложной формы этой основы (§ 18).

§ 17. Мѣстоименія. Личныя мѣстоименія. Склоненіе мѣстоименій личныхъ въ единственномъ и множественномъ числѣ почти не уклоняется въ морфологическомъ отношеніи отъ старославянской нормы. Если есть отличія, то они объясняются общими фонетическими измѣненіями, характеризующими церковнославянской (и русскій): исчезновеніемъ краткихъ гласныхъ ъ, ѣ, измѣненіемъ ж въ у и т. д. Им. ед. ѡзъ, ты (М. Смотр. л. 161 на об., л. 162), р. менѣ (Исх. XX. 3, Остр. мене, Первоп. менѣ, М. Смотр. л. 161 на обор.), тебѣ (М. II. 6, Остр. тебѣ, Первоп. тебѣ, М. См. л. 162), себѣ (М. V. 29, Остр. и Первоп. такъ же, М. Смотр. л. 162 на об.): стел. мене, тебе, себе; дат. мнѣ (М. III. 14, Остр. и Первоп. такъ же, стел. мнѣ, мнѣ), мнѣ (М. II. 8, стел. ми), тебѣ (М. IV. 9, стел. тебѣ), тѣ (М. V. 29, 30). себѣ, сѣ (М. Смотр. л. 162 на об.: стел. себѣ, сѣ). Въ винительномъ, рядомъ съ продолжателями исконныхъ формъ мѣ (М. Смотр. л. 161 на об., стел. ма), тѣ (М. IV. 5, стел. та), сѣ (М. Смотр. л. 162 на об., стел. са) имѣются обычныя синтаксическія замѣны формой родительнаго: менѣ (I. VII. 19, Остр. и Первоп. такъ же), тебѣ (ibid. 20, Остр. тебѣ, Перв. тебѣ), себѣ (1 Кор. IX. 19, Остр. себе, Первоп. себе, ср. также М. Смотр. л. 161 на об., л. 162 на об.). Творительный: мною (М. IV. 10, М. Смотр. л. 161 на об.: стел. мною), тобою (М. III. 14, М. Смотр. л. 162: стел. тобою), собою (М. Смотр. л. 162 на обор.: стел. собою).

Предложный: мнѣ (М. См. л. 161 на об., стел. мнѣ, мнѣ), тебѣ (М. Смотр. л. 162, стел. тебѣ), себѣ (М. См. л. 162 на об., стел. себѣ).

Такъ же мало разнится склоненіе множественнаго числа. Именительный мы, вы (М. Смотр. л. 162, стел. мы, вы); родительный насъ (М. См. ibid. стел. насъ), васъ (М. V. 12, стел. васъ), дат. намъ (М. III. 15, стел. намъ), вамъ (М. V. 11, стел. вамъ); въ винительномъ, рядомъ съ исконными формами ны, вы (М. Смотр. л. 162; стел. ны, вы), обычная синтаксическая замѣна насъ, васъ (ibid).

Употребляются и та, и другая форма, повидимому, безразлично: любѣщѹ нѹ, ѿмывшѹ насѹ ѿ грѣхѹ (Апок. I. 5, Остр. любѣщѹ нѹ ѿ ѿмы насѹ), на вы лжѹще (М. V. 11, Остр. на вы, Первоп. на вы), разлѣчатѹ вы (Л. VI. 22, Остр. разлѣчатѹ вы), но: возненавидѣтѹ васѹ (Л. VI. 22, Остр. также васѹ), ненавидѣшымѹ васѹ (тамъ же, 27, Остр. васѹ), хотя кленѹшымѹ вы (тамъ же, 28, Зогра. Ев. възненавидѣтъ вы, Остр. вы. Л. VI. 21, но уже ненавидѣштимѹ васѹ тамъ же, 27) и т. д.

Творительный: нами (М. I. 13, стсл. нами), вами (М. XXVIII. 10, стсл. вами).

Предложный: насѹ (М. Смотр. л. 162, стсл. насѹ), въ васѹ (Л. IX. 41, стсл. васѹ).

Двойственное число замѣняется часто множественнымъ. Такъ утратились совершенно формы им. вин. зв. дв., вѣсто которыхъ употребляются соотвѣтствующія формы множественнаго числа. Именит. двойств.: ѿ мы оубо; достѣйнаѹ... по дѣломѹ наю воспріѣмлеѹ (Л. XXIII. 41, Остр. ѿ мы..; воспріѣмлеѹ, Первоп. какъ въ Новой), мы... ѣсмы (Варнава и Павелъ. Дѣянія XIV. 15, Остр. мы... ѣсѣ, Первоп. мы... ѣсма); Пѣтрѹ же ѿ ѿѹаннѹ... рѣста... не мѹжемѹ бо мы (Дѣян. Ап. IV. 19, 20, Остр... не мѹжемѹ бо мы... Первоп. не мѹжемѹ бо мы); речѣ же Аврамѹ Лѹтѹ:... ꙗко члѣвѣцы брѣтѣмъ мы ѣсмы (Быт. XIII. 8, Остр. члѣка брѣта ѣсѣ), мы (Азѹ и Отецѹ) ѣдино ѣсмы (I. XVII. 22, Остр. мы... ѣсмы, Первоп. мы... ѣсѣ) и т. д.; вы сѹми вѣстѣ (Лія и Рахиль. Быт. XXXI. 6, Остр. вы вѣсте, Первоп. вы вѣсте); не вѣсте коѣгѹ дѹха ѣсте вы (Іаковъ и Іоаннѹ. Л. IX. 54, Остр. невѣста коѣго дѹха ѣста вы, Первоп... ѣста вы) и т. д.

Изъ данныхъ примѣровъ видно, что замѣна старославянскихъ формъ именит. двойств. въ (1-го лица) и ва (2 лица) соотвѣтствующими формами множеств. проведена послѣдовательно уже въ Острожской библии. Въ Новой библии эта замѣна связана съ аналогичной замѣной глагольныхъ формъ, что уже встрѣчается въ Острожской и Первопечатной, но не такъ часто. Въ грамматикѣ Лавр. Зизанія мѣстоименіе перваго лица сохраняетъ исконную форму -вѣ, но второе лицо представляетъ форму множественнаго

вы (л. 44 на оборотѣ). У Мелетія Смотрицкаго находимъ неоправдываемыя библейскими текстами образованія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ косвеннымъ падежамъ: им. в. и зв. м. и ср. рода на, ва, ж. нѣ, вѣ (л. 161 на об. и 162). Формы на, нѣ представляютъ собой чисто книжныя, теоретическія построения, вызванныя вліяніемъ косвенныхъ падежей наю, нама и стремленіемъ провести послѣдовательность основъ, нарушаемую въ старославянскомъ склоненіи 1-го лица формой именит. винит. зв., но имѣющуюся въ склоненіи втораго лица.

Формы втораго лица имѣютъ въ основѣ исконную старослав. форму ва.

Вторичная форма ж. р. вѣ, которая, какъ и форма нѣ, вызвана вліяніемъ именнаго склоненія (основъ на а-) и также имѣетъ чисто теоретическій характеръ.

Въ винительномъ дв. также встрѣчаемъ замѣну формами множ. числа, при чемъ наблюдается и обычная синтаксическая замѣна помощью родит. падежа: помѣлѣи ны (двухъ слѣпцовъ. М. IX. 26, Остр. ны, Первоп. ны) и мѣчити насъ (двухъ бѣсныхъ. М. VIII. 29, Остр. насъ, Первоп. насъ), оумертвити насъ (Маноз и его жену. Суд. XIII. 23, Остр. и Первоп. наю), насъ (Рахиль и Лию. Быт. XXXI. 15, Остр. ны, Первоп. ны) и т. д., сотворю вы ловца (Петра и Андрея. М. IV. 19, Остр. вы, Первоп. вы), восхощаема вама.... срѣщеть вы (Л. XXII. 10, Остр. вы, Первоп. вы) и т. д. Случай замѣны вин. двойств. формой родит. дв.: спаси... наю (Л. XXIII. 39. Такъ и въ Остр.). Родительный и предложный: наю (стсл. маю. Л. XXIII. 41), ваю (М. IX. 29, стсл. ваю).

Дательный и творительный, рядомъ съ исконной формой нама (стсл. мама. Мр. X. 35. Л. II. 48, XXIV. 29), вама (стсл. кама. М. IX. 29, XXI. 2, Мр. X. 36, XI. 23, Л. XXII. 10, 12), представляетъ нерѣдко замѣну соответствующими формами множеств. ч.: Она же рѣста.... даждь намъ (Мр. X. 37, хотя выше: сотвориши нама ст. 35, Остр. даждь намъ, Первоп. какъ въ Новой), къ намъ (къ двумъ дочерямъ Лота. Быт. XIX. 31, Остр. кнѣ, Первоп. кнѣма), ...Рахиль и Лія, рѣкоста:.... намъ

(Быт. XXXI. 14. 16, Остр. н́ама, Первоп. н́ама); ...показ́аа́л н́амъ... (Маноз и его женѣ. Суд. XIII. 23, Остр. н́ама, Первоп. н́амъ) и т. д. рече́ Но́емъи́нь ѿвѣ́ма сно́хъама:.... съ н́ами.... в́амъ (Руѣв I. 8. 9, Остр. св́ама, в́ама, Первоп. св́ама, в́ама) и т. д. За́мѣна эта, какъ видно изъ примѣровъ, составляетъ особенность Новой, исправленной библии, хотя встрѣчается уже и въ Острожской б. Въ Первопечатной она чаще, чѣмъ въ Острожской, но рѣже, чѣмъ въ Новой.

Мѣстоименія указательныя, вопросительныя, притяжательныя и прилагательныя представляютъ два типа основъ: основъ на о- и на jo-. Образчикомъ первыхъ можетъ служить указательное мѣстоименіе то́й, та́, та́а, то́, тѣ́е (стел. тѣ́, та́, то́).

Уклоненія его склоненія отъ старославянскаго заключаются въ слѣдующемъ:

Единственное число. Въ именительномъ падежѣ замѣчается исчезновеніе простыхъ формъ и вытѣсненіе ихъ сложными. Именит. муж. рода является только въ сложной формѣ: то́й (Ис. XXVII. 7, М. XXIV. 48, Остр. такъ же. М. Смотр. л. 167 на обор.), ж. р. у М. Смотр. только въ сложной формѣ та́а (Быт. IV. 22, Остр. друг. текстъ), но та́ (Дѣян. XVI. 15, Л. I. 36, VIII. 42, Быт. III. 12, 3 Ездры V. 53), ср. р. у М. Смотр. только въ сложной формѣ тѣ́е (л. 168), то́ (Мр. III. 24, 1 Ездры VI. 8). У Зизанія то́й, та́а: тѣ́е (л. 50).

Родительный не уклоняется отъ старослав. нормъ: тогѡ́ (м. р. Л. XII. 5, Остр. того, Первоп. тогѡ́, Іов. XII. 13. 16, Остр. того, Первоп. тогѡ́), ж. р. томѡ́ (Л. VI. 49, Быт. III. 15, Іоан. XIX. 31), стел. того, томъ; равнымъ образомъ и дательный не представляетъ отличій: м. р. томѣ́ (стел. томоу́: Л. XXII. 22, Л. IV. 8, Апок. I. 6), ср. р. томѣ́ (Быт. XXI. 31), ж. р. то́й (Л. VI. 48, стел. тон). Винительный муж. р. или тождественъ съ именительнымъ (сложной формы): въ то́й дѣнь (Л. VI. 23, Остр. то́н), въ то́й часъ (Л. XII. 12, Остр. такъ же) и т. д. (стел. тѣ́), или представляетъ обычную синтактическую замѣну формой род. ед., причемъ церковнославянская орфографія прибѣгаетъ къ графической дифференціи (въ родит. -ѡ́, въ родит. =

винит. -ò): тогò (Ис. XI. 10, Остр. друг. текстъ, Иоан. VI. 30, Остр. еще тón, Первон. тóй, Мр. XII. 4. 5. 6, Остр. того, Первон. того), хотя и не всегда: тогò (Мр. IX. 7, но Остр. того, Первон. тогò).

Дифференціація эта имѣеть мѣсто и у другихъ мѣстоименныхъ формъ, какъ это видно будетъ ниже, и проведена уже въ Первопечатной библии (Л. XII. V, тогò оубойтєса, но Мр. XII. 5, тогò оубиша и т. д.). У М. Смотрицкаго она также уже есть: род. тогò, вин. тогò (л. 167 на об.). У Зизанія тогò (л. 50). Винительный женскаго рода представляетъ чаще простую форму, отвѣчающую точно старославянской: тѣже прѣтчѣ (Евр. IV. 11), тѣ нощь (Быт. XIX. 35, Остр. натѣю, сложная форма, Первон. на тѣю), изрѣдка сложную: снѣси тѣю (землю. Быт. III. 17, Остр. тѣ, Первон. тѣ, Иерем. XXV. 12, Остр. тѣ, Первон. тѣ): стел. тѣ. У М. Смотрицкаго одна сложная форма: тоую (л. 167 на об.). У Зизанія тѣю (л. 50). Ср. родъ имѣеть обѣ формы: простую—тò (І. XIV. 13, 3 Ездры XII. 4, XVI. 19) и сложную тое (Исх. XII. 7, Остр. другой текстъ). У М. Смотрицкаго одна сложная: тое (л. 168); такъ же у Зизанія (л. 50).

Творительный не уклоняется отъ старославянскаго, если не считать исчезновенія палатальности у конечнаго -т, и перехода ж въ у, особенностей, свойственныхъ и русскому: ср. р. тѣмже (Л. I. 35), и. р. тѣмз (Быт. IV. 7, Иоан. I. 3. 10)—стел. тѣмъ, ж. р. тою (Л. VI. 38)—стел. томъ. У Зизанія для и. и ср. тѣ (сложн. формы) и тѣ (л. 50). Предложный также продолжаетъ стел. формы съ общими отличіями: ср. р. на томъ мѣстѣ (Л. X. 32), и. р. на томъ камени (Л. XX. 18), ж. р. въ земли той (Быт. XXVI. 12): стел. томъ, том.

Двойственное число представлено, какъ и всегда, очень скудно. Им. винит. и. р. та (имен. Мр. XVI. 13, Л. XXIV. 14. 35, Пс. XLII. 3, Остр. та. Перв. та) отвѣчаетъ вполне стел. формѣ та. Эту же форму приводитъ М. См. и для ср. р. та (л. 168) вмѣсто ожидаемаго *тѣ (стел. тѣ). Форма ж. р. тѣ, приводимая М. Смотрицкимъ (л. 168), также соотвѣтствуетъ стел. тѣ. Ср. также тѣ: 3 Ездры XI. 34, Остр. тѣ, Первон. какъ въ Новой.

У Зизанія и. р. тѣа, тѣю, ж. р. такъ же, ср. та и тѣю (л. 50). Р. и предлож. у М. Смотрицкаго представляетъ двѣ формы: одна—тою (л. 167 на об., л. 168) для муж. и ср. рода, отвѣчающа стсл. тою, другая, для ж. р., тѣю (л. 168), вызванная морфологической ассимиляціей къ им. вин. тѣ и дат. тв. тѣа, не имѣетъ реальнаго существованія (въ языкѣ Библии). У Зизанія для всѣхъ родовъ тѣю (л. 50). Дательный дв. и. р. тѣа (Мр. XVI. 13, Мате. IX. 32) отвѣчаетъ старославянской формѣ тѣа. Творит. тѣа (І. Сир. VII. 30). У М. Смотрицкаго находимъ свойственную ему произвольную дифференціацію падежей дательнаго и творительнаго: для перваго (всѣхъ родовъ) онъ пользуется сложной формой тѣа (л. 167 на об., л. 168), для втораго простой—тѣа (ib.). У Зизанія для и. и ср. тѣа, для ж. р., кромѣ этой же формы, и тѣа (л. 50).

Множественное число. Именительный муж. рода только въ сложной формѣ: тѣи (1 Цств. VIII. 8, Л. XII. 37, XVI. 28 и т. д.)—стсл. чаще тѣи; у М. Сметр. приведена и краткая форма тѣ (л. 167 на об.). У Зизанія тѣи (л. 50), представляющая собой продуктъ взаимной контаминаціи формъ им. мн. тѣи и вин. мн. тѣа. Встрѣчается и форма винительнаго падежа вмѣсто именит.: бѣша мѣжи тѣа (2 Цств. X. 5). Именит. пад. ж. рода имѣетъ сложную форму тѣа или тѣа (стсл. чаще краткая тѣ): М. XXV. 7, Іез. XLII. 8, Остр. тѣ, Первоп. тѣ. Числ. XXXI. 16, Остр. тѣи, Первоп. тѣи). У М. Смотрицкаго находимъ двѣ, повидимому, теоретическія формы: тѣа, тѣ (л. 168), изъ которыхъ первая, какъ можно предполагать, есть просто передѣлка формы тѣа подъ вліяніемъ именит. муж. тѣи. Процессъ этой морфологической ассимиляціи можетъ быть представленъ въ такомъ видѣ: если рядомъ съ им. и. р., положимъ, мой имѣется им. ж. моа (см. ниже), то рядомъ съ им. и. р. тѣи долженъ быть им. ж. тѣа. У Зизанія тѣа (л. 50).

Именит. ср. р. отвѣчаетъ стсл. формѣ (та): та (3 Ездри XII. 3, Іоан. V.-39), эту же форму находимъ и у М. Сметр., рядомъ со сложной тѣа (л. 168 и на обор.). У Зизанія только тѣа (л. 50 на об.).

Родительный множеств. не уклоняется отъ стсл.: м. р. тѣхъ (Дан. I. 18) : стсл. тѣхъ. У Зизанія тѣхъ (сложная форма) и тѣхъ для всѣхъ родовъ (л. 50).

Дательный множ., рядомъ съ правильной формой тѣмъ (м. р. Исх. I. 14) = стсл. тѣмъ, представляетъ и позднѣйшую сложную форму (Суд. I. 19, тѣмъ, Остр. другой текстъ), которую находимъ у М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ: тѣмъ (л. 167 на об., 168 и на об.). У Зизанія для м. р. тѣ, для ж. и ср. тѣмъ и тѣмъ (л. 50).

Винительный муж. рода имѣется только въ сложной формѣ тѣа (стсл. чаще краткая тѣ): Л. XIII. 14, Остр. тѣ, Первон. уже тѣа). Мр. VIII. I, Остр. тѣа, Первон. тѣа, Бнт. XXVI. 15. 18, Остр. другой текстъ) и т. д. (очень часто). У М. Смотрицкаго находимъ обѣ формы: тѣа и тѣ (л. 167 на об.). Встрѣчается и общая синтактическая замѣна винит. падежа родительнымъ: ѿзрини тѣхъ (Перем. XV. I. Остр. и Первон. такъ же). Женскій родъ имѣетъ обѣ формы: простую—тѣ (Л. VIII. 33, Остр. такъ же, Первон. тѣ) и сложную—тѣа (Л. X. 16, Остр. тѣа, Первон. какъ въ Новой, Евр. X. 11. тѣа же Остр. и Первон. также). У М. Смотрицкаго формы винит. множ. тѣ же; что для именит.: тѣа, тѣ. Въ среднемъ родѣ также имѣются обѣ формы: простая тѣ (3 Ездры XIII. 17, Л. X. 21. Иоан. XIV. 11, стсл. та) и сложная тѣа (Бнт. XL. 17, Дан. XIV. 13, Остр. друг. текстъ).

Творительный падежъ не уклоняется отъ старославянскаго: тѣми же (ж. р. Евр. X. 1, стсл. тѣми). У М. Сметр. также тѣми для м. и ср. р. (л. 167 и 168 на об.), для ж. р. тѣма (л. 168), что есть очевидная опечатка. У Зизанія для муж. р. тѣми, для ж. и ср. тѣми, тѣми (л. 50). То же слѣдуетъ сказать и о предложномъ: тѣхъ (ср. р. Л. II. 49, IX. 36; м. р. Иоан. XVII. 9 и т. д.) = стсл. тѣхъ. Рядомъ имѣется и рѣдкая сложная форма тѣхъ (ж. р. Псал. CIII. 12, Остр. винит. мн. тѣ, Первон. тѣхъ).

Мѣстоименіе указательное онъ, она, оно утратило въ церковно-славянскомъ многія простыя формы, которыя замѣняются сложными еще чаще, чѣмъ въ склоненіи мѣстоименія тѣ, та, то. Въ

этой замѣнѣ нужно видѣть вліяніе сложныхъ именъ прилагательныхъ. Въ Остр. и Первоп. бібліяхъ преобладаютъ простыя формы, въ Новой—сложныя.

Единственное число. Именительный падежъ. Въ муж. родѣ употребляется одна сложная форма: *Ѧный* (Быт. XXIV. 65, XXXVII. 19, Остр. и Первоп. *Ѧнъ*); простая форма *Ѧнъ* имѣетъ вездѣ значеніе личнаго мѣстоименія 3-го лица, напр. Быт. XV. 10, 1 Ездры VII. 6 и т. д., хотя тождественный винит. падежъ сохраняется (см. ниже). Ср., впрочемъ, Іова I. 1. Ѧ бѣ челоѡкъ *Ѧнъ* ѡистиненъ... и стихъ 3: Ѧ бѣ челоѡкъ *Ѧный* бѡгороднѣйшій... Суд. II. 10. Ѧ весь рѡдъ *Ѧнъ*; градъ *Ѧнъ* (1 Ездры IV. 15). Средній родъ имѣетъ обѣ формы: *Ѧно* (Дан. II. 31), *Ѧное* (Лев. IV. 5, Остр. друг. текстъ, Лев. XXV. 27, Остр. другой текстъ). Женскій родъ является чаще въ сложной формѣ: *Ѧнаѡ* (Исх. XII. 42, Остр. другой текстъ, Прем. Сол. XVIII. 6, Остр. *Ѧна*, Первоп. *Ѧна*, Лев. XXII. 3, Остр. другой текстъ); простая форма съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ имѣетъ только значеніе личнаго мѣстоименія третьяго лица: *Ѧна* (Быт. XXIV. 47, Остр. *сѡ*, Первоп. *сѡ*, I. Нав. II. 6, Остр. *сѡ*, Первоп. *сѡ* и т. д.). Въ Острожск. и Первопечатной бібліяхъ чаще имѣется простая форма, встрѣчающаяся изрѣдка и въ Новой: *Ѧна* (Лев. V. 2, Остр. *ѡже*, VII. 20, Остр. и Первоп. *Ѧна*). У Мел. Смотрицкаго приведены только простыя формы: *Ѧнъ* (л. 165 на обор.), *Ѧна* (съ такимъ удареніемъ) и *Ѧно* (л. 166).

Родительный падежъ. Въ муж. родѣ преобладаетъ сложная форма: *Ѧнаѡѡ* (Быт. XVII. 26, Дѣян. III. 23, Остр. того, Второз. XXII. 17, 18, Остр. *Ѧного*, Первоп. *Ѧноѡѡ*, *Ѧного*); простая форма встрѣчается очень рѣдко: со *Ѧноѡѡ* *пѡлѡ* (М. IV. 25, Остр. *Ѧного*, Первоп. *Ѧного*). То же замѣчается въ среднемъ родѣ: (до времени) *Ѧнаѡѡ* (Дан. XII. 1, Остр. друг. текстъ, Второз. VII. 24, Остр. другой текстъ: *сѡѡ*). Въ женскомъ родѣ встрѣчаются рядомъ обѣ формы: *Ѧноѡѡ* (I. Нав. V. 11, Остр. *Ѧноѡѡ*, Первоп. *Ѧноѡѡ*, Прем. С. I. 16, Остр. и Первоп. *Ѧноѡѡ*) и *Ѧныѡѡ* (Быт. II. 12, Остр. *Ѧноѡѡ*, Первоп. *Ѧноѡѡ*). У Мел. Сметр.

муж. и ср. родъ ѡногw (л. 165 на об. и 166), ж. одна сложная форма ѡныѡ (л. 166).

Дательный падежъ. Въ мужскомъ родѣ одна простая форма: ѡномъ (Б. XXVI. 33, Іоан. III. 30); сложной формы не имѣется, что объясняется отсутствіемъ подобнаго образованія у сложныхъ именъ прилагательныхъ, идущихъ въ данной формѣ по типу простыхъ мѣстоименій. У М. Смотрицкаго ѡномъ (л. 165 на об. и р. и 166 ср. р.). Для ж. рода находимъ у него двѣ формы: одну простую ѡной, другую, вызванную вліяніемъ сложныхъ прилагательныхъ — ѡнѣй (л. 166). Въ текстѣ Библии встрѣчается одна простая форма: ѡной (3 Ц. III. 25. Единств. примѣръ. Остр. ѡнон, Первop. ѡной).

Винительный падежъ. Въ мужскомъ родѣ имѣются обѣ формы: въ дѣнь ѡнъ (Ис. III. 14, Исх. XII. 51), долъгъ ѡнъ (М. XVIII. 32), ѡнъ хлѣбъ (Іоан. XIII. 30) и т. д. въ дѣнь ѡный (Ис. XI. 11, Остр. тѡн, Ис. II. 17, Остр. и Первop. ѡнъ); ѡный (Быт. XI. 11, Остр. друг. текстъ) и т. д. Случай синтаксической замѣны винительнаго сложнымъ родительнымъ съ обычной графической дифференціаціей (въ род. -w, въ родительномъ-винительномъ -o): ѡнаго (Л. XIV. 9, Остр. и Первop. ѡного). У М. Смотрицкаго приведена только эта послѣдняя форма (простая): ѡного рядомъ съ род. ѡногw (л. 165 на обор.). Встрѣчаются и простыя формы род.-винит. (очень рѣдко): ѡна (Д. Ап. XVI. 35, Остр. она). Въ среднемъ родѣ также имѣются обѣ формы: простая — ѡно (Быт. XLI. 32, Остр. др. текстъ, Евр. XI. 15, Остр. она) и сложная — ѡное (Исх. XVI. 21, I. Нав. V. 12, Дан. VII. 18, Остр. и Первop. другой текстъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѡно (л. 166). Въ женскомъ родѣ также обѣ формы: ѡнѣ (ѡѣ ѡнѣ странѣ I. Нав. IX. 10, Остр. ѡбѡнѣ, Первop. ѡбѡнѣ) или ѡнѣ (прондѡхомъ всю пѣстыню... ѡнѣ: Второз. I. 19, Остр. и Первop. ѡнѣ) и сложная ѡнѣю (Числ. XVI. 43, Остр. другой текстъ, Дан. XIII. 14, Остр. др. текстъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѡнѣ (л. 166).

Творительный падежъ. Въ муж. родѣ одна сложная форма: ѡнымъ (I. Нав. III. 4, Остр. мѣждѣ нами ѣ ѡнѣхъ... вѣроятно,

опечатка вмѣсто простой формы ѡнѣмъ, Первop. также ѡнѣхъ. Прем. С. XVII. 6, Остр. другой текстъ); у М. Смотр. одна простая форма: ѡнѣмъ (л. 165 на об.), равно какъ и въ среднемъ родѣ (л. 166). Ср. также тв. м. р. ѡнѣмъ (Мр. XVI. 12). Въ женскомъ родѣ: ѡною (3 Ездри XIII. 45, Остр. другой текстъ; единственный примѣръ), какъ и у М. Смотр. ѡною (л. 166)—простая форма.

Предложный падежъ. Въ мужескомъ родѣ одна простая форма: ѡномъ (І. Н. VIII. 27, Остр. ѡнѡ, Первop. ѡномъ), въ ср. родѣ такъ же (Быт. XXVIII. 11, Остр. тѡ, Первop. тѡмъ); у М. Смотрицкаго также ѡномъ въ обоихъ родахъ (л. 165 на об. и 166). Въ женскомъ родѣ одна простая форма: ѡной (Быт. XIX. 33, Остр. другой текстъ, 1 Цств. XIV. 1, Остр. ѡнон, Первop. ѡной); у М. См. обѣ формы ѡной и ѡнѣй (л. 166).

Двойственное число представлено, какъ и всегда, скудно. Именит. падежъ муж. рода имѣется только въ простой формѣ, не уклоняющейся отъ старославянскаго: ѡна (въ значеніи 3-го лица: Л. XIX. 34, Іоан. I. 38, Дѣян. А. XIII. 51, Остр. ѡна). У М. Смотр. въ мужескомъ и среднемъ родахъ также ѡна (л. 165 и 166 на об.); хотя въ среднемъ р. мы ожидали бы ѡнѣ, какъ въ старославянскомъ. Именительный падежъ ж. рода какъ въ старославянскомъ: ѡнѣ (также въ значеніи мѣстоименія личнаго 3-го л. М. XXVIII. 9, Остр. ѡнѣ, Первop. ѡнѣ); у М. Смотр. съ другимъ удареніемъ ѡнѣ (л. 166). У Зизанія безъ различенія рода: ѡна (л. 45); повидимому это только муж. родъ. Формы родит. и предложнаго находимъ только у М. Смотрицкаго: ѡнѣ для всѣхъ трехъ родовъ (І. с.). Въ библіи онѣ не встрѣчаются. У Зизанія ѡною (л. 45).

Форма дат. падежа муж. рода, не уклоняющаяся отъ старославянскаго, — ѡнѣма (Л. XXIV. 31, Остр. ѡнѣма (sic.), Первop. ѡнѣма). У М. Смотр. дат. и твор. для всѣхъ трехъ родовъ также ѡнѣма (І. с.). У Зизанія сложная форма ѡныма (л. 45).

Множественное число. Именительный падежъ. Въ мужескомъ родѣ имѣются обѣ формы—простая изрѣдка: ѡни (М. XXII. 10, Остр. ѡни, Первop. форма винит. падежа ѡны), также съ другимъ удареніемъ: ѡни (2 Макк. X. 28, Остр. ѡни, Перв. ѡни,

ХП. 12, Остр. другой текстъ, VI. 25, Остр. ѡнѣ), впрочемъ преимущественно въ значеніи ии. ч. личнаго мѣстоименія 3 лица (такъ 2 Макк. VI. 25, ХП. 12) и болѣе частая сложная: ѡнѣи (Дан. III. 21, Остр. другой текстъ, VI. 11, 15, Остр. ѡни, Первop. ѡни и ѡнѣи, ХП. 2, Остр. ѡнѣи, Первop. ѡнѣи, 1 Макк. VIII. 30, Остр. и Первop. ѡнѣи, и т. д.). У Зизанія ѡнѣи (л. 45). Изрѣдка встрѣчается и форма винит. надежа: ѡны (М. XXIV. 22, днѣ ѡны два раза, Остр. тѣи, Первop. тѣи). Въ данномъ случаѣ перенесеніе формы винит. надежа въ именительный могло быть вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что выраженіе днѣ ѡны состоитъ изъ двухъ членовъ, тѣсно связанныхъ между собой ассоціаціей смежности, образующихъ такъ называемый рядъ (Reihenassociation нѣмецкихъ ученыхъ) и особенно часто встрѣчающихся именно въ винительномъ надежѣ въ готовой формулѣ во дни ѡны. При естественной слабости языкового чутія у редакторовъ текста такое перенесеніе представляется вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что въ другихъ сочетаніяхъ такая форма именит. надежа множ. ч. не встрѣчается. У М. Смотр. находимъ только простую форму съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: ѡнѣи (л. 165 на об.). Въ среднемъ родѣ находимъ также обѣ формы: ѡна (Прем. Сол. V. 9. Только одинъ случай. Остр. ѡна, Первop. ѡна) и ѡнаѣ (Числ. X. 31. Остр. друг. текстъ, Іов. XIX. 23, Остр. другой текстъ, 3 Ездры. ХП. 2, Остр. друг. текстъ. Только три случая). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѡна (л. 166 на обор.). Въ женскомъ родѣ имѣется уже только одна сложная форма: ѡныѣ (Исх. II. 19, Остр. ѡни же, Первop. ѡнѣи же, Дан. XIII. 57, Остр. еще ѡны, Первop. ѡны). У М. Смотрицкаго одна простая: ѡны (л. 166).

Родительный надежѣ. Въ муж. родѣ имѣются обѣ формы: простая ѡнѣхъ (Іезек. XLIII. 8, Остр. ѡнѣхъ, Первop. ѡнѣхъ, Матѣ. XXIII. 23, Остр. ѡнѣхъ, Первop. ѡнѣхъ) и сложная ѡныхъ (Второз. XXIX. 18, Остр. тѣхъ; Исх. VII. 12, Остр. ѡнѣхъ, Первop. ѡнѣхъ; Быт. XLVIII. 6, Остр. ѡнѣ, Первop. ѡнѣхъ; Быт. XLIII. 32, Остр. ѡнѣхъ, Первop. ѡнѣхъ; Дан. III. 22 ви. винит., Остр. тѣ, Первop. тѣ; Прем. С. XI. 14, ви.

винит., Остр. ѱхъ; XVI. 4, ви. винит. Остр. дат. мн. ѱнѣмъ; XVII. 18 также ви. винит., Остр. друг. текстъ—ѱхъ и т. д.). У М. Смотри. одна простая форма: ѱнѣхъ (л. 165 на об.). Въ среднемъ родѣ находимъ также и ту, и другую: ѱнѣхъ (Л. XI. 42, Остр. ѱнѣхъ, Первоп. ѱнѣхъ) и ѱныхъ (1 Парал. XXIX. 3, Остр. и Первоп. также ѱныхъ, 1 Макк. XI. 14, Остр. ѱныхъ, Первоп. ѱныхъ). У М. Смотрицкаго только простая форма ѱнѣхъ (л. 166 на об.). Въ женскомъ родѣ находимъ только простую форму: ѱнѣхъ (единств. случай: Іезек. XVI. 51, Остр. ѱнѣ, Первоп. ѱнѣхъ). У М. Смотрицкаго также одна простая—ѱнѣхъ (л. 166). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что сложная форма принадлежитъ позднѣйшему времени. Въ Остр. и Первопечатной библіи находимъ вѣсто нея простую форму или формы другихъ основъ. Только въ родит. множ. ср. рода форма встрѣчается уже въ Остр. библіи.

Дательный падежъ представляетъ приблизительно такія же отношенія.

Въ мужескомъ родѣ находимъ обѣ формы: ѱнѣмъ (Мате. XIII. 11, Остр. ѱнѣмъже, Первоп. ѱнѣмъже, Мр. IV. 11, Остр. ѱнѣмъже, Первоп. ѱнѣмъ же, Зах. VIII. 11, Остр. ѱнѣмъ XIV. 17, Остр. сіѱнѣхъ, Первоп. сіѱнѣхъ—опечатка ви. сіѱ ѱнѣмъ и т. д.) и ѱнымъ (Быт. VI. 21, Остр. и Первоп. ѱнѣмъ, XLIII. 32, Остр. сімъ, 3 Ездры VII. 69, Остр. сімъ, Притчи XXIV. 16, Остр. ѱнемъ падающею, Первоп. ѱнѣмъ падающею и т. д.). У М. Смотрицкаго: ѱнѣмъ, простая форма для всѣхъ трехъ родовъ (л. 165—166). Примѣровъ дат. множ. ж. и ср. рода въ новомъ библейскомъ текстѣ не встрѣчается *). Какого-либо отглаголка въ значеніи съ той или другой формой не соединено: ѱнымъ же... развѣгшымъ (2 Макк. XIV. 44, Остр. другой текстъ), но ѱнѣмъ же ѱнѣгшымъ (тамъ же XV. 4, Остр. ѱнѣмъже). Въ Остр. въ первомъ случаѣ другая редакція текста, во второмъ ѱнѣмъже.

*) Въ Остр. и Первоп. библіи дат. мн. ср. р. по словесемъ ѱнымъ (Нов. сімъ).

Винительный падежъ. Въ мужескомъ родѣ обѣ формы: простая:—*ѡны* (2 Парал. VIII. 2, Остр. другой текстъ, Д. Апост. XXI. 26, Остр. друг. текстъ, М. XXII. 7, Остр. *ѡны*, Первоп. *ѡны*), во днѣ *ѡны* (Быт. VI. 4, Остр. Первоп. *ѡны*, Матѣ. III 1, 1 Цств. IV. 1 и т. д.—весьма частая формула), и сложная: *ѡнымъ* (Быт. XXXI. 34, Остр. друг. текстъ, 3 Цств. XIV. 28, Остр. *ѡ*, Іезек. IV. 9, Остр. другой текстъ, XXXVIII. 17, Остр. *ты*), которая, какъ и всѣ сложныя формы, въ болѣе древнемъ періодѣ церковнославянскаго отсутствуетъ. У М. Смотрицкаго одна простая форма—*ѡны* (л. 165 на об.).

Синтактическая замѣна формой родительнаго довольно часта. Въ роли винит. п. встрѣчаемъ обѣ формы: простую—*ѡнѣхъ* (Прем. С. XI. 11, Остр. *ѡнѣхъже*, Перв. *ѡнѣхъ же*, Евр. IV. 8, Остр. *ѡнѣхъ*) и сложную *ѡныхъ* (также 14, Остр. *нѣхъ*; Неем. XIII. 11, Остр. другой текстъ, Быт. XIX. 9, Остр. *ѡны*, Перв. *ѡны*, Іоан. X. 35, *ѡнѣхъ* *рече богѣвъ*... Остр. *ѡнѣхъ* *рече боги*, Первоп. также *ѡны* и т. д. см. также выше—родит. падежъ). Въ Остр. и Первоп., какъ видно, чаще исконный винит. падежъ. Въ среднемъ родѣ находимъ также обѣ формы: простую—*ѡна* (1 Макк. XI. 14, времена *ѡна*, Остр. по съ предл. мн., Второз. VII. 19, знаменіа *ѡна*, Остр. и Первоп. *ѡна*, Дан. XI. 14, въ лѣта *ѡна*, Остр. *та*) и сложную *ѡнаѣ* (Второз. XXIX. 3, Остр. и Первоп. *ѡна*, 1 Цств. XXV. 11, Остр. *та*, Іезек. VII. 20, Остр. *ѣ*). У М. Смотрицкаго одна краткая форма *ѡна* (л. 166 на об.). Въ женскомъ родѣ имѣются также обѣ формы: простая *ѡны* (1 Цств. XVII. 28, Остр. *ѡны*, Первоп. *ѡны*, Дѣян. Ап. XX. 2. страны *ѡны*, Остр. *тыѣ*) и сложная *ѡнымъ* (Лев. XX. 14, Остр. *нѣхъ*, Суд. XVI. 3, Остр. *ѡ*). У М. Смотрицкаго одна простая форма *ѡны* (л. 166).

Творительный падежъ представляетъ одну простую форму только въ мужескомъ родѣ (всего два случая): *ѡнѣми* (Д. Апост. XV. 9, Остр. *ѡнѣми*, Первоп. *ѡнѣми*. 1. Петра IV. 14, Остр. *ѡнѣми*, Первоп. *ѡнѣми*, съ удареніемъ, вызваннымъ вліяніемъ *тѣми*). У М. Смотрицкаго простая форма *ѡнѣми* для всѣхъ трехъ родовъ (л. 165—166).

Предложный падежъ. Въ мужескомъ родѣ обѣ формы: про-

стая Ѡнѣхъ, очень частая въ сочетаніи во днѣхъ—или по днѣхъ— (Мр. I. 9, Остр. Ѡнѣхъ, Первop. Ѡнѣхъ, 2 Пар. XXI. 8, Остр. и Первop. Ѡнѣхъ, Іерем. V. 18, Остр. тѣхъ, Евр. X. 16, Остр. Ѡнѣхъ и т. д.) и сложная Ѡныхъ (1 Парал. VII. 24, Остр. Ѡныхъ, Первop. Ѡныхъ, можетъ быть и предложный ср. рода, 2 Пар. XXXII, 24 во днѣхъ Ѡныхъ, Остр. по днѣхъ тѣхъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма Ѡнѣхъ для всѣхъ трехъ родовъ. Случай предложнаго ср. р. (простая форма): на мѣстѣхъ Ѡнѣхъ (Д. Ап. XVI. 3, Остр. Ѡнѣхъ, Первop. Ѡнѣхъ).

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ сложныя формы принадлежатъ позднѣйшему времени; въ текстахъ Остр. и Первop. библии на ихъ мѣстѣ находятся простыя формы этой же или другихъ мѣстоименныхъ основъ, если текстъ тождественъ; очень часто сложныя формы въ Новой библии имѣются въ такихъ мѣстахъ, чтеніе которыхъ сильно разнится отъ стараго текста, такъ что онѣ очевидно внесены при исправленіи. Въ Новой библии замѣчается даже стремленіе къ замѣнѣ простыхъ формъ сложными. Простыя большею частью встрѣчаются въ готовыхъ формулахъ (сочетаніяхъ), сложившихся давно и очень устойчивыхъ, въ родѣ во врэма Ѡно, (во, по)днѣхъ Ѡнѣхъ и т. д. Если отбросить такія формулы, то числовое отношеніе между простыми и сложными формами представляется въ такихъ приблизительныхъ цифрахъ:

Единственное число: Им. м. р. простыхъ 3, сложныхъ 11, ж. р. простыхъ 3, сложныхъ 9, ср. р., наоборотъ, простыхъ 5, сложныхъ 4. Родительный: м. р. простыхъ 1, и 2 вмѣсто винит. п., всего три, сложныхъ—15 и, вмѣсто винит. 3, ж. р. простыхъ 3, сложныхъ 6, ср. р. только сложныя 4. Въ дательномъ находимъ однѣ простыя формы. Винительный м. р. простыхъ 4, сложныхъ 8, ж. р. простыхъ 9, сложныхъ 10, ср. р. простыхъ 4, сложныхъ 8. Творят. м. р. только сложный—2 случая, ж. р. только одна простая форма. Предложный имѣется также только простой: м. р. 4, ж. 2, ср. 3. Множественное число. Именит. м. р. 2 простыхъ, 6 сложныхъ, ж. р. только сложныя двѣ, средняго рода одна простая, двѣ сложныхъ. Род. м. р. простыхъ 6, сложныхъ 9, ж. р. одна простая, ср. р. два простыхъ, сложныхъ—3. Дательный м. р.

простыхъ 7, сложныхъ 8, ж. и ср. р. нѣтъ случаевъ. Винит. падежъ м. р. простыхъ 4, сложныхъ 5, ж. р. по одной ф., ср. простыхъ двѣ, сложныхъ 5. Творит. м. р. только двѣ простыхъ. Предложный м. р. наоборотъ—три простыхъ и двѣ сложныхъ, ср. р. одна простая. Родительный, вмѣсто винительнаго м. р.—три простыхъ и 10 сложныхъ. Общій итогъ: 78 простыхъ и 133 сложныхъ. Незначительная неточность, которая могла вкратѣться при составленіи этого разсчета, не уничтожаетъ значенія этихъ цифръ, свидѣтельствующихъ о значительномъ перевѣсѣ сложныхъ формъ. Принадлежащей къ разсмотрѣнному морфологическому и семасіологическому гнѣзду чувствуется теперь очевидно и форма винит. ед. м. р. отъ относительнаго мѣстоименія ѣ—Онъ со вторичнымъ, абсорбированнымъ отъ предлога о; объ этомъ свидѣлствуютъ не только обычныя написанія: въ дѣнь, въ Онъже не чаетъ, ѣ въ чаетъ, въ Онъже не вѣсть (Матѣ. XXIV. 44, Остр. вонъже и взнъже, Первон. вонъ же), въ Онъ (Лев. XXIII. 21, Остр. вонъ, Первон. вонъ), гдѣ предлогъ отдѣленъ и возстановлено (графически) з, но и такія, какъ во Онъже (1 Цств. XXI. 6, Остр. втѣн, Первон. в тѣй, Ис. XVII. 11, Остр. и Первон. вонъже).

Такія же приблизительно отношенія представляютъ менѣе богатныя примѣрами склоненія мѣстоименій ѣнз, ѣвз. Мѣстоименіе самъ представляетъ нѣкоторыя особенности, такъ какъ въ извѣстныхъ падежахъ идетъ по типу мѣстоименныхъ основъ на јо-, какъ н, съ и т. д.

Какъ и у вышеразсмотрѣнныхъ мѣстоименныхъ основъ и здѣсь мы находимъ простыя формы рядомъ со сложными:

Единственное число. Именительный падежъ Въ мужескомъ родѣ простая форма самъ (2 Парал. XXVI. 20: ѣбо ѣ самъ тѣашесъ, Іов. XXVIII. 23: самъ во вѣсть...); въ ж. р. также: самъ (Римл. VIII. 21, самъ твѣрь свободѣтъ, Остр. сама, Первон. самъ); въ ср. р. обѣ формы: простая само (1 Іоан. Посл. II. 27: тѣ само помѣзаніе оучѣтъ, Остр. только тѣ) и сложная самое (1 Кор. XI. 4: самое ѣстество оучѣтъ въ... Остр. самое, Первон. самое, 3 Ездры VIII. 9, Остр. др. текстъ). У М. Смотрицаго

одна простая форма: *самъ* (л. 163), *самà* (тамъ же на обор.) и *само*.

Родительный муж. рода въ сложной формѣ: *самагѡ* (Пов. I. 12, *самагѡ* да не кѡснешиса; Остр. *самогѡ* же, Первоп. *самогѡ* же простая форма) и *самáгѡ* (Ефес. IV. 16, Остр. *себѣ*). У М. Смотрицкаго въ муж. р. простая форма, *самогѡ*, въ ж. сложная *самыа*, въ ср. также сложная *самагѡ* (безъ ударенія 1. с.). Родительный вмѣсто винительнаго — *самогѡ* же сщѣннограбителя... *оубиша* (2 Макк. IV. 42, Остр. безъ мѣстоименія) — сложная форма съ обычной графической дифференціаціей (*ш* и *о*); *самáго* (Іак. II. 8, Остр. *самого*, Первоп. *самогѡ*) есть вѣроятно опечатка.

Дательный м. р. въ простой формѣ: *самомѹ* (Мр. IV. I, Д. Ап. XXV. 25, Остр. *самомѹ*, Первоп. какъ въ Новой). У М. Смотрицкаго м. и ср. родъ также въ простой формѣ, ж. р. *ниѣтъ* обѣ: *самой*: *ѣй* (л. 163 на обор.).

Винительный м. рода въ сложной формѣ: въ *самый* той дѣнь (Эсѣ. VIII. 13, Остр. *самый*, Первоп. какъ въ Новой); ж. р. также *самѹю* (Іез. XXIII. 10, *самѹю* мечемъ *оубишиа*, Остр. простая ф. *самѹ*, Первоп. *самѹ*. Характерно и удареніе, находящееся, быть можетъ, въ связи съ только что приведенной формой в. ед. м. р. *самыи* изъ Остр. библии) и *самѹю* (II. Пѣсн. I. 7, Остр. *самѹю*, Первоп. *самѹю*); въ ср. р. опять только сложная форма: *самое* (Лев. VI. 5: да ѡдáстъ самое то ѣстое, Остр. *самое*, Первоп. *самое*). У М. Смотрицкаго въ муж. родѣ одна форма родит. ед., въ ж. простая — *самѹ*, въ среднемъ также простая — *само*.

Творительный. Въ муж. родѣ простая форма: *самѣмъ* (Быт. XXII. 16, *мноу самѣмъ* *клáхса*, Остр. другой текстъ — *собоу*) и рядомъ по типу мѣстоименныхъ основъ на *ю* — *самимъ* (3 Ездры XIII. 26, *самимъ* *собоу* *избáвйтъ*, Остр. *самъ себѣ*), какъ въ современномъ русскомъ. У М. Смотрицкаго одна простая форма. Въ ж. родѣ также простая форма — *самою* (2 Макк. III. 8, Остр. другой текстъ, М. Смотриц. л. 163 на обор.). Въ среднемъ родѣ — сложная: *самымъ* (2 Макк. IV. 12, *подъ* *самымъ* *краегрáдіемъ*, Остр. друг. текстъ). У М. Смотрицкаго простая (л. 164).

Предложный муж. р. въ простой формѣ: самѡмъ (3 Ездры IX. 1, въ себѣ..., Иоан. I. 22, ѡ тебѣ самѡмъ..., тоже у М. Смотрицкаго). Въ ж. р. у М. Сметр. двѣ формы: простая и сложная самѡй и самѣй, примѣровъ которыхъ въ библ. текстѣ не имѣется. Ср. р. у М. Смотрицкаго одинаковъ съ мужскимъ (1. с.).

Формы двойственного числа, приведенныя у М. Смотрицкаго, въ библейскомъ текстѣ не встрѣчаются, и потому, какъ недостовѣрныя, могутъ быть оставлены безъ особаго вниманія. Им. вин. зв. во всѣхъ родахъ сама (для ж. и ср. это мало вѣроятно), род. и пр. муж. и ср. самѡ, ж. самѡ (опечатка?), дат. и твор. самѡма.

Множественное число. Именительный муж. рода только въ простой формѣ—самѡи (Быт. XLIV. 3, Остр. другой текстъ, Прем. Сол. XIII. 6, Остр. такъ же); у М. Смотрицкаго такъ же (л. 163 на обор.). Формы ж. и ср. рода въ библіи не встрѣчаются; у М. Смотрицкаго онѣ простыя: самы и сама (л. 163 на об. и л. 164).

Родительный муж. р. имѣетъ три формы: простую—самѣхъ (Д. Ап. XX. 30: ѡ васъ самѣхъ, Остр. самѣхъ, Первоп. какъ въ Новой, 1. Кор. V. 13, Остр. самѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), сложную—самыхъ (3 Ездры VIII. 10, ѡ самыхъ членовъ, Остр. ѡи съставъ, Первоп. ѡ ихъ составъ) и вторичную, продуктъ морфологической ассимиляціи къ мѣстоименнымъ основамъ на jo-: самѣхъ (Пезек. XXXIV. 8, вмѣсто винит. пасѡша... самѣхъ себѣ, Остр. и Первоп. самѣ себѣ, Юд. II. 10, Остр. другой текстъ, Ис. III. 9, Остр. другой текстъ), какъ сѣхъ, ихъ и т. д. У М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ простая форма—самѣхъ (1. с.). Формы ж. и ср. род., въ текстѣ библіи отсутствуютъ.

Дательный муж. р. — простая форма самѣмъ (2 Сол. I. 4, самѣмъ намъ, Остр. самѣмъ, Первоп. самѣмъ, 1 Кор. VII. 35, на пользѣ вамъ самѣмъ, М. Сметр. для всѣхъ трехъ родовъ также самѣмъ).

Рядомъ вторичная форма по типу мѣстоименныхъ основъ на jo-: самѣмъ (Быт. XLVII. 24, бѣдѣтъ вамъ самѣмъ, Остр. только вамъ, 2. Макк. III. 2, слѣчащесѣ ѡ самѣмъ царѣмъ, Остр. самѣмъ).

при, 1. Кор. I. 24, проповѣдѣмъ... самѣмъ же званымъ ѿдѣемъ, Остр. самѣмъ же, Первоп. самѣмъ же).

Сложная форма самѣмъ нѣтъ: Исх. XX. 23 (Остр. сами себѣ), 1 Ездры VI. 20, Остр. другой текстъ.

Винительный не встрѣчается. Имѣются только синтаксическія замѣны родительнымъ: самѣхъ (Бол. III. 16, вразумляюще себѣ самѣхъ, Остр. и Первоп. такъ же) и самѣхъ (см. выше). У М. Смотрицкаго простыя формы: и. и ж. р. сѣмы, ср. сѣма.

Творительный въ текстѣ библіи не встрѣчается. У М. Смотрицкаго простая форма самѣми для ж. и ср. родовъ, въ нуж. самѣмъ — очевидная опечатка.

Предложный и. р. встрѣчается только въ простой формѣ — самѣхъ (Римл. I. 24, въ себѣ самѣхъ. Остр. самѣхъ, Первоп. самѣхъ). У М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ также самѣхъ. Кроме того нѣтъ и вторичная форма самѣхъ (Ис. V. 21, Остр. друг. текстъ).

Изъ другихъ мѣстоименій съ основой на о- укажемъ еще на нѣкоторыя формы, уклоняющіяся отъ старославянскаго или чѣмъ-нибудь замѣчательныя. Такъ морфологической ассимиляціей къ остальнымъ падежамъ объясняется творит. ед. отъ мѣстоименія вопросительнаго кто (стсл. кѣто) — кѣмъ (Л. XIV. 8, Остр. кѣмъ, стсл. чѣмъ). Путемъ „аналогіи“ здѣсь восстановлено к, сохранившееся въ другихъ падежахъ въ силу особыхъ фонетическихъ условій.

Другимъ факторомъ въ образованіи данной формы весьма вѣроятно была параллельная форма чѣмъ, отвѣчающая стсл. чѣмъ; не безъ вліянія оставались и формы творит. ед. прочихъ мѣстоименныхъ основъ на jo-, какъ сѣмъ, ѿмъ и т. д. Процессъ морфологической ассимиляціи здѣсь такимъ образомъ сложился, чѣмъ тотъ, результатомъ котораго является соотвѣтственная русская форма кѣмъ. Мѣстоименія іѣкъ, тѣкъ склоняются, какъ и другія мѣстоименныя основы на о-, рассмотрѣнныя выше: тв. ед. и. р. іѣкъмъ (Іоан. V. 4, Остр. іѣкъмъ же), р. мн. іѣкъхъ (Мр. IX. 3, Остр. іѣкъхъ же, Первоп. іѣкъхъ же), таѣхъ (тамъ же X. 14, Остр. таѣхъ, Первоп. какъ въ Новой).

Склоненіе числительныхъ два, ѿба въ общемъ сохранилось безъ особыхъ измѣненій.

Им. м. р. двà (Быт. II. 24), вин. м. р. двà (Быт. XXXIV. 25). Ср. р. им. двѣ (I. XXI. 8, двѣ^е стѣ), но рядомъ встрѣчается и форма муж. р., какъ въ русскомъ, вліяніемъ котораго она и объясняется: вин. двà свѣтіла (Быт. I. 16, Остр. и Перв. еще двѣ свѣтілѣ); ж. р. им. двѣ жены (2 Макк. VI. 10), вин. двѣ жены (Быт. IV. 19, Остр. и Первоп. двѣ женѣ). У Мел. Смотрицкаго для муж. и средн. рода двà (л. 154 и 155), для женскаго двѣ. У Зизанія для муж. р. двà (л. 41 на обор.), женск. р. двѣ, ср. р. двое (л. 42).

Родительный м. р. двѣ сынѡвъ (Быт. XXXVIII. 11, Остр. двѣ), ср. р. двѣстѣ (Иезек. XLVIII. 17, Остр. двѣ стѣ). Предложный м. р. на двѣ дворѣхъ (4 Цств. XXI. 5, Остр. на двѣ дворѣ). Въ стел. чаще форма дѣвою отъ двоѣ, дѣвоѣ, основны на jo-. Примѣры этой послѣдней формы: ѿ двою дрѣвѣ (Ис. VII. 4, Остр. двою дрѣвесѣ, Первоп. двою дрѣвесѣ), по двою же днѡ (Іоан. IV. 43, Остр. двою, Первоп. двою), по двою лѣтѣ (Быт. XLI. 1, Остр. другой текстъ), по двою дворѣ (4 Цств. XXIII. 12, Остр. въ двою, Первоп. двою). Рядомъ имѣется вторичная, заимствованная изъ русскаго форма съ окончаніемъ множ. числа: двѣхъ (род. м. р. I. Ездры X. 13, Остр. и Первоп. двѣ, Ис. VII. 16, Остр. двою, Первоп. двою, предложный м. рода Суд. X. 4: на тридѣсати двѣхъ ѡслѣхъ, Остр. на ѿ ѡслѣхъ). У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ двою (л. 41—42). Та же форма и у Мелет. Смотрицкаго для муж. рода: двою (л. 154), для сред. двою (л. 155) и для женскаго двѣю (л. 154 на об.). Дифференціація эта произвольна, какъ указываютъ приведенные выше примѣры изъ Библіи. Въ Новой и Первопечатной безразлично имѣется только двою для муж. и сред., а въ Острожской двою. Форма же двѣю не встрѣчается.

Дательный и творительный. Для всѣхъ родовъ двѣма (стел. дѣвѣма): дат. муж. рода двѣма (Мр. XVI. 12, Остр. двѣма, Первоп. двѣма), твор. ср. р. двѣма стома (Мр. VI. 37, Остр. двѣма стома, Первоп. двѣма), ж. р. двѣма вѣщми (Евр. VI. 18, Остр. двѣма вѣщма), м. р. двѣма талáнты (3. Цств. XVI. 24, Остр. двѣма талáнтома). Рядомъ имѣется вторичная форма дат.

множ., заимствованная очевидно изъ русскаго: двѣмъ рабынамъ (Быт. XXXIII. 1, Остр. род. дв. двѣ) и объясняющаяся морфологической ассимиляціей къ вторичной же формѣ двѣхъ. I. Н. XIV. ст. 3, имѣемъ форму родит. дв. въ значеніи дат. дв. ср. р.: даде... двѣ племенѣмъ (Остр. двема племенѣ, Первоп. двѣма племенѣмъ). У Малет. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ: двѣма (л. 154 и 155).

У Зизанія дифференціація по ударенію: муж. и жен. двѣма (л. 41—42), ср. двѣма.

Такъ же склоняется Ѡба: им. м. р. Ѡба (Быт. II, 25), им. ж. р. Ѡбѣ (дщери Лѣтовы. Быт. XIX. 36), вин. м. р. Ѡба (Быт. XL. 2), ср. р. на Ѡба рамена (Исх. XXXVI), подъ влияніемъ тождества им. вин. зв. м. и ср. рода въ именномъ склоненіи (основъ на о-), вмѣсто Ѡбѣ (Остр. и Перв. еще Ѡбѣ рамѣ); но Ѡбѣ рамѣ (Быт. IX. 23); вин. жен. р. Ѡбѣ странѣ (Исх. XXVIII. 7): стсл. м. оба, ж. и ср. обѣ.

Родительный и предложный только отъ основы на jo- *Ѡбѣи, какъ и въ стсл.: р. м. р. Ѡ Ѡбою (I. Сир. XXII. 5, Остр. обѣю, Первоп. обѣю), предл. м. р. Ѡ Ѡбою брѣтѣ (Матѣ. XX. 24, Остр. обѣю, Первоп. ѡбѣю): стсл. обою.

Дательный и творительный, какъ въ старославянскомъ: д. м. р. Ѡбѣма брѣтома (Быт. IX. 22, Остр. обѣма, Перв. обѣма, Быт. III. 7, Апок. XI. 3, Остр. обѣма, Перв. обѣма и т. д.); творит. м. р. Ѡбѣма (Быт. XXXII. 22): стсл. обѣма.

У М. Смотрицкаго находимъ своеобразныя педантскія попытки дифференцировать различные роды въ склоненіи данныхъ числительныхъ: муж. рода Ѡба, Ѡбою (NB. удареніе), Ѡбома (NB. л. 152 на обор.), ср. р. Ѡба, Ѡбою, Ѡбоима (безъ ударенія, л. 153), но ж. р. Ѡбѣ (пропущено), Ѡбѣю (NB.), Ѡбѣма. Въ языкѣ Библии эти попытки не находятъ оправданія.

Основы мѣстоименныя на jo-. Склоненіе мѣстоименія *ѣ, ѣа, ѣ не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ старославянскаго. Въ именительномъ падежѣ всѣхъ трехъ чиселъ первичныя формы утрачены; сохранились онѣ только въ сочетаніи съ частицей же: ед. чис. ѣже (Второзак. XXV. 19), ѣаже (Быт. I. 7, 9), ѣже (Быт.

П. 16), множ. ч. ѿже (2 Ездры П. 6), ж. р. ѿже (Матѳ. XXV. 1), съ та=та, ср. р. ѿже (І. XXI. 25), стсл. ед. ч. и, ѿ, ѿ, ин. ч. и, ѿ, ѿ. Вмѣсто этихъ формъ находимъ соотвѣтственныя формы другаго указат. мѣстоименія онъ (напр. у Зизанія л. 45).

Родительный ед. М. р. ѿгѡ (Быт. П. 7, стсл. ѿго), ж. р. ѿѡ (В. XII. 6, стсл. ѿм). У М. Смотрицкаго такъ же (л. 178).

Дательный. М. р. ѿмѡ (Матѳ. XXII. 19, стсл. ѿмоу), ж. р. ѿѡ (В. XXIV. 17, стсл. ѿм). М. Сл. ѿмоу, ѿѡ (І. с.).

Винительный. М. р. ѿ, довольно часто (Быт. XXXII. 8—полкъ, Исх. П. 35—ковчѣжецъ, Исх. XXIV. 21—священника Азарію, Ис. XXXIII. 7—нищаго) въ значеніи личномъ и предметномъ. Въ первомъ значеніи весьма часто имѣется обычная замѣна формой род. ед. съ графической дифференціаціей: ѿ вознѣтъ ѿгѡ ѡ мѣста ѿгѡ (Іов. XXVII. 21, Остр. въ обоихъ случаяхъ ѿго, Первоп. уже ѿгѡ... ѿгѡ, ср. также М. XXVII. 35: распѣнши же ѿгѡ, раздѣлиша рѣзы ѿгѡ, Остр. въ обоихъ случаяхъ ѿго, Первоп. ѿгѡ—ѿгѡ). Обѣ формы нерѣдко встрѣчаются вмѣстѣ: ѿспытайте ѿ ѿки вертепъ, ѿ погубите ѿгѡ (Іерем. Л. 26, Остр. другою тексты); поверзи ѿгѡ на зѣмлю. ѿ верже ѿ на зѣмлю (Исх. IV. 3, Остр. ѿго... ѿ, Первоп. ѿгѡ... ѿ). Женск. рода—ѡ (М. І. 19, В. XXXII. 8 и т. д.). Ср. р.—ѡ (М. V. 29, Исх. П. 6 и т. д.): стсл. и, ѿ, ѿ. У М. Сл. ѿгѡ, ѿ, ѡ, ѡ (л. 178).

Творительный. М. р. прѣднѣмъ (Л. І. 17, стсл. нмѣ), М. Сл. ѿмъ; ж. р. ѿю (Быт. І. 28, стсл. ѿм), М. Сл. такъ же.

Предложный. М. р. на нѣмъ (М. XII. 18, стсл. ѿмѣ); ж. р. въ нѣѡ (М. І. 20, стсл. ѿм). У М. Сл. ѡ ѿмъ, ѡ ѿѡ рядомъ съ ѡ нѣмъ, ѡ нѣѡ.

Двойственное число. Именительный не встрѣчается. Формы им. и вин. дв., приводимыя М. Сл. (л. 178) и. и ср. ѡ, ж. ѡ, ничѣмъ не подтверждаются въ текстѣ Библии и являются однимъ изъ примѣровъ чисто теоретическихъ педантскихъ построений этого грамматика. Родительный: и. р. ѿю (М. XXI. 3, VIII. 30:—ѡ нѣю, Л. XV. 12 и т. д., стсл. ѿю). Дательный. М. р. ѿма (Ісх. Слр. VII. 30, Лев. X. 1), ж. р. ѿма (Матѳ. XXVIII. 10, 11): стсл. ѿма. Винительный двойственного за-

и́мѣнѣ винительнымъ множественнаго: м. р. ѿ (Мр. I. 20 Іакова и Іоанна: стсл. ѿ, Остр. и Первон. ѿ), ж. р. ѿ (Матѣ. XXVIII. 9, Руѣ I. 9, 1 Цств. VI. 10 Остр. и Перв. ѿ). Въ м. р. ѿ можетъ еще отвѣчать стсл. вин. дв. ѿ, но въ женскомъ мы ожидали бы *ѿ (стсл. ѿ); такъ какъ церковнославянская орѳографія сохраняетъ написаніе ѿ, положимъ въ им. ж. р. ѿже (стсл. ѿ), то и въ вин. дв. м. р. слѣдовало бы ожидать написаній съ ѿ. Въмѣсто нихъ однако мы имѣемъ такое же написаніе съ ѿ, какъ въ винительномъ множественнаго ѿ=стсл. ѿ, такъ что и вин. дв. м. р. ѿ можетъ быть разсматриваемъ какъ вин. мнж.

Творительный м. р.: съ нѣма (Лук. XXIV. 15, стсл. нма).

Множественное число. Именительный не встрѣчается. Родительный не уклоняется отъ старославянскаго: ѿхъ (Быт. XLIII. 24, мужеск. рода стсл. ихъ). Дательный также: ѿмъ (М. II. 13. м. р., Л. XXIV. 4, 5. ж. р.). Винительный м. р. какъ въ старославянскомъ: ѿ (Быт. XXV. 6, Ам. IX. 2, 3, стсл. ѿ), ж. р. также ѿ (свѣзды Б. I. 17, стсл. ѿ), ср. р. ѿ вмѣсто *ѿ (Быт. XV. 10, стсл. ѿ). Рядомъ имѣются случаи синтактической замѣны родительнымъ: ѿхъ (м. р. М. XXI. 14, 41, Остр. ѿхъ, ѿ, ж. р. Мр. XVI. 8, Остр. ѿ) и т. д. У М. Смотр. находимъ графическую дифференціацію для написаній тождественныхъ формъ вин. м., ж. и ср.: въ муж. и ср. ѿ, въ ж. ѿ. Творительный: м. р. съ нѣми (В. XIX. 5, стсл. нми), ж. р. прѣднѣми (Лук. XXIV. 4, стсл. нми) и т. д. Предложный муж. р. въ нѣхъ (Лук. XXII. 24, стсл. ихъ).

Такъ же мало измѣнилось склоненіе притяжательныхъ мѣстоименій мой, твой, свой.

Единственное число. Именительный м. р. мой (Матѣ. III. 17, стсл. мой), ж. р. моѿ (Быт. XLIX. 3, стсл. моѿ), ср. р. моѣ (Іов. XXIII. 2, стсл. моѣ).

Родительный м. р. моего (Быт. XLVI. 31, стсл. моего), ср. р. такъ же (Іов. XXIII. 2), ж. р. моѿ (тамъ же, стсл. моѿ). Дательный м. р. твоѣмъ (Пс. V. 8, стсл. твоѣмоу), ср. р. такъ же (Пс. XLIV. 13), ж. р. своѣй (Исх. XXI. 26, 27, стсл. своѣй). Винительный м. р. мой (Перем. VI. 19, стсл.

мой), ср. р. твоё (Исх. IV. 6, стсл. теюе), ж. р. твою (Руѳ. III. 10. стсл. теюж). Случай синтактической замѣны винит. и. р. формой родительнаго: посылаю Ангѣла моего (Мр. I. 2, Остр. моего, Первон. моего: графическая дифференціація въ Первопечатной библіи проведена не послѣдовательно) и т. д. У М. См. приводится только одна форма родит. винит. (л. 170). Творительный и. р. моймъ (Быт. XLVIII. 32, стсл. монмъ), ср. р. такъ же (Перем. XX. 8), ж. р. своєю (1 Цств. II. 10, стсл. сюеж). Предложный и. р. моёмъ (Эккл. II. 10, стсл. монмъ), ср. р. такъ же (Пс. XXIX. 7), но мѣмъ (3 Езд. XIII. 16, Остр. моёмъ, Перв. моёмъ), ж. р. моей (Руѳ. I. 11, стсл. моюе).

Двойственное число. И. и. р. твоѡ (Пѣснь Н. IV. 5, VII. 3: два сосѣда—, стсл. теюѡ), вин. и. р. моѡ (Римл. XVI. 3) и т. д. ии. ж. р. мой (Пс. XVII. 37, стсл. мон), вин. ж. р. въ рѣцѣ мой (Быт. XXXIX. 8) и т. д. ии. ср. р. очн мой (Пс. CXL. 8, стсл. мон), вин. ср. р. возмѣ князь мой (Пс. CXXXVIII. 9) и т. д. У М. Смотр. находимъ формы ии. ж. р. моѡ (л. 170 на об.), твоѡ (л. 171 на об.), своѡ (л. 172 на об.), которыя, можетъ быть, были вызваны народными формами ии. множ. моѡ, своѡ.

Родительный и предложный: предл. ср. р. во ѡчию мою (Перем. VII. 30, стсл. моюю), родит. ѡ ѡчию мою (Быт. XXXI. 40), р. ж. р. ѡ рѣкѣ мою (Быт. XXXIII. 10) и т. д. У Звѣзанія мою и твою. Сюда же надо отнести и формы моѡ, твоѡ, которыя у него, вѣроятно, ошибочно отнесены къ ии. вин. зв. (л. 46).

Дательный и творительный: дат. муж. р. свидѣтелема мойма (Апок. XI. 3. стсл. монма), тв. ж. р. рѣкама мойма (Пс. LXXVI. 3), тв. ср. р. ѡима свойма (Лев. XX. 4), дат. ср. р. ѡима мойма (Пс. CXXXI. 4) и т. д.

Множественное число. Именительный муж. род. мой (Быт. XXXI. 43, стсл. мон), ж. р. моѡ (тамъ же), ср. р. моѡ (тамъ же). Графическая дифференціація двухъ послѣднихъ написаній иногда достигается употребленіемъ разныхъ знаковъ для обозначенія ударенія ' и ^, но проведена она далеко не послѣдовательно, такъ что является почти исключеніемъ: беззакѡнѡнъ моѡ (Пс.

XXXVII. 5) и ра́ны моѡ (тамъ же, 6), оуста моѡ (Пс. XXXIX. 4), чѡдеса твоѡ (тамъ же, 6) и т. д. Въ среднемъ родѣ слѣдовало бы ожидать написаній съ ѡ (стсл. ж. моѡ, ср. моѡ), но такъ какъ вообще знакъ ѡ въ церковнослав. графикѣ получилъ значеніе = а съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ или j, то формы им. ж. р. и ср. р. въ ней совпали совершенно. Иногда встрѣчается форма м. р., вмѣсто ж. или ср.: житницы твоѡ (Второз. XXVIII. 5, 17, Остр. гѣла твоѡ, Первop. такъ же), въ чемъ надо видѣть вліяніе русскаго языка.

Родительный м. род. моѡхъ (Ч. XXIII. 11), ж. р. такъ же (Іов. 34): стсл. монхъ.

Дательный м. р. своимъ (Быт. XLIX. 33), ж. р. моѡмъ (Пс. LVI. 7) и т. д.: стсл. монмъ.

Винительный м. р. моѡ (Быт. XXVI. 5), ср. и ж. р. такъ же (тамъ же): стсл. м. и ж. моѡ, ср. моѡ.

Синтактическая замѣна родительнымъ въ м. родѣ: двоѡхъ сыновъ моѡхъ оубѣй (Быт. XLII. 37, Остр. сна моѡ ѡѡ, Первop. такъ же—моѡ), но люди твоѡ (Пс. LXXVI. 21), сыны твоѡ (Пс. CXLVII. 2). Иногда встрѣчаются формы им. вин. зв. ср. рода вмѣсто вин. множ. того же рода: ра́мы своѡ (Быт. XLIX. 15, Остр. ра́мѣ своѡ, Первop. такъ же), но ра́мы своѡ (Исх. XII. 34, Остр. и Перв. также); у Зизанія вин. м. р. моѡ, твоѡ (л. 46 на об.), ж. и ср. моѡ, твоѡ (л. 47); такая неправильность объясняется просто постановкой формы множ. ч. существительнаго на мѣсто формы двойственного ч., при чемъ слабость языковаго чутья въ области цѣлав. съ одной стороны и вліяніе роднаго языка съ другой поощряли сдѣлать такую же замѣну и съ мѣстоименіемъ.

Звательный м. р. заимствуетъ форму винит. множ.: братѣ моѡ (Іак. V. 12).

Творительный м. р. моѡми (Б. XLIX. 29), ж. р. (Пс. VI. 7) и ср. (Іер. I. 12) такъ же; стсл. монми.

Предложный м. р. твоѡхъ (Іов. XXII. 28), ж. р. своѡхъ (Іер. XXIII. 32), ср. р. моѡхъ (Быт. XXX. 3): стсл. монхъ.

Точно такъ же склоняются и мѣстоименія чѡй, нѡшъ (стсл. нѡмъ), вѡшъ (стсл. вѡмъ). Извѣстныя особенности представляютъ только

и некоторые падежи множ. числа последних двух местоимений. Такъ, въ именительномъ множ. м. р., рядомъ съ „правильной“ формой наши, ваши (Быт. XLVI. 34, Исх. XII. 26, Остр. и Перв. наша), встрѣчается форма винит. множ. наша (скоти наша, Второз. III. 19), употребленная какъ именительный. Встрѣчается также видъ формы именит. множ. ж. р. форма, тождественная, какъ въ русскомъ, съ именит. мн. м. р. и которая въ сущности есть именит. двойств. ж. р.: „шмыются ноги наши (Быт. XVIII. 4, Остр. ноги наша, Перв. ноги наша), но винит. мн. ногъ наша (Быт. XIX. 2, Остр. ногъ наши. Перв. ногъ наши). Что касается именит. множ. ср. рода, то надо замѣтить графическую дифференціацию его съ одинаково звучащей формой мн. мн. ж. р.: конечный гласный а, соответствующій въ ср. р. стел. -а; въ ж. -а, обозначается помощью а въ первомъ случаѣ (лица наша: Дан. I. 13, Остр. ѓзрачи наша, Первон. ѓзрачи наши; Быт. XXXIV. 23. ...наша... бѣдѣтъ, Остр. ед. ч., Прем. Сол. IX. 14. оумышленіа наша, Остр. наша, Первон. такъ же), а во второмъ (рѣки наши: I Иоан. I. 1, Остр. и Первон. наша). Дифференціация эта послѣдовательно проведена только въ Новой библіи, въ Остр. и Первонеч. она отсутствуетъ.

Дательный въ написаніи отличается отъ старосл. окончаніемъ -ымъ, что объясняется непалатальностью ш: нашимъ (Прем. Сол. II. 12, ср. р., Остр. нашимъ, Первон. нашимъ, Быт. I. 24, м. р., Остр. наши, Перв. нашимъ), вашимъ (Исх. XII. 24, м. р., Остр. вашимъ, Первон. такъ же): стел. нашимъ, нашимъ.

Въ написаніяхъ другихъ падежей однако эта непалатальность ш почти не даетъ себя чувствовать. Сверхъ непалатальности ш, т. е. причины фонетической, въ происхожденіи подобныхъ написаній могла играть роль и причина морфологическая — уподобляющее вліяніе дат. множ. сложныхъ именъ прилагательныхъ съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ, какъ добрымъ и т. д.

Винительный множ. м. р. представляетъ двѣ формы — именит. наша (стел. наша, Исх. III. 22, Остр. наша, Первон. такъ же, Быт. XLVII. 16: скоты наша, Остр. ед. ч. и т. д.) и форму именит. множ. наши, какъ въ русскомъ (Быт. I. 21;

дѣлы вѣши, Остр. вѣша, Первоя. такъ же, Іерем. V. 17, хлѣбы вѣши, Остр. хлѣбъ твои), которая, въ силу непалатальности ш, передается иногда написаніемъ вѣшы (помѣе пророки вѣшы—Іерем. II. 30, Остр. вѣша, Первоя: такъ же). Какъ видно изъ цитатъ, форма эта, вдобавокъ очень рѣдкая, является только въ Новой библіи и такимъ образомъ должна быть отнесена на счетъ вліянія русскаго языка. Остальные надежи не представляютъ ничего особеннаго. У М. См. находимъ формы им. дв. ч. ж. р., не оправдываемыя библейскимъ текстомъ и вызванныя педантическимъ и произвольнымъ стремленіемъ исправлять языкъ: нѣшѣ (л. 176), вѣшѣ (л. 177 на обор.). У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ нѣша (л. 48).

Мѣстоименіе чій имѣется только въ нѣкоторыхъ формахъ: Ед. ч. им. м. р. чій (Быт. XXXII. 17), ж. р. чіѣ (В. XXIV. 23, удареніе какъ въ русскомъ. Остр. такъ же).

Р. ср. р. чіегѡ (Іов. XXXVIII. 29, Остр. чіего, Первоя. какъ въ Нов.), ж. р. чіѣѣ (1 Цств. XII. 4, Остр. ничіѣѣ, Первоя. ничіѣѣ).

Тв. ср. р. чіимъ (2 Ездри VI. 4, 11, Остр. им. ср. чіѣ, Первоя. чіѣ).

Пр. ср. р. чіѣмъ (І. Сир. XXIV. 7, Остр. друг. тексть).

Им. им. ср. р. чіѣ (Быт. XXXII. 17, Остр. чіѣ).

Такъ же, какъ мой, склоняются числительныя двѣи, ѡбѣи, трѣи, имѣющіяся главнымъ образомъ въ формахъ множ. числа.

Именительный множ. м. род. двѣи людіѣ (Быт. XXV. 23, Остр. и Первоя. такъ же), им. им. ср. р. врата трѣѣ (Іез. XLVIII. 31—34).

Родительный им. ж. род.: двѣиѣ рабынь (Быт. XXXI. 33, Остр. и Первоя. ѡбѣи рабыню).

Дательный им. м. р.: двѣимъ юношамъ (І. Нав. VI. 21, Остр. и Первоя. двѣмъ же юношамъ).

Винительный им. ж. род. двѣи двѣри (3 Цств. VI. 32, Остр. двѣѣ, Первоя. такъ же), двѣи ризы (Суд. XVII. 10, Остр. двѣѣ ризы, Первоя. какъ въ Новой), форма эта тождественна съ им. дв. ж. р., но въ то же время можетъ быть вызвана вліяніемъ рус-

свихъ формъ; ср. р. двоѡмъ сѣмъ слышахъ (Пс. ХLI. 12, Остр. вин. ед. двоѡ сѣ, Первоп. двоѡмъ сѣмъ).

Предложный и. род. двоихъ вертепахъ (3 Цств. XVШ. 4, Остр. двою вртепъ, Первоп. двою вертепъ).

Какъ именит. ср. р. ед. числа слѣдуетъ разсматривать форму двоѡсѣ (Суд. XIX. 3, Остр. такъ же), винит. ед. ср. р. на двоѡсѣ (Лев. XI. 3, 4, Остр. съ русскимъ удареніемъ на двоѡсѣ, Первоп. такъ же), также двоѡсѣ же ми сотвориши (Иов. XIII. 20).

Такія же почти отношенія представляетъ склоненіе ѡбѡй.

Единственное число. Родительный ср. род. ѡбѡегѡ (2 Макк. VII. 22, Остр. другой текстъ, Притчи С. XXVII. 3, Остр. ѡбѡега, Первоп. ѡбѡегѡ).

Множественное число. Именительный м. р. ѡбѡй (2 Макк. X. 28, Остр. ѡбѡй, Первоп. такъ же), ср. р. ѡбѡмъ полы (Числ. VII. 13, 19, 25 и т. д. Остр. ѡбѡѡсѣ, Первоп. ѡбѡѡсѣ; Притчи XX. 10, 12, Остр. ѡбѡмъ, Первоп. ѡбѡмъ).

Родительный м. род. ѡбѡихъ (Иоан. I. 40, Остр. ѡбою, Первоп. ѡбою; вл. вин.: Тов. VIII. 13, Остр. друг. текстъ. Ефес. II. 16, Остр. ѡбѡихъ, Первоп. ѡбѡихъ).

Дательный м. род. ѡбѡимъ двѣмъ оугламъ (Исх. XXVI. 24, Остр. ѡбѣма оуглома, Первоп. ѡбѣма, 3 Цств. VI. 25).

Винительный м. род. см. родит., ср. р. за ѡбѡмъ (Прем. Сол. XIV. 30, Остр. друг. текстъ).

Творительный м. род. наѡ ѡбѣими столпѣми (3 Цств. VII. 20, Остр. гл. VI другой текстъ), ж. р. со ѡбѣими версѣми (Суд. XVI. 3, Остр. и. р. ѡбѣйма побѡема, Первоп. ѡбѣйма побѡема), безъ того различенія между этими двумя видами основы, какое имѣется въ русскомъ (не всегда и не вездѣ).

Предложный м. р. на ѡбѡихъ краѣхъ (Исх. XXVI. 19, 21, Остр. и Первоп. ѡбою концъ), на ѡбѣихъ столпѣхъ (3 Цств. VII. 42, Остр. гл. VI. на ѡбѣ столпѣхъ, Первоп. на ѡбѣхъ...), ср. р. во ѡбѡихъ оушесѣхъ (1 Цств. III. 11, Остр. и. дв.), во ѡбѡихъ (Ис. Сир. XLI. 17, Остр. ѡ ѡбою), ж. р. на ѡбѡихъ двѣрѣхъ (3 Цств. VI. 34, Остр. другой текстъ). Основы ѡбѡй- и ѡбѣй- употребляются, какъ видно изъ примѣровъ, безъ всякаго отно-

ненія въ роду; послѣдняя очевидно внесена изъ русскаго языка и въ Остр. библии встрѣчается рѣже, чѣмъ въ Новой. У М. Смотрицкаго даже нѣтъ второй основы, вызванной вліяніемъ именит. двойств. ж. и ср. рода обж. Склоненіе первой основы во множ. ч. представляется у него въ такомъ видѣ:

И. и. р. ѡбон (удареніе?), ж. р. ѡбон, ср. ѡбон.			
Р.	ѡбонѣхъ	ѡбонѣхъ (съ другимъ акцентомъ).	
Д.	ѡбонѣмъ	ѡбонѣмъ	ѡбонѣмъ
В.	ѡбонѣ	ѡбонѣ	
Зв.	ѡ ѡбон (удареніе?)	—	ѡ ѡбонѣ
Тв.	во всѣхъ родахъ ѡбонѣми		
Предл.	ѡ ѡбонѣхъ	ѡбонѣхъ	ѡбонѣхъ (л. 152 на об. и 153).

Различной акцентуаціи тождественныхъ формъ едва ли можно придавать какое нибудь значеніе, кромѣ произвольной попытки дифференцировать одинаковыя формы.

Сложное мѣстоименіе кій (стсл. кый), калъ (стсл. калъ), кое (стсл. кою) въ косвенныхъ падежахъ представляло въ стслав. двѣ основы кѣ- и кою-, которыя могутъ быть выдѣлены и въ церковно-славянскихъ формахъ.

Единственное число. Им. ед. м. р. кій или кий (Второз. XX. 5, 7, Остр. др. текстъ. Быт. XXXI. 36, Остр. др. текстъ, М. XXI. 31, Остр. кий, Первон. кий, Д. XXII. 24, Остр. кин), ж. р. калъ (М. XVI. 26, Остр. калъ, Первон. калъ), ср. р. кое (1 Цств. XVIII. 18, Д. Ап. VII. 49, Остр. и Первон. такъ же). У М. См. кий, калъ, кое (л. 173 на об., 174). Въ Остр. библии встрѣчается чисто русскій именительный ед. м. р. кон (3 Макк. IV. 3, Первон. кой), въ основѣ котораго лежитъ стсл. кын.

Родительный м. и ср. р. коегу (стсл. коего: м. р. I. Сир. XXXIV. 24, Остр. коего, Первон. какъ въ Новой, ср. р. Тов. V. 9, 11, Остр. др. текстъ, Неем. II. 6, Остр. коего, Первон. какъ въ Новой), ж. р. коемъ (стсл. коему, Иона I. 8, Остр. коемъ, Первон. коемъ, Д. Ап. XXIII. 34, Остр. коемъ, Первон. коемъ) и коемъ (Д. Ап. X. 29, Остр. др. текстъ). Удареніе коемъ

вѣроятно позднѣйшаго происхожденія и вызвано уподобленіемъ къ другимъ падежамъ, гдѣ удареніе находится на основѣ. Ср. акцентуацію *моєа* (см. выше), а также формы Первопечатной библіи *коєа*, приведенныя выше. У М. Смотр. и. и ср. *коєа*, ж. *коєа* (1. с.).

Дательный и. и ср. р. *коєа* (стел. *коємоу*; и. р. Лев. XXI. 17, Остр. *коєа*, Первоп. *коєа*), ж. р. *коєй* (Мр. IV. 30, Остр. *коєй*, Первоп. *коєй*, стел. *коєи*). У М. Смотр. и. и ср. *коєа*, ж. *коєй* (1. с.).

Винительный и. рода *кѣй* (Д. Ап. VII. 49, Остр. *кѣй*, Первоп. *кѣй*, стел. *кѣй*), ж. р. *кѣю* (стел. *чаще кою*; Д. Ап. XXII. 24, Остр. *кѣю*, Первоп. *какъ въ Новой*), ср. р. *коє* (Іов. XXVII. 10, Остр. *коє*, Первоп. *какъ въ Новой*); у М. Смотр. въ и. р. только форма родит. ви. винит. *коєго* (см. также Тов. I. 17, 18, Остр. другой текстъ), ж. *коюю*, ср. *коє*.

Творительный и. р. *кѣмз* (стел. *кѣмъ*, 3 Цств. XIII. 12, Остр. *кѣмз*, Первоп. *какъ въ Новой*, 4 Цств. III. 8, Остр. *коѣмз*, Первоп. *коѣмз*), ср. р. *коѣмз* (Д. Ап. IV. 7, Остр. *коѣмз*, Первоп. *коѣмз*, Остр. Д. Ап. X. 29 *коѣ* словѣ; 1 Кор. XV. 35, Остр. *коѣмже*, Первоп. *коѣмже*) и *кѣмз* (Дан. XIII. 58, Остр. *кѣмз*, Первоп. *кѣмз*); ж. р. *коєю* (стел. *коємъ*, М. XXI. 23, 24, 27, Остр. *коєю*, Первоп. *коєю*, Д. Ап. IV. 7, Остр. *коєю*, Первоп. *коєю*). Приведенныя формы замѣчательны въ отношеніи ударенія: въ Остр. библіи оно имѣлось на окончаніи: *коѣмз*, *коєю*, въ Первопечатной уже *коѣмз*, но *коєю* (есть и *коєю*), въ Новой уже на основѣ *коѣмз*, *коєю*. У М. Смотр. и. и ср. *коѣмз*, ж. *коєю*.

Предложный и. и ср. р. *коємз* (стел. *коємъ*; сравн. ср. р. *нѣкоємз* Второз. XXII. 6), у М. Смотр. такъ же; ж. р. *коєй* (стел. *коєи*; Іов. XXXVIII. 19, Остр. *коєи*, Первоп. *коєй*); у М. Смотр. такъ же.

Двойственное число не имѣетъ примѣровъ въ текстѣ Библіи.

Им. вин. зв. муж. рода долженъ быть *каа* (ср. два *нѣкаа* Л. VII. 18, вин. и. рода, Остр. *нѣкаа*, Первоп. *нѣкаа*). или **боа* (ср. стел. *моа*), ж. и ср. **кѣи* (ср. стел. *мои*). У М.

Смотр. *кѣ* для *м.* и *ср.*, *кѣ* для женскаго—формы, не оправдываемыя текстами.

Род. и предл. у М. Смотрицкаго *кѣю*, дат. и твор. *кѣма* и *кѣма* для всѣхъ трехъ родовъ (л. 173—174)—формы возможныя.

Множественное число. Именительный муж. рода представляет вторичное образованіе, въ которомъ, подъ вліяніемъ остальныхъ надеждъ, восстановлено к: *кѣ* (стсл. *чин*; Ис. LX. 8, Остр. *нѣцин*, Первоп. *нѣцин*, Иоан. VI. 64, Остр. *ктѣ*); судя по формѣ *нѣцын* (Неем. V. 2. 3, Остр. другой текстъ), мы должны были бы ожидать *им. ин. м. р. *цын*, какого однако въ дѣйствительности не встрѣчается. У М. Смотрицкаго находимъ также только *кѣ* (л. 173 на обор.). Изрѣдка встрѣчается форма винит. *множ.*, употребленная въ смыслѣ именительнаго: *кѣ* сѣть... (3 Ездры IV. 7, стсл. *кѣма*. Остр. другой текстъ—*чѣ* сѣть). Въ женскомъ родѣ никакихъ уклоненій отъ старославянскаго, кромѣ *ы=и*: *кѣ* (стсл. *кѣма*, 3 Макк. IV. 3, Остр. другой текстъ). У М. Смотрицкаго такая же форма (л. 174). Въ среднемъ также: *кѣ* племѣнѣ (стсл. *кам*; 3 Ездры III. 32, Остр. *кацын* *гѣзыцы*). У М. Смотрицкаго *кѣ* (л. 174 на об.)—форма, въ Библии не встрѣчающаяся.

Родительный *м. р.* *кѣхъ* (стсл. *кѣмъ*; Иона I. 8, Остр. *кѣхъ*, Первоп. *кѣхъ* съ другимъ удареніемъ, *чѣмъ* въ Новой библ., Матѣ. XVII. 25, Остр. *кѣй*, Первоп. *кѣхъ*), а также *кѣхъ* (Юд. X. 12, Остр. друг. текстъ; вмѣсто винит. 3 Ездры V. 52, Остр. *кѣй*, Первоп. *кѣхъ*. Зографск. ев. Л. XXIV. 19 *кѣхъ*). У М. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ только *кѣхъ* (л. с.).

Дательный не встрѣчается; судя по формѣ *м. р.* *нѣкѣмъ* (2 Макк. X. 18, Остр. *нѣкѣхъ*), онъ долженъ бы былъ имѣть форму *кѣмъ* (стсл. *кѣмъ*). У М. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ *кѣмъ* (л. с.).

Винительный *м. р.* слѣдовало бы ожидать *кѣ* (стсл. *кѣма*. Ср. *нѣкѣ* и *нѣкѣ*. Д. Ап. IX. 2. 19, Остр. *нѣкѣ*, Первоп. *нѣкѣ*, а также вышеприведенную форму именит. *множ.* *кѣ*: 3 Ездры IV. 7). У М. Смотрицкаго *кѣ*. Обычныя синтаксическія замѣны

формой родит. множ.: ко́нхъ (3 Ездры V. 52, см. выше, Евр. III. 17, Остр. ко́нхъе, Первоп. ко́нхъ). Женск. рода кіа (стсл. кыа. Матѳ. XIX. 18, Остр. кыа, Первоп. кіа). У М. Смотри. также кіа (л. 174). Ср. рода должно бы быть кáа (стсл. кáа), если заключать на основаніи формы кáаждо (1 Парал. XXVI. 13, Остр. ко́аждо, Первоп. кáаждо, 2 Макк. XIV. 9, Остр. ко́ждо. Перв. такъ же). У М. Смотрицаго мало вѣроятная форма кіа (л. 174 на обор.).

Творительный въ Библии не встрѣчается. У М. Смотрицаго для муж. и ж. р. конми и кіми (стсл. кыми заставляло бы ожидать *кіми), для ср. р. конми и кіми.

Предложный м. р. кінхъ (стсл. кынхъ; Юд. VIII. 15, Остр. другой текстъ, ср. также кінхъдо; 2 Макк. II, 29, Остр. ко́нхъдо, Первоп. такъ же), ср. р. ко́нхъ (3 Ездры X. 38, Остр. ко́нхъ, Первоп. ко́нхъ); ж. р. кінхъдо (2 Ездры I. 16, Остр. друг. текстъ). У М. Смотрицаго для м. р. ко́нхъ, кінхъ, для ж. и ср. ко́н, кн̄.

Точно такъ же или почти такъ же склоняются различныя сложныя мѣстоименія, въ составъ которыхъ входятъ кій: нѣкій (довольно частныя формы), никійже (Л. XVI, 13), кійждо и т. д.

Относительно перваго изъ нихъ надо отмѣтить преобладаніе основы кѣ-; основа кою- въ Новой б. имѣется только въ род., дат., предл. единственнаго, во множественномъ числѣ она совсѣмъ не встрѣчается. Именительный множеств. ч. м. р. всегда—нѣцыи (Мр. IX. 1, Остр. нѣціи, Первоп. нѣцыи); форма нѣкин встрѣчается только въ Остр. б. (3 Ездры XIII. 13, Первоп. такъ же, Новая нѣцыи). Винит. множ. м. р. нѣкіа (2 Макк. IV. 32, Д. Ап. IX. 2. 19).

Слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторыя формы съ „контракціей“ гласныхъ і-и: род. мн. муж. р. нѣкихъ (Іов. XXII. 8, Остр. нѣкихъ, Первоп. нѣкихъ, Л. IX. 7, Остр. нѣкыхъ, Первоп. нѣкихъ, 1 Тимѳ. V. 24, Остр. нѣкй, Первоп. какъ въ Новой), рядомъ съ нѣкихъ (2 Макк. IV. 8, Остр. друг. текстъ, X. 20, Остр. нѣко́нхъ, Первоп. нѣкихъ), дат. мн. м. р. нѣкимъ (Л. XXI. 5, Остр. нѣкоимъ, Первоп. такъ же) и нѣкимъ (I. Тим. V. 24,

Остр. нѣкимже, Первон. нѣкимъ же), рядомъ съ нѣкимъ (2 Макк. X. 18, Остр. другой текстъ).

Собственно „контракцію“ гласныхъ въ этихъ формахъ едва ли можно видѣть. Гораздо правдоподобнѣе объясненіе ихъ морфологической ассимиляціей въ такихъ формахъ отъ мѣстоименныхъ основъ на *jo-*, какъ *снѣхъ*, *снѣмъ*, *моиѣхъ*, *моиѣмъ*, *нѣхъ*, *нѣмъ* и т. д. Процессъ уподобленія имѣлъ приблизительно такое направленіе: если рядомъ съ *сн*, *мои*, *наши* и т. д. имѣются формы *снѣхъ*, *снѣмъ*; *моиѣхъ*, *моиѣмъ*; *нашихъ*, *нашимъ*, то и рядомъ съ *нѣ*, *нѣки* могутъ быть формы *нѣхъ*, *нѣмъ*, *нѣкихъ*, *нѣкимъ*. Такого же происхожденія должны быть приведенныя у М. Смотрицкаго (см. выше) формы твор. и предл. множ. *кѣми*, *кѣхъ*.

Мѣстоименія *сѣй* (стел. *сѣ*, *син*) и *что* (стел. *что*), первоначально основны на *i-*, представляютъ въ своемъ склоненіи уже въ старославянскомъ характерныя черты мѣстоименныхъ основъ на *jo-*, которыя болѣе или менѣе сохраняются и въ церковнославянскомъ.

Мѣстоименіе *сѣй* уклоняется отъ старослав. главнымъ образомъ въ им. и вин. падежахъ ед. и множ. числа. Склоненіе его представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Единственное число. Именительный м. р. только въ сложной формѣ *сѣй* (стел. *син*, простая *сѣ*; Внт. IV. 20. 21. 22, Остр. *сѣи*, Первон. *сѣи*) или *сѣи* (очень рѣдко: Мр. XII. 16, Остр. *сѣи*, Первон. *сѣи*). У М. Смотрицкаго *сѣи*, *сѣи* (л. 168 на обор.). У Зизанія *сѣи* (л. 49 на обор.). Простая форма совершенно исчезла. Въ ж. р. также одна сложная форма *сѣа* (стел. *си*, Внт. II. 4, Остр. *сѣа*, Л. II. 36, Остр. *сѣ*, Первон. какъ въ Новой). У М. Смотрицкаго *сѣа* и *сѣ* (л. 169). У Зизанія *сѣа* (л. 49 на обор.). Форма ж. р. *сѣ* въ текстѣ Новой библии совсѣмъ не встрѣчается. Средній родъ представляетъ обѣ формы: простую *сѣ* (очень рѣдко: Л. XVIII. 36 — *что оубѣ ѣсть сѣ*, Остр. *сѣ*, Первон. *сѣ*, Исаія XXXVI. 6, въ смыслѣ нарѣчія *сѣ оуповѣши*, Иерем. V. 5), соответствующую стел. *сѣ*, и сложную *сѣе* (Эккл. XI. 6, Остр. *сѣ*, Первон. *сѣи*), въ основѣ которой лежитъ форма **сѣjo-*. У М. Смотрицкаго одна сложная форма *сѣе*

(л. 169 на обор.). У Зизанія сіе. Можно отмѣтить разницу въ акцентуаціи Зизанія сіа, сіе, рядомъ съ общими сіа, сіе (л. 49 на обор.).

Родительный и. и ср. рода сегѡ (стел. сегѡ; и. р. 1 Цств. IV. 16, Остр. сегѡ, Первон. сегѡ, ср. р. Быт. II. 24, Остр. сегѡ, Первон. сегѡ), ж. р. сегѡ (стел. сегѡ, Быт. XXI. 10, Остр. и Первон. такъ же). У М. Смотрицкаго сегѡ, сегѡ (л. с.).

Дательный и. р. сегѡ (Лев. IV. 20, Остр. сегѡ, Первон. сегѡ), ж. р. сегѡ (Мр. XI. 23, Остр. сегѡ, Первон. сегѡ): стел. сегѡ, сегѡ. У М. Смотрицкаго и. и ср. сегѡ, ж. сегѡ.

Винительный и. р. сегѡ (Мс. XXXVI. 6, Остр. другой текстъ, стел. сегѡ, сегѡ), обычная замѣна родит. сегѡ (Іоан. VI. 27, Остр. сегѡ, Первон. сегѡ), съ графической дифференціаціей. У М. Смотрицкаго только эта послѣдняя форма. Въ ж. родѣ сегѡ (стел. сегѡ; Быт. XII. 7, Остр. и Первон. какъ въ Новой). Въ ср. родѣ такія же двѣ формы, какъ въ именит.: простая сегѡ (стел. сегѡ; Лук. XIII. 8, и сегѡ, Остр. сегѡ, Первон. сегѡ, Іоан. II. 22, сегѡ глаголаше, Остр. сегѡ Первон. сегѡ) и сложная сегѡ (Мр. I. 39, Остр. сегѡ, Первон. сегѡ, Быт. XXXVIII. 23, Остр. другой текстъ). Какъ видно изъ, цитатъ (ср. также выше формы именит. ср. р.), форма сегѡ въ Остр. и Первон. встрѣчается рѣже, чѣмъ простая и болѣе древняя сегѡ, почти исчезнувшая напротивъ въ Новой. У Зизанія и. сегѡ, ж. сегѡ, ср. сегѡ (л. 49 на обор.).

Творительный и. и ср. р. сегѡ (Ис. XXXVI. 7, Остр. сегѡ, Первон. сегѡ и. р. Тев. VI. 8, ср. р.: стел. сегѡ); ж. р. сегѡ (Числ. XIII. 18, Остр. и Первон. такъ же, стел. сегѡ). У М. Смотрицкаго и. и ср. р. сегѡ, ж. сегѡ, съ удареніемъ, вызваннымъ, очевидно, морфологической ассимиляціей къ такимъ формамъ, какъ сегѡ, сегѡ, сегѡ. У Зизанія и. сегѡ, ср. сегѡ, ж. сегѡ. (л. 49 на обор.).

Предложный и. и ср. рода сегѡ (М. р. Быт. VII. 1, Остр. сегѡ, Первон. сегѡ; ср. р. Быт. XXIV. 9, Остр. другой текстъ, стел. сегѡ), ж. р. сегѡ (Іоан. IV. 20, Остр. и Первон. такъ же, стел. сегѡ). У М. Смотрицкаго и. и ср. сегѡ, ж. сегѡ.

Двойственное число представлено, по обыкновению, скудно.

Имѣется ии. дв. ср. р. двà сѣ (Ис. XLVII. 9, Остр. ѡвѣ тѡ) или двà сѣ (тамъ же II. 19, Остр. двѣ сѣ), если только это не имен. множ. ср. р., на что указываетъ множ. число глагола. Согласно съ старосл. мы ожидали бы формы *сѣи (стсл. сии), которая въ текстѣ библіи не встрѣчается. Съ другой стороны приведенная форма сѣ тождественна съ ожидаемой формой именит. дв. м. р. (ср. стсл. сии). У М. Смотрицкаго для муж. и ср. р. находимъ дѣйстви-тельно одну форму сѣ (л. 169 на обѣихъ сторонахъ), для ж. построенную по образцу овѣ и т. д., невозможную форму сѣ. У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ сѣ и сѣю (л. 49 на обор.).

Родительный двойств. м. р. сѣю (Д. Апост. I. 24, Остр. сѣю, Первоп. сѣю), ср. р. такъ же (Матѣ. V. 37, Остр. и Первоп. сѣю). Рядомъ имѣется предложный ж. р. сѣю, уклоняющійся отъ стсл. сѣю подъ вліяніемъ такихъ формъ, гдѣ имѣется основа сѣю-Матѣ. XXII. 40: вѣ сѣю ѡбѣю заповѣдію... Остр. всѣю, Первоп. вѣ сѣю). У Зизанія для всѣхъ родовъ сѣю (л. 49 на обор.).

Дательный м. р. сѣма (Д. Ап. IV. 16, Остр. и Первоп. такъ же, стсл. сима). У Зизанія сѣма (л. 49 на обор.).

Множественное число. Именительный муж. р. сѣи (стсл. сии), съ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго (Быт. XXXVI. 1, 5, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и т. д. Остр. сѣи, Первоп. сѣи, Исх. XIV. 3, Остр. сѣи, Первоп. сѣи, какъ вси, 1 Парал. XII. 1. 14. 15, Остр. сѣи, Первоп. сѣи, Быт. X. 29. 31, Остр. сѣи, Первоп. сѣи, Числ. III. 9, 17, 20, 21, 27, 33, Остр. сѣи, Первоп. также сѣи) и которое является, повидимому, вторичнымъ (Остр. и Перв. почти вездѣ сѣи) и вызваннымъ, быть можетъ, морфологической ассимиляціей въ тѣи. У М. Смотрицкаго сѣи, какъ въ Новой библ. Такъ же и у Зизанія (л. 49 на обор.). Въ ж. р. сѣи (Быт. XII. 4, Остр. сѣи, Первоп. сѣи); у М. Смотрицкаго также сѣи (стсл. сии). У Зизанія сѣи (л. 49 на обор.). Въ ср. р. также сѣи (Исх. I. 1, Остр. сѣи, Первоп. сѣи) или сѣи (Матѣ. XXIV. 3, Остр. сѣи, Первоп. сѣи), въ основѣ каковой формы лежитъ стсл. сии. Разные знаки акцента, понятно, не имѣютъ никакого фонетическаго значенія и вѣроятно являются плодами попытки къ графической дифференціаціи тождественныхъ написаній сѣи (им. ж. р.) и сѣи

(им. ср. р.). У М. Смотрицкаго сіѡ (л. 169 на обор.); у Зизанія сіѡ (л. 49 на обор.).

Родительный не представляет никакихъ уклоненій отъ стсл.: м. р. сіѡхъ (1 Цств. IV. 8), ср. р. такъ же (Притчи С. I. 5): стсл. снѡхъ.

Дательный также сохранился безъ особнхъ измѣненій: м. р. сіѡмъ (Быт. XXIV. 28), ср. р. такъ же сіѡмъ (2 Макк. IV. 9, Остр. снѡмъ, Первоп. сіѡмъ же) или сіѡмъ Іак. III. 10, Остр. сіѡмъ, Первоп. сіѡмъ): стсл. снѡмъ.

Винительный м. р. сіѡ (Іерем. VI. 19. 21, Остр. сн, Первоп. сіѡ)—стсл. снѡ. У М. Смотрицкаго такъ же сіѡ; ж. р. такъ же сіѡ (М. Смотрицкаго л. 169 на обор.: стсл. снѡ), ср. р. сіѡ (Іерем. VI. 6, 9, 16, Остр. сіѡ, Первоп. сіѡ), съ графической дифференціаціей при помощи разныхъ знаковъ ударенія (м. и ж. ' ср. '); въ основѣ этой послѣдней формы лежитъ стсл. снѡ; болѣе древняя стсл. форма сн дала, быть можетъ, такъ же начало вышеприведенныхъ формъ им. муж. сн Остр. и Первоп. библій. У М. Смотри. такъ же сіѡ. Обычная замѣна вин. м. р. родительнымъ: сіѡхъ (Быт. XLVI. 18, Остр. другой текстъ). У Зизанія для м. р. сн, для ж. и ср. сіѡ.

Творительный ничѣмъ не уклоняется отъ стслав.: м. р. сіѡми (Исх. XVII. 5, Остр. другой текстъ), ср. р. такъ же (Быт. XV. 17, Остр. сіѡми). У М. Смотри. во всѣхъ родахъ сіѡми (стсл. снѡми).

Предложный м. р. сіѡхъ (Быт. XXII. 1, Остр. предл. ед.) — стсл. снѡхъ. У М. Смотрицкаго такъ же.

Мѣстоименіе что (стсл. ѹто), первоначально основа на і-, представляетъ въ своемъ склоненіи особое распространеніе основы чесо- (стсл. ѹсо, ѹесо), которая есть въ сущности родит. ед. отъ основы чѣ-. Къ этой основѣ присоединяются падежныя окончанія. Это распространеніе замѣчается уже въ древнѣйшихъ старослав. памятникахъ, но въ новомъ церковнославянскомъ оно еще сильнѣе. У М. Смотри. именительный не только что, но и чесо (л. 167).

Родительный п. чесѡ (радн... Исх. II. 13, Остр. что ради, Первоп. чесѡ; Іов. XXXIII. 13, Остр. чесо, Первоп. чесѡ, Мр. VIII. 1, Остр. и Первоп. чесо) — стсл. ѹсо, ѹесо. Кроме

этой формѣ имѣется еще *чесогѡ* = стсл. *уьсого* (Бнт. XXXVII. 16, 1 Цств. XX. 4, Остр. *что*, Первон. *что*, Іов. XXXI. 16, Остр. другой текст), которая представляетъ изъ себя родит. *чесѡ*, взятый за основу + окончаніе родит. п. -гѡ. У М. Смотрицкаго *чесѡ* и *чесогѡ*.

Дательный *чесомѡ* (стсл. *уьсомоу*, *уьсомоу*: Бнт. XV. 8, Остр. *чесомѡ*, Л. I. 18, Остр. *чесомѡ*, Первон. *чесомѡ*, Іован. XIII. 28, Остр. *чесомѡ*, Первон. *чесомѡ*) = род. *чесѡ* + окончаніе *мѡ*. У М. Смотрицкаго *чесмоу* (русская форма) и *чесомѡ* (ibid.).

Винительный имѣетъ двѣ формы: исконную *что* (стсл. *уьго*; Римл. IX. 11, Остр. и Первон. *чесѡ*) и форму родит. *падежа* *чесѡ* (синтаксическая замѣна съ обычной графической дифференціаціей: Мр. XIII. 15, *взѣти* *чесѡ*, Остр. *чесо*, Первон. *чесѡ*). У М. Сметр. находимъ также обѣ формы *что*, *чесѡ* (л. 167).

Творительный является (кроиъ именит.) единственнымъ *падежомъ*, оставшимся свободнымъ отъ проникновенія вторичной основы *чесо* и сохранившимъ стслав. форму: *чимѡ* (стсл. *уимѡ*; Лев. VI. 2, Остр. *чѣ*, Первон. *чимѡ*; Суд. XVI. 5. 6, Остр. *чимѡ*, *чѣ*, Перв. *чимѡ*, I. Сир. XXXIV. 15, Остр. *чимѡ* *бѣдѣ*, Первон. *чимѡ*). У М. Смотрицкаго также *чимѡ* (тамъ же).

Предложный, рядомъ съ исконной формой *чѣмѡ* (стсл. *уѣмѡ*; Суд. XVI. 5. 6, Остр. и Первон. *чѣмѡ*, Ис. II. 22, Остр. другой текст), представляетъ вторичную *чесомѡ* (стсл. *уьсомоу*; Пс. LV. 8, Остр. *чесомѡ*, Первон. *чесомѡ*, Римл. VIII. 26, Остр. *что*, Первон. *что*, Суд. VI. 15, Остр. *чѣ*, Первон. *чимѡ*). У М. Смотрицкаго равнымъ образомъ *чѣмѡ* и *чесомѡ* (тамъ же).

Въ парадигмахъ М. Смотрицкаго находимъ вторичную основу *чесѡ* даже въ именительномъ *падежѣ*, куда она очевидно пошла по недоразумѣнію изъ винительнаго. Акцентуація у него разнится отъ находимой въ печатныхъ текстахъ Библии, и удареніе, подъ вліяніемъ акцентуаціи род. *чесѡ*, получившаго такое преобладающее значеніе, сохраняется на послѣднемъ слогѣ вторичной основы, тогда какъ въ библейскихъ формахъ оно находится на *падежныхъ* окончаніяхъ, какъ въ русскомъ языкѣ: *чесомѡ* какъ *чему*, *чесогѡ*, какъ *чесѡ* и т. д.

Мѣстоименіе *вѣсь* (стел. *вѣсь*), сохранило свое склоненіе безъ особнхъ уклоненій отъ старославянскаго.

Единственное число. Именительный падежъ м. р. *вѣсь* (Мр. I. 33, Остр. *вѣсь*, Первон. *вѣсь*, стел. *вѣсь*); ж. р. *всѧ* (стел. *вѣсь*, *вѣса*) = русск. *вся* (*f's'a* или *fs'a*): Мр. I. 5, Остр. *всѧ*, Первон. *всѧ*; ср. р. *всѣ* (стел. *вѣсе*): Иоанна Посл. 1. II. 16, Остр. *всѣ*, Первон. *всѣ*.

Родительный м. и ср. *всѣмъ* (ср. р. Iер. VIII. 2, Остр. друг. текстъ, Исх. XX. 17, Остр. *всѣго* скотѧ, Первон. *всѣмъ*; стел. *вѣсего*), ж. р. *всѣмъ* (Быт. I. 29, Остр. и Первон. такъ же; стел. *вѣсемъ*).

Дательный м. и ср. р. *всѣмъ* (м. р. Иоан. XXI. 25, Остр. *всѣмъ*, Первон. *всѣмъ*; стел. *вѣсеомъ*), ж. р. *всѣй* (Лук. VII. 17, Остр. *всѣмъ*, Первон. *всѣй*, стел. *вѣсемъ*). У М. Смотрицкаго дат. м. и ср. р. *всѣмоу* (л. 152).

Винительный м. р. *вѣсь* (*вѣсь* дѣнь Пс. XXXVI. 26, Остр. *вѣсь*, Первон. *вѣсь*; стел. *вѣсь*): У М. Смотрицкаго только форма родит. *всѣго* (л. 152), съ обычной графической дифференціею (см. также Иоан. VII. 23, Остр. *всѣго*, Первон. *всѣго*); ж. р. *всѣю* = русск. *всю* (*fs'û*, *f's'û*). Согласно старосл. *вѣсь*, слѣдовало бы ожидать **всѣ*, которое или прямо замѣнено русской формой, или, какъ и эта послѣдняя, возникло подъ вліяніемъ основъ на *jo-* (*jъ-*) съ одной стороны и именит. ед. ж. р. *всѧ* съ другой. Ср. р. *всѣ* (Быт. II. 6, Остр. *всѣ*, Первон. *всѣ*, стел. *вѣсе*).

Творительный м. и ср. р. *всѣмъ* (Мр. XII. 30, Остр. *всѣмъ*, Первон. *всѣмъ*; стел. *вѣсемъ*); у М. Смотрицкаго м. р. *всѣмъ*, ср. *всѣмъ*. Въ ж. р. *всѣю* (Мр. XII. 30, Остр. *всѣю* и *всѣю*, Первон. *всѣю*; стел. *вѣсемъ*).

Предложный м. и ср. р. *всѣмъ* (Эккл. I. 3, Остр. *всѣ*, Первон. *всѣмъ* — м. р.; стел. *вѣсемъ*); ж. р. *всѣй* (Мр. I. 39, Остр. *всѣмъ*, Первон. *всѣй*; стел. *вѣсемъ*).

Двойственное число совсѣмъ не имѣетъ представителей въ библейскомъ текстѣ.

Множественное число. Именительный падежъ муж. рода *вси* (Быт. V. 5, стел. *вѣси*), ж. р. *всѧ* (Быт. XII. 57, Остр. *всѧ*,

Первоп. всѣ, стел. вѣса), ср. р. всѣ (Д. Ап. IV. 32, Остр. всѣ, Первоп. всѣ, стел. вѣса=вѣса, вѣса) съ графической дифференціацией отъ ж. р. поношій разныхъ знаковъ ударенія.

Родительный м. р. всѣхъ (Быт. III. 1, Остр. и Первоп. такъ же, стел. вѣсахъ), ср. р. (Быт. II. 2), ж. р. (Перем. VIII. 2), такъ же безъ всякихъ попытокъ къ дифференціации.

Дательный м. р. и ж. р. всѣмъ (Быт. II. 20, Остр. всѣмъ, Первоп. всѣмъ, стел. вѣскимъ), ср. р. такъ же (1 Цств. VIII. 8, Остр. другой текстъ).

Винительный м. р. всѣ (Быт. I. 25, Остр. всѣ, Первоп. всѣ, стел. вѣса, Быт. II. 19, Остр. всѣ, какъ въ русскомъ); родит. вм. винительнаго всѣхъ (Иов. XXXIV. 24, Остр. всѣхъ); ж. р. всѣ (Быт. II. 19, Остр. всѣ, Первоп. всѣ—формы русскія; Ис. IX. 15, Остр. всѣ, Первоп. всѣ; стел. вѣса); ср. р. всѣ съ графической дифференціацией (Быт. VII. 5, Остр. другой текстъ, М. XXIV. 2, Остр. всѣ, Первоп. всѣ, Л. XVIII. 28, Остр. всѣ, Первоп. всѣ, стел. вѣса=вѣса, вѣса).

Дифференціация эта, какъ и у другихъ подобныхъ иѣстоименныхъ формъ, представляетъ собой позднѣйшее явленіе, свойственное языку Новой Библии. Въ Острожской безразлично всѣ, въ Первопечатной всѣ. У М. Смотрицкаго также во всѣхъ родахъ всѣ.

Творительный м. р. всѣми (Быт. I. 26. 28, Остр. всѣми, Первоп. всѣми; стел. вѣскими); ср. р. такъ же (Исх. I. 14, Остр. всѣми, Первоп. всѣми).

Предложный м. и ж. р. всѣхъ (Быт. IX. 2, Остр. и. р. всѣхъ, ж. всѣхъ, Первоп. вездѣ всѣхъ; стел. вѣсахъ), ср. р. такъ же (Исх. XVIII. 9, Остр. другой текстъ).

Формы, приводимныя М. Смотрицкимъ, не представляютъ никакихъ особенностей.

§ 18. Имена прилагательныя сложные. Въ склоненіи именъ прилагательныхъ (и причастій) сложныхъ характеристичной особенностью, составляющей принадлежность и русскаго соответствующаго склоненія, является „контракція“ гласныхъ, слѣдствіемъ которой получается болѣе тѣсное сплоченіе именной основы и иѣ-

стоименной между собою. Другая особенность, также раздѣляемая церковнославянскимъ съ русскимъ и вызванная очевидно вліяніемъ этого послѣдняго, есть образованіе нѣкоторыхъ падежей по типу мѣстоименныхъ основъ на о- и ю-. Въ старославянскихъ памятникахъ подобныя образованія встрѣчаются только спорадически, тогда какъ въ церковнославянскомъ они становятся правиломъ.

Бывшія основы на о-, я-. Единственное число. Именительный падежъ не представляетъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго, кромѣ общихъ фонетическихъ: м. р. нѣмѣй (М. IX. 33, Остр. и Первон. такъ же: нѣмѣи, нѣмѣй), речѣнный (Матѣ. III. 3), тѣсный (М. VII. 14) и т. д., но бѣгѣй (Матѣ. XII. 35, Остр. бѣгыи, Первон. какъ въ Новой), мѣгѣй (Прем. Сол. II. 3, Остр. простая форма мѣгкокѣ), ширѣй (М. VII. 13, Остр. и Первон. простая форма): стсл. нѣмѣй, бѣгѣй, мѣгкокѣй и т. д.; ср. р. нѣбѣсное (М. III. 2: нѣное), дѣбѣрое (М. VII. 17)—стсл. дѣкрое; ж. р. дѣснаѣ (съ ѡ=ја. М. V. 30)—стсл. дѣснаѣ.

Родительный падежъ уже представляетъ въ муж. и ср. родѣ уклоненіе: м. р. великаго (Матѣ. V. 35, Остр. великаго, Перв. какъ въ Новой), дрѣгаго (вм. винит., чѣмъ и объясняется конечное о, а не ѡ: М. VI. 24): стсл. новѣаго; ж. р., кромѣ общихъ фонетическихъ измѣненій, не уклоняется отъ старославянскаго: плѣтскѣа, мѣжскѣа (Іоан. I. 13, Остр. плѣтскѣа, мѣжскѣа, Первон. плѣтскѣа, мѣжскѣа)—стсл. плѣтскѣа.

Дательный падежъ муж. и ср. рода совершенно утратилъ исконную форму, вмѣсто которой находимъ образованіе по типу мѣстоименныхъ основъ на о-: м. р. слѣпомѣ, нѣмомѣ (М. XII. 22, Остр. слѣпомѣ, нѣмомѣ, Первон., какъ въ Новой), разслабленомѣ (Мр. II. 5, Остр. раслабленомѣ, Первон. разслабленомѣ) и т. д., стсл. новоуѣмоу. Ожидаемыхъ сложныхъ формъ съ контракціей *новѣмѣ, *слѣпѣмѣ и т. д. въ текстѣ печатныхъ книгъ не встрѣчается. Дательный женск. р. не уклоняется отъ старославянскаго: содѣмстѣй (М. XI. 24, Остр. содѣмстѣй, Перв. какъ въ Новой), ѡбрѣченѣй (М. I. 18) и т. д., стсл. новѣи. У М. Смотрицкаго имѣется дат. ж. р. по типу мѣстоименій: бѣгѣй (л. 136), стѣй (л. 134), какъ въ русскомъ.

Винительный м. р., рядомъ съ сохранившейся исконной формой стѣй (М. IV. 5), сѣднѣй (М. XI. 24), представляетъ и обычную синтактическую замѣну формой родит. п. (см. выше). Ср. родъ не уклоняется отъ старославянскаго: Галілеѣйское (Матѣ. XV. 29), а также и женскій: распѣстиѣю (Матѣ. XIX. 7), ѡгнениѣю (Матѣ. XIII. 50): стсл. новѣй, новою, новѣж.

Звательный тождественъ съ именит.: м. р. благѣй (М. XIX. 16), слѣпѣй (тамъ же XXIII. 26), ж. р. блѣгодѣтнаѣ (Лук. I. 28).

Творительный м. и ср. р. отвѣчаетъ старославянской формѣ съ „контракціей“ гласныхъ; послѣднимъ согласнымъ окончанія является *m* (мз) вмѣсто ожидаемаго *m'* (стсл. мь), какъ вездѣ: м. р. стѣмз (Матѣ. III. 11), правѣднѣмз (М. XXI. 32), ср. р. црѣковнѣмз (ibid. XXIII. 16). У М. Смотрицкаго стѣмь (л. 133, 134 на об.), благѣмь (л. 135, 137 на об.) и т. д., но бжѣнмз (л. 142), павловѣмз, павлѣмз (л. 146 на обор.): стсл. новѣмь. Въ женскомъ родѣ находимъ образованіе по типу мѣстоименій: чѣстою (М. XXVII. 59), непраздною (Л. II. 5), какъ тою: стсл. новѣж и новоѣ. Какъ видно, образованіе это имѣетъ мѣсто уже въ старослав., гдѣ уже почти вытѣснило болѣе древнюю форму. Слѣдовъ этой послѣдней въ текстѣ печатныхъ книгъ не имѣется.

Предложный м. и ср. въ основѣ имѣетъ старослав. форму съ „контракціей“ гласныхъ и послѣднимъ согласнымъ окончанія *m* (мз) вм. *m'* (мь): м. р. вѣсовѣстѣмз (М. IX. 34), ср. род. црѣковнѣмз (Матѣ. IV. 5), Галілеѣйстѣмз (М. IV. 18), новѣмз (М. XXVII. 60): стсл. новѣемь. Ж. родъ не уклоняется отъ старослав.: смѣртнѣй (М. IV. 16), ѡдѣейстѣй (тамъ же III. 1): стсл. новѣи. У М. Смотрицкаго находимъ частью исконныя контрагированныя формы: стѣм (л. 133 и 134 на обор.), блѣзѣмз (л. 135 и 136 на обор.), частью вторичныя, вызванныя въ русскомъ уподобляющимъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія и перенесенія изъ него въ цслав.: стѣм, блѣмз (и т. д. тамъ же). Въ ж. р. такой же параллелизмъ: стѣи и стѣй, блѣи и блѣзѣй (л. 134, 136) и т. д.

Двойственное число представлено скудно: именит. муж. рода

не уклоняется отъ старослав. — пасѡмаѡ (Пѣснь Пѣсн. IV. 5, Остр. и Первop. им. мн. пасѡмаѡ), вин. муж. дрѹгаѡ два таланта (Матѣ. XXV. 22, Остр. дрѹгаѡ, Первop. дрѹгаѡ): стсл. новаѡ. Среднѣй и женскѣй родъ не имѣютъ въ текстѣ библии данныхъ формъ. У М. Смотрицкаго находимъ только простыя формы м. и ср. сѡа, ж. сѡѡ (л. 133—134).

Родительный и предложный м. р. идутъ по типу мѣстоименныхъ основъ на о-: род. м. р. ѡбѣшеною (Л. XXIII. 39, Остр. ѡбѣшеною, Первop. ѡбѣшеною), предл. м. р. ѡ вѣсною (М. VIII. 33, Остр. ѡбѣсною, Первop. ѡбѣсною): стсл. новоюю. Формы ср. и ж. р. не встрѣчаются. У М. Смотрицкаго однѣ простыя формы.

Дательный и творительный имѣютъ въ своемъ основаніи старославянскую форму съ „контракціей“ гласныхъ: твор. ж. рода босѡма ногѡма (2 Цств. XV. 30, Остр. бѡсыма, Первop. какъ въ Новой), чѣстымѡ рѹкамѡ (Іов. XXII. 30, Остр. и Первop. такъ же), ср. р. ѡчѣмѡ ѡнѣсыма (2 Цств. III. 19, Остр. ѡнѣсыма, Первop. ѡнѣсыма), дѡберѡма ѡчѣмѡ (1 Цств. XVI. 12, Остр. и Первop. такъ же) и т. д.: стсл. новѡымѡ.

Множественное число. Именительный всѣхъ трехъ родовъ сохраняетъ старослав. форму: м. р. слѣпѣмѡ, хрѡмѣмѡ, мѣртѡмѡ, глѡсѣмѡ (Матѣ. XI. 5, Остр. слѣпѣмѡ, хрѡмѣмѡ, мѣртѡмѡ, глѡсѣмѡ, Первop. такъ же, какъ въ Новой, кромѣ хрѡмѣмѡ), лѹдѣстѣмѡ (Пс. XLIV. 13, Остр. лѹдѣстѣмѡ, Первop. какъ въ Новой), крѡтѣцѣмѡ (М. V. 5, Остр. крѡтѣцѣмѡ, Первop. какъ въ Новой) и т. д., стсл. новѣмѡ; ср. р. оѹзѡмѡ (М. VII. 14, Остр. оѹзѡмаѡ, Первop. какъ въ Новой), дрѹгѡмѡ (тамъ же XIII. 5. 7. 8, Остр. и Первop. дрѹгѡмѡ) съ графической дифференціаціей отъ им. ед. ж. р.: стсл. новаѡ; ж. р. мѡдрѡмѡ (Матѣ. XXV. 4, Остр. мѡдрѡмѡ, Первop. мѡдрѡмѡ), юрѡдивѡмѡ (тамъ же, 4, Остр. юрѡдивѡмѡ, Первop. какъ въ Новой): стсл. новѡымѡ. Изрѣдка встрѣчаются формы, вызванныя морфологической ассимиляціей. Таковъ им. мн. м. р. мнѡгѣмѡ (3 Мавк. III. 16, Остр. другой текстъ), образованный, какъ и соответственная русская форма *многіе*, отъ основы другихъ падежей съ возстановленіемъ г; мѡхѣмѡ оѹмѣрѡшѣмѡ (Эккл. X. 1, Остр. также оѹмѣрѡшѣмѡ) им. мн. ж. р. по типу им. мн. муж. р.

Родительный имѣетъ старослав. форму съ „контракціей“ гласныхъ: и. р. *лживыхъ* (М. VII. 15, Остр. очевидная опечатка *лжихъ*, Первоп. *лживы*), *мёртвыхъ* (М. VIII. 22), ж. р. *многихъ* (М. XIII. 38, ви. *винит. мн.*, Остр. *многы*, Первоп. *многи*) и т. д.: стсл. *номыихъ*. По типу имененій: ж. р. *Аароновыхъ* (Дук. I. 5, Остр. *аароновыхъ*, Первоп. *аароновыхъ*).

Дательный также отличается отъ старославянскаго формъ только „контракціей“ гласныхъ: и. р. *страннымъ* (Матѳ. XXVII. 7, Остр. и Первоп. *страннымъ*), ж. р. *мъдарымъ* (такъ же XXV. 8), *члвчскимъ* (Матѳ. XV. 9, Остр. *вин. множ.*), *непразднымъ* (такъ же XXIV. 19) и т. д. стсл. *номыимъ*.

Винительный сохраняетъ старославянскія формъ: и. р. *хромыа*, *слѣпыа*, *нѣмыа*, *бѣдыа* (М. XV. 30, Остр. и Первоп. *винит. простой*), *Галилейскіа* (М. II. 22, Остр. *галилейскіа*, Перв. *галилейскіа*), *людскіа* (М. II. 4, Остр. *людьскыа*, Первоп. *какъ въ Новой*) и т. д., ж. р. *Турскіа* и *Гидонскіа* (М. XV. 21, Остр. *турскіа* и *сидонскіа*, Первоп. *какъ въ Новой*) и т. д. стсл. *номыа*; ср. р. *дѣбраа* (М. V. 16, Остр. *добраа*, Первоп. *добраа*), *лѣкаваа* (Матѳ. IX. 4, Остр. и Первоп. *лѣкаваа*) и т. д.—стсл. *номаяа*.

Творительный, какъ въ русскои, отличается отъ старослав. только „контракціей“ гласныхъ (не говоря объ общихъ фонетическихъ отличіяхъ): и. р. *различными* (М. IV. 24), *многими* (М. XXV. 23, Остр. *многими*, Первоп. *многими*, рядомъ встрѣчается и имененная форма: *мнозѣми* роды: Ис. XXIV. 22, Остр. *мнозѣми*, Первоп. *мнозѣми*), ср. р. *оузкими* (М. VII. 13, Остр. *оузкими*, Первоп. *какъ въ Новой*) и т. д. стсл. *номыими*.

Предложный также тождественъ съ русскои формой и отличается отъ славянскаго „контракціей“ гласныхъ: *нечистыхъ* и. р. (М. X. 1) и т. д. стсл. *номыихъ*. Встрѣчаются и формъ, вызванныхъ морфологическою ассимиляціей въ имененному склоненію: въ *странахъ* *Аханствъ* (2 Кор. XI. 10, Остр. *аханствъ*, Первоп. *аханствъ*), въ *людехъ* *тажцѣхъ* (Ис. XXXIV. 18, Остр. *тажцѣхъ*, Первоп. *какъ въ Новой*), *какъ тѣхъ* и т. д.

Форма тѣжцѣхъ можетъ быть и предложный множ. простижъ (несложный). У М. Смотрицкаго во всѣхъ родахъ одна сложная форма съ контракціей: стѣхъ (л. 134—135), благѣхъ (л. 135 на обор., 136, 137 и т. д.).

Основы на ю- въ общемъ представляютъ тѣ же отличія отъ старославянскаго соответствующаго склоненія, что и основы на о-.

Единственное число. Именительный сохраняетъ старославянск. форму: м. р. чѣждѣи (Притчи XXIII. 27, Остр. тѣждѣи, Перв. чюждѣи, Ис. XLIII. 12, Остр. р. ед., 3 Цств. VIII. 43, Остр. чюжѣи, Первоп. чюжѣи, 2 Парал. VI. 32. 33, Остр. чюждѣи, Первоп. чюждѣи), тѣжшѣи (Притчи С. XXVII. 3, Остр. тѣжѣи, Первоп. тѣжшѣи), мѣдрѣишѣи (Бытія III. 1, Остр. мѣдрѣиши, Первоп. мѣдрѣиши) и т. д. бѣлѣи (Матѣ. XI. 11), мнѣи (тамъ же), дѣишѣи (М. III. 4), крѣплѣи (М. III. 11), Бжѣи (М. IV. 1) и т. д. — стсл. кышѣишѣи; ж. р. бѣлѣи (М. XXII. 38, Остр. бѣлѣи, Первоп. какъ въ Новой), стѣишѣи (тамъ же, XXIII. 17, Остр. имен. множ.), дрѣишѣи (1 Цств. XXIV. 14), у М. Смотрицкаго нѣишѣи (л. 137 на обор.), сѣишѣи (л. 140 на обор.) и т. д. стсл. кышѣишѣи; ср. р. вѣишѣи (М. XV. 11), Бжѣи (М. XII. 28), у М. Смотрицкаго нѣишѣи (л. 138), сѣишѣи (л. 141) и т. д., стсл. кышѣишѣи.

Родительный м. и ср. рода отличается отъ старославянскаго формы только „контракціей“ гласныхъ: м. р. вѣишѣи (Л. I. 32; Остр. вѣишѣи, Первоп. вѣишѣи), дѣишѣи (Матѣ. XI. 23, Остр. дѣишѣи, Первоп. какъ въ Новой), ѣишѣи (М. XIX. 19, Остр. ѣишѣи, Остр. ѣишѣи, съ графической дифференціацией), погѣишѣи (тамъ же XV. 11, также вѣишѣи), вѣишѣи (Матѣ. III. 3, Остр. вѣишѣи, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. — стсл. кышѣишѣи; въ женскомъ родѣ имѣетъ вторичное образованіе по типу родит. ед. основъ на о-, причеишѣи послѣ палатальнаго послѣдняго согласнаго основъ даетъ -и: забѣишѣи (Матѣ. XV. 12, Остр. забѣишѣи, Первоп. забѣишѣи), погѣишѣи (Л. XV. 4, Остр. погѣишѣи, Первоп. какъ въ Новой), вѣишѣи (Матѣ. II. 7, Остр. вѣишѣи, Первоп. какъ въ Новой); у

на о-, ѧ-, какъ влѧзѧй и т. д.;, являются (рѣдкія впрочемъ) написанія: заднѧй странѧ (Іезек. XL. 40, 41, Остр. друг. текстъ), домѧшнѧй (Филим. I. 2, Остр. домѧнѧи, Первоп. какъ въ Новой. Унодобленіе написанія могло тѣмъ легче быть вызвано, что въ томъ же стихѣ имѣется возлюбленнѧй) и т. д. Написанія эти, какъ видно, позднѧйшаго происхожденія. У М. Смотрицкаго они также встрѣчаются: снѧвнѧй (л. 140 на об.), варнѧвлѧй (л. 144 на обор.), пѧвлѧй (л. 147) и т. д.

Винительный сохраняетъ старославянскую форму: м. р. вѧщѧй (М. XII. 32), вѧлѧй (М. IV. 16) и т. д.; ж. р. домѧшнюю (Колосс. IV. 15), кромѧшнюю (М. VIII. 12), погнѧвшю (Л. XV. 6), сѧщю (Колосс. IV. 15), Бжю (Матѧ. XV. 3) и т. д., ср. р. внѧтреннее, внѧшнее (Матѧ. XXIII. 26), Бжѧе (Мр. IV. 30) и т. д.—стсл. вѧшѧнни, вѧшѧннек, вѧшѧнне.

Творительный м. и ср. рода отличается отъ стслав. „контракціей“ гласныхъ (и послѣднихъ согласныхъ окончанія м. в. м': мѧ в. мѧ): м. р. глѧщимѧ (Матѧ. I. 22, Остр. глѧщимѧ), вѧлѧмѧ (М. XXIV. 31), ср. р. Гднѧмѧ (Л. I. 76, Остр. гнѧмѧ), и т. д.—стсл. вѧшѧннимѧ. Женскій родъ сохраняетъ старослав. форму: чѧждѧю (Евр. IX. 25, Остр. чюждѧю, Первоп. такъ же), домѧшнею (1 Кор. XVI. 19), бѧльшею, совершѧннѧшею (Евр. IX. 11) и т. д.—стслав. вѧшѧннек, -некк. Форма эта, съ одной стороны, тождественна съ соотвѣтствующей русской, съ другой съ такой же мѧстоименной (какъ сѧю и т. д.).

Предложный м. и ср. рода идетъ по типу мѧстоименныхъ основъ на јо-: ср. р. вѧвшемѧ (Дѧян. IV. 21, Остр. вѧвшѧ), м. р. ѧсходѧщимѧ (Матѧ. IV. 4, Остр. ѧсходѧщимѧ, Первоп. такъ же), кѧющимѧ (Лук. XV. 10, Остр. кѧющимѧсѧ, Первоп. какъ въ Новой), чѧжѧмѧ (Лук. XVI. 12, Остр. чюжемѧ, Первоп. какъ въ Новой), ср. р. вѧшнемѧ (1 Парал. XXI. 29, Остр. и Первоп. какъ въ Новой) и т. д. у М. Смотр. нѧцѧмѧ (л. 137 на обор., 138 на обор.), снѧвнѧе (л. 140), снѧвнемѧ (л. 141 на обор.), вѧжѧмѧ (л. 142, 143) и т. д. Исконная форма съ контракціей, отвѣчающая старославянской (вѧшѧннимѧ), встрѣчается еще довольно часто въ Острожской (см. приведенныя выше цѧ-

таты), но въ Первопечатной начинается уже вытѣсняться вторичныя образованія. Въ Новой она не встрѣчается. Рядомъ имѣются написанія, вызванныя вліяніемъ параллельныхъ формъ отъ основъ на о-: ср. р. послѣднѣмъ (Іоиль II. 20, Остр. послѣнемъ, Первоя. какъ въ Новой, Л. XIV. 10, Остр. послѣнемъ, Первоя. какъ въ Новой), прѣднѣмъ (Дук. XIV. 8, Остр. прѣнемъ, Первоя. какъ въ Новой), оутреннѣмъ (Псал. XXI. заглавіе, Остр. оутренемъ, Первоя. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго м. и ср. сновнѣмъ (л. 140 и 141 на об.), ср. р. варнавлѣмъ (л. 145 на обор.), муж. и ср. р. павлѣмъ (л. 146 на обор. и 148) и т. д. Въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ примѣръ весьма частой въ церковнославянскомъ графической ассимиляціи (морфологической ассимиляціи на письмѣ). Въ женскомъ родѣ, какъ и въ дательномъ того же рода, находимъ форму, которая одинаково можетъ быть сведена къ исконной старославянской (какъ вышѣи, несѣши) или къ мѣстоименнымъ основамъ на жо-, ја-: сѣи (Дѣян. XIII. 1, Остр. сѣи, Первоя. какъ въ Новой), бывшей (2 Кор. I. 8, Остр. бывшен, Первоя. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго (л. 138), сновней (л. 140 на об.), вѣи (л. 142 на об.), и т. д. Въмѣсто этихъ написаній находимъ также написанія съ ѣ, вызванныя морфологической ассимиляціей на письмѣ къ написаніямъ того же падежа отъ основъ на о-, а-: послѣднѣи (1 Кор. XV. 52, Остр. послѣден, Первоя. послѣдней), вѣрхнѣи (Быт. XI. 17, Остр. вѣрхнен, Первоя. вѣрхней), внѣшнѣи (Эсѣ. IX. 19, Остр. другой текстъ); у М. Смотрицкаго (л. 141), варнавлѣи (л. 145), павлѣи (л. 147) и т. д.

Двойственное число. Им. вин. зв. не встрѣчается. Родительный м. р. по типу мѣстоименныхъ основъ на жо-: слышавшею, шѣдшею (Первоя. Іоан. I. 40, Остр. слышавшою, шѣшею), какъ сею, въ Новой библіи замѣненъ родит. множ.: слышавшихъ, шѣдшихъ: стсл. вышѣи, несѣи. Дательный м. р. вѣдѣющема, совопрошающема (Дук. XXIV. 15, Остр. вѣдѣющема, но совопрашающема, Первоя. вѣдѣющема, но совопрашающема), исхождающема (Матѣ. IX. 32, Остр. такъ же), градающема (Мр. XVI. 12, Остр. градающема), ср. р. скончавшемася (Дѣян. Ап. XXIV.

27, Остр. и Первop. такъ же) представляетъ образованіе по типу простыхъ причастій настоящаго и прошедшаго дѣйствительнаго, какъ стсл. несхитѣма, несхитѣма. Первичная форма, отвѣчающая стслав. кышѣннѣма, несхитѣннѣма, изъѣтся въ вышеприведенномъ примѣрѣ Остр. съвопрошаюцимаса, Первop. совопрашаюцимаса (Лук. XXIV. 15). Въ Новой библии эта форма заимѣнена вторичной. У М. Смотрицкаго им. вин. зв. и р. пр. только простой формы, дат. тв. правильно; нѣцима (л. 137 на об., 138), снѣвнѣма (л. 140 на об., 141), бѣнѣма (л. 142—143 на об.) и т. д.

Множественное число. Именительный и. р. прилагательныхъ отвѣчаетъ старослав. формѣ: послѣднѣн (Матѣ. XX. 12), нѣцин (ibid. V. 3), бѣн (ib. XXII. 30) и т. д.—стсл. кышѣннѣн. У причастій находимъ только одно окончаніе -ни; слѣдовъ старослав. -ен въ Новой б. не встрѣчается: нѣщѣн (Матѣ. II. 20, Остр. нѣщѣнѣн, Первop. какъ въ Новой), сѣдѣн (Матѣ. IV. 16, Остр. сѣдѣнѣн, Первop. сѣдѣннѣн), плачѣн (тамъ же V. 4, Остр. плачѣнѣн, Первop. плачѣннѣн), ѣлѣн, жѣдѣн (тамъ же: 6, Остр. ѣлѣнѣн, жѣдѣнѣн, Первop. ѣлѣннѣн, жѣдѣннѣн), трѣдѣннѣн (Матѣ. XI. 28, Остр. трѣдѣннѣнѣн, Первop. какъ въ Новой) и т. д. стсл. несхитѣн, несхитѣннѣн. Первую изъ этихъ послѣднихъ формъ встрѣчаемъ въ Острожской библии (хотя ея происхожденіе можетъ быть и другое), вторую въ Первopечатной и Новой, гдѣ она совершенно вытѣсняетъ первую. Въ женскомъ родѣ находимъ вторичное образованіе по типу параллельныхъ формъ отъ основъ на о-, а-: прочѣн (Лук. XXIV. 10, Остр. и Первop. прочѣн), мнѣжайшѣн (Матѣ. XI. 20, Остр. мнѣжайшѣн, Первop. мнѣжайшѣн), бѣвшѣн (ibid. 21, 23, Остр. бѣвшѣн, Первop. какъ въ Новой), каплюшѣн (Лук. XXII. 44, Остр. им. ед. ж. р.), ѡбращѣннѣн (Руб. I. 22, Остр. ѡбращѣннѣн, Первop. ѡбращѣннѣн — контрагированная форма именит. двойств. ж. р., ср. стсл. несхитѣннѣн, заимѣненная въ Новой б. множественнымъ числомъ), сѣдѣннѣн (Пѣснь II. V. 12, Остр. сѣдѣннѣн имен. дв. ср. р.); у М. Смотрицкаго нѣцима (л. 138), снѣвнѣн (л. 141), и т. д. какъ мѣдѣн. Морфологическая ассимиляція въ данномъ случаѣ простирается и на записа-

нія, въ которыхъ находимъ ы послѣ палатальныхъ согласныхъ, какъ прѣчѣмъ и т. д. Формы, отвѣчающія стсл. **кышѣмъ**, несжштамъ, встрѣчаются въ Острожской библии, изрѣдка и въ Первопечатной, изъ которой, однако, онѣ уже начинаютъ вытѣсняться вторичными образованиями, перенесенными изъ русскаго языка.

Родительный отличается отъ старослав. формы только „контракціей“ гласныхъ: м. р. оубивающихъ, могущихъ (Матѣ. X. 28, Остр. оубивающихъ, могущихъ), ж. р. заблѣждающихъ (Матѣ. XVIII. 13) и т. д.—стсл. **кышѣмъ**, несжштимъ, но прѣчимъ м. р. (2 Матѣ. XI. 3, Остр. и Первоп. также), какъ вѣлимъ.

Дательный представляетъ такія же отношенія, т. е. разнится отъ стслав. только контракціей гласныхъ: прѣчимъ людемъ (Неем. IV. 19, Остр. дат. мн. ж. прѣчимъ частемъ, Первоп. также прѣчимъ), м. р. ѿшѣдымъ (Матѣ. II. 13, Остр. ѿшѣшимъ, Первоп. какъ въ Новой), нѣчимъ (М. XIX. 21, Остр. и Перв. такъ же), сѣдимъ (Матѣ. IV. 16, Остр. сѣдимъ, Первоп. какъ въ Новой, ср. р. XI. 16, Остр. сѣдимъ, Первоп. какъ въ Новой), просѣчимъ (М. VII. 11, Остр. просѣдимъ, Первоп. просѣдимъ) и т. д. ср. р. возглашающимъ (Матѣ. XI. 16, Остр. возглашающимъ, Первоп. возглашающимъ), глѣчимъ (тамъ же 17, Остр. глѣчимъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.; ж. р. доимъ (Матѣ. XXIV. 19, Остр. доимъ, Первоп. какъ въ Новой), погнѣчимъ (ibid. X. 6, Остр. погнѣдимъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д., но дрѣвнимъ (Матѣ. V. 21, 27) и т. д. стсл. **кышѣмъ**, несжштимъ. Написанія съ ы послѣ ш могутъ объясняться и непалатальностью согласнаго; ы послѣ щ есть или результатъ распространенія чисто орфографическаго правила, или продуктъ морфологической ассимиляціи на письмѣ (графической ассимиляціи) написаній вышеприведенныхъ формъ къ написаніямъ такихъ же формъ дат. множ. отъ основъ на о-, а-, какъ мѣдымъ и т. д. У М. Смотрицкаго однако нѣчимъ во всѣхъ родахъ (л. 137 на об., 138), но вѣчимъ (л. 264 на об., 265), вѣдымъ (л. 266, 267) и т. д.

Винительный сохраняетъ старославянскую форму только въ среднемъ родѣ: гѣримъ (Дух. I. 39, Остр. гѣримъ, Первоп.

гѡрнѡ), бѣвшѡ (Матѣ. XVIII. 31, Остр. бывшѡ, Первop. бывшѡ); у М. Смотр. нѣщѡ (л. 138 на об.), снѡвнѡ (л. 141 на об.) и т. д.: стсл. кышнѣкѡ, несжштѡкѡ. Въ муж. и ж. р. находимъ вторичныя образованія по типу основъ на о-, ѧ-: м. р. нѣщѡмъ (Матѣ. XXVI. 11, Остр. родит. множ. вмѣсто винит. нѣщѣ), болѣщѡмъ (Матѣ. IV. 24, Остр. болѣща, Первop. болѣща), грядѣщѡмъ (ibid. III. 7, Остр. и Первop. простая форма грядѣща), ближнѡмъ (Мр. I. 37, Остр. ближнѡ, Первop. какъ въ Новой), прѡчѡмъ (Иер. XV. 9, Остр. и Первop. прѡчѡмъ), у М. Смотрицкаго нѣщѡмъ (л. 137 на об.), снѡвнѡмъ (л. 140 на об.), бѣщѡмъ (л. 264 на об.), бѣвшѡмъ (л. 266 на об.); ж. р. ѡстѡвшѡсѡ (Быт. XXX. 36, Остр. ѡставшѡ, Первop. ѡстѡвшѡ), ѡмѣющѡмъ (1 Цств. VIII. 12, Остр. др. текстъ), у М. Смотрицкаго нѣщѡмъ (л. 138), снѡвнѡмъ (л. 141), бѣщѡмъ (л. 265), бѣвшѡмъ (л. 267) и т. д. Формы, отвѣчающія стслав. вин. множ. м. и ж. р. кышнѣмѡ, несжштѡмѡ, встрѣчаются только въ Острожской и Первопечатной, въ послѣдней рѣже, такъ какъ ихъ вытѣсняетъ вторичная форма, исключительно господствующая въ Новой. Написанія съ ѡ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, объясняются частью непалатальностью ш, частью графической ассимиляціей къ написаніямъ, гдѣ ѡ оправдывается фонетическими условіями.

Творительный падежъ ничѣмъ не отличается, кромѣ „контракціи“, отъ стслав. формы: м. р. жнѣщѡмѡ (Руѡ II. 6), ж. р. лѣщѡмѡ (Евр. IX. 23), козлѣщѡмѡ (Быт. XXVII. 16); у М. Смотрицкаго нѣщѡмѡ во всѣхъ родахъ (л. 137 на об., 138), снѡвнѡмѡ (л. 131 на об., 141), бѣщѡмѡ (л. 164 на об. 165), бѣвшѡмѡ (л. 266 на об., 267) и т. д. стсл. кышнѣмѡмѡ, несжштѡмѡмѡ.

Предложный также сохраняетъ стслав. форму, уклоняясь отъ нея только контракціей: ср. р. ѡсходѣщѡхъ (Лук. IV. 22), м. р. творѣщѡхъ (Лук. VI. 28), ж. р. ѡвѣщѡхъ (Матѣ. VII. 15), дѣлѣщѡхъ (2 Кор. X. 16); у М. Смотр. нѣщѡхъ (л. 137 на об., 138), снѡвнѡхъ (л. 140 на об., 141), бѣщѡхъ (л. с.), бѣвшѡхъ (л. с.) и т. д.—стсл. кышнѣмѡхъ, несжштѡмѡхъ; но прѡчѡхъ ср. р.

(2 Макк. XII, 11, Остр. прочихъ, Первоп. прочихъ), какъ вѣлихъ. Въ этомъ склоненіи останавливаютъ на себѣ вниманіе нѣкоторыя формы, являющіяся результатомъ морфологической ассимиляціи. Уподобляющими типами здѣсь служатъ формы собственно мѣстоименнаго склоненія. Подобное же вліяніе мѣстоименнаго склоненія на склоненіе именъ прилагательныхъ имѣется и въ русскомъ языкѣ. Церковнославянскія формы, вызванныя этимъ вліяніемъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: А) формы, общія русскому и церковнославянскому (respective, заимствованныя изъ перваго въ послѣдній), В) формы, принадлежащія одному церковнославянскому. Въ ряду первыхъ отмѣтимъ дат. ед. ч. муж. и ср. рода основъ на о- слѣпомъ, нѣмомъ (см. выше) вмѣсто ожидаемыхъ *слѣпомъ, *нѣмомъ (стсл. новоу-ємоу)—плодъ ассимиляціи къ дат. ед. мѣстоименій (тому); та-кую же форму основъ на јо- хотѣщемъ—плодъ морфологической ассимиляціи съ одной стороны къ только что приведенной формѣ, съ другой къ соотвѣтствующему падежу мѣстоименій семъ, всемъ и т. д. предложный м. и ср. р. основъ на о- у М. Смотр. стѣмъ, блѣмъ по типу томъ (стсл. томъ) и т. д.; дат. и предл. ед. ж. р., находимый у М. Смотрицаго, — блѣи и т. д. по типу мѣстоименныхъ основъ на о-, а-; предложный ед. м. и ср. рода отъ основъ на јо-, какъ нѣщемъ (стсл. вышѣннимъ) по типу семъ; родит. ед. ж. р. основъ на ја-, какъ нѣщамъ (по типу род. ед. основъ ж. р. на а-: добрымъ); именит. множ. ж. р. основъ на ја-, какъ нѣщамъ (стсл. вышѣнымъ) по типу такого же падежа отъ основъ на а- (добрымъ); винит. того же числа муж. и ж. р. основъ на јо-, ја-, какъ нѣщамъ (стсл. вышѣнымъ) по типу такого же падежа отъ основъ на о-, а- (добрымъ). Всѣ эти новообразованія свойственны русскому и изъ него очевидно перенесены въ церковнославянскій. Ко второй категоріи формъ, свойственныхъ одному церковнославянскому и развившихся въ немъ, относятся, напр., предложные множ. ч. м. р. тѣжцѣхъ (см. выше), ж. р. дѣхѣхъ (см. выше) по типу предл. множ. мѣстоименій тѣхъ, всѣхъ и т. д.; родит. множ. ж. р., какъ дѣхѣхъ (Дук. I. 5, см. выше) также по типу тѣхъ и т. д. (но м. р. їлѣвыхъ

Римл. IX. 27); род. и предл. двойств. отъ основъ на о- и јо-: вѣсною, шѣдшею по типу тою, сею и т. д. (см. выше).

Имя прилагательное чѹждій (стсл. штоѹждь, штоѹждин) представляетъ въ нѣкоторыхъ падежахъ первичную основу на јо-, въ другихъ же идетъ по типу основъ на о-, что объясняется отсутствиемъ всякаго критерія для произношенія сочетанія жд въ живомъ языкѣ писавшихъ на церковнославянскомъ.

Единственное число. Именительный м. р. чюждій, (3 Цств. VIII. 43, Остр. чюжін, Первоп. чюжій—чисто русскія формы по коансонантизму; Притчи С. XXVII. 2, Остр. тѹждін, Первоп. чѹждін; 2 Парал. VI. 32. 33, Остр. чюждін, Первоп. чюждій; Ис. XLIII. 12, Остр. р. п. чюждаго, Первоп. чюждаго) и чѹждій (Ис. Сир. XXXII. 20; рядомъ гордый, Остр. тѹжда, Первоп. тѹжда).

Родительный м. р. чѹждагѡ (Іоан. X. 5, Остр. чѹжаго, Первоп. чѹжаго), ж. р. чѹждіа (Тов. IV. 12, Остр. друг. текстъ, Притчи С. VII. 5, Остр. тѹждаѡ, Первоп. какъ въ Новой, IX. 8, Остр. тѹждаѡ=стсл. штоѹждаѡ, Первоп. какъ въ Новой, XX. 16, Остр. друг. текстъ, Ис. Сир. IX. 8, Остр. чюжіа, Первоп. чюждіа).

Дательный м. р. чѹждаѡмѹ (3 Цств. VIII. 41, Остр. дат. мн. чюждимѹ, Первоп. чюждімѹ, ср. также Остр. б. Іоан. X. 5, чѹжемѹ, Первоп. чюждаѡмѹ, Притчи XXVI. 17, Остр. вин. ед. тѹжда, Ис. Сир. XLIX. 7, Остр. тѹждаѡмѹ, Первоп. какъ въ Новой); ж. р. чѹждаѣй (Притчи С. V. 20, Остр. тѹждін, Первоп. чѹждаѣй).

Винительный м. р. чѹждій (Лев. XVI. 1, Остр. чюжда, Первоп. такъ же), род. вм. винит. чѹждаго (Второз. XVII. 15, Остр. чюждаго, Первоп. чюждаго); ж. р. чѹждаю (Притчи IX. 18, Остр. тѹжда, Первоп. чѹжда).

Творительный ср. р. чѹждімѹ (Ис. Сир. XXI. 9, Остр. чюжимѹ, Первоп. чюжімѹ).

Предложный ж. р. чѹждаѣй (1 Маек. VI. 13, Остр. чюждаѣн, Первоп. чюждаѣй, 3 Маек. VI. 2, Остр. чюждаѣн, Первоп. чюждаѣй); м. р. чѹждаѡмѹ (Іоан. X. 5, Остр. дат. ед.).

Множественное число. Именительный м. р.: чѹждіи (Ис. I. 7, Остр. чю́ждіи, Первоп. чюждіи; 2 Цств. XXII. 45, Остр. тѹждіи, Первоп. какъ въ Новой; Пс. CVIII. 11, Остр. русск. форма чѹжін, Первоп. чюждіи); ж. р. чѹждіа (3 Цств. XI. 4, Остр. чѹждаа=штоѹждаа, Первоп. какъ въ Новой).

Родительный м. р. чѹждіхъ (Пс. XVIII. 14, Остр. чю́жихъ, Первоп. чюждіхъ; Пс. CXLIII. 7, Остр. чѹжихъ, Первоп. чю́жихъ; I Макк. I. 44, Остр. чю́жді, Первоп. чюждіхъ), но чѹждіхъ (2 Парал. XIV. 3, Остр. вин. мн. м. р. чю́ждаа, Первоп. чюждіа; Іов. XIX. 13, вж. винит. Остр. и Первоп. чю́жа р. ед.).

Дательный м. р. чѹждімъ (2 Парал. XXVIII. 25, Остр. другой текстъ, 1. Цств. XXVI. 19, Остр. чѹждимъ, Первоп. чюждимъ) или чѹждімъ (Пс. XLVIII. 11, Остр. чю́жимъ—съ очень рѣдкимъ здѣсь удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, Первоп. чюждімъ, Іерем. III. 13, Остр. чю́жимъ, Первоп. чюждімъ), ж. р. чѹждімъ (3 Цств. XI. 8, Остр. и Первоп. чѹжимъ).

Винительный м. р. только чѹждіа (3 Цств. IX. 9, Остр. чѹжаа=руссифицированной стсл. формѣ штоѹждаа, Первоп. чѹ́ждіа; Притчи С. V. 10. Остр. тѹждаа, Первоп. чѹждіа; Іезек. XXVIII. 7, Остр. род. ед. вж. вин. чю́жа), ж. р. чѹждіа (1 Ездры X. 2, Остр. чюждіа, Первоп. чюждіа), вж чѹждіа рѹцѣ (прилагательное во множ. ч., существительное въ двойственномъ: Іезек. VII. 21, Остр. и Первоп. чю́жди—правильная простая форма им. вин. зв. двойств.), но чѹждіа (4 Цств. XIX. 24, Остр. вин. ед. чѹ́жді); ср. р. чѹждіа (Ис. Сир. XXIX. 22, Остр. другой текстъ. Притчи XI. 24, Остр. тѹждаа, Первоп. чюждіа), чѹждіа (Ос. VIII. 12, Остр. чю́ждаа, Перв. такъ же) и чѹждаа (единственный случай съ удареніемъ на корнѣ въ Новой библии: 2 Макк. XIV. 26, Остр. дат. ж. мн. ч. чюждімъ).

Творительный ср. р. чѹждіми (Ис. Сир. XL. 30. Остр. тѹждили, Первоп. чюждіми) по типу основъ на о-.

Предложный ж. р. чѹждіхъ (Ис. Сир. XXIX. 21, 25, Остр. тѹждіхъ, Первоп. какъ въ Новой; Іерем. XI. 10, Остр. чю́жихъ, Первоп. чюждіхъ).

Наличность такихъ формъ и написаній, какъ р. ед. м. р.

чѣждагѡ, вин. ед. ж. р. чѣждаю, именит. мн. ж. р. чѣждаѡ (Остр. библ.), имен. вин. мн. ср. р. чѣждаѡ (стслав. штоѣждаго, штоѣждажѣ, штоѣждаѡ, штоѣждаѣ), гдѣ, конечно, а обозначало собой согласный непалатальный, вызвала и появленіе им. ед. м. р. чѣждаый, род. мн. чѣждаыѣхъ, винит. мн. м. и ж. р. чѣждаыѡ. Въ данномъ случаѣ новообразованія вызваны вліяніемъ графики. Формы и написанія чѣждагѡ, чѣждаю, чѣждаѡ и т. д. чувствовались вполне тождественными съ формами и написаніями напр. гѣрдагѡ, гѣрдаю, гѣрдаѡ и т. д., вслѣдствіе чего возникли и вышеприведенныя формы чѣждаый, какъ гѣрдаый, чѣждаыѣхъ, какъ гѣрдаыѣхъ и т. д.

§ 19. Степени сравненія. Въ образованіи степеней сравненія останавливаетъ на себѣ вниманіе исчезновеніе простой или неопредѣленной формы сравнительной степени. Какъ остатокъ ея, встрѣчается изрѣдка именительный ед. ж. р.: гѣрши (Мр. II. 21, Остр. и Первоп. такъ же), бѣлши (Матѣ. VI. 25, XXII. 36, Остр. болши, Первоп. бѣлши и бѣлши), лѣчши (Псал. LXII. 4, Остр. лѣче, Первоп. какъ въ Новой). Чаше же встрѣчаются или сложныя формы, какъ бѣлшаѡ (им. ед. ж. р. Матѣ. XXII. 38, Остр. болшаѡ, Первоп. какъ въ Новой) или новообразованія по типу прилагательныхъ простыхъ, какъ именит. ед. ж. р. бѣлжѣннѣйша (1 Кор. VII. 40, Остр. бѣлжѣнѣйша, Первоп. какъ въ Новой), хѣждаша (Суд. VI. 15, Остр. хѣдѣнѣйша, Первоп. хѣдѣнѣйша, гѣрша (М. IX. 16, Остр. гѣрши, Первоп. гѣрши).

Характерны новообразованія именит. единств. сравнительной степени сложной (опредѣленной) формы м. и ср. р. рода, въ которыхъ находимъ основу косвенныхъ надежей, перенесенную сюда путемъ морфологической ассимиляціи: крѣплшій (Числ. XIII. 32, Остр. и Первоп. именит. множ. положит. степени крѣплцы сѣтъ, стсл. крѣплѣни), хѣждшій (1 Цств. XVII. 43, Остр. другой текстъ: стсл. хоѣжди), тѣжшій (Притчи С. XXVII. 3, Остр. тѣжѣн—стсл. тажѣн, Первоп. тѣжѣн), вѣцшій (I Сир. 27, Остр. вѣцѣн, Первоп. какъ въ Новой), вѣшшій (Дан. VIII. 3, Остр. вѣшнѣн, Первоп. вѣшнѣн), ср. р. слѣждше (Суд. XIV. 18, Остр. слѣше, Первоп. слѣдше), хѣждше (Прем. С. XV. 10, Остр. хѣжши, Первоп. хѣжди—по формѣ именит. ед. ж. р., но употреблено

какъ им. ед. м. р.), вышше (Даніилъ VIII. 3, Остр. другой текстъ) и т. д. лѣчше (Ис. Сир. XXII. 10, Остр. лѣче, Первop. лѣчше), но крѣплѣе (Суд. XIV. 18, Остр. крѣплѣи, Первop. крѣплѣи).

Формы въ родѣ сладчѣе (Ис. Сир. XXII. 10, Остр. друг. текстъ), тѣжчѣе (тамъ же 15, Остр. другой текстъ), высочѣе (3 Ездры II. 43, Остр. высочѣиши, Первop. высочѣишій), глѣбочѣе (2 Макк. II. 31, Остр. другой текстъ) и т. д., являющіяся сами вторичными образованіями, даютъ начало формамъ въ родѣ скорѣе (Іов. VII. 6, Остр. друг. текстъ), очень правда рѣдкимъ.

Своимъ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго, обращаетъ на себя вниманіе болѣе (Дан. VII. 20, Остр. и Первop. бoлe).

Другой особенностью церковнославянскаго въ отношеніи образованія степеней сравненія является присвоеніе распространеннымъ сравнительнымъ степенямъ на -ѣишій значенія превосходной степени: мѣдрѣишій (Бытія III. 1, Остр. мѣдрѣиши, Первop. мѣдрѣиши). У Мелет. Смотрицкаго находимъ строго проведенную систему, въ которой образованія въ родѣ свѣтѣиши, свѣтѣиша, свѣтѣе (л. 80) представляютъ собой сравнительную степень („разсудительный степень“), а превосходную („превосходительный степень“) — образованія на -ѣишій: сѣишій, сѣиша, сѣише (тамъ же).

Изъ педантичной послѣдовательности М. Смотрицкаго строятъ даже простыя формы свѣтѣиш, сѣише, свѣтѣиш, сѣише, которыя едва ли могутъ быть доказаны цитатами изъ дѣйствительныхъ памятниковъ языка.

Изъ образованій на -ишій, подобныхъ вышеприведеннымъ и встрѣчающихся у М. Смотрицкаго, приведемъ нѣсколько странныхъ образчиковъ: чѣишій (л. 80 на об.), оубоѣишій, правѣишій, простѣишій (л. 81), драѣишій, многѣишій, тиѣишій, дюѣишій (!!!), даже вѣтѣишій и т. д. (л. 81 на об.), слѣишій, чѣишій, смиренѣишій, ѿкаѣишій и т. д. (л. 83 на об.).

Такого же происхожденія формы: вѣишій (л. 80 на об.), младѣишій (л. 81 на об.), вошедшія и въ русскій языкъ. „Превосходныя“ степени: чѣишій, оубоѣишій, правѣишій, простѣишій, драѣишій, многѣишій, тиѣишій и т. д.

Форма млажа́йшии (л. 81 на об.), по вокализму церковно-славянская, по консонантизму (ж) руссифицирована, такъ что представляет собой гибридное образование.

Острожская библия, какъ всегда, представляет болѣе древнія формы (ср. выше лѹче, вѣщи, тѣжи), которыхъ не находимъ уже въ Первопечатной; тѣмъ не менѣе и въ ней находимъ формы ср. р. съ вторичнымъ -ше, какъ слаше или м. р., какъ хѣжи. Такія новообразования встрѣчаются изрѣдка и въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка; въ церковнославянскомъ же они получаютъ широкое распространение.

Въ склоненіи степеней сравненія наблюдаются также вторичныя образования, вызванныя морфологической ассимиляціей. Таковы им. множ. м. р. оўниши (Дук. XII. 7, Остр. также оўниши, Первоп. какъ въ Новой; ср. стсл. им. мн. м. р. мыньше), образованный по типу именъ прилагательныхъ простыхъ съ основой на јо- и встрѣчающійся уже въ древнѣйшихъ стсл. памятникахъ (Cod. Zogr. Л. XII. 7, соуѣиши).

§ 20. Имена числительныя не вполне сохранили свою старославянскую форму. Уклонение представляют, во-первыхъ, количественныя съ 11 до 19, подпавшія уподобляющему вліянію соответствующихъ русскихъ формъ.

Вмѣсто стслав. дѣка на десѣте и т. д., находимъ двана́десѣтъ Числ. I. 44, Остр. вѣ) и т. д. какъ *дѣтнадцѣтъ*; хотя изрѣдка попадаются и старинныя формы, какъ Ѡбана́десѣте (Дук. VIII. 1, Остр. ѡба на десѣте, Первоп. ѡба || на́десѣте), четы́ре-на́десѣте (Матѣ. I. 17, Остр. четы́ри на десѣте, Первоп. четы́ринадесѣте) и т. д. Числительныя количественныя съ 20 до 40 также представляют такое же вторичное образование, какъ въ русскомъ, вліянію котораго и обязаны своимъ происхожденіемъ: двѣ́десѣтъ (Іезек. XLV. 3, 5, 6 и т. д.), трѣ́десѣтъ (Числ. VII. 13, 31, 43, 55 и т. д.), четы́редесѣтъ (Дук. IV. 2) (старосл. двѣ́десѣти, трѣ́десѣти, четы́редесѣте), но четы́редесѣтъ (Быт. V. 13), пѣ́десѣтъ (Числ. XXVI. 38) или пѣ́десѣтъ (тамъ же П. 6), шѣ́стьдесѣтъ (тамъ же XXVI. 21) или шѣ́стьдесѣтъ (тамъ же VII. 88), сѣ́дмьдесѣтъ, Ѡсмы́десѣтъ (2 Пар. II. 2), дѣ́вѣтъ-
20

десѣтъ (Быт. V. 9, 17). У М. Смотрицкаго не только двадесѣтъ, тридесѣтъ и т. д., но и пѣтъдесѣтъ, шестъдесѣтъ, сѣдмѣдесѣтъ, осмьдесѣтъ, девѣтъдесѣтъ (л. 156).

Порядковыя числительныя съ *перваго* по *десятый* имѣются только въ сложной („опредѣленной“) формѣ: вин. ед. ж. десѣтъю (Левит. V. 11), пѣтъю (ibid. 16), вин. ед. м. р. сѣдмый (Лев. XIII. 5, 6), осмый (ibid. XIV. 10), р. ед. м. девѣтаго, десѣтаго (Лев. XXIII. 32) и т. д.

Въ образованіи порядковыхъ съ 11 по 19 утрачена совершенно древнѣйшая форма: порядковое числительное + на десѣте (стсл. осмын на десѣте); имѣются только образованія въ родѣ четвертъинѣдесѣтъ, пѣтъинѣдесѣтъ (Числ. XXVIII. 16, 17, Лев. XXIII. 5, 6, Остр. и Первоп. цифры), вторъинѣдесѣтъ (Эсѣ. II. 16, Остр. и Первоп. цифры), второенѣдесѣтъ (тамъ же III. 7), третъинѣдесѣтъ (тамъ же III. 12) и т. д. Примѣромъ образованія съ суффиксомъ стсл. — ѣнъ можетъ служить шестьсотное лѣто (Быт. VIII. 13, Остр. и Первоп. такъ же).

Порядковыя съ 20 по 90 образуются иначе, чѣмъ въ старославянскомъ, а именно отъ основы соотвѣтствующихъ количественныхъ по типу первыхъ десяти порядковыхъ, какъ десѣтый: пѣтъдесѣтое лѣто. (Лев. XXV. 10, Остр. ѣе) и т. д. ср. стсл. двѣдесѣтънъ, сѣдмьдесѣтънъ. (Супр. р.).

Склоненія числительныхъ количественныхъ трѣе (стсл. трѣе) и четъре (стсл. уетьре), въ старославянскомъ еще отчасти разграниченныя, совпали почти совершенно въ церковнославянскомъ:

Единственное число; именительный м. р. трѣе (Быт. XVIII. 2, Остр. трѣе, Первоп. какъ въ Новой, Числ. XII. 4, 5, Остр. трѣе, Первоп. трѣе), но также и три (2 Цств. XIV. 27, Остр. и Первоп. ѣ; 4 Цств. III. 21, Остр. трѣи, Первоп. какъ въ Новой)—форма тождественная съ винит. множественнаго или съ именит. множ. ж. и ср. родовъ. Поддерживаемая этими формами, она, кромѣ того, могла быть вызвана морфологической ассимиляціей въ именит. множ. основъ м. р. на јо-, какъ царѣи, мѣжи. Именит. ж. р. ...трѣи ты́сѣщы (стсл. трѣи: Числ. I. 46); ср. р. трѣи стада (стсл. трѣи, Быт. XXIX. 2, Остр. трѣи); встрѣчается и

форма именит. муж. р. въ значеніи именит. ср. тріє мн сѣть невозможна (Притчи XXX. 18, Остр. тріє... невозможни, т.-е. именит. множ. муж. р. Перв. также тріє... невозможни).

Именит. муж. р. пѣрсты... чѣтыре (стсл. ѹетыре образование отъ основы на согласный; 2 Цств. XXI. 20, Остр. $\bar{\text{A}}$), но чѣтыри виѣцы (тамъ же XXI. 22, Остр. и Первоп. такъ же; 1 Парал. XXIII. 11, 12, сынове чѣтыри, Остр. и Первоп. чѣтыре), что объясняется такъ же, какъ форма им. мн. м. р. трѣ. Въ ж. р. правильно чѣтыри (стсл. ѹетыри; Зах. VI. 1, Остр. и Перв. такъ же), но чѣтыре (1 Цств. IV. 2, Остр. и Перв. цифры, 1 Парал. XXIII. 4, 5, Остр. и Перв. цифры). Въ ср. родѣ правильно чѣтыри (стсл. ѹетыри. Притчи XXX. 24, Остр. чѣтыри, Первоп. какъ въ Новой; Іезек. X. 9, 14, Остр. и Первоп. такъ же), но чѣтыре (Іезек. I. 6, Остр. и Первоп. чѣтыри). Какъ видно изъ цитатъ, форма ж. и ср. р. чѣтыре является только въ Новой библіи; въ Остр. и Первопечатной находимъ или цифры, или правильную форму. Такія написанія объясняются вліяніемъ русскаго, въ которомъ -і и -ѣ въ слогѣ послѣ удареннаго звучатъ одинаково неопредѣленно, а также графической ассимиляціей къ готовымъ уже написаніямъ и формамъ именит. мн. м. р.

У М. Смотрицкаго находимъ для муж. р. тріє (л. 154), ж. и ср. р. трѣ (л. 154 на об., 155), но чѣтыри во всѣхъ родахъ (л. 155 на об.).

Родительный падежъ м. р. какъ въ русскомъ трѣхъ (1 Пар. XI. 24, Остр. трѣхъ, Первоп. трѣхъ, Іов. XXXII. 5, Остр. друг. текстъ); рядомъ трієхъ (Исх. VIII. 27, Остр. другой текстъ; 1 Парал. XI. 20, 21, Остр. трѣхъ и трієхъ, Первоп. трієхъ); ж. р. трѣхъ (Суд. XVI. 27, вм. винит. Остр. винит. трѣ, Первоп. трѣхъ); ср. р. также трѣхъ (4 Цств. XVIII. 10, Остр. и Первоп. трѣхъ; 1 Парал. XI. 20, Остр. своеобразный родит. двойственнаго трію сѣтъ, Первоп. тріюсѣтъ, вызванный, разумѣется, морфологической ассимиляціей къ двою). Старосл. форма трѣй не находитъ себѣ продолжателей въ цслав., гдѣ ее замѣнило образование по типу мѣстоименныхъ основъ: трѣхъ, трієхъ (послѣдняя отъ основы именит. падежа), рядомъ

съ законнымъ предложнымъ трѣхъ (стсл. трѣхъ) или тріѣхъ, какъ р. мн. тѣхъ, рядомъ съ предл. тѣхъ. У Мелетія Смотр. въ м. р. тріѣхъ, трѣхъ (л. 154), ж. и ср. только трѣхъ (л. 154 на об., 155).

Отъ четы́ре род. мн. ср. четы́рехъ (Іезек. I. 5, 9, 15, Остр. и Первоп. такъ же, Апок. XV. 7, Остр. четы́рь, стсл. уе́тырь или уе́тырь, какъ у основъ на согласный), такого же происхожденія, какъ р. мн. трѣхъ, т.-е. подъ вліяніемъ параллелизма родит. и предл. падежей мн. въ мѣстоименномъ склоненіи. У М. Смотр. также четы́рехъ (л. 155 на обор.).

Дательный правильно: трѣмъ или тріемъ (стсл. трѣмъ; м. р. 1 Парал. XI. 21, 25, Остр. трѣмъ и тріемъ, Первоп. трѣмъ, тріемъ; Іов. XXXV. 4, трѣмъ, Остр. трѣмъ, Первоп. трѣмъ); ж. р. тріемъ (Іоан. II. 6, Остр. тріемъ); четы́ремъ (стсл. уе́тырь; муж. р. Дан. I. 17, Остр. четы́ремъ, Первоп. какъ въ Новой; средн. р. Іезек. X. 11, Остр. другой текстъ). У Мел. Смотр. м. р. трѣмъ или тріемъ (вліяніе именит. множ.), ж. и ср. трѣмъ (л. с.).

Винительный, рядомъ съ правильной формой трѣ (стсл. трѣ; м. р. Быт. V. 32, ж. р. Быт. XVIII. 6, Остр. м. р. трѣ; 2 Парал. IV. 5; ср. р. Второз. XVI. 16, Остр. друг. текстъ), четы́ри (стсл. уе́тыри; м. р. Зах. I. 20, 21, ж. р. Іезек. X. 11, Остр. такъ же; ср. р. Амос. I. 6, 9, 11, Остр. такъ же), имѣются формы именит. множ. м. р.: тріе (1 Парал. XXI. 10, Остр. трѣ, Первоп. трѣ), четы́ре (Іов. XXXVIII. 38, Остр. четы́ри, Первоп. четы́ре; 1 Парал. XXI. 20, Остр. четы́ри, Первоп. четы́ри). У М. Смотр. во всѣхъ родахъ трѣ (л. с.), четы́ри (л. 155 на обор.).

Творительный правильно: трѣмн (стсл. трѣмн; м. р. 1 Парал. XI. 12, Остр. посре́дѣ трѣ; ср. р. Притчи XXX. 21, Остр. трѣмн, Первоп. какъ въ Новой), или трѣмн (Матѹ. XXVI. 61, Остр. трѣмн, Первоп. трѣмн, XXVII. 40, Остр. трѣмн, Перв. трѣмн, Мр. XIV. 58, Остр. трѣмн, Первоп. трѣмн), четы́рми (стсл. уе́тырьмн; Мр. II. 3, муж. р., Остр. четы́рми, Перв. какъ въ Новой, Исх. XXV. 35, ж. р. Остр. и Первоп. четы́рма, по

типу двѣмѧ). У М. Смотр. во веѣхъ родахъ трѣми (л. 154, 155). Изрѣдка встрѣчается и заимствованная изъ русскаго форма трѣмѧ (ср. р. 1 Цств. XIII. 17, Остр. другой текстъ; ж. р. 1 Макк. IV. 6, Остр. и Первоп. трѣмѧ), представляющая собой плодъ взаимной ассимиляціи формъ трѣми и трѣмѧ, изъ которыхъ послѣдняя вызвана формою двѣмѧ. Такого же происхожденія, какъ трѣмѧ, и форма четырма (М. Смотр. л. 155 на обор., а также въ Остр. и Первоп. Иск. XXV. 35). Акцентуація трѣми, встрѣчающаяся въ Новой библии, въ Первонечатной еще отсутствуетъ и вызвана вѣроятно вліяніемъ русской формы *тремя*.

Предложный м. р. или правильно трѣхъ (стсл. трѣхъ; М. Смотр. л. 154 на обор.) или тріѣхъ—образованіе отъ основы именит. множ. числа тріє, подобное приведенному выше род. множ. (1 Парал. XI. 20, Остр. трієхъ, Первоп. трієхъ, Евр. X. 28, Остр. трѣ, Первоп. трієхъ). Въ ж. и ср. родѣ у М. Смотр. только трѣхъ (л. 155), но въ библии встрѣчаемъ и тріѣхъ (ж. рода Лук. XIII. 21, Остр. вин. трі). Отъ четыре только правильная форма четырехъ (ж. род. Іезек. I. 8, Остр. четырѣ, Первоп. четырехъ; стсл. уетырьхъ). У М. Смотрицкаго четырехъ (л. 155 на обор.). Числительныя: пѧть, шѣсть, сѣдмь, Ѡсмь, дѣвѧть, дѣсѧть и сложныя съ этимъ послѣднимъ въ единственномъ числѣ склоняются, какъ первичныя основы на еі- (і-): р. ед. сѣдмѧ (Быт. XLI. 48, 50, Остр. сѣмѧ), твор. ед. Ѡсмю (Перем. XLI. 15, Остр. Ѡсмю, Первоп. Ѡсмю), дѣсѧтію (Быт. XXXI. 41, Остр. і), предл. ед. сѣдмѧ (Быт. XLI. 47). Сложныя съ двѧ имѣютъ и формы двойств. числа: твор. двѣмѧдѣсѧтьма (3 Цств. XIX. 19, Остр. и Первоп. такъ же), но род. предл. двоюнадѣсѧти (тамъ же, Остр. двѡю надѣсѧть). Во множественномъ числѣ числительныя эти также склоняются (черта церковнославянскаго языка), но уже по типу мѣстоименныхъ основъ на јо-: род. множ. дѣсѧтіхъ (Дан. I. 15, Остр. ед. ч. дѣсѧти, Первоп. дѣсѧтіхъ), трідѣсѧтихъ (1 Пар. XII. 4, Остр. и Перв. трідѣсѧти), пѧтихъ (Іоа. VI. 13, Остр. пѧти, Первоп. пѧти), сѣдмѧхъ (Апок. XV. 7, Остр. сѣмѧхъ, Первоп. сѣдмѧхъ); дат. множ. сѣдмѧмъ, ѡсмѧмъ (Эккл. XI. 2, Остр. сѣдмѧмъ, ѡсмѧ,

седмѣмъ—Апок. XV. 7, Остр. сѣмимъ, Первоп. какъ въ Новой), десѣтимъ (Матѣ. XXV. 1, Остр. десѣтимъ, Первоп. какъ въ Новой); предл. мн. седмѣхъ (Іезек. III. 16, Остр. седми, Перв. седмѣхъ), по стѣ пѣтидесѣтихъ днѣхъ (Быт. VIII. 3, Остр. и Первоп. цифрами) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, подобныя формы множ. ч. встрѣчаются уже въ Острожской библии (на девять цитатъ пять случаевъ), въ Первопечатной еще чаще (семь случаевъ). У М. Смотрицкаго находимъ нѣсколько своеобразныхъ вторичныхъ формъ, которыя однако не подтверждаются библейскимъ текстомъ. Таковы р. и д. мн. пѣтѣхъ, шестѣхъ, пѣтѣмъ, шѣстѣмъ, твор. пѣтмѣ, шестмѣ, седмѣмѣ, ѡсмѣмѣ, десѣтмѣ, десѣтмѣ и т. д., образованныя по типу склоненія трѣ и чѣтыре (л. 155 на обор.). Такой же педантичный характеръ имѣетъ склоненіе чѣтвѣро, приведенное на обор. л. 153.

Въ склоненіи чѣтыре надо отмѣтить еще акцентуацію, расходящуюся съ русской; удареніе сохраняется на томъ же слогѣ, на которомъ оно находится въ именительн. падежѣ, и не переходитъ на окончаніе, какъ въ русскомъ.

§ 21. Глаголь. Личныя окончанія первичныя. Единственное число. Первое лицо: у глаголовъ съ основой на согласный (т. наз. „архаическаго“ спряженія) старославянское -мъ даетъ -м' (цсл. -мь) только у одного глагола ѣсмь (Матѣ. XXVII. 43); прочіе же глаголы имѣютъ -ш (цслав. -мъ), какъ въ русскомъ: дѣмъ (Матѣ. IV. 9, Остр. дѣ, Первоп. дѣмъ), предѣмъ (Матѣ. XXVI. 15, Остр. предѣмъ), вѣмъ (Матѣ. XXVIII. 5, Остр. вѣмъ, Первоп. вѣмъ; Матѣ. XXVI. 70, Остр. вѣмъ, Первоп. вѣмъ), ѡповѣмъ (Матѣ. VII. 23, Остр. ѡповѣмъ, Первоп. какъ въ Новой), свѣмъ (Дѣян. Ап. XIX. 15, Остр. свѣмъ), ѡмѣмъ (М. XIX. 16, Остр. ѡмѣ), ѡмъ (Быт. XXVII. 4, Остр. и Первоп. ѡмъ), снѣмъ (Мр. XIV. 14, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -ш (-мъ) имѣется уже въ Острожской библии. У М. Сметр. ѣсмь (л. 235), но вѣмъ (л. 238 на об.), свѣмъ, ѡмъ (л. 243), снѣмъ (тамъ же на обор.), ѡмѣмъ (л. 246 на об.) и даю (л. 151 на об.). У Л. Зизанія ѣсмъ (л. 76, 77). Старославянское -ж глаголовъ съ основой на

гласный=цсл. -Ѹ (-ю): ѿдѸ (М. VШ. 19), хоѸѸ (М. ІХ. 13), глаголю (М. VШ. 10), крещіаю (Матѹ. ІІІ. 11) и т. д. какъ въ русскомъ.

Второе лицо сохранило оба окончанія: -си у „архаическихъ“ глаголовъ, -ши у глаголовъ съ основой на гласный: ѣси (Матѹ. ІІ. 6, XXVI. 63), да́си (Мр. VI. 25. Дѣянія Ап. XIII. 35), возда́си (Матѹ. V. 26), вѣ́си (Матѹ. XV. 12), їа́си (Мр. XIV. 12) и т. д. їмаши (Матѹ. XXV. 25, XIX. 21), хо́щєши (Матѹ. XIX. 21), клєнє́шисѧ (тамъ же V. 33), прєткнє́ши (тамъ же IV. 6), ѿвѣщава́єши (тамъ же XXVI. 62) и т. д. У М. Сметр. ѣси (л. 235), вѣ́си (л. 238 на об.), їа́си (л. 243) и т. д. вїє́ши, стої́ши (л. 251 на об.) и т. д. У Л. Зизанія ѣси (л. 76, 77).

Третье лицо. Старослав. -тъ должно было дать въ цслав. -t (-тъ), которое мы и находимъ почти во всѣхъ случаяхъ (въ русскомъ вездѣ, за исключеніемъ одной формы *есть*). Однако, принимая во вниманіе, что въ основѣ современнаго церковнославянскаго лежитъ главнымъ образомъ старославянскій языкъ памятниковъ русской рецензіи, которому свойственно окончаніе 3-го л. -тъ, мы не можемъ считать современное цслав. -t (-тъ) прямымъ продолжателемъ стслав. -тъ. Окончаніе -t' (цсл. -тъ), собственное памятникамъ русской рецензіи, сохранилось главнымъ образомъ у нѣкоторыхъ глаголовъ „архаическихъ“: ѣсть (Матѹ. XXVI. 66, Остр. ѣсть, Первоп. какъ въ Новой), вѣ́сть (Матѹ. XXIV. 36, 50, Остр. вѣ́сть, Первоп. какъ въ Новой), їспо́вѣ́сть (Матѹ. X. 32, Остр. и Первоп. такъ же), оу́вѣ́сть, (Мр. V. 43, Остр. оу́вѣ́сть, Первоп. какъ въ Новой), снѣ́сть (Мр. XI. 14, Остр. снѣ́сть, Первоп. какъ въ Новой; Лук. XIV. 15, Остр. снѣ́сть, Первоп. какъ въ Новой), їма́ть (Матѹ. IX. 6, Остр. їма́ть, Первоп. какъ въ Новой; V. 23, Остр. и Первоп. такъ же; XVII. 22, Остр. и Первоп. какъ въ Новой; Лев. XXI. 23, Остр. и Первоп. такъ же), но снѣ́стѧ (Исх. XXIX. 33, Остр. а́сть, Первоп. їа́стѧ; Лев. VII. 6, 18, 19, 20, Остр. и Первоп. їа́стѧ), їа́стѧ (Лук. IV. 2, Остр. їа́сть, Первоп. какъ въ Новой, XV. 2, Остр. и Первоп. їа́стѧ), да́стѧ (Матѹ. VII. 11, Остр. и Первоп. такъ же), пода́стѧ (Матѹ. VII. 9, 10, Остр. пода́стѧ

и подасть, Первоп. подаетъ и подасть), предасть (Матѣ. X. 21, Остр. предасть, Первоп. какъ въ Новой; XXI. 41, Остр. предасть, Первоп. какъ въ Новой, XXVI. 16, 21, 23, Остр. во всѣхъ трехъ случаяхъ предасть, Первоп. предасть; ср. также дастьсѣ Остр. Мр. VIII. 12), воздасть (Матѣ. XVIII. 34, Остр. вздасть, Первоп. какъ въ Новой). Въ 3-мъ лицѣ аориста съ первичнымъ окончаніемъ: бысть (Матѣ. XI. 1, Остр. и Первоп. такъ же, XXI. 42, Остр. бысть, Первоп. какъ въ Новой, XIX. 8, Остр. бысть, Первоп. какъ въ Новой). У глаголовъ съ основой на гласный звукъ вездѣ безъ исключеній: пріемлетъ (М. X. 40, Остр. пріемлѣ и пріемлетъ, Первоп. какъ въ Новой), восхощетъ (Быт. XXIV. 5, Остр. и Первоп. такъ же), глаголетъ (Исх. X. 3, Остр. и Первоп. глетъ), бѣдетъ (Лев. X. 19, Остр. и Первоп. бѣдетли), сотворитъ (Второз. XXXI. 4, Остр. сѣтворитъ, Первоп. какъ въ Новой), вѣмнитъ (Ис. XXXI. 2, Остр. взмѣнитъ, Первоп. какъ въ Новой), речетъ (Ис. XLI. 7, Остр. речетъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -t (цсл. -тъ) является весьма распространеннымъ уже въ Острожской библіи, не только у глаголовъ съ основой на гласный, но и у глаголовъ на -ті. Немногочисленныя написанія съ -ь (см. выше) объясняются какъ остатки болѣе древней орфографіи; звуковаго значенія это -ь, очевидно, не имѣло въ виду преобладанія написаній съ -з. У М. Смотр. ѣсть (л. 235), вѣсть (л. 238 на об.), гать (л. 243), ймать (л. 246 на об.). У Л. Зизанія ѣтъ, но бытъ (л. 76).

Множественное число. Первое лицо. На мѣстѣ старославянскаго окончанія -мъ, свойственнаго первично всѣмъ глаголамъ, въ церковнославянскомъ находимъ два окончанія: -шу (-мы) у глаголовъ „архаическихъ“ и -мъ (-мъ) у всѣхъ прочихъ. Первое изъ нихъ встрѣчается и въ старославянскомъ (-мы) рядомъ съ болѣе распространеннымъ -мъ, но не у одного только класса глаголовъ на -ті, а также и у прочихъ глаголовъ.

Явленіе позднѣйшее и свойственное церковнославянскому — закрѣпленіе окончанія -мы (цсл. -мы), только за глаголами на -ті: есмы (Мр. V. 9, Остр. есмы, Первоп. какъ въ Новой; Лук.

IX. 12, Остр. ѣсмы, Первоп. какъ въ Новой, XVII. 10, Дѣян. II. 32 и т. д. у М. Смотрицкаго какъ въ Новой, л. 235), вѣмы (Матѳ. XXI. 27, Остр. вѣмы, Первоп. какъ въ Новой), ѣммы (Матѳ. XIV. 17, Остр. неѣммы, Первоп. какъ въ Новой; Мр. VIII. 16, Остр. и Первоп. какъ въ Новой), дѣмы (Мр. XII. 14, Остр. и Первоп. такъ же; Иоан. I. 22, Остр. и Первоп. такъ же), ѣмы (Лук. XXII. 8, Остр. и Первоп. такъ же; 1. Кор. XV. 32, Остр. дѣмы, Первоп. ѣмы), нѣсмы (Иоан. VIII. 41, Остр. нѣсмы, Первоп. какъ въ Новой и т. д.

У прочихъ глаголовъ (съ основой на гласный) имѣется только -мъ: трѣбѣмъ (Матѳ. XXVI. 65, Остр. трѣбѣмъ, Перв. трѣбѣмъ), сотворѣмъ (Матѳ. XVII. 4, Остр. сѣтворимъ, Первоп. какъ въ Новой), оудержимъ (Матѳ. XXI. 38, Остр. оудержимъ, Первоп. какъ въ Новой), да ѣмы и пиѣмъ, оутрѣ бо оумрѣмъ (1 Кор. XV. 32, Остр. и Первоп. также: пиѣмъ... оумрѣмъ) и т. д. У М. Смотрицкаго также находимъ строгое разграниченіе этихъ двухъ окончаній: ѣсмы (л. 235), вѣмы (л. 238 на об.), ѣмы (л. 243) и т. д., но читаѣмъ (л. 191) и т. д. У Л. Зизанія ѣсмы, ѣ (л. 76), гласимъ (л. 68), вѣсмы (л. 72 на об.), ѣвимъ (л. 57 на об.), ѣвлѣмъ (л. 58), вѣставѣмъ, вѣставѣмо (л. 66 на об.) и т. д. Окончаніе мо вызвано вліяніемъ малорусскаго; въ Новой библии оно совсѣмъ не встрѣчается.

Причина, по которой произошла въ церковнославянскомъ такая строгая дифференціація двухъ окончаній, первично употребившихся болѣе или менѣе безразлично, заключается въ тождественности 1 л. ед. и 1 л. множ. у глаголовъ на -мѣ, которая несомнѣнно должна была получиться въ церковнославянскомъ: 1 л. ед. вѣмъ, но 1 л. множ. вѣмы вмѣсто ожидаемаго *вѣмъ. Такого совпаденія у глаголовъ съ основой на гласный не было и не могло быть: 1 л. ед. трѣбѣю, но 1 л. мн. трѣбѣмъ, почему и не имѣлось никакого повода къ дифференціаціи.

Второе лицо имѣетъ окончаніе -тѣ (-те), отвѣчающее стсл. -те и собственное вѣмъ глаголамъ: глаголы на -мѣ—вѣсте (Матѳ. XX. 25, Остр. вѣсте, Первоп. какъ въ Новой; XXVI. 2, Остр. вѣсте, Первоп. какъ въ Новой), ѣмате (Матѳ. XXVI. 11, Остр.

и Перв. такъ же), ёстѣ (Матѹ. X. 31, Остр. ёстѣ, Первон. какъ въ Новой, XXIII. 28, Остр. ёстѣ, Первон. какъ въ Новой), оувѣстѣ (Матѹ. IX. 6, Остр. оувѣстѣ, Первон. какъ въ Новой), ѿстѣ (Матѹ. VI. 25, Остр. и Первон. такъ же, Лук. V. 30, Остр. и Первон. такъ же), прѣдастѣ (Мр. VII. 13, Остр. и Первон. такъ же), и т. д. Глаголы съ основой на гласный: трѣбѣстѣ (М. VI. 8), слѣшите, видѣте (Матѹ. XI. 4), хѹщѣте (тамъ же 14) и т. д. Никакихъ особенностей это окончаніе не представляетъ, тѣмъ болѣе, что и въ русскомъ языкѣ оно сохранилось безъ измѣненія.

Третье лицо представляетъ три окончанія, изъ которыхъ два имѣются и у глаголовъ на -ші, и у глаголовъ съ основой на гласный, а одно только у глаголовъ на -ші. Эти окончанія слѣдующія: у глаголовъ на -ші: 1) -'at (цслв. -атъ) отвѣчаетъ стсл. -атъ (-ать стслав. памятниковъ русской рецензіи): ѿдаѣтъ (Матѹ. XV. 2. 27, Остр. и Первон. такъ же), дадаѣтъ (Исх. XXX. 13, Остр. и Первон. такъ же), воздадаѣтъ (Матѹ. XII. 36, Остр. въздадаѣтъ, Первон. какъ въ Новой), прѣдадаѣтъ (Матѹ. X. 17, Остр. прѣдадаѣтъ, Первон. какъ въ Новой), вѣдаѣтъ (Іоан. X. 4, Остр. вѣдаѣтъ, Первон. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго вѣдаѣ (л. 238 на об.), вѣдаѣтъ (л. 239 на обор.), ѿдаѣтъ (л. 243) и т. д. 2) -ut' (цсл. -ѹтъ) отвѣчаетъ стсл. -жтъ (-жтъ памятниковъ древней русской рецензіи). Окончаніе это заимствовано у глаголовъ тематическихъ еще въ старославянскомъ. Имѣется только въ одной церковнославянской формѣ сѹтъ (Матѹ. XIII. 38. 39, Остр. сѹтъ, Первон. сѹтъ; XXIII. 25, Остр. сѹтъ, Первон. сѹтъ); у М. Смотр. соѹтъ (л. 235), но у Л. Зизанія сѹтъ (л. 76) и сѹтъ (л. 77). 3) -ut (цсл. -ѹтъ) отвѣчаетъ стсл. -жтъ (-жтъ памятниковъ русской рецензіи): ѿмѹтъ (Матѹ. VIII. 20, Остр. ѿмѹтъ, Первон. ѿмѹтъ, XXI. 26, Остр. ѿмѹтъ, Перв. какъ въ Новой; XXVI. 4, Остр. ѿмѹтъ, Перв. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго также ѿмѹтъ (л. 247). Изъ цитатъ видно, что окончанія эти установились въ ихъ современномъ видѣ еще въ Острожской библии.

У глаголовъ тематическихъ имѣется два окончанія: 1) -ut

или -'ut (цсл. -ѹтъ, -ѹтъ), отвѣчающее стсл. -жтъ, -жтъ (-жтъ, -жтъ памятниковъ русской рецензии): наскѹтъ (М. I. 23, Остр. наскѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), поскѹтъ (Матѹ. VII. 6, Остр. поскѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), растѹргнѹтъ (такъ же, Остр. и Первоп. такъ же), ѿжсѹтъ (Матѹ. V. 11, Остр. ѿжсѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), вѹзмѹтъ (Лук. IV. 11, Остр. вѹзмѹтъ, Первоп. вѹзмѹтъ) и т. д., вжигѹтъ, поставлѹтъ (Матѹ. V. 17, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.

2) -'at или -at (цсл. -атъ, -атъ = стсл. -атъ, древнерусск. -атъ): наслѣдѹтъ (Матѹ. V. 5, Остр. наслѣдѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), оѹзрѹтъ (Матѹ. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же), понѹсѹтъ (Матѹ. V. 11, Остр. и Первоп. такъ же), вѣдѹтъ (Матѹ. V. 16, Остр. вѣдѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), приложѹтъ (Матѹ. VI. 33, Остр. и Первоп. такъ же), слышѹтъ (Матѹ. XI. 5, Остр. слышѹтъ, Первоп. слышѹтъ), вѣжѹтъ (Іоан. X. 5, Остр. вѣжѹтъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Въ грамматикахъ М. Смотрицкаго и Л. Зизанія никакихъ особенностей у этихъ окончаній не замѣчается.

Двойственное число. Здѣсь мы находимъ обиліе окончаній, находящееся, очевидно, въ связи съ малою употребительностью вообще формъ двойств. числа и ихъ исчезновеніемъ изъ живаго языка, который уже не могъ служить поддержкой въ данномъ случаѣ.

Первое лицо вмѣсто старослав. -ѣ имѣетъ въ Новой библии -ва или -ма. Образцы перваго: хѹщева, прѹсива (Мр. X. 35, Остр. хѹщевѣ, прѹсивѣ, Первоп. хѹщевѣ, но прѹсива), сѣдѣва (тамъ же X. 37, Остр. и Первоп. сѣдѣвѣ), мѹжева (тамъ же X. 39, Остр. и Первоп. мѹжевѣ; Матѹ. XX. 22, Остр. мѹжевѣ, Первоп. мѹжеве), воспріѣмлева (Лук. XXIII. 41. Остр. воспріѣмлевѣ, но Первоп. уже воспріѣмлева). Образцомъ втораго окончанія -ма можетъ служить въ Новой библии только форма ѣсмѣ (Іоан. X. 30, Остр. ѣсвѣ, Первоп. ѣсва). Очень часто въ Новой библии формы двойственнаго замѣнены формами множественнаго: ѣсмы (Дѣян. XIV. 15, Остр. ѣсвѣ, Первоп. ѣсмѣ; Быт. XIII. 8, Остр. ѣсвѣ), речѣмѣ (Лук. IX. 54, Остр. речѣвѣ, Первоп.

рече́ва), при́дема, сотвори́ма (Іоан. XIV. 23, Остр. при́дева, сзвори́ва; Первоп. также при́дева, сотвори́ва), мо́жема (Дѣян. IV. 20, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Отсюда видно, что старославянское окончаніе 1-го л. дв. ч. -ва еще господствуетъ въ Острожской библии; въ Первопечатной оно еще встрѣчается, но имѣеть рядомъ и -ва, -ма и даже -ве; въ Новой же библии совершенно вытѣснено окончаніемъ -ва, рядомъ съ которыми весьма рѣдко (только у глагола ѣсма) имѣется и -ма. Въ Московскомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго (1648 г.) находимъ только два окончанія, дифференцированныя согласно роду: для муж. и ср. -ма, напр. чтѣма, для женскаго -мѣ: чтѣмѣ (л. 190 на об.), м. и ср. чита́ема, ж. чита́емѣ (л. 191), м. и ср. чита́йма, ж. чита́ймѣ (повелит. накл. л. 193), ѣсма и ѣсмѣ (л. 235) или ѣсма, ѣсмѣ (л. 192 на об.) и т. д. Въ оригинальномъ же изданіи имѣется для муж. и ср. -ва, для ж. -вѣ (л. 125). Въ грамматикѣ Лаврентія Зизанія (лл. 53, 57) имѣются эти же оба окончанія -ва, -вѣ, но безъ различія родовъ, какъ и въ Первопечатной библии, гдѣ -ва и -вѣ употребляются безразлично. Такая разнотелосица объясняется, конечно, малою употребительностью двойственнаго числа, его полнымъ исчезновеніемъ изъ живаго народнаго языка и отсюда отсутствіемъ всякаго критерія для установленія дѣйствительно правильной формы. Неудивительно, что здѣсь открывалось такимъ образомъ широкое поле для разныхъ въ значительной степени субъективныхъ образованій такихъ грамматиковъ, какъ М. Смотрицкій или Л. Зизаній. Въ основѣ всѣхъ этихъ образованій лежитъ, разумѣется, морфологическая ассимиляція. Появленіе -а вмѣсто стслав. -ѣ въ церковнославянскомъ окончаніи 1-го л. дв. числа вызвано по всей видимости вліяніемъ именнаго склоненія (основъ на о- и јо-). Въ пользу этого предложенія говоритъ дифференціація окончаній, находимая нами у М. Смотрицкаго, для муж. и ср. рода принимающаго окончаніе -ва (первое изданіе) или -ма (второе изданіе), какъ два брата, а для женскаго -вѣ (первое изданіе) или -мѣ (втор. изданіе), какъ двѣ сестры. Такъ же объясняется и дуализмъ Лавр. Зизанія -ва рядомъ съ -вѣ, причемъ однако у него не замѣчается диф-

ференціаціи въ отношеніи грамматическаго рода. Согласный м вмѣсто в въ окончаніяхъ -ма, -мѣ очевидно вызванъ вліяніемъ окончанія перваго лица множ. числа: ѣсмь вызвало форму ѣсмѣ, послѣ которой возникла уже форма ж. р. ѣсмѣ. Написанія -ве въ 'родѣ вышеприведеннаго мѡжеве (Первоп. Матѡ. XX. 22, Остр. -вѣ) или искахоуе (Первоп. Лук. II. 48, Остр. -вѣ, Новая б. ѣскахоумз), сводятся къ первичному -вѣ и представляютъ собой скорѣе всего опечатки, въ происхожденіи которыхъ можетъ быть не безъ вліянія было совпаденіе въ русскомъ соотвѣтствіи для стсл. **ѣ** и **е**.

Второе и третье лица представляютъ также уклоненія отъ старославянскаго. Вмѣсто старосл. окончаній 2 л. -та и 3-го -те, встрѣчаемъ также два окончанія -та и -тѣ, которыя не разнятся по лицамъ, а только по родамъ: -та присвоено второму и третьему муж. (иногда средняго) р., а -тѣ—женскаго (иногда средняго). Эти же окончанія находимъ у М. Смотрицкаго и въ оригинальномъ (л. 125 на обор.) и въ московскомъ изданіяхъ, который по обыкновенію пользуется ими для дифференціаціи. Въ московскомъ изданіи находимъ такіа формы: 2 л. вѣ біѣта || вѣ біѣтъ; 3-е ѡна біѣта; ѡнѣ біѣтъ (л. 184); 2 и 3 м. и средн. читѣста, 2 и 3 ж. р. читѣстъ (л. 191), 2 и 3 м. и ср. ѣста, 2 и 3 ж. ѣстъ (л. 235) или ѣста, ѣстъ (л. 192 на обор. Повидимому, М. Смотрицкій различаетъ вспомогательныя формы этого глагола отъ самостоятельныхъ. Въ первомъ случаѣ удареніе у него на окончаніи, во второмъ на корнѣ. Но эта дифференціація—чисто произвольная—является у него далеко невыдержанной); 2 и 3 м. и ср. ѣста и ж. ѣстъ (л. 243) и т. д.

У Зизанія для обѣихъ формъ одно окончаніе -та безъ различенія рода (л. 57 и слѣд.): ѣавлѣста, а; буд. ѣавѣта и т. д.

Примѣры 2-го лица муж. рода. У глаголовъ на -ти: вѣста, ѣста (Остр. Лук. IX. 55, Первоп. вѣста, ѣста, Новая б. множеств. число: вѣсте, ѣстѣ, Матѡ. XX. 22, Остр. и Первоп. такъ же); у глаголовъ тематическихъ: мѡжѣта, прѡсѣта, (настоящ. Матѡ. XX. 22, Остр. и Первоп. такъ же), вѣрѣста (Матѡ. IX. 28, Остр. вѣрѣста, Первоп. какъ въ Новой), хѡѣста (Матѡ. XX.

32, Остр. и Первop. такъ же), ѡбръщаѣта (Матѣ. XXI. 2, Остр. и Первop. 2 лицо множ. числа), ѡспѣта (Матѣ. XX. 23, Остр. и Первop. такъ же), но рядомъ ѡматѣ крѣститисѣ (тамъ же; Остр. и Первop. крѣтитасѣ). Подобныя замѣны формъ двойственного числа формами множественнаго, встрѣчающіяся уже въ Острожской библіи, не рѣдки: ѡщетѣ, (Матѣ. XXVIII, 5, Остр. ѡщетѣ, Перв. такъ же, какъ въ Новой), не мѡжетъ... рещи... глава ногѡмъ, не трѣбъ мѡ ѣстѣ (1 Кор. XII. 21, Остр. ногѡма... ѣстѣ, Перв. ногѡма... ѣстѣ), оузритѣ (Матѣ. XXVIII. 7, Остр. оузритѣ) и т. д.

Примѣры 3-го л. двойств. ч. У глаголовъ на -ти: муж. рода ѣстѣ (Дѣян. Ап. IV. 13, Остр. ѣста, Первop. какъ въ Новой), нѣста (Матѣ. XIX. 6, Остр. и Первop. такъ же); у глаголовъ тематическихъ: сѣдетѣ (Матѣ. XX. 21, Остр. и Первop. такъ же), бѣдетѣ (Матѣ. XIX. 5, XXIV. 40, Остр. вѣдетѣ, Первop. какъ въ Новой).

Рядомъ съ этими окончаніями 2-го и 3-го л. имѣется окончаніе -тъ, встрѣчающееся изрѣдка и въ старославянскихъ памятникахъ (Супрасльская рукопись и Саввина книга) и присвоенное женскому роду. Возможно, что оно сводится къ исконному старослав. окончанію 3-го л. двойств. ч. -тѣ. Формы съ -тъ объясняются вѣроятнѣе всего стремленіемъ къ большей конгруэнціи формъ глагольных съ формами именит. двойств. ч. именнаго склоненія основъ ср. р. на о- и ж. на ѧ- (какъ лѣтъ, дѣтъ; нѡтъ, рѣтъ и т. д.); въ русскихъ памятникахъ сверхъ того написанія съ тѣ могли облегчаться совпаденіемъ русскихъ соотвѣтствій для тѣ и ѣ. При отсутствіи различія между этими соотвѣтствіями въ русскомъ языкѣ, а также и въ церковнославянскомъ, различіе окончаній -тъ и -тѣ является особенностью графики, не языка. Примѣрами могутъ служить: 2 лицо двойств. въ сѧми вѣстѣ (Лія и Рахиль; Быт. XXXI. 6, Остр. вѣстѣ, Первop. вѣстѣ=2 л. множ. числа); 3-е лицо двойств. Ѣчи... призираетѣ (Псал. IX. 30, Остр. и Первopеч. такъ же, Пс. X. 4, Остр. и Первopеч. такъ же), вѣжди... ѡспытаетѣ (Пс. X. 4, Остр. и Первop. такъ же), возрадетѣсѣ оустиѣ мои (Псал. LXX. 23, Остр. взрадетасѣ, Первop. какъ въ Новой); въ Новой библіи встрѣчаемъ иногда

вмѣсто этого окончанія -тє, что вызывается смѣшеніемъ со вторымъ лицомъ множ: бѣаетє двѣ (Лук. XVII. 35, Остр. бѣаетѣ, Первоп. бѣаетѣ).

Части замѣны формами множеств. числа: граѣѣтъ еще два гора (Апок. IX. 12, Остр. уже граѣѣтъ, Первоп. какъ въ Новой), пошѣмѣтъ ѡбѣ оуши (4 Цств. XXI. 12, Остр. и Первоп. пошѣмѣта), станѣтъ ѡба (Апок. XI. 11, Остр. и Первоп. станѣта) и т. д. Замѣны эти встрѣчаются уже въ Острожской библии, но не такъ часто, какъ въ Новой.

Окончанія личныя вторичныя. Единственное число. Первое лицо: стслав. -ѣ, восходящее къ праязыковому звуковому комплексу -о-т, исчезаетъ въ церковнославянскомъ живомъ произношеніи: ѡдѡхѣ, пѣхѣ (Второз. IX. 18, Остр. и Первоп. такъ же) = jădôx, p'ix.

Второе лицо. Роль окончанія (какъ и въ старославянскомъ) играетъ послѣдній гласный временной или глагольной основы, послѣ котораго исчезло еще въ основнославянскомъ конечное -s: сотвори (что.... нама Лук. II. 48, Остр. сѣтвори, Первоп. сотвори) и т. д. Примѣровъ немного, такъ какъ обыкновенно эта форма замѣнена въ Новой библии формами другихъ временъ: Остр. библия—сѣтвори, ѡидѣ, ѡкрѣдѣ, ѡведѣ (Быт. XXXI. 26, Первоп. уже сотворѣлѣ ѣси, но ѡидѣ, ѡкрѣдѣ, ѡведѣ; на поляхъ ѡшѣлѣ ѣси, Новая б. сотворѣлѣ ѣси, оушѣлѣ ѣси, ѡкрѣлѣ ѣси, ѡвелѣ), сѣтвори (ibid. 28, Первоп. и Новая: сотворѣлѣ ѣси), ѣзыскѣ, ѡбрѣте (ibid. 37, Первопечатная: ѣзыскѣлѣ, ѡбрѣлѣ ѣси; Новая: ѡѣискѣлѣ, ѡбрѣлѣ ѣси), прѣѡвидѣ (ibid. 41, Первоп. прѣѡвидѣлѣ ѣси), видѣ (Апок. XVII. 18, Первоп. видѣ, Новая б. видѣлѣ ѣси) и т. д. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что эта замѣна сложной формой проявляется уже въ Первопечатной библии, но рядомъ здѣсь имѣются и исконныя, древнія формы второго лица; въ Новой же библии древняя форма почти совершенно вытѣснена.

Третье лицо. Роль окончанія, какъ и во второмъ лицѣ, играетъ послѣдній гласный глагольной или временной основы, что имѣется уже въ старославянскомъ. Собственное окончаніе -ѣ исчезло еще

въ основнославянскомъ, благодаря чему получается полное совпаде-
ніе втораго и третьаго лица. Въ противоположность второму
лицу, замѣненному другими формами въ Новой библии, третье
лицо остается въ новомъ церковнославянскомъ: воскресе (Матѹ.
XIV. 2, Остр. възкрсе, Первоп. възкрсе), сніде (Матѹ. VII. 25),
ізмолче (Пс. LXXVIII. 4, Остр. ізмолче, Первоп. какъ въ Новой),
раскопа, всыпа (4 Цств. XXIII. 12, Остр. раскопа, всыпа), ве-
лерѣчева (Юд. VI. 18, Остр. и Первоп. другой текстъ), разара
(4 Цств. XIX. 1, Остр. разара), восхотѣ (М. I. 19, Остр.
въсхотѣ), пощаде (Іезек. XVI. 5, Остр. пощаде), запрети (М.
VIII. 26, Остр. запрети, Первоп. какъ въ Новой), родиша (Матѹ.
I. 16, Остр. такъ же), ѡсквернави (Числ. XIX. 20, Остр.
ѡскверनावилъ, Первоп. ѡскверनावилъ), оуми (Матѹ. XXVII. 27,
Остр. такъ же) и т. д. пребываше (Л. I. 22, Остр. такъ
же) и т. д.

Множественное число. Первое лицо. Старослав. окончаніе -мъ
дастъ въ церковнославянскомъ -мъ (-мъ): ходи́хомъ (Псал. LIV.
15, Остр. двойств. ходи́ховѣ, Первоп. ходи́хома), возжго́хомъ
(2 Макк. I. 8, Остр. во́жгохомъ, Первоп. во́жго́хмъ), ізгоні́-
хомъ (Матѹ. VII. 22, Остр. ізгоні́хомъ) и т. д.

Второе лицо сохраняетъ старославянское окончаніе -те: со-
храни́те (Малах. II. 9, Остр. сѣхрани́те), ѡбвини́стесѣ (тамъ же,
Остр. ѡбвини́стесѣ), велерѣчивасте (Іерем. L. 11, Остр. велерѣче-
васте, Первоп. велерѣчевасте), ѡстави́те (Матѹ. XXIII. 23, Остр.
ѡстави́те), плачевѡпльствите (Зах. VII. 5, Остр. пла́че вопль-
ствите, Первоп. плачевѡпльствите), слы́шасте (Матѹ. V. 21, Остр.
такъ же) и т. д., въ повелительномъ: повѣдите (Матѹ. XVII.
9, Остр. повѣдите, Первоп. какъ въ Новой), дади́те (Матѹ. XIV.
16, Остр. и Первоп. такъ же), возвѣсти́те (Матѹ. XI. 4) и т. д.

Третье лицо на мѣстѣ старославянскихъ -а и -ѣ имѣетъ -а,
-ѣ, согласно съ общимъ фонетическимъ закономъ: возра́довашасѣ
(М. II. 10, Остр. възра́довашѣ, Первоп. възра́довашасѣ), видѣша
(ibid. 9, Остр. видѣша, Первоп. видѣшѣ), ідо́ша (тамъ же, Остр.
ідо́шѣ, Первоп. ідо́шѣ), рекѡша (Матѹ. II. 5, Остр. такъ же,
Первоп. рекѡшѣ), собра́ша (Матѹ. XXII. 10, Остр. сѣбра́шѣ,

Первоп. собрѣаша), сказа́ша (Лук. II. 17, Остр. и Первоп. ска-
за́ша), дивѣ́шася (тамъ же, Остр. и Первоп. тае́ъ же) и т. д.
ѣмѣ́ху (Іов. IV. 21, Остр. ѣмѣ́ху, Первоп. какъ въ Новой),
ѡрѣ́ху, пасѣ́хуся (Іов. I. 14, Остр. ѡрѣ́ху, пасѣ́ху, Первоп.
ѡрѣ́ху, пасѣ́ху), хождѣ́ху (1 Цств. XIII. 20, Остр. и Первоп.
такъ же), стица́хуся (Мр. VI. 33, Остр. стица́хуся, Первоп.
какъ въ Новой) и т. д. Написанія съ -а, встрѣчаемыя въ Острож-
ской и Первопечатной библияхъ на мѣстѣ новыхъ съ -а, пред-
ставляютъ собой, разумѣется, только остатки старославянской орео-
графіи и фонетическаго значенія не имѣють.

Двойственное число. Первое лицо ви́сто старославянскаго -въ
представляетъ окончанія -ва или -ма, какъ и въ первичныхъ
временахъ (см. выше). Въ Новой библии формы двойственного
обыкновенно замѣнены формами множественнаго числа: ходѣ́хумъ
(Псал. LIV. 15, Остр. ходѣ́ховѣ, какъ въ старославянскомъ;
Первоп. ходѣ́хома), ѣска́хумъ (Лук. II. 48, Остр. ѣска́ховѣ,
Первоп. ѣска́хове). У М. Смотрицкаго: м. и ср. чтѣ́хома, женск.
чтѣ́хумѣ (л. 190 на обор.), м. и ср. чита́хома, ж. р. чита́-
хумѣ (л. 191 на обор.); м. и ср. чита́хумася, ж. чита́хумѣся
(л. 202 на обор.); твори́хома, твори́хумѣ (л. 215 на обор.) и
т. д. съ такою же дифференціаціей по роду, какъ отмѣченная
выше у первичныхъ окончаній. Въ первомъ изданіи (Евю) на-
ходимъ -ва и вѣ: чтѣ́хова, чтѣ́ховѣ и т. д. У Лавр. Зизанія
иногда только—вѣ: бѣ́ховѣся (л. 74 на об.), вѣ́ховѣся (ibid.),
вѣ́маховѣся (ibid.), вѣ́ховѣ (л. 76), вѣ́ховѣ (ibid.), иногда ря-
домъ -ва и -вѣ: спаса́ховѣ, спаса́хова (л. 63), вѣста́ховѣ, ва
(л. 67), спаса́хова, вѣ (л. 63) и т. д.

Второе лицо сохраняетъ старославянское окончаніе -та: ѡда́ста
(Дѣян. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же), согласи́стася (Дѣян.
V. 9, Остр. сзгласи́стася, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У
М. Смотрицкаго съ обычной дифференціаціей—твори́ста, твори́стѣ
(л. 215 на обор.); снѣ́ста, снѣ́стѣ (л. 243 на об.) и т. д. Въ
повелительномъ наклоненіи: гради́та (Матѣ. IV. 19, Остр. гра-
дѣ́та, Первоп. какъ въ Новой), блюди́та (Матѣ. IX. 30, Остр.
блюдѣ́та, Первоп. какъ въ Новой), рцы́та (Мр. XI. 3, Остр.

ръѣта, Первоп. какъ въ Новой), ѿдѣта, приведѣта (Матѹ. XXI. 2, Остр. ѿдѣта, приведѣта, Первоп. какъ въ Новой), прѣидѣта, вѣдѣта (Іоан. I. 39, Остр. прѣидѣта, вѣдѣта, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Нерѣдки замѣны формами множественнаго (уже въ Острожской библіи): не бѣйтесѹ (Матѹ. XXVIII. 5, Остр. бѣнтесѹ), прѣидѣте, вѣдѣте, рѣйте (ibidem. 6. 7, Остр. прѣидѣте, вѣдѣте, рѣте, Первоп. прѣидѣте, вѣдѣте, рѣте) и т. д.

Третье лицо утратило старославянское -тє, вмѣсто котораго имѣются -та (главнымъ образомъ для мужескаго рода) и -тѣ (для женскаго и средняго). Происхожденіе этихъ окончаній таково же, какъ и соотвѣствующихъ окончаній у первичныхъ временъ. Въ основѣ ихъ лежатъ окончанія втораго лица -та и третьяго -тє, которыя подъ вліяніемъ двойственнаго числа именнаго склоненія, развѣтвились на -та и -тѣ. Возможно также, что и одно первичное -тє могло дать начало обоимъ даннымъ окончаніямъ. Дифференціація въ отношеніи рода представляетъ собой явленіе позднѣйшее. Въ Острожской библии она далеко не такъ послѣдовательна, какъ въ Новой.

Окончаніе -та: м. р. вѣста (Матѳ. IV. 18, Остр. такъ же),
идѣста (ibid. 20, Остр. такъ же), м. р. пристѣпѣста (Матѳ. IX.
28, Остр. такъ же), м. р. возопѣста (Матѳ. XX. 30, Остр.
вззпѣста, Первоп. бакъ въ Новой), м. р. вопѣста (ibid. 31,
Остр. взпѣста, Первоп. возопѣста), смотреѣста, падѣста (м. род.
Суд. XIII. 20, Остр. такъ же).

Окончаніе -тъ: ж. р. рѣцѣ создастъ (Осія XIII. 4, Остр. стажасть, Первоп. стажасть), текѡстъ, ѣдѡстъ (Марія Магдалина и другая Марія. Матѡ. XXVIII. 8, Остр. текѡстъ, но ѣдѡстъ, Первоп. текѡстъ, но ѣдѡстъ), ѣстъсѡ, поклонѣтъсѡ (тамъ же, Матѡ. XXVIII. 9, Остр. и Первоп. въ обоихъ случаяхъ -тъ), зрѣтъ (обѣ Маріи; Мр. XV. 47, Остр. и Первоп. зрѣста), рѣцѣ твой сотворишь мѡ ѣ создашь мѡ (Іов. X. 8, Остр. сътвориша, създаша, Первоп. какъ въ Новой), бѣтъ во рѣцѣ (Быт. XXVII. 23, Остр. бѣста, Первоп. бѣста), бѣтъ двѣ дщѣри (Быт. XXIX. 16, Остр. бѣста, Перв. бѣста), оутвердишьсѡ ѣгѡ плеснѣ и глѣзиѣ (Дѣян. III. 7, Остр. и Перв. также оутвердишьсѡ).

поработастѣ (Пс. LXXX. 7, Остр. такъ же), послужистѣ рѣцѣ (Дѣян. XX. 34, Остр. послужистѣ, Перв. какъ въ Новой), идѣстѣ, прендѣстѣ, пріндѣстѣ (Руѣ I. 19, Остр. и Перв. идѣста, пріндѣста), и т. д. Изрѣдка встрѣчается и окончаніе -та: Рахоль и Лія рекѣста (Быт. XXXI. 14. Остр. такъ же).

Средн. рода: видѣстѣ Очи (Второз. X. 21, Остр. и Перв. видѣста, Л. II. 30, Остр. видѣстѣ, Перв. какъ въ Новой), изліастѣ (Очи: Плачъ Іерем. I. 16, Остр. изліастѣ, Перв. изліастѣ), оустнѣ движастѣсѣ (1 Цств. I. 13, Остр. движастѣсѣ, Перв. какъ Новой), держастѣсѣ (Лук. XXIV. 16, Остр. дрѣжастѣсѣ, Перв. дерѣжастѣсѣ), ѡверзѣстѣсѣ (ibid. 31, Остр. ѡврѣзѣстѣсѣ, Перв. ѡверзѣстѣсѣ; Іоан. IX. 10, Остр. ѡврѣзѣстѣ, Перв. ѡверзѣстѣ), ѡслѣпѣстѣ Очи (Іов. XVII. 7, Остр. и Перв. ѡслѣпѣстѣ) и т. д. Изрѣдка встрѣчаемъ окончаніе -та: притѣпѣстѣсѣ Очи (3 Цств. XIV. 4, Остр. ѡмрачѣстѣсѣ, Перв. ѡмрачѣстѣсѣ), истѣстѣ Очи (Іов. XVII. 5, Остр. и Перв. такъ же), ѡверзѣстѣсѣ (Матѣ. IX. 30, Остр. ѡверзѣстѣсѣ, Перв. какъ въ Новой), видѣста (Второз. XI. 7, Остр. и Перв. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -та для средняго рода преобладаетъ въ Острожской и Первопечатной библіяхъ, хотя и въ нихъ изрѣдка встрѣчается новѣйшая форма съ -тѣ. Тамъ, гдѣ въ Новой библіи удержалось -та, Острожская и Первопечатная имѣютъ также -та. Исконное окончаніе -тѣ встрѣчается въ Острожской и Первопечатной, но рѣдко; на его мѣстѣ находимъ въ Новой библіи всегда -тѣ, никогда -та, что указываетъ на происхожденіе окончанія -тѣ изъ -тѣ.

Очень часты замѣны формами множественнаго числа: ѡвѣщаша же ѡмѣ родѣстѣсѣ ѣгѣ и рѣша (Іоан. IX. 20, Остр. и Перв. ѡвѣщаста, рѣста), ѡба сіѣ прорѣка мѣчиша (Апок. XI. 10, Остр. и Перв. мѣчѣста); Манѣ же ѡ женѣ ѣгѣ зрѣхѣ (Суд. XIII. 19, Остр. и Перв. глѣдѣста), рѣцѣ же... бѣша (Исх. XVII. 12, Остр. бѣша, Перв. бѣша), воздѣгѣша, плакашасѣ (двѣ снохи Руѣ: Руѣ I. 9, Остр. и Перв. также множ. число), рекѣша (тамъ же, 10, Остр. и Перв. рекѣста), плакаша тамъ же, 14; Остр. плакаста, Перв. плакаста), плакашасѣ ѡба (Тов. XI.

8, Остр. и Первон. начѣста плѣкати), поидѣша (Рафанъ и Товій. Тов. XI. 3, Остр. и Первон. идѣста).

Въ Острожской и Первопечатной преобладаетъ двойственное число; случаи замѣны встрѣчаются и здѣсь, но очень рѣдко.

§ 22. Образование малольныхъ формъ.

Въ отношеніи тематическомъ церковнославянскій глаголъ не уклоняется замѣтно отъ старославянскаго и представляетъ такіе же классы спряженія.

Въ образованіи отдѣльныхъ временъ замѣчаются уклоненія, вызванныя частью фонетическими причинами, частью процессомъ морфологической ассимиляціи.

Уклоненія эти однако не особенно значительны и имѣются далеко не у всѣхъ глагольныхъ формъ.

Настоящее время. Изъявительное наклоненіе не отличается особенно отъ старославянской нормы, за исключеніемъ вышеуказанныхъ особенностей въ окончаніяхъ. Въ отношеніи тематическаго образованія оно сохранило всѣ характерныя черты старославянскаго. Замѣчаются, впрочемъ, нѣкоторые немногочисленные уклоненія, вызванныя частью процессами морфологическаго уподобленія, частью вліяніемъ русскаго языка.

1) Формы, вызванныя морфологической ассимиляціей: снабдѹ 1 л. ед. ч. (Іезек. XXXIV. 16, Остр. снабжѹ, ср. также Числ. XXIII. 12, снабжѹ, Первон. снабжѹ. Въ списокъ XVI в. сзнабѹжоу, см. Востоковъ словарь цсл. языка), вмѣсто *снабждѹ или по крайней мѣрѣ *снабжѹ; ѡдождѹ (Исх. XVI. 4, Остр. ѡдождѹ, Перв. уже ѡдождѹ, Іезек. XXXVIII. 22, Остр. ѡдождѹ, Перв. ѡдождѹ), надождѹ (Ам. IV. 7, Остр. надождѹ, Первон. какъ въ Новой). Здѣсь, кромѣ формъ въ родѣ разширѹ (Исх. XXIII. 18), ѡспражнѹ (Іез. XXX. 13) и т. п., вліяли также формы другихъ лицъ, какъ снабдѣтъ, надождѣтъ и т. д. Возможно, впрочемъ, что -ждѹ въ приведенныхъ формахъ есть попытка изобразить палатальность сочетанія звуковъ ж'з' (см. выше, стр. 153). У М. Смотрицкаго; кромѣ дождѹ, имѣется цѣлый рядъ подобныхъ новообразованій, не встрѣчающихся, впрочемъ, въ текстѣ Библии: гнѣздѹ, бѣдѹ, даже бегѹ. Рядомъ съ формами скорбѹ,

терплю, онъ приводитъ также вызванныя морфологической ассимиляціей къ прочимъ лицамъ формы мертвю, гремю (л. 169). Ни одна изъ этихъ формъ въ текстѣ Библии не встрѣчается, за исключеніемъ дождо.

2) Формы, вызванныя вліяніемъ русскаго языка (съ ж вмѣсто жд и ч вмѣсто шт): сѣжѣ (Пер. XL. 10, Остр. сѣжѣ), пощажѣ (Пер. XXI. 7, Остр. другой текстъ), оутвержѣ (Лев. XVII. 10, Остр. другой текстъ), ѡзверчѣ (1 Цств. XI. 2, Остр. и Перв. такъ же), вижѣ (Іоан. XX. 25, Остр. и Перв. такъ же), возбѣжѣ (Іоан. XI. 11, Остр. и Перв. возбѣжаѣ) и т. д. У М. Смотрицкаго находимъ подобныя же формы вижю, молочю, рожю, хожю (л. 230). У глаголовъ нетематическихъ обращаетъ на себя вниманіе загадочная форма вѣдѣ, встрѣчающаяся въ Острожской и Первопечатной, но въ Новой замѣненная обычнымъ вѣмъ (Второз. XXXI. 27. 29) и представляющая собой весьма вѣроятно первое лицо ед. числа средн. залога (*medium*), какъ лат. *vidi*, скр. *tutudé* (ср. Brugmann. Grundriss der vergl. Gramm. Bd. II. 1892, стр. 1262, § 894, а также Н. Hirt. Indogerm. Forschungen II. Bd. 1893, стр. 358).

Повелительное наклоненіе. Единственное число, второе лицо: рядомъ съ первичными формами въ родѣ возмѣ, ѡди, востѣни (Матѣ. IX. 6, Остр. възтѣни, възмѣ, ѡди, Перв. какъ въ Новой), ѡзыди (Мр. V. 8, Остр. ѡзыди, Перв. какъ въ Новой), тѣцы, рцы (Зах. II. 4, Остр. тѣци, гѣи, Перв. тѣцы, гѣи), привлѣцы (Пс. XXVII. 3, Остр. привлѣцы, Перв. какъ въ Новой), вѣрзи (М. XV. 9, Остр. вѣрзи, Перв. вѣрзи), лѣзи (2 Цств. XIII. 5, Остр. и Перв. такъ же), встрѣчаются и вторичныя, вызванныя морфологической ассимиляціей: вѣржи (Іезек. XXIII. 47, Остр. разбѣи), повѣржи (Исх. VII. 9, Остр. и Перв. повѣрзи), ѡвѣржи (Пс. L. 13, Остр. ѡвѣрзи, Перв. какъ въ Новой), вмѣсто которыхъ въ Острожской библии находимъ еще древнюю форму. Въ этихъ формахъ сказалось вліяніе такихъ, свойственныхъ уже старославянскому, формъ, какъ: вѣжи (Быт. XXVII. 43, Остр. и Перв. такъ же, Матѣ. II. 13, Остр. вѣжи, Перв. какъ въ Новой, Числ. XXIV. 11, Остр. и Перв.

такъ же), солжи (4 Цств. IV. 16, Остр. солжи, Первop. какъ въ Новой), воздѣжи (I. Сир. XIII. 2, Остр. въздѣжи, Перв. какъ въ Новой) и т. д., а также и формъ изъявительнаго наклоненія настоящаго времени. Глаголь хошѣ имѣеть 2 л. пов. хошѣ (3 Езд. VIII. 27, Остр. и Первop. хошѣши), восхошѣ (I. Сир. VI. 35, Остр. възхошѣ, Первop. какъ въ Новой, *ibid.* VII. 13, Остр. възхотѣ, подѣ влїяніемъ темъ неопредѣленнаго наклоненія, какъ въ русскомъ *хотѣ*, Первop. какъ въ Новой, 3 Цств. XX. 8, Остр. восхошѣ, Первop. какъ въ Новой), какъ уже въ старославянскомъ (см. Miklosich. *Altslovenische Formenlehre in Paradigmen* W. 1874, стр. 47). Глаголы нетематическіе сохраняютъ старославянскія формы: ѣждѣ (Суд. XIII. 4. 7), повѣждѣ (2 Цств. XVIII. 21), дѣждѣ (I. Нав. XV. 19) и т. д. Въ смыслѣ повелительнаго употреблено 2 л. ед. изъявит. въ Пс. Iерем. (III. 64. 65): въздѣси ѣмъ, Гдѣ, въздѣніе, по дѣлѣмъ рѣкѣ ихъ. Воздѣси ѣмъ застѣплѣніе и т. д. (Остр. ѡдѣси и ѡдѣси, Первop. ѡдѣси).

Двойственное число. Формы перваго лица не встрѣчается; вмѣсто нея встрѣчаемъ соотвѣтственную форму изъявительнаго наклоненія: да сѣдѣва (Мр. X. 37, Остр. и Первop. сѣдѣвѣ). Старославянская форма была бы сѣдѣвъ. Окончаніе -ѣ въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ уступило мѣсто окончанію -ва (см. выше стр. 321), а на мѣстѣ -ѣ- находимъ -е-, что указываетъ на одинаковое съ общерусскимъ (и вызванное влїяніемъ этого послѣдняго) употребленіе формъ изъявительнаго наклоненія (съ значеніемъ будущаго вр.), вмѣсто повелительнаго. То же имѣеть мѣсто въ первомъ лицѣ множественнаго (см. ниже стр. 328). Второе лицо встрѣчается довольно часто и въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ новообразование по типу глаголовъ нетематическихъ и глаголовъ, образующихъ основу настоящаго времени съ суффиксомъ -і-, какъ вѣдита (Іоан. I. 39, Остр. вѣдѣта, по типу такихъ, какъ стсл. нѣдѣта, Первop. какъ въ Новой), стсл. вѣдита, трѣпѣта, хвалѣта, дѣдѣта, вѣдѣта, вѣдѣта и т. д.: градѣта (М. IV. 19, Остр. градѣта, Первop. какъ въ Новой), блюдѣта (Матѣ. IX. 30, Остр. блюдѣта, Первop. какъ въ Новой), ѣдѣта (Мр.

XI. 2, Остр. ѣдѣта, Первоп. какъ въ Новой), прїидѣта (Іоан. I. 39, Остр. прїидѣта, Первоп. какъ въ Новой), приведеѣта (Лук. XIX. 30, Остр. приведеѣта, Первоп. какъ въ Новой; Мр. XI. 2, Остр. приведеѣта, Первоп. какъ въ Новой), рцѣта (Лук. XIX. 31, Остр. рцѣта, Перв. рцѣта, Мр. XI. 3, Остр. рцѣта, Перв. какъ въ Новой).

Какъ видно изъ цитатъ, Новая библія представляетъ только -и-та, въ Острожской вездѣ находимъ еще -ѣ-та, Первопечатная, за единственнымъ исключеніемъ, имѣетъ, какъ и Новая, -и-та. Старинная форма съ -ѣ-та встрѣчается въ Новой библіи очень рѣдко: ѣдѣта (Лук. XXII. 10, Остр. ѣдѣта, Первоп. ѣдѣта), рцѣта (ibid. 11, Остр. рцѣта, Первоп. какъ въ Новой). Вмѣсто двойственного находимъ часто множеств. число: бѣйтеся (Матѣ. XVII. 7, Остр. вонтеся), востанѣте (ibid. Остр. встанѣте, Перв. какъ въ Новой), ѣдите (Мр. XVI. 7, Остр. ѣдѣте, Перв. какъ въ Новой, Лук. XIX. 30, Остр. ѣдѣте, Перв. какъ въ Новой), рцѣте (тамъ же, Остр. рцѣте, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Замѣна эта имѣется уже въ Острожской и Первоп. библіяхъ. Третье лицо встрѣчается весьма рѣдко: нѣщѣ и оубѣгѣ 'восхвалѣта ѣма твоѣ (Пс. LXXIII. 21, Остр. възхвалѣта), Очи мои да видѣта правотѣ (Пс. XVI. 2, Остр. видѣта по образцу стел. несѣта, берѣта, Первоп. видѣта), оустѣи мои похвалѣтъ тѣ (Пс. LXII. 4, Остр. съ древнимъ окончаніемъ похвалѣта, Перв. какъ въ Новой): стел. видѣта, хвалѣта.

Множественное число. Формы перваго лица на -имъ отъ глаголовъ нетематическихъ и образующихъ основу настоящаго при помощи суффиксовъ -и-, -іо- или -іе-, какъ оубѣгѣимъ (Прем. С. II. 8, Остр. вѣнчаѣ, Первоп. вѣнчаѣмъ=изъявит. наклон.), насладѣмъ, оупотребѣмъ (тамъ же, 6, Остр. поживѣ, оубѣжимъ, Первоп. поживѣмъ, оубѣжимъ), сотворѣмъ, пошадѣмъ, оустыдѣмъ (тамъ же 10, Остр. сѣтворѣ, пошадѣмъ), ѣстажимъ (Ис. I. 18, Остр. сѣвопрашаѣ, Первоп. сѣвопрашаѣмъ), поѣмъ (Исх. XV. 1, Остр. и Первоп. такъ же), възопѣмъ (1 Макк. IV. 10, Остр. възопѣ, Первоп. възопѣмъ), дадѣмъ (1 Макк. XV. 35, Остр. дадѣмъ, Первоп. какъ въ Новой), сѣадѣмъ (4 Цств. VI. 28.

29, Остр. ѿѿдѣмъ, зѿдѣмъ, ѿзѿдѣмъ, Перв. ѿдѣмъ, ѿзѿдѣмъ) и т. д. вызвали новообразования: начинѣмъ (2 Макк. II. 33, Остр. и Первоп. начинѣмъ), пондѣмъ (Ис. XXX. 21, Остр. ѿдѣмъ, Первоп. ѿдемъ), нападѣмъ (Пер. XX. 10, Остр. друг. текстъ: погонѣ), востѣнимъ (Пер. XLVI. 16, Остр. ед. ч. вѣстѣни), соверѣмъ (Езек. XXXIII. 30, Остр. свѣрѣмъ, Перв. соверѣмъ) и т. д. Исконныя формы 1 л. множ. на -ѣмъ почти не встрѣчаются, кромѣ: предѣмъ (Тов. XI. 2, Остр. другой текстъ: да прѣдемъ на прѣ), а также рѣмъ (2 Ездры III. 5, Остр. глаголемъ). Въ настоящемъ случаѣ ц указываетъ на исконный повелительный, хотя вмѣсто ѣ находимъ е подъ вліяніемъ весьма частныхъ случаевъ замѣны повелительнаго формами изъявительнаго наклоненія, какъ напр.: идѣмъ, двѣгнемъ (3 Езд. IV. 14, Остр. также идѣмъ, двѣгнемъ, но 15. пондѣмъ, двѣгнемъ, Первоп. пойдѣмъ, двѣгнемъ, Нов. пойдѣмъ, двѣгнемъ), внидѣмъ (Пс. CXXXI. 7, Остр. и Первоп. также), пожрѣмъ, вѣзмѣмъ, прѣймѣмъ (Притчи C. I. 12—13, Остр. пожрѣмъ, вѣзмѣмъ, прѣймѣмъ, Перв. какъ въ Новой), взыдѣмъ (Ис. II. 3, Остр. взындѣмъ, Первоп. взыдѣмъ, Перем. VI. 5, Остр. взындѣмъ, Первоп. взыдѣмъ, 1 Макк. IV. 36, Остр. взындѣмъ, Первоп. взыдѣмъ), пойдѣмъ (Перем. VI. 16, Остр. ходѣмъ, Первоп. ходѣмъ; Зах. VIII. 23, Остр. ѿдѣ, Первоп. ѿдемъ; 1 Макк. V. 57, Остр. ѿдемъ, Первоп. ѿдемъ), свѣжемъ (Ис. III. 10, Остр. свѣжѣ), изсѣчѣмъ, посѣчѣмъ, созѣждемъ (Ис. IX. 10, Остр. оусѣчѣмъ, посѣчѣмъ, свѣградѣмъ, Перв. такъ же и соградѣмъ), созѣждемъ (Быт. XI. 4, Остр. созѣжде), сѣдемъ, внидѣмъ (Перем. XLII. 13. 14, Остр. сѣдемъ, внидѣмъ), растѣргнемъ || растѣргнимъ, ѿвѣржемъ || ѿвѣржимъ (Пс. II. 3, Остр. растѣргнемъ, ѿвѣржемъ, Первоп. растѣргнемъ, ѿвѣржемъ) и т. д. Замѣна эта, какъ видно, имѣется уже въ Острожской библии.

Второе лицо множественнаго числа, рядомъ съ первичными формами на -ите глаголовъ нетематическихъ и образующихъ основу настоящаго времени съ суффиксомъ -і-, какъ напримѣръ: дадите (Быт. XXIII. 4, Остр. такъ же), ѿдадите (Исх. XXIII. 15, Остр. ѿдадите, Лев. X. 12. 13. 14, Остр. ѿдадите), повѣдите (Дан. II. 9, Остр. повѣдите, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. сотворите

(Исх. XXIII. 14, Остр. снабдите), оукрасите (Исх. III. 22, Остр. такъ же), слышите, вышните (Ос. V. 1, Остр. слышите, вышните) и т. д., представляетъ обиліе новообразованій, вытѣснившихъ совершенно исконныя формы на -ѣте: рцыте (Лев. XI. 2, Остр. глните, Быт. XXIII. 8, Остр. поглните), пощцыте (Исх. XXXIV. 13, Остр. изъявит. да пощчѣте), оущцыте, въздите, принесите, созидите (Агг. I. 8, Остр. оущчѣте, възындѣте, принесѣте, сзидаете, Первоп. оущцыте, въздите, принесите, созидаете), востаните (Тов. VI. 18, Остр. другой текстъ), совершитеса (Быт. XLIX. 2, Остр. съберитеса), вдите (Суд. IX. 19, Остр. и Перв. вдете), впрзните (1 Цств. VI. 7, Остр. взирзните), возмите (ibid. Остр. возмѣте, Первоп. какъ въ Новой), станите (1 Цств. X. 19, Остр. и Первоп. такъ же), идите, пощните (1 Цств. IX. 3. Остр. идѣта, пощѣте, Первоп. идита, пощита), поимите, ведите (3 Цств. I. 33, Остр. поимѣте, ведѣте, Перв. поимите, ведите), пожрите (Лев. XIX. 5, Остр. положите), послите (Числ. XXXI. 4, Остр. послите), ѡтослите (Быт. XLV. 1, Остр. другой текстъ ѡстѡпните), сдите (Р. IV. 2, Остр. и Первоп. сдѣте), въздѣжите (Пс. 133. 2, Остр. въздѣжите, Первоп. въздѣжите), повѣрзните (Быт. XXXV. 2, Остр. поврзѣте, Первоп. какъ въ Новой), придите (3 Ездры IV. 14, Остр. придѣте, Первоп. какъ въ Новой), вдите, возмите, принесите (Числ. XVI. 16. 17, Остр. вдете, възмѣте, принесите, Первоп. вдете, возмите, принесите) прикоснитеса (ibid. 26, Остр. прикоснетеса, Перв. какъ въ Новой), придите, въздите, помозите (I. Нав. X. 4, Остр. възындѣте, помозѣте, Первоп. възыдите, помозите), ѡверзните, изведите (I. Нав. X. 22. Остр. ѡврзните, изведите, Перв. какъ въ Новой), донесите, поимите (Быт. XLIII. 11. 13, Остр. донесите, но поимѣте, Первоп. какъ въ Новой), имите (II. II. II. 15, Остр. имѣте, Первоп. изъявит. имете), плачите (2 Цств. I. 24, Остр. такъ же), ѡтрасите, разсыплите (Дан. IV. 11, Остр. пощчѣте, расыплете, Перв. пощцыте, разсыплите) и т. д. Исконныя формы съ -ѣте не встрѣчаются совсѣмъ въ Новой библии, вмѣсто нихъ находимъ позднѣйшія новообразованія, какъ въ русскомъ. Въ Первопечатной онѣ встрѣчаются, но очень рѣдко (одинъ

случай изъ всѣхъ вышеприведенныхъ). Новообразования съ -ите встрѣчаются довольно часто уже въ Острожской библии; нерѣдки также здѣсь и въ Первопечатной замѣны повелит. наклоненія изъявительнымъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ въ Новой уже имѣемъ новообразование съ -ите (Новая бѣдите, Остр. бѣдете) и т. д. Подъ вліяніемъ перваго лица ед. числа повѣжда, оувѣжда и тѣхъ отношеній, какъ стѣни—стѣните, берѣи—берѣите и т. д., возникаетъ вторичная форма втораго лица множ. оувѣждайте (1 Цств. XIV. 38, Остр. и Первоп. изъявит. вмѣсто повелит. оувѣсте), рядомъ съ исконными формами оувѣдите (Числ. XVI. 30, Остр. да оувѣсте), повѣдите (Дан. II. 9, Остр. повѣдите) и т. д. Возстановленіе первичнаго заднеязычнаго согласнаго подъ вліяніемъ родственныхъ формъ представляетъ форма стрѣгите (Ис. XXI. 11, Остр. снабдите). Глаголь хоуѣ имѣетъ во второмъ лицѣ множ. ч. хоуѣите (Перем. XIII. 15. Только въ Острожской и Первопечатной, въ Новой другой текстъ). Третье лицо множ. числа не встрѣчается. Вмѣсто него имѣемъ всегда изъявительное наклоненіе съ частицей да. Также не встрѣчаются формы типа стѣл. бнимакъ, бнимакъ, бните, имѣвшіяся въ старослав. Вмѣсто нихъ находимъ болѣе новыя формы, какъ бѣите (Числ. XXV. 17, Остр. бѣите, Перв. какъ въ Новой), ѣбѣите (ibid. 5, Остр. какъ въ Новой, Перв. ѣбѣите) и т. д. Формальное тожество изъявительнаго и повелительнаго у извѣстныхъ основъ, повидному, послужило источникомъ дифференціаціи ихъ по ударенію. Такъ 2 Парал. XIX. 6. 7 читаемъ: вѣдите, что вы творите, не человѣческой во вы сѣдз творите... ѣ нынѣ да бѣдетъ страхъ Гдѣ на васъ, ѣ храните, ѣ творите, ѣкв нѣсть... неправды и т. д. (Остр. творите, сѣтворите || повел. творите); сѣдите повел. (Зах. IX. 12, Остр. и Первоп. сѣдете), но сѣдите изъяв. (Суд. XVIII. 8, Остр. другой текстъ), изъявит. да въ заповѣдехъ моѣхъ ходите, ѣ сѣды моѣ ѡхраните, ѣ сотворите ѣ (Лезек. XXXVI. 27, Остр. ходите..., снабдите..., сѣтворите..., Первоп. ходите... снабдите... сотворите), но сотворите повелит. (Исх. XXIII. 14. 15. Остр. сѣтворите, снабдите, Первоп. сотворите, снабдите), новел. ѣдите (Исх. XXIII. 15, Остр. и Первоп. такъ же), но изъявит. ѣдите (Лезек. XXXIV. 3, Остр. ѣдите)

и т. д. Удареніе на самомъ личномъ окончаніи свойственно только формамъ изъявительнаго наклоненія, а въ повелительномъ оно является большею частью на послѣднемъ гласномъ основы: изъяв. творитѣ || повел. творитѣ. Въ томъ случаѣ, если удареніе находится на корнѣ, дифференціаціи между повелит. и изъявительн. не наблюдается: изъяв. видѣте || повел. сѣдите. Подобной дифференцировки помощью ударенія мы также не находимъ часто и въ тѣхъ случаяхъ, когда изъявительное наклоненіе отличается уже отъ повелительнаго: по́слете изъяв. (1 Цств. VI. 3, Остр. и Первоп. такъ же) и послѣте повелит. (Числ. XXXI. 4, Остр. послите, Перв. какъ въ Новой), хотя это и не проведено строго: испіѣте изъявит. (Езек. XXXIX. 18, 19) и пійте повелит. (ibid. 17. Остр. ѿспіѣте и піѣте, Первоп. ѿспіѣте и піѣте), приведѣте изъявит. (Мал. I. 8, Остр. приведѣте, Первоп. какъ въ Новой) и повелит. ведѣте (3 Цств. I. 33), ѿведѣте (I. Нав. X. 22) и т. д. Случаи такой акцентуаціи 2-го лица множ. ч. изъявительнаго наклоненія очень часты: ѿ да не ѿсквернитѣсѧ (Лев. XVIII. 30, Остр. ѡсквернитѣсѧ, Первоп. ѿсквернитѣсѧ), такъ да не сотворитѣ (ibid. Остр. сѣтворитѣ, Первоп. сотворитѣ), да не сотворитѣ (ibid. XXIII. 3, Остр. и Первоп. творитѣ), да раздѣлитѣ (Лев. XXV. 46, Остр. и Первоп. раздѣлитѣ), ѿще... сохраниѣте ѿ сотворитѣ (ibid. XXVI. 3, Остр. снабдитѣ, сѣтворитѣ, Перв. снабдитѣ, сотворитѣ), вселитѣсѧ (ibid. 5, Остр. вселитѣсѧ, Перв. какъ въ Новой), ѿще же не послушаѣте... ниже сотворитѣ (ibid. 14, Остр. послушаѣте... сѣтворитѣ, Первоп. какъ въ Новой), ни покоритѣсѧ (ibid. 15, Остр. другой текстъ), ѿгда же согрѣшитѣ, ѿ не сотворитѣ (Числ. XV. 22, Остр. сѣгрѣшитѣ, сѣтворитѣ, Перв. какъ въ Новой), да не сотворитѣ (ibid. XXIX. 7. 12, Остр. сѣтворитѣ и сѣтворите, Первоп. сѣтворитѣ), ѿ да не ѿсквернитѣ земли, на нѣйже живѣте (ibid. XXXV. 34, Остр. ѡсквернитѣ, живѣте, Первоп. какъ въ Новой), словеса, ѿже сотворитѣ (Второз. I. 18, Остр. сѣтворитѣ, Первоп. сотворитѣ), да поживѣте (ibid. IV. I, Остр. поживѣте, Первоп. какъ въ Новой), да не приложитѣ (ibid. 2, Остр. и Первоп. приложитѣ), потребитѣсѧ (ibid. 26, Остр. потребитѣсѧ, Первоп. какъ въ Новой), да вѣнитѣсѧ

(ibid. VI. 2, Остр. да смъ бѡите, Первоп. да смъ бѡйте), дѡндеже ѡскоренитѣ (ibid. VII. 23, Остр. 2 л. ед.), ѡкѡ сотворитѣ (ibid. XXXI. 29, Остр. сотвористѣ), оѡклонитѣсмъ (ibid. Остр. и Перв. склѡнитѣсмъ), ѡще оѡбъ не возвѣститѣ (Дан. II. 5. 9, Остр. не совѣститѣ, Перв. не совѣститѣ), ѡще же возвѣститѣ (ibid. 6, Остр. совѣститѣ, Перв. совѣститѣ), ѡще ѡстѣйлѡ пѣтѣ, не вы ли ѡстѣи пѣтѣ (Зах. VII. 6, Остр. ѡстѣ, пѣтѣ, Перв. какъ въ Нов.), ѡще... повелитѣ... ѡ поѡчитѣ (3 Езд. XIV. 34, Остр. повелитѣ, поѡѡчитѣ, Перв. какъ въ Новой), ѡще приведетѣ (Мал. I. 8, Остр. приведетѣ, Перв. какъ въ Новой), да... воцаритѣсмъ, да поживетѣ (Притчи С. IX. 6, Остр. възцѣритѣсмъ, поживетѣ, Первоп. воцѣритѣсмъ, поживетѣ) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, случаи такой акцентуаціи начинаютъ встрѣчаться уже въ Острожской библии, Первопечатная представляетъ ихъ еще чаще, но особенно часты они въ Новой.

Источникомъ ея надо считать русскія діалектическія формы съ подобнымъ удареніемъ, какъ *ходитѣ*, *носятѣ* и т. д., малор. *несетѣ*, *плететѣ*, *юритѣ* и т. д., особенно послѣднія.

Дифференціація тождественныхъ формъ второго лица множ. ч. изъявительнаго и повелительнаго наклоненія при помощи ударенія, имѣющаяся въ малорусскомъ, вполне напоминаетъ только что разсмотрѣнную церковнославянскую, для которой она и послужила, очевидно, главнымъ источникомъ: хвалитѣ изъяв. || хвалѣте повел., горитѣ изъяв. || горѣте повелит.; ср. также параллели—плететѣ || плетѣте, несетѣ || несѣте, гребетѣ || гребѣте, печетѣ || печѣте, мретѣ || мрѣте, бьетѣ || бѣйте, беретѣ || берѣте и проч. Весьма вѣроятно, что эти разницы акцентуаціи вызвали и церковнославянскія параллели въ родѣ творитѣ изъяв. || творѣте повелит. Акцентуація второго лица множ. ч. изъявительнаго на окончаніи -те представляетъ собой вполне вѣроятную праславянскую еще особенность (ср. Н. Hirt. Zu den slavischen Auslautsgesetzen. Indogerm. Forschungen. Bd. II. 1892, стр. 347, а также Брандта. Начертаніе славянской акцентологіи. 1880, стр. 92. Прим. 2).

Рѣдкое третье лицо множественнаго числа повелительн. стсл. бѣждѣ, вмѣсто котораго мы ожидали бы въ церковнославянскомъ *бѣдѣ, замѣняется соотвѣтствующей формой изъявит. съ частицей

да: да вѣдѣтъ чресла́ ва́ша и т. д. (Лук. XII. 35, Остр. и Первоп. такъ же, Зограф. Ассеман. Савина Кн.: вѣдж урѣсла ва́ша и т. д.).

У Мел. Смотрицкаго въ двойств. и множеств. числахъ повелит. находимъ обыкновенно формы изъявительнаго наклоненія: чтѣ ты, да чтѣтъ ѿнз, муж. и ср. чтѣма, чтѣта, да чтѣта; женск. чтѣмѣ, чтѣтѣ, да чтѣтѣ; чтѣмз, чтѣте, да чтоутъ (л. 192 на об.—193); то же самое въ такъ называемомъ „будущемъ повелительномъ“: прочѣ, да прочтѣтъ и т. д. (л. 193). Ничѣмъ почти не разнится отъ этихъ формъ его „молительное наклоненіе“: чтѣ ты, чтѣ ѿнз; дв. м. и ср. чтѣма, чтѣта, чтѣта; ж. р. чтѣмѣ, чтѣтѣ, чтѣтѣ; чтѣмз, чтѣте, да чтоутъ (л. 193 на об.). „Будущее молительное“ отличается только прибавленіемъ префикса про и еще 2 л. мн. прочѣте. У глаголовъ нетематическихъ, какъ стсл. вѣмъ, находимъ у М. Смотрицкаго частью формы дв. и множ. ч., образованныя подъ вліяніемъ второго лица ед. ч., частью новообразованія по типу глаголовъ тематическихъ: вѣждь ты, да вѣсть ѿнз; дв. м. и ср. вѣждьма, вѣждьта, да вѣдѣта, ж. вѣждьмѣ, вѣждьтѣ, да вѣдѣтѣ; мн. вѣждьмы, вѣдѣмз, вѣдѣте, да вѣдѣтъ (л. 239 на об.). Почти то же находимъ и въ его „молительномъ наклоненіи“ нетематическихъ глаголовъ: вѣждь ты, вѣждь ѿнз; м. и ср. дв. вѣждьма, вѣждьта, вѣждьта; ж. вѣждьмѣ, вѣждьтѣ, вѣждьтѣ; мн. вѣждьмы или вѣдѣмз, вѣдѣтѣ, да вѣдѣтъ (л. 139 на обор.). Иначе представляется повелительное глагола вѣмъ, гдѣ мы находимъ смѣсь исконныхъ формъ и новообразованій: вѣждь ты, да вѣсть ѿнз; дв. муж. и ср. вѣдѣма, вѣдѣта, да вѣдѣта; ж. вѣдѣмѣ, вѣдѣтѣ, да вѣдѣтѣ; мн. вѣждьмы или вѣдѣмз, вѣдѣте, да вѣдѣтъ (л. 244); „будущее повелительное“ въ свою очередь представляетъ нѣкоторыя особенности: снѣждь ты, да снѣсть ѿнз; дв. м. и ср. снѣждьма, ждѣта, да, дѣта; ж. снѣждьмѣ, ждѣтѣ, да, снѣдѣтѣ, мн. снѣждьмы или снѣдѣмз, дѣте, да снѣдѣтъ (ibid.). По типу тематическихъ глаголовъ образованы формы 2 л. ед. дадѣ, видѣ, вѣдѣ, которыя, однако, самъ авторъ называетъ менѣе употребительными (л. 200). Огромное большинство приведенныхъ здѣсь формъ въ текстѣ Библіи совсѣмъ не встрѣчается и должно быть приписано

педантичному творчеству самого автора. Дифференціація по ударенію сходныхъ формъ изъявит. и повелит. накл. (особенно 2 л. мн. ч.), подобной вышеуказанной, у М. Смотрицкаго (Московское изданіе) не имѣется: изъяв. 2 мн. чтѣте (л. 190 на обор., изд. Евю чтѣтѣ) и повелит. чтѣте (л. 193), изъяв. 2 множ. творите (л. 215 на обор.), буд. сотворите (л. 216) и повел. творите, сотворите (л. 216 на об. и 217, изд. Евю твѣрите, сотвѣрите), одинаково сотворитесь (л. 223 на об. сторонахъ) и т. д. Исключеніе представляютъ формы 2 л. мн. „буд.“ прочтѣте (л. 192) и „буд. повел.“: прочтѣте (л. 193), а также 2 л. мн. „наклоненія подчинительнаго“, вида совершеннаго: чтѣтесь (л. 207).

Евюнское изданіе представляетъ больше случаевъ такой дифференціаціи, Московское же, приуроченное до извѣстной степени къ московскому (великорусскому) нарѣчію, сохраняетъ ее, кажется, только по недосмотру въ рѣдкихъ случаяхъ. Это обстоятельство подтверждаетъ косвеннымъ образомъ высказанное выше предположеніе, что источникомъ помянутой дифференціаціи является подобная же малорусская. Другимъ подтвержденіемъ является акцентуація изъявительнаго и повелительнаго наклоненія, находящая у Лаврентія Зизанія. Здѣсь имѣется дифференціація, вполне напоминающая малорусскую и церковнославянскую: „изъявит. будущ.“ гавита, гавитѣ (л. 57 на об.), но „повелит. будущ.“ дѣ гавита, гавите (л. 58); спасита, спасите (л. 63), „настоящее изъявит.“ гласита, гласите (л. 68 на обор.) и изъявит. будущ. възгласита, сите (л. 69), но повелит. будущ. възгласита (л. 71), възгласите (л. 71 на об.), „молитвенное дѣлат. настоящ.“ дѣ гласита, гласите (л. 71 на об.), „молитв. будущ.“ дѣ възглашѣ... итѣ, кѣ гласите (л. 72), настоящ. изъявит. бѣста, бѣтѣ (л. 72 на об.) и т. д.

Причастіе настоящаго времени дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ сохраняетъ въ общемъ старославянскія черты тематическаго образованія, хотя у перваго замѣчается не мало новообразованій, а также и наклонность къ замѣнѣ формъ простыхъ формами сложными. Старинное краткое причастіе дѣйствительн. залога м. р. встрѣчается довольно рѣдко: м. р. ходѣ (2 Цств. VII. 6, Остр. прѣбывѣѣ), хотѣ (3 Цств. XIII. 1, Остр. такъ же),

молча (ibid. XXI. 7, Остр. молча, Первоп. какъ въ Новой), ища (2 Пар. XXVI. 15, Остр. другой текстъ), вида (1 Макк. IV. 35, Остр. другой текстъ), мща (Пс. XCVIII. 8, Остр. такъ же), пота, тша (Прем. I. Сир. XI. 11, Остр. пота, тша), сказа, разрша (Дан. V. 12, Остр. сказа, разрша), глагола (Быт. XLIV. 32, Остр. другой текстъ), стена (Быт. IV. 12. 14, Остр. такъ же), плача (Перем. Плачь I. 2, Остр. плача), поница, притвора (Пс. Сир. XIX. 24, Остр. поница, раслаша), пи (Дув. VII. 33—34, Остр. пи, Первоп. пи) и т. д.; въ значеніи средняго рода (рѣдко): ѡслпа (Зах. XI. 17, Остр. ѡслпа, Первоп. какъ въ Новой), просвща (I. Сир. XLII. 16, Остр. свта). Рядомъ гораздо чаще сложныя формы: спай (1 Ц. XXVI. 7, Остр. и Перв. сп), зиждай (3 Ц. IX. 1, Остр. и Перв. зижда, Пс. CXLVI. 2, Остр. зижай, Первоп. какъ въ Новой), помогай (1 Ездры X. 15, Остр. помогаша), приходай, разлмай (Неем. X. 28, Остр. разлмай, оукрплай, но проклинай), хотай (1 Макк. VII. 5, Остр. хотай), ѡболгай (2 Макк. III. 11, Остр. зноса, Перв. снос), вывай (ibid. IV. 5, Остр. вывай), созидай, ѡсновай (Зах. XII. 1, Остр. сзидай, Перв. созидай), мстай, потреблай (Наумъ I. 2, Остр. мстай, очищай, Перв. мстай, мстай, ѡчищай), запрещай, издшай, ѡпстошай (ibid. 4, Остр. запрещай, послшай, искажай, оумалай), присдай (Пов. XXXI. 9, Остр. присдай, Первоп. присдай), сдай (Быт. XLIX. 17, Остр. и Первоп. сдай; Второз. VI. 7, Остр. сдай, Перв. какъ въ Новой), видай (ibid. XIII. 1, Остр. видай, Первоп. видай), ѡсзай, помогай (ibid. XXVIII. 29, Остр. ѡсзай, но помагай, Перв. ѡсзай, но помагай), гонай (Суд. IV. 16, Остр. жены), сдай (ibid. XI. 27, Остр. друг. текстъ), имбай (Пов. VI. 5, Остр. имбай, Первоп. какъ въ Новой), боай (ib. VII. 2, Остр. боай), держай (I. Сир. IV. 14, Остр. држай), трждай (ib. XI. 11, Остр. трждай), возвщай (Дан. V. 12, Остр. свѣстай, Первоп. совѣстай), дбай (Быт. IV. 2, Остр. дбай, Первоп. дбай) и т. д. Никакихъ особнхъ отѣнковъ значенія съ той или другой формой, повидимому, не со-

едино, ср. совершенно тождественныя синтактическія построенія: вины ѿщѣтъ мѣжъ хотѣ ѿлѣчитисѣ ѿ дрѣвѣвъ (Притчи С. XVIII. 1, Остр. хотѣ) и лѣчше ѣсть оубѣгъ ходѣи въ простотѣ своѣй (ibid. XIX. 1, Остр. ходѣи) или велика вещь чловѣкъ, ѿ драгѣмъ мѣжъ творѣи мѣлостъ (ibid. XX. 6, Остр. творѣи) и т. д. Нерѣдки случаи безразличнаго употребленія рядомъ простыхъ и сложныхъ формъ: ѿ да бѣдетъ дѣнъ змѣи на пѣти, сѣдѣи на распѣти, оубрызѣмъ пѣтъ конскѣ (Быт. XLIX. 17, Остр. сѣдѣ... хѣплѣмъ, Первоп. сѣдѣ... хѣплѣмъ); ѣсть трѣждѣмѣсѣ ѿ потѣсѣ ѿ тѣсѣсѣ (Ис. Сир. XI. 11, Остр. трѣждѣмѣсѣ, потѣсѣ, тѣсѣсѣ); ѿ смѣслъ (ѿбрѣтѣсѣ) въ нѣмъ, сказѣмъ сны, ѿ возвѣщѣмъ сокровѣннаѣ, ѿ разрѣшѣмъ соѣзы (Дан. V. 12, Остр. сказѣмъ, свѣбѣсѣмъ, разрѣшѣмъ) и т. д. Тѣмъ не менѣе, кажется, можно видѣть у формъ сложныхъ нѣкоторый, болѣе независимый и субстантивный, такъ сказать, оттѣнокъ значенія, чѣмъ у формъ простыхъ. Этимъ оттѣнкомъ, вѣроятно, объясняется послѣдовательное употребленіе сложной формы въ такихъ случаяхъ, какъ; боѣмѣсѣ Гда сотворѣтъ сѣе, ѿ держѣмѣсѣ закона постигнетъ ю (Прем. I. Сир. XV. 1, Остр. боѣмѣсѣ, держѣи); любѣи ю (премудрость) любѣтъ жѣзнь... держѣмѣсѣ ѣмъ наслѣдитъ слѣвѣ... слѣшѣмъ ѣмъ, сѣдѣи ѿмѣтъ ѣзыки, ѿ внимѣмъ ѣи, вселѣтѣсѣ надѣвѣсѣмъ (ibid. IV. 13. 14. 15. 16, Остр. любѣи, дрѣждѣмѣсѣ, послѣшѣмъ, внимѣмъ) и т. д. Напротивъ, простыя формы имѣютъ болѣе зависимое, такъ сказать, вербальное, а иногда адverbіальное значеніе: бѣхъ ходѣ (2 Цств. VII. 6); Іероваѣмъ стоѣше... жрѣти хотѣ (3 Цств. XIII. 1); востѣни ѿ молчѣ бѣди (ibid. XXI. 7); оудивлѣнъ бѣстъ ѿщѣмъ помѣщи... (2 Пар. XXVI. 15); въ библіяхъ Острожской и Первопечатной (особенно въ первой) это различіе въ оттѣнкахъ проведено послѣдовательно, чѣмъ въ Новой, въ которой берутъ верхъ формы сложныя. Въ роли подлежащаго является обыкновенно сложная форма, а въ роли сказуемаго или другого какого-нибудь члена предложенія—формы простыя. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если въ Новой библіи имѣется уже сложная форма, мы находимъ простую форму въ Острожской или Первопечатной (въ послѣдней рѣже), тогда какъ сложное причастіе подлежащее

и въ Острожской уже является въ сложной формѣ: ѿ сѣ Габѣз спѣи снѣмѣ въ колесницѣ царствѣи, ѿ копѣе ѿгѣ водрѣжено въ зѣмлю (1 Ц. XXVI. 7, Остр. и Первop. спѣи); ѿ бысть ѿгѣ скончѣ Голомѣи зѣмѣи хрѣмѣ Гѣи (3 Ц. IX. 1, Остр. и Первop. зѣмѣи); ѿ не ѿкоже бѣ ѿболѣи нечѣстѣи Гѣи (2 Макк. III. 11, Остр. зносѣ, Первop. сносѣ); ѿ ѿще прѣсѣдѣи быхѣ при двѣрехѣ ѿи (Пов. XXXI. 9, Остр. прѣсѣдѣи, Первop. прѣсѣдѣи); встрѣчаются однако и противоположные случаи: ѿще же востѣнетѣ, прѣрокѣ, ѿи видѣи сѣи, ѿ дѣстѣ тѣбѣ зѣи (Второз. XIII. 1, Остр. видѣи, Первop. видѣи); драгѣи (вѣи) мѣжѣ творѣи мѣи (Притчи С. XX. 6, Остр. творѣи) и т. д. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ только зародышъ извѣстной дифференціи простыхъ и сложныхъ формъ причастія настоящаго дѣйств. м. р. въ отношеніи значенія и употребленія; зародышъ этотъ, имѣвшійся уже въ старославянскомъ (ср. Зогр. Ев. Лук. XI. 10: всѣмъ бо просѣи приемлѣтѣ, ѿи нѣи обрѣтѣтѣ) и т. п., однако, дальнѣйшему развитію не подвергся.

Необходимо замѣтить, что все сказанное здѣсь относится только къ причастію настоящ. дѣйств. м. р. на -ѣ (у глаголовъ, имѣющихъ въ основѣ настоящ. времени гласный -и- или суффиксы -ѣи-, -ѣи-); причастіе же м. р. на -ѣи- (отъ всѣхъ прочихъ глаголовъ) въ церковнославянскомъ совершенно утратило простую форму и является только въ сложной: ѿдѣи (2 Ц. V. 10, Остр. ѿдѣи), сѣи (1 Парал. II. 21, Остр. сѣи), ѿдѣи ѿ растѣи (ibid. XI. 9, Остр. ѿдѣи ѿ растѣи, Первop. какъ въ Новой), прѣсѣи (Зах. XII. 1, Остр. прѣи), пасѣи (Исх. III. 1, Остр. пасѣи), крадѣи (Второз. XXIV. 7, Остр. крадѣи, Первop. крадѣи), могѣи (I. Нав. XIV. 11, Остр. могѣи, Первop. какъ въ Новой), ѿдѣи ѿ ѿдѣи (Суд. XIV. 9, Остр. ѿдѣи, ѿдѣи), зѣи (1 Ц. III. 9, Остр. зѣи), ждѣи (Пов. VII. 2, Остр. ждѣи), свѣдѣи (ibid. 20, Остр. свѣдѣи, Первop. свѣдѣи), процвѣтѣи (ibid. XIV. 2, Остр. процвѣтѣи), клѣи (Исх. XIV. 4, Остр. клѣи), блѣи (Дан. IV. 1, Остр. блѣи цвѣи, Первop. какъ въ Новой), трѣи (Быт. IV. 12. 14, Остр. трѣи), ѿдѣи (Лук. VII. 33. 34, Остр. ѿдѣи, ѿдѣи, Первop. ѿдѣи, ѿдѣи).

Зогр. Е. ѣды), вѣдый (Лук. IX. 47, Остр. вѣды, Первоп. какъ въ Новой, Зогр. вѣды), ѿвергійсѧ (Лук. XII. 9, Остр. ѿвергійсѧ, Зогр. отъвергы) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, замѣна простой формы сложною имѣется уже въ Острожской библии; форма простая встрѣчается здѣсь весьма рѣдко; Первопечатная ближе въ этомъ отношеніи къ Новой, хотя и въ ней изрѣдка можно найти простую форму, въ Новой совершенно вытѣсненную сложной. Въ значеніи средняго рода форма эта встрѣчается очень рѣдко и тоже только въ сложномъ видѣ: ѡце бо тѣло твоє... не имый нѣкіѧ части тѣмны, бѣдетъ свѣтло (Лук. XI. 36, Остр. имы, Первоп. какъ въ Новой, Зогр. имы). Обыкновенно же, вмѣсто этой болѣе древней формы, мы находимъ для средняго рода сложную форму, образованную подъ вліяніемъ основы косвенныхъ падежей: лице ѣгѡ бѣ градище во Іерусалимѣ (Лук. IX. 53, Остр. грады, Перв. градый, Зогр. грады, Ев. Добрил. 1164 градын); свидѣтельство Гдѣне вѣрно, оумѣдрѡющее младѣнцы (Ис. XVІІІ. 8, Остр. оумѣдрѡѧ, Перв. какъ въ Новой); ѡблѣчѣе ѣгѡ высѡко, стоѡщее прѣѧ лицѣмъ твоимъ (Дан. II. 31, Остр. и Первоп. стоѡ) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, простая форма была еще въ Острожской библии, въ Первопечатной встрѣчается рѣже, а въ Новой совсѣмъ вытѣснена сложной формой. Рядомъ съ приведенными выше исконными простыми и сложными формами причастія настоящ. дѣйств. м. и ср. рода, являются и довольно многочисленныя (именно въ муж. р.) новообразования.

Такъ, въ церковнославянскомъ весьма часто простая форма причастія муж. р., тождественная съ исконнымъ винит. ед. муж. рода (простой формы): стоѡщъ (1 Цств. XXVІІІ. 20, Остр. и Первоп. стоѡ), піѡщъ (3 Ц. XX. 12, Остр. испивалъ), стрѡщъ (2 Макк. II. 13, Остр. строѡщи, Первоп. стрѡщи), хотѡщъ (ibid. III. 8, Остр. кончѡѧ, X. 24, Остр. друг. текстъ, V. 9, Остр. и Перв. хотѡѧ), вѣдѡщъ (ibid. VII. 28, Остр. друг. текстъ), возносѡщъ (ibid. 34, Остр. вѣзносѡѧ, Первоп. возносѡѧ), терпѡщъ (ibid. 39, Остр. друг. текстъ), имѣѡщъ (ibid. VІІІ. 3, Остр. друг. текстъ), вѣзимѡщъ (ibid. 6, Остр. вѣзимаѡщѣ, Перв. вѣзимѡщѣ),

дышѣщѣ (ibid. IX. 7, Остр. ѡгнѣдышѣщѣ, Первop. дышѣ), лѣжѣщѣ (ibid. 21, Остр. и Первop. лѣжѣ), ѡбходѣщѣ (ibid. 25, Остр. друг. текстъ), послѣдѣющѣ (ibid. 27, Остр. винит. родит. послѣдѣющѣ), имѣщѣ (ibid. X. 13, Остр. другой текстъ), радѣщѣ (ibid. XI. 15, Остр. радѣ, Первop. радѣ), бѣжѣщѣ (ibid. XII. 22, Остр. другой текстъ), взираѣщѣ (ibid. 45, Остр. зрѣи, Первop. зрѣи), даѣщѣ (ibid. XV. 15, Остр. прош. дѣвши, Первop. дѣвъ), содержѣщѣ (3 Макк. II. 3, Остр. сздѣжѣи, Первop. содержѣи), любѣщѣ (3 Макк. II. 9, Остр. и Первop. любѣ), оумножѣющѣ (ibid. 19, Остр. другой текстъ), лѣжѣщѣ (3 Ездры III. 1; Остр. лѣжѣхъ, X. 30. Остр. друг. текстъ), глаголющѣ (3 Ездры X. 29, Остр. и Первop. глѣущи въ значеніи муж. р., VI. 17, Остр. глѣущи, Первop. глѣущѣ) и глаголющѣ (ibid. IX. 30, Остр. глѣущѣ въ значеніи им. ед. м. р. Первop. глѣущи), мѣрѣщѣ (ibid. IX. 1, Остр. мѣрѣщи, Первop. мѣрѣщи въ значеніи им. ед. м. р.), исходѣщѣ (ibid. XII. 17, вин. ед.: Остр. исходѣщѣ, Первop. какъ въ Новой), раздѣлющѣ, имѣющѣ (Лев. XI. 3, Остр. дѣлѣ, копыта, Первop. дѣлѣ, копыта), бѣлѣущѣ, радѣщѣ (Лев. XIII. 19, Остр. бѣлѣущѣ, радѣщѣ, Первop. бѣлѣущѣ, радѣщѣ), цѣрѣствующѣ (Эсѣ. III. 13, Остр. цѣрѣствова), бѣжѣщѣ (Ис. Сир. XI. 10, Остр. и Первop. бѣжѣ), покарѣющѣ (Ис. III. 8, Остр. покарѣютѣ) и т. д. Форма эта, какъ видно изъ цитатъ, является главнымъ образомъ въ Новой библіи и здѣсь преимущественно въ тѣхъ частяхъ ея, которыя подверглись особенной переработкѣ для Елизаветинской редакціи, т. е. въ книгахъ Маккавеевъ, Ездры, Эсѣири и друг. (см. статью Чистовича объ исправленіи русскихъ богослужебныхъ книгъ. Православное Обозрѣніе 1860, № 5, стр. 42, 54). Въ Острожской и Первopечатной библіяхъ на мѣстѣ этихъ новообразованій встрѣчаемъ болѣе древнія, исконныя формы простого причастія наст. врем. м. р. Здѣсь встрѣчается только винит. ед., какъ, напримѣръ, исходѣщѣ (Остр. 3 Ездры XII. 17), ѡстоѣщѣ (2 Макк. XII. 29, Первop. ѡстоѣщѣ, Нов. ѡстоѣщѣи) и т. д. Зато здѣсь встрѣчаемъ довольно часто форму женск. рода или именит. множ. (простую) въ значеніи имен. ед. муж. р.: быхъ глѣущи (3 Ездры X. 29, VI. 17, Нов. глаголющѣ), лѣжѣхъ скорѣи (3 Ездры III.

1, Нов. иначе), мѣрѣи (Остр.) и мѣрѣи (Первоп. 3 Ездры IX. 1, Нов. мѣрѣи) и т. д., взимáюще (2 Макк. VIII. 6, Нов. взимáюще), дышѣи (ibid. IX. 7, Первоп. дышѣи, Нов. дышѣи), глѣюще (Остр. 3 Ездры IX. 30, Первоп. глѣи, Нов. глѣюще) и т. д. Употребленіе простой формы ж. р. ви. м. р. изрѣдка наблюдается и въ Новой библии: по всемѣ, ѣлѣи просѣи ѣси ѿ Гда Бга твоегѣ..., глѣюще (Второз. XVIII. 16, Остр. и Первоп. глѣи), и ѣще смириѣи (врагѣ) и пойдѣи пониѣи (I. Сир. XII. 11, Остр. и Перв. также пониѣи) и т. д., какѣ въ современномъ русскомъ. Формы простаго именит. множеств. въ значеніи именит. ед. муж. р. въ Новой библии не встрѣчается. Это употребленіе было свойственно (изрѣдка) Острожской библии, въ Первопечатной встрѣчается еще рѣже, а въ Новой исчезаетъ совершенно, что объясняется, очевидно, большою (въ извѣстномъ смыслѣ) исправностью текста этой послѣдней. Подобное вышеприведенному новообразованію муж. р. (бѣжѣи, ходѣи и т. д.) имѣется и въ среднемъ родѣ (очень рѣдко): ѿстоѣи (1 Макк. VIII. 4: и мѣсто бѣ далѣе... Остр. и Первоп. ѿстоѣи). Въмѣсто этихъ вторичныхъ простыхъ формъ муж. и ср. р. встрѣчаются и сложныя формы, развившіяся изъ нихъ подѣ вліяніемъ вообще исконнаго параллелизма простыхъ и сложныхъ формъ у другихъ морфологическихъ категорій (именъ прилагательныхъ, мѣстоименій и т. д.): муж. р. словѣи (2 Макк. XIV. 37, Остр. словѣи, Первоп. словѣи), вин. ед. ходѣи (Аввак. I. 6, Остр. другой текстъ вин. ж. р.), покрываѣи (Лев. IV. 8, Остр. иначе иже на...), возрастаѣи (I. Сир. XLIII. 8, Остр. ж. р.), двиѣи (Быт. VII. 21, Остр. ср. р. двиѣи), плѣи (Лев. XI. 41, Остр. плѣи, Первоп. плѣи), вдаѣи, размышлѣи (I. Сир. XXXIX. 1, Остр. другой текстъ), блѣи (вин. ед. Лев. XIII. 25, Остр. иначе: блѣи), ѿстаѣи (Притчи II. 17, Остр. ѿстаѣи, Первоп. ѿстаѣи), дѣи (Иезек. XLVIII. 18, Остр. дѣи, Первоп. дѣи) и т. д.; ср. р. дѣи (3 Ц. VII. 36, Остр. другой текстъ), содерѣи, имѣи (2 Макк. IX. 18, Остр. простая форма имѣи, Первоп. имѣи), ходѣи (Лев. XI. 42,

и на ихъ мѣстѣ въ Острожской и Первопечатной мы находимъ обыкновенно еще простую форму: вращающася (3 Ц. VI. 34, Остр. иначе), просвѣщающа (Пс. XVIII. 9, Остр. просвѣщаючи, Перв. какъ въ Новой), вводяща (Иезек. XL. 44, Остр. взводѣща два раза), ѡкрѣжающа (Быт. II. 11, 13, Остр. 13: ѡбходѣши, Первop. ѡбходѣши), проходѣща (ibid. 14, Остр. идѣши, Первop. идѣши), движащася (Быт. VII. 21, Остр. движащася, Первop. какъ въ Новой), зеленѣющася, червленѣющася (Лев. XIV. 37, Остр. и Первop. простое прич. м. р. зеленѣющася, червленѣющася), пришещающася (I. Сир. XXVI. 8, Остр. ѡбщающиса, Первop. ѡбщающиса), вертащася (I. Сир. XXXIII. 5, Остр. вртащиса, Первop. вертащиса), срѣтающа (I. Сир. XLIII. 24, Остр. срѣтаючи, Первop. срѣтаючи), свѣтащася (I. Сир. L. 7, Остр. и Первop. свѣтащиса), износаща (ibid. 11, Остр. и Первop. износаши), сожительствоваща (сія же есть — мужу: Быт. XX. 4, Остр. ѣсть жилѣ) и т. д. Такую же морфологическую ассимиляцію къ сложнымъ прилагательнымъ и мѣстоименіямъ находимъ въ именит. множ. сложной формы: живѣши (и рядомъ подѣ вліяніемъ современныхъ русскихъ формъ живѣщіе: I. Нав. X. 6, Остр. живѣши и живѣши — старославянская форма, Первop. какъ въ Новой), прѣшгорчѣваючи (Пс. LXV. 7, Остр. старинная форма прогнѣвающеи, Перв. какъ въ Новой), сѣдержаваючи (Притчи XVIII. 21, Остр. старинная форма дрѣжащеи, Первop. дѣржащи), высокогладаючи (въ значеніи ср. р. Ис. V. 15, Остр. старинная форма гладающеи, Первop. какъ въ Новой), пристѣпаючи (Иезек. XL. 46, Остр. старинная форма пристѣпающеи, Первop. какъ въ Новой), болачи (Матѣ. IX. 12, Остр. и Первop. такъ же), глѣючи (ibid. X. 20, Остр. старинная форма глѣющеи, Первop. какъ въ Новой) и т. д. Какъ видно, Острожская біблія въ большинствѣ случаевъ представляетъ исконную старославянскую форму (стел. несжште-и=цсл. несѣщеи), которая изрѣдка однако и здѣсь уже уступила мѣсто новообразованію, а въ Первопечатной и Новой бібліяхъ вытѣснена окончательно. Именительный множ. ж. р. также представляетъ морфологическую ассимиляцію къ сложнымъ прила-

гательнымъ: жены ...оуповаѹщымъ (1 Петра гл. III. 5, Остр. еще исконная форма оуповаѹщамъ, Первоп. какъ въ Новой). То же наблюдается въ винительн. множ. муж. рода: живѹщымъ (Апок. XIII. 12, 14, Остр. живѹщамъ, живѹщаа, Первоп. какъ въ Новой, стил. муж. и женск. живѹштаа) и т. д. Въ Острожской тоже встрѣчается еще старинная форма, тогда какъ Первопечатная и Новая представляютъ уже новообразования. Подробнѣе о различныхъ новообразованияхъ въ склоненіи сложныхъ причастій, см. выше, стр. 293—301. Какъ результатъ взаимнаго вліянія причастій на -а и причастій на -ы, можно привести немногочисленныя формы: вѣдѹмъ (Неем. X. 28, Остр. то же вѣдѹмъ, Первоп. какъ въ Новой), ж. р. вѣдѹщи (Марк. V. 33, Остр. вѣдѹщи), множ. ч. вѣдѹще (Лук. VIII. 53, Остр. такъ же, Зогра. вѣдѹште), рядомъ съ вѣдѹмъ (Лук. IX. 47, Остр. вѣдѹмъ, Перв. какъ въ Новой), живѹмъ (I. Сир. XXV. 10. 11, Остр. живѹмъ, Первоп. какъ въ Новой), рядомъ съ живѹмъ (Іоан. VI. 57, Остр. живѹмъ), жрѹмъ (ibid. XXXV. 2, Остр. жрѹмъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Эти формы встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ. У Лавр. Зизанія находимъ рядомъ формы простыхъ и сложныхъ: причастіе наст. вр. іаѹлѹмъ, ж. ющи, ср. юще (л. 59); „прич. страд. наст.“ спасаѹмъ, ж. спасаѹщисѹ, ср. спасаѹщеесѹ (л. 68), „прич. дѣлательное“: вѣмъ, вѣщи, вѣюще (л. 74), сѣмъ, ж. сѣщи, ср. сѣюще (л. 77 на об.) и т. д.

Замѣчаются произвольныя попытки временной дифференціаціи формъ различныхъ залоговъ. Такъ у него находимъ формы „будущаго“ причастія (сложныя): іаѹлѹщій, аѹ, еѹ (л. 59), вѣзглашѹщій, вѣзглашѹщи, вѣзглашѹще (л. 70—71), вѣщій, вѣщаѹмъ, вѣюще (л. 74), вѣдѹщій, вѣдѹщамъ, вѣдѹще (л. 77) и т. д. У М. Смотрицкаго находимъ разграниченіе сложныхъ формъ отъ простыхъ; первыя называется у него *причастіями*, вторыя *дѣепричастіями*; тѣ и другія имѣютъ свое склоненіе. Примѣры: причастіе дѣйств. зал., вида соверш., настоящ. чтѹмъ и чтѹщи, чтѹщамъ, чтѹще; „учащат. вида“: читѹмъ и читѹщи, читѹщамъ, читѹще (л. 198 на об.). Дѣепричастія: чтѹмъ и чтѹщи, ж. чтѹщи, ср. чтѹще (л.л. 199 на обор. и 200); „учащат.“

читаѣмъ и читаюцѣ, ж. читаюци, ср. читающе (л. 200). Причастія: творѣи и творѣици, ж. творѣица, ср. творѣице (л. 219 на обор.), „учащат.“ творѣи, творѣици и проч. (л. 220). Дѣепричастія: творѣ, творѣицѣ, ж. творѣици, ср. творѣице (л. 220 на обор.) и т. д. Отъ глаголовъ нетематическихъ: причастія — сынъ и соущи, соуща, соуще (л. 237 на обор.); дѣепричастія: сы, боудѣ (NB), соущѣ, ж. соущи, ср. соуще (л. 237—238) и т. д. причастія — м. вѣды и вѣдыци, ж. вѣдыца, ср. вѣдыце или муж. вѣди, вѣдици, ж. вѣдица, ср. вѣдице (л. 241); дѣепричастія — вѣды или вѣдыцѣ, ж. вѣдыци, ср. вѣдыце или вѣдѣ, вѣдыцѣ, ж. вѣдыци, ср. вѣдыце (л. 242).

Такой же параллелизмъ формъ на -ы, -ый и -а, ай имѣется и у причастій отъ глагола ѣмъ: ѣдыи или ѣдыи и т. д. ѣды, ѣды; ѣдоущѣ, ѣдыци; ѣдоущи, ѣдыци; ѣдоущю и ѣдыце (л. 245). Окончаніе -о въ ѣдоущю, вѣроятно, вызвано стремленіемъ дифференцировать тождественныя формы имен. множ. ѣдыце и им. ед. ср. р. ѣдыце. Въ общемъ отношенія между различными формами, находящимися у М. Смотрицкаго, согласуются съ выведенными выше изъ библейскаго текста. Въ текстѣ не встрѣчаются только формы простыхъ причастій (по М. Смотрицкому „дѣепричастій“), въ родѣ чты, сы, ѣды, вѣды и т. д. (см. выше). Своеобразно также боудѣ, приравниваемое имъ къ формамъ сы и соущѣ. Кромѣ приведенныхъ формъ, большинство которыхъ можетъ быть подтверждено текстами, мы находимъ у него цѣлый рядъ его собственныхъ новообразованій, въ родѣ „дѣепричастія“ будущаго времени: прочтоущѣ, ж. и, ср. е (л. 201), страд. залога чтысѣ, чтоущисѣ, чтоущесѣ (л. 210 на обор.), будущ. страд. залога прочтоущсѣ, прочтоущисѣ, прочтоущесѣ (л. 212) и т. п., которыя мы можемъ оставить въ сторонѣ, какъ не реальныя.

Причастіе страдательнаго залога настоящаго времени въ общемъ не уклоняется отъ старославянскаго, за исключеніемъ довольно частой замѣны суффикса простаго причастія муж. рода ед. ч. -т (цслав. -мз) = стсл. -мъ, посредствомъ -т' (цслав. -мъ): величаемъ (2 Ц. V. 10, Остр. величаемъ, Первоп. какъ въ Новой), крыемъ (4 Ц. XI. 3, Остр. крыемъ, Первоп. какъ

въ Новой), любѣмь, (1 Макк. VI. 11, Остр. любѣ, Перв. любѣмь), ѡбитѣемь (2 Макк. III. 1, Остр. *verbum finitum*), гонѣмь, ненавидѣмь, ѡгнѣшѣемь (*ibid.* V. 8, Остр. гнѣшѣемь, ненавидѣмь, Перв. гнѣшѣемь, ненавидѣмь), оугазвлѣемь (*ibid.* VI. 30, Остр. другой текстъ), ѡбидѣмь (Авв. I. 2, Остр. ѡбидѣмь, Первоп. какъ въ Новой), любѣмь (Эсѣ. X. 3, Остр. и Первоп. гл. IX. любѣмь), видѣмь (Іов. XXXVII. 21, Остр. невидѣмь, Первоп. невидѣмь), оувидѣмь (*ibid.* XXII. 14, Остр. ср. родъ), хвалѣмь, блѣгословѣмь (Пс. IX. 24, Остр. хвалѣмь, блѣгвѣмь, Перв. хвалѣмь, блѣгвѣмь), ѡбидѣмь, расхищѣемь (Второз. XXVIII. 29, Остр. ѡбидѣ, расхитѣемь, Перв. ѡбидѣ, расхищѣемь), ѡдержѣмь (Іов. III. 24, Остр. ѡдрѣжѣмь, Перв. ѡдержѣмь), ловѣмь (Іов. X. 16, Остр. ловѣ, Первоп. ловѣмь), двѣжемь (Іов. XIII. 25, Остр. двѣжемь, Первоп. какъ въ Новой), знѣемь (*ib.* XV. 19, Остр. и Первоп. знѣемь), и т. д., но ключѣмь (2 Макк. III. 37, Остр. ключѣмь, Первоп. какъ въ Новой), принѣжѣемь (*ibid.* VI. 18, Остр. насилѣемь, Перв. насилѣемь), ѡдержѣмь (3 Макк. V. 7, Остр. оудрѣжѣемь), ѡбличѣемь (Лук. III. 19, Остр. ѡбличѣе, Первоп. ѡбличѣемь), мнѣмь (*ibid.* 23, Остр. мнѣмь, Первоп. мнѣмь) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, въ Новой библіи преобладаетъ -мь (-m'), въ Острожской мы находимъ только -мь (-m), а Первопечатная занимаетъ середину между ними. Суффиксъ -мь (-m) въ Новой библіи встрѣчается въ частяхъ ея, подвергнувшихся сильному исправленію, и потому едва ли можетъ считаться остаткомъ старины. Скорѣе здѣсь повліяли современныя русскія формы.

У Зизанія простыхъ формъ не находимъ (см. ниже, стр. 347—48), а у М. Смотрицкаго -мь, какъ наприм. читѣемь (л. 211), рядомъ и прочѣмь (л. 212), творѣмь (л. 227), творѣемь, сотворѣмь, прочѣмь (*ibid.* на обор.), но опять прочѣмь (л. 260) и т. д.

Простыя формы ед. ч. ж. и ср. рода въ библейскомъ текстѣ рѣдки: ж. р. глаголемь (Іезек. XVIII. 3, ѣще вѣдетъ еще — прѣтча сіѣ, Остр. глѣма, Первоп. глѣма), любѣма (пчелѣ — есть: Притчи С. VI. 8, Остр. такъ же), поспѣшествѣма (многѣ

бо мѡжетъ молитва — Іак. V. 16, Остр. поспѣшествѹема), со-
равнѹема (Прем. С. VII. 29, мудрость — обрѣтается; Остр. дру-
гой текст), неѹвѣдаѹема (свѣтла и — есть премудрость: Прем.
С. VI. 12, Остр. и Первop. неoѹвѣдома) и т. д., винит. ед.
низпѹщаѹемѹ (Дѣян. Ап. XI. 5, видѣхъ... сосудъ... яко плаща-
ницу — Остр. вѣсѣщѹ), колѣблемѹ (Л. VII. 24, видѣти; трость
ли вѣтромъ —, Остр. внн. м. р. колѣблемъ, Первop. колѣблемъ,
Зогр. род. ж. дѣнкемы), вмѣщаемѹ (траву... въ пещь — Богъ
одѣваетъ: Лук. XII. 28, Остр. ошибочно дат. ед. м. р. вѣмѣ-
щѹщемѹ, Первop. ошибка исправлена вѣмѣщемѹ, Зогр. вѣмѣтлемж)
и т. д. ср. р. оѹдержимо (Іак. III. 8, не — бо зло. Остр. не
оѹдержимо), сказаѹемо (М. I. 23, еже есть —, Остр. такъ же),
прерѣкаѹемо (Лук. II. 34, се лежитъ сей... въ знаменіе —, Остр.
такъ же), поспѣшаѹемо (Притчи XIII. 11, имѣніе — съ беззаконі-
емъ, умалено бываетъ. Остр. поспѣшно, Первop. поспѣшно),
посѣкаѹемо, вмѣтаѹемо (М. III. 10, всяко убо древо — бываетъ и
во огнь — Остр. посѣкаѹемо, вмѣтаѹемо), неѹгасаѹемо (Прем. С. VII.
10, яко — есть блистаніе ея. Остр. неoѹсыпаѹемо), нешкѹдѣемо
(сотворите себѣ... сокровище —, Лук. XII. 33, Остр. неoскѹ-
дѣемо), и т. д. Рядомъ имѣются и сложныя формы: муж. рода
знаѹемый (Р. II. 1, и бѣ мужъ — мужу Ноеминію. Остр. оѹжника),
превозносімый (Дан. III. 52, 53, 54, 55, благословенъ еси —
во вѣки. Остр. превозношаѹемъ, превъзношаѹемъ, хвалимъ, превъ-
зносімъ и т. д. Первop. превозношаѹемъ, хвалимый, превозноси-
мый), держимый (Быт. XXII. 13, verbum finitum оѹказѣ), подѣ-
млемый (Прем. С. V. 14, упованіе нечестиваго яко прахъ отъ
вѣтра —, Остр. пѣмлетсѹ), вѣемый, разсѣцаѹемый (ibid. V. 11,
біемый духъ легкій и разсѣцаемый силою... прелетѣ, Остр. дру-
гой текст), вѣклевѣтаѹемый (Дѣян. XXV. 16, прежде даже —
не имать... клеветующихъ его, Остр. о̀клевѣтаѹемъ, Перв. какъ
въ Новой), нарицаѹемый (Дѣян. XIII. 1, бяху... и Симеонъ —
Нигеръ, ibid. XXVII. 14, возвѣя... вѣтръ... — Эвроклидонъ,
Остр. нарицаѹемъ, Первop. какъ въ Новой; винит. Лук. VII.
11, идяше во градъ — Наинъ, Остр. и Перв. какъ въ Новой,
Зогр. нарицаемы), желѹемый (винит. ед. обновити — всѣми....

миръ, Эсѣ. III. 13, Остр. желѣемый) и т. д., ж. р. нарицаема (Марія — Магдалина: Лук. VIII. 2, Остр. нарицаема, Зогр. нарицаема), неждождима (ты еси земля —: Иезек. XXII. 24, Остр. неждождима, Первop. неждождима) и т. д. (случаевъ очень немногих); ср. р. іадомое (Суд. XIV. 14, отъ ядущаго — изыде, Остр. такъ же; Иезек. XLVII. 12, всякое древо — не обетшаетъ, Остр. такъ же), ѡбращаемое (Быт. III. 24, и представи херувима и пламенное оружіе —, Остр. ѡбращающееся, Первop. ѡбращающееся), оудивляемое (Эсѣ. IV. 17, ...ты сотворишь... все —, Остр. оудивляющее), неключимое (Прем. С. XIII. 18, въ помощь — призываетъ, Остр. въ помѡщѣ неключимъ призовѣ), благоуправляемое (Эсѣ. III. 13, дабы не устроился отъ насъ — непорочно сообладаніе, Остр. еже ѡ вѣ непорѡчне правимо значаіе, Первop. правимо), превознесимое (Дан. III. 52, благо-словено имя славы... — во вѣки, Остр. м. р. превъзношаема), раждаемое (Лук. I. 35, тѣмъ же и — свято, наречется Сынъ Божій, Остр. такъ же), нарицаемое (Дѣян. XXVII. 8, приидохомъ на мѣсто нѣкое — доброе, Остр. такъ же), бываемое (Лук. XXII. 49, видѣвши же... —, рѣша ему, Остр. бываемое) и т. д. И здѣсь мы находимъ приблизительно такое же отношеніе между формами простыми и сложными, какъ у причастія дѣйств. залога настоящаго времени. Въ извѣстныхъ случаяхъ въ болѣе древнихъ текстахъ имѣются еще формы простыя, а въ Новой библии уже сложныя. Въ другихъ же (при болѣе самостоятельномъ и суб-стантивномъ значеніи причастій) мы находимъ сложныя формы уже въ древнѣйшихъ текстахъ. При сравнительной рѣдкости данныхъ формъ, однако, это отношеніе не такъ замѣтно. У Зизанія находимъ рядомъ формы возвратнаго залога и страдательнаго подъ однимъ обозначеніемъ „прич. страд. наст.“: спасаѣмъ, спасаемый, ж. спасающихся, ср. спасающееся (л. 68); глашаѣмъ, глашающийся, глашающееся и „непредѣльное“ м. р. глашаемы (ж. и ср. р. имѣютъ форму отъ причастія прошедшаго: л. 72 на обор.). Въ другихъ мѣстахъ находимъ у него произвольную дифференціацію формъ возвратнаго и страдательнаго залоговъ: „причастіе страд. настоящ.“ быѣмъ, быющийся, бываемы, быющийся, быющееся (л. 75

на обор.) и „будущ.“ *біѣмъ, біѣмаѣ, біѣмоѣ* (л. 76). Формы сложные и простые (однако, болѣе рѣдкія) приводятся у него рядомъ безъ особаго различенія между ними. Иное находимъ у М. Смотрицкаго, который, какъ и въ причастіяхъ дѣйств. залога (см. выше стр. 343), формы сложные отличаетъ отъ простыхъ, придавая первымъ терминъ *причастія*, а вторымъ *дѣепричастія*. Съ Зизаніемъ онъ сходится въ безразличномъ отношеніи къ формамъ возвратнымъ, которыя приводятся и у него вмѣстѣ съ страдательными, въ качествѣ послѣднихъ: „причастія“ (сложныя формы) вида совершеннаго, страдат. зал. настоящ. вр. *чтѣисѣ, чтоуѣисѣ* или *чтѣмыи*, ж. р. *чтоуѣисѣ* или *чтѣмаѣ*, ср. р. *чтоуѣисѣ* или *чтѣмоѣ* (л. 209), вида учащ. *читѣисѣ, читаюѣисѣ* или *читѣмыи*, ж. р. *читаюѣисѣ* или *читѣмаѣ*, ср. р. *читаюѣисѣ* или *читѣмоѣ* (*ibid.* на обор.); „причастіе будущ.“ *прочтоуѣисѣ* или *прочтѣмыи* и т. д. (л. 210).

„Дѣепричастія“: настоящ. вр. *чтѣсѣ, чтоуѣсѣ* или *чтѣмъ*; женск. рода *чтоуѣисѣ* или *чтѣма*; ср. рода *чтоуѣсѣ* или *чтѣмо*; двойств. м. и ср. *чтоуѣсѣ*, ж. *чтоуѣсѣ* или м. ср. *чтѣма*, ж. *чтѣмѣ*; множ. ч. м. и ж. р. *чтоуѣсѣ*, ср. *чтоуѣсѣ* или м. *чтѣми*, ж. *чтѣмы*, ср. *чтѣма* (л. 210 на обор.); „вида учащательнаго“ — *читѣсѣ, читаюѣсѣ* или *читѣемъ*, ж. р. *читаюѣисѣ* или *читѣема*, ср. *читаюѣсѣ* или *читѣемо* (л. 211). Ср. также причастія творѣисѣ, творѣмыи и т. д. *творѣисѣ, творѣмыи* (л. 226 на об.), *сотворѣисѣ, сотворѣмыи* (л. 227) и дѣепричастія *творѣсѣ, творѣимъ*; *сотворѣисѣ, сотворѣимъ*; *творѣсѣ, творѣюѣсѣ, творѣемъ* (*ibid.* на обор.). Это безразличное отношеніе М. Смотрицкаго къ возвратнымъ и страдательнымъ формамъ поддерживается дѣйствительнымъ употребленіемъ языка, ср. напр. именит. ед.: ...*возвѣѣ...* вѣтръ вѣренъ, нарицѣмый *Ѣурокаѣдонъ* (Дѣян. Ап. XXVII. 14, Остр. нарицѣмыи), но вин. ед. *Ѣстровъ...* *милотѣкше нарицѣюѣсѣ* *Клавдіѣ...* (*ibid.* 16, Остр. нарицѣюѣсѣ) и т. д.

Какъ и новыя печатныя тексты, московское изданіе грамматики М. Смотрицкаго (1648 г.) представляетъ суффиксъ простыхъ формъ причастія страдательнаго м. р. *-мъ* (мъ || стсл. *-мъ*). Но въ первомъ изданіи (Эвю. 1619) этого нѣтъ, и мы находимъ *-м*

(-мз): читаѣмз, творімз и т. д. Нѣтъ -мъ и у Лавр. Зизанія, а также и въ Острожской библии (см. выше, стр. 344—345). Появляется оно лишь въ Первопечатной библии, хотя и рѣже, чѣмъ въ Новой.

Источникомъ этого -мъ могли служить памятники болгарскаго или сербскаго извода, представлявшіе неправильное употребленіе ѣ и з, но ближайшимъ поводомъ къ широкому распространенію очевидно служило желаніе дифференцировать на письмѣ такіа одинаковыя съ виѣшней стороны формы, какъ 1 л. множ. числа читаѣмз, творімз и причастіе простое стр. з. настоящ. вр. м. р. читаѣмъ, творімъ.

Развилась эта дифференціація очевидно уже въ Москвѣ, въ печатныхъ текстахъ XVII вѣка. Фонетическаго характера она навѣрное не имѣла. Съ грамматическою теоріей того времени это -мъ оказывается въ нѣкоторомъ противорѣчіи. Такъ, въ московскомъ изданіи грамматики Смотрицкаго находимъ слѣдующее правило для образованія „дѣепричастій страдательныхъ“: „дѣепричастіе коегождо времени составляется отъ причастія своего времени... въ страдательныхъ же ѣи или іи на з измѣняюще яко... чтóмыи, чтóмъ. читаѣмыи, читаѣмъ. прочтóмыи, прочтóмъ (гл. 259 на об., 260)“.

Противорѣчіе это является слѣдствіемъ того, что издатели московской грамматики 1648 г., видоизмѣняя главнымъ образомъ парадигмы М. Смотрицкаго, не позаботились привести ихъ въ соотношеніе съ самими теоретическими правилами, изложенными въ текстѣ. Такъ какъ первое изданіе грамматики Смотрицкаго не знаетъ -мъ, то тамъ этого противорѣчія и не было.

Подтвержденіемъ того, что -мъ есть результатъ стремленія къ графической дифференціаціи, служитъ и то обстоятельство, что въ московской перепечаткѣ -мз сохранено у такихъ формъ, какъ чтóмъ, прочтóмъ, для которыхъ нѣтъ одинаковыхъ формъ 1 л. множ. числа, тогда какъ формы читаѣмъ и творімъ дифференцированы.

§ 23. Аористъ и имперфектъ. Аористъ, какъ извѣстно, имѣлъ въ старославянскомъ двѣ главныхъ формы: 1) простой аористъ

(у глаголовъ перваго класса *), т. е. съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равнойъ корню на согласный, и у глаголовъ втораго класса, т. е. съ суффиксами -иж- въ основѣ неопредѣленнаго наклоненія и -по-, -пе- въ основѣ настоящаго, съ корнемъ на согласный) и 2) сложный или сигматическій аористъ а) безъ „соединительнаго гласнаго“ и б) съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-. Форма а) употребительна была у глаголовъ перваго класса съ основой неопред. наклоненія, равнойъ корню на согласный, а также у тѣхъ глаголовъ этого класса, которые имѣли корень на носовой согласный; кромѣ того у всѣхъ глаголовъ, съ основой неопредѣленнаго наклоненія на гласный звукъ, т. е. у глаголовъ перваго класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равнойъ корню на гласный, у глаголовъ этого же класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равнойъ корню + суффиксъ -а-, у глаголовъ втораго класса, если они сохраняли въ аористѣ суффиксъ -иж-, у первичныхъ глаголовъ третьяго класса съ основой неопредѣл. наклоненія, равнойъ корню на гласный, у первичныхъ глаголовъ этого же класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равнойъ корню + суффиксъ -а-, у всѣхъ производныхъ глаголовъ этого же класса и наконецъ у глаголовъ четвертаго класса (т. е. образующихъ основу настоящаго при помощи суффикса -н-, и основу неопредѣленнаго помощью суффиксовъ -ѣ- или -н-). Вторая форма этого аориста съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о- (точнѣе съ особой основой на о-) имѣлась только у глаголовъ перваго класса съ основой неопредѣл. наклоненія, равнойъ корню (на всѣ согласные, кромѣ носовыхъ) и у глаголовъ втораго класса (съ -иж- въ неопредѣленномъ накл.), если они образовали аористъ прямо отъ глагольнаго корня.

Въ церковнославянскомъ простой аористъ почти совершенно исчезъ: въ библіи встрѣчаются только формы третьяго лица ед. числа: рече (Быт. XXIX. 25 и т. д. очень часто), оумре (Быт. VII. 21), поиде (ibid. VIII. 3), сѣде (ibid. 4), ѡзвше (ibid. VIII. 14), ѡде (Р. II. 14), подаде (ibid.), помде (2 Цств.

*) Я придерживаюсь классификаціи старославянскаго глагола, предложенной Лескинымъ (Handbuch der altbulgar. Sprache. 2 изд. 1896).

XVIII. S), снѣдѣ (4 Цств. I. 10, 12), снидѣ (ibid.), оужасѣсѧ (Іерем. II. 12), прострѣ (Іерем. I. 9), снѣрже (Плачъ Іер. II. 1), прилпѣ (Вар. I. 20), ѡзвѣдѣ (ibid. 19), поживѣ (Вар. III. 38), ѡстрижѣ (Іов. I. 20), стрѣсѣ, срѣте (Іов. IV. 14), оуѡвѣзѣ (Пс. IX. 16, 17), помѡже (Пс. XXVII. 7), процѣтѣ (ibid.), сочѣ (I. Сир. I. 19), ѡдолбѣ (Ис. XLIV. 12), вѣдѣ (Лук. IV. 9), ѡзашѣ (Дѣян. V. 5) и т. д. По типу этихъ формъ у глаголовъ второго класса возникаютъ вторичныя образованія съ сохраненіемъ суффиксальнаго -и-, какъ блѣснѣ (2 Цств. XXII. 15, Остр. и Первоп. блѣснѣ), прикоснѣсѧ (Іерем. I. 9, Остр. прикоснѣсѧ, Первоп. прикоснѣсѧ), помѡнѣ (Плачъ Іер. II. 1, Остр. помѡнѣ, Первоп. помѡнѣ), толкнѣ (Юд. XIV. 14, Остр. друг. текстъ), дѣрзнѣ (Эсѡ. VII. 5, Остр. дѣрзнѣ, Первоп. какъ въ Новой), прѣминѣ (ibid. X. 3, Остр. прѣминѣ, Первоп. прѣминѣ), коснѣсѧ (Іов. I. 19, Остр. коснѣсѧ, Первоп. коснѣсѧ), ѡзрыгнѣ (Прем. С. XIX. 10, Остр. ѡригнѣ, Первоп. ѡрыгнѣ) и т. д.

Острожская біблія вездѣ, а Первопечатная, за весьма рѣдкими исключеніями (дѣрзнѣ) представляетъ правильныя формы сложнаго аориста (первой формы), которыя имѣются и въ Новой бібліи, рядомъ съ приведенными выше новообразованіями, напр. прикоснѣсѧ (Матѡ. IX. 20, 21), рядомъ съ коснѣсѧ (см. выше) и т. д. Прочія формы простого аориста не встрѣчаются въ церковнославянскомъ языкѣ бібліи и замѣнены въ огромномъ большинствѣ случаевъ формами сложнаго сигматическаго аориста (второго вида, съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-). Такая замѣна наблюдается уже въ текстѣ Острожской бібліи: 1 л. ед. Зогр. Е. вѣннѣ (Лук. VII. 44, 45, Нов. вѣнѡхѣ, Остр. вѣнѡхѣ и вѣнѡхѣ), изнѣ (Матѡ. XII. 44, Нов. ѡзынѡхѣ, Остр. такъ же), принѣ (Матѡ. V. 17, Нов. прѣнѡхѣ, Остр. такъ же), сѣннѣ (Іоан. VI. 38, 42, Нов. снѣнѡхѣ, Остр. снѣнѡхѣ, снѣнѡ), обрѣтъ (Матѡ. VIII. 10, Нов. ѡбрѣтѡхѣ, Остр. ѡбрѣтѡхѣ) и т. д. 1 л. мн. Зограф. Ев. принѡмѣ (Матѡ. XXV. 39, Нов. прѣнѡхѡмѣ, Остр. прѣнѡхѡ), вѣзмогомѣ (Марк. IX. 28, Нов. возмогѡхѡмѣ, Остр. възмогѡхѡмѣ) и т. д. 2 л. мн. Зогр. Е. вѣннѣте (Іоан. IV. 38, Нов. вѣнѡстѣ, Остр. вѣнѡстѣ), изнѣте (Матѡ. XI. 7, Нов. ѡзы-

дѡсте, Остр. такъ же), придете (Лук. XXII. 52, Нов. ѡзыдѡсте, Остр. такъ же) и т. д. 3 л. мн. Зогр. Ев. идѣ (Матѣ. VIII. 1, Нов. имрѣ. идѣхѣ, Остр. такъ же), възидѣ (Іоан. VII. 10, Нов. и Остр. възидѡша), кѡидѣ (Матѣ. VIII. 32, Нов. идѡша, Остр. идѡша), нзидѣ (Мрк. III. 21, Нов. ѡзыдѡша, Остр. ѡзыдѡша), обидѣ (Іоан. X. 24, Нов. ѡбыдѡша, Остр. ѡбыдѡша), придѣ (Лук. I. 59, Нов. прѣидѡша, Остр. прѣидѡша), сѣидѣ (Іоан. VI. 16, Нов. снѣдѡша, Остр. снѣдѡша), прѣсѣдѣ (Матѣ. XIII. 6, Нов. прѣсѣдѣхѣ, Остр. прѣсѣдѣхѣ), възмогѣ (Лук. IX. 40, Нов. възмогѡша, Остр. възмогѡша), нзлѣзѣ (Іоан. XXI. 9, Нов. ѡзлѣзѡша, Остр. такъ же) и т. д. 3 лицо двойств. Зогр. Ев. идете (Матѣ. IX. 27, Нов. идѡста, Остр. идѡста, Іоан. I. 37, Нов. и Остр. идѡста), придете (Лук. II. 44, Нов. прѣидѡста, Остр. мн. ч. прѣидѡша). Вездѣ здѣсь мы имѣемъ замѣну простого аориста слож-
— нымъ (второй его формой). Изрѣдка встрѣчается замѣна настоящимъ временемъ: Зогр. 1 л. ед. обрѣтъ (Лук. XXIII. 14, Нов. ѡбрѣтаю, Остр. ѡбрѣтаю).

Аористъ сложный первый также плохо сохраняетъ свои древнѣйшія формы. Такъ у глаголовъ съ корнемъ на согласный носовой совѣмъ не встрѣчается 3-е л. множ. на -са: Зогр. ѡса (Іоан. IX. 18, Нов. и Остр. ѡша), възса (Іоан. XI. 41, Нов. възша, Остр. възша), науса (Мрк. VI. 55, XV. 18, Лук. XXII. 23, Нов. начаша, Остр. начаша), пропса (Лук. XXIV. 20, Нов. и Остр. распша; Іоан. XIX. 18, Нов. пропша, Остр. пропша) и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ Новой и Острожской библіи находимъ окончаніе -ша (Нов. -ша, Остр. иногда -ша), свойственное глаголамъ съ корнемъ на гласный. Точно также не встрѣчается и первое лицо на -съ, а только на -хъ, какъ у глаголовъ съ корнемъ на гласный. 3 лицо ед. числа съ окончаніемъ -t (-тъ) довольно часто и въ Новой библіи: начатъ (Іоан. XIII. 5, Остр. начатъ, Дѣян. I. 1, Остр. начатъ), пріятъ (Іоан. XIII. 12, Остр. пріятъ), внатъ (Быт. IV. 5, Остр. вна), поатъ (Быт. XI. 31, Остр. поа), клатса (Быт. L. 24, Остр. ѡбѣща), ѡбѣатъ (Перем. VI. 24, Остр. ѡбзѣатъ), заатъ (ibid. XV. 10, Остр. заатъ) и т. д. Формы безъ -тъ рѣдки: заа (Ос. XII.

3, Остр. другой текстъ: прельсти), заклѣ (Быт. I. 25, Остр. такъ же), взлѣ (Р. II. 18, Остр. такъ же). Глаголы съ корнемъ на р, л обыкновенно представляютъ замѣну формами сложнаго аориста второго съ соединительнымъ гласнымъ -о-: 2 и 3 ед. Зогр. оумрѣтъ (Нов. вездѣ оумре, М. IX. 24, Остр. оумрѣтъ, Первop. оумрѣтъ; Мр. V. 35, Остр. оумре; IX. 26, Остр. оумрѣ; Перв. какъ въ Новой; XII. 22, Остр. и Первop. какъ въ Новой; XV. 44, bis. Остр. какъ въ Новой; Лук. VIII. 49, 53, Остр. оумре, оумре; XVI. 22, Остр. оумрѣ, Первop. какъ въ Новой; XX. 29, 30, 32, Остр. оумре; Иоан. VIII. 53, Остр. оумрѣ, Первop. какъ въ Новой), оумрѣтъ (Иоан. XI. 14, Нов. и Первop. оумре, Остр. оумрѣ), простърѣ (Мр. III. 5, Нов. прострѣ, Остр. грострѣ), простърѣся (Лук. XIII. 13, Нов. прострѣся, Остр. грострѣся), простърѣтъ (Матѣ. XII. 13, Нов. и Первop. прострѣ, Остр. прострѣтъ), закла (Лук. XV. 30, Нов. заклѣлъ ѣси, Остр. и Первop. заклѣ), заклѣ (ibid. 27, Нов. и Остр. заклѣ), отрѣ (Иоан. XII. 3, Нов. ѡтрѣ, Остр. ѡтрѣ); 2 л. мн. простърѣсте (Лук. XXII. 53, Нов. прострѣсте, Остр. грострѣсте); 3 л. мн. оумрѣша (Л. XX. 31, Нов. оумрѣша, Остр. оумрѣша; Иоан. VI. 49, 58, Нов. и Остр. оумрѣша; VIII. 53, Нов. оумрѣша, Остр. оумрѣша), опрѣшася (Матѣ. VII. 27, Нов. ѡпрѣшася, Остр. ѡпрѣшася, Первop. какъ въ Новой) и т. д. Острожская библія представляетъ еще изрѣдка старыя формы 2, 3 л. ед., хотя и уподобленныя уже на письмѣ формамъ второго сложнаго аориста (точнѣе аориста простого): оумрѣтъ (стсл. оумрѣтъ) подѣ влияніемъ оумре (стсл. оумре); Первопечатная въ большинствѣ случаевъ представляетъ тѣ же формы, что и Новая. Формы перваго сложнаго аориста мн. ч. у разсматриваемыхъ глаголовъ еще рѣже, (одинъ только случай въ Остр. ѡпрѣшася), и вмѣсто нихъ находимъ всегда второй сложный аористъ.

Сохранились только такія формы, какъ стсл. 2, 3 ед. заклѣ= заклѣ, но и то лишь въ значеніи 3 ед. Какъ второе лицо ед. ч. подобныя формы не употребляются и замѣняются другими, не вызывающими сомнѣнія: Зогр. закла, Остр. и Первop. заклѣ, Нов. заклѣлъ ѣси (Лук. XV. 30).

Замѣна вторымъ сложнымъ аористомъ наблюдается и у глаголовъ съ корнемъ на заднеязычный согласный.

Встрѣчаются, однако, только формы отъ глагола рекъ: 1 л. рѣхъ (Суд. II. 3, 1 Цств. IX. 23, Пс. XXX. 15, 23, Дан. IV. 4, 5), 1 л. мн. рѣхомъ (1 Езд. VIII. 22, Быт. XLIV. 22), 2 л. мн. рѣсте (1 Ц. X. 19, Числ. XIV. 31), 3 л. мн. рѣша (Суд. IX. 8, Быт. XL. 8), 3 л. дв. рѣста (2 Ц. IV. 8, Иоан. I. 38). Отъ другихъ глаголовъ съ корнемъ на заднеязычный согласный, а также и у сложений съ рекъ находимъ обыкновенно формы второго сложнаго аориста: Зогр. марѣша (Матѣ. X. 25, Лук. II. 21, Нов. нарекоша, Остр. нарекоша), прореѣша (Матѣ. XI. 13, Нов. прорекоша, Остр. прорекоша), тыѣша (Мрѣ. VI. 33, Нов. стицахъса, Остр. стицахъса), обѣѣша (Матѣ. XXVII. 31, Нов. ѡблѣкоша, Остр. ѡблѣкоша, Мр. XV. 17, 20, Нов. ѡблѣкоша, Остр. ѡблѣкоша и ѡблѣкоша, Иоан. XIX. 2, Нов. ѡблѣкоша, Остр. ѡблѣкоша), съѣѣша (Матѣ. XXVII. 31, Нов. совлѣкоша, Остр. съвлѣкоша, Мр. XV. 20, Нов. совлѣкоша, Остр. съвлѣкоша), 3 л. дв. тѣсте (Матѣ. XXVIII. 8, Нов. и Остр. текѡсть) и т. д. Въ этомъ отношеніи между Острожской и Новой библіями замѣчается полное согласіе.

У глаголовъ, имѣвшихъ послѣднимъ звукомъ корня такъ называемые заднеязычные перваго ряда (k^1 , g^1), первый сложный аористъ также замѣненъ вторымъ: Зогр. 3 л. множ. възняса (Лук. II. 22, Нов. дв. ч. вознесѡста, Остр. възнесѡста; XVII. 13, Нов. вознесѡша, Остр. възнесѡша), 3 л. дв. отвѣсте са (Иоан. IX. 10, Нов. ѡвѣрзѡстѣса, Остр. са ѡвѣрзѡстѣ) и т. д. Замѣна эта имѣется уже въ Острожской библіи. Также утрачены въ большинствѣ случаевъ формы перваго сложнаго аориста и глаголами съ корнемъ на переднеязычные взрывной (d , t) и спирантъ (s): Зогр. 1 л. ед. привѣсь (Мр. IX. 17, Нов. привѣдохъ, Остр. привѣдохъ), 3 л. ед. ѣсть (Лук. IV. 2, Нов. ѣстъ, Остр. ѣсть, VI. 4, Нов. ѣдѣ, Остр. и Первop. ѣстъ), снѣсть (Матѣ. XII. 4, Нов. снѣдѣ, Остр. снѣсть, Первop. снѣдѣ; Мрѣ. II. 26, Нов. снѣдѣ, Остр. снѣсть, Первop. снѣсть; Иоан. II. 17, Нов. и Первop. снѣсть, Остр. снѣсть), 1 л. множ. вѣвѣсомъ (Матѣ. XXV. 38,

Нов. введо́хомъ, Остр. ѡведо́хомъ), ѡхомъ (Лук. XIII. 26, Нов. ѡдо́хомъ, Остр. ѡдохомъ), 2 л. мн. прине́сте (Лук. XXIII. 14, Нов. и Остр. приве́до́сте, Иоан. VII. 45, Нов. и Остр. приве́до́сте), 3 л. мнж. унеса (Иоан. XIX. 20, Нов. и Остр. чтоша), вѣса (Лук. XXII. 54, 66, Нов. ведо́ша, Остр. ведо́шѡ, Иоан. IX. 13, Нов. ведо́ша, Остр. ведоша, XVIII. 28, Нов. и Остр. ведо́ша, XIX. 16, Нов. ведо́ша, Остр. ведо́шѡ), прине́са (Матѡ. IV. 24, Нов. приве́до́ша, Остр. приве́до́шѡ, VIII. 16, Нов. и Остр. приве́до́ша, IX. 32. Нов. приве́до́ша, Остр. приве́до́шѡ, XII. 22, Нов. и Остр. приве́до́ша, Иоан. VIII. 3, Нов. и Остр. приве́до́ша), проба́са (Иоан. XIX. 37, Нов. прова́до́ша, Остр. прова́дошѡ), ѡша (Матѡ. XIV. 20, Нов. ѡдо́ша, Остр. ѡдо́шѡ, XV. 37, Нов. и Остр. ѡдо́ша, Мрк. VI. 42, Нов. ѡдо́ша, Остр. ѡдо́ша, VIII. 8, Нов. ѡдо́ша, Остр. ѡдо́шѡ, Лук. IX. 17, Нов. ѡдо́ша, Остр. ѡдо́шѡ, Иоан. VI. 23, 31, 49, 58, Нов. ѡдо́ша, Остр. ѡдо́шѡ, ѡдошѡ, Первон. ѡдо́ша, ѡдо́шѡ), 3 л. дв. вѣ́сте (Лук. II. 27, Нов. введо́ста, Остр. ѡведо́ста) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, старинныя формы перваго сложнаго аориста въ огромномъ большинствѣ случаевъ уже въ Острожской библии замѣнены вторымъ сложнымъ аористомъ. Встрѣчаются только формы 3 л. ед. (въ Острожской довольно часто, въ Новой лишь изрѣдка) у глаголовъ нетематическихъ. Кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ, можно привести также: Лук. XXII. 19, Остр. и Перв. да́стъ, Нов. даа́е; VI. 4, Зогра. да́стъ, Остр. да́стъ, Первон. да́стъ, Нов. даа́е; Иоан. XIX. 16, Остр. и Первон. пре́да́стъ, Нов. пре́даа́е; Матѡ. XV. 36, Остр. да́стъ, Первон. да́стъ, Нов. даа́е; Руѡв П. 14, Остр. ѡ́стъ, Первон. и Нов. ѡа́е; 4 Цств. I. 10. 12, Остр. снѣ́стъ, Первон. и Нов. снѣ́да́е; *ibid.* 14, Остр. по́а́стъ, Первон. и Нов. поа́а́е и т. д. Въ Острожской библии еще находимъ 3 л. ед. перваго сложнаго аориста, а въ Новой оно вездѣ замѣнено 3 л. простаго аориста, которое для церковнославянскаго въ сущности представляло 3 л. ед. втораго сложнаго аориста, такъ какъ вошло въ систему этого послѣдняго, въ то время какъ остальные формы простаго аориста совсѣмъ вышли изъ употребленія.

Первопечатная занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто. У глаголовъ съ основой неопредѣленнаго наклоненія на гласный формы перваго сложнаго аориста вполнѣ обыкновенны: 1-е лицо ед. основы на гласный а-: ста́хъ (2 Цств. I. 10), да́хъ (Лев. XVI. 11), стоа́хъ (3 Езд. VI. 29, Остр. такъ же), йста́хъ (1 Цств. I. 16, Остр. стоа́хъ), ѡполоска́хъ (Лев. XVI. 9, Остр. ѡпласка́хъ), работа́хъ (Быт. XXIX. 25, Остр. рабо́та), воззва́хъ (Суд. XII. 2) и т. д., основы на ѣ-: состарѣ́хсѧ (I. Нав. XXIII. 2), имѣ́хъ (Суд. XII. 2), вѣда́хъ (2 Ц. I. 10), мнѣ́хъ (Быт. XXXVII. 7), пощада́хъ (Быт. XX. 6), оустыда́хсѧ (1 Езд. VIII. 22), ба́хъ (I. Сир. XXXIII. 15), хотѣ́хъ (3 Езд. IV. 23), смотре́хъ (ibid. VI. 29), сѣда́хъ (Лев. VIII. 1) и т. д., основы на и-: оуби́хъ (2 Ц. I. 10), йскорени́хъ, сотвори́хъ (ibid. VII. 9), разсмотре́хъ (3 Ц. III. 21), роди́хъ (ibid.), размысли́хъ, сотвори́хъ (Быт. VI. 7) и т. д., основы на ы-: бы́хъ (Неем. I. 11, Исх. XVIII. 3), ѡмы́хъ (Лев. XVI. 9), прикрьи́хъ (ibid. 8) и т. д., основы на ѱ- (стсл. ж, оу): возбѣ́хъ (3 Езд. V. 14), помани́хъ (Тов. II. 6, Иерем. II. 2), ѡбѣ́хъ (Лев. XVI. 10), оуснѣ́хъ (Быт. XLI. 21) и т. д. Второе лицо ед. числа такъ же, какъ у другихъ видовъ аориста и у имперфекта, встрѣчается весьма рѣдко и въ Новой библии обыкновенно замѣняется сложнымъ прошедшимъ: сотвори́лз ѣси (Нов. Быт. XXXI. 26, 28, Остр. сѣтвори, Первоп. какъ въ Новой), возжелала́з ѣси (Быт. XXXI. 30, Остр. и Первоп. помысли), ѡбиска́лз ѣси (ibid. 37, Остр. йзыска́, Первоп. какъ въ Новой), прѣшбѣ́лз ѣси (ibid. 41, Остр. прѣобѣдѣ́, Первоп. прѣшбѣдѣ́), оукрѣ́пѣлсѧ ѣси (Быт. XXXII. 28, Остр. оукрѣ́пѣсѧ, Первоп. какъ въ Новой), ѡбѣ́длз ѣси (Быт. XXIX. 25, Остр. ѡбѣди, Первоп. ѡбѣди), посла́лз ѣси (Исх. XV. 7, Остр. посла́, Первоп. посла́), избѣ́вилз ѣси (ibid. 13, Остр. и Первоп. избѣ́ви), ви́длз ѣси (Апок. XVII. 12, 16, 18, Остр. видѣ́, Первоп. видѣ́. Въ стихѣ 18 на полѣ въ Первопечатной отмѣчено -лз ѣси, чего не сдѣлано, однако, въ стихахъ 12 и 16), оустѣ́вилз ѣси, глаго́лз ѣси (Вар. II. 24, Остр. оустѣ́ви, гла́, Первоп. оустѣ́ви, глаго́ла), положи́лз ѣси (ibid. 26, Остр. и Первоп. положи́), сотвори́лз ѣси (ibid. 27, Остр.

сътвори, Первоп. сотвори), ѡста̀вилъ є̀си (Мр. XV. 34, Остр. ѡста̀ви, Первоп. ѡста̀ви, а на полѣ -лѣ є̀си) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, Острожская библія вездѣ представляетъ исконную форму 2-го л. ед. первого сложнаго аориста, тогда какъ въ Новой вездѣ находимъ сложное прошедшее, а Первопечатная занимаетъ промежуточное мѣсто между той и другой, хотя и ближе къ Острожской. Въ Новой библіи 2-е лицо ед. ч. этого аориста почти не встрѣчается, за очень рѣдкими исключеніями въ родѣ Лук. II. 48 ...кѣ немѣ лѣти є̀гѡ рече; чадо, что сотвори на́ма та́кѡ (Остр. сътвори, Первоп. сотвори, а на полѣ -лѣ є̀си). Третье лицо ед. ч. очень обыкновенно: основы на а-: гна́, поима́ (Суд. VIII. 12, Остр. гна́, ꙗ́), возжажда́ (ibid. XV. 18, Остр. вжажда́са), возжада́ (2 Ц. XXIII. 15), созда́ (4 Цств. XXI. 4), созида́ (Неем. III. 10, Остр. созида́), велерѣчева́ (Юд. VI. 17), бѣжа́ (Тов. II. 8), ѡзва́а (3 Езд. XIII. 6), запеча́та (Дан. VI. 17), согла́да (Числ. III. 39) и т. д.; основы на ѣ-: имѣ́ (1 Макк. IX. 36, 2 Макк. XIV. 39), ви́да (Тов. IV. 4), ле́ѣ (Пс. XVII. 11), посты́да́са (I. Сир. II. 10), возгре́мѣ́ (ib. XLVI. 20), поща́дѣ́ (Быт. XIX. 16), оу́вѣда́ (1 Ц. XX. 39), пови́сѣ́ (2 Ц. XVIII. 9), возже́лѣ́ (Втор. XXXII. 11) и т. д., основы на и-: ѡсчѣ́и (Тов. VII. 6), оу́льстѣ́, сотвори́ (Пс. XIV. 3), оу́тверди́са (Пс. CXI. 8), потре́ви́ (I. Сир. XLVI. 21), запрѣ́ти́ (Матѣ. VIII. 26), роди́, роди́са (Матѣ. I. 16), смѣ́ти́са (Матѣ. II. 3), ѡскверна́ви́ (Числ. XIX. 20), разрѣ́ши́ (2 Макк. X. 22) и т. д., основы на ы-: забы́ (Осія II. 13), ѡбмы́ (Юд. X. 3), сотры́ (Пс. CIV. 3), оу́мы́ (Матѣ. XXVII. 24) и т. д. основы на ѝ-: дѣи́ѣ́ (3 Ц. XVII. 21), прикоснѣ́са (Мр. V. 27, 31), ѡзсѣ́киѣ́ (ibid. 29) и т. д.

У глаголовъ II-го класса въ этой формѣ часты случаи морфологической ассимиляціи къ соотвѣтственной формѣ простаго аориста, въ родѣ: коснѣ́са, дерзнѣ́, блеснѣ́ и т. д. (см. выше, стр. 351). Морфологическая ассимиляція здѣсь вызывалась необходимостью дифференцировать формы 2, 3-го л. ед. ч. первого сложнаго аориста отъ совершенно съ ними одинаковой формы 1-го л. ед. ч. настоящаго времени. Случаи 2, 3-го л. ед. ч.

перваго сложнаго аориста съ окончаніемъ -t (стел. -тъ, церковносл. -тъ), у глаголовъ съ темой неопредѣл. наклоненія на гласный встрѣчаются весьма рѣдко: 3 ед. свѣтъ (4 Ц. II. 8, Остр. таъ же). Множественное число: 1-е лицо: основы на а-: ѡдѣ́хомъ (1 Езд. VIII. 33), повѣ́дохомъ (Быт. XLIV. 24) и т. д. Основы на ѣ-: вѣ́дохомъ (1 Цств. X. 4), прѣзрѣ́хомъ (Мал. I. 6), ѡскѣ́дохомъ (Прем. С. V. 13) и т. д. Основы на и-: жи́хомъ (Числ. XX. 15), пи́хомъ (2 Парал. XXXI. 10), потре́бихомъ (Числ. XVII. 12) и т. д. Основы на ы-: прѣбы́хомъ (1 Езд. VIII. 32), бы́хомъ (Ис. LXIII. 19) и т. д. Основы на ѝ-: метнѝ́хомъ (Неем. X. 34), оу́снѝ́хомъ (Иер. III. 25) и т. д. 2-е лицо; основы на а-: попира́ете, пива́ете (Иезек. XXXIV. 18), пха́ете (ibid. 21), влага́ете (Агг. II. 17), вѣ́даете (2 Цств. XI. 20), ѡбита́ете (Лев. XVIII. 3), оубо́и́тесѧ (Числ. XII. 8) и т. д. Основы на ѣ-: вѣ́дите (1 Цств. XXI. 14), согрѣ́тесѧ (Агг. I. 6) и т. д. Основы на и-: пи́ете (Агг. I. 6), ходи́ете (1 Цств. X. 14), пости́тесѧ, плачевѡ́пльствини́ете (Зах. VII. 5) и т. д. Основы на ы-: бы́ете (I. Нав. XXIV. 7, 2 Парал. XV. 2) и т. д. Основы на ѝ-: ѡзсѝ́и́ете (Ис. LVII. 4), воскреснѝ́ете (Колосс. III. 1) и т. д. Третье лицо; основы на а-: пришѣ́лствова́ша (1 Цств. II. 5), ѡдѣ́аша (2 Парал. XXVIII. 15), созна́аша (Неем. III. 17, 18), оубо́и́шасѧ (Быт. XLII. 35), бѣ́жаша, взѣ́аша (ibid. XIV. 10, 12) и т. д. Основы на ѣ-: вѣ́дѣша (1 Цств. XX. 39, вм. дв. ч. Остр. иначе), поща́дѣша (2 Езд. I. 53), ѡмѣ́ша (ibid. VI. 5), вѣ́дѣша (Исх. XXIV. 10) и т. д. Основы на и-: оуби́ша (2 Ездры I. 53), би́шасѧ (3 Цств. XVIII. 28), порабо́тиша (1 Макк. VIII. 10, 11), противи́шасѧ, ѡстре́би́ша (ibid. 11) и т. д. Основы на ы-: собы́шасѧ (I. Нав. XXI. 45), бы́ша (1 Ц. XIII. 2), крѣ́ша (Исх. II. 2) и т. д. Основы на ѝ-: метнѝ́ша (Неем. XI. 1), повинѝ́шасѧ (Юд. II. 6) и т. д.

Двойственное число очень часто замѣняется множественнымъ (см. выше, стр. 321—324). Такъ 1-е л. дв. разсматриваемой формы аориста совсѣмъ не встрѣчается въ Новой библии: ходи́хомъ (Ис. LIV. 15, Остр. ходи́ховѣ, Первоп. ходи́хома), ѡска́хомъ (Дув. II. 48, Остр. ѡска́ховѣ, Первоп. ѡска́хове) и т. д.

Формы, встрѣчающіяся у грамматиковъ, см. выше, стр. 321. Второе лицо довольно рѣдко. Основы на а-: ѡдаста (Дѣян. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же); основы на и-: согласістасѧ (ibid. 9) и т. д. Третье лицо представляетъ два окончанія: -та для м. р. и -тъ для ж. и ср. р.; о происхожденіи и распредѣленіи ихъ см. выше (стр. 322 и слѣд.). Основы на а-: ѡбѣржаста (3 Цств. VIII. 8), стоѡста (ibid. XIII. 28), растерзаста (Числ. XIV. 6), ѡстастасѧ (ibid. 38), создастъ (Пс. XCIV. 5), стоимсть (Пс. CXXXI. 7) и т. д. Основы на ѣ-: оудобрѣста (П. П. IV. 10) и т. д. Основы на и-: блгословиста (Лев. IX. 23), вложіста, возложіста (ibid. X. 1), притѣпистасѧ (3 Ц. XIV. 4) и т. д. Основы на ы-: скрыстасѧ (Быт. III. 8), быста (I. Сир. XLVI. 10) и т. д.

Случаи замѣны двойственного числа множественнымъ очень часты: возложіша, покрѣша, видѣша (Симъ и Іафетъ: Быт. IX. 23, Остр. възложіста, покрѣста, видѣста, Первоп. возложіста, покрѣста, видѣста), плакашасѧ (двѣ снохи Руѡи: Р. I. 9, Остр. такъ же), оуклонішасѧ (два ангела у Лота: Быт. XIX. 3, Остр. свратістасѧ, Первоп. совратістасѧ), растерзаша (двѣ медвѣдицы: 4 Цств. II. 24, Остр. и Первоп. растергоша) и т. д. (ср. другіе примѣры выше на стр. 321, 323). Замѣна эта встрѣчается нерѣдко уже въ Острожской бібліи.

Второй сложный аористъ (съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-) весьма обыкновененъ: 1 л. ед. ѡбыкоуъ (1 Цств. XVII. 39, Остр. нѣсмз ѡбыклз), сѣдоуъ (1 Езд. IX. 3, Остр. сѣдо), простроуъ (ibid. 5, Остр. такъ же), рекоуъ (Числ. XVIII. 24, Остр. рекоу), разсѣкоуъ (3 Езд. I. 20), оуспоуъ (Іер. XLV. 3, Остр. оуспѡ), іадоуъ (Іезек. IV. 14, Остр. нѣсмь іалз), сожгоуъ, сотроуъ (Второз. IX. 21, Остр. сзжжегоуъ, сзтроуъ) и т. д.

Второе лицо, тождественное съ третьимъ, представляющимъ собой заимствованіе изъ простаго аориста (см. выше, стр. 350—351) въ Новой бібліи не встрѣчается, такъ какъ вездѣ замѣнено формами сложнаго прошедшаго, какъ и у перваго аориста сложнаго (см. выше, стр. 353 и 357): Нов. вшѣлз ѣси, іалз ѣси (Дѣян. XI. 3, Остр. вниде, ѡде, Первоп. вниде и іаде), оушѣлз ѣси, ѡкралз ѣси,

ѡвѣлъ безъ вспомогаельнаго ѣси (Быт. XXXI. 26, Остр. ѡиде, ѡкраде, ѡведе, Первop. ѡиде, а на полѣ ѡшѣлъ ѣси, ѡкраде, ѡведе), оукралъ ѣси (ibid. 30, Остр. оукраде, Первop. какъ въ Новой), ѡбрѣлъ ѣси (ibid. 37, Остр. ѡбрѣте, Первop. какъ въ Новой, 1 Цств. XXIX. 8, Остр. ѡбрѣте, Первop. ѡбрѣте), рѣклъ ѣси (Быт. XXXII. 12, XLIV. 23, Остр. рече, Первop. рече, а на полѣ, какъ въ Новой), вѣлъ ѣси (3 Цств. XVI. 2, Остр. взведе, Первop. взведѣ, а на полѣ -лъ ѣси), превѣлъ ѣси (4 Цств. XVII. 26, Остр. приведе, Первop. приведе, а на полѣ -лъ) и т. д. Какъ видно, Острожская библія сохраняетъ еще старую форму, Первopечатная же или совсѣмъ замѣняетъ ее сложнымъ прошедшимъ или, сохраняя старую въ текстѣ, приводитъ сложную въ видѣ варианта на полѣ.

Третье лицо вполне обыкновенно (примѣры см. выше, стр. 350—351). Множественное число. Первое лицо: прѣдѡхомъ (Суд. XV. 10), внидѡхомъ (1 Ц. X. 14), ѣдѡхомъ (2 Пар. XXXI. 10), рѣкѡхомъ (Быт. XLIV. 26), погнибѡхомъ, ѣсчѣзѡхомъ (Числ. XVII. 12), могѡхомъ (Дан. XIII. 39) и т. д. Второе лицо: оумрѡсте (Колосс. III. 3), ѡвергѡстѣ (Числ. XIV. 31), введѡсте (ibid. XX. 4), ѣзведѡсте (ibid. 5) и т. д. Третье лицо весьма часто: прѣдѡша (Матѣ. II. 1), возжгѡша (1 Макк. XII. 28), ѣзнемѡгоша (Пл. Іер. V. 13), растрѡша (Ам. I. 3), столкѡша (Мих. III. 3), прильпѡша (Вар. III. 4), дадѡша (Юд. XIV. 9, XVI. 19), погрѣбѡша (ibid. XVI. 23), ѡхромѡша (Пс. XVII. 46), воздвигѡшася (Числ. X. 12, 13), воздвигѡша (ibid. 14, 18, 22), ѡбѣгѡша, рѣкѡша (Числ. XVI. 34), принѣсѡша (Матѣ. XIV. 35), привергѡша (ibid. XV. 30), ѣдѡша (ibid. 37), ѡблекѡша (Мр. XV. 17) и т. д. Двойственное число представляетъ только формы 3-го лица, первое и второе не встрѣчаются, третье же довольно часто: и. р. ѣдѡста (Адамъ и Ева. Быт. III. 6), оумрѡста (Р. I. 5), падѡста (Суд. XIII. 20), принѣсѡста (2 Ц. IV. 8), ѣзидѡста (Числ. XII. 5), рѣкѡста (ibid. XIV. 7), прѣдѡста (Быт. XIX. 1. Марк. X. 35) и т. д., ср. р. ѣзнемѡгѡстѣ (Пс. XVII. 37, плеснѣ), ж. р. ѣдѡстѣ, прѣдѡстѣ, прѣдѡстѣ (Р. I. 19), текѡстѣ (Матѣ. XXVIII. 8) и т. д. О происхожденіи этихъ окон-

чаній и ихъ взаимномъ отношеніи см. выше (стр. 322 — 323). Бакъ и у другихъ временъ, двойств. число часто замѣняется множественнымъ (ср. другіе примѣры на стр. 324): Гѣмъ и Іафѣѣ... іадоша (Быт. IX. 23, Остр. іадоша, Первоп. іадоша), внидоша, іадоша (два ангела у Лота: Быт. XIX. 3, Остр. пріадоша, іадоша, Первоп. пріадоша, іадоша), но выше (стихъ 1) пріадоша, пріадоша, сѣдоша (3 Цств. XXI. 13, Остр. пріадоша, сѣдоша, Первоп. пріадоша, сѣдоша), ізыдоша (двѣ медвѣдицы: 4 Цств. II. 24, Остр. ізыиадоштѣ, но рядомъ растергоша, Первоп. ізыдоштѣ, растергоша), возавигоша, рекѡша (двѣ снохи: Р. I. 9, 10, Остр. възавигоша, но рекѡста, Первоп. возавигоша, но рекѡста) и т. д. Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ двойств. ч. чаще, хотя и здѣсь изрѣдка встрѣчается замѣна множественнымъ.

Формы имперфекта, характеризующія церковнославянскій языкъ, имѣютъ болѣе или менѣе поздній и вторичный характеръ. Первымъ и общимъ признакомъ является контракція (господствующая уже въ Острожской библии) характеристичныхъ для имперфекта гласныхъ звуковъ: ѣа, аа (ѡа), свойственная главнымъ образомъ позднѣйшимъ старославянскимъ памятникамъ.

Въ тематическомъ же отношеніи замѣчается преобладаніе характернаго древнерусскаго новообразованія по типу глаголовъ съ темой неопредѣленнаго наклоненія на гласные -а, -и въ родѣ стгл. глаголахъ, люблаахъ и т. д. Такимъ образомъ, мы можемъ раздѣлить формы церковнославянскаго имперфекта на двѣ категоріи: 1) формы исконныя, первичныя (для общеславянскаго вообще) и 2) формы, обязанныя своимъ происхожденіемъ только что указанной морфологической ассимиляціи.

1) Формы исконныя, первичныя: первое лицо ед. числа совпало совершенно въ смыслѣ формальномъ съ такимъ же лицомъ перваго сложнаго аориста глаголовъ съ основой неопред. наклоненія на а-: ісхождахъ, поражахъ, історгахъ, оумершвлѣхъ (1 Цств. XVII. 35, Остр. ісхождахъ, поражахъ, ізторгѣ, разивѣхъ, оумршвлѣхъ), хожахъ, глаголахъ, заповѣдахъ (2 Цств. VII. 7, Остр. вхожахъ, глахъ, заповѣдахъ), піахъ (4 Цств. XIX. 24, Остр. піа), поминахъ (Пс. XLII. 7, Остр. поминахъ), побѣхъ

(*ibid.* Остр. пооучахъсѧ), изгонѧхъ (Пс. С. 5, Остр. изгонѧхъ), прѣхождахъ (*ibid.* 2, Остр. прѣхождѧ), поглѣмѧхъсѧ, размышлѧхъ (Пс. LXXVI. 4, Остр. другой текстъ), смотрѧхъ (Пс. CXLI. 5, Остр. сматрѧхъ), хождахъ (*ibid.* 4, Остр. хождаѧ, Первop. какъ въ Новой), ѡсхождахъ (Пс. LXXVII. 9, Остр. ѡсхождаахъ, Первop. какъ въ Новой), восхнѣхъ (Пс. LXVIII. 5, Остр. възхнѣѧ, Первop. какъ въ Новой), востѧхъ (Пс. CXVIII. 62, Остр. възтѧахъ, Первop. какъ въ Новой) и т. д. Старинныя формы безъ контракціи встрѣчаются только въ Острожской библіи и то очень рѣдко *); Первопечатная уже представляетъ однѣ стяженныя формы, какъ и Новая.

Второе лицо ед. числа встрѣчается изрѣдка только въ Острожской библіи: ты послушаше, ты бываше (Остр. Пс. XCVIII. 8, Новая и Первop. послушалъ єси, бывалъ єси); въ Новой оно вездѣ замѣнено соотвѣтствующей формой сложнаго прошедшаго.

Третье лицо ед. числа очень часто: хождаше, сѣждаше (1 Ц. VII. 16, Остр. прохождаше, сѣждаше), взимаше, играше, ѡдыхаше, ѡстѣпаше (*ibid.* XVI. 23, Остр. поаше, ѡдохнѣ, ѡстѣпнѣ), ношаше (*ibid.* XVII. 40, Остр. такъ же), мыслаше (*ibid.* XVIII. 25, Остр. мыслѧше), лежаше (2 Цств. XIII. 8, Остр. такъ же), кадаше (3 Цств. III. 3, Остр. другой текстъ), любаше (*ibid.* V. 1, Остр. такъ же), люблѧше (2 Цств. XIII. 15. 21, Остр. такъ же), ѡвлѧшесѧ (3 Ц. VI. 18, Остр. друг. текстъ), досѣзаше (*ibid.* 27, Остр. такъ же), молѧшесѧ (1 Езд. X. 1, Остр. такъ же), созидаше (Неем. III. 6. 9. 10, Остр. созидѧ), вопрошаше (Мр. X. 17, Остр. взпрашаше), бѣжаше (Быт. XXXV. 7, Остр. бѣжѧ), хождаше (I. Нав. V. 6, Остр. ѡвхождаше), ѡсхождаше (Пс. XL. 7, Остр. ѡсхождааше, но тутъ же рядомъ глаше, вхождаше) и т. д.

Первое и второе лица множественнаго числа, какъ и первое единственнаго, благодаря контракціи отличительныхъ гласныхъ, совпали совершенно съ соотвѣтствующими лицами перваго сложнаго аориста у глаголовъ съ темой неопредѣленнаго склоненія на а-, и только

*) Случаевъ шесть (въ разныхъ лицахъ) на весь Псалтырь, рядомъ съ подавляющимъ большинствомъ формъ съ контракціей.

значеніе позволяет различать однѣ формы отъ другихъ. Первое лицо множ. ч.: вопрошáхомъ (Дан. XIII. 40, Остр. вѣпрашáховѣ, Первоп. вопрошáхова) и т. д. Второе лицо: пѣ́сте (Дан. V. 23, Остр. такъ же) и т. д.

Третье лицо весьма часто: хождáхъ (Пс. CXXV. 6, Остр. хожаахъ, но рядомъ пла́кахъсѧ, Первоп. какъ въ Новой), цѣ́лахъ (Иерем. VI. 14, Остр. такъ же), течáхъ (ibid. XXIII. 21, Остр. такъ же), снѣ́дахъ (ibid. L. 7, Остр. ѣдѣ), да́хъ (Иез. VI. 13, Остр. да́ша), спáхъ (ibid. XXIII. 8, Остр. легáхъ), по́хъ, б́го-слова́хъ, сла́вахъ (Дан. III. 51, Остр. по́хъ, б́вахъ, сла-лахъ), писа́хъ (ibid. V. 5, Остр. такъ же), смѣ́цахъ (ibid. 6, Остр. смѣ́цахъть, Первоп. какъ въ Новой), вхо́ждáхъ, мо́жахъ (ibid. 8, Остр. такъ же), расхи́цахъ (Пс. LXXXVIII. 42, Остр. расхи́цахъть, Первоп. какъ въ Новой), наблюда́хъ (ibid. XIII. 15, Остр. блю́дѧста), оу́топáхъ (Мр. V. 13, Остр. такъ же), оу́гнѣ́тахъ (ibid. 24, Остр. такъ же), глаго́лахъ (ibid. 31, Остр. гла́хъ), вѣ́хъ, плюва́хъ, покланáхъсѧ (ibid. XV. 19, Остр. вѣ́хъ и такъ же, какъ въ Новой) и т. д.

Формы, свойственныя древнерусскому и представляющія иско-ное третье лицо множ. ч. — окончаніе ть, встрѣчаются изрѣдка въ Острожской библии (см. примѣры). Въ Новой онѣ отсутствуютъ, равно какъ и въ Первопечатной.

Двойственное число представлено, какъ всегда, скуднѣе и часто замѣняется множественнымъ. Первое лицо: Остр. вѣпрашáховѣ (Дан. XIII. 40, Первоп. вопрошáхова, Новая множ. ч. вопрошáхомъ) и т. д. Второе лицо не встрѣчается; Зогра. Ев. искашѣта (Лук. II. 49, Нов. иска́сте—2 л. мн. аориста слож-анго перваго, Остр. какъ Нов.) и т. д. Третье лицо довольно часто: м. р. вѣсѣ́доваста (Лук. XXIV. 14, Зогра. вѣсѣ́довашѣте, Остр. какъ въ Новой), ср. р. дѣржа́стѣсѧ (ibid. 16, Остр. дрзжа́стасѧ), м. р. ѓласта (Лук. IX. 31, Остр. такъ же), ѣ́каста (Лук. II. 44, Зогра. нскашѣте, Остр. ѣ́каста), хо́ждаста (ibid. II. 41, Зогра. хождашѣте, Остр. хо́жаста), поно́шаста (Мате. XXVII. 41, Мр. XV. 32, Зогра. поношашѣте, Остр. понош́аста, понаш́аста), нѣ́ждаста (Лук. XXIV. 29, Зогра. нждашѣте, Остр. нѣ́жаста), и т. д.

Съ внѣшней стороны формы двойственного числа ничѣмъ не отличаются отъ соотвѣтствующихъ формъ аориста у глаголовъ, имѣющихъ основу неопредѣленнаго наклоненія на а-.

По типу такихъ исконныхъ формъ созданы новообразованія, характеризующія церковнославянскій русскаго типа и вытѣснившія въ немъ исконныя формы совершенно. Окончанія здѣсь тождественны съ окончаніями разсмотрѣннаго выше исконнаго имперфекта, но въ тематическомъ отношеніи эти формы отличаются отъ исконныхъ непремѣнною палатальностью послѣдняго согласнаго основы, которая у исконныхъ формъ свойственна только глаголамъ, имѣющимъ основу неопред. наклоненія на н-.

Примѣры такихъ вторичныхъ, русскихъ формъ имперфекта: Единственное число, первое лицо: сѣдѣхъ (1 Езд. IX. 4, Остр. сѣдѣ, Первоп. какъ въ Новой), живѣхъ (Тов. V. 6, Остр. вывѣхъ), вѣдѣхъ (Пс. XXXIV. 11, Остр. вѣдѣхъ, 1 Ц. XXII. 22, Остр. аор. видѣхъ), зрѣхъ (Дан. VII. 4. 9, Остр. такъ же), ѣдѣхъ (Быт. XLVIII. 7, Остр. ѣдѣ) и т. д. Формъ втораго лица въ Новой бібліи не встрѣчается. Въмѣсто нихъ мы ожидали бы соотвѣтствующія формы сложнаго прошедшаго, какъ и у исконнаго имперфекта (см. выше стр. 362). Третье лицо весьма часто: вѣдѣше (Быт. XXXI. 32, Остр. и Первоп. вѣдѣ), ѣмѣше (Іоан. XIII. 29, Остр. ѣмѣше, Первоп. какъ въ Новой; Быт. XIV. 10, Остр. какъ въ Новой), ѣдѣше (Быт. XXXIX. 6, Остр. ѣдѣше), хотѣше (ibid. 7, Остр. хотѣше), ѣдѣше (Быт. XII. 4, Остр. такъ же; Числ. XXII. 23, Остр. ѣдѣше), сѣдѣше (ibid. 22, Остр. такъ же), вѣдѣше (Исх. XIV. 25, Остр. водѣше), горѣше (Второз. V. 23, Остр. такъ же), живѣше (І. Нав. XII. 2, Остр. живѣше), видѣше (1 Ц. IV. 15, Остр. такъ же), пасѣше (ibid. XVII. 34, Остр. 1 л. ед. пасѣхъ), шадѣше (2 Ц. XVIII. 16, Остр. другой текстъ), бѣдѣше (Перем. V. 6, Остр. причастіе наст. вр. бѣдѣщъ, Плачъ Іер. I. 14, Остр. аор. оубѣдѣша), градѣше (Іез. I. 4, Остр. такъ же); кипѣше (ibid. XLVII. 5, Остр. такъ же), кладѣше (Ос. II. 13, Остр. такъ же), терпѣше (Прем. С. XVII. 16, Остр. трзпѣше), влечѣше (ibid. XIX. 4, Остр. такъ же), горѣше (І. Сир. XLVIII. 1, Остр. такъ же),

храплѣше (Иона I. 5, Остр. храплѣше, Первop. какъ въ Новой), мнѣше (1 Макк. VI. 9, Остр. мнѣше), радѣше (2 Макк. IV. 14. 27, Остр. только 27: радѣше), матѣшесѧ (3 Езд. XIV. 40, Остр. сматѣшесѧ) и т. д.

Множественное число, 1-е лицо: сѣдѣхомъ (Исх. XVI. 3, Остр. и Первop. сѣдѣхомъ), вѣдѣхомъ (Числ. XII. 11, Остр. такъ же) и т. д. (случаевъ немного). 2-е лицо: живѣсте (Кол. III. 7, Лев. XXVI. 35, Остр. такъ же), ѣдѣсте (Втор. XXXII. 38, Остр. такъ же) и т. д. (случаевъ немного).

Третье лицо очень часто: ѣдѣхъ (Быт. XXXVII. 25, Остр. настоящ. и аористъ, I. Нав. VI. 12, Остр. такъ же bis), ѣдѣхъ (Быт. XLIII. 32, Остр. такъ же), пасѣхъсѧ (Быт. XLI. 2. 3. 18, Остр. такъ же), ѣмѣхъ (ibid. XLIII. 26, Остр. ѣмѣхъ, Первop. ѣмѣхъ; I. Нав. V. 8, Остр. ѣмѣхъ), живѣхъ (Быт. XII. 6, Остр. такъ же), вѣдѣхъ (Исх. V. 19, XXXIII. 10, Остр. вѣдѣхъ и вѣдѣхъ), мелѣхъ (Числ. XI. 8, Остр. такъ же), вѣдѣхъ (I. Нав. X. 2, Остр. вѣдѣхъ), зрѣхъ (Суд. XIII. 19, Остр. и Первop. двойств. глѣдѣста), владѣхъ (ibid. XIV. 4, Остр. такъ же), жнѣхъ (1 Цств. VI. 13, Остр. такъ же), хотѣхъ (ibid. XV. 9, Остр. такъ же), несѣхъ (2 Цств. III. 22, Остр. такъ же), везѣхъ (ibid. VI. 3, Остр. такъ же), зовѣхъ (3 Ц. XVIII. 28, Остр. такъ же), вѣдѣхъ (1 Пар. XIII. 8, Остр. такъ же), жрѣхъ (1 Макк. I. 59, Остр. такъ же) и т. д.

Двойственное число по обыкновенію представлено скудно. Имѣются только формы 3-го лица: ж. р. зрѣстѣ (Мр. XV. 47, Остр. и Первop. зрѣста), ѣдѣстѣ (Матѣ. XXVIII. 8, Остр. ѣдѣсте, Первop. ѣдѣсте), м. р. ѣдѣста (Лук. XXIV. 28, Остр. такъ же) и т. д. Исконныя формы (только съ контравціей) у этихъ глаголовъ (съ темой неопредѣленнаго наклоненія не на а- и н-) встрѣчаются лишь весьма рѣдко: ѣмѣхъ (2 Пар. XXX. 22; 1 Макк. X. 15, Остр. ѣмѣхъ).

Глаголь быти, какъ и въ старославянскомъ, представляетъ двѣ формы: 1) Ед. ч. первое лицо: бѣхъ (Быт. XXXII. 10, Остр. бѣхъ; 2 Ц. VII. 9, Остр. настоящ. время ѣсмъ, Неем. I. 1. 4, Остр. бѣхъ); второе лицо употребляется еще въ Остр. и

Первоп., но въ Новой не встрѣчается и замѣнено вездѣ сложными прошедшими: Матѹ. XXVI. 69, Остр. ѿ ты бѣ съ ѿсомъ (Первоп. ѿ ты бѣ... Нов. ѿ ты былъ ѿси...) и т. д., третье лицо часто: бѣ (Быт. XI. 1, Руѹъ I. 7, 3 Ц. III. 18 и т. д.). Множ. число, первое лицо: бѣхомъ (1 Цств. XXV. 16, Римл. VII. 5, Галат. IV. 3, bis. Д. Ап. XXVII. 15, Числ. XIII. 34 и т. д.); второе лицо: бѣсте (Исх. XXIII. 9, Остр. такъ же, Лев. XIX. 34, Остр. бѣсте); третье лицо: бѣша (Быт. III. 7, Остр. бѣша вм. двойств., 3 Ц. VIII. 7, Остр. двойств. бѣста, Первоп. бѣста, 1 Ц. XIII. 2, Остр. бѣша и т. д.). Двойственное число представлено лишь въ третьемъ лицѣ: м. р. бѣста (Лук. I. 6, Быт. XL. 4. 5, Остр. бѣста), ж. р. бѣстѣ (Быт. XXVII. 23; XXIX. 16, Остр. бѣста, Первоп. бѣста). Формы перваго лица дв. числа встрѣчаются въ Острожской библии, но въ Новой замѣнены множ.: бѣховѣ (Остр. и Перв. 3 Ц. III. 18, Нов. бѣхомъ). Формы этого типа имперфекта такъ же, какъ и въ старославянскомъ, имѣютъ значеніе аориста въ огромномъ большинствѣ случаевъ (см. Miklosich. *Altslovenische Formenlehre in Paradigmen*. Wien. 1874, стр. 40); часто онѣ употребляются наряду съ формами настоящаго аориста (быхъ, бы, бысть и т. д.) совершенно безразлично: Гегѹъъ роди Іаіра, ѿ бѣша ѿмѣ 23 грады... (1 Парал. II. 22, Остр. бѣша)... ѿ бѣша сынове Іерамейла... Рамъ..., ѿ Ваанѹ и т. д. (ibid. 25, Остр. бѣша); рядомъ ниже: ѿ быша сынове Рамъ... Маасъ, ѿ Іаминъ и т. д. (ibid. 27, Остр. бѣша и быша); ѿ быша сыны Оунамли Галмаѹ, ѿ Вадаѿ (ibid. 28, Остр. бѣша) и т. д. ѿ избрѹ севѣ Гаѹлаъ трѿ тысащы мужей... ѿ быша съ Гаѹломъ двѣ тысащы въ Махмасѣ, ѿ въ горѣ Ісѹѿили, ѿ тысаща бѣша со Іунаѹаномъ въ Гавай и т. д. (1 Ц. XIII. 2, Остр. бѣста, бѣша). Какъ видно изъ цитатъ, Острожская біблія въ этомъ отношеніи представляетъ болѣе единообразіе, чѣмъ Новая.

2) Рядомъ съ только что приведенными аористическими формами, мы встрѣчаемъ и формы настоящаго имперфекта, соотвѣтствующія старослав. бѣахъ, бѣаше и т. д. И здѣсь мы находимъ только формы „русскаго“ имперфекта съ морфологической ассимиляціей къ формамъ типа глаголаахъ=глаголахъ и любелаахъ=

любляхъ. Имѣются, однако, только формы третьяго лица единственного и множественнаго. Остальныя формы всѣхъ трехъ чиселъ не встрѣчаются въ печатномъ библейскомъ текстѣ: 3 л. ед. бѣше (Д. Ап. V. 4, Остр. бѣше, Іов. I. 1, Остр. бѣ. Въ обоихъ случаяхъ бѣше употреблено рядомъ съ бѣ въ одинаковомъ значеніи аориста. Быт. XXXIX. 2. И бѣше Гдѣ со Іосифомъ: и бѣше мѣжъ благополученъ, и бѣсть въ домѣ гдѣна своего. Остр. и бѣ гѣ... и бѣше мѣжъ... и бѣсть... Быт. VII. 22. 23: и всѣ, ꙗже бѣ на сѣши, оумре. И потребісѣ всѣкое востаніе, ꙗже бѣше на лицѣ всѣхъ земли... Остр. ꙗко бѣ... иже бѣхъ).

Третье лицо множественнаго—бѣхъ (Быт. VI. 4, Остр. такъ же, XXXIX. 2, Остр. бѣхъ, XXXI. 5, Остр. такъ же, 1 Цств. XIII. 7, Остр. такъ же, XVII. 19, Остр. бѣхъ, Первop. бѣхъ, 1 Макк. V. 5, Остр. бѣхъ, XIII. 44, Остр. бѣхъ, Іерем. XIV. 19, Остр. настоящее нѣсть, Дан. XIV. 32, Остр. бѣше и т. д.) имѣетъ всегда или въ огромномъ большинствѣ случаевъ значеніе имперфекта. Кромѣ того имѣется форма съ контракціей бѣхъ, употребляющаяся на ряду съ бѣхъ, часто въ непосредственномъ содѣствѣ, безъ всякаго особаго отбѣика (1 Макк. XIII. 44. 45: и вскачѣхъ во градъ, иже бѣхъ въ мѣхѣ, и бѣсть смѣтеніе вѣліе во градѣ. И въздоша иже бѣхъ во градѣ... и возопѣша и т. д. Остр. бѣхъ и бѣхъ, *ibid.* VII. 13: и первѣи Ісидѣн бѣхъ въ сынѣхъ Іилевыхъ, и искѣхъ ѿ нихъ міра. Остр. бѣхъ, Іерем. XI. 13: по числѣ во градѣхъ твоихъ бѣхъ бѣзи твои, Іѣдо... Остр. бѣхъ, Быт. VIII. 1: и помѣхъ Бгъ Нѣа, и всѣ звѣри, и всѣ скоты... ꙗко бѣхъ съ нимъ въ ковчѣзѣ... Остр. бѣхъ, 1 Пар. VII. 19: бѣхъ же сынове Семѣра: Аѣмъ, и Гѣхѣмъ и т. д. Остр. бѣхъ и т. д.).

Какъ остатокъ старославянскаго имперфекта безъ контракціи можно бы разсматривать имперфектъ глагола имѣ, имѣти—имѣахъ и т. д., встрѣчающійся нерѣдко въ печатныхъ текстахъ, но эти формы могутъ быть и результатами морфологической ассимиляціи къ основѣ настоящаго времени—имѣю, имѣеши и т. д.

Примѣры такихъ формъ: 3 л. ед. имѣаше (Быт. XXXIX. 5, Остр. имѣаше, Первop. какъ въ Новой; *ibid.* VIII. 11, Остр.

ймѣаше, Первop. какъ въ Новой; Плачь Iер. I. 7, Остр. ѣмѣаше, Первop. какъ въ Новой; 1 Пар. XIII. 14, Остр. ѣмѣаше, Первop. какъ въ Новой; 2 Пар. XXXIII. 6, Остр. ѣмѣаше, Первop. какъ въ Новой), 3 л. мн. ѣмѣахѹ (Матѹ. XIII. 5, 6, три раза, Остр. два раза ѣмѣаше, ѣмѣахѹ, Первop. ѣмѣаше, ѣмѣахѹ; Юд. VII. 21, Остр. другой текстъ; Прем. Сол. XVIII. 12, Остр. ѣмѣахѹ, Первop. какъ въ Новой, Iов. IV. 21, Остр. ѣмѣахѹ и т. д.).

Иного происхожденія формы имперфекта (отъ глагола дакти): 3 ед. даѣше (1 Макк. XIV. 8, 10, Остр. 8, даѣше, 10, даровахѹ), преподаѣше (2 Макк. I. 35, Остр. предаде), продаѣше (Быт. XLII. 56, Остр. такъ же); первое лицо множ. даѣхомъ (Исх. V. 13, Остр. даѣхѹ); третье множ. даѣхѹ (Iер. XXXVII. 21; Дан. XIV. 32, Остр. такъ же) и т. д. Изъ другихъ особенностей старославянскаго имперфекта, сохранившихся и въ печатномъ церковнославянскомъ, можно отмѣтить колебаніе у глаголовъ съ послѣднимъ согласнымъ основы (корня) губнымъ между формами съ л (развившимся изъ j) и формами безъ л. Формы съ л: ѡсквернаваѣхѹ (Пезек. XIII. 19, Остр. ѡсквернаваѣхѹ), глаѣмѣашесѧ (Iов. XXII. 19, Остр. такъ же), поглаѣмѣахѹсѧ (Пс. LXXVI. 4, Остр. глаѣмѣахѹсѧ), разславаѣхѹ (Прем. С. XVII. 18, Остр. другой текстъ), прѣемѣахѹ (ibid. XIX. 13. 14, Остр. прѣемѣахѹ, възпрѣемѣахѹ), ѡскорваѣхѹ (I. Сир. XLVI. 19, Остр. ѡскорваѣхѹ, Первop. какъ въ Новой), граѣахѹ (Мих. II. 2, Остр. граѣахѹ, Первop. какъ въ Новой), ѣваѣше (1 Макк. IV. 20, Остр. такъ же), поздравѣахѹ (ibid. VII. 29, Остр. поздравѣахѹсѧ), любѣаше (Быт. XXV. 28, Остр. такъ же), даваѣше (1 Цств. XVI. 14, Остр. такъ же), оумерцаѣахѹ, воспротивѣашесѧ (ibid. XVII. 35, Остр. оумерцаѣахѹ, възпротивѣашемисѧ, Первop. какъ въ Остр.), любѣахѹ (XVIII. 16, Остр. такъ же) и т. д. Формы безъ л: любѣаше (3 Цств. V. 1, Быт. XXIX. 20, Остр. такъ же; 1 Цств. XIX. 1, Остр. оугѹденъ бѣше), напраѣахѹсѧ (Пс. CXVIII. 128, Остр. напраѣахѹсѧ, Первop. напраѣахѹсѧ), подѣбѣашесѧ (Пез. XLIII. 3, Остр. подѣбѣашесѧ, Первop. какъ въ Новой) и т. д. Послѣднія значительно рѣже первыхъ, имѣются уже въ

Острожской библии и, слѣдовательно, ведутъ свое начало изъ болѣе древнихъ памятниковъ. Въ церковнославянскомъ онѣ подерживались также такими вторичными формами, какъ живѡхъ, живѡше, живѡхъ и т. д. (см. выше, стр. 364).

Въ общемъ значеніе имперфекта не всегда строго выдержано. Нерѣдки случаи, когда формы имперфекта употребляются на ряду съ формами аориста (у глаголовъ вида несовершеннаго): Неем. III. 2 и слѣд.: „и близъ его созидѡша (Остр. сзидѡша) мужіе Іерихонстіи и близъ ихъ созидѡ (О. сзидѡ) Закхуръ... 3. Врата же рыбная созидѡша (О. сзидѡша) сынове Асанаевы... 4. И близъ ихъ созидѡше (О. сзидѡ) изъ Рамоѡн сынъ Уріянъ... и близъ его созидѡше (О. созидѡ) Мосолламъ... и близъ ихъ созидѡше (О. созидѡ) Садокъ... 5. И близъ ихъ созидѡша (О. созидѡша) Ѳекоимъ... 6. И врата старая созидѡше (О. созидѡше) Іонда... 7. созидѡша (О. созидѡша), 8. созидѡ (О. созидѡ), 9, 10, 11, 12, 14. созидѡше (О. созидѡ), 15. созидѡше (О. сзидѡ), 16. созидѡше (О. сзидѡ), 20, 21. созидѡше (О. сзидѡше), 23. созидѡше (О. созидѡ) и т. д. Острожская и Первопечатная библии въ этомъ отношеніи представляютъ болѣе выдержанности. Безразличное употребленіе это коренится въ особенностяхъ живого русскаго языка, знающаго одно прошедшее (*praeteritum*) вообще и выражающаго болѣе тонкіе оттѣнки глагольнаго дѣйствія помощью такъ называемыхъ *видовъ*. Нѣкоторое смѣшеніе въ значеніи формъ аориста и имперфекта, наблюдаемое въ печатномъ церковнославянскомъ, сказывается и у грамматиковъ.

Л. Зизаній обозначаетъ аористъ терминомъ „мимошедшее“: іавѣ, іавѣлз ѣси, ла, ло и іавѣ, іавѣ, іавѣховѣ, ва; -ста, -ста, іавѣхѡ, іавѣсте, іавѣша (л. 57). Рядомъ у него имѣется имперфектъ въ двухъ видахъ: 1) съ контракціей, обозначаемый терминомъ „протяженное“: іавлѣ, іавлѣлз ѣси, ла, ло и іавлѣше, іавлѣше (2 и 3 л.); іавлѣховѣ, ва; іавлѣста, іавлѣхъ (л. 57) и 2) безъ контракціи, обозначенный терминомъ „пресовѣршенное“: іавлѣѣ, іавлѣѣл ѣси, іавлѣѣше, іавлѣѣ, іавлѣѣховѣ, іавлѣѣста, ѣста; іавлѣѣхѡ, іавлѣѣсте, іавлѣѣхъ, іавлѣѣша. То же приблизительно находимъ и въ другихъ парадигмахъ Зизанія, напр. въ „молитвенномъ протяженномъ“: дѣ бы іавлѣ;

ѡвѣаѥ бы ѳснъ, ла, ло. ѡвѣаашебы, да бы ѡвѣахове, вабы стабы.
ѡвѣаста бы, да бы ѡвѣахѡ, ѡвѣасте бы, ѡвѣахѸ бы (л. 58) и
въ „молитвенномъ пресовершенномъ“: дабы ѡвѣаѡ, ѡвѣаѡлы
ѳснъ, ла, ло. ѡвѣаашебы. да бы ѡвѣахове, хова; ѡвѣастабы
(bis), да ѡвѣахѡ, ѡвѣастебы, ѡвѣахѸбы (тамъ же). Отъ гла-
гола вѣставати „протяженное“ является въ такомъ видѣ: „вѣста-
вахъ, вѣставѡлъ ѳснъ, ла, ло, вѣставѡ, вѣставѡше, вѣставѡхове, ва,
вѣставѡста, вѡста; вѣставѡхѡ, вѣставѡсте, вѣставѡхѸ, вѣставѡша“;
„пресовершенное“ разнится только отсутствіемъ контракціи: вѣста-
ваѡ, вѣстваѡхове, вѣстваѡхомъ (л. 67).

Въ то же время „мимошедшее“ (=аористу) представляеть другую тему, а именно вида несовершеннаго: възста́хъ, възста́ховѣ, възста́ста, възста́хомъ и т. д. (л. 66 на об.). Какъ видно, и у Зизанія главную роль играютъ не спеціальныя формальныя особенности того или другого времени (въ имперфектѣ у него мы находимъ формы аориста, напр. въ 3 л. мн., а также и сложнаго прешедшаго), а извѣстныя формальныя отличія того или другого вида. У М. Смотрицкаго въ Моск. изданіи аористъ окрещень терминомъ „преходящее“, напр. что́хъ, чѣлзъ, члѧ, члѦ, чтѣ; дв. м. и ср. что́хома (первое изд. что́хова), что́ста, что́ста, ж. что́хомѣ (первое изд. что́ховѣ), стѣ, тѣ; множ. что́хомъ, что́сте, что́ша (л. 190 на об.).

Имперфектъ же, какъ и у Зизанія, является въ двухъ видахъ: 1) съ контракціей подъ именемъ „прешедшаго“ (= „протяженному“ Зизанія): чита́хъ, чита́лъ, чита́ла, ло, чита́ше; дв. м. и ср. чита́хوما (1-е изд. чита́хова) чита́ста, ста, ж. чита́хомѣ (1-е изд. чита́ховѣ), чита́стѣ, стѣ, множ. чита́хомъ, чита́сте, чита́хъ или чита́ша, 2) безъ контракціи подъ именемъ „мимошедшаго“ (= „пресовершенному“ у Зизанія): читаа́хъ, читаа́лъ, читаа́ла, читаа́ло, читаа́ше; дв. муж. и ср. читаа́хوما (1-е изд. читаа́хова), читаа́ста, читаа́ста; ж. читаа́хомѣ (1-е изд. читаа́ховѣ), читаа́стѣ (bis); множ. читаа́хомъ, читаа́сте, читаа́хъ или читаа́ша (д. 191 на об.).

Какъ и у Зизанія, мы находимъ здѣсь смѣсь различныхъ формъ: аориста, имперфекта и сложнаго прошедшаго.

Главную роль играет *видъ*, а не временныя формальныя отличія. На чисто видовыхъ отличіяхъ основано и „непредѣльное“ время М. Смотрицкаго, представляющее собой въ большинствѣ формъ обыкновенный аористъ (сложный съ тематическимъ гласнымъ -о-): прочтѣхъ, прочелъ, ла, лѣ; прочтѣ, дв. м. и ср. прочтѣхома, прочтѣста, ста, ж. прочтѣхомѣ, прочтѣстѣ, стѣ; мн. ч. прочтѣхомъ, прочтѣстѣ, прочтѣша (л. 191 на об.—192) и т. д.

Такія же формы находимъ и у глаголовъ съ основой неопредѣленнаго склоненія на и-: „совершеннаго вида переходящее“ (аористъ): творѣхъ, творѣлъ, ла, ло, творѣ; дв. муж. и сред. творѣхома, творѣста, ста, женск. творѣхомѣ, творѣстѣ, стѣ; множ. творѣхомъ, творѣстѣ, творѣша (л. 215 на об.); „учащательнаго вида прешедшее“ (имперфектъ съ контракціей): творѣхъ и проч. якоже читѣхъ; „мимощедшее“ (имперфектъ безъ контракціи): творѣхъ и проч. якоже читѣхъ (л. 216). Особенно пеструю смѣсь различныхъ формъ находимъ мы у глагола быти: „вида совершеннаго переходящее“ (аористъ): быхъ, былъ, лѣ, ло, бѣ, дв. муж. и ср. бѣхома, бѣсма, ста, стѣ, женск. бѣхомѣ или бѣсмѣ, бѣстѣ, стѣ, множ. бѣхѣ, бѣстѣ, бѣхѣ или бѣша (л. 235).

Здѣсь находимъ смѣсь формъ аориста, имперфекта и сложнаго прошедшаго. Такую же смѣсь представляетъ и „прешедшее“ (имперфектъ съ контракціей): быхъ (аористъ), былъ, была, ло (сложное прошедшее), бысть (аористъ) или бѣше (имперфектъ); двойственное число муж. и средн. рода: быхома или бысма, ста, стѣ, женскаго быхомѣ или бысмѣ, быстѣ, быстѣ; множеств. быхомъ, стѣ (аористъ), бѣхѣ (имперфектъ) или бѣша (аористъ) (л. 235 на обор.). „Мимощедшее“ образуется уже отъ „учащательнаго вида“: бывахъ, якоже, читѣхъ (л. 235 на обор.). Еще болѣе пестрый видъ представляютъ соотвѣтствующія парадигмы глагола вѣмь: „совершеннаго вида переходящее“ — вѣдѣ, вѣдѣлъ, ла, ло, вѣдѣ, двойств. м. и ср. вѣдѣхома, вѣдѣсма, вѣдѣста, ста; женск. вѣдѣхомѣ, вѣдѣсмѣ, вѣдѣстѣ, вѣдѣстѣ; множ. вѣдѣхомъ, вѣдѣстѣ, вѣдѣхѣ или вѣдѣша (л. 238 на обор. и 239). „Прешедшее“ вѣдѣ (отчего не вѣдохъ?), вѣдохъ, ла, ло, ѡше; двойств. м. и ср. вѣдохома, вѣдохсма, ѡста, ста; ж. вѣдѣ-

хѡмѣ или вѣдѣсмѣ, астъ, стѣ; множ. вѣдѣхѡмъ, вѣдѣсте, вѣдѣхѣ или вѣдѣша (л. 239). Интересны и парадигмы глагола ѣмь, представляющія не мало новообразований — „преходящее совершеннаго вида“ (аористъ сложный второй) ѣдѡхѣ, ѣлъ, ла, ло, ѣдѣ; двойств. м. и ср. ѣдѡхѡма, ѣдѡсма, ѣдѡста, дѡста, ж. р. ѣдѡхѡмѣ, ѣдѡсмѣ, стѣ; множ. ѣдѡхѡ, ѣдѡсте, ѣдѡша (л. 243). „Прешедшее“ (имперфектъ): ѣдѣхѣ, ѣлъ, ла, ло, ѣдѣше; двойств. м. и ср. ѣдѣхѡма, ста, дѣста; женск. ѣдѣхѡмѣ, ѣдѣстѣ, стѣ; множ. ѣдѣхѡ, ѣдѣсте, ѣдѣхѣ (формы ѣдѣша нѣтъ, хотя у глагола вѣмь находимъ вѣдѣхѣ, вѣдѣхѣ, рядомъ съ вѣдѣша, вѣдѣша). „Мимолетное“ образовано уже отъ „учащательнаго вида“: ѣдѣхѣ, якоже читахѣ (л. 243 на обор.). Глаголъ снѣмь имѣетъ у М. Смотрицкаго двѣ формы сложнаго аориста („непредѣльное учащат. вида“): 1) вторую форму съ соединительнымъ гласнымъ -о-: снѣдѡхѣ, снѣлъ, ла, ло, снѣдѣ; двойств. м. и ср. снѣдѡхѡма, снѣдѡста, ста; жен. снѣдѡхѡмѣ, стѣ, стѣ; множ. снѣдѡхѡмъ, снѣдѡсте, дѡша (л. 243 на обор. и 244) и 2) первую форму: снѣхѣ, снѣлъ, ла, ло, снѣ; двойств. м. и ср. снѣсма, снѣста, снѣста; ж. снѣсмѣ, снѣстѣ, снѣстѣ; множ. снѣхѡмъ, снѣстѣ, снѣша. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, грамматика М. Смотрицкаго представляетъ не мало формъ, чуждыхъ библейскому тексту и являющихся результатами морфологической ассимиляціи къ разнымъ дѣйствительнымъ формамъ. Таковы, напр. оригинальныя формы 1 л. двойств. числа вѣсма, вѣсмѣ, вѣсма, вѣсмѣ, вѣдѣсма, вѣдѣсмѣ, вѣдѣсма. -ѣ, ѣдѡсма, -ѣ, снѣсма, -ѣ, вызванныя вліяніемъ втораго и третьяго лица того же числа: вѣста, вѣста, вѣдѣста и т. д. и въ библейскомъ текстѣ совсѣмъ не встрѣчающіяся. Новообразованіемъ является и форма третьяго лица ед. ч. аориста снѣ, рядомъ съ 1 л. снѣхѣ, образованная по типу ѣмѣ, рядомъ съ 1 л. ѣмѣхѣ, вѣдѣ || вѣдѣхѣ и т. д. (стсл. нмѣ || нмѣхѣ). Смѣшеніе формъ имперфекта и аориста, имѣющееся въ нѣкоторыхъ парадигмахъ и указывающее на отсутствіе рѣзкаго различія между этими двумя временами, замѣчается не вездѣ. Такъ, рядомъ съ вѣдѣхѣ имѣется вѣдѣша и рядомъ съ вѣдѣхѣ—вѣдѣша, хотя рядомъ съ ѣдѣхѣ нѣтъ аори-

стической формы. Какъ бы то ни было, грамматика М. Смотрицкаго также подтверждаетъ сказанное выше (на стр. 369) о паденіи специальныхъ аористическаго и имперфектнаго временныхъ отгѣнковъ.

§ 24. *Причастія прошедшаго времени.* Въ старославянскомъ имѣлись слѣдующія формы причастій прошедшаго времени дѣйствительнаго залога: 1) причастіе прошедшее дѣйств. залога первое (= индоевроп. причастію перфекта дѣйств. з.), образуемое отъ основы неопредѣленнаго наклоненія при помощи суффиксовъ -ъс- (у основъ на согласный) и -къс- (у основъ на гласный); у глаголовъ четвертаго класса съ послѣднимъ гласнымъ основы въ неопредѣленномъ наклоненіи и настоящемъ времени -и возможны были и тѣ и другія образованія (хвалѣ и хвалѣкъ); 2) причастіе прошедшее дѣйств. залога второе съ суффиксами -лъ, -ла, -ло, никогда не являющееся самостоятельно, а всегда въ сочетаніи съ разными формами вспомогательнаго глагола въ различнаго рода „описательныхъ“ временахъ.

Въ церковнославянскомъ всѣ эти образованія сохранились, но рядомъ являются и различныя новообразованія.

Исконныя формы причастія прошедшаго перваго: простыя—м. р. у основъ на согласный: вшѣдъ (Тов. VI. 15, Остр. другой текстъ), совлѣкъ (2 Макк. IV. 38, Остр. 3 ед. аор.), всѣдъ (Захар. I. 8, Остр. всѣдъ), впрѣдъ (Быт. XLVI. 29, Остр. впрѣдъже), шѣдъ (ibid. 31, Остр. ж. р. въ значеніи мужскаго шѣдши, Первоп. какъ въ Новой), прошѣдъ, ѡбшѣдъ (Иов. II. 2, Остр. ѡбхождъ, прохѣждъ), поѣмъ (Быт. XII. 19, Остр. поѣмъ), взѣмъ (2 Макк. V. 5, Остр. 3 аор. взѣтъ), ѣмьсѧ (2 Цств. I. 11, Остр. ѣмьсѧ, Первоп. ѣмьсѧ) и т. д. У основъ на гласный: бѣвъ (2 Макк. I. 13, Остр. 3 ед. аор., V. 15, Остр. другой текстъ, ibid. 18, Остр. другой текстъ, Исх. II. 11, Остр. бѣвъ), плѣнѣвъ (ibid. VI. 20, Остр. и Первоп. прич. настоящ. ж. р. въ значеніи муж. плѣющи), разлѣмѣвъ (Исх. II. 11, Остр. разлѣмѣвъ), поразивъ (ibid. 12, Остр. оубивъ), гавѣвсѧ (Быт. XLVI. 29, Остр. 3 л. аор. показѣжесѧ), прикоснѣвсѧ (Лев. V. 3, Остр. такъ же), растѣмѣвъ (Псалт. LVII. 9, Остр.

расталѣ), оутѣшивсѣ (Ис. XXXVIII. 16, Остр. оутѣшивсѣ) и т. д. У глаголовъ IV-го класса съ послѣднимъ гласнымъ основн неопред. наклоненія и настоящаго времени -и-: сотворѣ (2 Макк. VIII. 35, Остр. сѣтворѣ, Первоп. какъ въ Новой), составѣ (3 Макк. II. 5, Остр. 2 л. ед. аор. ѡстави, Первоп. ѡставѣ), исполнѣ (Ис. XXXII. 5, Остр. исполнѣ), ѡмочь (Иоан. XIII. 26, Остр. ѡмочь), пристѣплѣ (Матѣ. XXVII. 58, Остр. пристѣплѣ), погѣбѣ (Лук. XV. 4, Остр. погѣбѣ) и т. д. Подобныя формы въ общемъ рѣдки и иногда замѣняются въ Новой б. формами съ суффиксомъ -въ: ѡложивѣ (2 Макк. VIII. 35, Остр. ѡтложѣ, Первоп. ѡложѣ), сотворивѣ (Лук. X. 25, Остр. сѣтворивѣ, Зогр. сѣтворѣ), всадивѣ (ibid. 34, Остр. всадивѣжѣ, Зогр. вѣсѣждѣ) и т. д. Женск. рода: ѡтвѣрзши (Тов. VIII. 13, Остр. другой текстъ), изшѣдши (ibid. 14, Остр. форма м. р. въ значеніи ж. р. ѡбращѣсѣ), пришѣдши (Рувѣ II. 3, Остр. 3 л. аор. принѣсѣ), изѣмши (Юд. XIII. 15, Остр. 3 л. ед. аор. изѣмѣ), поимши (Быт. XVI. 3, Остр. такъ же), зачѣнши (ibid. IV. 1, Остр. такъ же), взѣмши (ibid. XXIV. 65, Остр. взѣмши), воставши (ibid. 61, Остр. вѣставши), воззрѣвши (ibid. 64, Остр. вѣзрѣвше какъ ж. р. Первоп. вѣзрѣвши) и т. д. Изрѣдка формы ж. р. употребляются въ значеніи м. р.: поникши (I. Сир. XII. 11, врагъ пойдетъ —, Остр. и Первоп. такъ же), какъ въ современномъ русскомъ. Въ Острожской библии это употребленіе не- много чаще, чѣмъ въ Новой. Въ ней встрѣчается также и имен. множеств. въ значеніи именит. ед. ж. р. Простыя формы средняго рода не встрѣчаются. Рядомъ съ простыми формами, имѣются слож- ныя, свойственныя и старославянскому: м. р. оумѣрый (3 Цств. III. 22, Остр. оумѣрин, Первоп. оумѣринъ, 2 Макк. VI. 26, Остр. скончѣ), оукрадый (Исх. XXII. 7, 8, Остр. оукрадын, Первоп. оукрадынъ), положивый (2 Цств. XXII. 34, 35, Остр. и Первоп. полагѣмъ), возвративый (3 Цств. XIII. 26, Остр. вѣзвративын), бѣвивый (2 Макк. XIV. 3, Остр. бѣвивын, Втор. XXII. 29, Остр. другой текстъ), оубивый (Исх. XXI. 13, Остр. оубивын), при- коснѣвивсѣ (ibid. XIX. 12, Остр. такъ же), ѡбѣщавый (Числ. VI. 18, Остр. ѡбѣщавын), оучѣлѣвый (I. Нав. X. 37, Остр.

другой текстъ), споборствовавый (ibid. XXIII. 3, Остр. иже по-
може), пѣстивый (Пов. XXXIX. 5, Остр. пѣстивый), создавый
(Пс. XCIII. 9, Остр. сздавыи), поманѣвый (Ис. LXIV. 7,
Остр. другой текстъ), развѣлывый (Иерем. XXXI. 10, Остр.
развѣлвыи, Первop. какъ въ Новой), оуслышавый (Иезек. XXXIII.
4, Остр. слышавыи), порази́вый (Дан. II. 35, Остр. иже раз-
дрази), гавивыйсѧ (Быт. XXXI. 13, Остр. гавивыисѧ) и т. д.
Женскаго рода: ѡста́вшасѧ (I. Нав. XIII. 2, Остр. ѡста́вле-
наѧ), бѣвшасѧ (Суд. XX. 12, Остр. бѣвшасѧ), пришѣдшасѧ (Руѡ
II. 6, Остр. пришѣшасѧ), возлюбѣвшасѧ (ibid. IV. 15, Остр.
взлюбѣвшасѧ), родѣвшасѧ (Иер. L. 12, Остр. стар. им. ед. ро-
дѣвшѧ, Первop. какъ въ Новой) и т. д. Здѣсь, какъ и у при-
частій настоящаго времени (см. выше, стр. 342), замѣчается
морфологическая ассимиляція къ сложнымъ именамъ прилагатель-
нымъ или мѣстоименіямъ (стсл. добра-ѧ и т. д.), свойственная
русскому языку. Исконная форма еще встрѣчается (весьма рѣдко)
въ Острожской библіи, но уже въ Первопечатной находимъ ука-
занныя новообразованія (Иер. L. 12), исключительно господствую-
щія въ Новой. Средній родъ имѣетъ только сложную форму:
бывшее (3 Макк. I. 1, Остр. такъ же), ѡбрѣтшеесѧ (Быт.
XLVII. 14, Остр. ѣже ѡбрѣте), падшее (Дув. VIII. 14, Остр.
пѣшее, Зогр. падъшее), носившее (ibid. XI. 27, Остр. такъ
же, Зогр. ношьшее) и т. д. Подъ вліяніемъ подобныхъ слож-
ныхъ формъ, ж. и ср. р., имѣвшихся уже въ старославянскомъ,
а также и косвенныхъ падежей, является вторичная форма им.
ед. м. р. съ суффиксомъ -шій: оумѣршій (3 Цств. III. 23, Остр.
оумрѣшѧ), шѣдшій (2 Пар. XVIII. 12, Остр. 3 л. ед. зор.
ѣде), пошѣдшій (Тѡв. XI. 5, Остр. другой текстъ) поставльшій
(2 Макк. V. 22, Остр. р. ед. поставльшаго), бѣвшій (1 Цств.
IV. 16, Остр. ѣсть), забывшій (Притчи С. II. 17, Остр. за-
бывыи, Первop. забывый), оумолкнѣвшій (Иез. XXVII. 32, Остр.
оумолкѧ, Первop. оумолкѧ) и т. д. Форма эта тождественна съ
винит. ед. сложнаго причастія м. р. (свойственнымъ и старосла-
вянскому), напр., нашѣдшій (Вар. IV. 9, Остр. нашѣшѧ) и т. д.,
но въ значеніи им. ед. она встрѣчается главнымъ образомъ въ

Новой библии, а въ Острожской и Первопечатной находимъ на ея мѣстѣ или исконныя сложныя формы, или другіе обороты. У глаголовъ IV-го класса съ основой неопред. наклоненія на и- находимъ сложныя формы, представляющія собой русскую окраску свойственныхъ и старославянскому исконныхъ формъ, въ родѣ хвалѣй, хвалѣй: рождѣйсѧ (Матѹ. II. 2, Остр. рождѣйсѧ), ѡбра- щѣйсѧ (вип. ед. Исх. VII. 15, Остр. ѡже бѣ ѡспровѣрглѧсѧ), насаждѣй (Ис. XCI. 9, Остр. насаждѣй), оутверждѣй (Ис. XLII. 5, Остр. оутверждѣй), ѡзбавлѣй (ibid. XLIV. 6, Остр. ѡзбавлѣй), порождѣй (1 Петра I. 3, Остр. порождѣй) и т. д. Формы эти имѣются не только въ Острожской библии, но и въ болѣе древ- нихъ рукописныхъ памятникахъ.

Причастія прошедшаго времени съ суффиксами -лъ, -ла, -ло въ простой формѣ встрѣчаются только въ различныхъ описательныхъ временахъ: муж. рода, у основъ на гласный ѣлъ ѣсѣ, пѣлъ ѣсѣ (3 Цств. XIII. 22, Остр. такъ же), пользовалсѧ ѣсѣ (Мр. VII. 11, Остр. пѣлѣвалъ, Первоп. полъзовалсѧ), возвеселѣлсѧ бѣхъ (Л. XV. 29, Остр. възвеселѣлсѧ) и т. д.; у основъ на со- гласный: помѡглъ ѣсѣ (3 Макк. II. 10, Остр. 2 ед. аор. по- мѡже), рѣклъ ѣсѣ (Исх. XXXII. 13, Остр. такъ же), нанѣслъ вы (Юд. VIII. 8, Остр. другой текстъ), ѡблѣклъ ѣсѣ (Іов. X. 11, Остр. 2 л. ед. аор. ѡвлѣчѣ, Первоп. ѡвлѣчѣ, на полѣ лъ ѣсѣ), достѣглъ ѣсѣ (ibid. XI. 7, Остр. 2 л. аор. ѡстѣви), навѣклъ ѣсѣ (ibid. XXXVIII. 18, Остр. оувѣси), погѣвлъ ѣсѣ (Іезек. XXVI. 17, Остр. и Первоп. 2 л. аор. погѣбе) и т. д. женскаго рода у основъ на гласный: пощаждѣла, посѡбствовала ѣсѣ (Юд. XIII. 20, Остр. другой текстъ), оукрасіласѧ, оусладѣласѧ ѣсѣ (П. II. VII. 6, Остр. 2 л. ед. аор. оукрасісѧ, ѡсладѣсѧ, Первоп. оукра- сісѧ, ѡсладѣсѧ) и т. д.; у основъ на согласный: привлѣклѣ ѣсѣ (ibid. IV. 9, Остр. другой текстъ—оусрзды сѣтворѣ), ѡшла, пришлѣ ѣсѣ (Юд. XI. 3, Остр. 2 л. аор. ѡидѣ, Первоп. ѡидѣ, а на полѣ -шлѣ ѣсѣ) и т. д.; средняго рода: бѣше ѡстѣло (3 Езд. XI. 23, Остр. ѡстѣло) и т. д.

Сложныя формы являются самостоятельно со значеніемъ именъ прилагательныхъ. какъ въ живомъ русскомъ языкѣ: м. р. ѡбст-

шáлый (зват. ед. Дан. XIII. 52, Остр. ѡбѣшáлче, Первop. ѡбѣшáлче), смѣрзлый (Иов. VI. 17, Остр. причастіе прош. первое смѣрзсѣ, Первop. смѣрзсѣ), и т. д. женск. рода: запѣстѣла (зват. ед. Иерем. IV. 30, Остр. запѣстѣнна, Первop. запѣстѣна), созрѣла (Иов. V. 26, Остр. сзрѣла, Первop. созрѣла) и т. д. Эти формы очень рѣдки и являются только въ Новой библіи; въ Острожской и Первopечатной на ихъ мѣстѣ находимъ другія образованія или простыя формы.

Приблизительно такъ же представляются причастія дѣйств. прошедш. времени у грамматиковъ XVI и XVII вв.

Такъ у Л. Зизанія находимъ слѣдующія формы причастія прошедшаго перваго: 1) „мимошедшее“: гáвны, гáвнѣ-вшѣ, вшѣ (л. 59). Здѣсь имѣемъ рядомъ формы сложныя и простыя (гáвнѣ), безъ всякой дифференціаціи; въ ж. р. та же морфологическая ассимиляція къ сложнымъ прилагательнымъ, о которой было сказано выше (стр. 375); вторичная сложная форма м. р. на -шій отсутствуетъ; 2) „непредѣльное“: м. р. гáвлшѣ, гáвлѣ, гáлѣй, ж. р. гáвлши, -ѣ; ср. р. гáвлшѣе (ibid.).

Тѣ же приблизительно отношенія находимъ на листѣ 68-мъ: 1) „мимошедшее“: м. р. спáсьсѣ, спáсьсѣ (рядомъ простая и сложная формы, какъ выше); ж. р. спáшисѣ (одна простая форма, тогда какъ выше приводилась только одна сложная), средн. р. спáсьшѣсѣ; 2) „непредѣльное“: муж. р. спáсьшійсѣ (вторичная сложная форма на -шій), ж. р. спáсьшисѣ (одна простая форма); ср. р. спáсьсѣе (сѣ).

Въ томъ же родѣ формы прошедшаго причастія перваго отъ глагола гласѣти (л. 70): „мимошедшее“—гласѣны, гласѣнѣ; гласѣвшѣ; „непредѣльное“: възгласѣншій, възгласѣнѣ; възгласѣнши, възгласѣншѣ; възгласѣншѣе; отъ глагола бѣти (л. 74): „мимошедшее“—бѣны, бѣнѣ, бѣвши (простая и сложная формы рядомъ), бѣншѣе; „непредѣльное“—бѣншій, бѣнши, бѣншѣ, бѣншѣе и т. д.

Приведенныхъ формъ достаточно, чтобы видѣть, что распределение различныхъ причастныхъ формъ по временамъ произведено у Л. Зизанія большею частью на основаніи однихъ видо-

выхъ отличій, и то далеко не послѣдовательно; попытки къ дифференціаціи различныхъ формъ по значенію наблюдаются (ср. „мимошедшее“ м. р. бѣвыи, гласѣвыи, спасьїсѧ, гавѣвыи, но „непредѣльное“ бѣвѣи, възгласѣвѣи, спасьшїсѧ, гавѣи и т. д.), но онѣ не могли быть проведены послѣдовательно (ср. „мимошедшее“ ж. р. бѣвѣшѧ, бѣвѣи, ср. р. бѣвѣсѣ и „непредѣльное“ бѣвѣи, бѣвѣшѧ, бѣвѣсѣ), что объясняется чисто „видовыми“ основаніями quasi временъ Зизанія. Противоположенія простыхъ формъ сложнымъ, какъ у Мелетія Смотрицкаго, мы здѣсь не находимъ. Второе причастіе прошедшее съ суффиксами -лъ, -ла, -ло у Зизанія не представляетъ никакихъ особенностей, такъ что приводить его примѣры является лишнимъ.

У Мелетія Смотрицкаго картина болѣе сложна. Какъ и у причастій настоящаго времени (см. выше, стр. 343) онѣ противопоставляетъ другъ другу формы сложныя и простыя. Первыя получаютъ названіе „причастій“, а вторыя „дѣепричастій“. Распредѣленіе различныхъ формъ по фиктивнымъ „временамъ“ основано, какъ и у Зизанія, на видовыхъ отбѣнкахъ. Такъ имѣются слѣдующія „причастія“: 1) „вида совершеннаго преходящее“ м. р. чтѣи или чтѣиш; ж. р. чтѣшѧ; ср. р. чтѣсѣ (л. 198 на обор.); 2) „вида учащательнаго прешедшее“—ж. р. читѣвыи; ж. р. читѣвѣшѧ; ср. р. читѣвѣсѣ; 3) „мимошедшее“—м. р. читаѣвыи; ж. р. читаѣвѣшѧ; ср. р. читаѣвѣсѣ; 4) „непредѣльное“—ж. р. прочтѣи или прочтѣиш; ж. р. прочтѣшѧ; ср. р. прочтѣсѣ (л. 199 на обѣихъ сторонахъ). Отъ глагола творѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее“—м. р. творѣи или творѣиш (л. 219 на об.), ж. р. творѣшѧ, ср. р. творѣсѣ или творѣвыи, творѣвѣшѧ, творѣвѣсѣ; 2) „вида учащательнаго прешедшее“—творѣвыи и прочая, якоже читѣвыи; 3) „мимошедшее“—творѣѣвыи и прочая, якоже читаѣвыи; 4) „непредѣльное“—м. р. сотворѣи или сотворѣиш, ж. р. сотворѣшѧ, ср. р. сотворѣсѣ (л. 220 на обѣихъ сторонахъ). Отъ глагола быти имѣется только 2) „вида совершеннаго прешедшее“—м. р. бѣвыи или бѣвѣиш, ж. р. бѣвѣшѧ; ср. р. бѣвѣсѣ (л. 237 на обор.); отъ вѣдѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее“—м. р. вѣдѣвыи или вѣдѣвѣиш, ж. р.

вѣдѣвшѣа, ср. р. вѣдѣвшѣе; 2) „прешедшее“ — м. р. вѣдѣи или вѣдѣши, жен. р. вѣдѣа, ср. р. вѣдѣе (по типу глаголовъ IV-го класса съ основой неопред. накл. на и-); 4) „непредѣльное“ — м. р. оувѣдѣи, оувѣдѣши, ж. р. оувѣдѣа, ср. р. оувѣдѣе (л. 241 на обѣихъ стор.); отъ глагола ѣмѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее“ и 2) „прешедшее“ м. р. ѣмѣви или ѣмѣвиши, ж. р. ѣмѣва, ср. р. ѣмѣве; 4) „непредѣльное“ — м. р. вѣмѣви, яко же ѣмѣви (л. 249) и т. д. Приведенныя формы представляютъ собой смѣсь дѣйствительныхъ съ чисто теоретическими или встрѣчающимися въ искусственномъ книжномъ языкѣ. Формы въ родѣ „мимошедшихъ“ причастій читаави, творѣави или „прешедшаго“ творѣави въ библейскихъ текстахъ не встрѣчаются. Извѣстныя „времена“, въ родѣ „непредѣльнаго“, представляютъ собой просто формы другого вида; на чисто видовыхъ отличіяхъ основано и различіе „преходящаго“ (напр. чтѣи или чтѣши) отъ „прешедшаго“ (читаави). Распредѣленіе формъ по различнымъ quasi временамъ не всегда послѣдовательно; такъ формы вѣдѣи и вѣдѣши и т. д., образованныя по типу творѣи, творѣши и т. д., отнесены къ „прешедшему“ (какъ творѣави, читаави), а формы вѣдѣви, вѣдѣвиши и т. д. (одинаковыя съ „прешедшими“ читаави и творѣави) къ „преходящему“. Своеобразны формы творѣави (по типу читаави, а также подъ вліяніемъ основы имперфекта творѣхъ) и читаави, творѣави (подъ вліяніемъ формъ имперфекта безъ контракціи).

Можно отиѣтитъ также, что вторичныя формы причастія им. ед. м. р. на -шій у глаголовъ честі, читати имѣются только въ „преходящемъ“ и „непредѣльномъ“, а въ „прешедшемъ“ и „мимошедшемъ“ ихъ нѣтъ. У другихъ глаголовъ, однако, находимъ эти формы и въ „прешедшемъ“ (вѣдѣшій). Простыя формы, или „дѣепричастія“, по терминологіи Смотрицкаго, представляютъ также нѣсколько новообразованій: „вида совершеннаго преходящее“ — м. р. чтѣи (стсл. несѣ) или чтѣши; источникомъ послѣдней формы является винит. ед. (стсл. несѣи, ср. р. 2 Петра I, 18: ѡ сѣи гласѣ мы слышахомъ съ нѣсѣ сшѣдши... Остр. сзшѣши).

Іез. XXVI. 19: *дѣмъ тѣмъ градъ ѡпѣстѣвшъ*, Остр. *ѡпѣстѣвшъ* и т. д.), ж. р. *чѣтши* (стсл. *несъши*), ср. р. *чѣтше* (въ старославянскомъ *несъ*, какъ именит. м. р.; форма *несъше* употребляется только, какъ вин. ед.); „прешедшее учащательнаго вида“ — м. р. *читавъ* или *читавшъ*, ж. р. *читавши*, ср. р. *читавше*; „мимошедшее“ — м. р. *читаавъ* или *читаавшъ*, ж. р. *читаавши*, ср. р. *читаавше* (л. 200 на обѣихъ сторон.), „непредѣльное“ — м. р. *прочѣтъ* или *прочѣтшъ*, ж. р. *прочѣтши*, ср. р. *прочѣтше* (л. 201); отъ глагола творити „преходящее совершеннаго вида“ — м. р. *творъ*, ж. р. *творши*, ср. р. *творше* (стсл. *творъ*, *творъши*, *творъ*) или *творивъ*, ж. р. *творивши*, ср. р. *творивше*; „учащательнаго вида прешедшее“ — *творавъ*, „мимошедшее“ *творавъ*, „непредѣльное“ — м. р. *сотворъ*, ж. р. *сотворши*, ср. р. *сотворши* (л. 220 на об. и 221 на обѣихъ сторонахъ). Точно такія же формы имѣются и у глагола быти: „прешедшее совершеннаго вида“ — м. р. *бѣ*, ж. р. *бѣвши*, ср. р. *бѣше* (л. 238), у глагола вѣдѣти: „преходящее вида совершеннаго“ — м. р. *вѣдѣвъ* или *вѣдѣвшъ*, ж. р. *вѣдѣвши* (л. 242), ср. р. *вѣдѣше* (*ibid.* на оборотѣ); „прешедшее“ — м. р. *вѣдъ* (по типу стсл. *творъ*) или *вѣдшъ*, ж. р. *вѣдши* (какъ стсл. *несъши*), ср. р. *вѣдше* (какъ стсл. *винит. ед. несъше*); „непредѣльное“ — *оувѣдъ* или *оувѣдшъ*, ж. р. *оувѣдши*, ср. р. *оувѣдше* (л. 242 на об. и 243) и т. д. Сказанное выше (стр. 378—79) о распредѣленіи „причастій“ Смотрицкаго по временамъ имѣть силу и въ отношеніи его „дѣепричастій“. И здѣсь имѣемъ дѣло съ чисто видовыми оттѣнками. Находимъ здѣсь также и образованія отъ основы имперфекта съ контракціей и безъ контракціи, совершенно отсутствующія въ библейскомъ текстѣ.

Причастія прошедшія страдательнаго залога, кромѣ обычныхъ старославянскихъ образованій съ суффиксами *-тъ*, *-та*, *-то*, *-енъ*, *-ена*, *-ено*, и *-нъ*, *-на*, *-но*, представляютъ также довольно часто новообразованія съ суффиксами *-енный*, *-нный*, чуждыя старославянскому. Примѣры этихъ сравнительно новыхъ формъ, ведущихъ свое начало еще изъ XIII-го вѣка и вызванныхъ вліяніемъ отричастныхъ прилагательныхъ съ стсл. суффиксомъ *-н-ьнъ* (ср. А. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 2.

1891, стр. 235), довольно часты: 1) суффиксъ -еннѣ (=ен+нѣ); сосѣди, ѿ ѡлтарѣ, ѿ до́мъ... ѡсвѣщенна быша (Юд. IV. 3, Остр. другой текстъ); до́мове ѿзмаченны бѣдѣтъ (Пер. LI. 33, Остр. друг. текстъ); падѣтъ ѿзбѣеннѣ... ѿзвеннѣ (ibid. 4. Остр. ѿзбѣеннѣ, ѿзвеннѣ, Первоп. ѿзбѣеннѣ, ѿзвеннѣ); возстенѣтъ ѿзвеннѣ твоѣ (Лезек. XXVI. 15, Остр. ѿзвеннѣ, Первоп. ѿзвеннѣ), приносѣше... ѿспещреннаѣ (ibid. XXVII. 24, Остр. другой текстъ); гра́ди разореннѣ, раскопаннѣ, забра́лы оутвержденнѣ ста́ша (ibid. XXXVI. 35, Остр. о́пѣстѣвшѣ ѿ раскопаннѣ, оутверженнѣ, Перв. -ѣвшѣ, -аннѣ, -ени); возградѣхъ разореннымъ ѿ насадѣхъ погубленнымъ (ibid. 36, Остр. и Первоп. разоренымъ, погубшамъ); прѣидеши на зѣмлю ѿзвращеннѣю (ibid. XXXVIII. 8, Остр. и Первоп. ѡвращеннѣю); оукрашенна была ѣси (Лез. XVI. 13, Остр. и Перв. оутварена); ѿ трапѣза оукрашенна прѣд лицѣмъ ѣмъ (ibid. XXIII. 41, Остр. оукрашенна); взѣмла сѣеннымъ сосѣды ѿ ѿже ѡ ѿныхъ царѣй положеннаѣ (2 Макк. V. 16, Остр. ѿже... вѣхъ поставлена, Первоп. также поставлена); оущѣдрити... храмъ ѡ нечестивыхъ члѣвѣкъ ѡскверенный (2 Макк. VIII. 2, Остр. ѡскверняемый, Первоп. ѡскверняемый); помиловати... разоренный градъ (ibid. VIII. 3, Остр. о́пѣстѣннѣ, Первоп. ѡпѣстѣннѣ); частыми дщицами ѡбложенными ѡ свѣта заключени быша (3 Макк. IV. 8, Остр. ѡбложени); плачѣте живѣщи въ постѣченнѣй (Соф. I. 11, Остр. впожженѣи, Первоп. впожженѣй); градъ ѡпредѣленный оубившемъ, Кедесъ... (I. Нав. XXI. 32, Остр. нареченнѣи); градъ ѡлѣченнымъ (ibid. 27, Остр. нареченыѣ, Перв. нареченнымъ); ча́ша ѡнѣра́за предложеннаѣ (Эсѣ. I. 8, Остр. предълежаща); ѿзможденна вѣди крѣпость ѿхъ (Иов. V. 5, Остр. ѿзмождана, Первоп. ѿзмождана); рече́ разслабленномъ (Лук. V. 24, Зогр. ѡслабленомъ, Остр. и Первоп. раслабленомъ); насыченнѣи (Лук. VI. 25, Зогр. насыщеннѣи, Остр. и Первоп. насыченнѣи); прокаженнѣи (ibid. VII. 22, Зогр. прокаженнѣи Остр. и Первоп. прокаженнѣи); ро́жденныхъ (ibid. 28. Зогр. ро́жденныхъ, Остр. вро́женыхъ, Перв. вро́женныхъ), и т. д.

Суффиксъ -ннѣи и т. д.: сотвори... корабли, ѿзва́ннымъ (1 Макк. XIII. 29, Остр. ѿзва́нны, Первоп. ѿзва́нны); ѿкоже бѣ

Йлюдшрз по́сланный (2 Макк. V. 18, Остр. по́сланыи, Первоп. посланный); вышепісанныѣхъ собравше... послати... оу́зами... ѡкованныхъ (3 Макк. III. 18, Остр. назнаменованныхъ, ѡкованныхъ); оу́корѣлз ѡ содѣланныхъ (ibid. VII. 6, Остр. ѡ бывшихъ); іаже... ѡбѣщанна сѣть (3 Езд. IV. 27, Остр. что ѡбѣщанна сѣть); блговоніе ѡбонаніа неизслѣдованнагѡ (3 Езд. VI. 44, Остр. ѡбонаніе ѡбонанію нейзслѣдованы); аще оубѡ архіерей помазанный согрѣшитъ (Лев. IV. 3, Остр. помазанныи); сіа імена сыновъ Іарѡннихъ, жерцы помазанныа (Числ. III. 3, Остр. и Перв. помазанныа); вси соглѣданныи Левіты (Числ. IV. 46, Остр. р. множ. сущ. сзгладаніи), и быша соглѣданныи 8580 (ibid. 48, Остр. им. множ. сущ. сзгладаніа); сѣдѡбѣ Гдні... ѡправданны (Пс. XVIII. 10, Остр. ѡправданны)... возжелѣнны (ibid. 11, Остр. възжелѣнны); ѡкованныа нищетѡю и желѣзомъ (Пс. CVI. 10, Остр. ѡкованѣ, Первоп. какъ въ Новой); не поставлю тебѣ... въ грады нешвитанны (Іер. XXII. 6, Остр. необитанны); постѣкѣтъ избранныа кѣдры твоа (ibid. 7, Остр. избранныа); возми книгѣ сію... запечатѣннѣ и книгѣ прочтенѣю (Іер. XXXII. 14, Остр. скѣпленыа, почтеныа, Первоп. скѣплѣныа, почтѣныа); домы твоа вождѣлѣнныа разоритъ (Іер. XXVI. 12, Остр. похотныа, Первоп. похотныа); оуготовиса самъ ты и весь сонмъ твоѣ собранныи (ibid. XXXVIII. 7, Остр. сзбрании, Первоп. собраннѣ); прімѣ... іаростію ізліанною (ibid. XX. 34, Остр. разліанною, Первоп. разліанною); и въ іарости ізліаннѣй царствовать будѣ... (ibid. 33, Остр. разліанѣ, Первоп. разліанѣ); по рѣкотвореніемъ вашимъ растѣлѣнныа (ibid. 44, Остр. расыпанныа, Первоп. разсыпанныа), званныа (Лук. XIV. 7, Зогр. зъванныа, Остр. и Первоп. какъ въ Новой); званныи (ibid. 10, Зогр. зъванныи, Остр. и Первоп. званныи), избранныхъ (ibid. 24, Зогр. нѣтъ, Остр. и Первоп. какъ въ Новой); оупитанныи (Лук. XV. 23, Зогр. оупитаны, Остр. оупитанныи), оупитанна (ibid. 27, Зогр. оупитаны, Остр. оупитанныи) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что формы съ -п- (цсл. -нн-) встрѣчаются уже въ Острожской библии, но далеко не такъ часто, какъ въ Новой; Первопечатная въ этомъ отно-

шеніи лишь немного ближе къ послѣдней и въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ тѣ же формы съ -н-, что и Острожская. Можно замѣтить еще, что въ Острожской библии особенно рѣдки вторичныя формы съ суффиксомъ -енный, тогда какъ формы на -нный не рѣдки. Встрѣчаются рядомъ и сложные, и простыя формы. На ряду съ этими новообразованиями безразлично употребляются исконныя формы на -еный, -ный: возмн книгѹ сїю запечатлѣннѹ, и книгѹ прочтѣнѹ (Іер. XXXII. 14); не бѣ сѣрдце ѣгѡ совершено (3 Цств. XV. 3, Остр. свѣршено, Первоп. какъ въ Новой) и рядомъ сѣрдце Ясы бѣ совершено (ibid. 14, Остр. свѣршено, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. создано бысть (Іис. Сир. XL. 1), баше... связанъ (Іерем. XXXIII. 1) и бѣ Іліодѹръ посланный (2 Макк. V. 18) и т. д.

Причастіе прошедшее страд. съ суффиксомъ -тъ встрѣчается также и въ простой, и въ сложной формѣ (послѣдняя въ значеніи имени прилагательнаго): ѣты быша (Іер. LI. 56, Остр. ѣзымнни), взѣтъ бысть (ibid. 31, Остр. взѣсѣ), взѣта бысть (Бит. II. 23, Остр. взѣта) и т. д. ѣкоже пшеница... пожата (Іов. V. 26, Остр. пожата, Первоп. пожата), поворо рѹкою простѣртою (Іер. XXI. 5, Остр. в. ед. простѣртѹ) и т. д. Въ Острожской библии находимъ простыя формы.

У Лавр. Зизанія находимъ только формы возвратно-страдательныя съ -сѣ: „мимошедшее страд. залога“, м. р. спѣсѣсѣ, спѣсѣсѣ: ж. р. спѣшисѣ, ср. р. спѣсѣшесѣ; „непредѣльное“ — м. р. спѣсѣшисѣ, ж. р. спѣсѣшисѣ, ср. р. сѣшесѣ (л. 68); „мимошедшее“ — бѣвѣсѣ, бѣвшисѣ, бѣвшесѣ, „непредѣльное“ — бѣвшисѣ, бѣвшисѣ, бѣвшесѣ (л. 75 на об. и 76) и т. д. Исконныя формы на -тъ, -тый, -нѣ, -ный, -енѣ, -еный и вторичныя на -нный, -енный въ парадигмахъ у него не встрѣчаются. Въ снискѣ тематическаго образованія возвратно-страдательныя формы Зизанія ничѣмъ почти не отличаются отъ его причастій „дѣйствительнаго“ залога, и потому мы не будемъ останавливаться на нихъ.

У М. Смотрицкаго находимъ, какъ и у другихъ причастій, разграниченіе на „причастія“ и „дѣепричастія“ страдательныя (=сложныя и простыя формы). Распредѣленіе по временамъ имѣетъ

извѣстный уже, главнымъ образомъ видовой, характеръ. „Причастія (сложныя формы)“: „вида учащательнаго, времени прешедшаго“: м. р. читáвыисѧ или чѣтаныи, ж. р. читáвшасѧ или чѣтанаѧ, средн. р. читáвшеесѧ или чѣтаное; „мимошедшее“ того же вида—м. р. читаáвыисѧ, читаáныи; ж. р. читаáвшасѧ, читаáнаѧ; ср. р. читаáвшеесѧ, читаáное; „непредѣльное“ м. р.—прочтѣисѧ или прочѣтшисѧ, или прочтѣеныи, ж. р. прочѣтшасѧ, прочтѣнаѧ, ср. р. прочѣтшеесѧ, прочтѣное (л. 209 на об. и 210) и т. д. „Дѣепричастія (простыя формы)“: „вида совершеннаго преходящее“—м. р. чѣтсѧ или чтѣнѧ, ж. р. чѣтшисѧ или чтѣна, ср. р. чѣтшесѧ или чтѣно (л. 210 на об.); „вида учащательнаго прешедшее“—м. р. читáвсѧ или чѣтанѧ, ж. р. читáвшисѧ, чѣтана, ср. р. читáвшесѧ, чѣтано; „мимошедшее“—м. р. читаáвсѧ или читаáнѧ, ж. р. читаáвшисѧ, читаáна, ср. р. читаáвшесѧ, читаáно; „непредѣльное“—м. р. прочѣтсѧ, прочтѣнѧ, ж. р. прочѣтшисѧ, прочтѣна, ср. р. прочѣтшесѧ, прочтѣно (л. 211—212).

Подобныя же формы находимъ и въ другихъ парадигмахъ М. Смотрицкаго: „вида совершеннаго преходящее“—творѣйсѧ, творѣвыисѧ или творѣныи; „вида учащательнаго прешедшее“—творáвыисѧ или творáвыи (очевидная опечатка вм. творáныи), „мимошедшее“—творáвыисѧ или творáвыи (опять опечатка), „непредѣльное“ сотворѣи или сотворѣныи якоже сотворѣи и прочтѣныи; „дѣепричастія“: „преходящее вида совершеннаго“ творсѧ и творѣсѧ, или творѣнѧ; „вида учащательнаго прешедшее“—творáвсѧ или творáнѧ, „мимошедшее“—творáвсѧ или творáнѧ, „непредѣльное“—сотворѣсѧ или сотворѣнѧ (л. 226—228). Формы на -нный и -енный у М. Смотрицкаго не встрѣчаются, причастія на -тъ, -тый отнесены къ прилагательнымъ: „речѣнѣи причастіемъ подобнаѧ, ꙗкъ, ꙗтыи, пренꙗтыи..., ꙗтыи, проклáтыи, преслáвыи, слáвыи, честныи... ꙗ сѣмъ подобнаѧ, Именá быти прилагательнымъ, ꙗ не причáстїѧ“ (л. 269 на об.).

Многія изъ вышеприведенныхъ формъ Смотрицкаго въ текстѣ библіи не встрѣчаются и представляютъ собой чисто педантическія измышленія. Къ таковымъ относятся, напримѣръ, формы „мимошедшаго“, образованныя отъ основы имперфекта (безъ кон-

тракціи), въ родѣ чита́ныи, чита́всѧ, чита́нъ, или „преходящаго“, въ родѣ чѣтсѧ и твѣрсѧ.

§ 25. *Перифрастическія выраженія.* Церковнославянскій сохраняетъ всѣ почти перифрастическія выраженія старославянскаго, за исключеніемъ условнаго съ вспомогательнымъ бимь, би, би, бимь, бисте, бж, замѣненными формами аориста быхъ и т. д.

Сложное прошедшее (перфектъ), выражаемое посредствомъ причастія прошедшаго дѣйств. залога на -лъ и вспомогательнаго есмь и т. д.: ѿлъ еси (Быт. III. 12, Остр. ѿлъ еси), расточи́ли е́стє (Іер. XXIII. 2, Остр. расточи́ли е́стє) пришѣлъ еси́ (Мр. I. 24, Зо҃гр. пришѣлъ еси́, Остр. пришѣлъ еси́) и т. д.

Вспомогательный глаголь, главнымъ образомъ, въ третьемъ лицѣ ед. ч. пропускается весьма часто. Пропускъ этотъ, наблюдаемый въ русскомъ языкѣ во всѣхъ лицахъ и числахъ, ведетъ свое начало уже изъ XI—XII вв. (см. А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русск. языка. Изд. 2, 1891, стр. 216—19). Въ библейскомъ текстѣ наблюдаются слѣдующіе случаи такого пропуска: 1) когда двѣ формы прошедшаго сложнаго стоятъ рядомъ, то вспомогательный глаголь стоитъ только въ одномъ (первомъ) случаѣ: раздрáлъ еси́ рѣзы твоѣ, и пла́калсѧ предо мною́ (4 Цств. XXII. 19, Остр. раздрá еси́, 2 ед. аор. пла́касѧ, Перв. тѣ же формы, что въ Остр.), не ты ли еси́, и́же ѡста́лсѧ (3 Езд. XI, 39, Остр. нили ты еси́ и́же найзвышилъ, Первоп. на и́звышилъ), ты еси́, царю́, ѿ́кш возвели́чилсѧ еси́ и о́укрѣ́плъ (Дан. IV. 19, Остр. 2 л. аор. възвели́чилсѧ и о́укрѣ́плъ, Первоп. възвели́чилсѧ еси́ и о́укрѣ́плъ); ѿ́кш не позва́лъ еси́ насъ, е́гда ходи́лъ воева́ти... (Суд. VIII. 1, Остр. 2 л. аор. по́зва, по́нде, Первоп. позва́, по́нде) и т. д.—случай, возможный и въ старославянскомъ. При большемъ разстояніи между сложными выраженіями, вспомогательный глаголь можетъ и оставаться: ѿ́кш о́утайлъ еси́ сіѧ ѡ́ премъ́рыхъ и развѣ́мныхъ, и ѡ́крылъ еси́ та́ мѣнцемъ (Лук. X. 21. Зо҃гр. о́утайлъ еси́, отъкры=2 л. аор., Остр. о́утайлъ еси́, ѡ́ткрылъ еси́) и т. д.

2) Когда, рядомъ со сложными выраженіями, въ сосѣднихъ предложеніяхъ встрѣчается *verbum finitum*: въ пѣть ѿ́ца сво-

егѡ... не ходѣлъ, но ѿ на горѣхъ пожрѣ: ѿ женѣ бѣжнѣгѡ сво-
егѡ ѡсквернѣвъ, ѿ оубогаго ѿ нищаго прѣвѣдѣ, ѿ хушѣніемъ
восхитѣлъ, ѿ залѡга не ѡдалъ, ѿ кѣ кѣмѣрѡмъ положи ѡчи свой,
бѣззакѡнѣмъ сотвори, Ѣзъ лѣхѡю дадѣ, ѿ сѣ примноженіемъ прѣмъ
(Іез. XVIII. 11, 12 и 13, Остр. ходѣ, жерѣлъ ѣсть, ѡсквер-
нѣвъ ѣсть, прѣвѣдѣлъ ѣсть, възхитѣлъ ѣсть, далъ ѣсть, поло-
жѣ, сѣтвори, прѣмъ ѣсть, Первѡп. такѣя же формѣ, какѣ въ
Остр.); вложи же нѡгѣ моѣ въ дрѣво, ѿ надсмѡтрѣлъ пѣти моѣ
(Іов. XXXIII. 11, Остр. 3 ед. аор. вложи, сѣхрани. Первѡп. тѣ
же формѣ, что въ Остр.); ѿлѣ ѡ нѣнависти поразиѣ ѣгѡ рѣкѡю,
ѿ оумрѣтъ... (Числ. XXXV. 21, Остр. оубѣлъ ѿ рѣкѡю); ѿ Гдѣ
оумѣгѣлъ сѣрдѣце моѣ, ѿ всѣдержѣтель потѣсѣ ѡ мнѣ (Іов.
XXIII. 16, Остр. Гдѣ ѡнѣдѣжилъ); ѿмѣмъхъ ѡшибѣ подобѣи скор-
пѣимъ... ѿ ѿмѣли надъ собѡю царѣ... (Апок. IX. 11, Остр.
ѿмѣмъхъ... ѿмѣли); рыдала Іудѣа, ѿ вратѣ ѣмъ разрѣшишасѣ (Іер.
XIV. 2, Остр. стѣналъ); ѿ рѣчѣ Гѣзѣй: не ѿсходѣлъ рѣвѣ твоѣ
никѡможе. ѿ рѣчѣ кѣ немѣ Елѣссѣй: не ходѣло ли сѣрдѣце моѣ
сѣ тобѡю (4 Цств. V. 25—26, Остр. не ѿсходѣлъ, нѣсть ли
ходѣло, Первѡп. тѣ же формѣ, что въ Остр.); да ѿспѡлнитсѣ
слѡво твоѣ..., тѣ во менѣ сотвориѣлъ царѣ... (2 Пар. I. 9, Остр.
сѣтвориѣлъ бѣзѣ ѣси); ѡзѣ вдѣхъ ѡ въ рѣкѣ твоѣ, тѣ же не далѣ
ѿмъ мѣлѡсти (Іс. XLVII. 6, Остр. 2 л. аор. тѣ же не да,
Первѡп. не далѣ); да не оубѣстсѣ, ѿкѡ приходѣла женѣ, (Р. III.
14, Остр. ѿкѡ приходѣла ѣси, Первѡп. такѣе сѣ вспомогат.
глаголомъ) и т. д.

3) вспомогаѣльный глаголѣ опускаѣтъ въ придатѡчныхъ пред-
ложеніяхъ, соединѣнныхъ сѣ другими предложеніями болѣею ча-
стѣю относѣтельнымъ мѣстоимѣніемъ или нарѣчіемъ: ѡще оубѡ
ѡрхѣрѣй помѣзанный согрѣшитѣ... ѿ да привѣдѣтъ ѡ грѣсѣ своѣмъ,
ѿмже согрѣшилъ (Лев. IV. 3, Остр. ѣже ѣсть сѣгрѣшилъ, Перв.
такѣе сѣ ѣсть); гдѣ ѣсть Гдѣ... прѣведѣй насѣ... по землѣ, по
нѣйже не ходѣлъ мѣжъ никѡгдаже, ѿ не ѡбитѣлъ члѣвѣкъ тѣмъ
(Іер. II. 6, Остр. ѿсходѣ, ѡбитѣлъ; ѿ повѣда Рѣѣ свѣкрѡви
своѣй, гдѣ работала, ѿ рѣчѣ... (Р. II. 19, Остр. гдѣ бѣсть,
Первѡп. бѣсть) и т. д. ѡще же посѣгла за мѣжа (Числ. XXX.

7, Остр. посѣгнѣ); їакш... оўслышала дѣша моѣ (Пер. IV. 19, Остр. также безъ ѣсть); понѣже ѡпѣстѣла всѣ земаля (ibid. 20, Остр. ѡпѣстѣйна ѣсть); аще же посѣгла за мѣжа (Числ. XXX. 7, Остр. посѣгнѣ) и т. д.

Иногда вспомогательный глаголъ опускается и въ главномъ, независимомъ предложеніи, внѣ указанныхъ условій: їнѣ же дѣша наша їзсѡхла, ничтѣже тѣчю ма́нна прѣд ѡчи́ма на́шими (Числ. XI. 6, Остр. їсхлѣ) и т. д. Болѣе подробное изслѣдованіе всѣхъ условій этого опущенія уже переходитъ въ область синтаксиса, котораго мы не намѣрены касаться въ настоящей работѣ. Однимъ изъ условій опущенія является также присутствіе личнаго мѣстоименія, дѣлающаго излишней форму вспомогательнаго *verbi finiti*. Какъ видно изъ примѣровъ, опущеніе вспомогательнаго глагола имѣется уже въ Острожской библіи (было и раньше), но далеко не такъ часто, какъ въ Новой. Пропуску Новой въ Острожской соотвѣтствуютъ болѣею частью или полныя перифрастическія выраженія, или какіе-нибудь другіе способы выраженія. Первопечатная библія въ этомъ отношеніи въ большинствѣ случаевъ не отличается отъ Острожской, хотя и приближается немного къ Новой. Въ Новой библіи особенно часты формы 2 л. ед., прошедшаго сложнаго, замѣняющія второе лицо ед. ч. аориста (см. выше, стр. 385).

У Лавр. Зизанія перифрастическое прошедшее совершенное является только въ формахъ 2-го и 3-го л. ед. ч.: „мимшедшее“ їаві́алз ѣсѣ, ла, ло; „протяженное“ їавл́алз ѣсѣ, ла, ло (л. 57); „пресовершенное“ їавл́алл ѣсѣ, (їавл́алше), їавл́ал (л. 57 на об.); или „протяженное“ вѣстав́алз ѣсѣ, ла, ло, встав́а (л. 67); „мимшедшее“ гласѣ, ї ѣсѣ (л. 68), глаша́а, а́алз ѣсѣ, ла, ло; глаша́алз, глаша́аше (л. 69) и т. д. Формы эти приводятся въ составѣ парадигмъ другихъ временъ (съ окончаніями аориста), какъ равноправныя имъ (см. выше, стр. 369—70).

Можно оти́гнѣть здѣсь присутствіе вспомогательнаго глагола только во второмъ лицѣ, тогда какъ въ третьемъ оно опущено. У М. Смотрицкаго также формы сложнаго прошедшаго являются лишь въ составѣ иныхъ временъ. (безъ болѣе точнаго обозначе-

нія лица, но только въ ед. числѣ, вѣроятно, во 2-мъ же лицѣ): „вида учащательнаго прешедшее“ читáхъ, читáлъ, читáла, ло, читáше, „мимошедшее“ читаáхъ, читаáлъ, читаáла, читаáло, читаáше, „непредѣльное“ прочтóхъ, прочéлъ, ла, лò, прочтè (л. 191 на об.); „вида совершеннаго преходящее“ — чтóхъ, чéлъ, члá, члò, чтè (л. 190 на об.). Вспомогательный глаголѣ здѣсь опущенъ, какъ въ русскомъ языкѣ; полныя же формы приводятся ниже, но не какъ славянскія, а русскія (рòусска ѿногда ѿзыка навѣкомъ... произносима быти ѿбрѣтаемъ): „преходящее“ — чéлъ ѣсмь, чéлъ ѣси, члá, члò, чéлъ ѣсть, дв. ч. ш. и ср. члá ѣсмá, члá ѣстá, ж. члѣ ѣсмѣ, члѣ ѣстѣ, члѣ ѣстѣ, мн. члѣ ѣсмь, члѣ ѣстè, члѣ соуть (сице прешедшее), читáлъ ѣсмь: ѿ прочаѣ, мимошедшее читаáлъ ѣсмь и т. д. (л. 192 на об.), такія же отношенія (за исключеніемъ полныхъ формъ съ ѣсмь) находимъ у М. Смотрицкаго и въ другихъ парадигмахъ (примѣры см. выше, стр. 371).

Давнопрошедшее, выражаемое причастіемъ прошедшаго вр. на -лъ и имперфектомъ вспомогательнаго глагола быти, сохранилось и въ церковнославянскомъ: бѣша пресóхли ѿ сплѣснѣли (І. Нав. IX. 5, Остр. бѣша пресхли... ѿ сплєснѣли), бѣ ѿчисти-лася (2 Цств. XI. 4, Остр. бѣ ѿчистилася), бѣху ѿубѣгли (Іер. XL. 12, Остр. бѣху ѿубѣгли), бѣху сложилися жидове (Іоан. IX. 22, Зогра. юже бо са бѣахъ сложили, Остр. ѿуже бѣса бѣху сложили) и т. д.

Рядомъ встрѣчается изрѣдка и другой видъ давнопрошедшаго, свойственный древнерусскому (см. А. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка, 2 изд. 1891, стр. 145—46) и состоящій изъ прошедшаго сложнаго вспомогательнаго глагола былъ есмь и причастія прошедшаго на -лъ: былъ погубѣлъ ѣси (Ис. XLIX. 20, Остр. 2 л. аор. ѿхъже погубѣ, Первоп. погубѣ, а на полѣ аз ѣси) и т. д.

Грамматики Л. Зизанія и Смотрицкаго не знаютъ этихъ образованій и въ парадигмахъ своихъ не приводятъ. Рядомъ съ прошедшимъ сложнымъ и давнопрошедшимъ, имѣются и другія описательныя выраженія прошедшаго времени, свойственныя и старославянскому. Такъ встрѣчается причастіе настоящаго времени съ

аористомъ или имперфектомъ вспомогательнаго глагола, какъ и въ старославянскомъ: бысть крестѣи (Мр. I, IV, Зо҃гр, бысть... крѣста, Остр. бысть... крѣта, Первоп. бысть... крѣта), присѣдѣи быхъ (Іов. XXXI. 9, Остр. присѣда бы); быша предстоѣще (3 Цств. XXII. 6, Остр. вѣша прѣстоѣще) и т. д. вѣ бо оуча (Мр. I. 22, Зо҃гр. вѣ бо оуча, Остр. вѣ бо оуча), вѣ дѣлаи (Быт. IV. 2, Остр. вѣ дѣлаи, Первоп. вѣ дѣлаи), восходѣще бѣхъ (Быт. XXXI. 10, Остр. другой текстъ), бѣше пасѣи (Исх. III. 1, Остр. бѣше пасын), бѣхъ... сѣдаще (Мр. II. 6, Зо҃гр. вѣхъ... сѣдаште, Остр. вѣхъ... сѣдаще) и т. д. Встрѣчается также соединеніе имперфекта съ прошедшимъ причастіемъ, напр., бѣше показѣи (Быт. IV. 21, Остр. бѣше показѣи) и т. д. Грамматики Зизанія и Смотрицкаго также не имѣютъ подобныхъ выраженій въ своихъ парадигмахъ.

Будущее перифрастическое въ старославянскомъ выражалось неопредѣленнымъ наклоненіемъ и настоящимъ временемъ вспомогат. глаголовъ имамъ, хоштѣ, наумѣ. Въ древнерусскомъ встрѣчалось также сложное будущее изъ неопред. наклоненія и формъ *буду*. Тѣ и другія формы находимъ изрѣдка и въ церковнославянскомъ: имѣти имаша (Матѣ. XIX. 21), имате їасти (Быт. VI. 21, Остр. имате їасти), извлѣвати тѣ... имамъ (Апок. III. 16, Остр. извлѣвати... имѣ), воскресеніе хощетъ быти мѣртымъ (Дѣян. XXIV. 15, Остр. хотѣще быти), нерадѣти начнетъ (Матѣ. VI. 24, Остр. такъ же) и т. д. Чаше встрѣчаются формы съ вѣдѣ: їасти вѣдемъ (Быт. III. 2, Остр. и Первоп. да їамъ, Ис. IV. 1, Остр. їасти вѣдемъ), блюсти вѣдетъ, блюсти вѣдеши (ibid. 15, Остр. блюде, блюдеши, Первоп. блюдетъ, блюдеши), ѡбладѣти вѣдетъ (ibid. 16, Остр. ѡбладѣетъ, Первоп. ѡбладѣетъ), жити вѣдеши (ibid. XXVII. 40, Остр. живѣ вѣди), имѣти вѣдеши (Ис. III. 23, Остр. иначе—примѣши), кормѣти вѣдетъ (Ис. VII. 22, Остр. вѣдетъ... кормѣи, 23. вѣдетъ... їасти), пастѣса вѣдѣтъ (ibid. XI. 6, 7, Остр. и Первоп. напасѣтса, напасѣтса), їасти вѣдетъ (ibid. 7, Остр. зѡблѣта), оуповѣти вѣдѣтъ (ibid. 10, Остр. надѣютса, Перв. надѣютса), їасти, пѣти вѣдѣтъ (ibid. LXV. 13, Остр. напѣдѣса, напѣютса), сѣдѣтиса вѣдетъ (ibid. LXVI. 16, Остр. ѡсѣдѣса),

имѣти вѣдѣтъ (Іер. XXX. 6, Остр. имѣтъ) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, формы эти особенно часты въ Новой библіи, тогда какъ въ Острожской и Первопечатной имѣются или другіе обороты, или формы настоящаго времени, и описательныя формы попадаются только единично, какъ напр., ꙗсти вѣдемъ (Ис. IV. 1, Остр.). Встрѣчается также и причастіе настоящаго или прошедшаго времени съ глаголомъ вѣдѣ въ значеніи будущаго: не вѣдетъ собираѣи (Ис. XIII. 14, Остр. не вѣдѣ собирающаго, Первоп. такой же оборотъ, какъ въ Остр.), не вѣдетъ оустрашаѣи (Іер. XXX. 10, Остр. не вѣдетъ оустрашаѣи) и т. д. вѣдетъ... ѿпадѣи (Ис. XXVIII. 4, Остр. вѣдетъ ѿпадѣи) и т. д.

Будущее совершенное, имѣвшееся въ старославянскомъ и выражавшееся причастіемъ прошедшимъ на -лъ и настоящимъ бѣдѣ, въ современномъ церковнославянскомъ не употребляется, хотя формы его встрѣчаются въ Остр. и Первоп. библіяхъ и были свойственны древнерусскому (ср. А. Соболевскій, Лекціи по ист. русск. языка 2 изд. 1891, стр. 213): ѿ ѿще грѣхѣи сотвориѣлъ ѣстъ, ѿпѣстатсѣ ѣмѣ (Іак. V. 15, Остр. вѣдѣ сѣтворилъ, Первоп. вѣдетъ сотвориѣлъ); ѿ оузритъ жреѣцъ, ѿ сѣ стрѣпѣи бѣлѣ на кожи, ѿ сѣи ѿзмѣнилъ власъ бѣлѣ... (Лев. XIII. 10, Остр. ѿзмѣнилъ вѣдетъ, Первоп. ѿзмѣнилъ вѣдетъ), ѿзмѣнитсѣ (ibid. 3, Остр. ѿзмѣнилсѣ вѣдетъ, Первоп. ѿзмѣнилсѣ вѣдѣ); да не кѣкѣ ѿскѣсилъ въ ѿскѣшаѣи (1 Сол. III. 5, Остр. ѿскѣсилъ въ вѣдѣ, Первоп. ѿскѣсилъ въ вѣдетъ) и т. д. Въ Новой б. находимъ или замѣну настоящимъ въ значеніи будущаго (ѿзмѣнитсѣ), или прошедшимъ сложнымъ со вспомогательнымъ глаголомъ и безъ него. Обыкновенно же функціи будущаго вообще беретъ на себя настоящее время совершеннаго залога, какъ уже и въ старославянскомъ.

Сослагательное или условное (Conditionalis) наклоненіе, выражавшееся въ старославянскомъ и древнерусскомъ причастіемъ прош. вр. на -лъ и формами аориста быхъ, встрѣчается довольно часто въ современномъ церковнославянскомъ въ своемъ первичномъ видѣ: ед. ч. первое лицо—ѿще быхъ мѣчъ имѣлъ въ рѣкѣ моѣю, пробѣлъ быхъ тѣ (Числ. XXII. 29, Остр. ѿще бы мѣчъ имѣлъ... пробѣлъ тѣ быхъ), да быхъ былъ (Іов. XXXI. 8, Остр. одинъ

аористъ бы), не оубѣлз быхъ васъ (Суд. VIII. 19, Остр. оубѣлз быхъ васъ); самъ быхъ себе оубѣлз, молилъ быхъ (Иов. XXX. 24, Остр. самъ бы себе оубѣлз, молилъ быхъ), да... возвеселѣлся быхъ (Лув. XV. 29, Зогра. възвеселѣлся бимъ, Остр. възвеселѣлся быхъ), далъ быхъ (Пс. L. 18, Остр. далъ бимъ, Первоп. далъ быхъ) и т. д.

Въ Острожской библии встрѣчаются изрѣдка формы съ бѣмъ (примѣры см. ниже, стр. 395), вызванныя по всей вѣроятности вліяніемъ польскаго *być* (напр., *gdy być miał* и т. д.). Возможно, впрочемъ, что это бѣмъ есть не что иное, какъ самостоятельная передѣлка (путемъ аналогіи или морфологической ассимиляціи) старославянскаго бимъ подъ вліяніемъ аориста быхъ или другихъ формъ глагола быти, гдѣ имѣлось ты. Рядомъ съ подобными формами и казалось нелогичнымъ и было замѣнено ы. Въ Первпечатной на мѣстѣ бѣмъ находимъ быхъ, которое и въ Острожской библии преобладаетъ.

Второе лицо въ старинной формѣ въ Новой библии встрѣчается рѣдко, а обыкновенно представляетъ позднѣйшую съ бы, низшедшимъ уже на степень простой частицы, стоящей при формѣ прошедшаго сложнаго: ѿще бы восхотѣлъ єси (Пс. L. 18, Остр. ѿще бы восхотѣлъ, Первоп. какъ въ Новой), страдат. зал. лишѣнъ бѣлъ бы єси (3 Макк. V. 21, Остр. 3 л. ед. гонѣнъ бѣ бы), дабы... сохранилъ єси, скрыйлъ... бы єси (Иов. XIV. 13, Остр. ѿще... бы мѣ сзхранилъ, сзкрылъ же мѣ бы, Первоп. также безъ єси), разѣмѣлъ бы єси (Іез. III. 6, Остр. разѣмѣши), єгда бы єси бѣлъ ѡправдѣлъ (3 Езд. IV. 18, Остр. єгда бы єси бѣлъ, бы єси... ѡправдѣлъ), ѿще бы вѣдала єси (Іоан. IV. 10, Остр. ѿще бы вѣдала, Первоп. также безъ єси) и т. д., но ты бы просѣла, далъ бы ти (Іоан. IV. 10, Остр. ты бы просѣла, далъ ти бы). Въ Острожской находимъ или другіе обороты, или болѣе древнія формы.

Третье лицо вполне обыкновенно: ѣкѡ бы ѿще ктò видѣлъ (Быт. XXXIII. 10, Остр. друг. текстъ ѣкоже видѣтъ ктò), ѿще бы ктò възглагола (Исх. XXXIII. 11, Остр. ѣкоже ктò възглагола), ѿще бы ѡвессалоумъ живъ бѣлъ, право было бы (2 Цств. XIX.

б, Остр. аще бы авесоломъ живъ былъ, право есть), еже бы не престало дѣло то (1 Езд. VI. 8, Остр. ежебы неоумедлѣло дѣло то), что было бы древо... (Іез. XV. 2, Остр. изъявит. что оубо древо лѣзное), аще ѿ міра сегѡ было бы цѣтво моѡ (Іоан. XVІІІ. 36. Остр. было бы) и т. д. Случаевъ съ прибавкой вспомогат. ѣсть не встрѣчается.

Первое лицо множ. числа имѣется довольно часто въ старинной формѣ: Годѡма оубъ были быхомъ, Гомѡррѡ оуподѡбилисѡ быхумъ (Іс. I. 9, Остр. такъ же), да быхомъ пребыли, и вселилисѡ (І. Нав. VII. 8, Остр. аще быхомъ пребыли, вселилисѡ), мѣртвы быхомъ были (2 Цств. XIX. 6, Остр. мѣртвы быхомъ были) и т. д. Рядомъ имѣются позднѣйшія формы, состоящія изъ формъ прошедшаго сложнаго съ бы, ставшимъ уже частицей и отнесеннымъ къ союзу: дабы ѣсмы не были (3 Езд. IV. 12, Остр. также дабы ѣсмы небыли), а также изъ исконныхъ формъ съ прибавленіемъ бы къ союзу: дабы быхомъ измѣрли (Ісх. XVI. 3, Остр. да быхомъ, измѣрли, Первоп. да быхомъ, измѣрли), дабы оумѣрли быхомъ (Числ. XIV. 3, Остр. другой текстъ, XX. 3, Остр. да быхомъ измѣрли, Первоп. да быхумъ измѣрли) и т. д. Въ Острожской и Первопечатной имѣемъ или другой текстъ, или исконныя формы.

Второе лицо встрѣчается большею частью въ исконной формѣ: аще бысте живѣли (Суд. VIII. 19, Остр. такъ же), аще не бысте ѡрѣли, не бысте оувѣдали (ibid. XIV. 18, Остр. аще не бысте принѣдали, такъ же), аще бысте имѣли, глаголали бысте (Л. XVII. 6, Остр. такъ же, глали бысте) и т. д. Изрѣдка встрѣчается форма сложнаго прошедшаго съ частицей бы и вспомогательнымъ глаголомъ ѣстѣ: дабы воцѣрилисѡ ѣстѣ (1 Коринѡ. IV. 8. Остр. цѣтвовастѣ).

Третѣе лицо является въ двухъ видахъ: исконномъ — аще быша послѣшали (Іс. LXXX. 14, Остр. аще бышѡ... послѣшали), аще... быша ходѣли, ѡбрѣли оубъ быша (Пр. С. II. 20, Остр. аще... бышѡ ходили, ѡбрѣли оубъ бышѡ), послѣшали быша (Іез. III. 6, Остр. послѣшали быша), да быша оувѣдѣли (Ісх. XLV. 6, Остр. дабыша оувѣдѣли), слѣги мой оубъ

подви́зали́са бы́ша (Іоан. XVІІІ. 36, Остр. подви́зали́са бы́ша) и т. д. и вторичномъ съ частицей бы: препита́лиса бы́ (Быт. І. 20, Остр. дасѣ прѣкѣрмѣтъ, Первop. дасѣ прѣкѣрмѣтъ), дабы́ хвали́ли и исповѣ́дали́са и слѣ́жили (2 Пар. XXXI. 2, Остр. дабы́ слѣ́жили і исповѣ́дали́са, и пѣли), ꙗ́ки бы принесли́ (Ис. LXVI. 20, Остр. ꙗ́коже принесо́ша), въ о́ньже бы не пришли́ (Іер. XLIX. 36, Остр. не при́мѣтъ), дабы́ ѿдава́ли (Дан. VI. 2, Остр. другой текстъ повѣдае́мъ), ꙗ́ще бы та́тіе вѣ́зли (Авд. І. 5, Остр. ꙗ́ще та́тіе бы́ша вѣ́зли, Первop. бы́ша вѣ́зли), дабы́ имѣ́ли, при́мѣли (2 Макк. II. 26, Остр. другой текстъ), ꙗ́ки бы при́мѣли (3 Макк. І. 25, Остр. другой текстъ—произвола́хъ), ꙗ́ще бы́ли бы, оу́готова́ли бы (ibid. V. 21, Остр. съ́тъ, оу́готова́ша), то бы́ли бы (Іов. VI. 3, Остр. вѣ́дѣтъ), ꙗ́ще бы не оу́ничто́жили ма́ (Юд. XI. 2, Остр. ꙗ́ще не бы́... оу́ниччи́жиша, Первop. ꙗ́ще не бы́ша... оу́ниччи́жиша) и т. д.

Изъ приведенныхъ случаевъ вторичныхъ формъ только одинъ имѣется уже въ Острожской (и Первопечатной); въ остальныхъ же находимъ въ Острожской библии или исконную форму (рѣдко), или совсѣмъ другіе обороты, замѣненные уже при позднѣйшей редакціи (Елисаветинской) новыми формами, перенесенными изъ современнаго живаго русскаго языка. Формы двойственнаго числа условнаго наклоненія не встрѣчаются.

Кромѣ указанныхъ выше образованій, изрѣдка встрѣчается соединеніе изъявительнаго наклоненія аориста съ формами вспомогательнаго глагола бы́хъ: тогда́ наско́чѣхъ бы́хъ на вы словесы́ (Іов. XVI. 4, Остр. ꙗ́ще наскѣ́ на вы словесы́, Первop. на-скака́хъ), и вѣ́дѣтъ ꙗ́ки бы не ѿврати́хъ ѣхъ (Зах. X. 6, Остр. и вѣ́дѣтъ вѣ́же кова́ръство не вѣзврати́хъ ѣхъ, Первop. возвра-ти́хъ) и т. д. Формы эти имѣются только въ Новой библии, а въ Острожской и Первопечатной на ихъ мѣстѣ находимъ другіе обороты. Внесены онѣ въ текстъ уже впоследствии при послѣдней его редакціи.

Формы вспомогательнаго бы́хъ нерѣдко сливаются въ написаніяхъ съ причастіемъ прошедшимъ, или съ союзами, что указываетъ на ихъ второстепенное значеніе; очевидно, онѣ чувствовались по-

чи какъ окончанія или суффиксы. Примѣромъ можетъ служить: оукрыльыхса (Пс. LIV. 13, Остр. оукрылз быса, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Случай слитнаго написанія бы съ союзомъ да (дабы) см. выше (стр. 392).

Разсмотрѣнныя формы встрѣчаются и у грамматиковъ. У Л. Зизанія онѣ являются въ „молитвенномъ наклоненіи“ („образѣ“), представляющемъ слѣдующія подраздѣленія: „мимошедшее“—дѣ гаві́лбы, гаві́лбы ёси, гаві́лбы. дѣ бы гаві́ховѣ, гаві́ста бы, бы. дѣбы гаві́хомз, гаві́сте бы, гаві́ша бы; „протяженное“—дѣ бы гавлѣ́, гавлѣ́ бы ёси, ла, ло. гавлѣ́шебы, дѣ бы гавлѣ́ховѣ, вабы. стабы. гавлѣ́стабы, дѣ бы гавлѣ́хѣ́, гавлѣ́стебы, гавлѣ́хѣ́бы, „пресовершенное“—дабы гавлѣ́а, гавлѣ́абы ёси, ла, ло. гавлѣ́ашебы. дѣ бы гавлѣ́аховѣ, хова; гавлѣ́астабы (bis), дѣ гавлѣ́ахѣ́, гавлѣ́астебы, гавлѣ́ахѣ́бы (л. 58); приблизительно такія же формы находимъ у глагола гласіти: „молитвеннаго мимошедшее“—дѣ бы гласі́лз, гласі́лз бы ёси, ла бы, ло бы. дѣбы гласі́ховѣ, гласі́ста бы (bis), множ. дѣ бы гласі́хѣ́, сі́стебы, шабы; „протяженное“—дѣ бы глашѣ́, глашѣ́лз бы ёси, ла бы, ло бы, шѣ́лз бы, глашѣ́ше бы; дв. дѣ бы глашѣ́аховѣ, стабы; дабы глашѣ́ахѣ́, стебы, хѣ́бы, шабы; „пресовершенное“—дабы глашѣ́а, глашѣ́абы ёси, ла, ло, глашѣ́ашебы, дв. дѣбы глашѣ́ааховѣ, ша́астабы, стабы; дабы глашѣ́аахѣ́, ша́астебы, хѣ́бы, шабы и пр. (л. 71 на об. и 72); отъ быти: „непредѣльное“—дѣ бы́л бы, бы́ бы ёси, бы́бы; дѣ быбы́ховѣ, ва; бы́ста бы, бы́ста бы; мн. дѣ бы бы́хѣ́, бы́стебы, бы́шабы, бѣ́хѣ́ (л. 77) и т. д. Въ этихъ парадигмахъ мы находимъ смѣсь различныхъ формъ условнаго или сослагательнаго наклоненія: рядомъ съ исконными, въ родѣ 1 л. гаві́лз, гласі́лз бы́хз, 3 л. гаві́лз, гласі́лз бы, имѣются вторичныя, представляющія или формы сложнаго прошедшаго съ прибавленіемъ частицы бы (2 л. гаві́лз бы ёси, ср. выше, стр. 391, гавлѣ́лз бы ёси, гласі́лз бы ёси и т. д.), или формы изъявительнаго аориста и имперфекта также съ прибавленіемъ частицы бы: ед. ч. гавлѣ́ше бы, глашѣ́ше бы и т. д., дв. ч. дѣ бы гаві́ховѣ, гаві́ста, дѣ бы гавлѣ́аховѣ, гавлѣ́ста бы, дѣ бы гласі́ховѣ, гласі́ста бы и т. д. мн. ч. дѣ бы гаві́хомз, да бы гласі́хомз, гаві́сте бы, гласі́сте бы, гаві́ша бы, гавлѣ́хѣ́ бы и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ формъ въ библейскомъ текстѣ не встрѣчаются только формы двойственного числа, а также и формы имперфекта (съ контракціей и безъ контракціи) съ частицей бы.

У М. Смотрицкаго мы находимъ занимающія насъ формы въ его „сослагательномъ наклоненіи“, которое у него представляетъ слѣдующіе временные оттѣнки: „вида совершеннаго: 1) настоящее“—ѣще бымыз чѣлз, члѣ, члѣ (ср. Острожской библии Пс. I. 18, далз бымыз, Первоп. далз быхъ; Остр. Пс. LXXX. 14, възложилз бы, Первоп. възложилз быхъ; Остр. Пс. LIV. 13, претерпѣлз бымъ, Первоп. претерпѣлз быхъ; въ Новой тѣ же формы, что и въ Первоп.); 2 л. ѣще бы еси чѣлз и т. д. (какъ и у Зизанія и въ Новой, см. выше, стр. 391 и 394); 3 л. ѣще бы чѣлз и т. д. (исконная форма); въ двойственномъ и множественномъ замѣчается вліяніе польскихъ сложныхъ формъ въ родѣ byliśmy, byliście и т. д.: дв., мн. и ср. ѣще бы члѣсма, члѣста, члѣста; ж. р. ѣще бы члѣсмѣ, члѣстѣ, стѣ; мн. ч. ѣще бы члѣсмы, ѣще бы члѣсте, члѣи. Формы эти въ библейскомъ текстѣ отсутствуютъ. Въ „преходящемъ“ того же вида находимъ—въ первомъ лицѣ ед. ч. форму съ быхъ: ѣще быхъ чѣлз (исконную), во второмъ ѣще былз еси (чѣлз?); т. е. форму давнопрошедшаго, въ третьемъ (?)—бѣше (чѣлз?); дв. ч. м. и ср. р. ѣще бысма члѣ, быста, ста, ж. р. ѣще бысмѣ члѣ, быстѣ, стѣ (не встрѣчаются въ текстахъ), множ. ч. ѣще быхомз члѣи, бысте (формы исконныя), бѣхъ или быша (т. е. члѣи). Формы имперфекта съ причастіемъ прошедшимъ на -лъ, находимыя здѣсь, языку Библии чужды. Въ томъ же родѣ и другія „времена“, напр. „вида учащательнаго настоящего“ ѣще бымыз, ѣще бы еси, ѣще бы читалз, ла, ло; дв. м. и ср. р. ѣще бы читаласма, читаласта, ста; ж. р. ѣще бы читалѣсмѣ, читалѣстѣ, стѣ; множ. ч. ѣще бы читалисмы, читалисте, читали. Ближе къ исконнымъ формамъ „прешедшее“ М. Смотрицкаго: ед. ч. ѣще быхъ читалз, ла, ло; былз еси, ла, ло; бѣше (какое лицо?); дв. ч. м. и ср. р. ѣще бысма читала, быста, ста (л. 194 на обѣихъ сторонахъ); ж. р. ѣще бысмѣ читалѣ, быстѣ, стѣ; множ. ч. ѣще быхомз читали, бысте, бѣхъ, или быша; „миошедшее“—ѣще быхъ читаалз, ла, ло, былз еси, ла, ло, бѣше; дв. ч. м. и ср.

ѣще вы́сма чита́ла, вы́ста, ста; ж. р. ѣще вы́смѣ чита́лѣ, вѣ-
стѣ, вы́стѣ; мн. ч. ѣще вы́хомъ чита́ли, вы́сте, вѣхѣ или вы́ша:
„непредѣльное“—ѣще вы́хъ прочѣлѣ, члѣ, ло; вы́лѣ ѣси, лѣ, ло;
вѣше; дв. м. и ср. ѣще вы́сма прочлѣ, вы́ста, ста; ж. р. ѣще вы́смѣ
прочлѣ, вы́стѣ, стѣ; множ. ѣще вы́хомъ прочли, вы́сте(,) вѣхѣ,
или вы́ша и т. д. Въ этомъ же родѣ и „наклоненіе подчини-
тельное“ Смотрицкаго, въ которомъ только находимъ другой
союзъ да: „проходящее“ да вы́хъ чѣлѣ, вы́лѣ ѣси, вѣше; дв.
мн. и ср. да вы́сма члѣ, ж. да вы́смѣ члѣ и т. д. (л. 195—
196). Многія изъ приведенныхъ здѣсь формъ въ библейскомъ
текстѣ вовсе не встрѣчаются и принадлежать, вѣроятно, самому
Смотрицкому; таковы формы имперфекта съ частицей бы, нѣко-
торыя формы, образованныя по типу польскихъ сложныхъ формъ
въ родѣ *chodziłem, chodziliśmu* и т. д. Быть можетъ, впрочемъ,
нѣкоторыя изъ этихъ формъ, не встрѣчающихся въ церковно-
славянскомъ московскаго типа, употребляются въ смѣшанномъ
югозападномъ церковнославянскомъ, рассмотрѣніе котораго не
входитъ въ кругъ нашего изслѣдованія. Отъ соответствующихъ
парадигмовъ Л. Зизанія формы, находимыя у М. Смотрицкаго,
отличаются въ общемъ незначительно. Общимъ характернымъ при-
знакомъ является у тѣхъ и другихъ пестрое смѣшеніе разнока-
либерныхъ, дѣйствительныхъ и искусственныхъ формъ. У Смотриц-
каго искусственного элемента больше, чѣмъ у Л. Зизанія.

§ 26. *Страдательный залогъ*, какъ и въ старославянскомъ
выражается или формами возвратнаго залога, или описательными
выраженіями. Употребленіе тѣхъ или другихъ формъ совсѣмъ без-
различно и не связано ни съ какими оттенками значенія. Отно-
сительно первыхъ, т. е. возвратныхъ съ мѣстоименіемъ -са, нужно
замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мѣстоименіе
возвратное уже является въ качествѣ простого суффикса, слив-
шагося съ глагольной формой; это морфологическое сліяніе вы-
ражается и графически—слитными написаніями въ родѣ: *крѣща-
хъса* (Мр. I. 6, Остр. *крѣщахъса*), *соблюждѣтса* (Лук. V. 38, Зогр.
сѣблюдетъ са, Остр. *сѣблюдетса*) и т. д. Случаевъ, въ кото-
рыхъ са было бы отдѣлено отъ своего глагола другими словами

или стояло бы впереди его, немного; въ первомъ случаѣ мы обыкновенно находимъ слитныя написанія, показывающія, что съ все же чувствуется второстепенной и неразрывной морфологической частью слова: оўсрамѣхбоса (2 Езд. VIII. 51, Остр. оўсрамѣбоса, Первоя. какъ въ Новой), оўкрылбыхса (Пс. XLV. 13, Остр. оўкрылз быса, Первоя. какъ въ Новой), спасѣтлсѣ (Ис. XLIX. 24, Остр. спсѣтлсѣ, Первоя. спасѣтлсѣ), посмѣетелсѣ (Иов. XXI. 3, Остр. непосмѣетелсѣ, Первоя. какъ въ Новой), ѡставлѣюттлсѣ (Лук. V. 23, Остр. ѡставлѣюттлсѣ, Первоя. ѡставлѣюттлсѣ); не прикасѣютбоса (Иоан. IV. 9, Остр. неприясѣютбоса, Первоя. неприясѣютбоса), 3 ед. дивѣтлсѣ (Иов. XXXVI. 28, Остр. дивѣтлсѣ, Первоя. какъ въ Новой), ѣзмѣетлсѣ (ibid. Остр. ѣзмѣеттлсѣ, Первоя. какъ въ Новой) и т. д. Примѣры второго случая встрѣчаются изрѣдка въ Острожской библіи: дасѣ ѣсправитѣ (Пс. CXI. 2, Первоя. и Нов. да ѣсправитсѣ) и т. д.

Перифрастическія же формы страдательнаго залога не представляютъ ничего особеннаго, сравнительно со старославянскими.

Настоящее время выражается причастіемъ настоящаго времени страдательнаго залога съ формами вспомогательнаго глагола ѣсмь: 3 л. мн. мѣчимъ сѣтъ (Исх. V. 16, Остр. мѣчимъ сѣтъ) и т. д.

Прошедшее время выражается также причастіемъ страдат. настоящимъ или прошедшимъ съ имперфектомъ, аористомъ или сложнымъ прошедшимъ вспомогательнаго глагола: бѣше хранима (Лев. XIX. 20), бѣше прослѣвленъ (Исх. XXXIV. 30), ѡбѣнѣтъ бѣше (1 Цств. XXI. 9), бѣни быша (Исх. V. 14), слышаны быша (1 Цств. XVII. 31), оўкрашенна была ѣси (Иез. XVI. 13), ѡслобленъ былъ ѣси (3 Цств. II. 26) и т. д. Причастіе прошедшее страдательнаго встрѣчается также съ настоящимъ временемъ вспомогательнаго глагола въ значеніи прошедшаго страдат. взѣтъ ѣси (Быт. III. 19, Остр. взѣтъ бытъ) и т. д.

Сослагательное или условное наклоненіе также имѣется: ѣще быхомъ сожжѣни были (3 Езд. XII. 44) и т. д.

Будущее время выражается причастіемъ страдательнаго настоящаго или прошедшаго времени съ вспомогательнымъ глаго-

ломъ бѣдѣ: ѡблаадеми не бѣдемъ (Іер. II. 31), гатъ бѣдетъ (Исх. XXII. 4), познанъ бѣдѣ (Исх. XXX. 6) и т. д.

У Зизанія страдательный залогъ имѣетъ всегда возвратныя формы: ꙗвлѡсѧ, ꙗвишисѧ, ꙗвитсѧ, 1 л. множ. ꙗвимосѧ (1 л. дѣйств. ꙗвимъ: л. 57 на об.), ꙗвитесѧ, ꙗвѡтсѧ и т. д. (л. 60) и т. д.

Тоже находимъ и у М. Смотрицаго: наст. чтоусѧ, чтѣшисѧ, чтѣтсѧ; дв. чтѣмасѧ, чтѣмѣсѧ, чтѣтасѧ, чтѣтѣсѧ; мн. чтѣмсѧ и т. д., но рядомъ у него приводятся и перифрастическія выраженія: чтѡмъ, ма, мо бываю, еши, етъ; дв. чтѡма бываема, чтѡмѣ бываеми... мн. чтѡми, чтѡмы, чтѡма бываемъ и т. д. (л. 201 на об.).

Въ такомъ видѣ проведено у него все страдательное спряженіе. Формальныя особенности, замѣчаемыя здѣсь, рассмотрѣны уже выше и новаго ничего не представляютъ.

§ 27. *Неопредѣленное наклоненіе и супинъ.* Такъ называемое неопредѣленное наклоненіе ничѣмъ не отличается въ морфологическомъ отношеніи отъ старославянскаго.

Суффиксомъ у глаголовъ съ основой на гласный и всѣ согласные, кромѣ заднеязычныхъ (к, г, х), служить -t'i (цслав. -ти), отвѣчающее стсл. -ти, а у глаголовъ съ основой на заднеязычный согласный—s'ě'i (цсл. -ши=стсл. -шти). Формъ на -t' (цсл. -тъ) въ Новой библии не встрѣчается. Формы эти имѣютъ также значеніе супина, совсѣмъ не встрѣчающагося въ церковнославянскомъ, уже въ Острожской библии: снѣз бо члѣвѣскій не прїиде дѣшъ члѣвѣскѣхъ погубити, но спасти (Л. IX. 56, Зогр. 55. погоубитъ нѣ сынасть, Остр. погубити, нѡ спити), послѣ Исхсѧ... согладати (І. Нав. II. 1, Остр. сзгладати), связати Гамѣѡна прїидѡхомъ, ѡ сотворити ѣмѧ... (Суд. XV. 10, Остр. связати, сзтворити) и т. д. помощи (Вар. IV. 17), рещи (Быт. XXVI. 7) мощи, теши (М. Смотр. л. 215) и т. д. У Л. Зизанія и М. Смотрицаго имѣются такія же формы. У послѣдняго можно отмѣтить фиегивныя формы неопред. наклоненія „мишешаго“ вр., какъ читаати (подъ вліяніемъ имперфекта безъ контракціи) или „непредѣльнаго“ и „будущаго“ прочести и т. д. (л. 197 на обор.).

Формъ супина ни у того, ни у другого не встрѣчается, что вполне естественно въ виду его ранняго исчезновенія и въ русскомъ языкѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы закончили нашъ бѣглый очеркъ фонетики и морфологій церковнославянскаго языка московскаго или великорусскаго типа. Въ основу его положены нами три памятника, отдѣленные другъ отъ друга приблизительнымъ разстояніемъ около 80—90 лѣтъ: Острожская библия (1581 г.), Первопечатная Московская (1663 г.) и Новая, представляющая собой точную перепечатку Елизаветинской исправленной библии 1751 и 1756 гг. ¹⁾ Эти тексты взяты нами, во-первыхъ, какъ наиболѣе разнообразныя и богатые по языку, и, во-вторыхъ, какъ наиболѣе типичныя представители позднѣйшаго церковнославянскаго. Острожская библия, какъ извѣстно, основана на спискѣ, присланномъ князю Константину Острожскому изъ Москвы царемъ Иваномъ Грознымъ ²⁾ и очень близкомъ къ такъ называемому Геннадіевскому списку библии. Этотъ послѣдній составленъ въ самомъ концѣ XV в. (1499 г.) и представляетъ во всякомъ случаѣ въ значительной степени великорусскую переработку текстовъ, хотя бы первично и не русскаго извода ³⁾. Такъ какъ Острожская библия является резуль-

¹⁾ Изданія Елизаветинской библии 1751 и 1756 г. не отличаются ничѣмъ другъ отъ друга въ отношеніи текста и языка. Во второмъ только прибавлены гравюры въ началѣ каждой ветхозавѣтной книги (въ первомъ лишь въ началѣ книги Бытія); кромѣ того, въ немъ употреблены другія заставки и виньетки въ концѣ книгъ, большаго размѣра и изящества. Вообще второе изданіе отличается отъ перваго большимъ типографскимъ изяществомъ. Отъ современныхъ изданій (мы пользовались Московскимъ въ малую 8° 1879 г.) отличія ничтожны. Текстъ, формы, акцентуація, правописаніе тождественны. Уклоненія современныхъ изданій заключаются только въ исправленіи незначительныхъ опечатокъ и разрѣшеніи нѣкоторыхъ сокращеній или, наоборотъ, въ подведеніи подъ титла.

²⁾ См. Предисловіе къ Острожской библии.

³⁾ Объ этомъ спискѣ и его отношеніи къ Острожской библии, см. Описаніе рукописей Синод. библіотеки 1855, стр. 1—164, а также Вуслаевъ, Историческая Христоматія церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ,

татомъ извѣстной редакціонной обработки ¹⁾, а не простой перепечаткой присланнаго изъ Москвы рукописнаго списка, то, разумѣется, языкъ и текстъ этого послѣдняго должны были подвергнуться нѣкоторымъ, хотя бы и не особенно значительнымъ, измѣненіямъ. Главнымъ дѣятелемъ при ея печатаніи былъ, какъ извѣстно, московскій первопечатникъ, дѣсмонъ Иванъ Ѳеодоровъ ²⁾. Такимъ образомъ, Острожская біблія легко могла получить и дѣйствительно получила въ значительной степени великорусскую (московскую) окраску ³⁾, которая еще болѣе усилилась въ ея московской перепечаткѣ 1663 г.

Библія Скорины на 60 слишкомъ лѣтъ старше Острожской ⁴⁾, но представляетъ совсѣмъ другой (и довольно рѣдкій) типъ языка — смѣсь церковнославянскаго, польскаго, бѣлорусскаго и чешскаго, почему мы и оставили ее въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что въ нашей литературѣ имѣется уже довольно обстоятельное изслѣдованіе этого памятника со стороны языка въ только-что цитированной книгѣ проф. П. В. Владимірова. Нельзя, конечно, отрицать, что тексты, въ родѣ бібліи Скорины или различныхъ произведеній югозападной русской литературы, писанные на польско-малорусско (или бѣлорусско-) церковнославянскомъ, обращались среди великоруссовъ и, слѣдовательно, оказывали извѣстное вліяніе на ихъ языкъ, но, съ другой стороны, мы также знаемъ, что не только на Москвѣ, но и у всѣхъ православныхъ славянъ въ борьбѣ за существованіе между нѣсколькими типами церковно-книжнаго языка одержалъ верхъ именно типъ великорусско-церковнославянскій, вполне опредѣленно сказавшійся уже въ Острожской бібліи и сохранившій лишь незначительные остатки другихъ не русскихъ изводовъ

Москва, 1861, стр. 185—198; кромѣ того, Н. Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса, 1883, стр. 114—116, 120—123.

¹⁾ См. объ этомъ Предисловіе къ Острожской бібліи.

²⁾ О дѣятельности Острожской типографіи см. М. А. Максимовича Книжная старина южно-русская во Временникѣ Имп. Моск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. Кн. I. 1849. Смѣсь, стр. 1—12: стр. 5—8.

³⁾ См. Владиміровъ, П. В., Докторъ Францъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888, стр. 204—205, 207.

⁴⁾ Объ отношеніи Острожской бібліи къ Скорининской, см. цитир. сочин. Владимірова, стр. 211—218.

(болгарскаго и сербскаго), а также и слабыя слѣды малорусскаго вліянія. Очевидно, что побѣда досталась ему по праву, какъ болѣе сильному, т. е. болѣе распространенному, а также и поставленному въ лучшія условія существованія. Отсюда не будетъ нѣтяжкой предположить, что и наибольшая доля вліянія на живой великорусскій языкъ должна была принадлежать именно этому книжному великорусско-церковнославянскому языку. Особенности и постепенныя измѣненія его лучше всего могутъ быть прослѣжены именно на трехъ вышеуказанныхъ библіяхъ, подвергавшихся въ теченіе четырехъ послѣднихъ столѣтій троекратному пересмотру и исправленію и представляющихъ какъ бы три послѣдовательныя стадіи на пути отъ средняго церковнославянскаго къ новому. Пересмотръ этотъ не проходилъ даромъ не только для текста, но и для языка,—напротивъ, замѣтно отражался на немъ. Благодаря этому, наблюдается довольно значительная разница между языкомъ тѣхъ библейскихъ книгъ, которыя ведутъ свое начало изъ болѣе древнихъ старославянскихъ рукописей или подверглись лишь незначительнымъ измѣненіямъ, напримѣръ, въ Елизаветинской редакціи, и такихъ, которыя были напечатаны съ болѣе позднихъ рукописей, сильно исправлены или совсѣмъ заново переведены для Елизаветинской библіи ¹⁾ Но такъ какъ главной цѣлью нашего вышепредложеннаго очерка было дать лишь общую характеристику позднѣйшаго церковнославянскаго, а не детальную и всестороннюю его исторію, то мы игнорировали хронологическія разницы между языкомъ, положимъ, книги Іова, Руѣи или Бытія и т. д. съ одной стороны и книгъ Маккавейскихъ, Юдиѣи, Эсѣири, Товита и т. д. съ другой. Мы считали себя въ правѣ сдѣлать это не только потому, что уже самый фактъ напечатанія ихъ рядомъ, такъ сказать, подводитъ ихъ подъ одинъ уровень и какъ бы дѣлаетъ не существующими хронологическія разницы между рукописными оригиналами-источниками печатнаго изданія, но также

¹⁾ См. объ этомъ въ статьѣ Чистовича: Исправленіе Славянской Библіи (Православное Обозрѣніе. 1860, апрѣль, май), стр. 42, 54, а также въ статьѣ Лебедева, В. Къ исторіи кирилло-меѳодіевскаго славянскаго перевода Библіи на Руси (Странникъ 1885, томъ I, стр. 3—29, 201—230, 393—411, 584—589).

и потому, что для нашей главной цѣли—изслѣдованія церковно-славянскихъ элементовъ въ современномъ русскомъ языкѣ съ общесравнительной точки зрѣнія, какъ одного изъ проявленій процесса заимствованія въ языкѣ, вышеупомянутые вопросы имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Поэтому же мы не даемъ здѣсь и историческаго очерка судьбы старославянскаго языка на Руси съ его перваго въ ней появленія ¹⁾ до начала книгопечатанія (вторая половина XVI в.). Особенности рукописныхъ памятниковъ русской рецензіи уже достаточно изслѣдованы и общезвѣстны; особенности же окончательно сложившагося и закрѣпленнаго Елизаветинской редакціей церковнославянскаго печатнаго языка до сихъ поръ не были представлены сколько-нибудь полнымъ и удовлетворительнымъ образомъ. Единственная почти попытка этого рода—Грамматика Славяно-церковнаго языка новаго періода В. Класовскаго ²⁾ весьма неполна въ отношеніи матеріала и часто, совсѣмъ недостоверна, ибо приводитъ не существующія формы безъ всякихъ доказательствъ. Мы далеки отъ мысли считать предложенный выше общій очеркъ церковнославянскаго языка новаго періода свободнымъ отъ всякихъ недостатковъ, но позволяемъ себѣ надѣяться, что, при отсутствіи въ научной литературѣ исчерпывающаго представленія этого предмета, наша попытка будетъ не совсѣмъ лишней. Вездѣ мы старались провести параллель между дѣйствительными фактами языка, находимыми въ библейскомъ текстѣ, и современной имъ грамматической теоріей, главными представителями которой являются Л. Зизаній и М. Смотрицкій ³⁾.

¹⁾ Краткій подобный очеркъ можно найти у А. И. Соболевскаго. Судьбы Церковно-Славянскаго языка. Лекціи (литогр. изданіе). Спб. 1891, стр. 21—31 и въ цитиров. уже книгѣ Засадкевича.

²⁾ Второе измѣн. изданіе 1867, Спб. 12°, М. О. Вольфъ, пятое, безъ перемѣнъ 1887. Существуетъ еще школьный учебникъ Кузьмина: Грамматика церковнославянскаго языка, новаго періода. М. 1885.

³⁾ Что касается грамматики М. Смотрицкаго, то мы пользовались главнымъ образомъ ея вторымъ (точнѣе третьимъ) московскимъ изданіемъ 1648 г., ссылаясь на первое изданіе (Евю, 1619) только изрѣдка. При этомъ мы имѣли въ виду болѣшую близость московскаго изданія (какъ извѣстно, довольно сильно измѣненнаго московскими справщиками) къ вырабатывавшемуся въ то время окончательному типу великорусско-церковнославянскаго

При этомъ довольно часто обнаруживалось несоотвѣтствіе между обѣими сторонами, не позволяющее намъ вполне согласиться съ тѣми учеными, которые, начиная съ покойнаго Григоровича ¹⁾, приписываютъ грамматикѣ Смотрицкаго особенно сильное, почти исключительное, вліяніе на окончательное образованіе церковнославянскаго языка новаго періода. Намъ кажется, что грамматика Смотрицкаго была часто довольно независима отъ современныхъ ему образцовъ языка ²⁾, представляя нерѣдко чисто субъективные взгляды и желанія самого автора, и, въ свою очередь, языковое чутье справщиковъ и другихъ знатоковъ церковнославянскаго, выработывавшихъ его не на одной грамматикѣ Смотрицкаго, но и на чтеніи разнаго рода текстовъ, довольно успѣшно боролось съ навязываемыми ему чуждыми или субъективными формами и правилами. Въ этомъ отношеніи интересно сравненіе Евюнскаго изданія 1619 г. съ московскимъ 1648 г. Какъ извѣстно уже, это послѣднее отличается отъ оригинальнаго. Отличія заключаются не только въ опущеніи оригинальнаго предисловія и замѣнѣ его собственнымъ, представляющимъ въ бѣльшей части выпиской изъ сочиненій Максима Грека, въ прибавкѣ послѣловія (также изъ сочиненій Максима Грека), въ опущеніи греческихъ и латинскихъ терминовъ, а также и имени ренегата-автора, которое могло бы

языка, а, слѣдовательно, и большее его значеніе для поставленной нами себѣ цѣли.

¹⁾ «... со времени, когда обращено было просвѣщенное вниманіе на исправленіе священныхъ книгъ, ученые въ опредѣленіи свойствъ и выговора Словянскаго языка рѣшительно руководствовались чувствомъ Русскаго языка. Наконецъ, послѣдовательность такого пониманія была навсегда утверждена полною теоріей сего языка въ знаменитой грамматикѣ М. Смотрицкаго. Отсѣлѣ правила этой грамматики служили послѣднимъ опредѣленіемъ Церковно-Славянскаго языка. Оставаясь примѣчательнѣйшимъ трудомъ ученаго. XVII столѣтія, она есть результатъ всѣхъ измѣненій, каковымъ подвергался у насъ въ Россіи Словянскій языкъ въ продолженіе семи столѣтій. вмѣстѣ съ этимъ, бывъ первымъ послѣдовательнымъ опредѣленіемъ языка, она изгладилла также послѣднія воспоминанія о древнѣйшемъ его характерѣ. И не только у насъ въ Россіи, но и у Сербовъ и Болгаръ, даже у католическихъ Словянъ, употреблявшихъ глаголиту, она заставила забыть древніе звуки и формы Словянскаго языка и подчинила господствующему въ Россіи употребленію его» (Григоровичъ. Статьи, касающіяся древняго Словянскаго языка. Казань, 1852, стр. 10—11).

²⁾ Ближе всего первое изданіе ея къ языку Острожской библии.

вызывать недовѣріе и подозрѣніе, но главнымъ образомъ въ измѣненіи самого грамматическаго матеріала. Московскіе издатели не оставили безъ исправленія ни одной почти формы, ни одной акцентуаціи, которыя имъ показались странными или непривычными. Такъ, въ склоненіяхъ московскаго изданія мы находимъ много позднѣйшихъ, чисто русскихъ формъ, на мѣстѣ которыхъ въ оригинальномъ имѣются древнія старославянскія или болѣе близкія къ нимъ; въ спряженіяхъ измѣненій меньше (такъ почему-то сохранены всѣ образованныя на польскій ладъ глагольныя формы), но всѣ онѣ сдѣланы въ пользу новѣйшихъ, позднѣйшихъ формъ. Особенно много измѣненій въ акцентуаціи, которая въ московскомъ изданіи поставлена по русскому образцу. Какъ образчикъ, мы приведемъ различія въ склоненіи бывшихъ основъ на ā-, jā-:

	Е в ю.	М о с к в а.
Дат. предл.	сноѣ	снохѣ
Дат. множ.	снохамъ	снохамъ
Творительный	снохами	снохами
Предложный	снохахъ	снохахъ
Родит. един.	мрѣжѣ	мрѣжи
Винительный	мрѣжѣ	мрѣжю
Им. множ.	} мрѣжѣ	мрѣжи
Винительный		мрѣжи
Звательный		мрѣжи
Винит. множ.	юношы и юношѣ	только юношы
Род. един.	{ тогѣ пі́лници	тогѣ и тоѣ пі́лници
Д. пр. м. и ж.	пі́лници	пі́лницѣ
Именит. множ.	ті́н пі́лници, ті́ѣ пі́лницѣ	м. ж. пі́лници
Род. ед. м.	ѡбра́щи, ж. ѡбра́щѣ	м. ж. ѡбра́щи
Винит. множ.	зах́аріѣ	зах́аріи
Родит. един.	ла́діѣ	лодіи
Дат. предл.	ла́діи	лодіи
Винительный	ла́дію	лодію

Им. вин. мн.	лѣдіѡ	лѣдіи
Родительный	лѣдіѡ	лѣдѣй, іѡ
Родит. множ.	сѣдіѡ	сѣдіѡ, ѣѡ
Винительный	сѣдіѡ	сѣдіѡ
Именит. един.	самарѡныни	самарѡныниѡ
Родительный	самарѡныниѡ	самарѡныни
Дательный	самарѡныни	самарѡныниѣ
Предложный		самарѡныни и т. д.

При подробномъ сличеніи ¹⁾ этихъ двухъ изданій нетрудно убѣдиться, что не только грамматика Смотрицкаго (Евю 1619) не повліяла на церковнославянскій языкъ московскихъ ея издателей, но, наоборотъ, сама она подверглась передѣлкѣ въ ихъ рукахъ. Передѣлка эта совершилась подъ несомнѣннымъ вліяніемъ живого великорусскаго языка, которое вызвало и извѣстныя особенности великорусскаго церковнославянскаго ²⁾. Такимъ образомъ, если говорить о вліяніи грамматики Смотрицкаго на позднѣйшій церковнославянскій, то только разумѣя ея московское изданіе, въ которое внесено много особенностей великорусскаго церковнославянскаго, развившихся въ немъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ живого языка и независимо отъ какой бы то ни было грамматической теоріи. Выше однако мы видѣли, что и парадигмы московскаго изданія далеко не всегда согласуются съ формами, добытыми изъ самаго текста. Нѣкоторыхъ формъ, сохраненныхъ и въ московскомъ изданіи (въ родѣ сослагательнаго въ польскомъ вкусѣ), въ библейскомъ текстѣ всетаки не встрѣчается. Отсюда намъ кажется, что, не отрицая вообще возможности влія-

¹⁾ Мы производили подобное сличеніе, но приводимъ выше лишь небольшой образчикъ добытыхъ результатовъ.

²⁾ Мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Засадквичемъ (цит. сочиненіе, стр. 132—133), что причины измѣненій, произведенныхъ московскими издателями въ грамматикѣ Смотрицкаго, заключались въ недовѣріи къ ренегату-автору и боязни предъ еретическими его ученіями. Эти мотивы могли ихъ заставить умолчать имя автора, замѣнить предисловіе новымъ и т. д. Измѣненія же въ парадигмахъ прямо вызывались далекостью оригинальнаго изданія Смотрицкаго отъ привычнаго издателямъ типа церковнославянскаго языка, сообразно съ которымъ они и измѣнили свой оригиналъ.

ніа граматики Смотрицкаго (особенно московскаго изданія) на новѣй церковнославянскій, слѣдуетъ, однако, говорить объ этомъ въ менѣ категоричномъ тонѣ, чѣмъ это обыкновенно дѣлалось и дѣлается.

К о н е ц ъ .

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница.</i>	<i>Строчка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
8	13 сверху	проязыка	праязыка
17	20 снизу	займствованъ	займствовалъ
21	6 —	съгласнѣ	съгласнѣ
27	10 сверху	¹)	²)
30	1 —	t'ylæfón	t'yl'æfón
32	13 снизу	имѣеть	имѣется
59	7 сверху	приблужаю	приблужаю
61	12 снизу	табон	такон
63	2 —	Moscoviticom	Moscoviticam
—	3 —	но	ко
82	12 сверху	Sasy	Sacy
105	11 —	чувствоваться	чувствоваться
143	1 снизу	slæ'zy	sl'æzy
144	9 —	dʒtín	dʒtín,
147	12 —	(=č')	=č'
150	18 —	(š)	š)
151	17 сверху	жд	жд
152	5 —	ž'd	žd

154 послѣ 18 — вставить: Въ первомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго (Евю. 1619) различаются г и Г, первое для спиранта γ, второе для взрывного g. Въ московскомъ же изданіи находимъ только одинъ знакъ г, звуковое значеніе котораго неясно. Кажались-ли два знака для такихъ близкихъ звуковъ, какъ γ и g, роскошью московскимъ издателямъ, или ихъ произношенію свойственъ былъ лишь одинъ (какой?) изъ этихъ звуковъ, рѣшить, разумѣется, нельзя.

Страница.	Строчка.	Напечатано.	Читай.
156	8 сверху	zz'z'	zz'z'
158	14 снизу	лѣжа	лѣжа
169	16 сверху	благостѣхъ	благостѣхъ
171	9 снизу	ц-	п-
173	2 сверху	имене	ѣмене
174	8 —	удареніемъ	удареніемъ:
178	6 снизу	коло	кóло
187	5 —	дѣѣ	дѣѣ
204	9 —	рабыни	рабыни
206	11 —	тиг	тиг
209	9 сверху	обою	о́бою
212	1 —	плѣсѣлы	плѣсѣлы
214	7 —	островѣвъ	о́стровѣвъ
216	1 снизу	градовѣмъ	градовѣмъ
219	10 —	послѣми	послѣми
220	7 —	займствованныхъ	займствованнымъ
224	10 сверху	чада	ча́да
225	2 —	цѣствомъ	цѣствомъ
235	12 снизу	пѣщѣвъ	пѣщѣвъ
237	7 сверху	своѣ	своѣ
242	17 снизу	срцы	срцы
248	7 сверху	ісоусовѣма	ісоусовама
258	12 —	оно	о́но
259	4 —	ономъ	о́номъ
260	12 —	оной	о́ной
262	14 снизу	онѣмъ	о́нѣмъ
270	14 сверху	обѣ	о́бѣ
271	2 снизу	има	ѣма
273	15 сверху	очи	о́чи
—	18 —	своѣ	своѣ
275	3 —	слова: „Остр. и Перв. вѣша“ перенести въ слѣдующую строку послѣ словъ: „Второз. III. 19“.	
277	6 сверху	ослѣтъ	о́слѣтъ
—	7 снизу	краѣхъ	краѣхъ

Страница.	Строчка.	Напечатано.	Читай.
278	10 сверху	Ѡ	Ѡ
283	11 —	Ме.	Ис.
303	12—13 снизу	хѠдѣйша,	хѠдѣйша),
305	7 сверху	слаше	слаше
306	10 снизу	тріе	тріе
309	13 —	Осмю	Осмю
313	14 сверху	оумремъ	оумремъ
319	— —	jadox	jadox
321	4 снизу	снѣте	снѣте
322	2 —	ѣгѡ	ѣгѡ
323	7 —	Оба	Оба
327	16 —	мон	мон
328	13 сверху	ндемъ	ндемъ
336	16 снизу	языки	языки
346	11 сверху	оудержимо	оудержимо
348	1 снизу	Эвю	Эвю
351	1 сверху	сниде	сниде
352	16 сверху	вставить: Единственный примѣръ 1-го л. ед. аориста простого: Ѡзъ... возавѣгъ (Дан. IV. 31, Остр. възавѣгъ, Перв. какъ въ Новой).	
—	16 снизу	совѣмъ	почти совѣмъ
—	послѣ 9 —	вставить: Единственный примѣръ 3 л. мн. на -са: ѣгда ѣсамъ тебѣ (Іез. XXIX. 7, Остр. ѣгдасѣ ѣша потѣ).	
356	7 сверху	работѣхъ	работѣхъ
369	9 снизу	мѣнѣхѡвѣ	мѣнѣхѡвѣ
373	3 —	поразиѣхъ	поразиѣхъ
378	10 —	творѣи	творѣи
381	14 сверху	оукрашенна	оукрашенна
382	1 —	Иліодѡръ	Иліодѡръ
—	7 —	ѡрхіерѣи	ѡрхіерѣи
384	13 снизу	творѣи	творѣи
—	8 —	причастіемъ	причастіемъ

Записки Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

4. I. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готеами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарий Гаврііла Дестуниса. П. К. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга 1-ая. 1876.
- II. 1. Ioannis Vossacii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres. Изд. А. Веселовскій. 1876.
2. Индійскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1875 г. И. П. Минаевымъ. 1876.
- III. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка М. Бережкова. 1879.
- IV. Изъ древней исторіи Болгаръ Матвѣя Соколова. 1879.
- V. 1. Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. П. Севастьянова. Тимофея Флоринскаго. 1880.
2. Antiphontis orationes. Edidit Victor Jernstedt. 1880.
- VI. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готеами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарий Гаврііла Дестуниса. П. К. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга 2-ая. 1880. Приложение: О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ Аттической Аѳинѣ. Греческое стихотвореніе эпохи Турецкаго погрома. Издаль, перевелъ и объяснилъ Г. Дестунисъ. 1881.
- VII. Психологія. Изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни М. Владиславлева. Тома I и II. 1881.
- VIII. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. 1881.
- IX. Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка К. Я. Грота. 1881.
- X. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. 1-ый и 2-ой періоды жизни и дѣятельности (1799—1826) А. Незеленова. 1882.
- XI. Изъ исторіи Аѳинскихъ драматическихъ состязаній П. Никитина. 1882.
- XII. Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle par Vladimir Lamansky. 1884.

- Ч. XIII. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи Е. Замысловскаго. 1884. Приложение: Матеріалы для ист.-геогр. атласа Россіи XVI в. 1884.
- XIV. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ Г. В. Форстена. 1884.
- XV. Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.) А. А. Барбашева. 1885.
- XVI. Буддизмъ. Исслѣдованія и матеріалы И. П. Миннаева. Томъ I. Вып. 1 и 2. 1887.
- XVII. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка, Евгенія Пѣтухова. 1888.
- XVIII. Опытъ построения теоріи матеріи на принципахъ критической философіи А. Введенскаго. Часть первая. 1888.
- XIX. Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка Н. Ланге. Часть первая. 1888.
- XX. Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ. Н. М. Бубнова. 1890.
- XXI. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ Г. В. Форстена. 1889.
- XXII. Города московскаго государства въ XVI вѣкѣ Н. Д. Чечулина. 1889.
- XXIII. Организція прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Исслѣдованіе А. Лапцоданилевскаго. 1890.
- XXIV. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651 — 1709) И. А. Шляпкина. 1891.
- XXV. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. П. А. Сырку. 1891.
- XXVI. Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи. Палеографическіе и филологическіе этюды В. К. Ернштедта. 1891.
- XXVII. Сочиненіе Джильса Флетчера «On the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ. С. М. Середонина. 1891.
- XXVIII. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами Вандилами и Готами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарий Гавріила Дестуниса. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Вандалами. Книга первая. 1891.
- XXIX. Житіе иже во святыхъ отца нашего Θεодора архієпископа Едесскаго. Издаль И. Помяловскій. 1892.
- XXX. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Н. Карѣева. 1892.
- XXXI. Акты и письма къ исторіи балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. В. Форстена. Выпускъ второй. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. А. Е. Прѣснякова. 1893.

13

